

ОСНОВАНІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни наука является гораздо позднѣе практики, систематическое изслѣдованіе способовъ, по которымъ дѣйствуютъ силы природы, бываетъ позднимъ продуктомъ долгаго ряда усилій обращать эти силы на служеніе практическимъ цѣлямъ. Политическая экономія, какъ отрасль науки, возникла очень недавно. Но предметъ ея изслѣдованій необходимо былъ во всѣ вѣка однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшимъ собою всѣ другіе интересы.

Этотъ предметъ—богатство. Экономисты поставляютъ цѣлью своей науки изслѣдованія о сущности богатства, законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно въ этотъ кругъ входитъ пзложеніе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ хорошее или дурное состояніе человѣчества вообще или извѣстнаго человѣческаго общества по отношенію къ предмету всеобщаго желанія людей, богатству. Трактатъ о политической экономіи не можетъ ни разобрать подробно, ни даже перечислить всѣхъ этихъ причинъ; но онъ долженъ изложить наши свѣдѣнія о законахъ и принципахъ, по которымъ онѣ дѣйствуютъ.

Что такое богатство, объ этомъ каждый имѣетъ понятіе достаточно правильное для обыкновенной рѣчи, и никто не смѣшаетъ изслѣдованій о богатствѣ съ изслѣдованіями о какомъ нибудь другомъ изъ великихъ человѣческихъ интересахъ. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ—дѣло одного рода, быть просвѣщеннымъ, мужественнымъ или гуманнымъ—дѣла иного рода; что вопросы о томъ, отчего нація становится богата, совершенно различны отъ изысканій о томъ, отчего она становится свободна, или нравственно хороша, или славна литературою, изящными искусствами, оружіемъ, политическими учрежденіями. Правда, всѣ эти вещи косвенно связаны между собою взаимнымъ вліяніемъ. Народъ становится иногда свободенъ оттого, что сталъ богатъ, иногда богатъ оттого, что сталъ свободенъ. Вѣра и законы народа имѣютъ могущественное вліяніе на его экономическое состояніе: оно, въ свою очередь, черезъ вліяніе на умственное развитіе и общественныя отношенія народа, дѣйствуетъ на его вѣру и законы. Но при всей связи между собою, эти предметы существенно различны, и никто въ томъ никогда не сомнѣвался.

Здѣсь не нужно хлопотать о тонкой метафизической строгости опредѣленій, когда понятія, возбуждаемыя терминами, имѣютъ и безъ того точность, удовлетворительную для дѣла. Но какъ ни трудно было бы ожидать вредной смутности понятій по предмету столь простому, какъ вопросъ о томъ, что должно считаться богатствомъ, исторія говоритъ, что эта смутность понятій существовала; мыслители и государственные люди одинаково страдали ею, и было время, когда они всё страдали ею; и въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній она давала совершенно ложное направленіе европейской государственной жизни. Я говорю о теоріи, которую со времени Адама Смита стали называть меркантильною системою.

Во время господства этой системы надъ всей государственной жизнью явно или тайно владычествовало предположеніе, что богатство составляютъ единственно деньги, или драгоценныя металлы, которые можно прямо превратить въ деньги. По тогдашнимъ понятіямъ, все, что ведетъ къ накопленію въ странѣ денегъ или вообще золота или серебра, обогащаетъ ее, а отъ всякаго вывоза драгоценныхъ металловъ страна бѣднѣетъ. Если въ ней нѣтъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, она можетъ обогащаться только одною отраслью промышленности, вѣдущею торговлею, которая одна можетъ вносить въ нее деньги. Если предполагалось, что извѣстная отрасль промышленности уносить изъ страны больше денегъ, нежели вносить въ нее, она считалась убыточною, какъ бы велико и цѣнно ни было ея производство. Вывозъ товаровъ покровительствовался и поощрялся (даже средствами, очень обременительными для истинныхъ источниковъ богатства страны), потому что уплата за вывозимыя товары считается на деньги, и тогда воображали, что она дѣйствительно будетъ произведена золотомъ и серебромъ. Думали, что при ввозѣ чего бы то ни было, кромѣ драгоценныхъ металловъ, нація теряетъ всю цѣну ввезенныхъ вещей; исключеніе составляли только вещи ввозимыя для того, чтобы быть вывезенными обратно съ прибылью, и материалы или инструменты для промышленности, производящейся въ самой странѣ, потому что они даютъ возможность увеличивать вывозъ, дешевле производя вывозные товары. Всемирная торговля считалась борьбою націй изъ-за того, которой между ними удастся забрать къ себѣ наибольшее количество золота и серебра; думали, что въ этомъ состязаніи нація выигрываетъ только нанося убытокъ другимъ или отнимая у нихъ выгоду.

Всеобщее убѣжденіе одного вѣка,—убѣжденіе, отъ котораго никто не *былъ* тогда и безъ чрезвычайныхъ усилій генія и мужества не *могъ* стать свободенъ,—часто становится для послѣдующаго вѣка такою осязательною нелѣпостью, что трудно дѣлается вообразить, какъ могли когда нибудь вѣрить подобной вещи. Такъ случилось съ ученіемъ, что деньги и богатство—синонимы. Теперь кажется, что нельзя смотрѣть какъ на серьезное мнѣніе, на такую вздорную несообразность. Она кажется похожею на нескладныя фантазіи дѣтства, мгновенно разрушаемыя однимъ словомъ взрослого чело- вѣка. Но пусть никто не говоритъ, что избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ во времена его владычества. Всѣ мысли, возбуждаемыя обыкновенными житейскими дѣлами каждаго, были въ пользу такого мнѣнія, и пока эти мысли служили единственными основаніями соображеній, казалось аксіомою то, что является теперь грубѣйшею нелѣпостью. Правда, какъ только подвергли критикѣ эту иллюзію, она исчезла; но никому не могло придти въ голову подвергнуть ее критикѣ, пока умъ его не свылся съ особенными приемами изслѣдованія экономическихъ феноменовъ, вошедшими въ обыкновенный образъ мыслей только благодаря вліянію Адама Смита и его комментаторовъ.

Въ обыкновенной рѣчи богатство всегда оцѣнивается на деньги. Если вы спросите, какъ богатъ такой-то, вамъ отвѣчаютъ, что у него столько-то тысячъ фунтовъ. Всѣ доходы и расходы, барыши и убытки, всѣ переменны въ богатствѣ считаются за полученіе и трату извѣстнаго количества денегъ. Правда, что въ счетъ имущества человѣка вносятъ не только деньги, которыя онъ имѣетъ на лицо или долженъ получить, но и всѣ другія вещи, имѣющія цѣнность; но эти вещи считаются не сами по себѣ, а по суммамъ денегъ, за какія можно продать ихъ, и если бы онѣ стали продаваться дешевле, ихъ владѣлецъ считался бы менѣе богатъ, хотя сами по себѣ эти вещи остались бы прежнія. Правда также, люди богатѣютъ не тѣмъ, что держать деньги безъ употребленія, а надобно расходовать ихъ для полученія прибыли. Человѣкъ, обогащающійся торговлею, богатѣетъ тѣмъ, что отдавая товары за деньги, отдастъ и деньги за товары; вторая часть въ этомъ оборотѣ также необходима, какъ и первая. Но покупая товары для барыша, онъ покупаетъ ихъ для того, чтобы опять продать за деньги, покупаетъ въ ожиданіи получить за нихъ больше денегъ, нежели заплатилъ. Потому полученіе денегъ даже ему самому кажется окончательною цѣлью всѣхъ оборотовъ. Часто онъ получаетъ уплату не деньгами, а тѣмъ, что беретъ другіе товары на цѣнность, равную цѣнности проданныхъ имъ. Но онъ принимаетъ ихъ въ уплату по денежной оцѣнкѣ и только въ предположеніи выручить за нихъ больше денегъ, чѣмъ за сколько передаются они ему. У торговца, имѣющаго обширные и быстрые обороты, въ наличныхъ деньгахъ всегда находится только небольшая часть капитала. Но онъ цѣнитъ свой капиталъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ обратить его въ деньги; онъ считаетъ каждый оборотъ законченнымъ лишь тогда, когда чистый результатъ оборота уплаченъ ему въ деньгахъ, или высчитанъ въ долгу на комъ нибудь также въ деньгахъ. Когда онъ выходитъ изъ дѣла, онъ обращаетъ весь капиталъ въ деньги, и только тогда считаетъ себя реализировавшимъ приобрѣтенное торговлею состояніе. При всѣхъ этихъ дѣлахъ деньги считаются будто бы единственнымъ богатствомъ, а другія вещи, стояція денегъ, только средствами къ ихъ полученію. Можно сказать: деньгами дорожатъ только потому, что онѣ служатъ на удовлетвореніе потребностей и на доставленіе удовольствій себѣ или другимъ. Но поборникъ меркантильной системы ни мало не затруднится этимъ возраженіемъ. Правда, скажетъ онъ, таково назначеніе богатства; это назначеніе очень похвальное, если ограничивается отечественными товарами, потому что, покупая ихъ, вы обогащаете другихъ вашихъ соотечественниковъ тою самою суммою, какую расходуете. Тратьте ваше богатство на удовлетвореніе какимъ угодно вашимъ желаніямъ; но богатство не въ желаніяхъ, оно въ той суммѣ денегъ, за которую вы покупаете удовлетвореніе имъ, или въ деньгахъ, составляющихъ вашъ доходъ.

Мы видимъ, что есть множество поводовъ, располагающихъ принимать мнѣніе, которое служитъ источникомъ меркантильной системы. Есть даже дѣйствительное основаніе дѣлать между деньгами и всѣми другими цѣнными вещами то различіе, которому даетъ она такую громадную важность; основаніе это не очень сильно и совершенно недостаточно, но оно есть. Мы цѣнимъ выгоды, доставляемыя человѣку богатствомъ, не по количеству полезныхъ и пріятныхъ вещей, которыми онъ фактически пользуется, а по размѣру его власти надъ всею массою полезныхъ и пріятныхъ вещей, — мы дѣйствительно имѣемъ такой взглядъ и онъ справедливъ: богатство человѣка измѣряется объемомъ находящейся у него силы удовлетворять всякой своей надобности, всякому желанію, а эта сила въ деньгахъ, и всѣ другія вещи въ цивилизованномъ обществѣ даютъ ее новидимому только своею годностью къ промѣну на деньги. Вла-

дѣть какою нибудь другою цѣнною вещью значить владѣть именно только этою вещью; если вамъ нужна вмѣсто нея иная вещь, вы должны сначала продать вашу вещь, или подвергаться неудобству и промедленію отыскивая человѣка, который владѣлъ бы вещью вамъ нужною и хотѣлъ бы промѣнять ее на вашу вещь; а, быть можетъ, такого человѣка и вовсе не найдется. Но съ деньгами вы можете прямо купить какую угодно изъ всѣхъ продажныхъ вещей, и человѣкъ, состояніе котораго находится въ деньгахъ или въ вещахъ, быстро обращаемыхъ въ деньги, владѣть, по своему и по общему мнѣнію, не одною какою нибудь вещью, а всѣми вещами, выборъ между которыми предоставляютъ ему деньги. На удовлетвореніе надобностей владѣльца идетъ лишь незначительная часть его богатства; главная выгода отъ всего остального богатства та, что въ немъ хранится владѣльцу сила исполнять всякія вообще желанія; эта сила дается деньгами гораздо прямѣе и вѣрнѣе, чѣмъ другими родами богатства. Деньги—единственная форма его, годная не для одной какой нибудь надобности, а прямо пригодная на всякую надобность. Эта разница была тѣмъ замѣтнѣе правительствамъ, что имѣеть большую важность для нихъ. Цивилизованному правительству удобно пользоваться только тѣми налогами, которые собираются въ деньгахъ, и едва ли можно какими нибудь другими вещами, кромѣ денегъ, производить большія и быстрыя уплаты, особенно когда онѣ должны идти за границу, на военные расходы или на субсидіи, для завоеваній или для отвращенія отъ себя пораженія (а эти двѣ вещи до недавняго времени были главными заботами національной политики). Таковы причины, располагающія и частныхъ людей, и правительства при оцѣнкѣ своихъ средствъ придавать почти исключительную важность деньгамъ и драгоценнымъ металламъ, а всѣ другія вещи, съ точки зрѣнія этого разчета, цѣнить только какъ отдаленныя средства къ полученію единственной вещи, дающей всеобщую и прямую возможность пріобрѣтать все, что угодно, и потому ближе всего соответствующей понятію богатства.

Но нелѣпость остается нелѣпостью, хотя бы мы и объяснили поводы, давшіе ей видъ истины. Ложность меркантильной теоріи была замѣчена тотчасъ же, какъ люди начали изслѣдовать сущность дѣлъ и выводить понятіе о нихъ изъ основныхъ фактовъ, а не изъ формъ и выраженій обыкновенной рѣчи. Какъ только люди спросили себя, что такое деньги на самомъ дѣлѣ, въ чемъ ихъ существенный характеръ, къ чему именно онѣ служатъ, тотчасъ же открылось, что деньги, подобно другимъ вещамъ, нужны намъ только потому, что имѣють у насъ свое назначеніе, что деньги пригодны вовсе не ко всякому назначенію, а, напротивъ, имѣють свое частное назначеніе, очень определенное и ограниченное: оно въ томъ, чтобы облегчать распредѣленіе продуктовъ промышленности по пропорціи, принятой лицами, между которыми они дѣлятся. Всмотрѣвшись въ дѣло ближе, увидѣли, что польза, приносимая деньгами, вовсе не увеличивается отъ увеличенія количества денегъ, существующаго и обращающагося въ странѣ: велико или мало это общее количество денегъ, оно одинаково исполняетъ свою службу. Два милліона кварталовъ хлѣба не прокормятъ столько людей, какъ четыре милліона; но при двухъ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ будетъ произведено столь же торговыхъ оборотовъ, куплено и продано столько же товаровъ, какъ при четырехъ милліонахъ, только номинальныя цѣны товаровъ будутъ ниже. Деньги сами по себѣ не удовлетворяютъ никакой потребности человѣка; онѣ дорожатъ ими потому, что онѣ удобная форма для полученія всевозможныхъ его доходовъ, и потомъ, когда ему нужно, обращаетъ эти доходы въ тѣ формы, которыя нужны ему. Страна, имѣющая монету, отличается отъ страны вовсе не имѣющей ея только тѣмъ, что дѣлать обороты въ ней

удобнѣе, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты, все равно какъ легче моты хлѣбъ на водяныхъ, чѣмъ на ручныхъ мельницахъ; или, по сравненію, сдѣланному Адамомъ Смитомъ, деньги полезны въ томъ же родѣ, какъ пути сообщенія: считать деньги за богатство такая же ошибка, какъ считать шоссе, по которому вамъ удобнѣе всего доѣхать до вашего дома или помѣстья, за самый вашъ домъ или помѣстье.

Удовлетворяя надобности, важной для государства и частныхъ лицъ, деньги справедливо считаются богатствомъ; но богатство также и всѣ другія вещи, служащія для человѣческихъ надобностей и не доставляемыя природою за-даромъ. Быть богатымъ значить имѣть большое количество полезныхъ вещей или имѣть средства купить ихъ. Поэтому къ богатству принадлежить всякая вещь, за которую можно покупать другія вещи, въ обмѣнъ за которую дадутъ что нибудь полезное или пріятное. Вещи, за которыя ничего не дадутъ въ обмѣнъ, при всей своей полезности или необходимости, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово въ политической экономіи. Воздухъ, напримѣръ, абсолютнѣйшимъ образомъ необходимъ для насъ, но не имѣетъ никакой цѣны на рынкѣ, потому что получается даромъ; собирать запасъ его было бы напрасно и невгодно; законы его производства и распредѣленія составляютъ предметъ не политической экономіи, а совершенно иной науки. Но хотя воздухъ не богатство, богатство людей чрезвычайно увеличивается тѣмъ, что они получаютъ воздухъ даромъ, потому что время и трудъ, которыя иначе потребовались бы на удовлетвореніе настоятельнѣйшей изъ нашихъ надобностей, надобности въ воздухѣ, теперь могутъ быть употребляемы на другія надобности. Можно вообразить обстоятельства, при которыхъ воздухъ сдѣлался бы богатствомъ. Если бы явился обычай жить въ такихъ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ натуральнымъ образомъ, напримѣръ, въ подводныхъ колоколахъ, опускаемыхъ въ море, доставленіе туда воздуха искусственнымъ путемъ, подобно доставленію воды въ дома, имѣло бы цѣну. И если бы отъ какого нибудь переворота въ природѣ воздуха стало недостаточно для потребленія, или еслибы воздухъ могъ быть монополизированъ, онъ получилъ бы очень высокую рыночную цѣну. Въ такомъ случаѣ, если бы у кого нибудь находился большой запасъ воздуха, онъ, за исключеніемъ части нужной самому владѣльцу, составлялъ бы для него богатство; и на первый взглядъ могло бы казаться, что богатство человѣчества возросло отъ этой перемѣны, которая была бы столь великимъ бѣдствіемъ для людей. Ошибка произошла бы отъ того, что не было принято въ соображеніе одно обстоятельство: какъ богатъ ни сталъ бы владѣлецъ воздуха на счетъ остального общества, всѣ другія люди стали бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую были бы принуждены платить за вещь, получавшуюся ими прежде бесплатно.

Это ведетъ насъ къ важному различенію двухъ значеній въ словѣ богатство: оно имѣетъ одинъ смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, другой смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода. Богатство человѣчества составляютъ только вещи, сами по себѣ служащія на какую нибудь пользу или пріятность. Для отдѣльнаго человѣка богатствомъ бываетъ всякая вещь, которая даетъ ему возможность требовать отъ другихъ какую нибудь часть изъ ихъ запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, хотя бы сама по себѣ была бесполезна. Приведемъ въ примѣръ долговую запись въ 1,000 фунтовъ, данныхъ подъ залогъ помѣстья. Запись эта составляетъ богатство для человѣка, которому даетъ она проценты и который можетъ продать ее иногда за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и если бы она уничтожилась, страна не стала бы отъ того ни богаче, ни бѣднѣе. Кредиторъ по-

терялъ бы 1,000 фунтовъ, владѣлецъ помѣстья выигралъ бы ихъ. Для націи долговая запись не была богатствомъ; она только давала А право на часть богатства В. Она была богатствомъ для А; онъ могъ передать ее третьему лицу,—но онъ собственно передавалъ бы въ ней фактическое право на собственность въ 1,000 фунтовъ изъ помѣстья, номинальнымъ владѣльцемъ котораго былъ одинъ В. Таково же положеніе лицъ, имѣющихъ облигаціи государственнаго долга: они кредиторы на счетъ общаго богатства націи. Уничтоженіе государственнаго долга было бы не уничтоженіемъ богатства, а только передвиженіемъ его, незаконнымъ отяженіемъ богатства у однихъ членовъ общества въ пользу правительства или лицъ, платящихъ налоги. Поэтому собственность, состоящая въ облигаціяхъ государственнаго долга, не можетъ считаться частью національнаго богатства. Это не всегда помнятъ составители статистическихъ вычисленій. Напримѣръ, при вычисленіяхъ валоваго дохода, основанныхъ на суммѣ, доставляемой налогомъ на доходъ, иногда не вычитаются изъ счета доходы, составляемые процентами съ фондовъ; а между тѣмъ налогу этому подлежитъ весь номинальный доходъ лицъ, платящихъ подати, безъ вычета той части дохода, которая берется съ нихъ разными налогами для образованія дохода владѣльцевъ фондовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ вычисленіи часть общаго дохода страны считается два раза, и вся сумма дохода націи выходитъ почти на 30 милліоновъ фунтовъ больше истинной ¹⁾. Но нація можетъ причислять къ своему богатству все капиталы, которые имѣютъ ея граждане въ фондахъ иностранныхъ государствъ и другіе долги, которые имѣютъ они на иностранцахъ. Впрочемъ, и это богатство только потому составляетъ богатство для націи, что даетъ ей часть богатства, принадлежащаго другимъ націямъ ²⁾. Оно не со-

¹⁾ Напримѣръ, въ 1843 году количество доходовъ, подлежащихъ подати, было около 185 милл. ф. стерл. Въ этомъ числѣ были доходы, получаемые владѣльцами государственныхъ фондовъ; проценты по этимъ фондамъ составляли около 30 милл. фунтовъ. Итакъ вся сумма доходовъ дѣлилась по своимъ источникамъ на двѣ части: А) 30 милл. даваемыхъ процентами фондовъ; В) другіе 155 милл., получаемые отъ земель, фабрикъ, домовъ и т. д. Откуда же брались казенно деньги на уплату 30 милл. процентовъ? Изъ податей, то есть съ земли, съ фабрикъ, домовъ и т. д. Стало быть, кромѣ прямого налога съ части В вралось другими налогами еще 30 милл.; они передавались отъ владѣльцевъ В (земель, фабрикъ и пр.) владѣльцамъ А (фондовъ). Если же владѣльцы В, имѣя 155 милл. дохода, платили эти 30 милл. на выдачу процентовъ по фондамъ, у нихъ оставалось изъ 155 милл. только 125 милл. такихъ доходовъ, которыми дѣйствительно они располагали. Ясно, что цифра 185 милл. чисто номинальная цифра. Собственно всехъ доходовъ въ странѣ было не 185 милл., а только 155 милл., изъ которыхъ 30 милл. попадали въ счетъ два раза: во-первыхъ, они считались, находясь еще у людей, извлекавшихъ эти милліоны изъ земли или фабрикъ; во-вторыхъ, тоже считались по переходѣ изъ рукъ этихъ людей къ владѣльцамъ фондовъ.

Помѣстье, дающее 1,000 р. дохода, заложено въ 4,000 р. по 10⁰/₀, то есть кредиторъ получаетъ отъ должника-владѣльца 400 р. въ годъ. Подъ прямую подать эти 400 р. могутъ попасть два раза: владѣлецъ получаетъ съ помѣстья 1,000 рублей и, по 1 копѣйкѣ съ рубля, заплатитъ 10 р. подати; кредиторъ, получающій съ него 400 р., заплатитъ еще 4 р. После этого, пожалуй, можно высчитать, что сумма доходовъ обоихъ этихъ людей будетъ 1,400 р.—вѣдь они платятъ, по 1 коп. съ рубля, 14 рублей. Но дѣло въ томъ, что съ 400 р. по 1 коп. тутъ заплачено два раза, во-первыхъ, должникомъ, во-вторыхъ, кредиторомъ. У должника дохода остается собственно ему принадлежащаго не 1,000 р., а только 600 р.; 400 р. только проходятъ черезъ его руки, какъ черезъ руки кассира или управителя, для передачи настоящему хозяину, кредитору.

²⁾ Напримѣръ, у англійскаго капиталиста, живущаго въ Лондонѣ, есть на 200.000 фунтовъ 5⁰/₀-ныхъ австрійскихъ облигацій; онъ получаетъ по нимъ 10.000 фунтовъ процентовъ отъ австрійскаго правительства. Эти 10.000 собраны не съ англичанъ, а съ австрійцевъ, потому ихъ полученіе англійскимъ капиталистомъ не уменьшаетъ доходовъ никакого другаго англичанина; итакъ эти 10.000 фунтовъ составляютъ чистую прибавку къ общей суммѣ доходовъ, существующей въ Англии. Эти

ставляет части въ общемъ богатствѣ человѣческаго рода: это элементъ, относящійся къ распредѣленію, но не вводящій никакой новой составной части въ общую массу богатства.

Нѣкоторые писатели предлагали такое опредѣленіе: „понятіе богатство соотвѣтствуетъ понятію совокупность орудій“, разумѣя подъ орудіями не одни инструменты и машины, а весь запасъ средствъ къ достиженію цѣлей, принадлежащій отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ ³⁾. Напримѣръ, поле—орудіе, потому что оно средство для полученія пшеницы. Пшеница — орудіе, потому что она средство для полученія муки. Мука — орудіе, потому что она средство для полученія булки. Булка—орудіе, потому что она средство для удовлетворенія голода и поддержанія жизни. Тутъ мы доходимъ наконецъ до вещей, которыя уже не должны называться орудіями, потому что служатъ предметами желанія сами по себѣ, а не какъ простые средства для чего-нибудь иного или выспаго. Это понятіе логически правильно; или, лучше сказать, это выраженіе съ пользою можетъ употребляться на ряду съ другими, не потому, чтобы давало о предметѣ понятіе различное отъ обыкновеннаго, а потому, что даетъ болѣе ясности и реальности обыкновенному понятію.

Итакъ, можно сказать, что богатство составляютъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, имѣющія мѣновую цѣнность; другими словами, всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ какомъ угодно количествѣ получены безъ труда или пожертвованія ⁴⁾. Единственное возраженіе противъ этого опредѣленія, кажется, то, что оно не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, о которомъ очень много спорили: должны ли считаться богатствомъ такъ называемые не вещественные продукты? Надобно ли, напримѣръ, называть богатствомъ ремесленную ловкость работника или вообще всѣ природныя и пріобрѣтенныя силы тѣла или ума? Но это вопросъ не очень важный, и удобнѣе будетъ отложить до другого мѣста (книга I, глава III) разборъ его, на сколько онъ заслуживаетъ разбора.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о богатствѣ, мы должны теперь обратить свое вниманіе на чрезвычайное различіе по богатству между разными націями и между разными эпохами; это различіе простирается и на количество богатства, и на его характеръ, и на его распредѣленіе между членами общества.

Едва ли найдется теперь такой народъ или такое общество, которое существовало бы исключительно тѣми продуктами растительности, которые вырастаютъ сами со-

10,000—часть богатства Англіи. Но онѣ взяты изъ доходовъ жителей Австрійской имперіи, потому должны быть вычитаемы изъ богатства Австрійской имперіи.

³⁾ По англійски это выраженіе, *instruments*, въ примѣненіи къ богатству также странно для обыкновенной рѣчи, какъ выраженіе „орудія“, которымъ оно переведено у насъ. вмѣсто этого довольно страннаго выраженія „орудія“, *instruments*, можно было бы употребить слово „средство“, *means*, которое менѣе шокировало бы непривычный слухъ. Богатство есть то, что служитъ средствомъ.

⁴⁾ Слова „въ какомъ угодно количествѣ“, *in the quantity desired*, важны потому, что есть вещи, которыя въ извѣстномъ количествѣ получаются безъ труда, и не имѣли бы мѣновой цѣнности, если бы не требовалось ихъ больше этого количества; но когда требуется ихъ больше того количества, какое дается отъ природы даромъ, добавочное количество должно уже быть производимо трудомъ, и тогда вещь получаетъ мѣтовую цѣнность. Напримѣръ, въ степяхъ, гдѣ на одну лошадь кочевого племени приходится десятки десятинъ и лошади умѣютъ зимою выбивать траву копытомъ изъ-подъ свѣга, довольно корму производится природою даромъ; но когда населеніе становится гуще съ переходомъ къ земледѣлію и на каждую лошадь приходится уже гораздо меньше земли, человѣку становится нуженъ трудъ, чтобы увеличивать количество корма для лошадей или по крайней мѣрѣ собирать запасы его; тогда сѣно получаетъ мѣтовую цѣнность.

бою. Но еще много есть таких племенъ, которыя живутъ исключительно или почти исключительно на счетъ дикихъ животныхъ, продуктами охоты и рыболовства. Ихъ одежда — звѣриныя шкуры; ихъ жилища — грубые шалаши, покидаемые ими въ одну минуту; пища у нихъ такая, которую нельзя заготовлять на долго, у нихъ нѣтъ запасовъ ея, и часто подвергаются они большимъ лишениямъ. Богатство такого общества состоитъ лишь изъ шкуръ, служащихъ одеждою, нѣсколькихъ украшеній, любимыхъ дикарями, небольшого количества грубой посуды; оружія для охоты и для дракъ съ соперниками по средствамъ существованія; челноковъ для переѣзда черезъ рѣки и озера, или для рыбной ловли на морѣ; быть можетъ, также изъ нѣсколькихъ мѣховъ или другихъ продуктовъ дикой страны, собранныхъ для промѣна цивилизованнымъ людямъ за разныя бездѣлушки, за водку, за табакъ: быть можетъ, нѣкоторая часть этихъ иностранныхъ продуктовъ остается еще не израсходованною. Къ этому скудному списку матеріальнаго богатства дикаго племени надобно прибавить его землю, орудіе производства, которою оно пользуется мало по сравненію съ болѣе устроившимися обществами, но которая все таки служитъ источникомъ его существованія, и которая имѣетъ продажную цѣну, если есть по сосѣдству земледѣльческое общество, которому нужно пріобрѣтать землю. Это состояніе — самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ, въ какихъ существовали или существуютъ извѣстныя намъ цѣлыя общества людей; но должно прибавить, что есть общества гораздо болѣе богатые, въ которыхъ часть населенія находится по отношенію къ средствамъ продовольствія и житейскимъ удобствамъ въ положеніи столь же незавидномъ, какъ дикари.

Первый великій шагъ впередъ изъ этого состоянія то, когда дѣлаются домашними полезныя животныя; изъ этого возникаетъ пастушеское или кочевое состояніе, въ которомъ люди живутъ не продуктами охоты, а молокомъ, вещами приготовляемыми изъ молока и годичнымъ приращеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе лучше прежняго само по себѣ; мало того, оно ведетъ къ дальнѣйшему прогрессу, и при немъ накапливается гораздо значительнѣйшая масса богатства. Пока обширныя натуральныя пастбища земли еще не вполне заняты, пока продукты ихъ не потребляются быстрѣе, нежели воспроизводятся натуральнымъ образомъ, можно собирать, сохранять и постоянно увеличивать большой запасъ продовольствія, почти безъ всякаго труда, кромѣ того чтобы стеречь стада отъ дикихъ звѣрей и отъ хищниковъ. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ племя владѣетъ большими стадами; частные люди пріобрѣтаютъ ихъ своею дѣятельностью и бережливостью, а родоначальники колѣнь — дѣятельностью, людей, связанныхъ съ ними зависимою. Итакъ, въ пастушескомъ состояніи возникаетъ неравенство имуществъ, фактъ почти не существующій въ дикомъ состояніи, гдѣ никто не имѣетъ много избыточнаго сверхъ безусловно-необходимаго и, въ случаѣ недостатка долженъ даже необходимымъ дѣлиться съ своимъ племенемъ. Въ кочующемъ состояніи у нѣкоторыхъ такъ много скота, что они могутъ прокормить множество людей, а другіе не успѣли присвоить и удержать за собою лишняго, или и вовсе не имѣютъ скота. Но средства продовольствія перестали быть невѣрными, потому что людямъ, ведущимъ дѣла успѣшно, нечего дѣлать съ своимъ излишкомъ, кромѣ того, какъ кормить имъ не столь счастливыхъ, а каждое приращеніе въ числѣ лицъ, связанныхъ съ ними, служитъ для нихъ приращеніемъ и безопасности, и могущества. Такимъ образомъ, они получаютъ возможность сложить съ себя всякій трудъ, кромѣ управления и надзора, и пріобрѣтать подвластныхъ, сражающихся за нихъ на войнѣ и служащихъ имъ въ мирѣ. Одно изъ качествъ этого состоянія то, что часть общества и въ нѣко-

торой степени даже все общество пользуется досугомъ. Только часть времени нужна на приобрѣтеніе пищи, и остальное время не поглощается тревожными мыслями о завтрашнемъ днѣ или необходимостью отдыха отъ утомленія мускуловъ. Такая жизнь очень благоприятна возрастанію новыхъ потребностей и открываетъ возможность къ ихъ удовлетворенію. Возникаетъ желаніе имѣть одежду, посуду, орудія лучше прежнихъ; избытокъ пищи дѣлаетъ возможнымъ посвятить на эти занятія часть племени. Во всѣхъ, или почти во всѣхъ, кочующихъ обществахъ мы находимъ домашнюю выдѣлку фабрикатовъ грубаго, а въ нѣкоторыхъ и высокаго сорта. Есть свидѣтельства тому, что когда страны, бывшія колыбелью новой цивилизаціи, находились вообще еще въ номадномъ положеніи, народы ихъ достигли значительной степени искусства въ пряденіи, тканьи и крашеніи шерстяного платья, въ выдѣлкѣ кожъ и даже въ изобрѣтеніи, по всей вѣроятности гораздо труднѣйшемъ, — въ обработываніи металловъ. Даже отвлеченной наукѣ первое начало было дано досугомъ, составляющимъ отличительную черту этого состоянія общественнаго прогресса. Первые астрономическія наблюденія, по преданію, имѣющему большіе признаки истины, приписываются халдейскимъ па-стухамъ.

Переходъ изъ этого состоянія общества къ земледѣльческому состоянію не легко (всякая великая перемяна въ привычкахъ человѣчества трудна и вообще бываетъ или тяжела, или очень медленна); но этотъ переходъ дается, такъ сказать, натуральнымъ развитіемъ дѣлъ. Возрастающее число людей и скота стало съ теченіемъ времени превосходить размѣръ, въ какомъ земля способна доставлять продукты своими натуральными пастбищами. Эта причина безъ всякаго сомнѣнія заставила обратиться къ первому воздѣлыванію земли, точно также какъ въ позднѣйшій періодъ она заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, бросаться на племена уже ставшія земледѣльческими и грабить ихъ до той поры, пока они стали достаточно сильны для отраженія вторгающихся ордъ и, такимъ образомъ лишивъ вторгающіяся націи этого выхода, принудили ихъ также обратиться въ земледѣльческія общества.

Но когда былъ совершенъ этотъ великій шагъ, дальнѣйшій прогрессъ человѣчества (за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ совпаденія чрезвычайно благоприятныхъ обстоятельствъ) сталъ идти не такъ быстро, какъ можно было бы предполагать. Количество человѣческой пищи, производимое землею, даже при самой плохой системѣ земледѣлія, чрезвычайно превосходитъ массу пищи, получаемой въ чисто земледѣльческомъ состояніи, такъ что непремѣннымъ результатомъ перехода бываетъ огромное увеличеніе населенія ⁵⁾. Но это прибавочное количество пищи получается очень значительнымъ увеличеніемъ суммы труда; земледѣльческое населеніе имѣетъ гораздо меньше досуга, нежели пастушеское, и при несовершенствѣ инструментовъ, при неискусной обработкѣ

⁵⁾ Трудно сказать, хотя приблизительнымъ образомъ, какое пространство земли на каждого человѣка нужно для добыванія пищи племенамъ, живущимъ исключительно охотою. Гаспаренъ (*Cours d' Agriculture*, томъ V, стр. 231) говоритъ: „Дичь обильна на равнинахъ Сѣверной Америки, а между тѣмъ они имѣли не болѣе одного жителя на 99 квадратныхъ километровъ“ (около 87 квадр. верстъ, или 9.000 десятинъ). Это явное преувеличеніе, но оно можетъ служить все-таки указаніемъ на чрезвычайную разницу между пространствами, нужными для племени дикарей и для племени, перешедшаго въ кочевое состояніе. По Гаспарену (тамъ же, стр. 231 и слѣд.), номадное племя нуждается въ $1\frac{2}{3}$ гектара ($1\frac{1}{2}$ десятины) земли на душу; при такомъ состояніи Франція могла бы имѣть 19.200.000 жителей. При трехпольномъ хозяйствѣ достаточно 78 десятинъ на продовольствіе 100 человѣкъ населенія. Считая во Франціи только 23 милліоновъ гектаровъ хлѣбныхъ полей, Гаспаренъ на-

(а такая обработка, такі инструменты остаются въ употребленіи долгое время и на большей части земли до сихъ поръ еще не замѣнены лучшими) земледѣльцы не производятъ сверхъ своего личнаго потребленія такого большого излишка пищи, чтобы могло поддерживаться большое количество работниковъ, занятыхъ другими отраслями промышленности. Развѣ только при необычайно-выгодныхъ условіяхъ климата и почвы это бываетъ иначе. Но каковъ бы ни былъ этотъ излишекъ, великъ или малъ, онъ обыкновенно берется у производителей или правительствомъ, которому они подвластны, или частными лицами, которыя посредствомъ силы, или пользуясь религіозными вѣрованіями и наслѣдственными чувствами, внушающими земледѣльцу подчиненіе имъ, присвоили себѣ господство надъ землею.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, присвоеніе правительствомъ, составляетъ характеристическую черту обширныхъ монархій, съ незапамятнаго для исторіи времени занимавшихъ азіатскія равнины. Свойства правительства въ этихъ земляхъ измѣняются по случайнымъ особенностямъ личнаго характера, но оно рѣдко оставляетъ земледѣльцамъ больше того, сколько нужно просто для поддержанія жизни, а часто отнимаетъ у нихъ и это необходимое количество, такъ что, взявъ у нихъ все, что они имѣютъ, оно бываетъ принуждено выдавать имъ взаймы часть взятаго, на посѣвъ и на ихъ прокормленіе до слѣдующей жатвы. При такомъ порядкѣ дѣлъ масса населенія живетъ въ лишеніяхъ; но правительство, собирая съ большого числа людей, по немногу отъ каждаго, получаетъ при малѣйшей расчетливости возможность блистать богатствами, совершенно несоразмѣрными съ общимъ положеніемъ страны. Вотъ источникъ закоренѣлаго мнѣнія о великомъ изобиліи восточныхъ странъ, — ошибка, которую европейцы поняли только въ послѣднее время. Значительная часть этого богатства прилипаетъ къ рукамъ, занимающимся собираніемъ его; то, что доходитъ до правительства, раздѣляется, конечно, между многими людьми, не говоря уже о придворномъ штатѣ государя. Значительная часть распредѣляется между сановниками правительства, любимцами и фаворитками государя. Нѣкоторая часть по временамъ употребляется на общепользные сооруженія. Резервуары, колодези, каналы для орошенія, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ земляхъ едва ли возможно было бы земледѣліе; плотины, ограждающія отъ разливовъ рѣкъ, базары для купцовъ, караванъ-сераи для путешественниковъ, — всѣ эти вещи, которыхъ не могли бы сдѣлать своими скудными средствами пользующіеся ими люди, обязаны своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному своекорыстію лучшихъ изъ числа восточныхъ государей, а иногда добродушію или тщеславію богатыхъ людей, богатства которыхъ, по внимательному изслѣдованію, всегда оказываются происшедшими прямо или косвенно изъ государственнаго дохода, и чаще всего получаютъ черезъ прямой подарокъ части дохода отъ государя.

ходитъ, что исключительно трехпольное хозяйство могло бы кормить во Франціи 32.700.000 жителей. Но при всякомъ улучшеніи въ системѣ воздѣлыванія земли, количество пищи, доставляемой извѣстнымъ пространствомъ, колоссально возрастаетъ. Даже при нынѣшнемъ развитіи земледѣльческаго искусства есть такіе сѣвообороты, которые даютъ продуктовъ въ 10 и больше разъ противъ трехпольнаго хозяйства. Гаспаренъ вычисляетъ сборъ, получаемый отъ слѣдующаго четырехлѣтняго сѣвооборота: 1) картофеля, 2) пшеница, 3) клеверъ или вика, 4) пшеница. Онъ находитъ, что 100 гектаровъ нивы при такой системѣ хозяйства даютъ пищу для 931 человѣка (то есть 100 десятинъ для 116 человѣкъ); полагая, что только 28 милліоновъ гектаровъ, то есть только половина земли во Франціи, была бы удобна для такого сѣвооборота, Франція, по вычисленію Гаспарена, могла бы кормить съ такимъ хозяйствомъ 260 милліоновъ человѣкъ.

Правитель такого общества, богато снабдив самого себя и всѣхъ, къ кому расположенъ, и набравъ на свое прокормленіе столько солдатъ, сколько кажется ему нужнымъ для его безопасности или блеска, имѣетъ остатокъ, которымъ можетъ располагать и который онъ съ удовольствіемъ обмѣниваетъ на предметы роскоши, соотвѣтствующіе его наклонностямъ: такой же остатокъ имѣютъ люди, обогатенные его благосклонностью или собираніемъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, является запросъ на изысканные и дорогіе товары, сообразные съ небольшимъ, но богатымъ рынкомъ. Этотъ запросъ часто удовлетворяется почти исключительно купцами болѣе развитыхъ обществъ; но часто порождаетъ и въ самой странѣ сословіе мастеровыхъ, доводящихъ нѣкоторыя издѣлія до полной степени совершенства, какое можетъ производиться терпѣніемъ, сообразительностью, наблюдательностью и искусствомъ рукъ безъ значительныхъ знаній о качествахъ предметовъ; таковы, напримѣръ, нѣкоторыя индійскія хлопчато-бумажныя издѣлія. Эти мастеровые содержатся тою излишнею пищею, которая взята правительствомъ и его агентами, какъ принадлежащая ему часть продуктовъ. Форма дѣла такъ буквально соответствуетъ его сущности, что въ нѣкоторыхъ странахъ мастеровой не беретъ, какъ у насъ, свою работу домой и не получаетъ за нее плату по ея окончаніи, а, напротивъ, идетъ съ своими инструментами въ домъ человѣка, дѣлающаго заказъ, и получаетъ отъ него пищу во время работы. Но безопасность всякаго имущества при подобномъ положеніи общества располагаетъ даже богатѣйшихъ покупателей отдавать предпочтеніе такимъ товарамъ, которые не могутъ портиться и имѣютъ большую цѣнность при маломъ объемѣ, которые поэтому легко прятать или уносить съ собою. Потому золото и драгоценныя камни составляютъ значительную часть богатства этихъ націй, и у богатаго азіатца почти все его состояніе часто бываетъ надѣто на немъ и на женщинахъ его гарема. Никто кромѣ государя не думаетъ обращать свое богатство въ собственность, которую нельзя унести. Но государь, чувствующій себя прочнымъ на престолѣ и надѣющийся передать престолъ своимъ потомкамъ, предается иногда вкусу къ долговѣчнымъ зданіямъ и сооружаетъ пирамиды или Секундрскій мавзолей и Таджъ-Мегаль. Грубыя издѣлія, назначаемыя для земледѣльцевъ, производятся сельскими мастеровыми, которые вознаграждаются землею, безопшленно отдаваемою въ ихъ пользованіе, или получаемою въ натурѣ частью изъ той доли жатвы, которая оставлена поселянину правительствомъ. Есть при этомъ состояніи общества и торговый классъ; его составляютъ два разряда купцовъ: одни торгуютъ хлѣбомъ, другіе деньгами. Хлѣбные торговцы покупаютъ хлѣбъ обыкновенно не отъ производителей, а отъ чиновниковъ, которые, собирая доходъ натурою, охотно уступаютъ другимъ заботу доставлять его въ тѣ мѣста, гдѣ подлѣ государя собраны главные его гражданскіе и военные сановники, главныя массы его войскъ и мастеровые, удовлетворяющіе надобностямъ этихъ разныхъ лицъ. Торговцы деньгами даютъ займы несчастнымъ земледѣльцамъ, разореннымъ неурожаемъ или казенными поборами, деньги на поддержаніе жизни и на продолженіе земледѣлія, а на слѣдующую жатву получаютъ уплату съ ужасными процентами; или, въ болѣе широкомъ размѣрѣ, они даютъ займы правительству и лицамъ, которымъ оно уступило часть своего дохода; вознаграждаются они полученіемъ уплаты отъ чиновниковъ, собирающихъ доходы, или полученіемъ въ свое владѣніе извѣстныхъ округовъ, доходами съ которыхъ уплачивался бы долгъ; для этого имъ обыкновенно передается значительная часть правительственной власти, которою они пользуются пока округи будутъ выкуплены, или доходами съ нихъ ликвидируется долгъ. Такимъ образомъ, коммерческія операціи того и другого класса торгов-

цевъ имѣють своимъ главнымъ матеріаломъ ту часть продуктовъ, которая составляетъ доходъ правительства. Изъ этого дохода періодически уплачивается ихъ капиталъ съ прибылью, и тотъ же самый доходъ былъ почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго произошелъ ихъ первоначальный капиталъ. Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе почти всѣхъ азіатскихъ земель, существовавшее въ нихъ со временъ, предшествовавшихъ началу достовѣрной исторіи, и продолжающее существовать до нынѣ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ не измѣнилось оно отъ иностранныхъ вліяній.

Не таковъ былъ ходъ дѣлъ въ тѣхъ земледѣльческихъ обществахъ древней Европы, раннее состояніе которыхъ хорошо намъ извѣстно. Почти всѣ они при своемъ началѣ были маленькими городскими обществами; при основаніи ихъ въ странѣ не занятой или въ странѣ, изъ которой были изгнаны прежніе жители, земля, бравшаяся въ собственность поселенцевъ, была правильно раздѣляема равными, или почти равными, участками между семействами, составлявшими общество. Иногда былъ не одинъ городъ, а союзъ нѣсколькихъ городовъ, занятыхъ людьми, которые считали себя происходящими отъ одного племени и поселившимися въ странѣ около одного и того же времени. Каждая семья производила сама свою пищу и матеріалы для своей одежды, изъ которыхъ ткались, обыкновенно женщинами, грубая издѣлія, удовлетворявшія тому вѣку. Налоговъ не было никакихъ, потому что или не было чиновниковъ, получавшихъ плату, или плата этимъ чиновникамъ производилась продуктами назначенной для того части земли, которую обрабатывали рабы въ пользу государства; а войско состояло изъ общества гражданъ. Такимъ образомъ всѣ продукты земли принадлежали безъ всякаго вычета семейству, ее воздѣлывающему. Пока прогрессъ событій позволялъ сохраняться такому положенію собственности, состояніе общества, по всей вѣроятности, было не дурно для большинства свободныхъ земледѣльцевъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ прогрессъ человечества въ умственномъ развитіи былъ необыкновенно быстръ и блистателенъ при такомъ состояніи. Въ особенности происходило это тамъ, гдѣ съ выгодными условіями племени и климата и при разныхъ благопріятныхъ случайностяхъ, всякій слѣдъ которыхъ потерянь, была соединена выгода прибрежнаго положенія у большаго внутренняго моря, другіе берега котораго были уже заняты довольно развитыми обществами. При знакомствѣ съ иностранными продуктами, приобретаемымъ въ такой мѣстности, при легкомъ доступѣ къ иностраннымъ идеямъ и изобрѣтеніямъ, ослаблялась на этихъ обществахъ цѣль рутинны, столь крѣпко связывающая необразованные народы. Обращая вниманіе только на ихъ промышленное развитіе, надобно сказать, что они рано приобрѣли разнообразныя и многочисленныя потребности и желанія, возбуждавшія ихъ извлекать изъ своей земли всю возможную массу продуктовъ, какую только умѣли они извлечь; а когда ихъ земля была неплодна или когда они уже извлекли изъ нея все, что можно, они часто становились торговцами и покупали продукты чужихъ земель, чтобы съ прибылью продавать ихъ въ другихъ земляхъ.

Но существованіе такого состоянія было съ самаго начала не прочно. Эти маленькія общества жили въ состояніи почти непрерывной войны. Къ войнѣ было много причинъ. Въ болѣе грубыхъ и чисто земледѣльческихъ обществахъ причиною ея часто бывала просто стѣсненность возросшаго населенія въ ихъ маленькой землѣ: эта стѣсненность часто увеличивалась неурожаями, при грубомъ состояніи ихъ земледѣлія и при зависимости ихъ въ своемъ продовольствіи отъ одной и притомъ очень небольшой мѣстности. Когда являлись такіе случаи, общество часто эмигрировало всею массою, или высылало толпу своей молодежи съ оружіемъ въ рукахъ искать менѣе воинствен-

наго народа, чтобы выгнать его изъ его земли или удержать на ней въ невольничествѣ для обработки ея въ пользу пришельцевъ, завладѣвшихъ ею. Болѣе счастливыя племена дѣлали по честолюбію и воинственности то же самое, что менѣ развитыя дѣлали отъ нужды, и черезъ нѣсколько времени всѣ эти городскія общества стали завоевателями или завоеванными. Иногда завоевавшее государство довольствовалось наложеніемъ дани на побѣжденныхъ, которые, неся это бремя, освобождались отъ хлопотъ о защищеніи себя сухопутными и морскими силами и, благодаря такому облегченію, могли подъ своимъ игомъ пользоваться значительною долей экономическаго благосостоянія; а побѣдившее общество получало излишекъ богатства, который могло употреблять на дѣла общественной роскоши и великолѣпія. Изъ такого излишка были построены Парѳенонъ и Пропилеи, дана плата за статуи Фидіа, праздновались торжества, для которыхъ писали свои драмы Эсхилъ, Софокль, Эврипидъ и Аристофанъ. Но это состояніе политическихъ отношеній, бывшее, пока длилось, очень полезнымъ прогрессу и высшему интересу человѣчества, не имѣло въ себѣ элементовъ долговѣчности. Небольшое завоевательное общество, которое не сливается съ собою въ одно цѣлое съ завоеваніемъ, всегда кончается тѣмъ, что само подвергается завоеванію. Такимъ образомъ всеобщее владычество осталось наконецъ за народомъ, знавшимъ искусство сливать съ собою побѣжденныхъ, за римлянами, которые, какія бы дѣла ни вели, всегда или начинали или кончали тѣмъ, что брали у другихъ народовъ большую часть земли для обогащенія своихъ главныхъ гражданъ и принимали въ правительствующее сословіе главныхъ землевладѣльцевъ остальной части. Нѣтъ надобности останавливаться на темной сторонѣ экономической исторіи Римской имперіи. Неравенство богатства, разъ начавшись, гигантски развивается въ обществѣ, которое не занято постоянно тѣмъ, чтобы посредствомъ промышленности поправлять несправедливости счастья; меньшія массы богатства поглощаются большими массами. Римская имперія оказалась на послѣдокъ покрыта громадными поземельными владѣніями небольшого числа семей, для роскошныхъ удовольствій, а еще больше для тщеславнаго блеска которыхъ производились самые дорогіе продукты, между тѣмъ какъ воздѣльватели земли были рабами или мелкими фермерами, находившимися въ состояніи близкомъ къ рабскому. Съ той поры богатство имперіи стало все больше и больше падать; общественныхъ доходовъ и частныхъ богатствъ доставало сначала хотя на то, чтобы покрыть Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но постепенно эти средства до того изсякли подъ изнуряющимъ вліяніемъ дурнаго управленія, что остатки ихъ оказывались недостаточными даже для поддержанія построенныхъ зданій. Силы и богатства цивилизованнаго міра сдѣлались недостаточны на удержаніе напора кочующихъ племенъ, опоясывавшихъ сѣверную границу имперіи; эти племена наводнили имперію и на ея мѣстѣ возникъ иной порядокъ дѣлъ.

Европейское общество переформировалось теперь въ новый видъ. Населеніе каждой страны можно считать при этой формѣ состоявшимъ изъ двухъ неравныхъ по числу націй или племенъ—пѣ завоевателей и завоеванныхъ. Завоеватели были собственники земли, завоеванные—воздѣльватели ея. Этимъ воздѣльвателямъ дозволялось пользоваться землею на условіяхъ, созданныхъ насиліемъ и потому всегда обременительныхъ, но рѣдко доходившихъ до размѣра полнаго рабства. Еще въ послѣднія времена Римской имперіи значительная часть сельскихъ рабовъ перешла въ положеніе, подобное крѣпостному состоянію: римскіе „колонны“ были скорѣе крѣпостные люди, чѣмъ рабы въ полномъ смыслѣ; а варвары, завоевавшіе имперію, по своей неспособности и неохотѣ къ личному управленію промышленными занятіями, неизбежно припуждены были дать

земледѣльцамъ, въ поощреніе къ труду, нѣкоторую долю фактическаго интереса въ воздѣлываніи земли. Если требовалось, чтобы они поставляли въ замокъ разные продукты, нужные на обыкновенное потребленіе его жителей, если эти реквизиціи часто бывали чрезмѣрны, то все-таки, по исполненіи требуемыхъ поставокъ, имъ дозволялось свободно располагать всѣми оставшимися продуктами, какіе они могли собрать. При такой системѣ, крѣпостнымъ людямъ въ средніе вѣка было возможно, какъ возможно теперь въ Россіи (гдѣ господствуетъ система, въ сущности сходная съ этою), приобретать собственность; и дѣйствительно, накопленные ими сбереженія составляютъ первоначальный источникъ богатства новой Европы.

Въ тѣ вѣка насилій и безпорядка, первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной земледѣлецъ пзъ маленькаго запаса, накопленнаго имъ, состояло въ томъ, чтобы купить себѣ свободу и удалиться въ какойнибудь городъ или укрѣпленную деревню, уцѣлѣвшую со времени римскаго владычества, или, не выкупивъ своей свободы, скрыться туда. Въ этомъ убѣжищѣ, окруженный другими людьми своего класса, онъ пытался жить, нѣсколько ограждаясь отъ притѣсненій и обидъ военной касты мужествомъ своимъ и своихъ товарищей. Эти освободившіеся крѣпостные почти всѣ становились мастеровыми и жили промѣномъ продуктовъ своей промышленности на излишекъ матеріаловъ и пищи, доставляемыхъ землею феодальнымъ ея собственникамъ. Такимъ образомъ возникло въ Европѣ нѣчто подобное экономическому положенію азіатскихъ странъ; но разница была въ томъ, что вмѣсто одного азіатскаго монарха съ толпою фаворитовъ и чиновниковъ, безпрестанно мѣняемыхъ, въ Европѣ находился многочисленный классъ большихъ землевладѣльцевъ, имѣвшій довольно прочную наследственность; они выказывали гораздо менѣе блеска, потому что каждый изъ нихъ располагалъ гораздо меньшимъ излишкомъ продуктовъ, и долгое время часть этого излишка расходовалась на содержаніе свиты тѣлохранителей, бывшихъ необходимыми для безопасности господина по вопиющимъ обычаямъ общества и по недостаточности охраненія, доставляемаго правительствомъ. Въ такомъ порядкѣ дѣлъ было больше постоянства, прочности для личнаго положенія отдѣльныхъ людей, нежели въ азіатской системѣ, которой оно въ экономическомъ отношеніи соответствовало, и это было одною изъ главныхъ причинъ того, что оно оказалось болѣе благоприятнымъ развитію ⁶⁾. Съ той поры экономическій прогрессъ общества былъ не-

⁶⁾ Въ числѣ предубѣжденій, о которыхъ быть можетъ и надобно сказать, что въ нихъ есть нѣкоторая, небольшая, часть истины, но которыя безъ всякаго сомнѣнія теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень замѣтное мѣсто занимаетъ предразсудокъ, будто особенныя племенные свойства, происходящія отъ особенностей самого организма, играютъ очень сильную роль въ судьбѣ народовъ; будто одинъ народъ по самой своей природной натурѣ, по своей расѣ, неспособенъ къ тому, къ чему способенъ другой народъ также по своей расѣ. Главною опорой этого ошибочнаго мнѣнія представляется неподвижность азіатскихъ народовъ по сравненію съ прогрессивностью исторіи европейскихъ народовъ. Но тутъ оказывается, что придають важность гипотезѣ только по невниманію къ фактамъ, которые или совершенно уничтожаютъ надобность въ ней, или оставляютъ ей очень мало мѣста. Одну изъ дѣйствительныхъ причинъ разницы въ судьбѣ европейскихъ и азіатскихъ народовъ указываетъ Мильтъ, и конечно, не отъ массы населенія, не отъ побѣжденныхъ туземцевъ зависяло то различіе, что у германскихъ завоевателей было множество предводителей, а у дикарей, нападавшихъ на азіатскія земледѣльческія страны, только по одному предводителю. Мильтъ справедливо находитъ, что эта многочисленность владѣльцевъ-завоевателей была одною изъ главныхъ причинъ, давшихъ Европѣ возможность прогресса, которой лишена была Азія сосредоточенностью господства въ одномъ предводителѣ. Но еще важнѣе географическое положеніе. Западная Европа такъ далека отъ степей средней Азіи, главнаго центра, изъ котораго выходятъ вторгающіеся кочевые народы, что въ послѣднія 2000 лѣтъ они только одинъ разъ успѣли проник-

прерывень. Безопасность личности и собственности постоянно, хотя медленно возрастала; житейскія искусства постоянно развивались; грабеж пересталъ быть главнымъ источникомъ накопленія богатствъ, и феодальная Европа обратилась въ коммерческую и мануфактурную Европу. Въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ, города Италіи и Фландріи, вольные города Германіи, нѣкоторые города Франціи и Англій имѣли большое населеніе энергическихъ ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, имущество которыхъ было приобретено черезъ мануфактурную промышленность или черезъ торговлю продуктами ея. Общины Англій, третье сословіе Франціи и вообще буржуазія континента составились изъ потомковъ этого сословія. Они были сословіе сберегающее, а потомки феодальной аристократіи—сословіе расточающее, потому буржуазія постепенно замѣстила аристократовъ во владѣніи значительною частью земли. Этотъ естественный ходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялся законами, составленными съ цѣлью удержать землю за фа-

нуть въ все. Орды Чингизъ-хана, Тамерлана и Османовъ или вовсе не доходили до Западной Европы, или едва касались ея предѣловъ, просто по отдаленности. Западно-европейское земледѣльческое населеніе вотъ уже 1400 лѣтъ избавлено отъ новыхъ наводненной варварства, и въ этотъ долгій періодъ имѣло время окрѣпнуть, устроить свои дѣла. Такого досуга не имѣли азіатскіе земледѣльческіе народы. Возьмемъ въ примѣръ Индію и Малую Азію. Съ X вѣка Индія подвергалась три раза нашествіямъ, подобнымъ тому, что называется въ западной исторіи переселеніемъ народовъ или завоеваніемъ римскихъ провинцій варварами: ее поочередно заводняли газневиды, орды Бабера и наконецъ кочевыя орды Шаха Надира изъ Персіи. Тоже было въ Малой Азіи: послѣ бедуиновъ явились сельджукскіе турки, потомъ османы, потомъ Тамерланъ, потомъ опять османы. Едва успѣвали разлабѣть и нѣсколько цивилизоваться, нѣсколько слиться съ завоеванными земледѣльцами одни дикіе завоеватели, едва начинало устроиваться нѣчто подобное тому положенію, къ какому пришла Европа въ IX и X вѣкахъ, какъ являлись новыя орды дикихъ завоевателей и повторялась исторія, которая была съ Европою въ IV и V вѣкахъ. Представимъ себѣ, что западная Европа въ X вѣкѣ подверглась тому же, что было съ нею въ V вѣкѣ, и что въ XV столѣтіи повторилась та же гибель. Великъ ли былъ экономической и законодательный прогрессъ съ V до X вѣка? Все это время прошло почти только въ томъ, что дикіе пришельцы V вѣка сливались съ завоеванными на національности съ туземцами. Вообразимъ же себѣ, что надобно было не одинъ разъ, а три раза совершиться этому процессу уподобленія въ послѣдніи 1400 лѣтъ и что каждый разъ, едва онъ приходилъ къ концу, являлись дикари, при которыхъ дѣло должно было повториться съ прежняго начала. Какой видъ должно имѣть экономическое, юридическое и умственное положеніе туземцевъ? Нѣсколько разъ они выбиваются изъ рабства и владычества дикости и каждый разъ снова низвергаются постороннею силою въ гибель насильственного дикаго господства. Какое тутъ вліяніе ихъ расы? Это просто вліяніе соседства степей Средней Азіи, періодически извергающихъ на всѣ окружныя земледѣльческія страны потоки варварской лавы. Особенности туземной расы тутъ ничего не значатъ, какъ ничего не значатъ особенности почвы, слишкомъ близко лежащей къ подножію Везувія: она со всѣми своими геологическими свойствами постоянно заливается массою совершенно грубою, истребляющею всякую растительность; проходятъ вѣка, лава начипаетъ вывѣтриваться, живая сила природы начинается покрывать ее слоємъ удобнымъ для человѣческой жизни, — но уже стремится новый потокъ прежней огненной лавы, сожигающей все, успѣвшее вырасти, одѣвающей все каменнымъ саваномъ. А на двадцать верстъ дальше, второму и слѣдующимъ потокамъ не удалось добраться, и люди въ этихъ мѣстахъ, воспользовавшись болѣе долгимъ срокомъ, уже успѣли построить стѣны, прокопать рвы, черезъ которые уже не перельется до нихъ лава, если бы и устремилась когда нибудь въ ихъ далекія отъ кратера мѣста. Послѣ этого вы можете толковать о различіи западно-европейскихъ расъ отъ какой нибудь, напримѣръ, персидской расы: мы, романскіе, германскіе, славянскіе народы способны къ цивилизаціи по своей расѣ, а вотъ персіане до сихъ поръ не умѣли выбиться изъ положенія, какое у насъ было въ VII или IX вѣкахъ; стало быть, ихъ раса не способна или менѣе способна. Но вѣдь это просто смѣшно. Персіане, напримѣръ, вѣтвь одной расы съ западными европейцами, и филологи доказали, что разница между персидскою вѣтвью и нѣмецкою вѣтвью менѣе велика, нежели между нѣмецкою и романскою. Вспомнимъ, что Лейбницъ, никогда не имѣвъ понятія о персидскомъ языкѣ, былъ въ состояніи понимать по цѣлымъ стихамъ и даже цѣлымъ двустишіямъ въ персидскихъ стихотвореніяхъ просто оттого, что былъ нѣмецъ. По французски или по испански нѣмецъ не пойметъ и двухъ словъ къ ряду,

миліями владѣльцевъ ея, въ другихъ случаяхъ ускорился политическими переворотами. Постепенно, хотя медленно, сами земледѣльцы во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ вышли изъ рабскаго или полу-рабскаго состоянія; впрочемъ при одинаковости этой главной черты, положеніе ихъ и въ юридическомъ и въ экономическомъ отношеніяхъ чрезвычайно различно у разныхъ націй Европы и въ великихъ обществахъ, основанныхъ потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

Въ мірѣ нынѣ есть много обширныхъ странъ, имѣющихъ разнообразныя элементы богатства въ такой степени изобилія, которой даже не могли себѣ вообразить люди прежнихъ вѣковъ. Безъ обязательнаго труда, ежегодно извлекается пзъ земли громадное количество пищи, которымъ содержится, кромѣ людей производящихъ его, такое же, а иногда и большее число работниковъ, занятыхъ производствомъ безчисленно разнообразныхъ предметовъ надобности и роскоши или перевозкою ихъ съ одного мѣста на другое, также множество лицъ, занятыхъ управленіемъ и надзоромъ по разнымъ дѣламъ; а кромѣ всѣхъ и выше всѣхъ этихъ людей находится еще классъ, болѣе многочисленный чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ древнихъ обществахъ, состоящій изъ людей, занятія которыхъ не прямо производительны, и изъ людей безъ всякаго занятія. Пища, собираемая теперь, кормитъ на данномъ пространствѣ населеніе гораздо болѣе значительное, чѣмъ

если не знакомъ съ этими языками. Напримѣръ, слово дочь только въ персидскомъ и въ нѣмецкомъ сохранило коренное сочетаніе звуковъ ХТ передъ окончаніемъ Р, также исчезнувшимъ, напримѣръ, у насъ и также одинаково сохранившимся въ нѣмецкомъ и персидскомъ въ словахъ, относящихся къ ближайшему родству.

нѣм.	англ.	перс.
дочь <i>tochter</i>	<i>daughter</i>	дохтеръ
братъ <i>bruder</i>	<i>brother</i>	бродеръ

Въ одномъ персидскомъ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія одинаково съ нѣмецкимъ и греческимъ *Н*,—латинская и славянская расы отдали преимущество другимъ окончаніямъ: персидское—*рашиденъ* (взять, прѣвзжать) нѣмецкое—*weisen*. Этимологическая и синтаксическая структура нынѣшняго персидскаго языка совершенно такая же, какъ въ англійскомъ языкѣ: нѣтъ во всемъ индо-европейскомъ семействѣ двухъ языковъ болѣе сходныхъ въ этомъ отношеніи. Если разсматривать коренныя филологическія черты, персидскій языкъ до того близокъ къ языку нѣмецкаго племени, что представляется какъ будто однимъ изъ германскихъ нарѣчій, какъ будто чѣмъ то среднимъ между верхне-германскимъ (собственно такъ называемымъ нѣмецкимъ) и англо-саксонскимъ (англійскимъ) нарѣчіями нѣмецкой вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. (Конечно, мы говоримъ о самыхъ основныхъ, древнѣйшихъ, оригинальнѣйшихъ особенностяхъ, свидѣтельствующихъ о коренномъ особенно-близкомъ родствѣ персидской и нѣмецкой расы. Тысячелѣтняя разлука, поставившая эти двѣ отрасли въ разныхъ сосѣдствахъ, дала разное направленіе дальнѣйшему развитію ихъ языковъ, и теперь, по общей совокупности филологическихъ признаковъ, нѣмецкія нарѣчія приняли характеръ европейской, а персидскій языкъ азіатской вѣтви индо-европейскаго семейства языковъ. Тотъ и другой заняли въ филологическомъ порядкѣ такое же положеніе, какое издавна стало принадлежать говорящимъ ими народамъ въ географическомъ отношеніи по распредѣленію мѣстностей, населенныхъ индо-европейцами: персидскій языкъ занимаетъ средину между индійскими нарѣчіями санскритскаго корня съ одной стороны и славянскимъ языкомъ съ другой стороны; нѣмецкій языкъ занимаетъ средину между славянскимъ и романскимъ. Славяне, вошедши въ средину между персиянами и нѣмцами по географіи, стали среднимъ между ними народомъ по языку).

Мы говоримъ все это къ тому, чтобы ослабить слишкомъ сильное расположеніе къ приписыванію кореннаго значенія расѣ народа въ его судьбѣ. Самъ Милль подаетъ поводъ сдѣлать такое замѣчаніе, довольно часто употребляя слово племя, какъ будто придавая важность физиологическимъ природнымъ особенностямъ организма разныхъ народовъ въ ихъ экономической судьбѣ. Подражая ему въ осторожности, мы не скажемъ, чтобы раса не имѣла ровно никакого значенія: развитіе естественныхъ и историческихъ наукъ не достигло еще такой точности анализа, чтобы можно было въ большей части случаевъ безусловно говорить: тутъ этого элемента абсолютно нѣтъ. Почему знать, быть можетъ въ этомъ стальномъ перѣ есть частицы платины; абсолютно отвергать этого нельзя; можно знать одно: по химическому анализу, въ составъ этого пера оказывается такое количество частицъ, несомнѣнно не платино-

когда либо прежде (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ) и кормитъ его безъ періодически повторяющихся случаевъ голода, столь частыхъ въ прежней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкихъ въ восточныхъ странахъ, такъ что оно имѣетъ пищу всегда вѣрную. Много увеличившись количествомъ, пища много улучшилась качествомъ и разнообразіемъ; предметы удобства и роскоши уже не ограничиваются небольшимъ богатымъ классомъ, а проникаютъ въ большомъ изобиліи во многіе общественные слои, изъ которыхъ каждый слѣдующій шире предыдущаго. Совокупныя средства каждаго изъ этихъ обществъ обнаруживаютъ размѣръ невиданный прежде міромъ, когда выказываются для достиженія какой нибудь цѣли; каждое общество въ небывалыхъ прежде размѣрахъ можетъ содержать флоты и арміи, производить общественныя работы для украшенія пия пользы, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа Вестъ-Индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію, словомъ сказать, дѣлать все, требующее издержекъ, и притомъ дѣлать все это, не отнимая предметовъ необходимости или существеннаго удобства у своего населенія.

По вѣсѣ такимъ чертамъ, вообще характеризующимъ новыя промышленныя общества, очень эти общества различны между собою. Всѣ они изобилуютъ богатствомъ сравнительно съ прежними вѣками, но степень изобилія въ нихъ очень различна. Даже пзъ тѣхъ странъ, которыя справедливо считаются богатѣйшими, однѣ больше другихъ воспользовались своими производительными средствами и получили пропорціоально своей территоріальной обширности большее количество продуктовъ. Кромѣ этого различія по количеству богатства, есть разница и по быстротѣ его возрастанія. Различіе въ распредѣленіи богатства еще больше, нежели въ его производствѣ. Положеніе бѣднѣйшаго класса въ разныхъ странахъ очень различно; также различны пропорціи числа и богатства классовъ, находящихся выше этого бѣднѣйшаго. Много различия встрѣчаемъ даже въ характерѣ классовъ, между которыми первоначально дѣлятся продукты земли въ разныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ землевладѣльцы составляютъ особый классъ занимающихся промышленностью; въ другихъ мѣстахъ собственникъ земли почти

выхъ, что совершенно ничтожна часть, которая можетъ принадлежать платинѣ въ его составѣ; и если бы эта часть существовала, на нее нельзя обращать никакого вниманія съ практической точки зрѣнія. А кто судить по наружности, тотъ пожалуй приметъ перо за платиновое. Выбросьте изъ головы это предположеніе, если дѣло идетъ о практическомъ дѣйствованіи; поступайте съ этимъ перомъ, какъ надобно вообще поступать съ стальными перьями.

Точно также, не обращайте въ практическихъ дѣлахъ вниманія на расу людей, поступайте съ ними просто какъ съ людьми; дѣлайте то, что надобно дѣлать для удовлетворенія потребностямъ просто человѣческой природы и вы получите результаты, какихъ надобно ожидать отъ природы человѣка. Быть можетъ, раса народа имѣла нѣкоторое вліяніе на то, что извѣстный народъ находится нынѣ въ такомъ, а не въ иномъ состояніи; абсолютно нельзя отвергать этого, историческій анализъ еще не достигъ математической безусловной точности; послѣ пего, какъ и послѣ нынѣшняго химическаго анализа, еще остается небольшой, очень небольшой *residuum*, остатокъ, для котораго нужны болѣе тонкіе способы изслѣдованія, еще недоступные пывѣшнему состоянію науки; но этотъ остатокъ очень малъ. Въ образованіи пывѣшняго положенія каждаго народа такая громадная часть принадлежитъ дѣйствию обстоятельствъ, не зависящихъ отъ природныхъ племенныхъ качествъ, что если эти особенныя, различныя отъ общей человѣческой природы качества и существуютъ, то для ихъ дѣйствія оставалось очень мало мѣста, неизмѣримо микроскопически мало мѣста. Человѣкъ, двое сутокъ не ѣвшій, съ жадностью бросается на пищу, — быть можетъ, онъ отъ природы обжора, но я объ этомъ не могу судить по факту, мною замѣчаемому: этотъ фактъ произведенъ двудневнымъ голодомъ, а не личными особенностями; я рѣшительно еще не знаю, отличается ли онъ по своей натурѣ отъ людей самыхъ воздержныхъ, и если вы, такъ же какъ и я, знающіе о немъ только одинъ этотъ фактъ, хотя заикнетесь объ обжорливой природѣ этого человѣка, я имѣю полное право остановить васъ словами: не клеветайте.

всегда ея воздѣльватель. владѣющій плугомъ, если не самъ ходящій за нимъ. Гдѣ собственникъ не самъ воздѣльваетъ землю, тамъ иногда есть между нимъ и работникомъ посредникъ, фермеръ, дѣлающій затраты на прокормленіе работниковъ, владѣющій орудіями производства и берущій себѣ, за уплатою ренты землевладѣльцу и жалованья работникамъ, весь продуктъ; въ другихъ мѣстахъ продуктъ дѣлится между землевладѣльцемъ, его наемными повѣренными и работниками. Мануфактурныя здѣлія также производятся въ пѣкоторыхъ мѣстахъ людьми работающими поодиночкѣ: они сами владѣютъ инструментами и машинами для нихъ нужными, или берутъ ихъ въ наймы, и употребляютъ на работу почти только тотъ трудъ, какимъ располагаетъ ихъ собственная семья. Въ другихъ случаяхъ производство ведется большимъ количествомъ людей, работающихъ вмѣстѣ, въ одномъ зданіи, при помощи дорогихъ и многосложныхъ машинъ, принадлежащихъ богатымъ мануфактуристамъ. Тоже самое различіе находится въ торговлѣ. Оптовыя операціи вездѣ ведутся большими капиталами, гдѣ существуютъ большіе капиталы: по розничная торговля, занимающая очень большую массу капитала, иногда ведется въ маленькихъ лавкахъ, почти только личными хлопотами самихъ торговцевъ съ ихъ семьями и развѣ еще какого нибудь одного ученика; иногда, напротивъ, ведется она въ обширныхъ заведеніяхъ, капиталъ которыхъ доставляется отдѣльнымъ богачемъ или цѣлой компаніей, и дѣло въ которыхъ производится многочисленными наемными прикащиками и прикащицами. Кромѣ этихъ различій въ экономическихъ феноменахъ по разнымъ частямъ такъ называемаго цивилизованнаго міра, разнообразіе увеличивается тѣмъ, что въ разныхъ частяхъ міра продолжаютъ до нашего времени существовать всѣ тѣ разныя экономическія состоянія, о которыхъ мы говорили прежде. Охотническія общества еще существуютъ въ Америкѣ, кочевыя въ Аравіи и въ степяхъ сѣверной Азіи; восточное общество въ существенныхъ чертахъ остается такимъ, какимъ всегда было: обширная Русская имперія до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается едва^ѣ измѣненнымъ подобіемъ феодальной Европы. Всѣ великіе типы человѣческаго общества продолжаютъ существовать, понижаясь до эскимосскаго или патагонскаго общества.

Эти замѣчательныя различія въ состояніи различныхъ [частей человѣческаго племени по отношеніямъ къ производству и распредѣленію богатства, должны подобно всѣмъ другимъ феноменамъ, зависѣть отъ причинъ. Приписывать ихъ исключительно различію въ степеняхъ знанія о законахъ природы и физическихъ житейскихъ искусствахъ было бы объясненіемъ недостаточнымъ. Тутъ есть также дѣйствіе многихъ другихъ причинъ; самый прогрессъ естественныхъ знаній и неровное ихъ распредѣленіе, будучи отчасти причинами, служатъ отчасти слѣдствіями состоянія, въ какомъ находится производство и распредѣленіе богатствъ.

На сколько экономическое состояніе націй зависитъ отъ положенія естественныхъ знаній, оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и основанныхъ на нихъ искусствъ. Но на сколько оно зависитъ отъ причинъ нравственныхъ или психологическихъ, производимыхъ учрежденіями и общественными отношеніями или качествами человѣческой природы, изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не естественной, а нравственной и общественной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политическою экономією.

Производство богатства, полученіе средствъ къ человѣческому существованію и удовольствію изъ матеріаловъ, представляемыхъ земнымъ шаромъ,—это, дѣло очевидно не зависящее отъ произвола. Оно имѣетъ свои необходимыя условія. Изъ этихъ усло-

вѣкоторыя принадлежать матеріальному міру, зависятъ отъ качествъ матеріи или, лучше сказать, отъ объема знанія объ этихъ качествахъ, принадлежащаго данному мѣсту и времени. Этихъ условій политическая экономія не послѣдуетъ, а беретъ ихъ какъ готовый фактъ, объясненій котораго велятъ искать въ естественной наукѣ или ежедневномъ опытѣ. Соединяя съ этими фактами внѣшней природы другія истины, относящіяся къ человѣческой природѣ, она старается найти вторичные или производные законы, которыми опредѣляется производство богатства и въ которыхъ должно содержаться объясненіе различій богатства и бѣдности въ настоящемъ и прошедшемъ и должно лежать основаніе всему тому приращенію богатства, которое произойдетъ въ будущемъ.

Законы распредѣленія не безусловно изъяты отъ произвола: они отчасти создаются самими людьми, потому что способъ распредѣленія богатства въ данномъ обществѣ зависитъ отъ господствующихъ въ немъ постановленій и обычаевъ. Но если правительства или націи имѣютъ власть опредѣлять, какія должны существовать учрежденія, то они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи будутъ дѣйствовать эти учрежденія. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть правительствъ или націй надъ распредѣленіемъ богатства, и вліяніе, оказываемое на его распредѣленіе разными системами дѣйствія, принимаемыми обществомъ, составляютъ точно такой же предметъ точнаго научнаго изслѣдованія, какъ физическіе законы природы.

Законы производства и распредѣленія и нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій составляютъ предметъ нашего трактата.

Если бы мы захотѣли теперь же изложить всѣ замѣчанія и дополненія, дѣлаемые нашими учителями къ мыслямъ, находящимся въ этомъ введеніи, мы должны были бы написать здѣсь цѣлыя сотни страницъ, потому что предварительныя замѣчанія Милля касаются многихъ важнѣйшихъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ въ томъ или иномъ духѣ зависить характеръ всей системы, и нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ рѣшаются Миллемъ или неполно, или даже вовсе ошибочно. Но удобнѣе будетъ, не перерывая перевода слишкомъ длинными вставками съ первыхъ же страницъ, отложить до разныхъ спеціальныхъ главъ о томъ или другомъ предметѣ наши замѣчанія о немъ; а здѣсь обратить вниманіе лишь на тѣ понятія, которыя необходимо разъяснить до начала изслѣдованій о какомъ бы то ни было отдѣльномъ вопросѣ науки.

Прежде всего подумаемъ о первомъ словѣ, какое произноситъ Милль. Это слово „богатство“. Если хотите, рѣчь о предметѣ можно начинать съ какой угодно стороны предмета, въ какомъ бы духѣ ни хотѣли вы говорить о предметѣ. Но такіе случаи бывають лишь тогда, когда вы имѣете какое нибудь особенное намѣреніе, случайное, чуждое самому предмету. Если, напримѣръ, авторъ ищетъ популярности, онъ можетъ начать съ вопроса, занимающаго умы въ данную минуту, чтобы имъ приманить читателя. Онъ можетъ начать съ какого нибудь спорнаго вопроса, если излагаетъ предметъ въ полемическомъ тонѣ. Но никакихъ подобныхъ, случайныхъ и внѣшнихъ цѣлей нѣтъ у Милля. Онъ излагаетъ предметъ самымъ спокойнымъ, чисто ученымъ тономъ и не ищетъ эффектовъ для привлеченія публики,

полагаясь исключительно на внутреннее достоинство своихъ изслѣдованій. Въ такомъ случаѣ характеръ начала имѣеть существенную важность для сужденія о книгѣ, потому что началомъ берется основное понятіе науки по мнѣнію автора: онъ начинаетъ тою идеею, которая въ самомъ дѣлѣ господствуетъ надъ всѣмъ его взглядомъ на науку, говоритъ прежде всего о томъ, что важнѣе всего.

Итакъ по теоріи, излагаемой Миллемъ, владычествуетъ надъ всѣмъ понятіе богатства, wealth. Это слово первое написано и основателемъ теоріи, Адамомъ Смитомъ. Когда вы берете первую и основную книгу этой школы, книгу Смита, вы читаете заглавіе „Опытъ о богатствѣ націй“, Essay on the wealth of Nations. Слово wealth на англійскомъ языкѣ имѣеть тотъ же самый оттѣнокъ значенія, какъ у насъ слово „богатство“: это не благосостояніе, а именно богатство. Всмотримся ближе въ его смыслъ. Богатство — понятіе чисто относительное, въ немъ нѣтъ самостоятельной внутренней мѣрки для предмета, а есть только выводъ о превосходствѣ надъ другими сравниваемыми предметами. Человѣкъ терпитъ или не терпитъ нужду, благосостоятеленъ или неблагосостоятеленъ не по сравненію съ другими, а самъ по себѣ. Масштабъ тутъ дается природою человѣка, какъ дается онъ для понятій здоровья, правды, ума и другихъ положительныхъ качествъ и положеній. Сравнивайте съ кѣмъ угодно, или не сравнивайте ни съ кѣмъ сътаго человѣка, или человѣка, которому тепло, или человѣка, которому пріятно, вы все-таки скажете, что онъ сытъ, что ему тепло или пріятно. Признаніе его богатымъ—дѣло совершенно инаго рода. Владѣтель нѣсколькихъ тысячъ десятинъ хорошей земли—человѣкъ очень богатый по сравненію съ работникомъ, пашущимъ его землю; но онъ совершенно ничтожный бѣднякъ по сравненію съ Ротшильдомъ. Аѣины во время Перикла были государство очень богатое, т. е. по сравненію съ другими тогдашними греческими государствами; а по сравненію, не говоримъ уже съ Лондономъ, а хотя съ нынѣшнимъ Гамбургомъ, богатство Аѣинъ оказывается просто нищетою. Понятіе богатства есть нѣчто случайное, внѣшнее, относящееся своимъ смысломъ собственно не къ тому предмету, къ которому относится формою рѣчи, а къ постороннимъ предметамъ: своего содержанія въ немъ нѣтъ. Но, скажутъ намъ, наука даетъ ему свое опредѣленіе, смыслъ не сравнительный, не относительный, а прямой и положительный. Вотъ въ томъ то и дѣло, что, пріискавъ ему новый и въ сущности болѣе разумный смыслъ, она тотчасъ же начинаетъ запутываться въ этихъ двухъ смыслахъ и къ довершенію всего даже не замѣчаетъ, что пріисканный ею смыслъ существенно различенъ отъ разговорнаго. Милль, напимѣръ, прямо говоритъ, что каждый и безъ науки знаетъ, что такое понимается въ наукѣ подъ словомъ „богатство“; это каждому извѣстно изъ разговорнаго языка. Нѣтъ, изъ разговорнаго языка извѣстно вовсе не то. Наука понимаетъ подъ богатствомъ сумму вещей полезныхъ или пріятныхъ, имѣющихъ мѣнову цѣнность. Тутъ, какъ видимъ, дѣло состоитъ въ качествахъ вещей, а не въ ихъ количествѣ: когда ихъ много, богатство велико; когда ихъ очень мало, богатство очень мало, но оно все-таки богатство, какъ золото все-таки золото, хотя бы его была одна блеска, не стоящая гроша. Капитанъ Копѣй-

кинъ, имѣя ассигнаціонный банкъ изъ нѣсколькихъ синюгъ и серебра-мелочи, имѣлъ, по выраженію науки, богатство; но по мнѣнію компаніи, слушающей повѣсть о немъ, эти синюги составили бы богатство лишь тогда, еслибъ къ нимъ приложить тысячь сорокъ.

Въ житейскомъ языкѣ богатство относится не къ качеству, а исключительно къ количеству вещей. Это понятія столь же различныя, какъ понятія о сытомъ и одаренномъ прожорливостью, какъ понятія о взросломъ человѣкѣ и высокомъ человѣкѣ, какъ понятія о здоровьи и о богатствѣ.

Школа Смита не замѣчаетъ этой двойственности, въ соотвѣтствіе съ которою черезъ всю теорію школы проходитъ раздвоеніе понятій и безпрестанное спутываніе одной системы возрѣній, чисто научной, идущей къ корню вещей, съ другою системою, принадлежащею разговорному языку и поверхностному образу мыслей людей, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію.

Мы постепенно увидимъ, какъ проявляется эта раздвоенность возрѣній, эта спутанность несомвѣстныхъ между собою понятій по каждому частному вопросу въ Смитовской системѣ, какую односторонность, шаткость и непоследовательность производитъ она во всей Смитовской теоріи; а теперь покажемъ только ту шаткость, которая вносится въ направленіе Смитовской теоріи именно раздвоенностью понятія о богатствѣ, принимаемаго въ ней.

Если „богатство“ есть понятіе положительное, а не сравнительное, если словами „изслѣдованіе о способахъ и условіяхъ увеличенія богатства“ обозначается только изысканіе объ увеличеніи массы полезныхъ и пріятныхъ вещей, тутъ еще ничего не предопредѣляется о содержаніи законовъ, какіе должны быть найдены для распредѣленія богатства, наукѣ не ставится обязанностію непременно доказать такую, а не иную мысль, наука сохраняетъ свою зависимость только отъ истины, не подчиняется какому нибудь напередъ составленнымъ гипотезамъ. Это понятіе научное, оно составляетъ наукѣ роль приличную для нея.

Но если это научное понятіе смѣшивается съ другимъ, взятымъ безъ провѣрки изъ господствующихъ мнѣній, наука попадаетъ въ зависимость отъ напередъ составленныхъ предубѣжденій. Если богатство есть понятіе относительное, если „изслѣдованіе о способахъ и условіяхъ увеличенія богатства“ значитъ изысканіе объ увеличеніи числа богачей, людей превосходящихъ массу своихъ согражданъ количествомъ имущества, или объ увеличеніи богатства каждаго изъ этихъ людей, то есть, объ увеличеніи размѣра разницы между его имуществомъ и состояніемъ массы, этимъ уже предопредѣляется для науки, что она должна выставить намъ за истину именно вотъ это, а не что нибудь иное, тутъ уже опредѣляется напередъ, что громадная разница между членами общества по имуществу есть нѣчто непремѣнное, неизбѣжное, безусловно-истинное.

Первое понятіе говоритъ наукѣ: ищи истину; второе уже напередъ прибавляетъ: доказывай необходимость и пользу неравенства. Это требованія совершенно разныя, несомвѣстныя, непримиримыя. Извѣстное мнѣніе можетъ быть справедливо или несправедливо, это еще неизвѣстно, пока оно не из-

слѣдовано наукою; но если бы даже и оказалось оно истиннымъ по изслѣдованію, то впередъ, прежде изслѣдованія налагать на науку обязанность непременно подтвердить это мнѣніе значитъ приступать къ ней съ намѣреніями непригодными для науки, дѣлать ее служительницею не истины, а личныхъ нашихъ желаній или гипотезъ. Это не годится.

Мы увидимъ, что выводъ, къ которому приходитъ наука подъ вліяніемъ нерваго, научнаго требованія, несомвѣстенъ съ выводомъ, который предписывается ей подтверждать вторымъ, ненаучнымъ требованіемъ. Формы расиределенія, требуемыя понятіемъ о богатствѣ какъ о превосходствѣ однихъ надъ другими, несомвѣстны съ формами производства, протекающими изъ понятія о богатствѣ, какъ о состояніи положительномъ, измѣряемомъ потребностями человѣка, а не превосходствомъ его по пмуществу надъ другими. Смитовская теорія занутывается въ этомъ разнорѣчіи.

Чтобы избѣжать такой сбивчивости, мы должны помнить, что задача науки не разыскивать способъ къ увеличенію разницы между людьми или къ увеличенію числа людей, превосходящихъ массу, а просто искать условія, при которыхъ увеличивается количество полезныхъ вещей, принадлежащихъ людямъ. Если эту сумму полезныхъ вещей вамъ угодно назвать богатствомъ, вы можете говорить, что цѣль науки—изслѣдованіе законовъ богатства; но въ такомъ случаѣ вы должны уже помнить, что вы даете слову „богатство“ смыслъ совершенно различный отъ его смысла въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ; вы должны уже ежеминутно стеречь за самимъ собою, чтобы ваша мысль не измѣнила научному смыслу термина, не поддавалась, позабывшись, разговорной рутинѣ.

Если же вамъ кажется, что это натянутае положеніе затруднительно и опасно, то надобно вмѣсто опредѣленія, подвергающаго ему, поискать другаго опредѣленія, которое не вело бы къ спутанности понятій, не давало бы словамъ натянутаго смысла, несогласнаго съ разговорнымъ, привычнымъ ихъ смысломъ. Если такъ, то янѣе и точнѣе будетъ вмѣсто „политическая экономія есть наука о богатствѣ“ сказать:

Политическая экономія есть наука о матеріальномъ благосостояніи человѣка, на сколько оно зависитъ отъ вещей и положеній, производимыхъ трудомъ.

Это опредѣленіе гораздо сообразнѣе съ разъясненіями самого Милля, нежели то, при которомъ онъ остается по преданію.

Оно требуетъ развѣ одного только замѣчанія: обыкновенное опредѣленіе предмета политической экономіи въ Смитовской школѣ указываетъ на мѣновую цѣнность, какъ признакъ вещей, подлежащихъ изслѣдованію этой науки. Это ограниченіе предмета очень вѣрно, но оно заключается и въ принимаемомъ нами опредѣленіи, потому что мѣновая цѣнность собственно принадлежитъ только вещамъ, производимымъ трудомъ.

Отлагая до разныхъ главъ слѣдующихъ книгъ разныя объясненія о многихъ частныхъ вопросахъ, затрогиваемыхъ „Предварительными замѣчаніями“, мы обратимъ теперь вниманіе на второй изъ главныхъ предметовъ, излагаемыхъ въ этомъ введеніи. Разъясненіе вопроса о томъ, что должно считаться богатствомъ, приводитъ Милля къ разоблаченію ошибочности

меркантильной системы. Все, что онъ говорить о ней, прекрасно, а сама меркантильная система дѣйствительно очень плоха. Но зачѣмъ онъ такъ торопится поразить эту нелѣпность? Развѣ она такъ вредна для Англїи, такъ господствуетъ надъ мнѣніями публики, для которой пишетъ Милль, что необходимо прежде всего убить этого страшнаго дракона, не выпускающаго англичанъ въ святилище науки, входъ въ которое загражденъ его безобразнымъ тѣломъ? Совсе нѣтъ. Англійская публика вся кричитъ теперь о нелѣпности меркантилизма; задолго до 1857 года, когда напечатано изданіе книги, по которому дѣлается нашъ переводъ, самая отсталая изъ политическихъ партій публично и искренно отреклась отъ меркантилизма устами д'Израили и Дерби. Меркантилизмъ теперь такъ же безопасенъ для Англїи, какъ для насъ какая нибудь удѣльная система или Батыева орда. Это врагъ умершій для Англїи, хранящійся тамъ только въ археологическихъ музеяхъ. Самъ Милль говорить, что при объясненїи меркантильной системы единственнымъ затрудненіемъ представляется вообразить, что подобная глупость могла нѣкогда приниматься за истину. Если такъ, зачѣмъ же давать такое передовое мѣсто разсужденію о безвредномъ археологическомъ вздорѣ? Это просто оттого, что такъ уже заведено со времени Адама Смита. Во время Адама Смита меркантильная теорїя господствовала надъ умами, борьба съ нею была дѣломъ первой необходимости. Прошло восемьдесятъ лѣтъ, образъ мыслей публики совершенно измѣнился, ни у кого въ Англїи не осталось охоты защищать меркантильную систему, а политическая экономія продолжаетъ горячиться противъ врага, давно разсыпавшагося прахомъ, и ломиться въ дверь давно растворенную. Давать въ предисловіи къ политико-экономическому трактату, написанному для англійской публики, видное мѣсто разсужденію о меркантильной системѣ, значить рѣшительно тоже, что въ трактатѣ о русской исторїи, писанномъ для русской публики, тратить мѣсто на опроверженіе мнѣній Морошкина или Савельева-Ростиславича о славянскомъ происхожденїи франковъ и англо-саксовъ. Сто лѣтъ тому назадъ, во времена Тредьяковскаго и Сумарокова, русская публика дѣйствительно полагала, что славянскій языкъ отецъ всѣхъ языковъ и что всѣ народы происходятъ отъ славянъ, т. е. отъ русскихъ, и даже собственно отъ жителей Москвы; тогда дѣйствительно было нужно жарко и подробно опровергать эту дикую фантазію. Но что за охота, что за польза убиваться теперь спорами противъ нея?

Это все мы говоримъ потому, что съ первыхъ же страницъ каждой книги Смитовской системы вѣтъ чѣмъ то, быть можетъ и очень хорошимъ, но совершенно затхлымъ. Передъ вами какъ будто происходитъ Куликовская битва или состязаніе Ломоносова съ Миллеромъ; спора нѣтъ, Дмитрій Донской былъ великій человекъ, подобно Александру Македонскому, но вѣдь это археологія, а не современность.

Но какъ, по выраженію Милля, есть нѣкоторое дѣйствительное основаніе даже для нелѣпой меркантильной теорїи, потому что, по его же справедливому выраженію, каждый фактъ, каждое мнѣніе имѣютъ какое нибудь основаніе, такъ и для допотопной борьбы своей съ меркантильною системою Смитовская теорїя имѣетъ дѣйствительное основаніе. Жаль только,

что надобно и объ этомъ дѣлѣ повторить слова Милля о самой меркантильной системѣ: основаніе хотя и существуетъ, но очень не удовлетворительное; надобно даже сказать, что это основаніе компрометируетъ систему Смитовской школы. Если мы сами окончательно раздѣлялись внутри себя съ какимъ нибудь заблужденіемъ, мы уже говоримъ о немъ лишь тогда, когда встрѣчаемся съ людьми, надъ которыми оно господствуетъ; если же мы толкуемъ о предметѣ, не разбирая того, интересенъ ли онъ для нашихъ собесѣдниковъ, нужно ли разоблачать передъ ними заблужденіе или они сами давно поняли его ошибочность и убѣждать намъ некого, потому что всѣ убѣждены, — словомъ сказать, если мы страдаемъ, по выраженію Щедрина, духомъ словоизверженія по какому нибудь вопросу, это просто значитъ, что мы сами еще не отдѣлялись окончательно отъ заблужденія. ратованіе противъ котораго такъ занимательно для насъ. Дѣйствительно, таково до сихъ поръ отношеніе Смитовской теоріи къ меркантильной системѣ: она страдаетъ сама меркантильнымъ недугомъ, засѣвшимъ въ ея костяхъ. Издали она кажется какъ будто чиста, но всмотритесь поближе и вы увидите, что ей нужно проглотить еще очень много ртути для выздоровленія. А быть можетъ, ея силы уже и не вынесутъ такихъ сильныхъ приѣмовъ и она должна скончаться отъ наследственныхъ язвъ, которыя открыто красовались на лицѣ меркантильной системы, но ушли внутрь въ теоріи Смита.

Въ чемъ сущность, вредная и нелѣпная сущность меркантильной доктрины? Она придаетъ слишкомъ большую важность деньгамъ, какъ средству обмѣна. Посмотрите же на теорію Смита: она придаетъ такую же чрезвычайную и исключительную важность самому обмѣну. Обмѣнъ въ ней, какъ будто нѣчто самостоятельное, какъ будто нѣчто, составляющее конечную цѣль всѣхъ заботъ производителя, владычествуетъ и надъ производствомъ и надъ распредѣленіемъ. При такомъ размѣщеніи понятій, деньги и кредитъ, ихъ замѣняющій, натурально должны занимать чрезвычайно важное мѣсто въ Смитовской теоріи. Очень многими писателями вся она сводится почти исключительно въ теорію денежныхъ и кредитныхъ оборотовъ. Милль избѣгаетъ такой узкости, господствующей у французскихъ экономистовъ, у него существенно важнымъ элементамъ науки посвящено гораздо больше вниманія; но и у него, какъ увидимъ, коренной смыслъ дѣла безпрестанно затемняется впутываніемъ приѣмовъ, чисто меркантильных по духу, и онъ также очень часто останавливается на второстепенныхъ, производныхъ наружныхъ явленіяхъ, не углубляясь до основныхъ фактовъ. А между тѣмъ, самъ же онъ доказываетъ, что деньги ровно ничего не должны значить въ теоріи производства и распредѣленія, что самый кредитъ, когда служить просто представителемъ денегъ, не очень важенъ. Съ нимъ, пожалуй, готовы согласиться въ этомъ всѣ экономисты: они признаются, что если бы при усилившейся дѣятельности обмѣна не было никакихъ кредитныхъ знаковъ, дѣло пошло бы почти совершенно въ томъ же размѣрѣ просто посредствомъ ускоренія въ обращеніи денегъ. А что деньги ничего не значатъ въ національномъ хозяйствѣ, это они всѣ очень усердно доказываютъ.

Зачѣмъ же въ однихъ частяхъ теоріи придается огромная важность

такимъ элементамъ, неважность которыхъ доказывается въ другихъ частяхъ той же теоріи? Откуда это внутреннее разнорѣчіе? И зачѣмъ во всѣхъ частяхъ теоріи безпрестанно влутываются соображенія, основанныя на великомъ значеніи денегъ и нынѣшняго кредита, ограничивающагося ролью представителя денегъ? Зачѣмъ эти непослѣдовательныя соображенія затемняютъ коренную сущность дѣлъ? Все это наслѣдство меркантильной теоріи, или, лучше сказать, все это отростки того же корня, изъ котораго нѣкогда выростала она: въ предметѣ, гдѣ все зависитъ отъ разсчета, Смитовская теорія, подобно меркантильной, забываетъ довести счетъ до конца, прекращаетъ счетъ на половинѣ его, какъ меркантильная теорія прекращала на первой строкѣ; она подвигается нѣсколькими строками дальше, потому подходит нѣсколько ближе къ истинному выводу, отъ котораго была неизмѣримо далека меркантильная система; но все-таки до настоящаго баланса не всегда умѣетъ досчитаться. Меркантильная система останавливалась на фактѣ заграничной торговли; Смитовская теорія идетъ нѣсколько глубже и находитъ, что заграничная торговля только часть обмѣна вообще. Но собственно на этомъ она и останавливается: о фактѣ, который лежитъ въ основѣ всего, о производствѣ, она говоритъ много превосходнаго, но отвращается отъ разсчета отношеній между коренными элементами его: человѣческими потребностями, количествомъ рабочихъ силъ и количествомъ времени, на которое запасено продовольствіе. Оттого, что она не держится твердо этого окончательнаго баланса, все прекрасное, что говоритъ она о производствѣ, пропадаетъ безплодно, и теорія распредѣленія выходитъ въ ней не результатомъ строгаго научнаго анализа, а просто изложеніемъ довольно безобразной рутинны, матеріальнымъ основаніемъ которой служить фактъ завоеванія, до нынѣ владычествующаго своими послѣдствіями надъ экономической сферою того положенія вещей, нравственною поддержкою которому служить невѣжество массы; а надъ всѣмъ этимъ возвышается понятіе обмѣна, будто живительнаго начала, безъ котораго не было бы возможно почти никакое производство.

Въ двухъ первыхъ отдѣлахъ предисловія Милля, о понятіи богатства и о меркантильной системѣ, выказались намъ признаки двухъ качествъ Смитовской теоріи: во-первыхъ, признаки раздвоенности понятій, шаткости, непослѣдовательности ихъ; во-вторыхъ, признаки рутинности ихъ; третій отдѣлъ, исторія экономическаго развитія обществъ, заключаетъ въ себѣ мѣста обнаруживающія третье качество этой теоріи, служащее опорой для первыхъ двухъ качествъ. Очеркъ экономической исторіи сдѣланъ у Милля мастерски. Исторія идетъ медленно, быть можетъ, но все таки идетъ впередъ, и съ появленія средняго сословія, съ возникновенія средневѣковыхъ городовъ, прогрессъ былъ непрерывенъ. Тенерь и нища лучше, чѣмъ прежде, и другіе предметы удобства или даже роскоши становятся достояніемъ все большей и большей пропорціи членовъ общества. Превосходно. Въ этомъ общій смыслъ историческаго очерка, представляемаго Миллемъ. Прекрасно; жаль только, что впечатлѣніе нѣсколькихъ страницъ разрушается двумя несчастными строками, попадающимися на первой изъ нихъ. Сказавъ, что состояніе дикаго общества, не имѣющаго ни жилищъ, ни запасовъ пищи,

есть состояніе величайшей бѣдности, какаѣ только извѣстна намъ по исторіи, Милль прибавляетъ: но „въ обществахъ гораздо богатѣйшихъ, есть классы, находящіеся въ состояніи столь же незавидномъ, какъ эти дикари“, несравненно бѣднѣйшіе всякихъ эскимосовъ, якутовъ, и готтентотовъ. Что жъ это такое? Съ чѣмъ это сообразно? Какъ это возможно? Не знаемъ; повидимому, это ни съ чѣмъ несообразно; повидимому, это должно бы было быть невозможно. Но это дѣйствительно такъ.

Этими двумя строками портится все дѣло. Исторія экономическаго развитія портится фактомъ, о которомъ онъ ^иговорятъ. А еще хуже для теоріи, предисловіе къ которой мы видѣли, то, что изъ двадцати страницъ она посвятила этому факту ровно двѣ съ половиною строки. Больше этого не стоитъ, видно, говорить о немъ: видно, что онъ не важенъ, не занимателенъ, да и больше сказать о немъ нечего, какъ мимоходомъ упомянуть о немъ: нѣтъ, видно, никакихъ особенныхъ средствъ помочь ему; довольно въ двухъ строкахъ сказать, что есть вотъ какой фактъ, выразить сожалѣніе о немъ и заняться другими предметами, болѣе важными.

Въ такомъ равнодушіи виноватъ не Милль: нѣтъ, онъ еще гораздо лучше всѣхъ другихъ послѣдователей Смитовской школы. Виновата теорія этой школы, построенная такъ, что въ ней нѣтъ мѣста для факта, ставшаго теперь повсюду главнымъ двигателемъ исторіи. Сто лѣтъ тому назадъ, когда она строилась, масса населенія, отъ него страдающая, еще не имѣла твердой мысли о возможности измѣнить свое положеніе. Кто не предъявляетъ своихъ требованій, о томъ никто не заботится. Средній классъ, которому принадлежитъ Смитовская теорія, думалъ тогда, что простолюдину ничего особеннаго не нужно, что полнымъ счастіемъ для народа будетъ то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои требованія.

Теперь оказалось иное; простолюдины находятъ, что для прочнаго улучшенія ихъ состоянія нужны вещи, которыя не нужны среднему сословію, которыя во многомъ даже несовмѣстны съ выгодами средняго сословія. Оно испугалось этихъ новыхъ требованій; борясь противъ нихъ въ жизни, оно старается опровергнуть ихъ въ теоріи. Если это не измѣнится, если теорія, созданная среднимъ сословіемъ, не будетъ перестроена сообразно потребностямъ новаго, простонароднаго элемента жизни и мысли, она будетъ отвергнута прогрессомъ, уже начавшимъ быть во враждѣ съ нею. Но рѣчь объ этомъ будетъ у насъ впоследствии, а теперь обратимся опять къ переводу Милля.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I.

Элементы производства.

1. Производство имѣеть два элемента: трудъ и пригодные для него предметы, даваемые природою. Трудъ бываетъ физическій и умственный, или, выражая эту разницу точнѣе, мускульный и нервный, и понятіе труда необходимо должно обнимать не только самую дѣятельность, но и всякое физическое или умственное обремененіе или стѣсненіе, вообще всѣ непріятныя ощущенія, соединенныя съ употребленіемъ мысли или мускуловъ на извѣстное занятіе. О другомъ элементѣ—пригодныхъ предметахъ, даваемыхъ природою, надобно замѣтить, что сама природа имѣеть или производитъ нѣкоторые предметы, пригодные для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Въ природѣ есть пещеры и дупла, могущія служить кровомъ; плоды, корни, дикій медъ и другія естественныя произведенія, могущія питать человѣка. Но и тутъ вообще нужно значительное количество труда, чтобы найти и присвоить эти предметы, которые создаются сами собою. Только въ немногихъ и неважныхъ случаяхъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе развѣ при самомъ началѣ человѣческихъ обществъ, предметы, доставляемые самою природою, не нуждаются въ переработкѣ; но вообще они, чтобы служить для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ, должны подвергаться нѣкоторому преобразованію дѣятельностью человѣка. Трудъ, предметами котораго служатъ дикія животныя и рыбы, доставляющія пропитаніе охотничьимъ и рыболовнымъ племенамъ, главнымъ образомъ состоитъ только въ томъ, чтобы овладѣть ими; но кромѣ того нужно, чтобы обратить ихъ въ пищу, убить ихъ, разрѣзать на куски, и почти всегда сварить или изжарить; это дѣйствія, требующія нѣкотораго труда. Отъ такой или еще меньшей степени передѣлки въ качествахъ и видѣ предмета преобразованіе, которому подвергаются естественные предметы для пригодности къ удовлетворенію человѣческихъ нуждъ, доходитъ по разнымъ степенямъ до такой полной переформировки, что не остается замѣтно никакого слѣда отъ первоначальнаго вида и организаціи предмета. Кусокъ руды, находимой въ землѣ, нимало не походитъ на плугъ, топоръ, пилу. Фарфоръ не похожъ на выѣтрившійся гранитъ, пзъ котораго дѣлается, стекло не походитъ на смѣсь песка съ поташемъ. Еще больше разница между овечьимъ руномъ или горстью хлопчато-бумажнаго

зерна и каленкоромъ или сукномъ. Да и сама овца, само хлопчато-бумажное зерно производятся не одною природою, а составляютъ результаты человѣческаго ухода за ними. Во всѣхъ этихъ случаяхъ околпательный продуктъ до такой степени различенъ отъ вещества, доставляемаго природою, что въ обычной рѣчи природа считается только доставительницею матеріала для труда.

Но она доставляетъ труду не одинъ матеріалъ,—она доставляетъ ему и силы. Матерія, находящаяся на земномъ шарѣ, не бездѣтельно принимаетъ формы и качества, придаваемая ей человѣческими руками. Она имѣетъ сама дѣятельныя силы, которыя соучаствуютъ въ трудѣ и могутъ даже быть употребляемы на замѣну его. Сначала люди обращали хлѣбъ въ муку, разбивая зерно между двухъ камней; потомъ они придумали способъ вертѣть одинъ камень на другомъ посредствомъ рукоятки; этотъ способъ, въ нѣсколько усовершенствованномъ видѣ, до сихъ поръ господствуетъ на Востокѣ. Но мускульная дѣятельность, требуемая имъ, очень тяжела, изнурительна до такой степени, что эта работа часто служила наказаніемъ невольникамъ, разгнѣвавшимъ своихъ господъ. Пришло время, когда поняли, что расчетъ требуетъ сократить трудъ и страданія невольниковъ; тогда нашли возможность сложить съ нихъ большую часть этой физической работы, придумавъ способъ, чтобъ верхній камень вертѣлся на нижнемъ не усиліями человѣка, а силою вѣтра или ниспадающей воды. Такимъ образомъ, человѣкъ заставилъ силы природы, вѣтеръ или тяжесть воды, исполнять часть дѣла, прежде совершавшагося трудомъ.

2. Подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ избавился отъ извѣстной доли труда, сложивъ дѣло на какую нибудь силу природы, могутъ возбуждать ошибочное мнѣніе о сравнительномъ участіи труда и силъ природы въ производствѣ: можно думать, будто бы соучастіе силъ природы въ человѣческой промышленности ограничивается тѣми случаями, въ которыхъ онѣ заставлены исполнить то, что безъ нихъ дѣлалось бы трудомъ, будто въ такъ называемыхъ ручныхъ издѣліяхъ природою доставленъ только пассивный матеріалъ. Это пллюзія. Силы природы и тутъ участвуютъ дѣятельнымъ, а не пассивнымъ образомъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на волокна, свиваетъ пальцами нѣсколько такихъ волоконъ при помощи простаго орудія, называемаго веретенемъ. Надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ кладетъ рядомъ множество ихъ и всовываетъ поперекъ ихъ другія такія же нитки, такъ чтобы каждая поперечная шла поочередно сверху одной и снизу другой продольной; эта часть дѣла облегчается орудіемъ, которое называется челнокомъ. Вотъ работникъ произвелъ ткань, льняную или пеньковую, смотря по матеріалу. Говорятъ, что онъ выдѣлалъ ее руками и предполагается, что никакая сила природы не содѣйствовала ему. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый процессъ этой выдѣлки и сдерживаетъ выдѣланную ткань въ цѣлости? Это дѣлается крѣпостью волоконъ, то есть силою притяженія ихъ частицъ; а это одна изъ силъ природы и мы можемъ въ точности измѣрять ея энергію сравнительно съ другими механическими силами, чтобы узнать, какое количество каждой изъ нихъ нужно для нейтрализованія или уравновѣшенія этой силы сцепленія.

Разсматривая какой угодно другой случай такъ называемаго дѣйствія человѣка на природу, мы также найдемъ, что силы природы или иначе сказать, качества матеріи исполняютъ все дѣло, лишь только предметы приведены въ пужное положеніе. Только эта операція,—помѣщеніе вещей въ такое положеніе, чтобы онѣ измѣнялись по нашей надобности своими внутренними силами и силами, лежащими въ другихъ предметахъ

природы, — производится надъ матерією человѣкомъ, и больше этого онъ не можетъ ничего дѣлать. Онъ только придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево, и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ манеромъ продвигаетъ черезъ него пилу, и оно раздѣляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе мягкую вещь вытѣсниться отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ известномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ столъ или стѣну. Онъ придвигаетъ частичку огня къ топливу, и оно загорается, силою горѣнія варитъ пищу, сплавляетъ или размягчаетъ желѣзо, обращаетъ въ пиво и сахаръ солодъ и тростниковый сокъ, когда онъ придвинетъ къ огню эти вещи. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство — двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію — вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы. Сжатіемъ мускуловъ онъ можетъ производить давленіе на вѣшній предметъ; если оно довольно сильно, оно приводитъ предметъ въ движеніе, а если онъ уже двигался, то замедляетъ, или измѣняетъ, или вовсе останавливаетъ движеніе: кромѣ этого человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать. Но этого довольно для доставленія людямъ всей той власти, которую они приобрѣли надъ силами природы, неизмѣримо сильнѣйшими самихъ людей, — той власти, которая велика уже и теперь, но безъ сомнѣнія должна съ теченіемъ времени увеличиваться до размѣровъ, которымъ нельзя опредѣлять границъ. Человѣкъ обнаруживаетъ эту власть, или пользуясь уже существующими естественными силами, или приводя предметы въ такія смѣшенія и соединенія, которыми поражаются естественныя силы; напримѣръ, прикладывая зажженную спичку къ топливу и вливая воду въ находящійся надъ топливомъ котелъ, онъ поражаетъ силу расширенія пара, которою въ такомъ обширномъ размѣрѣ воспользовался для достиженія своихъ цѣлей.

Итакъ въ матеріальномъ мірѣ трудъ всегда исключительно употребляется на то, чтобы приводить предметы въ движеніе; остальное дѣлается качествами матеріи, законами природы. Искусство и изобрѣтательность людей направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы находить такія удобоисполнимыя человѣческими силами движенія, которыя производили бы желаемые людьми результаты. Но если движеніе единственный результатъ, который можетъ непосредственно и прямо производиться человѣческими мускулами, то нѣтъ человѣку необходимости прямо производить своими мускулами всѣ движенія, какія ему нужно. Первою и самую простою замѣною дѣйствія человѣческихъ мускуловъ служатъ дѣйствіе мускуловъ животныхъ. Постепенно человѣкъ заставляетъ помогать ему неодушевленную природу, напримѣръ, вѣтеръ или воду, вещи уже находящіяся въ движеніи, сообщать часть этого движенія колесамъ, которыя прежде такого изобрѣтенія были вращаемы силою мускуловъ. Эта услуга вынуждается у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, состоящихъ также въ томъ, что человѣкъ вдвигаетъ извѣстные предметы въ извѣстныя положенія, въ которыхъ они составляютъ то, что называется машиною. Но дѣйствіе мускуловъ, нужное для этого, не продолжается непрерывно, а совершается разъ навсегда, и такимъ образомъ въ суммѣ получается большое сбереженіе труда.

3. Нѣкоторые писатели поднимали вопросъ о томъ, въ какой степени помогать труду природа въ разныхъ отрасляхъ промышленности, и говорили, что въ нѣкоторыхъ производствахъ наибольшая часть дѣла совершается трудомъ, въ другихъ природою.

Надобно думать, что это мнѣніе просто слѣдствіе неясности понятій. Участіе природы въ каждой человѣческой работѣ неизмѣримо и несоизмѣримо. Невозможно сказать, что въ одномъ дѣлѣ природа участвуетъ больше, нежели въ другомъ; нельзя даже сказать этого и о трудѣ. Можетъ быть, что одно дѣло требуетъ меньшаго количества труда чѣмъ другое; но если требуемое количество безусловно необходимо, то результатъ—на столько же произведеніе труда, на сколько и природы. Если два элемента равно необходимы для произведенія результата, нельзя говорить, что такая-то часть его произведена однимъ элементомъ, а такая-то другимъ; это все равно, что пытаться рѣшить, которая изъ двухъ половинъ ножницъ болѣе участвуетъ въ разрѣзываніи, или какой изъ двухъ факторовъ, 5 и 6, болѣе участвуетъ въ произведеніи цифры 30. Эта странная фантазія обыкновенно является въ формѣ предположенія, что природа даетъ болѣе помощи человѣку въ земледѣліи, нежели въ фабричномъ дѣлѣ; такое заблужденіе существовало у французскихъ экономистовъ (фізіократовъ), и отъ него не былъ свободенъ Адамъ Смитъ; оно возникало изъ ошибочнаго понятія о характерѣ ренты. Рента—цѣна платимая за пользованіе содѣйствіемъ природы, и въ фабричной промышленности нѣтъ такой платы; поэтому экономисты (фізіократы) говорятъ, будто плата за силы природы въ земледѣліи существуетъ потому, что количество службы, отправляемой природою, въ земледѣліи больше, нежели въ фабричномъ производствѣ; но точнѣйшее изслѣдованіе предмета показало, что причина платы за пользованіе землею заключается просто въ ограниченности количества земли: если бы воздухъ, теплота, электричество, химическіе агенты и другія силы природы, употребляемые фабрикантами, существовали только въ ограниченномъ количествѣ и подобно землѣ могли быть обращаемы въ собственность, то можно было бы брать ренту и за нихъ.

4. Это ведетъ насъ къ подраздѣленію, имѣющему, какъ мы увидимъ, первостепенную важность. Количество однихъ силъ природы ограничено, другихъ неограниченно. Подъ неограниченностью количества понимается, конечно, не безусловная, а практическая неограниченность, понимается то, что существующее количество больше того, какое мы можемъ обратить въ дѣло когда-нибудь или, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ. Количество земли въ нѣкоторыхъ новозаселяемыхъ земляхъ практически неограниченно: оно больше того, сколько можетъ понадобиться существующему населенію и нѣсколькимъ слѣдующимъ поколѣніямъ, какъ бы ни возрастали они въ числѣ. Но даже и въ этихъ странахъ вообще ограничено количество земли, имѣющей благоприятное положеніе относительно рынковъ или путей сообщенія; этой земли не столько, сколько хотѣли бы занять и воздѣлывать или обратить на какое-нибудь другое употребленіе люди. Во всѣхъ старыхъ странахъ земля, удобная для воздѣлыванія, или, по крайней мѣрѣ, земля нѣсколько плодородная принадлежитъ къ естественнымъ предметамъ, ограниченнымъ въ своемъ количествѣ. На берегахъ рѣкъ и озеръ вода для обыкновенныхъ надобностей существуетъ въ неограниченномъ изобиліи. Но если она требуется для орошенія, количество ея даже въ этихъ мѣстахъ можетъ оказываться недостаточнымъ для удовлетворенія всей надобности, а въ тѣхъ мѣстахъ, на потребленіе которыхъ вода доставляется цистернами или небольшими колодезями, особенно такими, которые подвергаются убыли, она входитъ въ число вещей, количество которыхъ ограничено тѣснѣйшимъ образомъ. Тамъ, гдѣ сама вода въ изобиліи, можетъ быть ограничена сила воды, т. е. ея паденіе, примѣнимое къ механическому употребленію въ промышленности; этой силы можетъ быть гораздо меньше количества, какимъ воспользовались бы люди, еслибы она была изобильнѣе. Каменный уголь, руды и другія полез-

ныя вещества, находимыя въ землѣ, существуютъ въ количествѣ еще болѣе ограниченномъ, чѣмъ земля. Они встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и запасы ихъ могутъ быть истощены, хотя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время они могутъ находиться въ такомъ изобиліи, что мѣстное населеніе не могло бы нынѣ употребить въ дѣло всего запаса ихъ, хотя бы они могли получаться даромъ. Морскія рыбныя ловли почти всегда составляютъ даръ природы, практически неограниченный въ своемъ количествѣ. Но китовая ловля въ сѣверныхъ моряхъ давно стала недостаточна для удовлетворенія запроса, существующаго даже при значительной цѣнѣ продукта, необходимой для покрытія издержекъ ловли; и громадное развитіе китовой ловли въ южныхъ моряхъ, бывшее слѣдствіемъ ея истощенія на сѣверѣ, должно также истощить ихъ и на югѣ. Рѣчная рыба—продуктъ, даваемый природою въ очень ограниченномъ объемѣ; онъ былъ бы истощенъ быстро, если бы каждому безъ всякаго ограниченія позволено было пользоваться имъ. Воздухъ, даже въ томъ состояніи, которое называется вѣтромъ, получается почти на всѣхъ мѣстностяхъ въ количествѣ достаточномъ для всевозможныхъ цѣлей; также неограниченна возможность водяной перевозки на морскомъ берегу и на большихъ рѣкахъ; но пространство гаваней или пристаней, нужныхъ для этого способа перевозки, во многихъ мѣстностяхъ гораздо меньше того, какимъ бы можно было воспользоваться, еслибы оно легко пріобрѣталось.

Мы увидимъ впоследствии, какъ сильна зависимость общественной экономіи отъ того факта, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ орудій производства, даваемыхъ природою, и въ особенности земля, существуютъ только въ ограниченномъ количествѣ. Теперь я замѣчу лишь то, что пока количество естественнаго продукта или орудія производства практически неограниченно, этотъ предметъ, если не можетъ подвергаться искусственной монополіи, не можетъ имѣть никакой рыночной цѣнности, потому что никто ничего не дастъ за вещь, которую можно получать даромъ. Но какъ скоро ограниченіе становится практически возможнымъ или замѣтнымъ, когда нѣтъ извѣстной вещи въ такомъ количествѣ, въ какомъ захотѣли бы пользоваться ею за-даромъ, право собственности или пользованія этимъ естественнымъ продуктомъ или орудіемъ производства пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность. Когда въ извѣстномъ округѣ нужно больше водяной силы, чѣмъ сколько доставляютъ ея потоки или водопады, люди стануть платить извѣстную цѣну за пользованіе этою силою. Если требуется обработка такого количества землѣ, каково нѣтъ въ данномъ мѣстѣ, или, точнѣе говоря, если нѣтъ въ немъ нужнаго количества землѣ извѣстнаго качества, пользующейся извѣстными выгодами положенія, земля этого качества, находящаяся въ этомъ положеніи, будетъ продаваться за извѣстную цѣну или отдаваться въ наймы за извѣстную ренту. Этотъ предметъ будетъ впоследствии изложенъ нами подробнѣе; но часто бываетъ нужно впередъ сдѣлать краткое замѣчаніе о принципахъ и выводахъ, которые воплѣ можно изложить только въ дальнѣйшей части труда 7).

ГЛАВА II.

Трудъ, какъ дѣятель производства.

1. Трудъ, кончающійся производства предметомъ, годнаго на что нибудь человѣку, употребляется или прямо на эту вещь, или на приготовительные процессы. Напримѣръ,

7) Замѣчанія къ этой и слѣдующимъ двумъ главамъ будутъ помѣщены вмѣстѣ, въ концѣ третьей главы.

при изготовленіи хлѣба, служащаго для пищи, трудомъ прямо обращеннымъ на это дѣло надобно назвать трудъ человѣка, пекущаго хлѣбъ; но трудъ мельника также составляетъ часть общей суммы труда, производящаго печеный хлѣбъ, хотя прямо обращенъ на производство не этого хлѣба, а только еще муки; тоже надобно сказать о трудѣ человѣка, сѣявшаго хлѣбъ, и трудѣ жнеца. Могутъ замѣтить, что всѣ эти люди должны считаться употребляющими свой трудъ прямо на изготовленіе хлѣба, который мы ѣдимъ, потому что хлѣбъ въ зернѣ, мука и печеный хлѣбъ—одно и тоже вещество въ трехъ разныхъ состояніяхъ. Не споря объ этомъ вопросѣ, относящемся только къ формѣ выраженія, мы замѣтимъ, что кромѣ этихъ людей есть еще кузнецъ, дѣлавшій плугъ: онъ участвовалъ въ результатѣ еще отдаленнѣйшимъ способомъ. Всѣ эти люди вознагражденіе за свой трудъ получаютъ окончательнымъ образомъ изъ вышеченнаго хлѣба пля цѣны его; кузнецъ, дѣлавшій плугъ, также получаетъ свое вознагражденіе изъ него, потому что плуги не годятся ни къ чему, кромѣ паханія земли, и никто не сталъ бы дѣлать или употреблять ихъ, если бы увеличеніе въ количествѣ продукта, доставляемаго землею при помощи плуга, не давало источника для должнаго вознагражденія за трудъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ. Если продуктъ потребляется въ формѣ выпеченнаго хлѣба, вознагражденіе кузнецу должно получаться изъ этого хлѣба, который долженъ вообще вознаградить всѣхъ людей, нами перечисленныхъ, и кромѣ того множество другихъ людей: напримѣръ, вознаградить плотниковъ и каменщиковъ, строившихъ ферму; людей дѣлавшихъ изгороди и копавшихъ канавы для огражденія нивы; рудокоповъ и заводскихъ работниковъ, вынимающихъ изъ земли руду и приготавливавшихъ изъ нея желѣзо, которое пошло на плугъ и другіе земледѣльческіе инструменты. Но эти люди и кузнецъ, ковавшій плугъ, получаютъ свое вознагражденіе не изъ того количества хлѣба, какое дается одною жатвою, а изъ того, какое дается всѣми жатвами, которыя будутъ собираться, пока испортится плугъ, обветшаютъ зданія и засыпятся канавы. Мы должны прибавить еще иной родъ труда, трудъ на перевозку продукта съ мѣста его производства до мѣста его потребленія, трудъ перевозки хлѣба въ зернѣ на рынокъ, съ рынка на мельницу, потомъ трудъ перевозки муки съ мельницы въ пекарню, и печенаго хлѣба съ пекарни на мѣсто его окончательнаго потребленія. Количество этого труда иногда очень велико: мука привозится въ Англію изъ за Атлантическаго океана, хлѣбъ въ зернѣ изъ глубины Россіи. Непосредственно трудятся надъ этимъ дѣломъ матросы и люди, занимающіеся извозомъ; кромѣ того тутъ надобно считать дорогія орудія, напримѣръ, корабли, на построеніе которыхъ было потрачено много труда; но этотъ трудъ не все свое вознагражденіе, а только часть его долженъ получать изъ хлѣба, потому что корабль, существующій много лѣтъ, употребляется обыкновенно на перевозку не одного хлѣба, а множества различныхъ товаровъ.

Такимъ образомъ вычислить трудъ, результатомъ котораго является извѣстный продуктъ, дѣло далеко не простое. Цифры, входяція въ расчетъ, очень многочисленны, могутъ даже казаться безконечно многочисленными: если частью труда, употребленнаго на производство хлѣба, мы должны считать трудъ кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, то почему же не считать и трудъ, употребленный на изготовленіе инструментовъ, которыми работаетъ кузнецъ, и инструментовъ, употребленныхъ на выдѣлку этихъ инструментовъ, и такъ далѣе до возникновенія исторіи? Но, поднявшись на двѣ или на три ступени этой восходящей лѣстницы, мы входимъ въ область дробей, слишкомъ мелкихъ для вычисленія. Предположимъ, что одинъ плугъ можетъ служить до своей порчи двѣнадцать лѣтъ; только двѣнадцатая часть труда, употребленнаго на выдѣлку плуга, должна входить

въ счетъ по жатвѣ каждаго года. Двѣнадцатая часть труда выдѣлки плуга количество еще замѣтное. Но одинъ приборъ инструментовъ годится кузнецу на то, чтобы выковать сто или больше плуговъ, которые двѣнадцать лѣтъ будутъ служить на воздѣлываніе земли въ ста разныхъ фермахъ. Итакъ одна тысяча-двухсотая часть труда, употребленнаго на выдѣлку инструментовъ,—вотъ вся часть его, пошедшая на одну жатву одной фермы; а когда эту дробь прійдется распредѣлять по мѣшкамъ пшеницы и по фунтамъ хлѣба, то каждый убѣдится, что такихъ количествъ не стоитъ брать въ расчетъ: они такъ мелки, что практически незамѣтны въ оцѣнкѣ товара. Правда, что если бы не работалъ мастеръ, дѣлавшій инструменты для кузнеца, то не было бы вовсе произведено хлѣба; но мѣшокъ пшеницы не повысится въ цѣнѣ и на одну десятую часть фартинга для вознагражденія его труда.

2. Второй способъ косвеннаго или непрямаго приложенія труда къ производству вещи требуетъ особеннаго вниманія; это трудъ, употребляемый на производство пищи для содержанія работниковъ въ теченіе времени, употребляемаго ими на производство. Это предварительное примѣненіе труда служитъ необходимымъ условіемъ всякой производительной операціи, кромѣ развѣ дѣлъ очень малаго размѣра. Кромѣ труда охотника и рыболова едва ли найдется какой-нибудь родъ труда, немедленно дающій свои результаты. Производство должно длиться извѣстное время и только по истеченіи этого срока получаютъ плоды производства. Работнику до начала дѣла необходимо имѣть запасъ пищи или пользоваться отъ кого нибудь другаго запасомъ пищи, достаточнымъ на его пропитаніе до окончанія производства, иначе онъ можетъ приниматься развѣ за такой трудъ, который удобно ведется съ перерывами, посвящаемыми на добываніе пищи инымъ путемъ; онъ не можетъ получить даже пищу сколько нибудь изобильную, потому что всякій способъ получить ее требуетъ, чтобы уже существовалъ запасъ пищи. Земледѣліе производитъ пищу только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и труды земледѣльца должны занимать значительную часть этого времени, хотя и нѣтъ надобности непрерывно продолжать ихъ рѣшительно все это время. Мало того, что земледѣліе невозможно безъ заготовленной напередъ пищи; нужно очень большое количество такого запаса, чтобы общество, сколько нибудь значительное, могло все содержать себя земледѣліемъ. Страна, подобная Англіи или Франціи, имѣетъ возможность заниматься земледѣліемъ въ нынѣшнемъ году только потому, что земледѣліе прошлыхъ годовъ произвело въ этихъ или другихъ странахъ запасъ пищи, достаточный на содержаніе ихъ земледѣльческаго населенія до слѣдующей жатвы. Производя кромѣ пищи множество другихъ вещей, эти страны могутъ производить ихъ только потому, что пища, запасенная въ прошлую жатву, достаточна на содержаніе многочисленнаго промышленнаго населенія, кромѣ земледѣльческихъ работниковъ.

Трудъ, употребленный на производство этого запаса продовольствія, составляетъ огромную и важную часть того прошедшаго труда, который былъ необходимъ для доставленія возможности къ занятію настоящимъ трудомъ. Но есть очень важная разница между этою и другими частями предварительнаго или прѣготовительнаго труда. Мельникъ, жнецъ, пахарь, кузнецъ, кующій плугъ, пзвощикъ и телѣжный мастеръ, даже матросъ и корабельный плотникъ (если корабль занятъ перевозкою хлѣба) получаютъ свое вознагражденіе изъ окончательнаго продукта, изъ хлѣба, который въ разныхъ видахъ требовалъ ихъ труда или произведенъ при помощи орудій, сдѣланныхъ ими. Трудъ, произведшій пищу, которою продовольствовались всѣ эти работники, столь же необходимъ для окончательнаго результата, для полученія хлѣба нынѣшней жатвы, какъ и

всѣ другія части труда, употребленнаго на нее. Но другія части этого труда вознаграждаются изъ нынѣшней жатвы, а эта часть, т. е. предварительный трудъ, получивъ свое вознагражденіе изъ пищи предварительно заготовленной. Чтобы получить продуктъ, нужны: трудъ, инструменты, матеріалы и кромѣ того пища для прокормленія работниковъ. Но инструменты и матеріалы не имѣютъ никакой цѣли или, по крайней мѣрѣ, не предназначаются ни для какой другой цѣли кромѣ полученія продукта, и трудъ ихъ изготовленія можетъ быть вознагражденъ только изъ продукта, который будетъ произведенъ ими. Пища, напротивъ того, имѣетъ свою внутреннюю полезность и употребляется на дѣло, имѣющее цѣль въ себѣ самомъ, на прокормленіе людей. Трудъ, употребленный на производство пищи и вознаграждаемый ею, не нуждается во вторичномъ вознагражденіи изъ продукта слѣдующаго труда, который былъ бы имъ прокормленъ. Если мы предположимъ, что одни и тѣ же работники занимались мануфактурнымъ производствомъ и вмѣстѣ занимались земледѣіемъ, прокармливая себя имъ во время мануфактурнаго труда, то они за свой трудъ имѣютъ, во-первыхъ, пищу, во-вторыхъ—мануфактурное издѣліе; но если они также занимались изготовленіемъ матеріаловъ и инструментовъ для своего мануфактурнаго дѣла, то за этотъ трудъ единственнымъ ихъ вознагражденіемъ будетъ мануфактурное издѣліе.

Требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищею, годною для продовольствія работниковъ, имѣетъ иной характеръ: тутъ вознаграждается не трудъ, а отсрочка личного потребленія. Если человѣкъ имѣетъ запасъ пищи, онъ можетъ потребить ее въ праздности самъ или на прокормленіе людей, прислуживающихъ ему, сражающихся за него, поющихъ или танцующихъ для него. Если вмѣсто того онъ отдаетъ пищу производительнымъ работникамъ на содержаніе ихъ во время ихъ дѣла, онъ можетъ, и, конечно, будетъ требовать вознагражденія изъ продукта. Онъ не будетъ доволенъ простымъ возвращеніемъ взятаго количества: получая назадъ только это количество, онъ только видитъ себя въ первоначальномъ положеніи, онъ не получилъ никакой выгоды отъ того, что отсрочилъ употребленіе сбереженныхъ имъ вещей на свое собственное удобство или удовольствіе. Онъ захочетъ получить что-нибудь за эту отсрочку; онъ захочетъ ожидать, чтобы затраченная имъ пища возвратилась къ нему съ увеличеніемъ, которое на коммерческомъ языкѣ называется прибылью; надежда на эту прибыль вообще бываетъ однимъ изъ побужденій, склоняющихъ человѣка накоплять запасъ, экономичная въ своемъ личномъ потребленіи, и заставляющихъ его по накопленіи запаса удерживаться отъ употребленія его на личное удобство или удовольствіе. Пища, содержащая другихъ работниковъ во время производства инструментовъ или матеріаловъ для труда, также должна была быть запасена для нихъ впередъ кѣмъ-нибудь и онъ также долженъ имѣть свою прибыль изъ окончательнаго продукта. Но разница здѣсь та, что окончательный продуктъ долженъ не только дать прибыль, но и вознагражденіе за трудъ по производству инструментовъ и матеріаловъ труда. Правда, мастеръ, дѣлавшій инструменты (напримѣръ кузнецъ, дѣлавшій плугъ), обыкновенно не ждетъ своей платы до окончанія жатвы: фермеръ даетъ ему уплату впередъ и заступаетъ его мѣсто, дѣлаясь владѣльцемъ плуга. Но тѣмъ не менѣе плата должна быть получена изъ жатвы; потому что фермеръ не сдѣлалъ бы издержки на покупку плуга, если-бъ не ожидалъ, что жатва уплатитъ ему и уплатитъ съ прибылью за эту новую затрату, т. е., если бы жатва, кромѣ вознагражденія земледѣльческимъ работникамъ (и прибылн фермеру за уплату имъ этого вознагражденія впередъ), не дала остатка, достаточнаго для вознагражденія работниковъ кузнеца, дѣлавшаго плугъ для полученія

прибыли этимъ кузнецомъ и полученія прибыли фермеромъ за выдачу впередъ этой прибыли кузнецу и вознагражденія работникамъ кузнеца.

3. Изъ этихъ соображеній видимъ, что, вычисляя и классифицируя отрасли промышленности, получающія косвенное или окончательное свое вознагражденіе изъ другого производительнаго труда, мы не должны включать въ этотъ счетъ трудъ, производящій продовольствіе и другіе предметы первыхъ потребностей на потребленіе производительныхъ работниковъ; потому что главная цѣль этого труда находится въ самомъ продовольствіи и хотя запасъ продовольствія даетъ средства заниматься другою работою, но это должно считаться только постороннимъ послѣдствіемъ, а не сущностью этого запаса. Остальные способы косвеннаго участія труда въ производствѣ распределяются на пять разрядовъ.

Во-первыхъ, трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ, которые должны быть передѣланы другимъ послѣдующимъ трудомъ. Во многихъ случаяхъ дѣло это состоитъ въ простомъ завладѣніи предметами или въ такъ называемой добывающей промышленности. Напримѣръ, трудъ рудокопа состоитъ въ томъ, что онъ выкапываетъ изъ земли вещества, которыя могутъ быть обращены промышленностью въ разные предметы, годные для человѣческаго употребленія. Но добывающая промышленность доставляетъ одни только матеріалы. Каменный уголь, напримѣръ, употребляется не только на промышленные процессы, но и прямо на согрѣваніе людей, и при такомъ употребленіи онъ уже не служитъ простымъ матеріаломъ, а самъ по себѣ дѣлается окончательнымъ продуктомъ. Тоже самое надобно сказать о добываніи драгоценныхъ камней. Они въ небольшомъ количествѣ употребляются при производствѣ, напримѣръ алмазь для рѣзанія стекла, корундъ для полпровки; но главное назначеніе драгоценныхъ камней—служить украшеніемъ; это прямое употребленіе на удовлетвореніе потребности. Чтобы служить этому назначенію, они, впрочемъ, нуждаются почти всегда въ обдѣлкѣ, и это, быть можетъ, даетъ намъ право считать ихъ не окончательнымъ продуктомъ, а матеріалами. Металлическія руды—просто матеріалы.

Къ производству матеріаловъ надобно причислить рубку лѣса, если лѣсъ рубится и готовится для построекъ, для столярнаго и другихъ ремеслъ. Въ лѣсахъ Америки, Норвегіи, Германіи, Пиринейскихъ и Альпійскихъ горъ этотъ родъ труда въ обширномъ размѣрѣ прилагается къ деревьямъ, произрастаемымъ самою природою. Въ другихъ случаяхъ мы должны прибавлять къ труду человѣка, рубившаго лѣсъ, трудъ человѣка, разводившаго и воспитывавшаго лѣсъ.

Къ этому разряду принадлежатъ также труды земледѣльца, производящаго ленъ, пеньку, хлопчатую бумагу, воспитывающаго шелковичныхъ червей, производящаго кормъ для скота, красильныя вещества, растенія для выдѣлки масла и множество другихъ предметовъ, пригодныхъ только для употребленія въ другихъ отрасляхъ промышленности. Сюда принадлежитъ также трудъ охотника, когда его цѣль въ добываніи мѣховъ и перьевъ; трудъ пастуха и земледѣльца, воспитывающаго скотъ, въ томъ отношеніи, что этимъ трудомъ доставляется шерсть, шкуры, щетина, рога, конскій волосъ и т. д. Вещи, служащія матеріалами для разныхъ издѣлій, имѣютъ самый разнородный характеръ и получаютъ почти изъ всѣхъ областей животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ. Кромѣ того, готовые продукты многихъ отраслей промышленности служатъ матеріалами для другихъ отраслей. Пряжа, производимая одною промышленностью, употребляется почти исключительно какъ матеріалъ для другой промышленности, для тканья. Самый продуктъ тканья служитъ главнымъ образомъ какъ матеріалъ для людей, изго-

товляющихъ одежду, или мебель, или новыя орудія для производительной промышленности, напримѣръ паруса. Все заятіе кожевника и дубильщика состоитъ въ превращеніи сыраго матеріала въ матеріалъ, такъ сказать, обработанный. Строго говоря, всѣ съѣстные продукты, выходящіе изъ рукъ земледѣльца, только матеріалы для людей, занимающихся приготовленіемъ пищи.

4. Второй разрядъ косвеннаго труда — трудъ выдѣлки инструментовъ или орудій для помощи труду. Я употребляю эти термины въ самомъ обширномъ смыслѣ, понимая подъ ними всѣ постоянныя орудія или пособія для производства, начиная съ кремня и огнива для высѣканія огня до пароваго корабля или самой сложной фабричной машины. Трудно опредѣлить черту разграниченія между орудіями и матеріалами, и нѣкоторыя вещи, служащія для производства (напримѣръ, топливо), едва ли захочетъ называть тѣмъ или другимъ именемъ разговорная рѣчь, приспособившаяся къ требованіямъ житейскихъ соображеній, а не научнаго изложенія. Чтобы избѣжать размноженія разрядовъ и названій, основанныхъ на подраздѣленіи, не имѣющемъ научной важности, экономисты включаютъ въ разряды орудій и матеріаловъ всѣ вещи, служащія непосредственно для производства (о вещахъ, служащихъ для него не-непосредственно, мы будемъ говорить на слѣдующихъ страницахъ). Можно думать, что проще и лучше всего ливія разграниченія между орудіями и матеріалами опредѣлится тѣмъ, если мы станемъ считать матеріаломъ всякое средство производства, которое служить на него только одинъ разъ, этимъ однимъ разомъ разрушаясь или становясь непригоднымъ для такого же вторичнаго дѣла. Такъ топливо, разъ сгорѣвъ, уже не можетъ снова служить топливомъ, — на топливо годится опять только та часть его, которая осталась несгорѣвшею въ первый разъ. Мало того, что оно за одинъ разъ истребляется употребленіемъ, оно и полезно только своимъ уничтоженіемъ, потому что если бы ни одна часть топлива не истребилась, то не произошло бы теплоты. Руно также уничтожается пряденіемъ нитокъ: когда онѣ выпрядены, руна уже не остается; да и самая пряжа уже перестаетъ быть пряжею, когда соткано изъ нея сукно. Но топоръ не уничтожается тѣмъ, что срубается дерево; онъ остается тѣмъ же топоромъ и можетъ потомъ служить на срубку еще сотни или тысячи деревьевъ. Правда, что каждымъ разомъ онъ нѣсколько портится, но онъ дѣлаетъ свое дѣло не тѣмъ, что портится, между тѣмъ какъ каменный уголь и руно дѣлаютъ свое дѣло тѣмъ, что разрушаются; напротивъ, топоръ тѣмъ лучшее орудіе, чѣмъ лучше держится противъ порчи. Къ разряду матеріаловъ справедливо причисляются разныя вещи, которыя могутъ идти въ дѣло по два и по три раза, но только тогда, когда продуктъ, составлявшійся изъ нихъ прежде, перестаетъ существовать. Желѣзо, составлявшее котель или рядъ трубъ, можетъ быть перековано въ плугъ или въ паровую машину; кирпичи, составлявшіе домъ, могутъ по его сломкѣ служить на постройку другаго дома. Но это возможно только по уничтоженіи прежняго продукта; эти вещи теряютъ свою годность быть матеріалами, пока не прекратится существованіе прежняго продукта. Не таковъ характеръ вещей, называемыхъ орудіями: онѣ могутъ постоянно употребляться все на новыя дѣла до той, иногда очень отдаленной поры, пока изотрутся, а дѣло ими сдѣланное продолжаетъ существовать, и если разрушается, то уже по своимъ собственнымъ законамъ или по случайностямъ, относящимся собственно уже къ нему, а не къ нимъ *).

* Критикъ, разбиравшій эту книгу въ *Edinburgh Review* (за октябрь 1848 года), иначе опредѣляетъ различіе между матеріалами и орудіями. Онъ предлагаетъ называть матеріалами „всѣ тѣ вещи, которыя потерлѣвъ перебиву, требуемую производствомъ, составляютъ предметъ обмѣна“

Изъ подраздѣленія вещей на матеріалы и на орудія слѣдуетъ только одна разница, очень важная въ практическомъ отношеніи и уже замѣченная нами на одной изъ предыдущихъ страницъ. Матеріалы, какъ матеріалы, разрушаются употребленіемъ за одинъ разъ; потому изъ одного этого продукта, производимаго однимъ разомъ, долженъ быть вознагражденъ весь трудъ, израсходованный на производство матеріаловъ, и человекъ, давшій средства заниматься этимъ трудомъ, также долженъ быть вознагражденъ за отсрочку своего личнаго потребленія. Напротивъ того, орудія могутъ служить на повтореніе производства много разъ, потому вся сумма продуктовъ, произведенію которыхъ содѣйствовалъ эти орудія, служить фондомъ, изъ котораго берется вознагражденіе за трудъ ихъ выдѣлки и вознагражденіе за отсрочку личнаго потребленія со стороны людей, сбереженіями которыхъ содержался этотъ трудъ. Достаточно будетъ, если каждый изъ множества этихъ продуктовъ дастъ часть, и обыкновенно незначительную часть, вознагражденія за трудъ и отсрочку потребленія при выдѣлкѣ орудій или часть вознагражденія ближайшему производителю за-то, что онъ далъ впередъ это вознагражденіе человеку, который произвелъ орудія.

5. Третій родъ косвеннаго труда. Кромѣ матеріаловъ, надъ которыми трудится производство, и орудій помогающихъ ему, нужны особенныя мѣры, принимаемыя для того чтобы ходъ производства не прерывался помѣхами и продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы или отъ человѣческаго насилія и хищничества. Изъ этого возникаетъ новый способъ, по которому трудъ, не употребленный прямо на самый продуктъ, содѣйствуетъ его производству: это трудъ, употребленный на охраненіе производства. Такова цѣль всѣхъ построекъ для промышленности: мануфактуръ, магазинововъ, доковъ, хлѣбныхъ амбаровъ, овпновъ, и земледѣльческихъ строеній для скота или для разныхъ операцій земледѣльческаго труда. Я не включаю сюда тѣ постройки, въ которыхъ живутъ работники, и которыя назначены для ихъ разныхъ личныхъ надобностей: эти постройки, подобно пещѣ работниковъ, удовлетворяютъ потребностямъ самого человека и должны причисляться къ вознагражденію за его трудъ. Есть разныя формы, въ которыхъ трудъ еще прямо употребляется на охраненіе производительныхъ процессовъ. Пастухъ занятъ почти только тѣмъ, чтобы охранять скотъ отъ вреда: положительныя силы, производящія охраняемый имъ продуктъ, дѣйствуютъ почти сами собою. Я уже говорилъ о трудѣ человека, копающаго канавы, дѣлающаго заборы (плетни) и изгороди. Сюда же надобно причислять трудъ солдата, полицейскаго стража и судьи. Эти агенты общества завимаются не исключительно охраненіемъ производства и жалованье имъ не составляетъ части издержекъ производства для отдѣльнаго производителя; но жалованье имъ уплачивается изъ налоговъ, собираемыхъ съ продуктовъ производства, и въ странѣ, имѣющей сколько-нибудь порядочное управленіе, эти люди оказываютъ операціямъ производства услугу гораздо значительнѣйшую издержки на содержаніе охранителей. Такимъ образомъ для всего общества ихъ трудъ составляетъ часть издержекъ производства и если бы количества продуктовъ не было достаточно на содержаніе этого труда, сверхъ всѣхъ другихъ требуемыхъ производствомъ родовъ труда, то производство не было бы возможно, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ

а орудіямъ или инструментами „вещи, которыя употребляются для произведенія этой перемены, но сами не становятся частью результата, поступающаго въ обмѣнъ“. По такимъ опредѣленіямъ, топливо, сожигаемое на фабрикѣ, надобно было бы считать не матеріаломъ, а орудіемъ. Это употребленіе терминовъ болѣе предлагаемаго мною согласовалось бы съ первоначальнымъ физическимъ значеніемъ слова матеріалъ; но подраздѣленіе, на которомъ оно основано, не важно для политической экономіи. — *Примѣч. авт.*

какъ теиерь. Надобно прибавить, что если бы правительство не давало охраненія дѣлу производства, то производители были бы принуждены или отнимать на свою защиту значительную часть своего времени и труда отъ производства, или нанимать на свою защиту вооруженныхъ людей; въ томъ и другомъ случаѣ трудъ охраненія прямо вознаграждался бы изъ продукта и нельзя было бы производить вещей, не дающихъ средства платить за этотъ прибавочный трудъ. При нынѣшнемъ устройствѣ продуктъ платитъ свою долю на такое же охраненіе и получаетъ его въ болѣе удовлетворительномъ качествѣ съ гораздо меньшими издержками, не смотря на растраты и расточительность, которымъ подвержены правительственные расходы.

6. 4-й разрядъ. Очень большое количество труда употребляется не на производство продукта, а на то, чтобы сдѣлать произведенный продуктъ доступнымъ для тѣхъ, для чьего употребленія онъ назначенъ. Есть много важныхъ разрядовъ работниковъ, занимающихся исключительно дѣлами этого рода. Во первыхъ, сюда принадлежатъ всѣ классы работниковъ, занятыхъ водяною или сухопутною перевозкою: погонщики муловъ, возчики, работники на рѣчныхъ судахъ, матросы, носильщики, прислуга желѣзныхъ дорогъ и т. д. Во вторыхъ, строители всѣхъ орудій перевозки: кораблей, барокъ, телѣгъ, локомотивовъ и т. д., также каналовъ, простыхъ и желѣзныхъ дорогъ. Дороги дѣлаются иногда правительствомъ, и за провозъ по нимъ ничего не берется; но тѣмъ не менѣе трудъ постройки ихъ уплачивается изъ продуктовъ. Уплачивая свою долю той части налоговъ, которая идетъ вообще на постройку дорогъ, каждый производитель платить за тѣ дороги, которыми пользуется; и если дороги строятся сколько нибудь разумительно, онѣ увеличиваютъ производительность его дѣла количествомъ гораздо большимъ этой уплаты.

Другой многочисленный классъ работниковъ, занятыхъ тѣмъ, чтобы дѣлать продукты доступными для потребителей—классъ оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, которыхъ можно назвать распределителями. Тратилось бы очень много времени и хлопотъ, неудобство часто доходило бы до невозможности, если бы производители могли получать нужныя имъ вещи только черезъ прямыя сдѣлки съ производителями. И производители, и потребители разбросаны; разстояніе между производителемъ и потребителемъ часто очень велико; чтобы уменьшить потерю времени и труда, давно придумали устраивать ярмарки и базары, на которыхъ производители и потребители могли бы періодически сходиться безъ всякаго посредничества. Эта система довольно удобна для многихъ товаровъ, въ особенности для земледѣльческихъ продуктовъ, потому что земледѣльцы въ извѣстныя времена года имѣютъ нѣкоторое количество свободного времени. Но даже и тутъ отправляться въ данное мѣсто часто бываетъ очень хлопотливо и неудобно покупателямъ, имѣющимъ другія занятія и не живущимъ въ близкомъ сосѣдствѣ; а по товарамъ, производство которыхъ требуетъ постояннаго вниманія производителей, эти періодическіе торги должны производиться черезъ такіе длинные промежутки и потребители должны запасать себѣ такія большія количества этихъ товаровъ, или такъ долго оставаться безъ нихъ, что еще въ тѣ времена, когда средствами общества не допускалось учрежденіе лавокъ, доставленіе такихъ товаровъ производителямъ вообще стало занятіемъ странствующихъ торговцевъ: разносчикъ, могшій являться разъ въ мѣсяць, представлялъ гораздо больше удобства нежели ярмарка, которая бывала только разъ или два раза въ годъ. Въ деревенскихъ округахъ, далекихъ отъ городовъ и большихъ селъ, ремесло разносчиковъ еще не совершенно устранено лавками. Но торговецъ, всегда имѣющій товары въ извѣстномъ мѣстѣ и имѣющій постоянныхъ покупателей, снабжаетъ

потребителей гораздо вѣрнѣ разнощика, и потребители предпочитаютъ обращаться къ нему, если только дойти до него не трудно; потому торговцы находятъ выгоду основывать постоянныя лавки въ каждой мѣстности, гдѣ есть число покупателей, достаточное для ихъ вознагражденія.

Часто производитель и торговецъ одно и тоже лицо, или производителю принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, товаръ, продаваемый торговцемъ, и надзоръ за продажей. Портной, сапожникъ, булочникъ и многіе другіе торговцы сами производятъ товары, которыми торгуютъ, сами обращаютъ свои матеріалы въ продуктъ, которымъ торгуютъ. Но соединеніе производителя съ лавочникомъ въ одномъ лицѣ выгодно только тогда, когда товаръ удобно производить въ томъ самомъ мѣстѣ или близко къ тому мѣсту, гдѣ выгодно производить мелочную распродажу его, и когда притомъ товаръ производится и продается небольшими единицами. Когда товаръ надобно привозить издалека, одному лицу неудобно наблюдать и за производствомъ и за продажей; когда товаръ лучше и дешевле можно производить въ большомъ размѣрѣ, то одна фабрика требуетъ для сбыта своего продукта продажи его въ столькихъ разныхъ мѣстностяхъ, что удобнѣе всего передавать мелочную продажу другимъ лицамъ; даже сапоги и платье обыкновенно получаютъ не прямо отъ производителей, когда вдругъ требуются въ большомъ количествѣ, какъ; напримѣръ, на цѣлый полкъ или на рабочій домъ: они поставляются въ такихъ случаяхъ торговыми посредниками, имѣющими своимъ занятіемъ разузнавать, отъ какихъ производителей дешевле можно достать лучшій товаръ. Даже въ тѣхъ товарахъ, окончательная продажа которыхъ происходитъ по мелочи, удобство скоро создаетъ классъ оптовыхъ торговцевъ. Когда продукты и торговые сдѣлки размножились до известной степени, когда одна мануфактура снабжаетъ много лавокъ, а одна лавка должна покупать товары изъ многихъ мануфактуръ разнаго рода, то для пѣбжанія хлопотъ и траты времени мануфактуристамъ и мелочнымъ торговцамъ становится удобнѣе имѣть дѣло не прямо другъ съ другомъ, а съ небольшимъ числомъ оптовыхъ торговцевъ; они, собирая товаръ отъ разныхъ производителей, распределяютъ его по мелочнымъ торговцамъ, которые, въ свою очередь, распределяютъ его по потребителямъ. Изъ этихъ разныхъ разрядовъ составляется распределяющій классъ, дѣятельность котораго служитъ дополненіемъ къ дѣятельности производящаго класса, и распределенный такимъ образомъ продуктъ, или его цѣна, служитъ источникомъ, изъ котораго распределители вознаграждаются за свою дѣятельность и за отсрочку личнаго потребленія, давшую имъ средство производить впередъ уплаты, требуемая дѣломъ распределенія.

7. Мы кончили перечисленіе способовъ, которыми служить производству трудъ, обращенный на вѣшнюю природу. Но есть еще способъ употребленія труда, также ведущій къ этой цѣли, хотя еще отдаленнѣйшимъ путемъ, — это трудъ, предметомъ котораго бываетъ человекъ. Каждый изъ людей воспитывается съ младенчества; на это воспитаніе или прокормленіе расходуется много труда однимъ или нѣсколькими другими людьми, и еслибъ не былъ употребленъ на человека весь этотъ трудъ или часть его, ребенокъ никакъ не достигъ бы возраста и силы, чтобы стать въ свою очередь работникомъ. Для общества во всей цѣлости, трудъ и издержки на воспитаніе (прокормленіе) малолѣтней части населенія составляютъ часть расхода, служащаго условіемъ производства; эта часть должна съ избыткомъ покрываться будущимъ продуктомъ труда воспитываемыхъ. Напротивъ, отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходу и обыкновенно вовсе не по тому побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политическая экономія въ большей части своихъ соображеній не должна причислять этого

труда и расхода къ издержкамъ производства. Но техническое или промышленное воспитаніе общества, трудъ, употребляемый на то, что люди учатъ и учатся производительнымъ искусствамъ, на пріобрѣтеніе и сообщеніе мастерства въ этихъ искусствахъ, — этотъ трудъ совершается именно для того, и обыкновенно единственно для того, чтобы черезъ него достигъ большаго или болѣе цѣннаго производства, чтобы учащимся было со временемъ собрано вознагражденіе за него или даже вознагражденіе съ излишкомъ и кромѣ того доставлено пропорціональное вознагражденіе учителю, если у него былъ учитель.

Умственный трудъ, дающій производительную силу, подобно физическому, долженъ считаться частью труда, которымъ общество исполняетъ свои производительныя операціи, иначе сказать, долженъ считаться частью стоимости продукта для общества. Точно то же надобно сказать и о трудѣ, употребляемомъ на поддержаніе производительныхъ силъ, на охраненіе ихъ отъ гибели или ослабленія вреднымъ случаемъ или болѣзнью. Трудъ доктора или хирурга, когда имъ пользуются производители, долженъ считаться въ общественной экономіи пожертвованіемъ, дѣлаемымъ для того, чтобы предохранить отъ гибели, смерти или болѣзни ту часть производительныхъ средствъ общества, которую составляютъ жизнь и тѣлесныя или умственныя силы членовъ общества, занимающихся производствомъ. Но для отдѣльныхъ людей расчетъ служить только частью, иногда незамѣтною частью побужденій, по которымъ они обращаются къ медицинскому пособію. Когда человѣкъ даетъ хирургу произвести надъ нимъ ампутацію или старается вылѣчиться отъ лихорадки, главнымъ побужденіемъ тутъ бываетъ не экономической расчетъ, хотя и этотъ расчетъ самъ по себѣ уже составляетъ достаточное основаніе лѣчиться. Такимъ образомъ, здѣсь мы видимъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда трудъ и расходъ, ведущій къ производству, совершается не для этой цѣли, не для выгоды, и потому выходитъ изъ сферы почти всѣхъ тѣхъ общихъ теоремъ, которыя выводятся политической экономіею относительно производительнаго труда; но если брать въ расчетъ дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно этотъ трудъ и расходъ считать частью затраты, которая нужна обществу для производительныхъ операцій, и вознагражденіемъ за которую долженъ быть продуктъ.

8. Есть еще родъ труда, который, причисляясь обыкновенно къ умственному, содѣйствуетъ полученію продукта также прямо, хотя не такъ непосредственно, какъ и самъ физическій трудъ; это трудъ изобрѣтателей промышленныхъ процессовъ. Я говорю „онъ обыкновенно причисляется къ умственному“, потому что въ сущности онъ не исключительно умственный. Всякая человѣческая дѣятельность состоитъ изъ соединенія умственнаго и тѣлеснаго элемента. Самый тупой носильщикъ, изо дня въ день таскающій кирпичи по подмосткамъ, исполняетъ дѣло отчасти умственное: самая понятливая собака, самый умный слонъ, вѣроятно, не могутъ выучиться этому. Самый тупоумный человѣкъ, будучи пріученъ, можетъ вертѣть рукоятку машины, а лошадь не можетъ вертѣть этого колеса, если кто нибудь не погоняетъ ее и не смотритъ за ней. Наоборотъ, есть физическій элементъ въ трудѣ повидимому чисто умственномъ, если онъ производить какой нибудь внѣшній результатъ. Ньютонъ не могъ бы произвести своихъ Principia безъ физическаго труда, ему нужно было писать или диктовать свою книгу; ему надобно также было начертить много фигуръ, написать много вычисленій и доказательствъ, пока онъ готовилъ ихъ въ умѣ. Изобрѣтатели, кромѣ головной работы, вообще дѣлаютъ много труда руками, устроявая модели и производя опыты, прежде чѣмъ ихъ мысль успѣетъ осуществиться на фактѣ. Но все равно, будетъ ли ихъ трудъ умственнымъ или физическимъ, онъ составляетъ часть труда, совершающаго производство. Трудъ Уатта,

изобрѣтшаго паровую машину, былъ такою же существенною частью производства, какъ трудъ работниковъ, дѣлающихъ такія машины или управляющихъ ими, и, подобно ихъ труду, онъ производился съ расчетомъ на вознагражденіе изъ продукта. Часто трудъ изобрѣтешя цѣнится и уплачивается тѣмъ же способомъ, какъ трудъ исполненія. У многихъ фабрикантовъ, производящихъ модныя вещи, находятся на службѣ изобрѣтатели, получающіе за составленіе рисунковъ жалованье или рабочую плату, точно такъ же какъ другіе получаютъ ее за копированіе рисунковъ. Все это составляетъ въ строгомъ смыслѣ часть труда производства, какъ трудъ автора книги составляетъ часть этого продукта наравнѣ съ трудомъ типографщика и переплетчика.

Съ національной или всеобщей точки зрѣнія, трудъ ученаго или мыслителя, занимающагося отвлеченными изслѣдованіями, составляетъ часть производства въ такомъ же тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ трудъ человѣка, дѣлающаго практическое изобрѣтеніе, потому что многія практическія изобрѣтенія были прямыми послѣдствіями теоретическихъ открытій, и каждое расширеніе знаній о силахъ природы было плодотворно по отношенію къ житейскимъ дѣламъ. Электро-магнитный телеграфъ былъ изумительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіемъ опытовъ Эрстеда и математическихъ изслѣдованій Ампера, нынѣшнее искусство мореплаванія было непредвидѣннымъ выводомъ изъ изслѣдованій Александрійскихъ математиковъ о свойствахъ трехъ кривыхъ, производимыхъ сѣченіемъ плоскости и конуса,—изслѣдованій чисто отвлеченныхъ и производившихся, повидимому, просто изъ любознательности. Даже съ чисто матеріальной точки зрѣнія нельзя опредѣлить никакихъ границъ для важности мышленія, хотя бы мы говорили только о производствѣ. Но эти матеріальныя послѣдствія, хотя и бывающія результатомъ ученыхъ изслѣдованій, рѣдко составляютъ прямую цѣль ихъ; потому и вознагражденіе за нихъ вообще берется не изъ увеличенія продуктовъ, производимаго учеными открытіями случайно и почти всегда долго спустя послѣ того, какъ они сдѣланы; въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ расчетъ этого дѣла, и мыслитель, занимающійся отвлеченными изысканіями, обыкновенно считается только производителемъ книгъ и другихъ полезныхъ предметовъ, имѣющихъ продажную цѣну, прямо производимыхъ ими. Но если мы станемъ на другую точку зрѣнія, переходить на которую мы всегда должны быть готовы въ политической экономіи, и возьмемъ въ соображеніе не дѣла частныхъ лицъ и не ихъ побужденія, а національныя и общечеловѣческія результаты, то мы должны приписать теоретическому мышленію могущественнѣйшее участіе въ производительномъ трудѣ общества, а ту часть средствъ общества, которая употребляется на веденіе и вознагражденіе этого труда, высоко производительною частью расходовъ общества.

9. Обзорѣвая способы употребленія труда на производство, я не держался обыкновеннаго раздѣленія промышленности на земледѣльческую, мануфактурную и торговую, потому что оно плохо соотвѣтствуетъ условіямъ классификаціи. Подъ него вовсе не подходятъ или подходятъ лишь съ большою натяжкою многія важныя отрасли производительной промышленности, напимѣръ, не говоря уже объ охотѣ и рыболовствѣ, рудокопство, дѣланіе дорогъ и мореходство. Пригомъ, нельзя провести точной границы между земледѣльческою и мануфактурною промышленностью. Напимѣръ, къ какой пѣзъ нихъ надбно отнести ремесло мельника и булочника? По своему характеру это занятія мануфактурныя; пища уже окончательно разсталась съ землею, переходя въ ихъ руки. Но тоже можно сказать о трудѣ молотбы и вѣянія хлѣба, о дѣланіи масла и сыра, занятіяхъ, всегда причисляемыхъ къ земледѣльческой промышленности, вѣроятно,

потому, что обыкновенно они исполняются людьми, живущими на фермѣ, подъ тѣмъ же самымъ управленіемъ, какъ хлѣбопашество. По многимъ отношеніямъ, всѣ эти люди, въ томъ числѣ мельникъ и булочникъ, должны причисляться къ одному разряду съ пахарями и жнецами. Всѣ они занимаются производствомъ пищи и получаютъ свое вознагражденіе изъ произведенной пищи; когда одни изъ нихъ имѣютъ изобиліе, его имѣютъ и другіе. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ собою „земледѣльческую партію“. Трудами всѣхъ ихъ вмѣстѣ оказывается націи одна общая услуга, и всѣ они получаютъ уплату изъ одного источника. Наоборотъ, даже землепашество, когда имъ производится не пища, а матеріалъ для такъ называемой мануфактурной промышленности, по многимъ отношеніямъ принадлежитъ въ общественной экономіи къ этой промышленности. Каролинскій воздѣлыватель хлопчатой бумаги и австралійскій производитель шерсти имѣютъ больше общихъ интересовъ съ прядильщикомъ и ткачемъ, нежели хлѣбопашецъ. Но съ другой стороны, промышленность, непосредственно связанная съ землею, имѣетъ, какъ мы увидимъ, особенныя свойства, изъ которыхъ проистекаютъ очень важныя факты и которыми она отличается отъ послѣдующихъ фазисовъ производства, хотя бы велась и тѣми же людьми, какъ эти дальнѣйшія операціи; отличается отъ молотбы и вѣянія столько же, сколько отъ тканья каленкора. Когда я буду говорить о земледѣльческомъ трудѣ, я буду вообще разумѣть такую промышленность, и ее надобно подразумѣвать въ моихъ словахъ исключительно, если прямо или косвенно не сказано, что смыслъ моего выраженія относится не къ ней. Слово „мануфактурный“ такъ неопредѣленно, что неудобно употреблять его, когда нужна точность выраженій, и когда я буду употреблять его, читатель долженъ знать, что я хочу говорить популярнымъ, а не научнымъ языкомъ.

ГЛАВА III.

Непроизводительный трудъ.

1. Трудъ необходимъ для производства, но производство не всегда бываетъ его результатомъ. Есть много труда, и труда очень полезнаго, предметъ котораго вовсе не производство. Сообразно этому, трудъ раздѣляется на производительный и непроизводительный. Политико-экономы много спорили о томъ, какіе роды труда должны считаться непроизводительными, не всегда замѣчая, что въ сущности не было никакого фактическаго основанія для того, чтобы спорить имъ.

Были писатели, хотѣвшіе называть производительнымъ только такой трудъ, результатомъ котораго бываетъ осязательный предметъ, удобно передаваемый отъ одного человѣка другому. Есть другіе (въ томъ числѣ Мекъ-Келлокъ и Сэ), считающіе слово непроизводительный унизительнымъ и возстающіе противъ примѣненія его къ какому бы то ни было полезному труду, какому бы то ни было труду, приносящему пользу или удовольствіе, равное расходу на него. Трудъ чиновниковъ, морскихъ и сухопутныхъ войскъ, медиковъ, адвокатовъ, преподавателей, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, актеровъ и актрисъ, домашней прислуги и т. д. не долженъ, по словамъ этихъ писателей, „клеимться“ шпенемъ непроизводительнаго, когда эти люди дѣйствительно исполняютъ дѣло, за которое получаютъ плату, и когда количество ихъ не превышаетъ числа, нужнаго для исполненія дѣла,—они, кажется, считаютъ выраженіе „непроизводительный“ синонимомъ словъ излишній, бесполезный, пустой. Мнѣ кажется, что споръ этотъ происходитъ отъ непониманія дѣла. Производство не единственная

цѣль чловѣческаго существованія; названію „непроизводительный“ нѣтъ необходимости быть клеймомъ, да и писателя, примѣнявшіе его къ извѣстнымъ родамъ труда, вовсе не думали клеймить ихъ этимъ словомъ. Тутъ дѣло идетъ чисто о формѣ выраженія и о классификаціи. Но разниця формъ выраженія не лишена своей важности, хотя бы и не основывалась на различіи мнѣній: пзъ двухъ разныхъ выраженій, одинаково согласныхъ съ полною истинною, одно обыкновенно привлекаетъ наше вниманіе къ одной сторонѣ предмета, другое къ другой. Потому мы должны нѣсколько заняться разными значеніями, заключающимися въ терминахъ „производительный“ и „непроизводительный“ по примѣненію къ труду.

Во-первыхъ, не надобно забывать, что даже въ такъ называемомъ производствѣ матеріальныхъ предметовъ производится не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всего чловѣчества не можетъ произвести ни одного атома матеріи. Соткать сукно значить только расположить особеннымъ образомъ частицы шерсти; произвести хлѣбъ значить только помѣстить частицу матеріи, называемую зерномъ, въ такое положеніе, чтобы она могла стягивать разныя частицы матеріи изъ земли и воздуха для составленія новой комбинаціи, называемой растеніемъ. Создавать матерію мы не можемъ, а можемъ только заставлять ее принимать качества, по которымъ она, бывши прежде бесполезною для насъ, становится полезною. Мы производимъ и хотимъ произвести всегда только полезность, по вѣрному выраженію Сэ: трудъ создаетъ не предметы, а только полезности. Точно также потребляются и разрушаются нами не самые предметы⁸⁾. Матерія, изъ которой они состояли, остается, больше или меньше измѣнившись въ формѣ; потребляются собственно качества, по которымъ они были пригодны для назначавшейся имъ цѣли⁹⁾. Потому Сэ и нѣкоторые другіе писатели основательно спрашива-

⁸⁾ Милль нарушаетъ строгую точность терминологіи, — надобно было сказать не „предметы“, а „матерія, составляющая предметы“. Предметы мы создаемъ. Предметомъ называется часть матеріи, принявшая извѣстную форму и качества. Трудъ, давая желѣзу пропитаться кислородомъ, превращаетъ желѣзо въ сталь. Сталь особенный предметъ. Этотъ предметъ самую природою не создается; онъ создается только трудомъ. Но матерія, составляющая сталь, не создается трудомъ: онъ не можетъ произвести ни одного атома желѣза или кислорода. Но и тутъ опять: матерія, составляющая желѣзо, атомы этого предмета не производятся трудомъ: онъ только извлекаются изъ желѣзной руды; а желѣзо все такъ особенный предметъ, различный отъ желѣзной руды (напримѣръ, отъ магнита). Желѣзо какъ желѣзо, какъ особенный предметъ, не существуетъ въ природѣ; оно создается трудомъ. Мы не можемъ создавать атомы матеріи или элементы ея (простыя химическія тѣла); но мы создаемъ ихъ комбинаціи; каждая изъ этихъ комбинаціи есть особенный предметъ; каждое опредѣленное количество каждой комбинаціи или каждаго элемента, получившее особенную фигуру, прочно сохраняющуюся и оказывающую такія дѣйствія, какихъ тоже вещество не имѣетъ въ другихъ фигурахъ, также есть особенный предметъ, напримѣръ, плугъ, заступъ, вилы, вилка — разные предметы, производимые трудомъ изъ желѣза. Конечно, и тутъ дѣло только въ формѣ выраженія. Точно также мы и разрушаемъ предметы, а не разрушаемъ только матерію ихъ.

⁹⁾ Опять та же неточность. Сами предметы могутъ быть потребляемы, самыя частицы матеріи потребляются (хотя не истребляются, между тѣмъ какъ предметы даже истребляются). Пища потребляется организмомъ, всасывается въ его составъ, такъ что вмѣсто двухъ предметовъ, куска хлѣба и организма, получается одинъ предметъ, организмъ, съ нѣсколько увеличившимся количествомъ сначала одной пзъ своихъ частей, крови, потомъ другихъ частей, мускуловъ, костей и т. д. Скажутъ: это увеличеніе уравновѣшивается потериею частицъ черезъ ихъ выдѣленіе; но въдъ выдѣляется воее не то, что принимается, не хлѣбъ, а уже испарина и т. д. Притомъ, потребленіе пищи составомъ организма превышаетъ ея выдѣленіе во все время, пока организмъ растетъ. Это и предыдущее замѣчаніе показываютъ, какъ опасно пользоваться трудами французскихъ экономистовъ школы Смита: даже такой сильный въ логикѣ, такой точный умъ, какъ умъ Милля, тотчасъ же впадетъ въ неточность, лишь только вздумалъ воспользоваться мыслью лучшаго изъ этихъ экономистовъ, Сэ.

ваютъ: если подъ фразу „мы производимъ предметы“ надобно понимать только: производимъ полезности¹⁰⁾, то какъ же не считать производительнымъ всякій трудъ, производящій полезность. Какъ отказывать въ производительности труду хирурга, исправляющаго руку, судьи или законодателя, вносящаго безопасность въ общество, и давать это имя ювелиру, граничащему и шлифующему алмазъ? Какъ отказывать въ этомъ имени труду наставника, научающаго меня мастерству, которое меня будетъ пропитывать, и давать его кандитеру, дѣлающему конфеты на мнѣтное наслажденіе чувству вкуса?

Совершенная правда, что всѣ эти роды труда производятъ полезности, и вопросъ, занимающій насъ теперь, вовсе не существовалъ бы, если бы производство полезности само по себѣ уже удовлетворяло понятію, господствующему между людьми о производительномъ трудѣ. Въ выраженіяхъ „производство и производительный“ есть эллипсисъ, въ нихъ подразумѣвается понятіе, что произведено *ничто*; а это *ничто* по общему понятію не полезность, а богатство. Производительный трудъ значитъ „трудъ, производящій богатство“. Такимъ образомъ мы должны возвратиться къ вопросу, котораго касались въ первой главѣ: что такое богатство? должны ли быть считаемы богатствомъ вообще всѣ полезные продукты, или только матеріальные продукты.

2. Полезности, производимыя трудомъ, бываютъ трехъ родовъ:

Во первыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя во внѣшнихъ предметахъ, производимыя трудомъ, употребляемымъ на придачу внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ-качествъ, дѣлающихъ ихъ годными для людей. Это обыкновенный случай; онъ не требуетъ объясненія.

Во вторыхъ, полезности, вложенныя и осуществленныя въ людяхъ; трудъ въ этомъ случаѣ употребляется на придачу людямъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ годными для самихъ себя и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ людей, занимающихся воспитаніемъ: не только учителей, гувернеровъ и профессоровъ, но и правительствъ, насколько правительства заботятся объ улучшеніи народа и успѣваютъ въ томъ; трудъ моралпстовъ и духовенства, насколько онъ приноситъ пользу; трудъ докторовъ, насколько онъ служитъ средствомъ къ сохраненію жизни и физическихъ или умственныхъ силъ; трудъ людей, обучающихъ физическимъ занятіямъ, разнымъ промысламъ, практическимъ наукамъ и искусствамъ, вмѣстѣ съ трудомъ учениковъ на пріобрѣтеніе этихъ знаній и искусствъ; наконецъ, вообще всякій трудъ, обращаемый въ жизни человѣкомъ на улучшеніе своего или чужаго знанія и на развитіе своихъ или чужихъ физическихъ или умственныхъ способностей.

Въ третьихъ, полезности, не вложенныя и не осуществленныя ни въ какомъ предметѣ, а состоящія только въ томъ, что оказывается услуга, дается удовольствіе, отвращается неудобство или страданіе на извѣстное время, но не оставляется никакого

¹⁰⁾ Нѣтъ, эти выраженія неправильны: мы производимъ и потребляемъ не только полезности, а самые предметы, и, надобно сказать, что производить полезность мы можемъ не иначе, какъ производя предметъ, потреблять ее не иначе, какъ только потребляя предметъ. Весь эпизодъ, на который мы дѣлали эти замѣчанія, возникъ изъ фальшиваго понятія о качествахъ матеріи, какъ о чѣмъ-то различномъ отъ матеріи, о чѣмъ-то самобытномъ, какъ будто о какихъ-то эфирныхъ предметахъ (невѣсомыхъ жидкостяхъ), сидящихъ въ томъ грубо матеріальномъ предметѣ, который можно класть на вѣсы. Разныя качества матеріи—это таже самая матерія, рассматриваемая съ разныхъ точекъ зрѣнія по соприкосновенію съ другими частями матеріи. Точныя выраженія таковы: мы производимъ предметъ для того, чтобы воспользоваться извѣстными качествами его, составляющими его полезность для насъ; потребляя предметъ, мы пользуемся этими качествами или полезностью его.

постояннаго приобрѣтенія въ улучшеніи качествъ какого нибудь лица или какой нибудь вещи; трудъ здѣсь употребляется прямо на производство полезности, а не на приспособленіе какого нибудь другаго предмета къ произведенію полезности, какъ бываетъ, въ первыхъ двухъ случаяхъ. Таковъ, напримѣръ, трудъ музыканта, актера, чело-вѣка, декламирующаго что нибудь передъ публикой или дающаго передъ нею какое нибудь представленіе. Безъ сомнѣнія этимъ можетъ производиться нѣкоторая и иногда очень большая польза чувствамъ и расположенію ума или общему состоянію пріятнаго чувства въ зрителяхъ, остающаяся и по окончаніи дѣла; или, наоборотъ, вмѣсто пользы можетъ производиться также долговременный вредъ. Но цѣлью дѣла служить не это долговременное пзмѣненіе, не за него платить зритель: цѣль публики и актера только непосредственное наслажденіе. Таковъ же трудъ армія и флота; лучшее, что могутъ они сдѣлать, это предохранить страну отъ покоренія иностранцами, отъ обидъ матеріальныхъ или нравственныхъ; это услуга, но она оставляетъ страну безъ всякой пере-мѣны къ лучшему или худшему. Точно таковъ же трудъ законодателя, судьи и всѣхъ другихъ агентовъ правительства при отправленіи ихъ обыкновенныхъ обязанностей, если не принимать въ соображеніе того вліянія, какое они могутъ имѣть на улучшеніе національнаго характера; услуга ими оказываемая состоитъ въ охраненіи тишины и безопасности; эти предметы составляютъ производимую ими полезность. Кому нибудь можетъ показаться, что люди, занимающіеся перевозкою, и торговцы должны быть отне-сены къ тому же классу, потому что ихъ трудъ не придаетъ предметамъ никакихъ новыхъ качествъ. Нѣтъ, онъ придаетъ предметамъ новое качество, качество находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, тогда какъ прежде они находились въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ; а это качество очень полезное, и полезность имъ производимая воплощена въ самыхъ предметахъ, которые теперь дѣйствительно находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ они нужны, и по такому увеличенію своей полезности могутъ быть прода-ваемы за цѣну, возвысившуюся пропорціонально труду, употребленному на вложеніе въ предметы этого качества. Итакъ, трудъ перевозки и торговли принадлежит не къ третьему, а къ первому классу.

3. Теперь мы должны рассмотретьъ, о какомъ изъ этихъ разрядовъ труда надобно сказать, что онъ производитъ богатство (вспомнимъ что подъ терминомъ „производительный“ разумѣется выраженіе „производящій богатство“). Полезностей третьяго раз-ряда, состоящихъ въ удовольствіяхъ, которыя существуютъ только во время самаго на-слажденія, и въ услугахъ, которыя существуютъ только въ то время, пока совер-шаются, нельзя назвать богатствомъ, иначе какъ съ намѣреніемъ выразиться метафо-рически. Существенная черта идеи богатства та, что оно можетъ быть накапливаемо; вещи, которыя, будучи произведены, не могутъ быть хранимы хотя сколько нибудь вре-мени, никакъ не считаются богатствомъ; потому что, сколько бы ни было ихъ произве-дено, сколько бы ни было получено отъ нихъ наслажденія, челоуѣкъ, пользовавшійся ими, не сталъ отъ нихъ богаче и обстоятельства его нисколько ими не улучшены. Но обычное понятіе не нарушается такъ явно и положительно, если богатствомъ назовется всякій предметъ, который, будучи полезнымъ, можетъ быть накапливаемъ. Ловкость, энер-гія работниковъ извѣстной страны, ихъ постоянство въ работѣ причисляются къ богат-ству ея, подобно ихъ инструментамъ и машинамъ. По этому опредѣленію, мы должны счи-тать производительнымъ всякій трудъ, употребляемый на созданіе сохраняющихся по-лезностей, въ чемъ бы ни воплощались онѣ, въ людяхъ или въ другихъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ предметахъ. Это основаніе номенклатуры: я уже предлагалъ въ

одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній *) и думаю, что оно лучше всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ цѣли классификаціи, хотя не строго соотвѣтствуетъ разговорному языку.

Но когда терминъ богатство примѣняется къ промышленнымъ способностямъ людей, въ разговорной рѣчи всегда подразумѣвается тутъ отношеніе къ матеріальнымъ продуктамъ. Искусство мастерового считается богатствомъ только потому, что оно средство къ пріобрѣтенію богатства въ матеріальномъ смыслѣ, и качества, не ведущія явнымъ образомъ къ этой цѣли, едва-ли могутъ называться богатствомъ. Какой бы драгоценностью ни были для страны геній, добродѣтели и другія достоинства ея жителей, они не называются богатствомъ страны иначе какъ въ метафорическомъ смыслѣ или тогда, когда смотря на эти качества, какъ на продажные товары, которыми страна можетъ пріобрѣтать матеріальное богатство изъ другихъ странъ, какъ, напримѣръ, дѣлали древніе греки и разныя націи новаго времени. Если бы я создавалъ новый техническій языкъ, я избралъ бы основаніемъ подраздѣленія способность продуктовъ сохраняться, а не ихъ матеріальность. Но при употребленіи терминовъ, вошедшихъ въ общее употребленіе, надобно употреблять ихъ такъ, чтобы дѣлать какъ можно меньше насилія привычному языку. Улучшеніе терминологіи, покупаемое насиліемъ принятаго смысла разговорныхъ фразъ, вообще покупается слишкомъ дорого, потому что изъ смѣшенія старыхъ понятій съ новыми возникаетъ темнота.

Потому, когда я буду говорить о богатствѣ въ этомъ трактатѣ, я буду понимать подъ этимъ словомъ только такъ называемое матеріальное богатство, а подъ производительнымъ трудомъ только тѣ роды дѣятельности, которыми производятся полезности, воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ. Но ограничивая смыслъ термина этимъ значеніемъ, я хочу пользоваться имъ въ полномъ размѣрѣ этого тѣснаго значенія и не откажу въ названіи производительнаго такому труду, который не даетъ матеріальнаго продукта прямымъ своимъ результатомъ, если окончательнымъ послѣдствіемъ этого труда бываетъ увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ. Такъ, я называю производительнымъ трудъ, употребленный на пріобрѣтеніе мануфактурной ловкости, давая ему это названіе не за самую ловкость, а за производимые ею матеріальные продукты, созданію которыхъ существенно полезенъ трудъ обученія ремеслу. Трудъ правительственныхъ агентовъ, доставляющихъ охраненіе, которое тѣмъ или другимъ способомъ необходимо доставлять промышленности для ея успѣшности, долженъ считаться производящимъ даже матеріальное богатство, потому что безъ него оно не могло бы существовать въ изобиліи подобномъ нынѣшнему. Такой трудъ можетъ называться непрямо или косвенно производительнымъ, въ противоположность труду землепашца или ткача, служащихъ производству непосредственно. Сходство между ними то, что они одинаково оставляютъ страну съ большимъ богатствомъ матеріальныхъ продуктовъ, нежели какое она имѣла до нихъ; они увеличиваютъ матеріальное богатство или ведутъ къ его увеличенію.

4. Непроизводительнымъ трудомъ напротивъ того будетъ называться у меня трудъ, не имѣющій своимъ окончательнымъ результатомъ созданіе матеріальнаго богатства; трудъ, который, въ какомъ бы обширномъ размѣрѣ и съ какимъ бы успѣхомъ ни производился, оставляетъ общество и, въ окончательномъ выводѣ, весь міръ не богаче прежняго матеріальными продуктами, а напротивъ бѣднѣе ими на все то количество, какое было потреблено работниками во время занятія этимъ трудомъ. Итакъ на языкѣ поли-

*) *Essays on some unsettled questions of political economy.* Этюдъ III „о словахъ производительный и непроизводительный“. — *Прим. авт.*

тической экономіи непроеводительнымъ называется всякій трудъ, который кончается непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивая накопленнаго запаса постоянныхъ средствъ къ наслажденію. По опредѣленію, нами принятому, долженъ также считаться непроеводительнымъ и трудъ, кончающийся произведеніемъ не мимолетной пользы, какъ бы ни была она важна, если только увеличеніе матеріальныхъ продуктовъ не составляетъ части этой пользы. Спасеніе жизни друга будетъ производительнымъ трудомъ только въ томъ случаѣ, если имъ спасенъ производительный работникъ, производящій больше нежели потребляетъ. Дѣйствія миссіонера или проповѣдника могутъ назваться совершенно производительными, если кромѣ религіознаго ученія они преподають искусства цивилизованныхъ странъ, какъ дѣлали въ нѣкоторыхъ случаяхъ миссіонеры острововъ Тихаго Океана. Напротивъ того очевидно, что чѣмъ больше количество миссіонеровъ или проповѣдниковъ, содержимыхъ націею, тѣмъ меньше продуктовъ остается у ней для расходованія на другіе предметы, между тѣмъ какъ, чѣмъ больше благоразумныхъ расходовъ дѣлаетъ она на содержаніе земледѣльцевъ и мануфактурныхъ работниковъ, занятыхъ производствомъ, тѣмъ больше будетъ имѣть она продуктовъ для употребленія на другіе предметы. При равныхъ обстоятельствахъ, въ первомъ случаѣ уменьшается, а во второмъ случаѣ увеличивается запасъ матеріальныхъ продуктовъ у націи.

Непроеводительный трудъ можетъ быть столь же полезнымъ, какъ и производительный, даже со стороны прочной выгоды; но въ другихъ случаяхъ онъ можетъ давать только пріятное ощущеніе, исчезающее безъ всякихъ слѣдовъ; наконецъ онъ можетъ не давать даже и этого, а составлять безусловную растрату труда. Какъ бы то ни было, но общество и человѣчество не богатѣютъ, а бѣднѣютъ отъ него. Всѣ матеріальные продукты, потребляемые человѣкомъ, ничего не производящимъ, исключаются этимъ потребленіемъ изъ того количества матеріальныхъ продуктовъ, которыми владела бы нація безъ этого потребленія. Но если нація не можетъ богатѣть отъ непроеводительнаго труда, то отдѣльный человѣкъ можетъ, напротивъ, богатѣть отъ него. За непроеводительный трудъ работникъ можетъ получать отъ людей, пользующихся или наслаждающихся его трудомъ, такое вознагражденіе, которое можетъ служить ему значительнымъ источникомъ богатства. Но его выигрышъ уравнивается потерей людей, платящихъ ему; быть можетъ, они получили удовольствіе, равное сдѣланному ими расходу, но они стали бѣднѣе на всю израсходованную сумму. Когда портной дѣлаетъ пальто и продаетъ его, мы имѣемъ, во-первыхъ, передачу платы за пальто отъ покупателя портному, и кромѣ того пальто, котораго прежде не было. Но когда пріобрѣтаетъ вознагражденіе актеръ, мы имѣемъ просто передачу платы въ его кошелекъ изъ кошелька зрителя, и въ вознагражденіе зрителю не остается никакого предмета богатства. Потому общество въ цѣломъ своемъ составѣ ничего не пріобрѣтаетъ отъ труда актера, а теряетъ въ формѣ доходовъ актера, всю ту часть богатства, которую онъ потребляетъ, сохраняя только то, что онъ сберегаетъ. Но на счетъ другихъ націй, нація можетъ увеличивать свое богатство и непроеводительнымъ трудомъ, какъ можетъ этимъ путемъ увеличивать его на счетъ другихъ людей отдѣльный человѣкъ. Доходы итальянскихъ пѣвицъ, нѣмецкихъ гувернантокъ, французскихъ танцовщицъ служатъ источникомъ богатства для ихъ отечествъ, когда онѣ возвращаются домой, сохранивъ часть полученнаго. Маленькія греческія государства, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были грубы и отстали отъ другихъ, были разсадниками солдатъ, нанимаемыхъ восточными государями и сатрапами для веденія бесполезныхъ и разрушительныхъ войнъ: они возвращались подъ старость въ отечество съ накопленными деньгами. Они занимались непроеводительнымъ

трудомъ, и жалованье, ими полученное, вмѣстѣ съ добычею, или награбленною, было безвозвратною тратою для странъ, дававшихъ его; но, не будучи увеличеніемъ богатства для человѣческаго рода, оно было увеличеніемъ богатства Греціи. Позднѣе, та же самая страна и ея колоніи стали снабжать римскую имперію авантюристами другого рода, подъ именемъ философовъ или риторовъ, учившими молодежь высшихъ сословій тѣмъ знаніямъ, которыми тогда дорожили; почти всѣ эти люди занимались трудомъ непродизводительнымъ, но ихъ большіе доходы служили источникомъ богатства для ихъ отечества. Ни однимъ изъ этихъ занятій общее богатство человѣчества не увеличивалось. Услуги, оказываемыя этими людьми, если были полезны, то получались черезъ пожертвованіе части матеріальнаго богатства, принадлежавшаго человѣческому роду; а если онѣ были бесполезны, то все богатство, потребленное этими людьми, тратилось совершенно напрасно.

Но не одинъ непродизводительный трудъ составляетъ растрату богатства. Производительный трудъ также бываетъ расстрою богатства, если расходуется въ количествѣ большемъ, нежели какимъ дѣйствительно пораждается производство. Если по неискусству работниковъ или по неразсудительности людей, управляющихъ работою, производительная дѣятельность ведется дурнымъ образомъ; если фермеръ продолжаетъ пахать плугомъ въ три лошади съ двумя людьми, когда опытъ показалъ, что довольно для плуга двухъ лошадей съ однимъ человѣкомъ,—лишній трудъ составляетъ растрату, хотя и употребленъ на производство. Если принять новый процессъ производства и окажется не лучше или хуже прежнихъ способовъ, трудъ, употребленный на изобрѣтеніе и на осуществленіе его, также растраченъ, хотя употребленъ на производство. Нація можетъ бѣднѣть отъ производительнаго труда, если производимое имъ богатство, то-есть увеличеніе запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей, не таково, чтобы страна нуждалась въ немъ тогда, когда оно произведено; напримѣръ, когда товаръ не продается, потому что произведенъ въ количествѣ, превышающемъ настоящую надобность, или когда спекулянты строятъ доки и магазины тамъ, гдѣ нѣтъ еще торговли. Обанкротившіеся штаты Сѣверной Америки сдѣлали эту ошибку, преждевременно построивъ желѣзныя дороги и каналы; не рѣшено еще, не сдѣлала ли Англія того же самаго непропорціональнымъ развитіемъ спекуляцій на желѣзныя дороги. Трудъ, затраченный въ ожиданіи отдаленной выгоды, когда огромность нуждъ или ограниченность средствъ страны требуетъ быстрого возврата затратъ, дѣлая страну бѣднѣе во время его всюю суммою потребления трудящихся надъ нимъ, можетъ и въ результатѣ оставить ее бѣднѣе того, чѣмъ она была бы, если бы искала быстрого возвращенія затратъ, отлагая до будущаго времени тѣ предпріятія, которыя не даютъ скорой выгоды.

5. Термины „производительный“ и „непроизводительный“ прилагаются не къ одному труду, но и къ потребленію. Не всѣ члены общества производители, но всѣ они потребители и потребляютъ или производительно или непродизводительно. Кто ничѣмъ, ни прямо, ни косвенно не содѣйствуетъ производству, тотъ потребитель непродизводительный. Производительными потребителями бываютъ одни только производительные работники (считая конечно и трудъ надзора за производительный, подобно труду исполненія).¹ Но даже потребленіе производительныхъ работниковъ бываетъ непродизводительнымъ потребленіемъ: производительные потребители могутъ имѣть непродизводительное потребленіе. То, что они потребляютъ на поддержаніе или улучшеніе своего здоровья, силы и своей способности къ труду, или на воспитаніе другихъ производительныхъ работниковъ, которые замѣстятъ ихъ, то служитъ потребленіемъ производительнымъ. Но

потребление на удовольствія или на предметы роскоши должно считаться непроеизводительнымъ, все равно, будетъ ли оно производиться праздными или трудящимися людьми, потому что производство не цѣль его и никакимъ образомъ не можетъ увеличиться отъ него. Но изъ этого надобно, вѣроятно ¹¹⁾, исключить извѣстное количество удовольствій, которое можетъ быть причислено къ предметамъ необходимости, потому что безъ него трудъ не получалъ бы всей своей успѣшности. Производительнымъ потреблениемъ надобно считать только то, которое обращено на поддержаніе и увеличеніе общественныхъ производительныхъ силъ, находящихся въ землѣ, въ матеріалахъ, въ количествѣ и качествѣ орудій производства и въ людяхъ, составляющихъ общество.

Есть предметы, которые не способны, можно сказать, къ производительному потребленію. Все годовичное потребленіе золотого шитья, апельсинавъ, шампанскаго должно считаться непроеизводительнымъ, потому что эти вещи не даютъ никакой помощи производству и не даютъ жизни или силъ такой поддержки, которую не могли бы съ такимъ же успѣхомъ дать вещи менѣ дорогія. Изъ этого можно было бы заключить, что трудъ, употребленный на ихъ производство, не долженъ считаться производительнымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понимается экономистами. Я согласенъ, что трудъ, употребляемый на производство вещей для непроеизводительныхъ потребителей, ни мало не можетъ содѣйствовать обогащенію общества. Портной, дѣлающій платье челоуѣку, непроеизводящему ничего, самъ остается производительнымъ работникомъ; но черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ платье изношено, а износившій его не произвелъ ничего на его замѣну, и общество тогда оказывается точно также не ставшимъ богаче отъ труда портнаго, какъ если бы такая же сумма была заплачена за ложу въ оперѣ. Но тѣмъ не менѣе общество было богаче отъ этого труда, пока платье носилось, т. е. пока общество черезъ одного изъ своихъ непроеизводительныхъ членовъ не потребило непроеизводительнымъ образомъ продуктъ труда. Золотое шитье или апельсинъ отличаются отъ этого платья только тѣмъ, что они еще болѣе далеки отъ качества вещей необходимыхъ. Итакъ эти вещи составляютъ богатство, пока не будутъ потреблены.

6. Но изъ этого мы видимъ, что есть между разными родами труда различіе еще болѣе важное для общества, нежели различіе между производительнымъ и непроеизводительнымъ трудомъ; это различіе между трудомъ на производительное и трудомъ на непроеизводительное потребленіе, различіе между трудомъ, употребляемымъ на поддержаніе или увеличеніе производительныхъ средствъ страны и трудомъ, не имѣющимъ такого результата. Только часть продуктовъ страны назначается на производительное потребленіе; остальная часть служитъ на непроеизводительное потребленіе производителей и на все потребленіе непроеизводительныхъ классовъ. Предположимъ, что пропорція годовичнаго производства, обращаемаго на первую изъ этихъ дѣлей, составляетъ половину всей суммы; тогда только половина производительныхъ работниковъ страны занята дѣлами, отъ которыхъ зависитъ постоянное богатство страны. Другая половина изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣнія занята производствомъ вещей, которыя потребляются и исчезаютъ безъ всякаго результата, и все потребленіе этой половины работниковъ составляетъ для постоянныхъ національныхъ средствъ такую же

¹¹⁾ Конечно, не „вѣроятно“, а „навѣрное“ надобно исключить. Если работникъ подаритъ жемъ или дочери серебряныя серьги, купленные за полтинникъ или за день труда, это удовольствіе навѣрное столько оживитъ и ободритъ его, что онъ на долгое время становится энергичнѣе и усерднѣе къ работѣ, и производительность его труда навѣрное увеличится многими рублями отъ этого потраченнаго на удовольствие полтинника.

полную потерю, какъ бы оно было потребленіемъ непроизводительнымъ: все потребленное этими работниками исчезаетъ безвозвратно. Предположимъ, что эта вторая половина работающаго населенія перестала работать и что центральное правительство или мѣстные округа содержали ее въ праздности цѣлый годъ; трудъ первой половины работниковъ былъ бы достаточенъ, чтобы произвести, какъ производилъ прежде, предметы необходимаго потребленія для нея самой и кромѣ того для второй половины, а такъ же и поддержать безъ уменьшенія запасъ матеріаловъ и орудій; правда, непроизводительные классы умерли бы тогда съ голода или были бы принуждены сами производить свое продовольствіе, а все общество въ теченіе цѣлаго года имѣло бы только вещи первой необходимости. Но источники производства остались бы всѣ въ цѣлости и на слѣдующій годъ не было бы причины не произвести такой же суммы продуктовъ, какъ если бы и не существовалъ годичный интервалъ бездѣйствія. А если мы предположимъ наоборотъ, что первая половина работниковъ прекратила на годъ свои обычныя занятія, то въ концѣ года страна оказалась бы совершенно обѣднѣвшею.

Большою ошибкою было бы жалѣть о томъ, что значительная часть годичнаго продукта идетъ въ богатой странѣ на непроизводительное потребленіе. Это значило бы жалѣть о томъ, что общество имѣетъ много излишка за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей, для употребленія на свои удовольствія и на высшія цѣли. Эта часть продукта служить фондомъ, пзъ котораго покрываются всѣ надобности общества по потребностямъ высшимъ, нежели простое поддержаніе жизни; эта часть служитъ мѣриломъ средствъ общества къ наслажденію и силы его совершать всѣ тѣ дѣла, цѣль которыхъ состоитъ не въ производствѣ. Надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ для подобныхъ дѣлъ и что онъ можетъ быть употребленъ на нихъ. Предметомъ сожалѣнія, предметомъ заботы объ исправленіи должно быть то, что этотъ излишекъ распределяется съ изумительною неравномѣрностью, что большая часть его употребляется на вещи пустыя и что избыточная часть достается на долю людямъ, которые не возвращаютъ за нее равномѣрныхъ услугъ обществу.

ЗАМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕМЪ ПЕРВЫМЪ ГЛАВАМЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

I.

Гипотетическій методъ изслѣдованія.

Мы видѣли уже много примѣровъ тому, какими приѣмами пользуется политическая экономія при рѣшеніи своихъ задачъ. Это приѣмы математическіе. Иначе и быть не можетъ, потому что предметъ науки—количества, подлежащія счету и мѣрѣ, понимаемыя только черезъ вычисленіе и измѣреніе. Напримѣръ, спрашивается: полезно ли было для Англіи отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ, то есть дозволеніе безошлинно ввозить иностранный хлѣбъ? Тотчасъ же вычисляется, сколько фунтовъ хлѣба среднимъ числомъ приходилось въ Англіи, до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, на потребленіе человѣку, сколько приходится теперь; оказывается, что теперь средняя цифра потребленія хлѣба больше, и дѣло рѣшено безвозвратно: отмѣна хлѣбныхъ законовъ была полезна.

Цифры, доставляемыя статистикою, чрезвычайно важны. Но онѣ часто бываютъ недостаточны для рѣшенія именно самыхъ коренныхъ вопросовъ, вопросовъ о вредномъ или полезномъ вліяніи каждаго изъ основныхъ элементовъ общественной жизни, разсматриваемой со стороны матеріальнаго благосостояніи. Статистическій фактъ обыкновенно бываетъ явленіемъ очень многосложнымъ, зависящимъ отъ дѣйствія многочисленныхъ элементовъ, перепутывающихся въ немъ своими вліяніями такъ, что трудно бываетъ безъ особенныхъ, облегчающихъ дѣло, способовъ распознать, какая роль принадлежитъ въ немъ извѣстному элементу; кромѣ того, является вопросъ: не играетъ ли этотъ элементъ иной роли въ другихъ фактахъ?—надобно было бы перебрать всѣ тѣ факты, въ произведеніи которыхъ онъ участвуетъ, а это очень трудно: всѣ факты общественной жизни такъ перепутаны взаимнымъ вліяніемъ, всѣ элементы ея такъ развѣтвляются своими послѣдствіями по всѣмъ отраслямъ ея, что нельзя быть увѣрену, приняты ли въ соображеніе всѣ факты, на которыхъ отразилось дѣйствіе извѣстнаго элемента, не ускользнули ли отъ вниманія нѣкоторыя и, быть можетъ, самыя важныя дѣйствія этого элемента. Напримѣръ: были ли полезны для Англіи войны, которая вела она съ Франціею въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка? Очень многіе находятъ до сихъ поръ, что онѣ были полезны, развили англійское земледѣліе, англійскую мануфактурную промышленность и торговлю. Большинству читателей такое мнѣніе, конечно, кажется недѣлюстью. Но въ подтвержденіе ему приводятся тысячи статисти-

ческих данных. Разумѣется, люди, опровергающіе его, также приводятъ противъ него тысячи статистическихъ данныхъ. При такой многочисленности статистическихъ данныхъ съ обѣихъ сторонъ, споръ запутывается до того, что невозможно было бы принять тотъ или другой взглядъ иначе, какъ по произволу, по личному образу мыслей, словомъ сказать, произносить рѣшеніе по капризу, на удачу, если бы для полученія точнаго, несомнѣннаго, безспорнаго отвѣта не существовалъ иной методъ, кромѣ метода разбора статистическихъ данныхъ. Но такой методъ существуетъ.

Этотъ методъ состоитъ въ томъ, что когда намъ нужно опредѣлить характеръ извѣстнаго элемента, мы должны на время отлагать въ сторону запутанныя задачи, и приискивать такія задачи, въ которыхъ интересующій насъ элементъ обнаружилъ бы свой характеръ самымъ несомнѣннымъ образомъ, приискивать задачи самаго простѣйшаго состава. Тогда, узнавъ характеръ занимающаго насъ элемента, мы можемъ уже удобно распознать ту роль, какою играетъ онъ и въ запутанной задачѣ, отложенной нами до этой поры.

Напримѣръ, вмѣсто многосложной задачи: были ли войны съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка полезны для Англіи, берется простѣйшій вопросъ, незамутанный никакими побочными обстоятельствами: можетъ ли война быть полезна, не для какой нибудь шайки, а для многочисленной націи?

Теперь, какъ же рѣшить этотъ вопросъ? Дѣло идетъ о выгодѣ, то есть о количествѣ благосостоянія или богатства, объ уменьшеніи или увеличеніи его, то есть о величинахъ, которыя измѣряются цифрами. Откуда же мы возьмемъ цифры? Никакой историческій фактъ не даетъ намъ этихъ цифръ въ томъ видѣ, какой намъ нуженъ, то есть въ простѣйшемъ видѣ, такъ чтобы онѣ зависѣли единственно отъ опредѣляемаго нами элемента, отъ войны;—во всякомъ историческомъ фактѣ, какъ въ той войнѣ, которая возбудила этотъ вопросъ, статистическія явленія и цифры опредѣлялись не однимъ элементомъ войны, а также множествомъ всевозможныхъ другихъ условій и обстоятельствъ.

Итакъ, изъ области историческихъ событій мы должны перенестись въ область отвлеченнаго мышленія, которое вмѣсто статистическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіею, дѣйствуетъ надъ отвлеченными цифрами, значеніе которыхъ условно, и которыя назначаются просто по удобству.

Напримѣръ, оно поступаетъ такъ.

Предположимъ, что общество имѣетъ 5,000 человѣкъ населенія, въ томъ числѣ 1,000 взрослыхъ мужчинъ, трудомъ которыхъ содержится все общество. Предположимъ, что 200 изъ нихъ пошли на войну. Спрашивается, каково экономическое отношеніе этой войны къ обществу? Увеличила или уменьшила она благосостояніе общества?

Линь только мы произвели такое простѣйшее построеніе вопроса, рѣшеніе становится столь просто и безспорно, что можетъ быть очень легко отыскано каждымъ, и не можетъ быть опровергнуто никѣмъ и ничѣмъ.

Каждый, кто умѣетъ производить умноженіе и дѣленіе, не задумавшись, скажетъ: до войны, каждому работнику приходилось содержать пять

человѣкъ, а во время войны, когда 200 работниковъ отвлечены отъ труда, осталось 800 работниковъ; они должны содержать себя, 4,000 человекъ остального населенія и кромѣ того еще 200 бывшихъ работниковъ, пошедшихъ на войну, всего 5,000 человекъ; стало быть, каждому приходится содержать 6,25 человекъ (иначе говоря, прежде 100 работниковъ содержали 500 человекъ, теперь содержать 625 человекъ),—ясно, что положеніе работниковъ стало тяжелѣе и что остальные члены общества не могутъ быть содержимы въ прежнемъ изобиліи. Ясно, что война вредна для благосостоянія общества.

Читатель видитъ, что абсолютной величинѣ цифръ не приписывается тутъ никакой важности: важность только въ томъ, увеличилась или уменьшилась извѣстная пропорція отъ перемѣны въ цифрѣ того элемента, характеръ котораго мы хотимъ узнать. Больше будетъ, или меньше будетъ, вотъ все, что намъ нужно знать, чему мы придаемъ важность. Если выходитъ „больше“, оно все таки останется „больше“, какія бы цифры мы ни взяли, а если выходитъ „меньше“, то все таки выйдетъ „меньше“, какія бы цифры мы ни взяли.

Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ не 5,000, а 600,000 человекъ; положимъ, что въ немъ не 1,000, а 150,000 работниковъ; положимъ, что на войну пошли не 200 человекъ, а 50,000 человекъ, выводъ будетъ все тотъ же:

До войны работникъ содержалъ 4-хъ человекъ; во время войны осталось изъ 150,000 человекъ работниковъ только 100,000; стало быть, каждому приходится содержать по 6 человекъ. Тоже самое, что и прежде: работникамъ стало тяжелѣе прежняго, а всему населенію общества хуже прежняго.

Мы видимъ также, что въ какой именно пропорціи стало хуже, это уже зависитъ отъ величины взятыхъ нами цифръ; онѣ брались нами предположительно, потому мы и не придавали важности точной величинѣ пропорціи. Но мы видимъ также, что чѣмъ болѣе пропорція людей посылается на войну, тѣмъ больше вредъ, приносимый войною, обществу, и потому говоримъ: убыточность войны для общества прямо пропорціональна числу людей, идущихъ на войну.

Эти выводы сохраняютъ свою совершенную безспорность, полную математическую достовѣрность, хотя цифры брались нами просто „по предположенію“, просто сопровождались словомъ „предположимъ“.

По этому термину, „предположеніе“, „гипотеза“, самый методъ называется гипотетическимъ.

Возвращаемся теперь къ частному, фактическому вопросу, на время отложенному нами: полезна ли была для Англій война съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка?—мы видимъ, что онъ уже разрѣшенъ, что онъ допускаетъ одно только рѣшеніе: если война вообще не можетъ быть полезна, если отъ нея всегда вообще бѣднѣетъ общество, то, конечно, и рядъ войнъ, о которомъ мы говоримъ, былъ вреденъ для Англій.

Въ этомъ общемъ смыслѣ, политико-экономическіе вопросы рѣшаются посредствомъ гипотетическаго метода съ математическою достовѣрностью,

лишь бы только были поставлены правильно, лишь бы только обращены были въ уравненія вѣрнымъ образомъ. Рѣшеніе получается въ словахъ „увеличивается“ и „уменьшается“, то есть „польза“ и „вредъ“, „выгода“ и „убытокъ“.

Иное дѣло, если мы хотимъ узнать, какъ именно велико было вредное или полезное дѣйствіе опредѣленнаго нами элемента на данное общество въ данномъ случаѣ, какъ именно великъ былъ вредъ, нанесенный Англии войнами съ Франціею въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Это уже дѣло исторіи и статистики; онѣ должны отвѣчать на него своими не гипотетическими, а положительными разсказами и цифрами. Трактатъ, нами переводимый, занимается почти исключительно вопросами въ самомъ общемъ ихъ видѣ; потому къ помощи исторіи и статистики намъ рѣже понадобится прибѣгать, нежели къ гипотетическому методу. Но какъ надобно думать о тѣхъ случаяхъ, когда на общее рѣшеніе вопроса, находимое гипотетическимъ способомъ, возражаютъ фактами и цифрами относящимися къ одному или нѣсколькимъ отдѣльнымъ событіямъ, когда, напримѣръ, на рѣшеніе „война убыточна“ возражаютъ цифрами о развитіи англійской торговли и промышленности во время войнъ съ Франціею при республикѣ и Наполеонѣ? Если эти цифры достовѣрны, то естественно является надобность провѣрить, могутъ ли онѣ считаться слѣдствіями того элемента, дѣйствію котораго приписываются, или произведены были вліяніемъ другихъ элементовъ. Въ результатѣ мы всегда находимъ, что это такъ, что если при существованіи извѣстнаго элемента были въ обществѣ факты, противорѣчившіе общему характеру его, найденному нами посредствомъ гипотетическаго метода, то они производились дѣйствіемъ другихъ, противоположныхъ ему элементовъ, которые могли даже пересилить его вліяніе, но которыхъ дѣйствіе ослаблялось его вліяніемъ.

Имѣя математическій характеръ, гипотетическій методъ въ сущности всегда дѣйствуетъ цифрами; но часто уравненія, составляемыя по его правиламъ, такъ немногосложны, что писатель предоставляетъ самому читателю вообразить въ своемъ умѣ какія нибудь цифры, а самъ ограничивается только неопредѣленными словами „больше“ и „меньше“. Напримѣръ: чѣмъ больше пропорція работниковъ или взрослыхъ мужчинъ въ числѣ населенія, тѣмъ благосостояніе общества значительнѣе. Если подобныя соображенія относить, какъ и слѣдуетъ, къ гипотетическому методу, мы увидимъ, что рѣшительно вся политическая экономія развивается его помощью. Конечно, такія неопредѣленныя выраженія, такіе короткіе доводы читаются легче, нежели тѣ нѣсколько длинные расчеты, въ которыхъ дѣйствительно выставляются цифры. Если въ нашихъ замѣчаніяхъ будетъ довольно много расчетовъ и цифръ, это происходитъ не отъ того, чтобы мы не понимали утомительности ихъ для читателя; но мы обращаемъ вниманіе читателя на такіе вопросы, которые слишкомъ многими писателями рѣшались ошибочно, фальшивое мнѣніе о которыхъ сильно распространено. Говорить о нихъ только неопредѣленными словами „много“ и „мало“, „больше“ и „меньше“ было бы неудовлетворительно; а выводы изъ ихъ правильнаго рѣшенія такъ важны, что заслуживаютъ употребленія нѣкоторой напряженной внимательности при ихъ изслѣдованіи.

II.

Выгодное и убыточное для общества производство и потребление.

Мы видѣли, что трудъ бываетъ производительный или непроизводительный, потребление бываетъ производительное или непроизводительное. Слѣдую Адаму Смиту и Рикардо, Милль относитъ къ непроизводительному труду многіе роды занятій, которые французскими экономистами, и въ томъ числѣ Сэ, обыкновенно причисляются къ труду производительному. Послѣ разъясненій Милля не остается никакого сомнѣнія, что французскіе экономисты обольщаютъ себя въ этомъ случаѣ грубыми натяжками; откуда же явилось въ нихъ расположеніе придумывать софизмы въ опроверженіе вывода, очень ясно сдѣланнаго еще Адамомъ Смитомъ? Сэ самъ объясняетъ эту причину: слово непроизводительность набрасываетъ какую-то дурную тѣнь на тѣ роды занятій, къ которымъ относится. Милль говоритъ, что непроизводительность не мѣшаетъ многимъ занятіямъ быть очень почтенными и полезными. Но Сэ самъ знаетъ, что они почтенны и полезны; именно потому онъ и старался избавить ихъ отъ имени непроизводительныхъ. Изъ такого разнорѣчія мыслителей, думающихъ въ сущности одинаково, мы должны заключить, что есть въ самомъ поставленіи вопроса какая нибудь неясность. Конечно, трудъ Гаррика и Кина, превосходно передававшихъ Шекспира, гораздо выше, нежели трудъ полуграмотнаго писаря, безтолково читающаго передъ сельскими старшинами предписаніе волостнаго иривленія; но почему же трудъ писаря не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ своей полезности для общества, а труды Гаррика и Кина показались французскимъ экономистамъ нуждающимися въ защитѣ посредствомъ натянутыхъ объясненій? Почему въ словѣ „непроизводительный“ лежитъ какое-то порицаніе, несмотря на высокое достоинство нѣкоторыхъ родовъ непроизводительнаго труда?

Для этого надобно намъ вникнуть въ распредѣленіе силъ общества между разными занятіями, въ отношеніе этихъ занятій къ потребностямъ общества.

Предположимъ, что общество состоитъ изъ 4,000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 1,000 человѣкъ—взрослые мужчины, трудомъ которыхъ должно содержаться все общество. Положимъ, что среднимъ числомъ нужно по 2 четверти хлѣба въ годъ на человѣка. Положимъ, что каждый работникъ, занимаясь земледѣліемъ половину года или 150 рабочихъ дней, производить 20 четвертей. Въ такомъ случаѣ нужно на производство 8,000 четвертей 400 человѣкъ, занимающихся производствомъ въ теченіе половины года, или, что то же, будетъ занято число дней, равное годовичному труду 200 работниковъ. Положимъ, что на производство другихъ съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ для доставленія здоровой и разнообразной пищи (мясо, молоко, овощи), нужно столько же времени, или годовичный трудъ также 200 работниковъ. Положимъ, что столько же труда (200) нужно на изготовленіе и поправку жилищъ и на заготовленіе топлива; столько же на изготовленіе удовлетворительной одежды и мелкихъ хозяйственныхъ надоб-

ностей первой необходимости. Это все трудъ, прямо обращенный на предметы надобности. Кромѣ того, нужно извѣстное количество непрямого производительнаго труда на поддержаніе этого прямого труда. Положимъ, что на охраненіе нужно 50 работниковъ, и на другіе роды непрямаго труда (приготовленіе инструментовъ и проч.) столько же. Это все трудъ, обращенный на производство предметовъ первой надобности; итакъ, мы имѣемъ, что обществу нужно слѣдующее число годовыхъ единицъ труда (или слѣдующее число годовыхъ работниковъ, считая по 300 рабочихъ дней на человѣка) для изготовленія предметовъ первой необходимости въ количествѣ, удовлетворяющемъ надобности всего общества:

Производство хлѣба	200	работниковъ.
„ другихъ съѣстныхъ припасовъ	200	„
„ жилищъ и топлива	200	„
„ одежды и остальныхъ надобностей	200	„
Охраненіе общества и продуктовъ	50	„
Другіе роды непрямого производ. труда	50	„
Итого		900 работниковъ.

Итакъ, на всѣ другія занятія, кромѣ занятій по производству предметовъ первой надобности, остается 100 единицъ труда или 100 взрослыхъ мужчинъ.

Теперь, вмѣсто того, чтобы начинать расчетъ съ надлежащаго начала, съ мысли о хлѣбѣ и другихъ первыхъ надобностяхъ,—вмѣсто того, чтобы оставлять на другія занятія только то количество времени, или людей, какое остается избыточнымъ по удовлетвореніи первыхъ надобностей, мы попробуемъ повернуть дѣло задомъ напередъ, и прежде всего подумаемъ о томъ, какія вещи пріятны, какія наслажденія возвышенны и назовемъ прежде всего трудъ на нихъ.

Намъ нуженъ 1) театръ; на него нуженъ трудъ 20 человѣкъ. Намъ нужны 2) концерты,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 3) бронзовыя украшенія,—тоже 20 человѣкъ. Нужны 4) золотое шитье; 5) шелковые обои и занавѣси; 6) нужны разныя другія издѣлія того же сорта: на каждый предметъ по 20 работниковъ, всего 120 работниковъ. Но это все для глазъ и слуха, а неужели не подумать о желудкѣ? Намъ нужны гастрономическія кушанья,—положимъ на нихъ хотя 40 работниковъ,—право, это очень умѣренно; нужны тонкія вина—еще 40 человѣкъ; итого на гастрономическія наслажденія 80 и на другіе предметы роскоши 120 человѣкъ, всего 200 работниковъ.

Ясно, что на предметы первой надобности остается только 800 работниковъ, вмѣсто 900, которые были бы нужны для производства ихъ въ достаточномъ количествѣ. Ясно, что на многихъ членовъ общества будетъ недоставать этихъ предметовъ, и что явится гораздо больше поводовъ развиваться воровству и другимъ нарушеніямъ тишины и собственности. На охраненіе общества стѣ этихъ изкушеній нужно больше труда; вмѣсто прежнихъ 50 работниковъ нужно на это 100. Въ какомъ же видѣ будетъ прямое производство предметовъ первой надобности?

Всего остается, за вычетомъ этихъ 200 работниковъ по предметамъ роскоши, 100 по охраненію и 50 по непрямому производству другихъ разрядовъ, на прямое производство предметовъ первой надобности 650 человекъ, вмѣсто того, что надобно ихъ 800.

Что тогда будетъ? Безъ хлѣба жить нельзя, уменьшеніе по производству пищи надеть главнымъ образомъ не на него, а на мясо, овощи и т. д. Но можно и хлѣба ѣсть нѣсколько меньше; такимъ образомъ, на производство его можно вмѣсто 200 работниковъ употребить 175 человекъ: тогда его будетъ производиться 7,000 четвертей.

Остается на другіе съѣстные продукты, жилища, топливо, одежду и проч. вмѣсто прежнихъ 600 работниковъ только 475. Мяса и другихъ съѣстныхъ припасовъ можно производить гораздо меньше, вѣдь это прихоти, довольно и одного хлѣба; вмѣсто 200 работниковъ положимъ на это 125. Тогда на жилища и топливо останется 175, на одежду тоже 175.

Мы видимъ, что и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ жилищахъ, и во всѣхъ другихъ предметахъ первой надобности очень многіе члены общества будутъ имѣть очень сильный недостатокъ.

Отчего этотъ недостатокъ? Оттого-ли, что занятія, которыми поглощено время 200 работниковъ, не полезны сами по себѣ и не возвышенны? Это все равно. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, занятія поваровъ и бронзовщиковъ, не имѣютъ въ себѣ ничего особенно возвышеннаго. Но другія очень почтенны или возвышенны: въ числѣ этихъ 200 работниковъ есть великіе живописцы, превосходные музыканты, гениальные художники всякаго рода. Это все равно. Все равно, чѣмъ бы ни занимались эти 200 человекъ, они занимаются не производствомъ предметовъ первой необходимости, между тѣмъ какъ обществу не достаетъ предметовъ первой необходимости. Нужда общества происходитъ не отъ того, чтобы изъ занятія сами по себѣ были менѣ хороши нежели хлѣбопашество или шитье мужицкихъ саногъ,—нѣтъ, просто оттого, что этихъ людей 200 человекъ, между тѣмъ какъ общество безъ вреда для себя могло бы отдѣлать на ихъ занятія только 100 человекъ.

Дѣйствительно-ли въ какомъ-нибудь обществѣ существуетъ такая непропорціональность между числомъ рукъ, занятыхъ производствомъ предметовъ роскоши или трудомъ непроизводительнымъ, и количествомъ рукъ, какое нужно было бы для производства предметовъ первой надобности, показать это уже дѣло статистики. Но политическая экономія говоритъ, что если въ какомъ-либо обществѣ существуетъ трудъ непроизводительный и трудъ обращенный на производство предметовъ роскоши при недостаткѣ предметовъ первой необходимости, то общество это страдаетъ отъ нерасчетливаго, несообразнаго съ его потребностями и средствами распредѣленія рукъ между родами занятій.

Сравнивая два примѣра, нами приведенные, мы можемъ видѣть, отчего происходитъ эта несообразность. Въ первомъ случаѣ, мы начинали распредѣленіе по потребностямъ низшимъ; на высшія оставался у насъ только излишекъ за удовлетвореніемъ низшихъ. Во второмъ, начинали съ удовлетворенія высшихъ, а на низшія оставили только то, чему случилось остаться.

Которое из двух основаній распредѣленія вообще лучше для общества, это каждый можетъ рѣшить по своему; при нынѣшнемъ еще неудовлетворительномъ состояннн многихъ отраслей нравственныхъ наукъ, существуетъ возможность говорить, что лучше любоваться на картины Рафаэля, нежели имѣть здоровую пищу. Надобно впрочемъ сказать, что нынѣшннй образъ мыслей не расположенъ къ подобнымъ воззрѣннямъ. Нынѣ вообще полагаютъ, что бѣдность мѣшаетъ развитію достойной человѣка жизни, что высшія наслажденія становятся доступны человѣку только по удовлетвореннн низшихъ потребностей, что, напримѣръ, философіею или астрономіею можно съ уснѣхомъ и удовольствіемъ заниматься только при нѣкоторой свободѣ отъ матеріальныхъ лишеній; изъ этого слѣдовало бы, что даже тотъ, кому интересы искусства, отвлеченной науки, живописи или ваенія, филологнн или археологнн, театра или поэзнн, болѣе милы, нежели матеріальное благосостояннн общества,—даже и тотъ былъ бы долженъ находить лучшимъ такое распредѣленнн занятій, основаннмъ которому служили бы матеріальныя потребности человѣка, потому что при матеріальномъ благосостояннн общества наука и искусство должны развиваться уснѣшнѣе, нежели тогда, когда матеріальныя потребности неудовлетворены. Сообразно такому образу мыслей, можно полагать, что если у всѣхъ 100 человѣкъ, составляющихъ извѣстное общество, есть изобиліе и досугъ хотя по воскресеньямъ, а нѣтъ между ними ни одного человѣка, называющагося актеромъ, то всетаки спектакли будутъ у нихъ многочисленнѣе и лучше, нежели въ обществѣ, гдѣ есть 20 актеровъ и 60 бѣдняковъ, затупленныхъ лишеніями. Лишь бы люди получили матеріальное благосостояннн, а за театромъ остановки у нихъ не будетъ. Напротивъ, самый театръ будетъ плохъ и фальшиво-искусственъ, если изъ-за любви къ нему мы водворимъ въ массѣ общества бѣдность и невѣжество, потому что вся общественная жизнь получить тогда жалкое направленнн. Масса можетъ быть презираема; но состояннн и развитнн всѣхъ классовъ общества зависятъ отъ состояннн массы: ея невѣжество отражается и на ученыхъ, ея пошлость—и на свѣтскихъ людяхъ, ея страданія—и на людяхъ, изобилующихъ веѣмъ. Развитнн наукъ, искусствъ, нравственности, и всѣхъ другихъ совершенствъ всегда бываетъ прямо пропорціонально матеріальному благосостояннн массы.

Справедливъ-ли такой взглядъ, предоставляемъ судить каждому, какъ ему угодно. Разборъ этихъ вопросовъ принадлежитъ не политической экономнн; мы коснулись ихъ только потому, что противъ мыслителей, говорящихъ о выгодности распредѣленія занятій сообразно съ матеріальными нуждами общества, часто слышится упрекъ, будто бы системы этихъ мыслителей враждебны всему возвышенному, поэтическому, прекрасному; будто бы они хотятъ отбить голову Аполлона Бельведерскаго, чтобы сдѣлать ее горшкомъ для варенія каши. Этому могутъ вѣрнть только люди незнакомые съ ними. Напротивъ, забота о матеріальномъ благосостояннн массы служить, по ихъ мнѣнню, вѣрнѣйшимъ средствомъ къ развитію всѣхъ высшихъ благъ, которыми можетъ дорожить человѣкъ. Правда-ли это?—отвѣта надобно искать не въ нашей спеціальной наукѣ, не въ политической экономнн, а въ психологнн. Можно только полагать, что одна наука не будетъ проти-

ворѣчить другой. А политическая экономія вся основана на мнѣніи, что матеріальное благосостояніе служитъ не препятствіемъ, а условіемъ для всякаго высшаго развитія.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, не подлежитъ спору тотъ принципъ, что отвлеченіе излишняго числа рукъ отъ производства первыхъ надобностей къ другимъ занятіямъ служитъ источникомъ недостатка въ предметахъ первой надобности. Масса не знаетъ этой истины теоретическимъ образомъ, но чувствуетъ на себѣ ея практическія послѣдствія. Въ Англіи общество спокойно и потому тамъ очень можно воображать удовлетворительными тѣ рекомендаціи, какихъ заслуживаютъ многія отрасли непроизводительнаго труда по своему внутреннему достоинству, независимо отъ соображеній о томъ, удобно-ли для общества отдѣлять слишкомъ большое число работниковъ для этихъ прекрасныхъ занятій, не дающихъ въ результатѣ ни пшеницы, ни сукна. Во Франціи положеніе дѣлъ не таково. Съ конца прошлаго вѣка масса волнуется, спрашивая, зачѣмъ она бѣдна, и ежеминутно угрожая переворотомъ, въ надеждѣ, что переворотъ истребитъ бѣдность. Она чувствуетъ и ея представители говорятъ, что обществу нужно большее количество продуктовъ первой необходимости. Весь трудъ съ этой точки зрѣнія дѣлится на двѣ половины: часть его обращена на производство предметовъ первой необходимости, другая часть—на занятія иного рода. Весь непроизводительный трудъ принадлежитъ ко второй половинѣ и составляетъ самую замѣтную, хотя, быть можетъ, не самую огромную долю ея. Подъ вліяніемъ господствующей мысли легко было перенести названіе непроизводительнаго труда на всю вторую половину его и обратить въ упрекъ и въ униженіе имя непроизводительнаго труда для всѣхъ занятій, неудовлетворяющихъ первымъ потребностямъ, хотя многія изъ нихъ и не могутъ быть названы непроизводительными по господствующей терминологіи, а другія сами по себѣ очень почтенны. Французскіе экономисты, не замѣтивъ настоящаго основанія популяриности и униженности термина „непроизводительный“, вообразили, что могутъ возстановить репутацію милыхъ имъ занятій, если докажутъ, что ихъ должно называть производительными по смыслу ученой терминологіи, хотя дѣло относилось вовсе не къ ней. Отсюда ихъ усиліе доказать, что должны называться производительными тѣ занятія, за которыми Адамъ Смитъ не призналъ этого имени. Усилія эти неудачны; но еслибъ и были удачными, не принесли бы пользы, потому что дѣло не въ названіяхъ занятій, а въ несообразности распредѣленія рабочихъ рукъ между разными занятіями съ потребностями общества.

Милль, какъ человѣкъ считающій свое общество безопаснымъ отъ потрясеній, остается холоденъ къ этому вопросу о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, поставленному въ самомъ дѣлѣ не точно, но скрывающему въ своей основѣ требованіе, чтобы количество предметовъ роскоши, производимыхъ націею, было сообразно съ ея потребностями уменьшено, для увеличенія производства предметовъ первой необходимости.

Но онъ справедливо замѣчаетъ великую важность другаго подобнаго различенія,—различенія между производительнымъ и непроизводительнымъ потребленіемъ. Начало пятаго параграфа и особенно начало шестаго пара-

графа въ 3-й главѣ его 1 книги превосходно. О второй половинѣ шестаго параграфа мы будемъ говорить ниже, а теперь, припоминая все, сказанное Миллемъ о различныхъ родахъ труда и потребленія, сообразимъ съ ними сдѣланныя нами замѣчанія, которыя не заключаютъ въ себѣ ровно ничего противнаго ни Миллю, ни Рикардо, ни Мальтусу, ни Адаму Смиту, напротивъ, совершенно сообразны съ ихъ основными понятіями и выведены по методѣ, которой слѣдовали всѣ эти мыслители, такъ что едва-ли найдется въ нашихъ словахъ мысль, которая не была бы выражена и каждымъ изъ нихъ.

Результаты этого соображенія будутъ:

Съ точки зрѣнія настоятельнѣйшей потребности общества, потребности въ увеличеніи количества продуктовъ первой надобности, основаніе къ различенію труда на производительный и непроизводительный не имѣетъ важности (это говоритъ самъ Милль). Оно съ этой точки зрѣнія представляется несоотвѣтствующимъ практической цѣли экономическихъ изысканій и неудобнымъ въ теоретическомъ отношеніи, потому что раздѣляетъ на разные разряды тѣ роды труда, существенный характеръ которыхъ одинаковъ, и соединяетъ въ одинъ разрядъ роды труда, не имѣющіе между собою по существенному назначенію ничего общаго. Напримѣръ, трудъ живописца или скульптора по этому дѣленію будетъ называться производительнымъ, только оттого, что картина и статуя—вещи прочныя и матеріальныя, а трудъ актера и музыканта—непроизводительнымъ; между тѣмъ, по всѣмъ кореннымъ, важнымъ для общества признакамъ всѣ эти люди и ихъ произведенія составляютъ одинъ разрядъ. Напротивъ, въ одинъ разрядъ съ живописцемъ и скульпторомъ ставятся землекопъ и водовозъ. Что общаго между этими людьми и трудами ихъ?

Напротивъ, очень важно съ точки зрѣнія практическихъ потребностей общества и очень логично въ теоретическомъ отношеніи раздѣленіе потребленія на производительное и непроизводительное.

Основанія этихъ классификацій, употребляющихъ одинъ и тотъ же терминъ, совершенно различны: въ трудѣ основаніемъ принимается внѣшній, случайный признакъ, матеріальность или долговѣчность продукта; въ потребленіи, назначеніе, смыслъ, экономическая роль того или другого потребленія.

Ясно, что для приведенія этихъ двухъ классификацій Смитовской теоріи въ гармонію другъ съ другомъ, надобно принять для одного изъ двухъ дѣленій основаніе, одинакое съ другимъ. Логика и практическая важность заставляютъ отдать предпочтеніе основанію, которое принимается этою теоріею для классификаціи потребленія.

Признакомъ производительнаго потребленія служитъ то, что оно имѣетъ свою цѣлью увеличеніе средствъ къ производству, служитъ источникомъ новаго производства; признакомъ непроизводительнаго труда также должно принять то, что его продукты служатъ источникомъ новаго производства, имѣютъ свою цѣлью увеличеніе средствъ къ производству.

Когда мы писали статью „Капиталъ и трудъ“, мы, не желая увеличивать объемъ ея, не захотѣли вводить новой терминологіи, чтобы не тра-

тять мѣста на объясненіе надобности въ ней; измѣняя основаніе классификаціи труда, мы оставили прежніе термины для обозначенія разрядовъ.

Но, по справедливому замѣчанію Милля, старому термину опасно давать новое значеніе, потому что иначе произойдетъ слутанность понятій между новымъ и старымъ значеніемъ; лучше давать новый терминъ для новаго понятія. Мы полагаемъ, что удобнѣе будетъ прискать для классификаціи труда и потребленія новый терминъ.

Намъ кажется, что сущности дѣла хорошо соотвѣтствуютъ слова „выгодный“ и „убыточный“. Мы думаемъ постоянно пользоваться ими.

Чья выгода тутъ разумѣется? Наука говорить о націи, объ обществѣ, о человѣческомъ родѣ. Потому выгоду и убыточность надобно разсчитывать по дѣламъ общества, націи, человѣческаго рода. О какой именно выгодѣ надобно говорить? Въ политической экономіи, занимающейся изслѣдованіемъ условій матеріальнаго благосостоянія, конечно, о выгодѣ для матеріальнаго благосостоянія.

Путь къ увеличенію матеріальнаго благосостоянія—производство; потому выгодно то, что ведетъ къ увеличенію производства; такимъ образомъ, классификація по принимаемой нами терминологіи совершенно совпадаетъ для потребленія съ тою, какою принимаетъ Милль по прежней терминологіи.

Но разные роды труда распредѣляются по новой классификаціи далеко не такъ, какъ по прежней.

Нѣкоторые роды труда имѣютъ характеръ абсолютно выгодный. Напримѣръ, хлѣбопашество и вообще всякій трудъ, обращенный на производство предметовъ первой необходимости, также трудъ воспитанія и образованія, потому что отъ этихъ трудовъ матеріальное благосостояніе общества непремѣнно и во всякомъ случаѣ увеличивается.

О другихъ родахъ надобно сказать, что они имѣютъ характеръ абсолютно убыточный. Таково, напримѣръ, всякое занятіе, уничтожающее тѣлесныя, умственныя или нравственныя силы въ людяхъ, потому что этимъ уменьшается одинъ изъ факторовъ матеріальнаго благосостоянія. Такова, напримѣръ, война.

Но кромѣ того, есть обширный классъ занятій, которыя могутъ быть выгодны или убыточны для общества, смотря потому, какой степени матеріальнаго благосостоянія оно достигло и каковъ размѣръ средствъ, которыми оно располагаетъ. Напримѣръ, трудъ, употребляемый на тканье тонкаго сукна въ обществѣ, которое не имѣетъ достаточнаго количества простаго сукна, былъ бы убыточенъ; потому, что общество, какъ видно, не располагаетъ еще такими обильными средствами производства, чтобы могло, безъ уменьшенія своего матеріальнаго благосостоянія, тратить на производство сукна больше средствъ, больше труда, нежели сколько нужно для выдѣлки простаго сукна, а выдѣлка тонкаго сукна беретъ больше труда, поглощаетъ больше средствъ, нежели выдѣлка простаго. Но когда съ увеличеніемъ средствъ производства, общество достаточно снабдить себя простымъ сукномъ и будетъ имѣть излишекъ времени, оно можетъ безъ убытка для себя употребить этотъ излишекъ, на то, чтобы выдѣлывать сукно болѣе тонкое.

Этотъ разрядъ труда и продуктовъ особенно интересенъ, и самъ по себѣ, и по спорамъ, которые онъ возбуждаетъ.

Самъ по себѣ онъ интересенъ въ томъ отношеніи, что каждый родъ и каждый сортъ принадлежащихъ къ нему продуктовъ требуетъ особеннаго разсмотрѣнія, и притомъ въ каждую данную эпоху экономическаго развитія въ каждомъ обществѣ: тутъ нѣтъ никакихъ неподвижныхъ признаковъ, какъ въ первыхъ двухъ разрядахъ съ абсолютными качествами выгоды и убыточности; напротивъ, тутъ все зависитъ отъ отношеній даннаго труда и продукта къ даннымъ средствамъ общества. Это тоже самое, что вопросъ о расчетливости извѣстнаго расхода для индивидуума: что расчетливо и умно для одного человѣка, съ одними средствами, то расточительно и безразсудно для другаго человѣка, съ другими средствами, было бы расточительностью, безразсудствомъ и въ первомъ, когда бы у него были не тѣ средства. Богатый негоціантъ дѣлаетъ очень умно, когда покупаетъ карету на лежащихъ рессорахъ и пару отличныхъ лошадей; было бы даже нерасчетливо ему ѣздить на дрянномъ извозчикѣ—лишній часъ, выигранный имъ каждый день отъ быстрой ѣзды, даютъ ему въ годъ выигрышъ на сумму въ десятеро большую истраченной на отличныхъ лошадей и экипажъ, потому что каждый часъ, выигранный имъ для дѣла, даетъ ему выигрышъ въ сотняхъ и въ тысячахъ рублей. Но глупо было бы заводить карету человѣку, имѣющему всего 1,000 рублей дохода: онъ въ своей каретѣ насидѣлся бы голоденъ и она скоро отвезла бы его въ долговую тюрьму.

Точно тоже и для разныхъ экономическихъ обществъ. Всѣ-ли въ этомъ обществѣ ѣдятъ пшеничный хлѣбъ? Всѣ-ли имѣютъ на столѣ мясо, когда захотятъ? Если всѣ, общество можетъ употребить излишекъ своихъ средствъ на пріобрѣтеніе снаржи зимою. Всѣ-ли жилища въ этомъ обществѣ снабжены порядочною мебелью? Если всѣ, оно можетъ выдѣлывать бронзовыя украшенія. Зимняя снаржа и бронза—вещи прекрасныя и очень приличныя ему. Но если нѣтъ, если оно не развило въ такой мѣрѣ своихъ производительныхъ силъ, то снаржа зимою и бронза для него преждевременны: *più tardi*, какъ говоритъ маэстро Лазаревъ, авторъ знаменитой симфоніи, разыгрываемой на бомбардонахъ; повремените кушать десертъ, пока еще нѣтъ у васъ на столѣ супа: десертъ хорошъ только послѣ нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ.

Внѣшнимъ образомъ этотъ разрядъ продуктовъ и занятій, выгоды или убыточности которыхъ зависитъ отъ состоянія общества, интересенъ потому, что къ нему принадлежатъ такъ называемые предметы роскоши, о вредѣ, или безвредности, или даже пользѣ которыхъ было очень много споровъ. Мы полагаемъ, что читатель не нуждается въ доказательствахъ вреднаго вліянія роскоши на общественное благосостояніе. Но онъ видитъ также, что принадлежность извѣстной вещи къ предметамъ роскоши или къ предметамъ простаго, полезнаго удобства, или даже къ предметамъ необходимости—дѣло, зависящее отъ времени. Имѣтъ въ своемъ личномъ распоряженіи обширную равнину или рошу, чтобы охотиться въ ней—для дикаря предметъ первой необходимости, а въ Англии предметъ роскоши. Имѣтъ при своемъ жилищѣ обширный, ему одному принадлежащій дворъ,

для русскаго поселянина предметъ первой необходимости, а для жителя Петербурга, тѣмъ болѣе для жителя большаго западнаго города—предметъ роскоши. Наоборотъ, имѣть нѣсколько стульевъ для западнаго европейца предметъ первой необходимости, а для кочеваго киргиза предметъ роскоши. Мы видимъ, что принадлежность извѣстной вещи къ тому или другому разряду зависитъ не отъ внутреннихъ ея качествъ, а только отъ того, какое количество труда требуется въ данномъ мѣстѣ, въ данное время для ея пріобрѣтенія, или какимъ количествомъ выгодъ надобно жертвовать для ея полученія или сохраненія. Въ странѣ, населенной только еще охотничьимъ племенемъ, огромныя пространства лѣса почти никому не нужны и почти ни на что не годятся кромѣ охоты. Дикарь, нуждающійся въ нѣсколькихъ десяткахъ или сотняхъ десятинъ лѣса, не отнимаетъ ихъ своею охотою ни у какого другаго общественнаго или частнаго употребленія. Ни цѣлое общество, ни кто изъ отдѣльныхъ людей въ этомъ обществѣ не лишается черезъ это средствъ къ труду, существующему въ томъ обществѣ. Напротивъ, каждая десятина, занятая охотничьимъ паркомъ въ Англіи, отнимаетъ значительное количество мѣста у земледѣльческаго или какого нибудь другаго труда, болѣе выгоднаго для Англіи, нежели охота. Владѣлецъ охотничьяго парка жертвуетъ для охоты значительную сумму болѣе полезныхъ вещей, которыя могли бы производиться этимъ мѣстомъ. Мѣстность, занятая паркомъ, не приноситъ выгоды обществу, но не потеряла способности приносить ее земледѣльческими продуктами при другомъ употребленіи. Потому, хотя она не приноситъ выгоды обществу, но сохраняетъ высокую мѣновую цѣнность, величина которой равняется размѣру тѣхъ выгодъ, какія могли бы приносить земледѣльческіе продукты этого пространства земли. Высокая мѣновая цѣнность составляетъ признакъ всѣхъ предметовъ роскоши; но по одному этому признаку еще нельзя рѣшить, что извѣстная вещь составляетъ предметъ роскоши: есть вещи первой необходимости, имѣющія высокую мѣновую цѣнность. Напримѣръ, платина совершенно необходима для нѣкоторыхъ техническихъ аппаратовъ, употребляемыхъ въ фабричномъ дѣлѣ, или алмазъ необходимъ для рѣзанія стекла, т. е. для доставленія нужнаго вида такому продукту, который въ нашемъ обществѣ составляетъ предметъ первой необходимости. То количество платины и алмаза, какое нужно на эти вещи и какое дѣйствительно употребляется на нихъ, должно считаться въ нашемъ европейскомъ обществѣ предметомъ такой же первой необходимости, какъ пилы, терпуги, желѣзо, дерево и другіе инструменты или матеріалы для инструментовъ. Но остальное количество платины и алмаза, обращаемое на украшенія, каждый называетъ предметомъ роскоши. Почему же это такъ? Не собственно по высокой мѣновой цѣнѣ этихъ продуктовъ: платина, идущая на химическій тигель, имѣетъ точно такую же мѣновую цѣнность, какъ платина, идущая на фермуаръ или брошку. Нѣтъ, сущность дѣла зависитъ не только отъ того, что платина или алмазъ, идущіе на украшеніе, имѣютъ высокую мѣновую цѣнность, а собственно отъ того, что они въ этомъ случаѣ идутъ на такое употребленіе, которому съ равнымъ или даже съ большимъ внутреннимъ успѣхомъ могутъ соответствовать другіе предметы, добываемые гораздо меньшимъ количествомъ труда. Напримѣръ,

брильянтовый уборъ на волосахъ вовсе не придаетъ имъ большей красоты, нежели какой нибудь простой уборъ изъ полевыхъ цвѣтовъ или какихъ нибудь цвѣтныхъ бусъ. Въ этомъ согласны всѣ живописцы и люди съ тонкимъ вкусомъ. Разница тутъ не въ красотѣ убора, или скорѣе эта разница въ красотѣ убора клонится на сторону простыхъ цвѣтовъ. Разница просто въ дороговизнѣ убора, то-есть въ томъ, что уборъ изъ цвѣтовъ не свидѣтельствуешь, а брильянтовый уборъ свидѣтельствуешь, что лицо, имѣющее такой уборъ, превосходить богатствомъ другія лица, не имѣющія такого убора. Такимъ образомъ брильянтовый уборъ нуженъ не для того, чтобы удовлетворять существенному назначенію убора, не для того, чтобы придавать красоту фигурѣ человѣка, а только для того, чтобы удовлетворять чувству тщеславія. Таково существенное свойство всѣхъ предметовъ роскоши.

Предметы роскоши существуютъ собственно только для удовлетворенія чувству тщеславія. Хорошо ли само по себѣ это чувство, имѣетъ ли оно право на удовлетвореніе въ обществѣ разумныхъ людей и даже такова ли его натура, чтобы оно могло достигать дѣйствительнаго удовлетворенія себѣ,—это вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимаются психологія и нравственная философія, а не политическая экономія. Что нравственная философія не признаетъ права на удовлетвореніе за чувствомъ тщеславія, это каждому извѣстно. Въ прибавленіе къ этому надобно сказать, что психологія причисляетъ чувство тщеславія къ тѣмъ чувствамъ, которыя возникаютъ изъ патологическаго состоянія души, которыя, принадлежа къ душевнымъ болѣзнямъ, не могутъ находить себѣ реальнаго и прочнаго удовлетворенія и должны быть предметомъ лѣченія, а не поощренія, или хотя бы равнодушнаго невмѣшательства. Доказательствъ этого читатель долженъ искать въ психологіи, а мы можемъ представить здѣсь только результатъ ея изысканій. Политическая экономія смотритъ на роскошь только со стороны ея отношеній къ матеріальному благосостоянію общества и находитъ, что она убыточна для общества, имѣя свою сущность въ томъ, что предметъ, хорошо удовлетворяющій извѣстному назначенію и производимый небольшимъ количествомъ труда, отвергается и замѣняется для удовлетворенія чувству тщеславія другимъ предметомъ, который спеціально своему назначенію удовлетворяетъ не лучше или даже гораздо хуже отвергаемаго предмета, но стоитъ обществу гораздо большаго количества труда. Весь этотъ излишекъ труда составляетъ нерасчетливую растрату его или убытокъ для общества.

Что такое предметъ роскоши, можно пояснить слѣдующимъ сравненіемъ. Изъ Петербурга въ Москву можно пріѣхать безчисленнымъ множествомъ разныхъ путей. Изъ нихъ самый прямой и удобный желѣзная дорога. Но проѣхать по ней стоитъ всего только отъ 15 до 25 рублей. Если вы думаете ѣхать изъ Петербурга въ Москву за какимъ нибудь дѣломъ, полезнымъ для общества или хотя лично для васъ, вы поѣдете по этому пути и будете очень рады его дешевизнѣ. Но, быть можетъ, вы хотите, чтобы это путешествіе не служило удовлетвореніемъ какой нибудь надобности, а просто средствомъ для васъ показать, что вы располагаете огромнымъ

богатствомъ. Въ такомъ случаѣ вы можете ѣхать въ Москву по прежнему шоссе въ великолѣпной каретѣ, — это будетъ гораздо дороже и эффектнѣе, хотя въ сущности будетъ для васъ самихъ гораздо менѣе удобно. Вы можете достигъ Москвы способомъ еще болѣе эффектнѣмъ: купите себѣ яхту, поѣзжайте кругомъ Европы, потомъ, проѣхавъ Дарданеллы, поднимайтесь вверхъ по Днѣпру, потомъ поставьте вашу яхту на колеса, какъ дѣлалъ Олень подлѣ Царьградомъ, впрягите въ нее двѣ сотни паръ воловъ и они доvezутъ васъ до Москвы на яхтѣ. Если вы сдѣлаете это, о васъ будетъ говорить цѣлая Европа, и всѣ глупцы въ цѣлой Европѣ будутъ удивляться вашему богатству, потому что человѣкъ посредственнаго состоянія никакъ не въ силахъ выкинуть такую штуку. Каждый предметъ роскоши есть своего рода маленькая или большая яхта для поѣздки изъ Петербурга въ Москву способомъ, недоступнымъ для обыкновенныхъ людей. Политическая экономія называетъ путешествія подобнаго рода безразсудствомъ, убыточнымъ для общества, которое принуждено тратить свой трудъ не на какую нибудь разсудительную надобность, а просто на удовлетвореніе тщеславія лица, приобретающаго предметъ роскоши.

Во всемъ этомъ этюдѣ мы не сказали ровно ничего противнаго принципамъ той теоріи, которая основана Адамомъ Смитомъ. Вѣрность наша ея духу простирается до того, что изъ всѣхъ изложенныхъ нами мыслей не найдется рѣшительно ни одной, которая не была бы высказана и самимъ Адамомъ Смитомъ и тѣми его учениками, которые содѣйствовали развитію его теоріи, Мальтусомъ и Рикардо. О томъ, что нѣтъ въ нашихъ словахъ ничего противнаго мыслямъ Милля, можетъ судить самъ читатель. Мы беремъ тѣ самыя основанія подраздѣленій, какія даются Миллемъ; мы находимъ, что каждое изъ опредѣленій, соответствующихъ этимъ основаніямъ, само по себѣ вѣрно и удовлетворительно. Мы замѣтили только, что нѣкоторыя изъ основаній классификаціи очень важны, наиримѣръ то, по которому потребленіе дѣлится на производительное и непроизводительное; замѣтили также, что основанія другихъ классификацій не столь важны, наиримѣръ то, по которому производительный трудъ различается отъ непроизводительнаго. Но все это говорить и самъ Милль, мы только повторяемъ его слова. Что жъ новаго въ нашихъ мысляхъ? Мы думаемъ, что новаго въ самыхъ мысляхъ нѣтъ ровно ничего.

Но, мы настаиваемъ на томъ, чтобы тѣ основанія классификаціи, которыя въ самой теоріи Адама Смита признаются наиболѣе важными, были поставлены на такое мѣсто, котораго заслуживаютъ по важности, признаваемой за ними самою теоріею Смита. Она говоритъ: „это понятіе чрезвычайно важно“, и между тѣмъ упоминаетъ о немъ только мимоходомъ, не заботясь о томъ, чтобы дать ему развитіе, соответствующее его важности; мы стараемся восполнить этотъ недостатокъ, происшедшій у Адама Смита просто отъ невнимательности, просто оттого, что въ эпоху когда онъ писалъ, вниманіе общества было поглощено не тѣми понятіями, которыя оказались важными по изслѣдованіямъ самого Смита и которыхъ не могъ онъ развитъ съ надлежащей полнотою только потому, что трудно мыслителю долго останавливаться на предметахъ, на которыхъ еще не на-

ходить нужнымъ останавливаться окружающее его общество. Теперь положеніе общества измѣнилось, явились у него новыя заботы и выступаютъ на первый планъ такія понятія, которыя были второстепенными 80 лѣтъ тому назадъ. Только въ этомъ разница; какое значеніе придавать ей, — рѣшить это должны уже не мы, а сами послѣдователи Смита. Они могутъ сказать, что несогласны видоизмѣнять пропорцію между частями своей системы, — тогда ихъ система будетъ отвергнута обществомъ, состоянію котораго не соотвѣтствуетъ. Но они могутъ также согласиться на видоизмѣненія, требуемыя временемъ, и тогда система ихъ, приведенная въ согласіе съ новымъ положеніемъ общества, сохранитъ свое прежнее имя. Переимѣна неизбѣжна; притомъ же она вытекаетъ изъ самой сущности понятій, изложенныхъ Адамомъ Смитомъ; но отъ людей зависитъ, сохранитъ ли прежнее имя измѣненная вещь или получить новое имя. Мы находимъ, что она могла бы сохранить прежнее названіе. Французскіе экономисты не согласны съ этимъ. Чѣмъ кончится разнорѣчіе по названію мы не будемъ отгадывать. Очень можетъ быть, что у большинства людей, называющихъ себя экономистами, найдется наконецъ столько проникательности, чтобы понять необходимость переимѣны; если такъ, новое направленіе науки будетъ называться по прежнему политическою экономіею. Но если нѣтъ, если привязанность къ буквѣ и политическое консерваторство навсегда будутъ мѣшать пониманію смысла основныхъ идей собственной теоріи въ большинствѣ экономистовъ, тогда за теоріею, соотвѣтствующею нынѣшнимъ потребностямъ общества, утвердится новое имя.

III.

О непріятности труда.

„Въ понятіи труда заключаются кромѣ самой дѣятельности и всѣ тѣ непріятныя или тяжелыя ощущенія, которыя соединены съ этою дѣятельностью“, говоритъ Милль; — кто станетъ спорить съ этимъ? Но одни ли непріятныя ощущенія соединены съ дѣятельностью, которая называется трудомъ? Милль объ этомъ не говоритъ. Очень можетъ быть, что во времена Адама Смита не представлялъ никакой важности вопросъ о томъ, одну ли только непріятную сторону имѣетъ въ себѣ трудъ, или, кромѣ непріятныхъ ощущеній, онъ производитъ также пріятныя. Но теперь вопросъ этотъ поставленъ, и объяснено, что тотъ или иной отвѣтъ на него имѣетъ послѣдствія совершенно различныя для направленія экономической теоріи.

Есть теорія, утверждающая, что непріятныя ощущенія, производимыя трудомъ въ трудящемся человѣкѣ, проистекаютъ не изъ сущности самой дѣятельности, имѣющей имя труда, а изъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ, обыкновенно сопровождающихъ эту дѣятельность при нынѣшнемъ состояніи общества, но устранимыхъ отъ нея другимъ экономическимъ устройствомъ. Теорія эта прибавляетъ, что, напротивъ, самъ по себѣ трудъ есть дѣятельность пріятная, или по термину, принятому этою теоріею,

дѣятельность привлекательная, такъ что, если отстраняется внѣшняя неблагоприятная для труда обстановка, онъ составляетъ наслажденіе для трудящагося.

Мы должны предоставить личному мнѣнію читателя сужденіе о томъ, справедлива ли изложенная нами теорія въ абсолютномъ своемъ развитіи, когда она утверждаетъ, что *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ ничего непріятнаго. Экономическое устройство, которое считается рациональнымъ въ этой теоріи, до сихъ поръ еще не осуществлено, и потому нельзя съ достовѣрностью знать, въ томъ ли именно размѣрѣ измѣнится при этомъ устройствѣ характеръ *всякаго* труда, какъ предполагаетъ она.

Но если при нынѣшнемъ состояніи общественныхъ учреждений и знаній нельзя съ математическою точностью доказать, что-бы *никакой* родъ труда не имѣлъ въ своей сущности ничего непріятнаго, то еще менѣе можно сказать, чтобы наука давала намъ право утверждать противное. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ очень многочисленнымъ вопросамъ, на которые при нынѣшнемъ состояніи знаній невозможно давать отвѣтовъ, имѣющихъ математическую безусловную точность, а можно отвѣчать только съ приблизительною точностью, впрочемъ совершенно удовлетворительною для практики.

Дѣйствительно ли во всѣхъ безъ исключенія родахъ труда непріятныя ощущенія происходятъ *единственно* отъ внѣшней неблагоприятной обстановки? Дѣйствительно ли *никакой* родъ труда не заключаетъ самъ въ себѣ абсолютно *ничего* непріятнаго? Этого нельзя рѣшить при нынѣшнемъ состояніи знаній; но и при нынѣшнемъ состояніи знаній уже положительно надобно сказать, что *почти* во всѣхъ родахъ труда, и въ томъ числѣ *во всѣхъ важнѣйшихъ* по экономическому значенію, *почти* всѣ непріятныя ощущенія производятся не самою сущностью труда, а только внѣшнею, случайною обстановкою его; что почти всѣ роды труда, и въ томъ числѣ всѣ важныя роды его имѣютъ по своей сущности пріятность или привлекательность, которая далеко превышаетъ ихъ непріятную сторону, если даже есть въ ихъ сущности непріятная сторона (существованіе которой сомнительно), такъ что при отстраненіи неблагоприятной, случайной и внѣшней обстановки почти всякій, и въ томъ числѣ всякій важный въ экономическомъ отношеніи, трудъ составляетъ для трудящагося не непріятность, а удовольствіе.

Это подтверждается ежедневнымъ опытомъ и естественными науками. Каждый на себѣ и на другихъ можетъ замѣчать, что трудъ часто доставляетъ ему наслажденіе. Анализируя эти случаи и случаи противнаго, когда трудъ составляетъ не удовольствіе, а обремененіе, каждый можетъ видѣть, что ощущеніе пріятное производится трудомъ всегда, когда существуютъ слѣдующія три условія: во-первыхъ, когда труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; во-вторыхъ, когда человекъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности для него самаго, а не по внѣшнему принужденію; въ третьихъ, когда трудъ не продолжается долѣе того времени, пока мускулы совершаютъ его безъ изнуренія, вреднаго организму, разрушающаго организмъ. Анализъ показы-

ваеть, что непріятность труда всегда происходитъ отъ неисполненія этихъ условій.

Легко замѣтить, что трудъ не отличается въ этомъ отношеніи ни отъ какой другой органической дѣятельности. Каждая изъ нихъ становится непріятной при неисполненіи условій, перечисленныхъ нами. Напримѣръ, никто не скажетъ, чтобы ѣда хорошей пищи, или слушаніе хорошей музыки, или какія нибудь гимнастическія развлеченія въ родѣ танцевъ, прогулки и т. п. были сами по себѣ непріятны; напротивъ, сами по себѣ они составляютъ удовольствіе, наслажденіе. Но если человѣкъ танцуетъ не потому, чтобы ему самому вздумалось танцовать, а по какому нибудь внѣшнему понужденію, танцы уже составятъ для него обремененіе, скуку, досаду. Точно также они становятся непріятны, когда продолжаются болѣе, нежели сколько времени можетъ заниматься ими организмъ безъ изнуренія. Это мы постоянно замѣчаемъ на балетныхъ танцовщицахъ; замѣчаемъ на самыхъ любящихъ танцы молодыхъ людяхъ, когда балъ происходитъ или въ неудобное для нихъ время, или они отправляются на него не по собственному желанію, или когда онъ тянется слишкомъ долго. Самый пріятный концертъ, самый пріятный спектакль становится непріятенъ для меломановъ и театраловъ, если бываетъ слишкомъ продолжительнымъ. Когда желудокъ уже пресыщенъ пищею, самое вкусное блюдо становится отвратительнымъ, и если нельзя отъ него отказаться, то ѣда бываетъ большою непріятностью.

Изъ этого мы видимъ, что пріятность или непріятность труда подчинена тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ пріятность или непріятность всѣхъ другихъ органическихъ дѣятельностей. Трудъ различается въ этомъ смыслѣ отъ свѣтскихъ развлеченій и разныхъ родовъ физическаго или умственнаго наслажденія не тѣмъ, чтобы его непріятность происходила не точно отъ такихъ-же внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ какихъ получаютъ непріятность ѣда, танцы, слушаніе концертовъ и т. д., а просто тѣмъ, что при трудѣ гораздо чаще бываютъ эти неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, нежели при собственно такъ называемыхъ удовольствіяхъ или занятіяхъ, обыкновенно называемыхъ пріятными. Чрезвычайно рѣдко бываетъ, чтобы человѣкъ ѣлъ по внѣшнему принужденію или больше, чѣмъ пріятно для него; но чрезвычайно часто бываетъ, что человѣкъ трудится по внѣшнему принужденію, или больше, нежели удобно для его организма.

Изъ этого возникаетъ новый вопросъ: отчего же происходитъ, что трудъ гораздо чаще совершается подъ условіями, дающими ему непріятность, нежели совершаются тѣ органическія дѣятельности, которыя собственно называются удовольствіями? Происходитъ ли эта слишкомъ частая неблагопріятность внѣшней обстановки отъ самыхъ предметовъ, на которые обращенъ трудъ, или отъ причинъ столь же постороннихъ, какъ тѣ, которыми производится непріятность удовольствій? Подробное изслѣдованіе этого вопроса найдетъ свое мѣсто въ ученіи о распредѣленіи продуктовъ труда, составляющемъ вторую книгу въ трактатѣ Милля. Здѣсь мы предварительно, и только мимоходомъ, замѣтимъ лишь одно обстоятельство:

тѣ явленія общественной жизни, которыя называются удовольствіями, бываютъ обыкновенно производимы обращеніемъ человѣческой мысли и воли собственно на произведеніе именно этихъ явленій. Напримѣръ, если происходитъ спектакль, онъ происходитъ собственно оттого, что люди составлявшіе его, хотѣли устроить именно спектакль, а не что нибудь другое. Поэтому они и устраивали дѣло такъ, чтобы оно происходило съ наивозможно лучшимъ устраненіемъ всѣхъ невыгодныхъ для него обстоятельствъ. Напримѣръ, они устроили спектакль въ удобномъ для зрителей зданіи, чтобы вѣтеръ, дождь или холодъ не мѣшала публикѣ заниматься собственно тѣмъ дѣломъ, за которымъ она пришла въ театръ, то есть смотрѣніемъ на сцену; время для спектакля выбрано такое, въ какое удобнѣе всего публикѣ заниматься спектаклемъ. Словомъ сказать, приняты всѣ возможныя мѣры для удобства дѣла. Невозможно сомнѣваться въ томъ, что именно только сосредоточеніемъ заботъ собственно на этомъ пунктѣ достигается пріятность спектакля для публики. Попробуйте снять крышу съ оперы, и всѣ уйдутъ изъ нея съ негодованіемъ, и развѣ только палкою загоните вы публику въ оперу, пока крыша остается раскрытой. Попробуйте назначить начало оперы въ три часа дня, когда всѣмъ хочется обѣдать, или въ три часа утра, когда всѣмъ хочется спать, а не ѣхать въ спектакль, и почти никто не пойдетъ въ оперу добровольно, да и тѣ немногіе, которые пойдутъ, уйдутъ изъ нея съ недовольствомъ.

Подумаемъ же теперь о томъ, съ какими цѣлями, по какимъ соображеніямъ, для какихъ дѣлъ организовано общество во всѣхъ странахъ? Руководились ли народы заботою о наивыгоднѣйшей обстановкѣ труда, когда давали обществамъ своимъ то устройство, которое до сихъ поръ сохраняется въ существенныхъ и важнѣйшихъ чертахъ? Подробное изслѣдованіе объ этомъ дѣло исторіи, а не политической экономіи; мы можемъ здѣсь представить только готовый выводъ, даваемый исторіею и несомнѣнный для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ нею. Для ясности, возьмемъ опредѣленный фактъ, напримѣръ, хотя Францію, исторія которой наиболѣе извѣстна у насъ. Франки, основавшіе нынѣшнее французское общество, пришли въ страну, овладѣли ею и дали ей извѣстное устройство не для того, чтобы трудиться, а чтобы воевать, грабить и праздношатательствовать. Надобно сказать что устройство, ими данное Франціи, прекрасно соответствовало этой цѣли. Но политическая экономія находитъ, что условія, нужныя для такой цѣли, совершенно противоположны условіямъ, какія нужны для удобства труда. Съ X или XI вѣка (до той поры продолжалось безъ всякихъ перемѣнъ положеніе вещей, созданное въ IV и V вѣкахъ), Франція испытала много измѣненій въ своемъ общественномъ устройствѣ. Намъ нѣтъ нужды разсматривать, какъ велика произошедшая отъ этихъ перемѣнъ разница между XI и XIX вѣкомъ въ нравственномъ, умственномъ, юридическомъ отношеніяхъ; но объ экономической сферѣ французскаго быта надобно сказать, что мы можемъ сколько нашей душѣ угодно восхищаться громадностью пронзошедшихъ перемѣнъ, а по точномъ изслѣдованіи онѣ все-таки оказываются преобразовавшими до сихъ поръ только нѣкоторыя второстепенныя подробности быта, существовавшего въ XI вѣкѣ,

а вовсе не существенныя черты его, не коренныя его основанія. Доказывать это—дѣло не политической экономіи, а исторіи и статистики. Но такъ какъ выводъ, приводимый нами изъ этихъ наукъ, покажется новъ для многихъ, то мы обратимъ вниманіе, для пробы, хотя на одну черту, едва ли не самую важную, на состояніе поземельной собственности. Можно сколько угодно говорить объ огромности конфискацій, произведенныхъ въ концѣ прошлаго вѣка. объ упадкѣ французской аристократіи по матеріальному богатству и т. д., но статистика говоритъ, что почти вся та масса земли во Франціи, которою владѣло потомство франковъ въ XI столѣтіи, до сихъ поръ остается въ рукахъ ихъ потомковъ. Массу населенія во Франціи составляютъ потомки кельтовъ и латинскихъ племенъ; но едва ли не половина земли во Франціи и нынѣ, въ 1860 году, принадлежитъ малочисленнымъ потомкамъ тѣхъ малочисленныхъ франковъ, которые взяли себѣ эту землю при Хлодвигѣ и его преемникахъ. Ни одинъ французскій статистикъ не отваживается утверждать, чтобы больше половины земли принадлежало во Франціи людямъ, ее воздѣлывающимъ, и всѣ согласны въ томъ, что другая половина принадлежитъ людямъ не земледѣльческаго сословія. Этого одного факта уже довольно. Ясно, что весь порядокъ земледѣльческаго производства долженъ опредѣляться во Франціи надобностями и удобствами людей, которые живутъ доходомъ съ земли, не воздѣлывая ее; потому что, когда половина производства зависитъ прямо отъ людей сильныхъ, то и другая половина должна подчиняться косвенному ихъ вліянію. Земленашецъ, владѣющій 5 или 6 гектарами земли, по необходимости долженъ оставаться при такомъ характерѣ производства и при такихъ условіяхъ труда, какія налагаются на французское общество удобствами большихъ землевладѣльцевъ, помѣстьями которыхъ окруженъ его ничтожный участокъ и въ зависимости отъ которыхъ онъ самъ находится по всевозможнымъ общественнымъ отношеніямъ. Повторяемъ, что доказательствъ нашимъ словамъ надобно искать въ исторіи и статистикѣ; мы беремъ здѣсь уже готовый результатъ изслѣдованій изъ этихъ наукъ, и кто знакомъ съ ними, для того справедливость представляемаго нами вывода несомнѣнна. Экономическій бытъ Франціи съ XI вѣка измѣнился въ очень значительной степени; но все-таки перемѣны до сихъ поръ не такъ велики, чтобы экономическое устройство французскаго общества нынѣ существенно отличалось по отношенію къ обстановкѣ труда отъ того устройства, какое Франція имѣла въ XI или даже V вѣкѣ. Перемѣны значительны и хороши, мы противъ этого не споримъ; мы говоримъ только, что онѣ еще не получили до сихъ поръ такой значительности, чтобы условія труда во Франціи соотвѣтствовали, хотя сколько нибудь, требованіямъ науки. Въ сущности остается во Франціи порядокъ дѣлъ, устроенный для войны, для праздности, но не для труда.

То, что мы сказали о Франціи, примѣняется еще въ гораздо большей степени къ другимъ странамъ Западной Европы. Сѣверная Америка до сихъ поръ жила европейскими преданіями. Обстановка труда до сихъ поръ вездѣ чрезвычайно неблагоприятна, потому что дается ему такую организацію общества, которая была устроена для дѣятельностей, совершенно не похо-

жихъ на трудъ и требующихъ характера отношеній, противоположнаго тому, какой нуженъ для труда.

Если отъ этой обстановки, неудобной для труда, мы обратимся къ самой сущности труда, то естественныя науки заставляютъ насъ утверждать, что трудъ по своей сущности составляетъ для человѣка пріятность. Мы говоримъ это собственно о физическомъ или мускульномъ трудѣ, потому что привлекательность умственнаго или нервнаго труда извѣстна по опыту каждому, въ чьей головѣ трудъ этотъ достигаетъ или когда нибудь достигалъ какой нибудь энергіи. Мускульный трудъ, по прекрасному разъясненію Милля, состоитъ исключительно въ движеніи, и мускулы имѣютъ движеніе единственнѣмъ родомъ дѣятельности, къ какой способны. Выражаясь техническимъ языкомъ, движеніе составляетъ функцію мускуловъ, какъ зрѣніе составляетъ функцію глаза, слушаніе—функцію ушей, мышленіе—функцію головного мозга, пищеваженіе—функцію желудка. Естественныя науки говорятъ, что пріятное ощущеніе получается каждымъ изъ нашихъ органовъ тогда, когда онъ съ извѣстною степенью энергіи занятъ своею функціею. Напримѣръ, зрѣніе доставляетъ намъ пріятность, когда предметъ, на который смотритъ нашъ глазъ, занимателенъ для насъ, то есть когда онъ возбуждаетъ въ глазѣ довольно значительную энергію дѣятельности; мы имѣемъ пріятное ощущеніе въ желудкѣ, когда онъ пріобрѣлъ достаточное количество матеріала, нужнаго для его дѣятельности. Непріятное ощущеніе отъ извѣстной части организма производится или отсутствіемъ матеріала для ея дѣятельности, или вышнимъ препятствіемъ совершать эту дѣятельность. Однимъ изъ препятствій бываетъ чрезмѣрность матеріала, который массою своею превышаетъ силы организма. Напримѣръ, такое количество свѣта, при которомъ глазу удобно смотрѣть, доставляетъ глазу удовольствіе; но когда свѣтъ слишкомъ ярокъ, то есть когда глазъ получаетъ такое количество его, котораго не въ силахъ переработать удобнымъ для себя образомъ, глазъ страдаетъ; точно также желудку непріятно, когда пищи въ немъ уже слишкомъ много. Но недостатокъ матеріала, то есть невозможность заниматься своею функціею съ надлежащей энергіей, также производитъ въ органѣ непріятное чувство. Когда зрѣнію нечѣмъ заняться, мы чувствуемъ скуку; когда нечѣмъ заняться желудку, мы чувствуемъ голодъ.

Прилагая эти общіе выводы естественныхъ наукъ къ мускуламъ и къ ихъ функціи, т. е. къ движенію, т. е. къ труду, мы должны сказать, что отсутствіе нужнаго количества труда должно производиться въ мускулахъ чувство неудовлетворенности, соотвѣтствующее чувствамъ скуки, тоски, голода; должны сказать, что, наоборотъ, чрезмѣрностью труда должно производиться въ мускулахъ также непріятное чувство изнуренія, соотвѣтствующее рѣзи въ глазѣ и чувству обремененности въ желудкѣ; а такимъ количествомъ труда, которое не превышаетъ силъ мускуловъ, должно производиться въ нихъ ощущеніе пріятное, какое производится не чрезмѣрнымъ количествомъ свѣта на глазъ, не чрезмѣрнымъ количествомъ пищи на желудокъ *).

*) Мы беремъ понятіе о функціи мускуловъ, движеніи, за понятіе равносильное понятію физическаго труда, состоящаго исключительно въ движеніи. Движеніе,

Мы видимъ, что изъ этого длиннаго разсужденія получается краткій выводъ, до того простой, что когда прійдешь къ нему, удивительно становится, какимъ образомъ могла явиться односторонность или ошибка, вызвавшая нужду въ изслѣдованіи и доказываніи того, что для всѣхъ всегда было ясно и понятно безъ всякихъ изслѣдованій. Мы пришли къ выводу, что трудъ долженъ быть сообразенъ съ силами человѣка и что онъ дуренъ, т. е. непріятенъ тогда, когда превышаетъ ихъ. О чемъ тутъ разсуждать, что тутъ доказывать? Но мы еще будемъ имѣть много случаевъ видѣть, какъ важна практическая разница между истиною, очевидною до начала научныхъ изслѣдованій о ней, и тою же истиною, уже выдержавшею отрицаніе и подтвержденною научнымъ изслѣдованіемъ.

IV.

Обзоръ отдѣла о трудѣ.

Послѣ этихъ общихъ разъясненій о различныхъ родахъ труда и потребленія и объ антропологическомъ характерѣ труда мы должны пересмотрѣть параграфъ за параграфомъ всѣ три первыя главы Милля, чтобы дополнить или исправить ихъ въ подробностяхъ.

Производство имѣетъ два элемента: трудъ и природу; природа доставляетъ матеріалъ, изъ котораго создаются трудомъ предметы, удовлетворяющіе человѣческимъ надобностямъ, и она же доставляетъ силы, которыми совершается передѣлка этого матеріала (гл. I, § 1). Трудъ дѣлаетъ только то, что ставитъ предметы въ положенія, при которыхъ они подвергаются отъ силъ природы такимъ переменамъ, что дѣлаются годными для человѣка (§ 2). Потому дѣйствіе природы въ каждомъ процессѣ производства—количество несоизмѣримое съ количествомъ труда, и фізіократы ошибались, думая, что въ мануфактурной промышленности силы природы дѣйствуютъ менѣе, чѣмъ въ земледѣліи (§ 3). Матеріалы и силы, доставляемыя труду природою, различаются въ экономическомъ отношеніи тѣмъ, что количество однихъ практически неограниченно, а количество другихъ практически ограничено (§ 4). Все это очень ясно и вѣрно, все тутъ на своемъ мѣстѣ, и понятія разграничены съ большою точностью.

Но уже не то во второй главѣ. О чемъ собственно должна идти въ ней рѣчь? „О трудѣ, какъ дѣятелѣ производства“, говоритъ ея заглавіе; о томъ, каковы различные способы, которыми трудъ участвуетъ въ произ-

составляющее трудъ отличается отъ другихъ родовъ мускульнаго движенія, какъ, напримѣръ, отъ игры, гігіеническаго моціона и т. д., только тѣмъ, что совершается по внушенію разсчета о своей полезности для матеріальнаго благосостоянія. Нѣтъ надобности говорить, что взрослый и разсудительный человѣкъ отдастъ этому разсчету преимущество надъ всѣми другими личными своими побужденіями и потому скучнымъ и глупымъ кажется ему всякое движеніе, производимое не по разсчету о матеріальномъ благосостояніи. Политическая экономія призываетъ личный интересъ сильнѣйшимъ или даже единственнымъ важнымъ двигателемъ человѣческой жизни. Чѣмъ болѣе важное мѣсто мы приписываемъ ему, тѣмъ полнѣе охватываетъ трудъ всякую мускульную дѣятельность.

водства, о разных формах труда, нужнаго на производство предмета. Такъ ли? Да. Просмотримъ же, что говорится объ этомъ.

Кромѣ труда, прямо обращеннаго на производство продукта, есть трудъ не прямо, но также необходимо участвующій въ этомъ производствѣ; именно, трудъ приготовительный на выдѣлку инструментовъ или матеріаловъ для этого производства (§ 1) и трудъ на приготовленіе запаса пищи и другихъ жизненныхъ потребностей на содержаніе работниковъ во время производства (§ 2). Главная цѣль пищи и другихъ жизненныхъ потребностей въ самомъ продовольствованіи человѣка, а остальные роды труда, косвенно содѣйствующаго производству предмета, дѣлятся на пять главныхъ разрядовъ: производство матеріаловъ (§ 3), выдѣлка орудій труда (§ 4), охраненіе производства (§ 5); перевозка продуктовъ и вообще передача ихъ отъ производителя потребителю (§ 6); приготовленіе работниковъ (§ 7). Къ этому надо вообще прибавить трудъ мышленія, которымъ порождены всѣ способы производства (§ 8). Эта классификація важна, а раздѣленіе родовъ труда на земледѣльческій, мануфактурный и торговый вообще не точно, и особенными качествами отличается только трудъ, непосредственно связанный съ землею, къ какому бы изъ этихъ трехъ разрядовъ ни причислялся (§ 9).

Вотъ, мы извлекли все, что относится собственно къ разъясненію различныхъ способовъ употребленія труда на производство; но исчерпали ль мы этимъ все содержаніе второй главы? Въ нашемъ изложеніи ни разу не употреблено слово „вознагражденіе“, а оно является на каждой страницѣ во второй главѣ, и цѣлыя страницы посвящены въ ней разъясненію того, откуда берется вознагражденіе за тотъ или другой родъ труда, содѣйствующаго производству. Мы спрашиваемъ теперь: относится ли понятіе вознагражденія собственно къ производству? Да, если въ трактатѣ о производствѣ вы вводите изслѣдованіе психологическихъ побужденій къ производству; но Милль не дѣлаетъ этого; онъ не касается психологической стороны предмета, говорить о производствѣ исключительно въ экономическомъ отношеніи. А если такъ, то рѣчь о вознагражденіи можетъ принадлежать только трактатамъ о распредѣленіи и обмѣнѣ; производству до этого понятія нѣтъ никакого дѣла. Зачѣмъ же понятіе вознагражденія явилось раньше, нежели требуется классификаціею понятій по той самой теоріи, которую излагаетъ Милль?

Легко видѣть, зачѣмъ оно явилось; его употребленіе служитъ облегчающимъ пріемомъ для различенія того, къ какому продукту относится извѣстная форма труда: изъ какаго продукта получается уплата за трудъ, къ производству того предмета и относится трудъ. Купецъ, продающій вамъ сукно, получаетъ плату за свой трудъ изъ цѣны сукна; значить, онъ участвовалъ въ доставленіи вамъ сукна, то есть въ производствѣ сукна. Вотъ зачѣмъ явилась рѣчь о вознагражденіи тамъ, гдѣ дѣло должно идти о вопросѣ совершенно иного рода, о формахъ производства, а не объ отношеніи производства къ вознагражденію.

Мы спрашиваемъ теперь: сообразенъ ли такой пріемъ съ духомъ той самой теоріи, которую излагаетъ Милль? Развѣ по внѣшнимъ формамъ

дѣла должно распознавать значеніе дѣла, а не по существеннымъ его качествамъ? Вы хотите разбирать, какія формы принимаетъ трудъ для содѣйствія производству; берите же ходъ производства и разсматривайте, какими способами соприкасается трудъ съ производствомъ продукта въ разныхъ фазахъ этого производства. Вы увидите, что для производства нужны: матеріаль, инструментъ и работникъ; вотъ вамъ трудъ на добываніе матеріала, на выдѣлку инструмента, на заготовленіе пиши работнику и на приготовленіе самого работника къ дѣлу. Теперь производство можетъ начаться, но оно пойдетъ усильно только при охраненіи; продуктъ готовъ, надобно перевезти его на мѣсто потребленія и хранить въ готовности для потребителя—вотъ, вы имѣете трудъ охраненія, перевозки и торговли. Таковъ методъ изслѣдованія, приличный для науки: берите сущность дѣла и анализируйте ее. Такъ вообще и поступаетъ Милль; но иногда онъ вдругъ рѣшаетъ дѣло инымъ путемъ: вмѣсто того, чтобы сказать „этотъ способъ труда соприкасается съ продуктомъ слѣдующимъ образомъ, и потому долженъ считаться составною частью его производства“, онъ вдругъ начинаетъ разсуждать такъ: „этотъ человекъ получаетъ вознагражденіе за свой трудъ изъ продукта, слѣдовательно его трудъ участвуетъ въ производствѣ продукта“; это уже значитъ судить по вѣшнему признаку, по наружной формѣ, а не по сущности дѣла; это методъ меркантильной системы, методъ непригодный для науки и отвергаемый духомъ Смитовской теоріи.

Но облегчается ли хотя вѣшнимъ образомъ изслѣдованіе черезъ приложеніе такого поверхностнаго метода? Нѣтъ, оно только усложняется черезъ это; Милль безпрестанно долженъ дѣлать оговорки: хотя этотъ трудъ получаетъ вознагражденіе изъ этого продукта, но онъ участвуетъ въ производствѣ не этого, а другого продукта. Если же такъ, если поверхностный методъ не приводитъ даже къ той цѣли, для которой долженъ служить, если онъ не сокращаетъ изслѣдованія, а затягиваетъ его, то почему же онъ безъ всякой надобности впутывается въ дѣло? Мы легко можемъ замѣтить, отъ чего это происходитъ: школа Смита еще не умѣетъ совершенно очиститься отъ меркантильныхъ воззрѣній, и съ своего собственнаго, глубокаго и часто научнаго вопроса: „какъ происходитъ дѣло?“ безпрестанно сбивается на меркантильный вопросъ: „кто даетъ деньги на это дѣло? кому достается денежная выгода отъ него?“ Вопросъ о томъ, кому достается выгода, очень важенъ; но о немъ должна быть рѣчь особенно, потому что ходъ дѣла и выгода дѣла—понятія совершенно различныя, и перепутываніе ихъ не можетъ не производить въ наукѣ сбивчивости.

Дѣйствительно, черезъ всю вторую главу Милля проходитъ смѣшиваніе понятій, относящихся къ сущности дѣла, съ воззрѣніями, относящимися только къ одной изъ вѣшнихъ формъ его. Напримѣръ, для производства нужно, чтобы существовалъ запасъ пиши, нужной работнику во время производства,—это такъ, это сущность дѣла, это условіе коренное и неизмѣнное. Но смотрите, какъ тотчасъ же, неизвѣстно откуда, неизвѣстно зачѣмъ является (§ 2, послѣдній отдѣлъ, стр. 56—57) уже длинное разсужденіе о томъ, что часть продукта должна доставаться человѣку,

снабдившему работников продовольствием на время работы,—не за трудъ производства, не за трудъ охраненія этого продовольствія, нѣтъ, за это идетъ особое вознагражденіе,—нѣтъ, за „отсрочку личнаго потребленія“; но развѣ это трудъ? Нѣтъ, это уже явленіе другого порядка вещей, явленіе умѣренности, расчетливости, а не труда, то есть нѣчто несоизмѣримое съ трудомъ. Продуктъ—плодъ труда; какъ же вы опредѣлите, какая часть продукта пойдетъ на вознагражденіе за это явленіе, несоизмѣримое съ трудомъ? Плугъ произведенъ одною десятою частью всего труда, пошедшаго на производство 50 четвертей хлѣба; тутъ самую сущностью дѣла опредѣляется часть продукта, которая идетъ въ вознагражденіе за выдѣлку плуга,—это десятая часть изъ 50 четвертей, то есть 5 четвертей. Но сколько приходится человѣку—не за то, что онъ совершилъ извѣстное количество труда, а за то, что добродѣтель, или уменье, или воздержанье, или краснорѣчивье, или высокъ ростомъ, или изященье своими манерами? Это достоинства прекрасныя, но совершенно различныя отъ понятія труда, не имѣющія съ нимъ никакой общей мѣры; потому невозможно опредѣлить никакого вознагражденія частью продуктовъ труда. У каждаго спеціальнаго рода дѣятельности есть свой спеціальнй результатъ, который и служитъ вознагражденіемъ за него; на примѣръ, за добродѣтель вознагражденіемъ служитъ пріятное состояніе совѣсти, за краснорѣчіе—вниманіе и аплодисменты слушателей, за изящество манеръ—уваженіе свѣтскихъ людей и т. д. Одно вознагражденіе нейдетъ къ другой дѣятельности, и несообразностью было бы говорить, на примѣръ, о томъ, что за добродѣтель человѣкъ долженъ быть приглашаемъ на балы и танцевальныя вечера, или за изящныя манеры долженъ пользоваться уваженіемъ, какъ ораторъ, или получать извѣстную долю продуктовъ. У каждаго качества, у каждой дѣятельности, какъ мы сказали, свой особенный результатъ и собственно только въ этомъ результатѣ состоитъ вознагражденіе за качество или дѣятельность, которыми онъ произведенъ.

Такъ и умѣренность, воздержаніе отъ личнаго потребленія, отсрочка личнаго потребленія имѣетъ свой особенный результатъ, которымъ собственно и должна ограничиваться награда за это качество, или за этотъ фактъ. Положимъ, что у человѣка есть банка варенья въ 5 фунтовъ, и что нынѣ онъ не съѣлъ всѣхъ 5 фунтовъ, а съѣлъ только половину фунта—какое ему вознагражденіе за эту воздержность? Во-первыхъ, то, что онъ не разстроилъ своего желудка; во-вторыхъ, то, что у него осталось чѣмъ полакомиться завтра, послѣзавтра. Точно тоже надобно сказать и о человѣкѣ, у котораго 3 четверти хлѣба и который не растратилъ его въ одинъ день, а ѣстъ хлѣба всего по 2 фунта въ день—какая ему награда за это? Во-первыхъ, какимъ бы образомъ онъ съѣлъ 3 четверти хлѣба въ одинъ день? Въ одинъ день онъ могъ бы спустить ихъ развѣ въ рѣку, а не въ свой желудокъ; но бросивъ ихъ въ рѣку, онъ поступилъ бы глупо, и первая награда ему за то, что онъ не сдѣлалъ этого—сознаніе, что онъ не поступилъ глупо, и что надъ нимъ не хохочутъ добрые люди. Во-вторыхъ, когда онъ ѣстъ по 2 фунта хлѣба въ день, хлѣба ему достанетъ на цѣлый годъ; а если бы онъ не „отсрочивалъ личнаго по-

требленія“, израсходовалъ бы свой хлѣбъ въ одинъ день, ему завтра пришлось бы голодать.

Таковъ нормальный ходъ дѣла по сущности самого дѣла. Но подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ мало ли что случается? Во Франціи Монтионъ учредилъ денежныя преміи за добродѣтель; въ Турціи за умѣнье кружиться на одномъ мѣстѣ въ родѣ кубаря поклоняются дервишамъ, какъ великимъ подвижникамъ добродѣтели, между тѣмъ какъ нормальное вознагражденіе за это должно быть—приглашеніе поступить танцоромъ въ балетную труппу; въ древней Персіи считали умнѣйшимъ чело-вѣкомъ того, кто можетъ больше выпить, не опьянѣвъ, между тѣмъ какъ нормальною наградою за это должна служить репутація горькаго пьяницы. Наука не можетъ принимать такихъ несоответственныхъ сущности дѣла послѣдствій за нѣчто нормальное, неизмѣнное, не можетъ вводить такихъ фактовъ въ свое изложеніе иначе, какъ изслѣдовавъ ихъ вліяніе на раціональный порядокъ дѣлъ; не можетъ, упоминая о нихъ, не прибавлять, хороши они или дурны, чѣмъ ихъ можно поддержать и развить, если они хороши, и, наоборотъ, ослабить и искоренить, если они дурны. У чело-вѣка два глаза—нечего тутъ разсуждать, хорошо это, или дурно; надобно только описать устройство глазъ, и довольно: это нормальная принадлежность чело-вѣческаго организма, это слѣдствіе закона природы производящаго орга-низмъ. Но въ Египтѣ множество слѣпыхъ людей: объ этомъ фактѣ мало сказать, что онъ существуетъ; надобно сказать, хорошъ онъ или дуренъ, и чѣмъ его можно развить или отстранить, потому что онъ не нормаленъ, производится не тѣми законами, которыми производится чело-вѣческій орга-низмъ, а вліяніемъ случайныхъ, внѣшнихъ обстоятельствъ на дѣйствіе этихъ законовъ.

Мы видѣли, въ чемъ состоитъ нормальное вознагражденіе за отсрочку личнаго потребленія, или умѣренность, или воздержаніе: во-первыхъ, въ сознаніи благоразумности такого образа дѣйствій; во-вторыхъ, и это глав-ное, въ томъ, что сохраненіе вещи, потребить которую не нужно чело-вѣку нынѣ, даетъ ему средство потребить ее завтра, когда это потребленіе ему будетъ нужно. Если кромѣ этого нормальнаго вознагражденія существуетъ еще требованіе особеннаго вознагражденія, не вытекающаго изъ сущности дѣла и состоящаго въ томъ, чтобы количество продукта не просто сохра-нялось, а увеличивалось отъ его сохраненія, то наука должна разсмотрѣть изъ какихъ внѣшнихъ, постороннихъ самому дѣлу, обстоятельствъ происте-каетъ такое требованіе, благопріятны ли для общественнаго благосостоянія эти обстоятельства, и, если благопріятны, то какими способами можно поддержать и усилить ихъ, а если неблагопріятны, то какими способами можно ослабить и искоренить ихъ. Этимъ мы займемся, когда рѣчь будетъ идти о прибыли (profit) и о процентахъ (interest). Здѣсь мы только хотѣли показать, что Милль поступилъ не логически, когда внесъ въ изслѣдованіе объ основныхъ элементахъ производства фактъ, относящійся не къ произ-водству, а къ распредѣленію и обмѣну, и притомъ внесъ этотъ фактъ въ свое изложеніе безъ критики, говоритъ о немъ, какъ о чемъ-то нормально принадлежащемъ теоріи, между тѣмъ какъ онъ вытекаетъ вовсе не изъ

теоріи, вовсе не изъ основныхъ понятій о сущности дѣла, а просто изъ вѣшнихъ обстоятельствъ, постороннихъ дѣлу.

Но еще гораздо страннѣе и противнѣе принципамъ самой теоріи Смита такія разсужденія, какія мы находимъ въ параграфѣ 7-мъ (стр. 64 и 65). „Для общества во всей дѣлости издержки на воспитаніе малолѣтней части населенія составляютъ часть расхода, служащаго условіемъ производства; напротивъ, отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходу не по тому побужденію, чтобы получить въ будущемъ выгоду, и политическая экономія въ большей части своихъ соображеній не должна причислять этого труда и расхода къ издержкамъ производства“. Но какъ же не причислять, если онъ принадлежитъ? Для общества принадлежитъ, для частнаго человѣка не принадлежитъ, потому не причислять. Нѣсколькими строками дальше, опять тоже человѣкъ лѣчится не по экономическому расчету, а по другимъ побужденіямъ, потому трудъ и расходъ на лѣчение „выходитъ изъ сферы почти всѣхъ общихъ теоремъ политической экономіи“; а между тѣмъ и тутъ, „если брать въ расчетъ дѣла общества, а не дѣла отдѣльныхъ лицъ, то надобно этотъ трудъ и расходъ“ причислять къ издержкамъ производства. Тоже самое говорится и въ § 8-мъ о собственно ученomъ трудѣ, о трудѣ отвлеченнаго мышленія: онъ рождаетъ, можно сказать, все производство; но ученые трудятся обыкновенно не собственно съ намѣреніемъ усилить производство и получаютъ свое вознагражденіе не тѣмъ порядкомъ, какимъ получаютъ его ремесленники, фабриканты, купцы; потому „въ большей части вопросовъ политической экономіи не нужно принимать въ расчетъ этого дѣла“. Но черезъ нѣсколько строкъ Милль говоритъ, что политическая экономія должна быть постоянно готова переходить съ точки зрѣнія расчетовъ и побужденій частныхъ лицъ на ту точку зрѣнія, которая дается національными и всеобщими интересами. Въ томъ и дѣло, что наука должна твердо помнить, какой точки зрѣнія должна она держаться. Сама теорія Смита говоритъ, и справедливо говоритъ, что наука должна говорить о благосостояніи общества. Если такъ, если она дѣйствительно должна считать расходомъ то, что составляетъ расходъ для общества, если трудъ отвлеченныхъ изслѣдованій, трудъ воспитанія и трудъ лѣченія составляютъ часть труда нужнаго обществу для производства, то какимъ же образомъ расходы на этотъ трудъ не составляютъ части издержекъ производства? Станнымъ образомъ Милль, въ противоположность своимъ прежнимъ словамъ, будто бы политическая экономія не должна почти никогда брать въ расчетъ трудъ отвлеченнаго изслѣдованія, самъ прибавляетъ въ концѣ того же параграфа, что, съ общественной точки зрѣнія, трудъ этотъ долженъ считаться чрезвычайно производительнымъ.

Изъ его собственныхъ словъ мы видимъ, отчего произошла такая непоследовательность: порядокъ, по которому идутъ дѣла общества, онъ, какъ будто, считаетъ на этотъ разъ не столь важнымъ для науки, какъ анализъ побужденій, по которымъ дѣйствуютъ частныя лица. Но если наука забываетъ объ обществѣ для частнаго лица, она уже должна говорить, что изслѣдованія объ обществѣ не ея предметъ, а предметъ какой нибудь другой науки. Политическая экономія имѣетъ другія притязанія: она хочетъ говорить объ обществѣ; такъ пусть же и говорить о немъ.

Само собою разумѣется, что Милль дѣлаетъ ошибку, исключая трудъ лѣченія, воспитанія и научнаго изслѣдованія изъ элементовъ труда, нужнаго производству. Ошибка такъ ясна, что почти не стоило бы и упоминать о ней. Но мы замѣчаемъ ее только для того, чтобы спросить, читателя: можно ли ожидать полноты и послѣдовательности въ разрѣшеніи многосложныхъ вопросовъ отъ теоріи, которая спутывается въ такихъ простыхъ вещахъ?

Мы видѣли источникъ ошибки: онъ состоитъ въ томъ, что общественный расчетъ забывается для психологическихъ разсужденій о побужденіяхъ и желаніяхъ частныхъ лицъ. Эта непослѣдовательность, не могущая держаться на высотѣ общественныхъ соображеній и безпрестанно падающая въ меркантильные расчеты одного только сословія или просто отдѣльныхъ лицъ, господствуетъ во всей второй главѣ. Отъ этой непослѣдовательности произошло и сбивчивое понятіе о способѣ, по которому трудъ вознаграждается продуктомъ. Станемъ на точку зрѣнія общественнаго расчета, и посмотримъ, въ чемъ сущность дѣла.

Положимъ, что общество, состоящее изъ 100 человѣкъ, собираетъ жатву въ 500 четвертей. Положимъ, что этой жатвы достаточно на его пропитаніе въ теченіе года до слѣдующей жатвы. Оно будетъ заниматься по прежнему земледѣліемъ. Если на слѣдующую жатву оно соберетъ 500 четвертей хлѣба, трудъ его вознагражденъ: на поддержку труда пошло 500 четвертей и продуктъ труда составилъ 500 четвертей. Послѣ жатвы втораго года, общество остается точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ было годъ тому назадъ.

Но если вторая жатва дала не 500 четвертей, какъ прежняя, а только 400 четвертей, трудъ общества не вполнѣ вознагражденъ. Если въ первый годъ, потребляя 500 четвертей, оно не нуждалось, оно будетъ нуждаться во второй годъ, имѣя только 400 четвертей.

Если же вторая жатва дала 600 четвертей, трудъ вознагражденъ съ избыткомъ, и положеніе общества во второй годъ будетъ лучше, чѣмъ въ первый.

Вотъ научная сущность понятія о вознагражденіи труда. Трудъ вознагражденъ, если въ продуктѣ получается такое же количество нужныхъ вещей, какое было потреблено на производство труда. Въ этомъ случаѣ существованіе поддерживается безъ ухудшенія и безъ улучшенія. О томъ, удовлетворительно ли это для человѣка и для общества и при какихъ случаяхъ должно быть признано неудовлетворительнымъ, а нуженъ еще излишекъ въ продуктѣ надъ расходами производства, мы будемъ говорить впоследствии. Теперь мы хотимъ только замѣтить, что очень странно и ошибочно дѣлаетъ Милль, когда вмѣсто этого понятія о вознагражденіи, то есть объ отношеніи массы продуктовъ къ массѣ вещей, расходуемыхъ на производство, подстановляетъ разговорное понятіе о вознагражденіи, какъ о рабочей платѣ. Это двусмысліе ведетъ къ важнымъ запутанностямъ.

Чѣмъ опредѣляется обширность производствъ, которыми можетъ заниматься общество? Массою запасовъ, какіе оно уже имѣетъ для продовольствія работниковъ при началѣ производства. Напримѣръ, европейскія

общества, по словамъ самого Милля, могутъ получать свою нищу посредствомъ земледѣлія, то есть посредствомъ процессовъ производства, требующихъ цѣлый годъ времени, только потому, что имѣютъ запасъ продовольствія на цѣлый годъ. При научномъ понятіи о вознагражденіи эти запасы, будучи матеріаломъ или орудіемъ труда, никакъ не могутъ называться вознагражденіемъ за тотъ земледѣльческій трудъ, плодомъ котораго будетъ жатва слѣдующей осени. Съ общественной точки зрѣнія, всякая работа, относящаяся къ земледѣлію, получаетъ свое вознагражденіе изъ жатвы слѣдующей осени; величина сбора отъ этой слѣдующей жатвы покажетъ, выполненъ ли вознагражденъ трудъ, или еъ излишкомъ, или не выполненъ. Но отъ этого вознагражденія будетъ зависѣть состояніе, трудъ и жизнь общества уже въ слѣдующемъ году, а трудъ нынѣшняго года зависитъ отъ прошлой жатвы, но вовсе не отъ слѣдующей жатвы. Самъ Милль возвращается къ этимъ болѣе правильнымъ выраженіямъ въ главахъ о капиталѣ; зачѣмъ же въ § 2-мъ второй главы онъ толкуетъ, что одни работники получаютъ свое вознагражденіе изъ прошлой жатвы, другіе изъ слѣдующей жатвы? Въ сущности, всѣ они одинаково получаютъ вознагражденіе изъ слѣдующей жатвы, а средства къ труду всѣ одинаково получаютъ изъ прошлой жатвы. Но Милль не остерегся, и вмѣсто общаго научнаго воззрѣнія, идущаго къ корню вещей, къ средствамъ и способамъ труда, подстановилъ случайныя и виѣшнія формы, принимаемыя этимъ дѣломъ при томъ экономическомъ состояніи, въ какомъ находятся нынѣ нѣкоторыя страны. Напримѣръ, въ Англіи фермеръ выручаетъ деньги, затраченныя на производство, продавая жатву, — и такъ, онъ получаетъ вознагражденіе изъ жатвы, слѣдующей за трудомъ; но кузнецъ въ январѣ получаетъ отъ него деньги за плугъ, которымъ будутъ пахать землю только уже въ мартѣ, — и такъ, онъ получилъ вознагражденіе изъ прошлой жатвы. Такъ дѣлается въ Англіи, и Милль безъ всякой критики выдаетъ эти явленія за сущность дѣла. Нѣтъ, сущность дѣла не такова, она только покрыта этими формами.

Важно ли то для теоріи, къ разнымъ ли семействамъ принадлежатъ фермеръ и кузнецъ? Предположимъ, что у фермера есть сынъ кузнецъ и что онъ сдѣлалъ плугъ для отцовской фермы. Въ такомъ случаѣ плугъ не проданъ, онъ просто сдѣланъ, онъ остается въ однѣхъ рукахъ, платы за него не было производимо. Но почему плугъ сдѣланъ? Потому что фермеръ произвелъ слѣдующій расчетъ: имѣя хорошій плугъ, я получу не 200, а 250 четвертей хлѣба; плугъ стоитъ только того труда, какого стоятъ 10 четвертей хлѣба, — и такъ, жатва слѣдующаго года съ избыткомъ вознаградитъ нашу семью за выдѣлку плуга: мы израсходуемъ 10 четвертей на трудъ, который дастъ 50 четвертей. Ясно, что работа кузнеца въ сущности вознаграждается слѣдующею жатвою, подобно работѣ фермера.

Теперь, почему же у фермера одинъ изъ сыновей могъ выучиться кузнечному дѣлу? Ясно, только потому, что остальные члены семьи производили достаточно хлѣба для своего и для его прокормленія, пока онъ учился кузнечеству. Почему онъ въ нынѣшнемъ году можетъ заниматься кузнечествомъ, а не принужденъ добывать съѣтныя припасы для себя рыбачествомъ или охотничествомъ? Ясно, только потому, что въ прошедшую

жатву фермеръ съ другими сыновьями заготовилъ довольно хлѣба на свое и его пропитаніе до слѣдующей жатвы. Ясно, что кузнецъ, подобно земледѣльцу, содержится продуктами прошлой жатвы.

Въ обыкновенной рутинѣ и въ разговорномъ языкѣ понятіе вознагражденія смѣшивается съ понятіемъ рабочей платы. Милль впадаетъ въ ошибку, перенося въ область науки эту спутанность. Рабочая плата составляетъ сумму предметовъ, получаемыхъ трудящимся, если онъ трудится не въ свою собственную прибыль, а въ прибыль хозяина. Вознагражденіе за трудъ есть вся сумма продуктовъ, бывающихъ результатомъ труда. Мы въслѣдствіи увидимъ важность соблюденія ясной памяти объ этомъ различіи.

Третья глава посвящена почти вся подраздѣленію труда на производительный и непроизводительный. Въ примѣчаніяхъ 8, 9 и 10 мы уже говорили объ ошибочности выраженій, которыя Милль слишкомъ довѣрчиво взялъ изъ Сэ. Кромѣ этого и кромѣ другихъ маловажныхъ подробностей, понятія Милля проведены логично; но самъ онъ говоритъ, что разница между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ вовсе не важна. Мы видѣли, что онъ говоритъ это совершенно справедливо. Зачѣмъ же онъ употребляетъ на изслѣдованіе этихъ неважныхъ различій нѣсколько страницъ, между тѣмъ какъ посвящаетъ всего по одной страницѣ разсмотрѣнію классификацій гораздо важнѣйшихъ, разсмотрѣнію понятій о производительномъ и непроизводительномъ потребленіи, понятій о трудѣ, продукты котораго обращаются или не обращаются на поддержаніе производства? Зачѣмъ отдѣлываться нѣсколькими словами отъ предметовъ, которые самъ признаешь важными, и тратить почти цѣлую главу на длинныя разсужденія о вещи, которую самъ признаешь не важной? Опять рутинѣ и рутинѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ ученые люди вели длинный споръ; теперь мы увидѣли, что одни изъ этихъ ученыхъ людей говорили совершенный вздоръ и что противники ихъ были совершенно правы и что весь споръ былъ совершенно пустъ. Мы знаемъ это, но излагаемъ передъ читателемъ весь споръ со всѣми подробностями. О другихъ предметахъ, гораздо важнѣйшихъ, мало говорилось сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, потому и мы почти не говоримъ о нихъ, хотя знаемъ, что они очень важны. Это все равно, что въ исторіи русской литературы посвятить двадцать страницъ Княжину и по одной страницѣ Пушкину и Гоголю. Что вы скажете объ удовлетворительности такого руководства къ изученію русской литературы?

Въ § 4 встрѣчается непослѣдовательность, которая вполне разоблачится для насъ тогда, когда мы станемъ говорить о теоріи заграничной торговли, но которую мы должны мимоходомъ указать теперь же, какъ примѣръ тому, что школа Смита не умѣетъ доходить до конца счета и останавливается на срединѣ его: непроизводительный трудъ вообще не увеличиваетъ, а уменьшаетъ богатство страны, говоритъ Милль,—справедливо; но, продолжаетъ онъ, „на счетъ другихъ націй, нація можетъ увеличивать свое богатство и непроизводительнымъ трудомъ“ (стр. 75) и приводитъ въ доказательство итальянскихъ пѣвицъ, древнихъ греческихъ

наемныхъ солдатъ, риторовъ и т. д. Прекрасно, но только вотъ что: нынѣшняя Италія съ своими ибвицами бѣднѣ Англїи, изъ которой везуть онѣ золото въ Италію; Греція съ каждымъ годомъ разорялась въ то время, когда стали ходить на службу персамъ ея солдаты, на службу къ римлянамъ ея риторы. Не надобно ли предполагать, что непродуцируемо-нажитое богатство не можетъ идти въ прокъ націи, хотя бы оно привозилось и изъ-за границы?

Чтобы разобрать это, обратимся къ цифрамъ. Положимъ, что въ какомъ нибудь древнемъ греческомъ обществѣ было 1,000 взрослыхъ работниковъ при 4,000 населенія, что 200 человѣкъ изъ взрослыхъ мужчинъ ушли въ Персію, на службу какому нибудь Артаксерксу, что 50 человѣкъ изъ нихъ убиты на войнѣ или умерли на чужой сторонѣ, а 150 воротились назадъ и каждый изъ нихъ привезъ съ собою по пуду золота, между тѣмъ какъ въ этомъ обществѣ 25 четвертей хлѣба, добываемыя работникомъ, стоили всего только одну десятую часть фунта золота. Каждый изъ возвратившихся воротился въ такомъ случаѣ богачемъ въ родѣ нашего землевладѣльца, имѣющаго 1,000 десятинъ хорошей земли. Посмотримъ же на производство въ этомъ обществѣ до отправленія авантюристовъ на войну, потомъ во время ихъ отсутствія и наконецъ по ихъ возвращеніи.

До отъѣзда авантюристовъ было 1,000 взрослыхъ работниковъ, кормившихъ 4,000 человѣкъ. Положимъ, что каждый изъ нихъ производилъ 25 четвертей хлѣба; въ такомъ случаѣ на cadaго жителя приходилось 6,25; если на безбѣдную жизнь нужно было по 6 четвертей человѣку, это общество имѣло нѣкоторый, правда, не очень большой, но все-таки чувствительный избытокъ.

Но вотъ 200 человѣкъ авантюристовъ ушло въ Персію. Въ обществѣ осталось при 3,800 человѣкъ населенія только 800 работниковъ. Каждому работнику приходится кормить уже не 4 человѣкъ, какъ прежде, а 4,75, т. е. 4 работника кормятъ не 16 человѣкъ, какъ прежде, а цѣлыхъ 19 человѣкъ. Производи по 25 четвертей каждымъ работникомъ, общество имѣетъ только по 5,25 четвертей на человѣка; оно чувствуетъ довольно сильную нужду.

Вотъ возвратились авантюристы. Они люди богатые, заниматься черной работой они не стануть. Не прилично ихъ богатству не только пахать землю, но и самимъ убирать въ комнатахъ, чистить платье; каждому изъ нихъ нуженъ слуга. Денегъ они не жалѣютъ, и каждый охотно бросаетъ земледѣліе, чтобы быть лакеемъ у кого нибудь изъ нихъ. Съ появленіемъ 150 господъ явилось 150 лакеевъ и за земледѣліемъ осталось всего 650 человѣкъ. Они должны кормить 3,950 человѣкъ (3,800 человѣкъ прежняго населенія и 150 возвратившихся авантюристовъ), т. е. каждому приходится кормить по 6,05 человѣкъ, т. е. на cadaго жителя общество имѣетъ только по 4,13 четвертей хлѣба. Нужда стала несравненно тяжеле прежняго. Имѣтъ вмѣсто 6 четвертей въ годъ только 4, значить, или каждому человѣку изъ трехъ дней одинъ проводить безъ пищи, или изъ каждыхъ трехъ человѣкъ одному умереть съ голоду. Лучше было бы всѣмъ 200 человѣкамъ авантюристамъ погибнуть на войнѣ; тогда пропало бы 200 человѣкъ, а теперь пропадаетъ 1,300.

Этот вывод примѣняется ко всякому случаю, когда нація приобретаетъ какія нибудь суммы богатства насчетъ другихъ націй: богатство, приобретенное ею съ убыткомъ для другихъ, служить источникомъ разоренія для нея самой. Каждый экономистъ говоритъ, что таково было вліяніе огромныхъ массъ богатства, постунавшихъ при Филиппѣ II и его преемникахъ изъ Америки въ Испанію. Только теперь, лишившись американскихъ владѣній, лишившись средства жить на чужой счетъ, будучи принуждена сама заниматься производительными работами, Испанія начинаетъ оправляться отъ долгаго разоренія, принесеннаго ей приливомъ американскихъ богатствъ. Отдѣльный человѣкъ, или какая нибудь малочисленная шайка людей можетъ богатѣть чужимъ трудомъ; но цѣлая нація можетъ поддерживать и увеличивать свое благосостояніе только собственнымъ трудомъ; всякое обстоятельство, отвлекающее націю отъ этого единственнаго источника ея жизни, разоряетъ націю. Сама теорія Смита очень хорошо доказываетъ это, но, какъ видимъ, не всегда умѣетъ остаться вѣрна своему собственному принципу и часто обольщается поверхностными меркантильными впечатлѣніями. Мы много разъ уже указывали источникъ такихъ ея ошибокъ: она останавливается на второстепенныхъ явленіяхъ обмѣна, вмѣсто того, чтобы проникать до основныхъ фактовъ производства; забываетъ сосчитывать отношеніе рабочихъ силъ общества къ массѣ продуктовъ первой необходимости, которая была бы нужна для общественнаго благосостоянія.

Новымъ замѣчательнымъ примѣромъ этой забывчивости служить второй отдѣлъ послѣдняго параграфа третьей главы (стр. 79). Милль говоритъ, что если въ извѣстной странѣ значительная часть годичнаго продукта идетъ на непроеводительное потребленіе, то надобно радоваться тому, что общество располагаетъ такимъ большимъ излишкомъ, а жалѣть надобно только о томъ, что этотъ излишекъ распредѣляется съ удивительною неравномѣрностью, употребляется на вещи пустыя и отдается людямъ, не возвращающимъ за него равномѣрныхъ услугъ обществу. Такъ, надобно жалѣть объ этомъ; но безъ точныхъ изслѣдованій нельзя еще рѣшить, дѣйствительно ли этотъ кажущійся излишекъ долженъ считаться излишкомъ. Очень можетъ быть, что въ сущности излишка вовсе нѣтъ, а часть необходимаго отвлекается отъ разсудительнаго употребленія на первыя необходимости, чтобы служить на предметы роскоши; очень можетъ быть, что феноменъ, представляющійся излишкомъ, производится фальшивымъ образомъ. Если мы будемъ говорить объ этомъ, не производя точнаго разсчета общественныхъ средствъ, мы легко впадемъ въ меркантильное заблужденіе. Мы знаемъ, что въ расходахъ частныхъ лицъ часто бываетъ такая фальшь. Мы видимъ, на примѣръ, что какой нибудь господинъ бросаетъ десятки рублей цыганскому хору. Если мы не сочли его доходовъ, то можно-ли впередъ сказать, что надобно радоваться существованію у него значительнаго излишка, а можно жалѣть только о томъ, что онъ бросаетъ лишнія деньги на пошлое и пустое удовольствіе, вмѣсто того чтобы доставлять себѣ на нихъ удовольствія возвышенныя, на примѣръ, покупать картины или составлять библіотеку. Нѣтъ, мы еще не знаемъ, дѣйствительно ли

можно считать излишкомъ у него тѣ деньги, которыя бросаетъ онъ цыганамъ. Очень можетъ быть, что онъ живетъ на довольно дурной квартирѣ, нуждается въ бѣльѣ, подвергаетъ лишеніямъ свое семейство. Точно таково же то національное явленіе, которое обыкновенно принимается за признакъ избытка. Очень можетъ быть, что въ сущности нація вовсе еще не имѣетъ никакого излишка, когда тратитъ часть своихъ продуктовъ на предметы роскоши. Чтобы рѣшить это, надобно сосчитать, удовлетворены ли достаточнымъ образомъ первыя ея потребности. Не знаемъ, каково матеріальное благосостояніе обществъ, существующихъ на Лунѣ, Марсѣ и Сиріусѣ. Но что касается до обществъ, существующихъ, напримѣръ, въ Западной Европѣ, то статистика показываетъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не обращается достаточное количество продуктовъ на удовлетвореніе первыхъ потребностей: въ Англии, во Франціи, въ Германіи, не говоря уже о другихъ странахъ, масса населенія до сихъ поръ не имѣетъ удовлетворительной пищи, одежды и порядочнаго помѣщенія. А если такъ, то эти націи еще не имѣютъ излишка, который могли бы разсудительнымъ образомъ обращать на непроезжительное потребленіе или на какіе бы то ни было предметы роскоши. Если такъ, надобно жалѣть не только о томъ, что мнимый излишекъ, идущій на эти предметы, распредѣляется и употребляется дурно, надобно еще больше жалѣть о томъ, что нація обольщается, воображая, будто имѣетъ излишекъ, когда вовсе не имѣетъ его; надобно жалѣть, что она тратитъ часть своихъ силъ на выдѣлку бездѣлушекъ, когда еще не выдѣлываетъ достаточнаго количества хлѣба.

Мы полагаемъ, что читателю не совсѣмъ легко теперь свести въ одно воззрѣніе ту часть переведеннаго нами отдѣла, которая осталась нетронутою отъ нашихъ замѣчаній, съ нашими дополненіями къ ней и возраженіями на другую часть мыслей Милля. Для облегченія этого труда читателю, мы, конечно, обязаны сами изложить въ систематическомъ видѣ ту теорію труда, которая возникаетъ изъ свода нашихъ дополненій и замѣчаній съ мыслями, находящимися у Милля. Но по тѣсной связи понятій труда и капитала, полезно будетъ отложить эту задачу до разсмотрѣнія теоріи капитала; тогда мы представимъ общій взглядъ на характеръ обояхъ этихъ дѣятелей производства.

ГЛАВА IV.

К а п и т а л ь.

1. Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что кромѣ двухъ первоначальныхъ и необходимыхъ элементовъ производства есть еще третій элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ развѣ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности: мы видѣли, что сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ доставляемыхъ природою, нуженъ для производства предварительно накопленный запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ продуктовъ труда называется капиталомъ. Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ чрезвычайно важно, потому что очень многіе изъ ошибочныхъ мнѣній, портящихъ нашу науку, возникаютъ изъ неполноты и сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ¹²⁾.

¹²⁾ Мы увидимъ чрезвычайную важность различія между понятіемъ о капиталѣ, какъ только той части накопленныхъ продуктовъ труда, которая имѣетъ своимъ назначеніемъ производительное употребленіе, и понятіемъ о капиталѣ, какъ о всей суммѣ накопленныхъ продуктовъ безъ всякаго разбора въ назначеніи, какое имѣютъ эти продукты. Мы увидимъ, что только первое понятіе, принимаемое Миллемъ, соответствуетъ надобностямъ научной классификаціи, а второе, по небрежности допущенное большею частью континентальныхъ экономистовъ, ведетъ къ безчисленнымъ запутанностямъ и несообразностямъ. Эта раздвоенность понятій, спутывающая большинство и специалистовъ и публики, происходитъ, какъ и съ терминомъ „богатство“, отъ того, что наука, сообразно своимъ надобностямъ, придала слову капиталъ значеніе не то, какое принадлежитъ ему въ разговорной рѣчи. Многіе ученые, забывая о важности болѣе тѣснаго опредѣленія, даннаго наукой, вовлекались въ ошибку, придавая по временамъ тому же самому термину въ своихъ изслѣдованіяхъ широкое разговорное значеніе, несоответствующее научной надобности. Отъ этой забывчивости не всегда бываютъ свободны и англійскіе экономисты. Но у континентальныхъ экономистовъ сбивчивость увеличивается тѣмъ, что англійскій языкъ, литература котораго служитъ кореннымъ источникомъ для изученія Смитовской теоріи, имѣетъ кромѣ слова „капиталь“, *the capital*, еще нѣсколько словъ, которыя иностранецъ легко смѣшиваетъ съ нимъ; изъ нихъ особенно сильнымъ поводомъ къ сбивчивости было слово *the stock*, которое въ разговорной рѣчи переводится на французскій, нѣмецкій или русскій языкъ чаще всего также словомъ „капиталь“. Можно вообразить себѣ, какая путаница должна произойти, когда, во-первыхъ, смѣшиваются два разныя значенія англійскаго слова *the capital*, научное и разговорное, и въ прибавокъ само это слово въ обоихъ своихъ значеніяхъ спутывается въ умѣ французскаго, нѣмецкаго или русскаго ученика англичанъ съ словомъ *the stock*, которое употребляется англійскими экономистами безъ всякаго точнаго опредѣленія, потому что не служитъ у нихъ научнымъ терминомъ, и сохраняетъ всѣ разнообразныя оттѣнки разговорнаго своего значенія. Чтобы избѣжать этой путаницы мы употребляемъ слово „капиталь“ исключительно только тамъ, гдѣ оно стоитъ и въ англійскомъ подлинникѣ, а слово *the stock* переводимъ словомъ „запасъ или выраженіями „масса продуктовъ“, „масса цѣнностей“ и т. п.; но никогда не замѣняемъ его словомъ „капиталь“. У Милля, надобно отдать ему справедливость, слово *the capital* постоянно принимается исключительно въ своемъ научномъ смыслѣ: онъ никогда не забываетъ, что если наука разъ дала извѣстному слову точный смыслъ научнаго термина, то уже постоянно должна сохранять за нимъ этотъ смыслъ. Несоблюденіемъ этого требованія научной терминологіи большинство нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ сильно повредило развитію науки въ своей странѣ.

По мнѣнію людей, совершенно непривычныхъ къ размышленію о нашемъ предметѣ, капиталъ представляется понятіемъ совершенно равнозначительнымъ съ деньгами. Разоблачать эту ошибку значило бы повторить то, что мы говорили во введеніи. Деньги точно такъ же не капиталъ, какъ и не богатство. Самы по себѣ, деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ давать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, можетъ содѣйствовать производству точно въ такой же степени какъ деньги. Капиталъ помогаетъ производству тѣмъ, что даетъ удобное помѣщеніе, охраненіе, инструменты и матеріалы, нужные для работы, даетъ пищу и другое содержаніе работникамъ въ продолженіе работы. Это услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Капиталомъ называются все тѣ вещи, которыя назначены къ этому употребленію, то есть къ снабженію производительнаго труда различными предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ.

Чтобы ближе усвоить себѣ понятіе капитала, посмотримъ, какой видъ принимаетъ капиталъ, употребленный на какую нибудь отрасль производительной промышленности. Мануфактуристъ имѣетъ часть своего капитала въ формѣ строеній, приспособленныхъ и назначенныхъ къ веденію извѣстной отрасли мануфактурнаго дѣла. Другую часть капитала онъ имѣетъ въ формѣ машинъ. Третья часть состоитъ у него въ хлопчатой бумагѣ, льнѣ или шерсти, если онъ занимается пряденіемъ; въ льняной, шерстяной, шелковой или бумажной пряжѣ, если онъ занимается тканьемъ; состоитъ вообще въ матеріалахъ, требуемыхъ его родомъ фабрикаціи. Въ нынѣшнее время нѣтъ обычая, чтобы мануфактуристъ прямо запасалъ пищу и одежду для своихъ работниковъ, и кромѣ людей, занимающихся производствомъ пищи или одежды, мало найдется такихъ капиталистовъ, у которыхъ значительная часть капитала находилась бы въ этомъ видѣ. Но за то у каждаго капиталиста есть деньги, которыми онъ даетъ плату своимъ работникамъ, то есть даетъ имъ возможность снабжать себя пищею и одеждою. Кромѣ того онъ имѣетъ въ своихъ кладовыхъ изготовленные товары, продажу которыхъ также выручаетъ деньги на выдачу платы работникамъ, на исполненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на приобрѣтеніе новыхъ, послѣ совершенной порчи старыхъ. Но не все его деньги, не все его изготовленные товары входятъ въ составъ его капитала, потому что не все они обращаются имъ на эти цѣли: часть наличныхъ денегъ и часть выручки за товары онъ обращаетъ на свое личное потребленіе и на потребленіе своего семейства, на наемъ домашней своей прислуги, на содержаніе охотничьихъ лошадей и собакъ для себя, на воспитаніе своихъ дѣтей, на уплату налоговъ или на дѣла благотворительности. Въ чемъ же состоитъ его капиталъ? Въ той части его имущества, которую назначаетъ онъ на веденіе новаго производства, какова бы ни была форма этого имущества. Если часть его или все оно имѣетъ форму, въ которой не можетъ прямо удовлетворять надобностямъ работниковъ, это все равно.

Положимъ, примѣръ, что капиталистъ занимается выдѣлкою желѣзныхъ вещей и что за исключеніемъ его инструментовъ весь его капиталъ состоитъ въ данное время изъ желѣзныхъ издѣлій. Желѣзные издѣлія не могутъ служить пищею работникамъ. Но простою переменною въ назначеніи этихъ желѣзныхъ издѣлій онъ можетъ доставить пищу работникамъ. Положимъ, что частью своей выручки онъ хотѣлъ содержать охоту или домашнюю свою прислугу и что, переменною намѣреніе, онъ начинаетъ употреблять часть этой выручки

на свою фабрикацію, выдавая ее въ плату большому числу работниковъ, чѣмъ прежде. Вновь нанятые работники получаютъ теперь возможность покупать и потреблять пищу, которая прежде была бы съѣдена охотничьими собаками или домашними служителями; такимъ образомъ, хотя хозяинъ не видѣлъ глазами и не касался рукою ни одной крохи пищи, его рѣшеніе опредѣлило, что изъ пищи, существующей въ странѣ, извѣстное количество, потреблявшееся прежде совершенно непроизводительнымъ образомъ, обратилось на употребленіе производительныхъ работниковъ. Измѣнимъ теперь гипотезу и предположимъ, что деньги, обращенныя хозяиномъ на рабочую плату, расходовались прежде не на содержаніе прислуги или охоты, а на покупку серебряныхъ и золотыхъ вещей; чтобы дѣйствіе этой перемѣны было замѣтно, предположимъ, что перемѣна совершается въ значительномъ размѣрѣ, что отъ покупки золотыхъ и серебряныхъ вещей большая сумма обращается на плату производительнымъ работникамъ, о которыхъ мы предположимъ, что прежде они, подобно прландскимъ поселянамъ, были только на половину заняты и сыты. При увеличеніи своей платы работники израсходуютъ прибавку въ ней не на золотыя и серебряныя вещи, а на пищу. Но количество пищи въ странѣ не увеличилось и нѣтъ въ ней непроизводительныхъ работниковъ или животныхъ, отъ которыхъ пища перенеслась бы на производительныя цѣли. Пища будетъ, если можно, ввезена въ страну, а если ввозъ невозможенъ, то работники до слѣдующаго лѣта останутся на своемъ скудномъ продовольствіи. Но отъ перемѣны непроизводительнаго расхода капиталстовъ въ производительный произошла перемѣна въ запросѣ на товары, и эта перемѣна въ запросѣ будетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что на слѣдующій годъ будетъ произведено больше пищи и меньше серебрянныхъ и золотыхъ вещей. Такимъ образомъ, когда люди, не имѣющіе прямого соприкосновенія съ пищею работниковъ, обратили часть какой бы то ни было своей собственности отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному, слѣдствіемъ этой перемѣны было то, что стало производиться большее количество пищи на употребленіе производительныхъ работниковъ. Итакъ различіе между капиталомъ и не-капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества, а въ намѣреніи капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или на другую цѣль; и всякое имущество, хотя бы само по себѣ и было совершенно не пригодно къ употребленію работниковъ, составляетъ капиталъ, когда оно, или цѣнность, какую можно получить за него, опредѣляется для производительнаго употребленія. Сумма всѣхъ цѣнностей, назначенныхъ на такое употребленіе своими владѣтелями, составляетъ капиталъ страны. Всѣ ли эти цѣнности имѣютъ форму, прямо приложимую къ производительному употребленію, или нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ формы прямо пригодной для него, это все равно. Если онѣ предназначены на эту цѣль, то онѣ найдутъ путь преобразоваться въ вещи, пригодныя для нея.

2. Всѣ продукты страны, назначенныя на производство, составляютъ капиталъ; и, говоря наоборотъ, весь капиталъ страны назначенъ на производство. Но эта вторая теорема подлежитъ нѣкоторымъ ограниченіямъ и объясненіямъ. Извѣстное имущество можетъ искать производительнаго употребленія и не находить такого употребленія, которое соотвѣтствовало бы желаніямъ владѣтеля; въ такомъ случаѣ эта сумма все-таки капиталъ, но капиталъ, остающійся безъ употребленія. Другой случай: запасъ имущества можетъ состоять изъ нераспроданныхъ товаровъ, не пригодныхъ для прямого приложенія къ производительному употребленію и не находящихся себѣ сбыта въ извѣстное время; эти товары, пока лежатъ непроданы, находятся въ состояніи капитала, остающагося безъ употребленія. Третій случай: искусственныя или случайныя обстоя-

тельства могут приводить къ необходимости затрачивать впередъ, передъ началомъ производства, такую массу запасовъ, то есть капитала, которая больше размѣра, требуемаго сущностью дѣла. Предположимъ, что правительство налагаетъ пошлину на производство въ одномъ изъ его первыхъ періодовъ, наиримѣръ, облагаетъ пошлиною матеріалъ. Фабрикантъ долженъ платить пошлину впередъ, до начала производства, и потому принужденъ имѣть большую массу средствъ, чѣмъ сколько нужно для производства и сколько дѣйствительно идетъ на него; въ этомъ случаѣ фабриканту для содержанія производительнаго труда нужно имѣть больше капитала, нежели требуется самымъ дѣломъ, или, что тоже, при данномъ капиталѣ онъ не можетъ содержать того количества труда, сколько могъ бы по сущности дѣла. Такимъ образомъ этотъ способъ взиманія налоговъ подвергаетъ излишнему ограниченію промышленность страны: часть имущества, назначеннаго своими владѣльцами на производство, отвлекается отъ этой цѣли и находится въ постоянномъ положеніи уплаты впередъ, производимой правительствомъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Фермеръ можетъ снять ферму въ такое время года, что ему придется платить за одну, двѣ или даже три четверти года ренту, безъ полученія выручки продуктами. Эта часть ренты должна быть уплачена имъ изъ капитала. А рента, платимая за самую землю, а не за улучшенія, произведенныя въ ней трудомъ, составляетъ расходъ непроеводительный, не принадлежащій къ издержкамъ на содержаніе труда, или на заготовку инструментовъ и матеріаловъ для производства; она въ такомъ случаѣ просто цѣна, платимая за пользованіе силами природы, обращенными въ частную собственность. Эти силы природы столь же необходимы, какъ и инструменты, или даже еще необходимѣе; но вовсе нѣтъ необходимости платить за нихъ. Инструменты—вещи производимыя трудомъ, и потому цѣна составляетъ необходимое условіе ихъ существованія; но земля существуетъ сама собою. Потому плата за землю не принадлежитъ къ издержкамъ производства и необходимость производить эту плату изъ капитала заставляетъ имѣть такое количество капиталовъ, такую массу сбереженія изъ продуктовъ прежняго труда, которая больше размѣра, требуемаго естественной необходимостью или достаточнаго при иной системѣ поземельнаго владѣнія. Этотъ излишекъ капитала, хотя и назначенъ своими владѣтелями на производство, употребляется въ сущности непроеводительнымъ образомъ и ежегодно воспроизводится не изъ своихъ собственныхъ продуктовъ, а изъ продуктовъ труда, содержамаго остальною частью капитала фермера ¹³).

¹³) Объяснимъ это примѣрами. Во-первыхъ, посмотримъ, каково дѣйствіе пошлины, взимаемой не съ готоваго продукта, поступающаго уже на потребленіе, а съ матеріала, который служитъ на производство продукта. Положимъ, что фабрикантъ, начинающій производство, имѣетъ капиталъ въ 1,000 рублей. Положимъ, что онъ, по существующей нормѣ прибыли, долженъ получать съ него 20%. Итакъ онъ долженъ продать свои продукты за 1,200 рублей.

Положимъ, что правительству нужно взимать съ этого производства 10%. Если пошлиною облагается самый продуктъ, поступившій въ мелочную продажу, правительство возьметъ съ цѣнности продуктовъ 120 рублей. Продукты будутъ куплены потребителями за 1,320 р.

Если мы предположимъ, что капиталомъ въ 1,000 рублей производится 1,000 аршинъ сукна, аршинъ сукна поступитъ въ розничную торговлю по цѣнѣ 1 рубль 32 копейки.

Предположимъ теперь, что пошлина берется не съ готоваго продукта, а съ матеріала. Положимъ, что этого матеріала, наиримѣръ, шерсти, привозимой изъ-за границы, покупается фабрикантомъ на такую же сумму, какая идетъ на остальные расходы. Положимъ, что правительство хочетъ ограничиться тѣмъ же размѣромъ пошлины 10%. Тогда, имѣя 1,000 рублей капитала, фабрикантъ покупаетъ шерсти на 500 рублей. Но съ этой шерсти уже взята пошлина въ 10%, то есть за 500 рублей

Наконецъ, значительная часть того производительнаго капитала страны, который употребляется на рабочую плату работникамъ, не составляетъ въ строжайшемъ и необходимомъ смыслѣ необходимости для производства, или даже вовсе не составляетъ необходимости для него. Тотъ излишекъ ея, который превышаетъ дѣйствительную необходимость для жизни и здоровья, расходуется не на содержаніе труда, а на его вознагражденіе, а въ платѣ мастеровымъ этотъ излишекъ обыкновенно бываетъ значительнъ ¹⁴⁾. Работники могли бы ждать полученія этой части своего вознагражденія

фабрикантъ получаетъ теперь только то количество шерсти, какое прежде получалъ за 450 рублей. Если изъ прежняго количества можно было выдѣлать 1,000 аршинъ, то изъ этого количества будетъ получено только 900 аршинъ. Какую сумму долженъ взять фабрикантъ за эти 900 аршинъ? Ту же самую, какъ и прежде, то есть 1,200 рублей. Но пошлина уже взята, потому новой надбавки въ цѣнѣ не будетъ. Итакъ въ розничную торговлю поступаютъ 900 аршинъ сукна за 1,200 рублей, то есть аршинъ по 1 руб. 33 коп.

Цѣна сукна повысилась очень мало, но общество имѣетъ вмѣсто 1,000 аршинъ только 900, а правительство вмѣсто 120 рублей пошлины только 50. Это значитъ, что общество будетъ нуждаться въ одеждѣ, а правительство въ деньгахъ.

Какимъ образомъ сгнать переносить нужду въ одеждѣ общество, это уже его собственное дѣло. Но правительство увидитъ необходимость увеличить свои доходы по крайней мѣрѣ вдвое: вмѣсто 120 руб. можно еще удовлетвориться 100 рублями, но 50 рублями никакъ нельзя покрыть необходимые государственные доходы.

Итакъ, надобно будетъ увеличить пошлину на шерсть до 20%. Тогда съ количества, покупаемаго фабрикантомъ за 50 рублей, будетъ взято пошлины 100 рублей и фабрикантъ получаетъ за свои деньги только такое количество шерсти, какое безъ пошлины получалъ за 400 рублей, то есть такое количество, изъ котораго можно сдѣлать только 800 аршинъ сукна. Эти 800 аршинъ поступаютъ въ продажу по прежнему за 1,200 рублей, т. е. каждый аршинъ сукна стоитъ уже 1 р. 50 коп.

Съ повышеніемъ пошлины доходъ правительства увеличился, но цѣна сукна сильно поднялась, а количество его стало еще меньше прежняго. Имѣя только 800 аршинъ, общество будетъ уже очень сильно нуждаться въ сукнѣ, а правительство — все-таки имѣетъ только 100 рублей, а не 120, которые имѣло бы при взиманіи пошлины съ готоваго продукта вмѣсто пошлины съ матеріала.

Изъ этого мы видимъ, почему благосостояніе общества и доходы казны увеличиваются съ принятіемъ свободной торговли, вмѣсто протекціоннаго тарифа.

Теперь обратимся къ уплатѣ ренты до полученія выручки изъ продуктово-фермы.

Положимъ, что фермеръ вступаетъ во владѣніе рентою съ новаго года. Положимъ, что уплата ренты производится вперед по четвертямъ года. Положимъ, что выручка за сборъ хлѣба бываетъ въ сентябрѣ. Положимъ, что величина ренты составляетъ 400 рублей и фермеръ имѣетъ капиталъ въ 1000 рублей. Положимъ, что каждыя 2 рубля, употребленныя фермеромъ на земледѣльческія работы, даютъ въ продуктѣ 1 четверть хлѣба. Положимъ, что обществу нужно 500 четвертей.

Фермеръ, получивъ ферму 1 января, долженъ до 1 сентября заплатить три четверти ренты, то есть 300 руб. Эта уплата произведена еще до полученія выручки, то-есть у него изъ 1000 руб. остается на производство только 700. Онъ производить только 350 четвертей. Изъ этого сбора уплачена остальная часть ренты за первый годъ. Къ 1 Января положеніе дѣлъ опять прежнее: три четверти ренты за второй годъ должны уплачиваться не изъ выручки второго года, за которую собственно берется рента, а опять изъ капитала; то-есть капитала на производство опять остается 300 рублями менше, чѣмъ нужно на производство 500 четвертей. Тоже будетъ и во всѣ слѣдующіе годы. Потому, если обществу нужны 500 четвертей и если на производство каждой четверти нуженъ капиталъ въ 2 рубля, фермеръ долженъ имѣть не 1,000 рублей, а 1,300 рублей капитала; т. е. величина капитала, требуемаго земледѣлемъ, поднимается выше своей натуральной величины на всю ту сумму, какую составляетъ уплата ренты до полученія выручки изъ жатвы.

¹⁴⁾ Словомъ „мастеровые“ мы переводимъ здѣсь и постоянно будемъ переводить англійское выраженіе *skilled labourers* въ противоположность другому разряду рабочихъ, *unskilled labourers*, которыхъ мы будемъ называть въ нашемъ переводѣ „чернорабочіи“. Различіе между этими двумя разрядами по экономическимъ отношеніямъ очень важно во всѣхъ странахъ, но только у англичанъ вошла въ обычай терминологія, неизмѣнно соответствующая ему. Тотъ и другой разрядъ существуютъ почти въ каждой отрасли производства. Напримѣръ, въ строительномъ производствѣ каменщики, плотники, кровельщики и т. п. — *skilled labourers*, мастеровые, а землекопы, носильщики и т. п. *unskilled labourers* — чернорабочіе. Въ типографскомъ дѣлѣ мастеровые

до окончанія производства; нѣтъ необходимости ей существовать до начала производства въ видѣ капитала; а если бы по несчастію они совершенно лишились этой лишней части, производство могло бы совершаться въ томъ же размѣрѣ. Чтобы все вознагражденіе работниковъ въ полномъ своемъ размѣрѣ могло быть выдаваемо имъ впередъ поденными или понедѣльными уплатами, нужно предварительно существовать запасу, обращаемому на производительное употребленіе, т. е. существовать капиталу въ размѣрѣ большемъ того, какой былъ бы достаточенъ для веденія производства въ существующемъ размѣрѣ. Этотъ излишекъ равняется всей суммѣ, какою превышаетъ получаемое работниками вознагражденіе ту норму выдачи, которую разсчитливый рабовладѣлецъ сталъ бы для своей собственной выгоды давать рабамъ¹⁵⁾. Обычай платить впередъ вознагражденіе за трудъ, превышающее мѣру совершенной необходимости для жизни, могъ возникнуть уже только по накопленію изобильнаго капитала, потому что излишекъ платы надъ мѣрою жизненной необходимости употребляется въ сущности не на производство, а на непродизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ; а это указываетъ, что запасъ сбереженій, обращаемыхъ на производство, достигъ уже значительности, допускающей постоянное употребленіе части его не на жизненную необходимость, а на простое удобство.

Я предполагаю, какъ замѣтитъ читатель, что работники во всѣ времена содержались капиталомъ; очевидно, что всегда и было такъ въ дѣйствительности, хотя нѣтъ необходимости, чтобы капиталъ доставлялся особеннымъ человѣкомъ, который называется капиталистомъ. Когда работникъ содержитъ себя собственными запасами, напримѣръ, когда землещецъ, арендующій обрабатываемую имъ землю или самъ владѣющій ею, живетъ продуктами этого участка, или когда ремесленникъ работаетъ самъ отъ себя, онъ все-таки живетъ капиталомъ, т. е. заранѣе приготовленнымъ запасомъ. Этотъ землещецъ живетъ въ нынѣшнемъ году продуктами жатвы не нынѣшняго, а прошедшаго года; этотъ ремесленникъ живетъ выручкою не той работы, которая теперь у него въ рукахъ, а той работы, которую онъ уже кончилъ и продалъ. Оба они содержатся своимъ собственнымъ маленькимъ капиталомъ, который они періодически возобновляютъ изъ продуктовъ своего труда. Большой капиталистъ также содержится средствами заготовленными впередъ. Если самъ онъ лично управляетъ своими дѣлами, та часть его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ надлежащаго вознагражденія за его трудъ по рыночной цѣнѣ, должна считаться частью его капитала, расходуемого подобно всѣмъ другимъ частямъ капитала на производство; та часть его личнаго по-

по англійской терминологіи—наборщики и машинисты, а чернорабочіе вертять машины, носить шрифты и т. д. Во всѣхъ странахъ и во всѣхъ производствахъ чернорабочіе получаютъ меньше платы, чѣмъ мастеровые; но чернорабочіе все-таки остаются живы, стало быть весь излишекъ платы мастеровыхъ надъ платою чернорабочихъ идетъ уже не собственно на поддержаніе жизни, а въ вознагражденіе за искусство ихъ въ своемъ мастерствѣ.

¹⁵⁾ Положимъ, что на содержаніе раба въ здоровомъ видѣ нужно было бы его владѣльцу расходовать 1 руб. въ недѣлю. Положимъ, что процессъ производства продолжается цѣлый годъ (какъ, напримѣръ, въ земледѣліи). Положимъ, что хозяину предприятия нужны 10 мастеровыхъ и что онъ платитъ имъ по 3 рубля въ недѣлю. Если бы эти мастеровые довольствовались до окончанія производства полученіемъ платы, необходимой для поддержанія жизни, хозяину на плату имъ нужно было бы имѣть въ запасъ только по 52 рубля на человѣка, всего 520 рублей. Но онъ выдаетъ по 3 рубля, стало быть годичная затрата его на плату каждому работнику составляетъ 156 рублей, а на всѣхъ работниковъ 1,560 рублей. Излишекъ второй суммы надъ первой, т. е. 1,040 рублей, составляетъ затрату капитала, превышающую размѣръ необходимости.

требления, которая состоит из вещей необходимых для жизни, составляет производительное потребление¹⁶⁾.

3. Рискуя наскучить читателю, я должен прибавить еще несколько разъяснений, чтобы сильнее и точнее выставить понятие капитала. По справедливому замечанию Сэ, больше всего надобно стараться о разъяснении самых основных элементов предмета, потому что самые большія ошибки возникают именно из неполнаго знакомства съ основными понятіями. Это не удивительно: вѣтъ можетъ быть болѣна и остальное дерево сохраняться здоровымъ; но болѣзнь въ корнѣ разливаетъ испорченность по всему дереву.

Посмотримъ же, можетъ ли считаться капиталомъ собственность людей, которые живутъ процентами съ своего имущества, не занимаясь лично производствомъ, и если можетъ, то въ какихъ случаяхъ. Въ разговорномъ языкѣ эта собственность называется капиталомъ, и по отношенію къ дѣламъ частныхъ лицъ такое названіе справедливо. Для частнаго лица равнозначительно капиталу все то состояніе, съ котораго онъ получаетъ доходъ, расходуемый имъ безъ уменьшенія и растраты его состоянія. Но поспѣшное и необдуманное перенесеніе на общую точку зрѣнія такихъ мнѣній, которыя справедливы относительно частныхъ лицъ, было источникомъ безчисленныхъ ошибокъ въ политической экономіи. По вопросу, занимающему насъ теперь, надобно сказать, что имущество, служащее капиталомъ для частнаго лица, иногда бываетъ, а иногда не бываетъ капиталомъ для націи, смотря по тому, расточается или не расточается кѣмъ-нибудь другимъ то имущество, которое не расточается, по нашему предположенію, самимъ владѣльцемъ.

Напримѣръ, предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащія А, даны въ займы В, фермеру или фабриканту, который съ выгодною употребляетъ ихъ на свои промышленныя дѣла. Если такъ, эти 10,000 фунтовъ точно такой же капиталъ, какъ, если бы принадлежали самому В. Въ этомъ случаѣ, А въ сущности фермеръ или мануфактуристъ, не лично, но по своему имуществу. Капиталъ въ 10,000 фунтовъ употребляется на производство, на содержаніе работниковъ, на приобрѣтеніе орудій и матеріаловъ. Этотъ капиталъ принадлежитъ А, а В беретъ на себя заботу употребить его въ дѣло и получаетъ въ вознагражденіе разницу между прибылью, имъ доставляемою, и процентами, которые онъ платитъ А. Это самый простой случай.

¹⁶⁾ Напримѣръ, фабрикантъ, проживающій съ своимъ семействомъ 10,000 рублей, самъ управляетъ своею фабрикою; по существующимъ цѣнамъ нельзя было бы на пять хорошаго управляющаго такою фабрикою дешевле, какъ за 3,000 рублей. Эти 3,000 рублей изъ суммы, проживаемой лично фабрикантомъ, составляютъ его производительное потребленіе, а остальные 7,000 составляютъ потребленіе непроизводительное. Воспользуемся этимъ примѣромъ также для того, чтобы снова выставить разницу между разговорнымъ значеніемъ слова „капиталъ“, значеніемъ, въ какомъ оно не годится для науки (и не употребляется ни въ подлинникѣ Милля, ни въ нашемъ переводѣ), и между научнымъ его значеніемъ, въ какомъ оно исключительно употребляется у Милля, въ подлинникѣ и въ нашемъ переводѣ. Фабрикантъ приступаетъ къ веденію своей фабрики, имѣя 30,000 рублей; изъ этихъ денегъ онъ употребляетъ на покупку матеріаловъ и плату рабочимъ 20,000, а 10,000 проживаетъ самъ, управляя фабрикою, за что постороннему человѣку онъ долженъ былъ бы платить 3,000. Въ разговорномъ языкѣ всѣ 30,000, составляющіе его имущество, называются его капиталомъ. Но по терминологіи, принятой въ наукѣ, капиталъ его будетъ состоять только изъ 23,000 (20,000 на плату рабочимъ и покупку матеріаловъ и 3,000 за управленіе фабрикою); остальные 7,000, по понятію науки, идутъ на непроизводительное потребленіе и не составляютъ части капитала. Можно себѣ представить, какая путаница должна выходить, если мы смѣшаемъ эти разныя вещи и будемъ примѣнять ко всѣмъ 30,000, часть которыхъ не составляетъ капитала, тѣ выводы, какіе дѣлаются наукою только о 23,000, составляющихъ капиталъ.

Но предположимъ, что 10,000 фунтовъ, принадлежащія А, даны въ займы не В, а поземельному владѣльцу С, который употребляетъ ихъ на улучшеніе производительныхъ силъ своего помѣстья, на огражденіе его изгородами, на дренажированіе, проложеніе дороги или на другія прочныя улучшенія. Это производительное употребленіе 10,000 фунтовъ вышло изъ обращенія, но не промотаны. Они даютъ постоянный доходъ. Земля теперь даетъ лишнее количество продуктовъ, и если деньги были израсходованы разсчетливо, то въ нѣсколько лѣтъ этимъ излишкомъ продуктовъ возвратится вся сумма, а потому увеличится во много разъ. Цѣнность 10,000 фунтовъ употреблена въ этомъ случаѣ на увеличеніе продуктовъ страны. Это составляетъ капиталъ; С получаетъ подъ формою увеличенія своей ренты доходъ съ него, отдавая землю въ наймы; по закладной записи А ежегодно получаетъ изъ этого дохода, въ видѣ процентовъ, такую сумму, какую условился давать ему С. Переменнымъ теперь обстоятельства и предположимъ, что С употребляетъ занятые имъ деньги не на улучшеніе своей земли, а на уплату прежняго своего долга, или на то, чтобы обезпечить своихъ дѣтей. Будутъ ли 10,000 фунтовъ въ этомъ случаѣ капиталомъ, зависитъ отъ того, что сдѣлаетъ съ ними человекъ, которому они окончательно достаются. Если дѣти обратятъ свое состояніе на производительное употребленіе или кредиторъ, получивъ уплату, отдастъ полученныя деньги другому землевладѣльцу на улучшеніе земли, или фабриканту на расширеніе фабрикаціи, эти деньги будутъ капиталомъ, потому что употребляются производительнымъ образомъ.

Но предположимъ, что С, землевладѣлецъ, берущій деньги въ займы, человекъ расточительный и обременяетъ свою землю долгомъ не для увеличенія своего состоянія, а для растраты его, расходованіемъ полученной суммы на экипажи и пиры. Въ годъ или въ два эти деньги будутъ промотаны безъ всякой выручки. А сохранилъ свое богатство: у него нѣтъ 10,000 фунтовъ, но за то есть закладная крѣпость на землю, которую онъ можетъ продать за эти деньги. С сталъ бѣднѣе прежняго на 10,000 фунтовъ; богаче прежняго не сталъ никто. Могутъ сказать, что стали богаты люди, воспользовавшіеся промотанными деньгами. Правда, если С проигралъ эти деньги, или онѣ были у него раскрадены прислугою, богатство только перешло изъ рукъ въ руки, а не разрушилось, и люди, которые приобрѣли его, могутъ употребить его производительнымъ образомъ. Но если С получалъ за свои деньги настоящую цѣнность ихъ въ видѣ продовольствія или предметовъ роскоши, которые онъ потребилъ самъ или посредствомъ своихъ слугъ и гостей, то эти предметы перестали существовать, а не произведено ничего въ замѣну ихъ. Между тѣмъ, если бы эта сумма была употреблена на земледѣліе или на фабричное дѣло, то потребленіе въ концѣ года съ излишкомъ уравнилось бы новыми продуктами, произведенными трудомъ людей, потреблявшихъ эту сумму. По расточительности С потреблено безъ возврата то, что иначе было бы потреблено съ возвратомъ. Торговцы, у которыхъ покупалъ С, могли получать прибыль, пока продолжалась растрата; но если бы капиталъ былъ израсходованъ производительно, точнотакая же прибыль была бы получена людьми, строящими зданія, изгороди, дѣлающими орудія, и торговцами, поставляющими продовольствіе для работниковъ; по окончаніи этого времени С имѣлъ бы 10,000 фунтовъ возвратившимися къ нему, имѣлъ бы даже больше 10,000, а теперь не имѣетъ ихъ. Такимъ образомъ общество имѣетъ убытокъ по крайней мѣрѣ на 10,000 фунтовъ, составляющихъ сумму непроизводительной растраты С. Для А этотъ убытокъ не чувствителенъ, потому что его доходъ обезпеченъ залогомъ, и если залогъ хорошъ, а рыночная величина процентовъ не измѣнилась, то онъ всегда можетъ продать закладную записку за ея первоначальную цѣнность. Итакъ

для А долгъ въ 10.000 фунтовъ, лежащій на помятыи С, дѣйствительно составляетъ капиталъ; но составляетъ ли онъ капиталъ для общества? Нѣтъ. А помялъ капиталъ въ 10.000 фунтовъ; онъ исчезъ будучи промотанъ и уничтоженъ расточительностью С. Свой доходъ А получаетъ теперь не изъ продукта своего капитала, а изъ какого-нибудь другого источника дохода, принадлежащаго С, вѣроятно, изъ ренты за землю С, т. е. изъ уплаты, дѣлаемыхъ ему фермерами и составляющихъ продуктъ капитала уже этихъ фермеровъ, а не капитала А. Національный капиталъ уменьшился 10,000 фунтовъ, а національный доходъ уменьшился всею тою суммою продуктовъ, которая производилась бы этими 10,000 фунтовъ, если бы они были употреблены какъ капиталъ. Потеря не падаетъ на владѣльца уничтоженнаго капитала, потому что человекъ, уничтожившій его капиталъ, обязался вознаградить его. Но потеря этого человека составляетъ только небольшую часть потерп, которой подверглось черезъ него общество, потому что на потребление собственника шли только проценты, а самый капиталъ употреблялся или долженъ былъ употребляться на нескончаемое содержаніе извѣстнаго числа работниковъ, постоянно воспроизводящихъ то, что потребили; этого средства къ жизни они теперь лишены безвозвратно.

Измѣнимъ еще нашу гипотезу и предположимъ, что капиталъ занятъ не землевладѣльцемъ, а государствомъ. А ссужаетъ свой капиталъ правительству на веденіе войны; онъ покупаетъ у государства такъ называемые государственные фонды, т. е. обязательства, по которымъ правительство должно платить извѣстный ежегодный доходъ. Если бы правительство употребило деньги на построеніе желѣзной дороги, это было бы производительнымъ употребленіемъ, и имущество А послужило бы капиталомъ. Но деньги эти употреблены на войну, т. е. на жалованье офицерамъ и солдатамъ, ничего не производящимъ, и на безвозвратное уничтоженіе извѣстнаго количества ядеръ и пуль; потому правительство находится въ положеніи С, расточительнаго землевладѣльца, и 10,000 фунтовъ А составляютъ уничтоженный національный капиталъ; съ точки зрѣнія производства или богатства, эти деньги все равно, что брошены въ море, хотя и можетъ быть, что ихъ употребленіе оправдывается другими соображеніями. Доходъ, который будетъ получать теперь А, получается не изъ продуктовъ его капитала, а изъ налоговъ, берущихся съ продуктовъ остальнаго капитала общества. Капиталъ, принадлежавшій А, не даетъ обществу никакихъ продуктовъ въ вознагражденіе за эти уплаты, онъ потерянъ и погибъ, и теперь А имѣетъ уже только право на продукты, производимые капиталомъ и промышленностью другихъ людей. Правда, онъ можетъ продать это право, получить за него сумму цѣнностей, равную его бывшему капиталу, и можетъ потомъ употреблять его производительнымъ образомъ. Но онъ этою продажею возвратитъ себѣ не прежній свой капиталъ и не продукты, имъ произведенные: капиталъ этотъ уничтожился вмѣстѣ съ продуктами, которые могъ бы произвести. Теперь А приобретаетъ уже капиталъ какого-нибудь другого лица, соглашающагося промѣнять свой на его право брать доходъ изъ налоговъ. На мѣсто А становится кредиторомъ общества другой капиталистъ, владѣвшій имуществомъ, которое употреблялось или могло употребляться на производство. Отъ этого обмѣна производительныя силы общества не увеличились и не уменьшились. Убыль нанесена капиталу страны тогда, когда правительство взяло деньги А: этимъ была взята изъ производительнаго употребленія или отвращена отъ него цѣнность въ 10,000 фунтовъ, замѣнена правомъ на непроизводительное потребленіе и безвозвратно растрачена.

ГЛАВА V.

Основные теоремы относительно капитала.

1. Если предыдущія объясненія были удовлетворительны, то они съ достаточною полнотою представили читателямъ понятіе о капиталѣ, достаточно ознакомили ихъ съ ролью капитала въ конкретныхъ случаяхъ, среди темноты, которою окружають это понятіе обстоятельства отдѣльныхъ фактовъ, и теперь даже тотъ, кто не былъ приготовленъ къ этимъ соображеніямъ, можетъ уже понять основныя теоремы относительно капитала. Полное пониманіе этихъ теоремъ составитъ уже значительный шагъ изъ темноты къ свѣту.

Вотъ первая изъ этихъ теоремъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина такъ очевидна, что часто принимается за безспорную въ разговорной рѣчи. Но замѣчать иногда истину еще совершенно не то, что признавать ее всегда и не допускать мнѣній несогласныхъ съ нею. До послѣдняго времени законодатели и публицисты почти постоянно пренебрегали аксіомою, которую мы представили; до сихъ поръ чрезвычайно часто излагаются мнѣнія несовмѣстныя съ нею.

Вотъ выраженія разговорной рѣчи, основанныя на принятіи этой истины. Обращеніе промышленныхъ силъ на какое нибудь опредѣленное дѣло выражается фразою „приложеніе капитала“ къ этому дѣлу. Обращать промышленныя силы на обработку земли значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Употреблять трудъ на фабричное производство значитъ прилагать капиталъ къ этому производству. Такими выраженіями предполагается, что промышленность не можетъ получить размѣра, превосходящаго капиталъ, который можно затратить на нее. Въ самомъ дѣлѣ, кто ясно понимаетъ эту мысль, не можетъ не согласиться съ ней. Разумѣется, фраза „приложеніе капитала“ есть выраженіе метафорическое: въ сущности прилагается къ дѣлу трудъ, а капиталъ служитъ только необходимымъ условіемъ для того. Мы часто говоримъ о „производительныхъ силахъ капитала“: это выраженіе не совершенно правильно. Производительныя силы только трудъ и природа; и если, расширяя смыслъ выраженія, можно сказать о какой нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то сказать это можно только объ инструментахъ и машинахъ: они, подобно вѣтру или водѣ, принимаютъ участіе въ трудѣ. Пища работниковъ и матеріалы производства не имѣютъ производительной силы; но трудъ можетъ проявлять свою производительную силу только тогда, когда снабженъ имп. Размѣръ промышленности не можетъ быть больше того, на сколько снабжена она матеріалами для обработки и пищею для прокормленія. Это дѣло очевидное; но при всей его очевидности часто забываютъ, что народъ извѣстной страны содержится и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ не изъ продуктовъ настоящаго своего труда, а изъ продуктовъ прошедшаго труда. Люди потребляютъ то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще трудятся. А изъ того, что произведено, только часть отдается на содержаніе производительнаго труда; размѣръ этого труда не бываетъ и не можетъ быть больше того, сколько его можетъ быть прокормлено и снабжено матеріалами и орудіями производства на ту часть продуктовъ, которая идетъ на него и составляетъ капиталъ страны.

Несмотря на очевидность этого факта, долго думали, что законы и правительства могутъ создавать промышленность, не создавая капитала. Правительство косвеннымъ образомъ можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать тому, чтобы народъ дѣ-

лася болѣе трудолюбивъ, или успѣшность его труда увеличивалась; но думали, что правительство можетъ развивать промышленность не этимъ путемъ. Полагали, что хотя бы искусство и энергія работниковъ не увеличивались, хотя бы не были заставляемы работать люди, которые прежде содержались въ праздности, правительство все таки можетъ создать большее количество промышленныхъ дѣлъ, не увеличивая запаса, на который производится промышленность. Запретительными законами правительство прекращало ввозъ какого нибудь товара; заставивъ тѣмъ производить этотъ товаръ дома, оно хвалилось, что обогатило страну новой отраслью промышленности, выставляло на похвалу въ статистическихъ таблицахъ количество полученнаго продукта и труда, употребленнаго на производство, и объявляло всю эту сумму выигрышемъ для страны, доставленнымъ ей черезъ запретительный законъ. Въ Англии политическая ариометика этого рода нѣсколько потеряла свой кредитъ, но у націй континентальной Европы она еще процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, они понимали бы, что когда масса капитала страны не увеличилась, то часть капитала, обращенная ихъ законами на новопріобрѣтенную отрасль промышленности, отнята у какой нибудь другой отрасли, въ которой она давала занятіе, вѣроятно, почти такому же количеству труда, какому даетъ занятіе въ новомъ дѣлѣ*).

*) Надобно сказать, что исключеніемъ пзъ этого бываетъ, когда промышленность, создаваемая или поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ домашнихъ издѣлій. Эти издѣлія производятся людьми, которые уже имѣютъ продовольствіе отъ другаго дѣла, производятся работающими семействами въ промежутки отъ другихъ занятій; потому для веденія этой промышленности не нужно переносить на нее отъ другихъ промышленностей никакого капитала, кромѣ того, сколько стоятъ матеріалы и орудія, цѣнность которыхъ часто бываетъ незначительна. Итакъ, если покровительственная пошлина бываетъ причиною занятія домашнимъ промысломъ, которымъ безъ нея не занимались бы, то она дѣйствительно увеличиваетъ производство страны.

Мы должны были сдѣлать это исключеніе, чтобы придать полную неопровержимость нашему теоретическому выводу; но этотъ особенный случай не касается ученія о свободной торговлѣ практическимъ образомъ. По самой сущности дѣла, домашнія издѣлія не нуждаются въ покровительственныхъ пошлинахъ: продовольствіе работниковъ доставляется изъ другихъ источниковъ, и потому какъ бы ни подпжалась цѣна домашняго издѣлія, она почти вся составляетъ чистый барышъ для работниковъ. Если домашнія издѣлія прекращаются отъ соперничества привозныхъ, это бываетъ не отъ необходимости, а оттого, что продуктъ не стоитъ употребляемаго на него труда, по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, тѣхъ людей, которые производятъ продуктъ и употребляютъ на него трудъ. Издержка на покупку платья кажется имъ менѣе обременительною, нежели трудъ на домашнее приготовленіе платья, и они не хотятъ продолжать этого труда, потому что общество не даетъ имъ за него больше, чѣмъ стоитъ ихъ продуктъ по собственному ихъ мнѣнію. *Прим. авт.*

Намъ кажется, что Милль въ этомъ случаѣ слишкомъ легко говоритъ о дѣлѣ, которое можно рѣшить только посредствомъ очень внимательнаго расчета. Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ спеціальныя изслѣдованія, которые заняли бы слишкомъ много мѣста, а замѣтимъ только одно обстоятельство. Домашними издѣліями работники и ихъ семейства занимались въ промежуткахъ отъ другихъ дѣлъ. Когда занятія домашнимъ издѣліемъ прекращаются, эти промежутки времени остаются безъ производительнаго дѣла. Ясно, что производство страны отъ этой перемѣны уменьшилось. Будетъ ли вознаграждена эта потеря употребленіемъ незанятыхъ промежутковъ на умственное образованіе, или на здоровый отдыхъ, или на что нибудь другое полезное, это еще вопросъ: а то, что потеря есть, это уже безспорно. Итакъ всякое уменьшеніе занятій домашними издѣліями представляеть для общества и для самихъ работниковъ рискъ безвозвратной потери. Конечно, мы замѣчаемъ это вовсе не въ защиту протекціонныхъ пошлинъ, которыя не затѣмъ и существуютъ, чтобы поддерживать какія нибудь мужицкія издѣлія для собственнаго же мужицкаго употребленія. Мы хотимъ только сказать, что всякая перемѣна, уменьшающая трудолюбіе въ народѣ, отнимающая у него охоту дорожить каждою минутою, не выгодна для страны. Если домашнія издѣлія выходятъ изъ употребленія по несоотвѣтственности съ моднымъ вкусомъ, то едва ли не всегда ихъ прекращеніе оказывается убыточнымъ для страны и для работниковъ. Но тутъ надобно заботиться не о сохраненіи протекціоннаго тарифа, а о томъ, чтобы въ обществѣ развивалась простота вкусовъ, привычка дорожить временемъ и возможность обращать на пользу каждую минуту его.—*Прим. переводчи.*

2. Если размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала, изъ этого еще не должно заключать, чтобы онъ всегда достигалъ такого предѣла. Быть можетъ, что нельзя получить такого числа работниковъ, какое могъ бы содержать и употреблять на дѣло капиталъ. Это, какъ извѣстно, случалось въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ капиталъ пропадалъ иногда бесполезно, по недостатку рабочихъ силъ; примѣромъ тому служила колонія Лебединой Рѣки (Swan River) въ первые годы по своемъ основаніи. На существующій капиталъ живутъ многіе люди, которые не производятъ ничего или могли бы производить больше, нежели производить. Если работники будутъ сведены на болѣе низкую плату или склонены къ тому, чтобы за прежнюю плату работать больше часовъ, или если ихъ семейства, которыя уже содержатся изъ капитала, будутъ въ большемъ противъ прежняго размѣрѣ содѣйствовать увеличенію производства, то данный капиталъ доставитъ занятіе большому количеству производства. Непроизводительное потребление производительныхъ работниковъ, которое все получается теперь изъ капитала могло бы прекратиться или быть отсрочено до полученія продукта, и на эту сумму было бы можно содержать еще извѣстное число работниковъ, кромѣ нынѣшняго. Этими способами общество могло-бы получить отъ своихъ существующихъ средствъ большее количество продуктовъ; и оно бывало принуждаемо прибѣгать къ такимъ способамъ, когда, при внезапномъ уничтоженіи значительной части его капитала, становилось дѣломъ главнѣйшей важности то, чтобы употребить остальной капиталъ съ наибольшимъ размѣромъ дѣйствія.

Гдѣ промышленность не достигаетъ предѣла, назначаемого ей капиталомъ, правительства могутъ приближать ее къ этому предѣлу различными способами, напримѣръ тѣмъ, чтобы привозить новыхъ работниковъ; такъ привозятся кули и свободные негры въ Вестъ-Индію. Правительства могутъ увеличивать размѣръ промышленности и другимъ способомъ: они могутъ создавать капиталъ. Они могутъ налагать подати и обращать ихъ на производительное употребленіе. Они могутъ дѣлать еще другую вещь, имѣющую почти такое же значеніе: налагать подати на доходъ или предметъ расхода и употреблять получаемыя суммы на уплату государственныхъ долговъ. Рентьеръ, у котораго выкуплены облигаціи государственнаго долга, захочетъ по прежнему получать доходъ отъ своей собственности и большая часть ея обратится на производительное употребленіе, а между тѣмъ значительная часть этой суммы взята изъ доходовъ, обращавшихся на непроизводительное употребленіе, потому что человѣкъ платитъ не весь налогъ изъ той части имущества, которую сберегаетъ, а нѣкоторую, если не главную, долю налога платитъ изъ той части, которую иначе израсходовалъ бы. Надобно прибавить, что всякое увеличеніе производительной силы капитала (или, точнѣе говоря, труда), порожаемое техническими усовершенствованіями или другими причинами, ведетъ къ увеличенію количества труда, содержаемаго капиталомъ: при увеличеніи массы продуктовъ нѣкоторая часть прибавочнаго количества, конечно, всегда будетъ сбережена и обращена въ капиталъ. Тѣмъ болѣе надобно ждать этого, когда увеличеніе выгодности производства служитъ усиленіемъ побужденія обращать запасы отъ непроизводительнаго назначенія къ производительному.

3. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала и потому каждое увеличеніе капитала даетъ или можетъ давать большее количество занятій для промышленности; этому возрастанію нельзя назначить предѣловъ. Я вовсе не отрицаю того, что капиталъ или часть капитала можетъ получить употребленіе непригодное для содержанія работниковъ, можетъ быть изъята изъ оборота обращеніемъ въ машины, по-

стройки, земледѣльческія улучшенія и т. д. При каждомъ большомъ возрастаніи капитала значительная часть его всегда получить такое употребленіе и будетъ только содѣйствовать труду работниковъ, а не содержать ихъ. Но я хочу сказать то, что часть капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ (при предположеніи неизмѣнности другихъ условій) быть увеличиваема выше всякаго даннаго размѣра и все-таки будетъ можно найдти занятіе для работниковъ; выражаясь иначе, если есть люди, способные работать, и есть пища для ихъ прокормленія, то они всегда могутъ быть употреблены на производство чего-нибудь. На этой теоремѣ надобно нѣсколько остановиться, потому что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми люди легко соглашаются въ видѣ общихъ формулъ, но отъ которыхъ они расположены отступаться въ хаосѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни; при томъ же теорема эта сильно противорѣчитъ обыкновеннымъ мнѣніямъ. Къ числу мнѣній, наиболѣе распространенныхъ между людьми, принадлежитъ то, что непроеводительные расходы богатыхъ необходимы, чтобы дать занятіе бѣднымъ. До Адама Смита почти никто не сомнѣвался въ справедливости такого мнѣнія; да и послѣ Адама Смита писатели очень знаменитые и дѣйствительно заслуживающіе уваженія (напримѣръ, Мальтусъ, Чомерсъ, Сисмонди) утверждали, что если бы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ слишкомъ большую часть своего дохода и если бы они не обращали на непроеводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ извѣстной пропорціи къ капиталу страны, то эта прибавка къ сбереженію была бы просто потерю для общества, потому что не было бы рынка для сбыта товаровъ, которые произвелъ бы капиталъ, созданный такимъ образомъ. Я считаю это за одну изъ тѣхъ многочисленныхъ ошибокъ, которыя происходятъ въ политической экономіи, когда мы не начинаемъ изслѣдованія съ простѣйшихъ вопросовъ, а прямо бросаемся въ запутанные конкретные феномены.

Каждый можетъ видѣть, что если бы доброжелательное правительство владѣло всею пищею, всѣми инструментами и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всѣхъ, кого допускаетъ къ участію въ пищѣ и никогда не имѣло бы затрудненія въ томъ, чтобы найти поле для занятія этому производительному труду; потому что пока оставалась бы неудовлетворенной чья-нибудь и какая-нибудь потребность, требующая удовлетворенія матеріальными предметами, трудъ общества могъ бы быть обращенъ на производство чего-нибудь, способнаго удовлетворить этой потребности. Частные люди, владѣющіе капиталомъ, увеличивая его новыми накопленіями, дѣлаютъ точно тоже самое, что въ нашемъ предположеніи дѣлалось бы доброжелательнымъ правительствомъ. Можно предполагать гипотетическимъ образомъ какіе угодно случаи, потому вообразимъ самый крайній случай, какой только можно представить. Предположимъ, что каждый капиталистъ дошелъ до такого мнѣнія, что, не имѣя заслугъ болѣе, чѣмъ хорошій работникъ, онъ не долженъ жить лучше работника, и что, сообразно такому внушенію совѣсти, всѣ капиталисты сберегаютъ весь излишекъ своей прибыли; или предположимъ, что эта воздержность производится не собственнымъ ихъ желаніемъ, а налагается закономъ или общественнымъ мнѣніемъ на всѣхъ капиталистовъ и на всѣхъ землевладѣльцевъ. Итакъ, непроеводительные расходы приведены къ наименьшему размѣру; спрашивается теперь, какое употребленіе себѣ найдеть увеличившійся капиталъ? Кто станетъ покупать товары, имъ производимые? Нѣтъ покупателей и на тѣ товары, которые уже были произведены въ прежнее время. Итакъ, товары останутся непроданными, говорятъ намъ; они будутъ гнить въ кладовыхъ, пока капиталъ уменьшится до своей прежней величины или, точнѣе сказать, до

величины меньшей прежняго на ту пропорцію, на какую уменьшился запросъ со стороны потребителей. Но говорить это значитъ видѣть только одну половину дѣла. Въ предполагаемомъ нами случаѣ не было бы со стороны капиталистовъ и землевладѣльцевъ запроса на предметы роскоши. Но, когда эти сословія обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они не уничтожаютъ этимъ свою силу потребленія, они только переносятъ ее отъ себя на работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно работниковъ можно сдѣлать два предположенія: въ числѣ ихъ происходитъ увеличеніе, пропорціональное увеличенію капитала, или не происходитъ такого увеличенія. Если оно происходитъ, вопросъ не представляетъ затрудненія: производство предметовъ необходимости для новаго населенія займетъ мѣсто производства предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ ровно такое же количество занятія, какое было утрачено. Но предположимъ, что населеніе не возрасло. Все, что прежде расходовалось на предметы роскоши капиталистами и землевладѣльцами, распределяется между существующимъ числомъ работниковъ подъ формою увеличенной рабочей платы. Предположимъ, что эти работники уже и прежде были достаточно снабжены предметами необходимости. Что же теперь будетъ? Будетъ то, что работники станутъ потребителями предметовъ роскоши, и капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ употребляться тѣмъ же путемъ; разница только въ томъ, что предметы роскоши распределяются по всему обществу, между тѣмъ какъ прежде распределялись только между немногими людьми. Строго говоря, увеличеніе сбереженій и увеличеніе производства могло бы продолжаться до того, пока каждый работникъ сталъ бы имѣть всѣ удобства богатства, совмѣстныя съ продолженіемъ труда, предполагая, что сила труда работниковъ физически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для всего числа работниковъ. Такимъ образомъ, границею богатства никакъ не можетъ служить недостатокъ потребителей, а служить ей только недостаточное количество производителей и производительныхъ силъ. Каждое увеличеніе капитала даетъ труду или увеличеніе занятія или увеличеніе вознагражденія, обогащаетъ или страну, или рабочій классъ. Если новый капиталъ находитъ новыя руки для занятія дѣломъ, онъ увеличиваетъ общую массу продуктовъ; если онъ не находитъ новыхъ рукъ, онъ даетъ прежнимъ рукамъ большую пропорцію продуктовъ, и даже въ этомъ случаѣ можетъ увеличить общую массу продуктовъ, возбуждая работниковъ къ болѣе усердному труду ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Вопросъ такъ ясенъ, и мысль, доказываемая Миллемъ, такъ безспорна, что изумительно казалось бы, какъ могли держаться противнаго мнѣнія столь замѣчательные писатели, какъ Сисмонди и Мальтусъ. Но дѣло въ томъ, что ихъ мысль о пользѣ, будто бы получаемой бѣдняками отъ роскоши богатыхъ, мысль совершенно недѣлая, была только неловкимъ способомъ объяснить фактъ, состоящій въ частыхъ остановкахъ фабричнаго производства отъ недостатка заказовъ и въ коммерческихъ кризисахъ. Они дѣлали фальшивое заключеніе, когда полагали, что прекращеніе роскоши могло бы усилить обременительность такихъ явленій, которыя собственно и производятся непропорціональнымъ со средствами общества распределеніемъ рабочихъ силъ между производствомъ предметовъ первой необходимости и предметовъ роскоши, слишкомъ большою тратой труда на предметы роскоши и на занятія совершенно непроезводительныя. Этотъ предметъ мы вполне можемъ изложить, только познакомившись съ теоріею цѣнности, стоимости и цѣны. Но теперь замѣтимъ одно обстоятельство: теорема, что каждое увеличеніе капитала выгодно или для производства или для благосостоянія работниковъ, справедлива относительно капитала въ научномъ смыслѣ слова, то есть относительно части продуктовъ, употребляемыхъ на производство. Но выйдетъ самая вздорная путаница, если эту теорему отнести къ всякому вообще богатству, какъ дѣлаютъ французскіе экономисты, называющіе капиталомъ всякую массу цѣнностей, изъ какихъ бы предметовъ ни со-

4. Вторая основная теорема о капиталѣ относится къ источнику, изъ котораго онъ происходитъ. Капиталъ есть результатъ сбереженія. Полное доказательство тому находится въ объясненіяхъ, уже изложенныхъ нами; но самая теорема требуетъ еще новыхъ объясненій.

Если бы каждый расходовалъ на личныя надобности и удовольствія все, что производить и весь доходъ, получаемый имъ изъ продуктовъ другихъ людей, то капиталъ не могъ бы возрастать. Весь капиталъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, былъ первоначально результатомъ сбереженія. Я говорю однако же о нѣкоторомъ исключеніи; оно ничтожно, но оно существуетъ. Человѣкъ, трудящійся на свой собственный счетъ, можетъ расходовать на себя все, что производить, и не будетъ становиться бѣднѣе; запасъ продуктовъ, которымъ онъ продовольствуется пока соберетъ свою жатву или продастъ свое издѣліе, служить капиталомъ; но нельзя сказать, чтобы этотъ запасъ сберегался, потому что весь онъ употребляется на надобности этого человѣка и расходуется, быть можетъ, столь же быстро, какъ расходовался бы въ праздности. Мы можемъ вообразить, что извѣстное число лицъ или семействъ живутъ каждое на своемъ участкѣ земли, каждое продуктами своего собственного труда, и что каждое изъ нихъ потребляетъ весь продуктъ. Но даже и они должны сберечь (то есть не обратить на свое личное подребленіе) ту часть продукта, которая необходима на посѣвъ. И такъ даже въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній пужно было сдѣлать нѣкоторое сбереженіе: люди эти должны были произвести больше, чѣмъ потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Еще больше нужно имъ сдѣлать сбереженія, чтобы нанять другихъ работниковъ или увеличить свое производство до такого размѣра, какой не можетъ совершаться собственнымъ трудомъ ихъ рукъ. Всѣ продукты, употребляемые человѣкомъ на содержаніе и веденіе чьего нибудь труда, кромѣ своего собственного труда, должны были первоначально быть собраны сбереженіемъ; кто нибудь долженъ былъ произвести ихъ и отказаться отъ ихъ потребленія. Итакъ, не дѣлая практической неточности, можно сказать, что весь капиталъ и въ особенности всякое увеличеніе капитала—результатъ сбереженія.

Въ грубомъ и не безонасомъ положеніи общества постоянно бываетъ, что капиталъ принадлежитъ не тому лицу, которое сберегло его, а какому нибудь другому, болѣе сильному или принадлежащему къ болѣе сильному обществу, и перешелъ къ вла-

стояла она и на что бы ни употреблялась; между тѣмъ, какъ есть обширные разряды цѣнностей, непригодные по своей натурѣ къ обращенію на производство, и чѣмъ больше силъ употребляетъ общество на производство такихъ предметовъ, чѣмъ большую массу ихъ получаетъ, тѣмъ больше оскудѣваютъ его производительныя силы. Напримѣръ, положимъ, что въ обществѣ, имѣющемъ 100 человѣкъ работниковъ, 90 были заняты производствомъ хлѣба, а 10 производствомъ бронзы. Положимъ, что открытъ новый, лучший способъ производить бронзу, что она стала стоить вдвое меньшаго труда, потому цѣна ея понизилась вдвое, и оттого сбытъ ея увеличился втрое. Теперь, чтобы сдѣлать втрое больше бронзы, при способѣ производства вдвое легчайшемъ, на это дѣло потребуются 15 работниковъ вмѣсто прежнихъ 10, а на производство хлѣба останется только 85 работниковъ, — ясно, что въ обществѣ будетъ производиться хлѣба меньше, чѣмъ прежде, и оно обѣднѣетъ. Можно сказать: „число населенія можетъ возрасти, такъ что возстановится прежняя пропорція земледѣльцевъ къ бронзовщикамъ“. Но въ отдѣлѣ о рентахъ мы увидимъ, что положеніе общества не улучшается, а становится хуже, когда увеличеніе населенія вызывается чѣмъ бы то ни было, кромѣ чрезмѣрнаго пространства невоздѣланной земли очень хорошаго качества, или улучшеній въ земледѣліи. Здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго обстоятельства, потому положеніе общества станетъ еще хуже, если его населеніе увеличится.

дѣльцу посредствомъ грабежа. Даже при такомъ порядкѣ дѣль, въ которомъ собственность была ограждена, возрастаніе капитала долго происходило почти повсюду главнымъ образомъ отъ лишеній, которыя хотя въ сущности одинаковы съ сбереженіемъ, но не называются этимъ именемъ потому, что нѣтъ въ нихъ добровольности. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силою, а въ потребленіи своемъ ограничиваться только тѣмъ, что давалъ имъ расчетъ ихъ владѣльцевъ или сострадательность этихъ владѣльцевъ вообще очень незначительная. Но это насильственное сбереженіе не породило бы никакого увеличенія капитала, если бы часть продуктовъ, остающихся отъ него, не была снова сбережена, а уже добровольно сбережена, владѣльцемъ. Если бы онъ потреблялъ на личныя свои надобности все, что по его принужденію произвели и оставили непотребленнымъ рабы, онъ не увеличилъ бы своего капитала и не получилъ бы средства содержать большее число рабовъ. Да и вообще, чтобы содержать какое-бы то ни было число рабовъ, надобно было предварительно сдѣлать сбереженіе, заготовить впередъ какой нибудь запасъ, по крайней мѣрѣ пищи. Но это сбереженіе могло быть сдѣлано не отказомъ отъ личныхъ расходовъ, которому добровольно подвергалъ себя хозяинъ: вѣроятноже, что оно было сдѣлано самими рабами, когда они еще были свободны, а потомъ насиліе или война, лишившая ихъ личной свободы, перенесла въ руки побѣдителя и продукты, ими сбереженные.

Есть еще другіе случаи, въ которыхъ терминъ сбереженіе, съ мыслями къ нему обыкновенно принадлежащими, не примѣняется въ точности къ процессу, какимъ увеличивается капиталъ. Если, напримѣръ, мы скажемъ, что единственный путь ускорить возрастаніе капитала есть усиленіе сбереженія, то въ читателѣ, вѣроятно, пробудится этимъ мысль о большемъ ограниченіи потребленія и объ увеличеніи лишеній. Но очевидно, что все, увеличивающее производительную силу труда, создаетъ болѣе запасъ для дѣланія сбереженій и даетъ средства увеличивать капиталъ безъ всякаго увеличенія лишеній, а, напротивъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ личнаго потребленія. По научному смыслу термина, происходитъ сбереженіе и въ этомъ случаѣ. Правда, что потребляется больше, но и остается послѣ потребленія больше прежняго: излишекъ производства надъ потребленіемъ тутъ значительнѣе прежняго, и потому такой процессъ правильно называется большимъ сбереженіемъ. Надобно сказать, что терминъ „сбереженіе“ не совсѣмъ удобенъ; но всякій другой терминъ былъ бы еще менѣе удобенъ. Сбереженіе состоитъ въ томъ, когда потребляется меньше, нежели производится; капиталъ увеличивается собственно этимъ процессомъ, а не всегда непременно уменьшеніемъ въ размѣрѣ потребленія. Не надобно намъ до такой степени поработать себя разговорному языку, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ научномъ смыслѣ, забывать о томъ, что увеличеніе капитала совершается не однимъ путемъ уменьшенія въ размѣрѣ потребленія, а также и другимъ путемъ—увеличеніемъ производства.

5. Третья основная теорема о капиталѣ тѣсно связана со второю, теперь изложенною нами. Вотъ она: хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, но тѣмъ не менѣе онъ потребляется. Слово „сбереженіе“ вовсе не говоритъ, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говоритъ даже и того, чтобы потребленіе сберегаемого непременно отсрочивалось; оно говоритъ только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицомъ сберегающимъ, а другимъ лицомъ. Если продуктъ просто отложенъ для будущаго употребленія, то надобно сказать, что онъ спрятанъ; и пока онъ спрятанъ, вовсе онъ не потребляется. Но если онъ употребляется

какъ капиталъ, то онъ весь потребляется, только потребляется не капиталистомъ¹⁸⁾. Часть его обмѣнявается на орудія или машины, изнашивающіяся отъ употребленія; часть на сѣмена или матеріалы, которые уничтожаются въ прежнемъ своемъ видѣ по сѣвомъ или обработкою и совершенно уничтожаются потребленіемъ окончательнаго продукта. Остальная часть уплачивается производителыымъ работникамъ, потребляющимъ эту плату на свои ежедневныя нужды; а если работники и сберегутъ часть платы, то она, говоря вообще, не прячется, а посредствомъ сберегательныхъ кассъ и другихъ подобныхъ учрежденій снова обращается въ капиталъ и потребляется.

Принципъ, нами пзложенный, служить сильнымъ примѣромъ необходимости внимательно вникать въ самыя элементарныя истины нашей науки: это одна изъ самыхъ элементарнѣйшихъ истинъ ея, а между тѣмъ почти никто не понимаетъ этой теоремы, если не вникалъ въ науку, и почти никто не соглашается даже принять эту истину, когда слышитъ ее въ первый разъ. Для профана не понятно, какъ сберегается то, что потребляется. Для него сберегающій человекъ представляется человекомъ, прячущимъ деньги; онъ думаетъ, что сбереженіе не дурно, или даже похвально, когда имѣеть цѣлью обезпеченіе семейства и тому подобныя заботы; но профанъ совершенно не думаетъ, что сберегать значитъ приносить пользу другимъ: сберегать, по его мнѣнію, тоже, что

¹⁸⁾ Въ этихъ словахъ уже отразилось влияние того случайнаго воззрѣнія, которое съ очевидностью раскрывается послѣдующими словами. Въмѣсто того чтобы удерживать мысль на высотѣ общаго анализа неизмѣнной сущности дѣла, Милль уже подставнавливаетъ, по забывчивости, анализъ извѣстной частной формы экономическаго устройства. Онъ говоритъ уже не вообще о человекѣ сберегающемъ, а только о такомъ человекѣ, у котораго запасъ сбереженій такъ великъ, что онъ заставляеть работать другихъ вмѣсто себя. Чтобы видѣть ошибку, вошедшую отъ этой небрежности въ опредѣленіе процесса, которымъ потребляется капиталъ, мы представимъ слѣдующій случай. Положимъ, что крестьянское семейство начинаетъ ткать свое грубое сукно въ тотъ самый день, когда снято руно съ овецъ, и потомъ начинаетъ шить платье изъ сукна въ тотъ же день, какъ выткано сукно, и наконецъ начинаетъ носить платье въ тотъ же самый день, какъ сшито оно. Отсрочки потребленія нѣтъ, какъ мы видимъ, ни въ одномъ изъ фазисовъ, проходимыхъ продуктомъ, и продуктъ потребляется тѣми самыми людьми, которые сберегли его; но это руно, это сукно, это платье все-таки служатъ капиталомъ, то есть орудіемъ производства потому что оно даетъ средство заниматься внѣ избы земледѣльческими работами, которыя по времени года невозможны безъ суконныхъ оучъ и другихъ частей одежды не замѣняемыхъ короткимъ полушубкомъ мужика. Итакъ, надобно сказать, что по способу потребленія продуктъ, служащій капиталомъ, отъ продукта, потребляемаго не въ характерѣ капитала, отличается собственно только тѣмъ, что потребляется для усиленія производства, а не тѣмъ, чтобы сберегался однимъ лицомъ, а потреблялся другимъ. Разница между лицомъ сберегающимъ и между лицомъ потребляющимъ не принадлежить сущности дѣла, а относится только къ такой формѣ экономическаго устройства, при которой трудъ составляетъ принадлежность однихъ лицъ, а капиталъ собственность другихъ, уже не работающихъ руками. Итакъ, по сущности дѣла капиталъ есть та часть сбереженныхъ продуктовъ, потребление которой нужно для успѣшности самого процесса труда. Напримѣръ, если работнику въ сырую погоду нужно выпить чарку водки, эта выпитая имъ чарка капиталъ (безъ нея онъ работалъ бы менѣе энергично, и продукта получилось бы меньше). Мы дѣлаемъ это и многія другія подобныя замѣчанія не потому, чтобы сами по себѣ они имѣли большую важность; но необходимо намъ показывать, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ уклоняются писатели школы Смита отъ принциповъ и пріемовъ собственной своей теории, смѣшивая по забывчивости сущность дѣла съ его случайною формою. Мы пропускаемъ множество подобныхъ уклоненій безъ замѣтокъ, чтобы не слишкомъ утомлять читателя; а если бы не боялись этого, то должны были бы дѣлать такихъ поправокъ на текстъ Милля въ десять разъ больше, нежели дѣлаемъ. Что же касается до другихъ экономистовъ, то у каждаго изъ нихъ неточностей еще въ десять разъ больше, чѣмъ у Милля. Милль мы собственно и выбрали для перевода потому, что какъ ни много у него ошибокъ, но все-таки несравненно меньше, чѣмъ у всякаго другого писателя школы Смита. Впослѣдствіи мы приведемъ по одной или по двѣ страницы изъ нѣкоторыхъ другихъ нынѣшнихъ экономистовъ, наиболѣе знаменитыхъ у насъ чтобы читатель видѣлъ какую путаницу говорятъ они.

хранить вещь для самого себя, а растрчивать тоже, что раздавать вещь по рукамъ другихъ. Человѣкъ, расходующій свое состояніе на непродуцительное потребление, считается разливающимъ благодѣянія на всѣхъ окружающихъ его; онъ предметъ такого сочувствія въ обществѣ, что часть этой популярности переходитъ даже на человѣка, расточающаго состояніе, не принадлежащее ему, на человѣка, который не только уничтожаетъ свой капиталъ, если когда имѣлъ его, но, подъ видомъ займа и съ обѣщаніемъ уплаты, овладѣваетъ даже капиталомъ, принадлежащимъ другому, и также уничтожаетъ его.

Эта ошибочность обыкновеннаго взгляда происходитъ оттого, что обращается вниманіе только на одну и притомъ небольшую часть слѣдствій, протекающихъ отъ сбереженія и отъ растраты: люди не думаютъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя не попадаютъ самъ на глаза. Глазъ слѣдуетъ за сберегаемымъ имуществомъ въ воображаемую шкатулку и тутъ теряетъ его изъ виду. Онъ слѣдитъ за растрчиваемымъ имуществомъ какъ оно идетъ въ руки торговцевъ и людей, окружающихъ расточителя; но въ обонхъ этихъ случаяхъ глазъ одинаково не проникаетъ до окончательнаго назначенія имущества. Сбереженіе (на продуцительное потребление) и растрата очень сходны въ первомъ періодѣ своего процесса. То и другое начинается потребленіемъ, разрушеніемъ извѣстной части богатства. Разница только въ томъ, какія вещи потребляются и какіе люди потребляютъ ихъ. Въ первомъ случаѣ изнашиваются инструменты, уничтожается матеріалъ, также пища и одежда, которую потребляютъ работники; во второмъ случаѣ потребляются, т. е. уничтожаются дорогія вина, экипажи и меблировка. До сихъ поръ послѣдствіе обонхъ дѣлъ для національнаго богатства было почти одинаково: одинаковое количество богатства уничтожилось тѣмъ и другимъ дѣломъ. Но при мотовствѣ этотъ первый фазисъ служить и окончательнымъ фазисомъ: извѣстное количество продуктовъ труда исчезло и ничего отъ нихъ не осталось; а сберегающій человѣкъ во все время, пока продолжалось разрушеніе, держалъ на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты, и въ результатѣ оказывается, что работники съ излишкомъ воспроизвели то количество продуктовъ, которое было потреблено. Эта операція можетъ быть безконечное число разъ повторяема безъ новаго сбереженія, потому разъ сдѣланное сбереженіе становится фондомъ, могущимъ содержать вѣчное время извѣстное число работниковъ, которые ежегодно воспроизводятъ свое продовольствіе съ прибылью.

Для непривычнаго соображенія истинный характеръ этихъ феноменовъ затемняется тѣмъ, что въ нихъ участвуютъ деньги. Почти всѣ расходы производятся посредствомъ денегъ и потому деньги пріобрѣтаютъ видъ главнаго элемента въ этомъ дѣлѣ; а деньги не истребляются, онѣ только переходятъ изъ однихъ рукъ въ другія, и отъ вниманія ускользаетъ уничтоженіе, происходящее при непродуцительномъ расходѣ. Деньги только перешли изъ рукъ въ руки, и люди думаютъ, что богатство также перешло изъ рукъ мота въ другія руки. Но это просто значить смѣшивать деньги съ богатствомъ. Уничтоженное богатство было не деньги, а тѣ дорогія вина, экипажи и меблировка, которыя были куплены на деньги; эти вещи уничтожены теперь безвозвратно, и общество стало бѣднѣе на всю сумму ихъ. Могутъ сказать, что дорогія вина, экипажи и меблировка не пища, не инструменты, не матеріалы и ни въ какомъ случаѣ не могли бы годиться на содержаніе труда; что они годятся только на непродуцительное потребление и что ущербъ богатству общества наносился, когда они производились, а не тогда, когда они потреблялись. Я согласенъ допустить такое замѣчаніе, насколько нужно для разъясненія предмета, и замѣчаніе это было бы совершенно справедливо, если бы эти убыточные предметы роскоши брались изъ существующаго запаса,

которому не было бы уже суждено пополняться. Но вѣдь они будутъ производиться вновь, пока будутъ для нихъ потребители, и будутъ производиться въ большемъ количествѣ для удовлетворенія увеличившагося запроса; потому, когда потребитель расположился тратить 5,000 фунтовъ изъ своего дохода на предметы роскоши, онъ изъ года въ годъ держитъ соответственное число работниковъ, занятыхъ производствомъ вещей, которыя никакъ не могутъ пригодиться для производства. Трудъ этихъ работниковъ теряется по отношенію къ возрастанію національнаго богатства; пища, инструменты и матеріалы, ежегодно потребляемые ими, отнимаются изъ общаго запаса націи, пригоднаго на производительное употребленіе. По мѣрѣ расточительности или роскоши извѣстнаго класса, промышленность страны обращается къ производству предметовъ роскоши для него, и не только уменьшается количество занятія для производительныхъ работниковъ, но продовольствіе и инструменты, нужные для производительнаго занятія, производятся въ меньшемъ количествѣ.

Словомъ сказать, сбереженіе обогащаетъ, а расточительность приводитъ къ бѣдности общество, подобно отдѣльному человѣку; иначе говоря, это значить, что общество въ цѣломъ своемъ составѣ обогащается тою суммою, какую расходуетъ на содержаніе производительнаго труда и на содѣйствіе ему и, наоборотъ, бѣднѣетъ на ту сумму, какую потребляетъ для своихъ удовольствій *).

*) Вѣроятно, не безполезна будетъ обратить вниманіе на разныя обстоятельства, до извѣстной степени уменьшающія убытокъ, наносимый общественному богатству расточительностью частныхъ людей, или дающія болѣе или менѣе значительное уравновѣшеніе ему въ видѣ послѣдствій самаго убытка. Одно изъ этихъ обстоятельствъ то, что мотъ въ сущности не успѣваетъ потреблять все, что расточаетъ. Его обыкновенная безечность въ расходѣ бываетъ причиною, что его обманываютъ и обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; а изъ этихъ обкрадывающихъ людей многіе имѣютъ экономныя привычки. Большія суммы постоянно накапливаются повѣренными, управителями и даже домашними служителями богатыхъ, расточительныхъ людей. Кромѣ того расточительные люди дорожатъ бережливыхъ платая за всѣ свои покупки (отъ этого и происходятъ расположеніе купцовъ къ нимъ). Такимъ образомъ они въ дѣйствительности не могутъ получить въ свои руки и уничтожить такое количество богатства, которое бы равнялось расточаемому ими состоянію: они потребляютъ въ сущности гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ, и значительная часть ихъ состоянія не потребляется, а просто переходитъ къ другимъ, которые, можетъ быть, сберегутъ часть перешедшаго къ нимъ. Во-вторыхъ, надобно замѣтить, что расточительность однихъ можетъ приводить другихъ къ вынужденной экономности. Предположимъ, что капризомъ мота, капризомъ, котораго нельзя въ предвидѣніи впередъ, произведенъ внезапный запросъ на какой нибудь предметъ роскоши. По непредвидѣнности этого запроса не заготовлено лишняго запаса противъ прежняго. Цѣна поднимется; она можетъ подняться на столько, что превзойдетъ средства или желаніе нѣкоторыхъ прежнихъ потребителей: они, можетъ быть, откажутся отъ своего прежняго наслажденія и такимъ образомъ сберегутъ сумму, которую тратили на него. Если они не откажутся отъ него, а будутъ продолжать тратить на этотъ товаръ столько же, какъ прежде, тогда торговцы этимъ предметомъ получаютъ за прежнее количество товара сумму, увеличившуюся всѣмъ тѣмъ количествомъ, которое заплатилъ мотъ; такимъ образомъ сумма, теряемая мотомъ, фактически переходитъ къ нимъ и, можетъ быть, они присоединятъ ее къ своему капиталу, а его излишнее личное потребленіе составляется изъ уменьшенія въ потребленіи другихъ покупателей, которые за прежнюю сумму получили меньше прежняго количества товаровъ. Кромѣ того гдѣ нибудь процессъ мотовства долженъ отражаться въ обратномъ характерѣ, потому что мотъ долженъ въ чемъ нибудь уменьшать свои покупки для уравновѣшенія увеличенныхъ своихъ расходовъ на извѣстный предметъ. Быть можетъ, онъ вынулъ изъ обращенія суммы, употребляяся на содержаніе производительнаго труда; въ такомъ случаѣ торговцы продовольствіемъ и орудіями производства имѣютъ оставшіяся на своихъ рукахъ непроданные товары, или получили за прежнее ихъ количество сумму меньшую прежней; а такія свои утраты въ доходахъ или въ капиталѣ промышленные люди вообще (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда утраты чрезвѣрпы) вознаграждаютъ увеличеніемъ расчетливости и отказами себѣ въ удовольствіяхъ. Такимъ образомъ капиталъ общества въ результатѣ можетъ быть остался не уменьшеннымъ и мотъ велъ свою расточительность не на счетъ постоянныхъ средствъ другихъ людей, а на счетъ ихъ мимолетныхъ удовольствій и удобствъ. Но все-таки его расточительность производилась насчетъ другихъ, потому что во всякомъ случаѣ общество бѣднѣетъ на сумму расточаемую однимъ, если другіе не приводятся этимъ къ сокращенію своихъ растратъ. Есть еще другіе, не столь очевидные пути, которыми расточительность однихъ можетъ пораждать свое вознагражденіе увеличеніемъ сбереженія у другихъ; но эти случаи можно будетъ разсмотрѣть намъ только въ томъ отдѣлѣ четвертой книги, который будетъ говорить о принципѣ предѣла въ накопленіи капитала. — *Прим. авт.*

6. Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится—потребляется, потребляется и то, что называется растрчиваемымъ, и то, что называется сберегаемымъ; притомъ сберегаемое потребляется также быстро, какъ растрчиваемое. Всѣ выраженія разговорнаго языка ведутъ къ тому, чтобы мы этого не замѣчали. Когда говорится о старинномъ богатствѣ страны, о богатствахъ наслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя имъ выраженія ведутъ насъ къ мнѣнію, будто богатства, переданныя отъ предковъ, были произведены очень давно, въ то время, когда они первоначально были пріобрѣтены, и будто въ нынѣшнемъ году произведена только та часть капитала страны, на какую увеличилась въ нынѣшнемъ году вся сумма его. На самомъ дѣлѣ вовсе не то. Большая часть тѣхъ составляющихъ богатство цѣнностей, которыя нынѣ существуютъ въ Англіи, произведена человѣческими руками въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Очень мала та часть этого огромнаго богатства, которая существовала лѣтъ десять тому назадъ: изъ нынѣшняго производительнаго капитала страны едва ли существовало тогда что нибудь, кромѣ домовъ на фермахъ и фабричныхъ зданій, да немногихъ изъ нынѣшнихъ кораблей и машинъ; да и изъ этихъ домовъ, кораблей и машинъ развѣ очень немногія просуществовали-бы десять лѣтъ, если-бы не употреблялся въ это время новый трудъ на ихъ поправку. Земля осталась отъ прежняго времени, и она почти единственная вещь, оставшаяся отъ прежняго времени. Зато она и не произведена; а все, что произведено, исчезаетъ, и почти все исчезаетъ очень быстро. Почти всѣ роды капитала по своей натурѣ неспособны долго сохраняться. Есть только нѣсколько, и притомъ очень мало, произведеній, способныхъ имѣть очень долгое существованіе. Уэстминстерское аббатство съ небольшими починками продержалось нѣсколько столѣтій; нѣкоторыя греческія статуи существуютъ больше 2,000 лѣтъ; пирамиды, быть можетъ, вдвое или втрое больше. Но это предметы, назначенные на непродолжительное употребленіе. За исключеніемъ мостовъ и водопроводовъ (къ которымъ можно прибавить нѣкоторые резервуары и плотины), почти нѣтъ сооруженій для промышленности, которыя существовали бы долго. Промышленныя зданія вообще скоро изнашиваются употребленіемъ, да и нѣтъ расчета строить ихъ съ вѣковѣчною прочностью. Капиталь поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всѣ составныя части его разрушаются употребленіемъ, и вообще разрушаются вскорѣ послѣ того, какъ произведены; но люди, потребляющіе ихъ, занимаются между тѣмъ производствомъ другаго капитала, имѣющаго большій размѣръ. Возрастаніе капитала подобно возрастанію населенія. Каждый, кто рожденъ, умираетъ; но каждый годъ число рождающихся больше числа умирающихъ: потому населеніе постоянно возрастаетъ, хотя ни одного изъ лицъ, составляющихъ его, не существовало на свѣтѣ до времени вовсе недалекой старины.

7. Это постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ факту, столь часто возбуждавшему удивленіе, факту чрезвычайной быстроты, съ которою страны поправляются отъ опустошеній,—тому, что скоро исчезаютъ всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ разореніемъ. Непріятель опустошаетъ страну огнемъ и мечомъ, разрушаетъ или увозитъ почти все существующее въ ней движимое богатство; всѣ жители разорены; но черезъ нѣсколько лѣтъ все почти въ такомъ же видѣ, какъ было до войны. Эта *vis medicatrix naturae*, „цѣлительная сила природы“, часто бывала предметомъ бесплоднаго изумленія или приводилась въ примѣръ чудеснаго могущества сбереженія, вознаграждающаго такія громадныя потери въ такое короткое время. Но тутъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго.

То, что уничтожено неприятелемъ, въ недолгое время было бы уничтожено и самими жителями; богатство, столь быстро воспроизводимое ими, они должны были бы воспроизводить и воспроизвели бы во всякомъ случаѣ, и, вѣроятно, въ столь же недолгое время. Разницы тутъ никакой нѣтъ, кромѣ той, что во время воспроизведенія они не имѣли наслажденія потреблять сами то, что было произведено ими прежде. Возможность быстрого возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, сохранилось ли населеніе страны. Если ея трудящееся населеніе не истреблено во время бѣдствія и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ оставшеюся безъ поврежденій свою землю съ ея прочными улучшеніями; вѣроятно, имѣетъ прочныя зданія также сохранившимися безъ поврежденій, или почти безъ поврежденій, или съ не очень важными и многочисленными поврежденіями; и такимъ образомъ у него остались почти всѣ элементы, нужные для веденія производства въ прежнемъ размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи, или столько цѣнностей, чтобы купить пищи на то, чтобы съ какими бы то ни было лишеніями просуществовать и быть въ состояніи работать, они скоро произведутъ такое же количество продуктовъ, въ общей своей сложности пріобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала и достигнутъ этого простымъ продолженіемъ труда, какой прежде употреблялъ на свои занятія. Это фактъ, порождаемый вовсе не силою сбереженія въ разговорномъ смыслѣ слова, потому что мы видимъ тутъ не добровольную воздержность, а лишенія, налагаемая вышшею необходимостью. Тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе ¹⁹⁾.

А между тѣмъ, такъ сильна привычка мыслить о предметѣ не прямо по его признакамъ, а только черезъ посредство техническихъ фразъ, и ученые изслѣдователи такъ мало свободны отъ тѣхъ умственныхъ немощей, которыми страдаютъ профаны, что простаго объясненія, приведеннаго нами здѣсь, не умѣлъ, сколько я помню, дать

¹⁹⁾ Такимъ образомъ, главное условіе для продолженія и возрастанія изобилія страны продуктами состоитъ въ томъ, чтобы трудящаяся часть ея населенія сохранила энергію въ трудѣ. Мимолетныя бѣдствія, каковы бывають обыкновенно бѣдствія, наносимыя природою (наводненія, землетрясенія, даже болѣе сильныя потери отъ засухи или излишнихъ дождей, вредящихъ одной жатвѣ) не имѣютъ силы повредить энергіи труда. Изъ бѣдствій, наносимыхъ людямъ людьми, то, которое вносится чужими людьми, война, при нынѣшнемъ состояніи цивилизованныхъ странъ также рѣдко имѣетъ продолжительность, нужную для измѣненія привычекъ и нравовъ населенія, страна котораго опустошается ею; потому обыкновенно страна эта, сохранивъ прежнюю энергію труда, скоро оправляется отъ военнаго опустошенія. Но и недолгая война выноситъ страну безъ замѣтнаго ослабленія энергіи труда только тогда, если внутреннія благоприятныя труду условія уже прочно основали въ населеніи высокую степень этой энергичности; когда же трудъ до войны былъ вялый, не настойчивъ, не энергиченъ, кратковременное военное бѣдствіе можетъ надолго понизить его силу, и страна долго не оправится отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны. Такъ напримѣръ, Смоленская губернія, по точному изслѣдованію г. Я. Соловьева, до сихъ поръ не вполне оправилась отъ разоренія 1812 года, — болѣе 40 лѣтъ прошло съ той поры до эпохи, къ которой относится изслѣдованіе г. Соловьева, а страна все еще оставалась бѣднѣе, чѣмъ была вѣ 1811 году. Если же военное опустошеніе имѣетъ характеръ долгаго постояннаго грабежа, оно дѣйствуетъ очень сильно. Такъ Тридцатилѣтняя война слыхкомъ на столѣтіе разрушила прежнее благосостояніе Германіи: народъ одичалъ отъ постояннаго грабежа, которому подвергался, отвыкъ отъ нравовъ, дававшихъ успѣшность его труду, и только во второй половинѣ XVIII столѣтія слѣды этого гибельнаго вліянія стали исчезать. Но характеръ постоянства въ особенности принадлежитъ невыгоднымъ обстоятельствамъ внутренней жизни самого населенія, тѣмъ бѣдствіямъ, которыя наносятся ему не чужими, а своими людьми. Отъ своей внутренней обстановки сотни, иногда тысячи лѣтъ трудъ лишается энергіи. Изслѣдованіе этого предмета относится къ той части политической экономіи, которая говоритъ о вліяніи общественныхъ учрежденій на производство.

ни одинъ политико-экономъ до д-ра Чомерса, — писателя, у котораго много мыслей по моему мнѣнію ошибочныхъ, но у котораго всегда есть то достоинство, что онъ изучаетъ феномены въ самомъ ихъ источникѣ и выражаетъ ихъ самостоятельнымъ языкомъ, часто раскрывающимъ такія стороны истины, которыя закрываются принятою фразеологіею.

8. Изъ того воззрѣнія, которымъ докторъ Чомерсъ объясняетъ изложенный нами вопросъ, онъ выводитъ важныя заключенія о другомъ, близкомъ къ объясненному факту предметѣ, о государственныхъ займахъ на войну и на другіе непроеводительные расходы. Займы эти, замѣняя собою налоги, берутся изъ капитала, между тѣмъ какъ налоги платились-бы изъ дохода и отчасти или вполнѣ покрывались бы увеличеніемъ экономіи въ расходахъ; и такъ, по принципамъ, нами изложеннымъ, займы ведутъ страну къ обѣднѣнію. Но годы, когда расходы, дѣлаемые на занятія суммы, совершались въ громаднѣйшемъ размѣрѣ, часто бывали годами большаго наружнаго благосостоянія: средства страны и богатство ея, вмѣсто того чтобы являться уменьшенными, показывали всѣ признаки быстраго возрастанія, пока длился расходъ, и оказывались сильно расширившимися по его окончаніи. Всѣ согласны въ томъ, что такъ было съ Великобританіей во время послѣдней долгой континентальной войны (при Наполеонѣ I), и много мѣста понадобилось бы на исчисленіе всѣхъ неосновательныхъ политико-экономическихъ теорій, порожденныхъ этимъ фактомъ, вошедшихъ на нѣкоторое время въ довѣріе у публики, благодаря ему, и превозносившихъ непроеводительное потребленіе, какъ болѣе выгодное, чѣмъ производительное. Не входя въ изложеніе всѣхъ причинъ, не дававшихъ тутъ и обыкновенно не дающихъ странѣ чувствовать послѣдствія этихъ чрезвычайныхъ растратъ ея производительныхъ силъ въ полномъ размѣрѣ, какой обозначается теоріею, мы предположимъ самый неблагоприятный изъ всѣхъ возможныхъ случаевъ: предположимъ, что вся занятая и уничтоженная правительствомъ сумма богатствъ была вынута заимодавцемъ изъ производительнаго потребленія, которымъ была вся она фактически занята. Въ такомъ случаѣ капиталъ страны уменьшенъ на всю величину этой суммы. Но если сумма эта не была страшно чрезмѣрною, то по самой сущности дѣла нѣтъ причинъ національному капиталу не возратить на слѣдующій годъ свою прежнюю величину. Заемъ не могъ быть взятъ изъ той части капитала, которая состоитъ въ инструментахъ, машинахъ и зданіяхъ. Онъ весь долженъ быть взятъ изъ той части капитала, которая служитъ платою работникамъ, и работники пострадали отъ займа пропорціонально взятой суммѣ. Но если никто изъ нихъ не умеръ съ голоду, если рабочая плата могла вынести такое уменьшеніе, или если благотворительность отвращала отъ работниковъ совершенное отсутствіе продовольствія, то нѣтъ причины, почему бы трудъ ихъ въ слѣдующемъ году пропзелъ меньше, нежели въ предыдущемъ ²⁰⁾.

²⁰⁾ То-есть, опять предполагая то условіе, важность котораго заставила насъ сдѣлать предыдущее замѣчаніе, — предполагая, что нравы и привычки трудящейся части населенія не успѣли повредиться отъ лишеній. Размѣръ этого поврежденія можетъ быть великъ или малъ, смотря по состоянію, какого прежде успѣла достигнуть прочная привычка къ энергіи труда; если она сильна, поврежденіе можетъ быть не столь громаднымъ, чтобы рвать глазъ поверхностнаго наблюдателя; но оно въ болѣе или меньшей степени неперемѣнно слѣдуетъ за лишеніемъ. Это фактъ математическій, не подлежащій сомнѣнію въ теоріи; а на практикѣ нужно только внимательно изслѣдовать положеніе дѣлъ, чтобы открыть его существованіе. Война и всякій другой большой государственный непроеводительный расходъ портитъ энергію производительнаго труда, нанося порчу привычкамъ трудящихся. Это было замѣчено и въ Англіи во время войнъ съ французскою республикою и первою имперіею. Работники оказались менѣе прежняго успешны въ работѣ, потому что разви-

Если они за плату, уменьшившуюся известным числом миллион^{ов}, произведут столько же, как прежде, эти миллионы будут выиграны хозяевами их²¹). Таким образом немедленно восстанавливается уровень, нанесенный капиталу; впрочем, восстанавливается онъ

лось въ нихъ апатическое буйство, перемежающееся съ лѣнностью. Не говоримъ уже о томъ, что во время ослабления производительнаго труда земля остается нѣсколько залущенною, то есть нѣсколько портится, выдѣлка инструментовъ и машинъ для промышленныхъ производствъ ослабѣваетъ, а прежніе инструменты и машины сильнѣе обыкновеннаго портятся, оставаясь безъ поправки, да и матеріаловъ для промышленности изготовляется меньше, чѣмъ обыкновенно. Такимъ образомъ на слѣдующій годъ общество имѣетъ рабочія силы хуже прежнихъ, орудія производства (землю, инструменты, машины, промышленныя постройки) въ количествѣ меньшемъ и въ качествѣ худшемъ прежняго, матеріалы тоже; потому производство на слѣдующій годъ никакъ не можетъ имѣть того размѣра, какой имѣло бы безъ непродизводительнаго чрезвычайнаго расхода. Теорема о неизбѣжности этого результата имѣетъ математическую достовѣрность.

²¹) Но именно столько же они не произведутъ, потому что за меньшую плату трудъ получается худшаго качества, и потому не *все* миллионы будутъ выигрыши хозяевами,—часть этой суммы потеряется отъ ухудшенія въ качествѣ труда. Чтобы сдѣлать яснѣе это соображеніе, мы приведемъ гипотетическій балансъ общества.

Положимъ, что Англія занимаетъ на войну 50 миллион^{ов} фунтовъ. Эти 50 миллион^{ов} берутся изъ платы работникамъ. Положимъ, что она имѣла прежде величину 200 миллион^{ов}: она уменьшилась отъ займа на четвертую часть; качество труда ухудшилось отъ этого хотя на одну двадцатую часть. Если при помощи данныхъ орудій и даннаго количества матеріаловъ трудъ производилъ прежде продуктовъ на 500 миллион^{ов}, теперь онъ произведетъ ихъ одною двадцатою частью меньше, то есть только на 475 миллион^{ов}. Итакъ, что произвелъ заемъ только одною этою стороною своего дѣйствія? Онъ взялъ у работниковъ черезъ руки хозяевъ 50 миллион^{ов}; но, взявъ у работниковъ для передачи правительству 50 миллион^{ов}, хозяева сами потеряли отъ ухудшенія въ качествѣ труда 25 миллион^{ов}. Итого 75 миллион^{ов} чистой потери. Но это только одна часть потери. Всей громадности потери нельзя и сообразить, но попробуемъ сообразить хотя еще нѣкоторыя части его.

50 миллион^{ов}, взятые на войну, израсходованы на потребленіе непродизводительное, пропадающее безъ всякаго слѣда (Милль, книга I, глава 3, § 6, стр. 78). Производство было въ 500 миллион^{ов}; положимъ, что изъ него прежде шло на непродизводительное потребленіе 100 м., оставалось на производительное 400 м.; теперь пошло на непродизводительное потребленіе 150 м., осталось на производительное 350 м.; если прежде изъ 400 миллион^{ов} возникало 500, теперь изъ 350 м. возникло бы только уже 437¹/₂ милл., если-бы усѣпшность труда осталась прежняя; но она уменьшилась на одну двадцатую часть, то есть на 21,87 милл. и такъ, производится на слѣдующій годъ только 415,63 миллион^{ов}. Недочетъ составляетъ на первый слѣдующій за займомъ годъ 84,37 милліона.

Этотъ недочетъ перваго года отзовется нѣкоторымъ недочетомъ и на слѣдующемъ (второмъ), а отъ него на третьемъ году и т. д., потому что не вся сумма 84,37 милл. отнеслась на непродизводительное потребленіе, а часть ея легла и на производительное потребленіе. Но мы не станемъ уже высчитывать этихъ слѣдующихъ недочетовъ. Ограничимся однимъ первымъ годомъ.

Весь ли его недочетъ мы сочли? Нѣтъ, онъ имѣетъ множество формъ, мы взяли еще только одну,—легко было бы набрать ихъ десятка два очень крупныхъ; мы возьмемъ хотя только еще двѣ—вліяніе недочета на землю, инструменты, машины и вліяніе на рабочія силы.

Производительное потребленіе уменьшилось въ годъ военнаго расхода на одну восьмую часть (350 м. вмѣсто прежнихъ 400 м.). Это значитъ, что между прочимъ и на уходъ за землею приложено труда на $\frac{1}{8}$ часть меньше прежняго. Отъ этого она дала продуктовъ на $\frac{1}{8}$ часть, на 121²/₀, меньше. Положимъ, что ея продукты составляли 50% всѣхъ продуктовъ,—мы считали всего 415,63 м., стало быть въ нихъ земледѣльческихъ продуктовъ считалось 207,81 милл., теперь оказывается, что ихъ надобно считать уменьшенными на одну восьмую часть, то есть вычесть 25,98; потому земледѣльческихъ продуктовъ надобно считать не 207,81 м., а только 181,83 м. Другихъ продуктовъ считаемъ то количество, какъ прежде (207,81 м.); обѣ суммы составляютъ уже только 389,64 м.

Но составляютъ ли онѣ и это количество? Вѣдь мы полагаемъ, что трудъ производится тѣмъ же количествомъ такихъ же инструментовъ и машинъ, какъ прежде, а этотъ факторъ уменьшился тоже на $\frac{1}{8}$ часть, и отъ этого трудъ снова сталъ на $\frac{1}{8}$ часть менѣе усѣпшенъ; итакъ надобно изъ 389,64 м. вычесть одну восьмую часть, то есть 48,70 м. Остается всего только 340,94 м.

Но остается ли хотя это? Вѣдь мы только полагали, что трудъ сталъ хуже ка-

лишениями и часто сильною нищетою рабочаго класса. Вотъ дѣйствительная причина, почему такіе періоды, даже при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, очень могутъ быть временами большихъ выигрышей для тѣхъ, благосостояніе которыхъ обыкновенно считается во мнѣніи общества за національное благосостояніе *).

чествомъ, сталъ производиться меньшимъ количествомъ и притомъ худшихъ инструментовъ и надъ землею худшаго качества, но все еще полагали, что количество труда осталось прежне; осталось ли оно? Нѣтъ; было въ Англіи, положимъ, 5,000,000 взрослыхъ работниковъ, изъ нихъ 200,000 завербованы въ солдаты и военные матросы, а съ войны годными къ работѣ воротились развѣ 100,000—другіе 100,000 убиты, умерли отъ ранъ и тифа, или остались изувѣченными. Итакъ изъ 5,000,000 работниковъ исключено войною безвозвратно 100,000 работниковъ; количество труда уменьшилось на одну пятидесятую часть, на 2⁰/₁₀; опять надобно вычестъ 2⁰/₁₀ изъ количества продуктовъ, которое мы полагали прежде,—изъ 340,94 м. надобно вычестъ 6,82 м., остается всего только 334,12 милліона, стало быть весь недочетъ—165,88 милліоновъ.

Да полно, весь ли это недочетъ? Куда, какъ можно! Въдъ мы не считали, сколько работниковъ, оставшихся дома, умерло отъ лишений, сколько другихъ сколько времени пролежали въ болѣзняхъ отъ лишений, сколько времени потрачено ими на уходъ за родными, болѣвшими или умиравшими все отъ тѣхъ же лишений, сколько продуктовъ пошло на лѣчение, на похороны; сколько съ горя пропито; сколько времени люди одурѣлые отъ горя шатались неспособными къ труду, сколько отъ этого пропало и попортилось орудій производства, сколько преступлений надѣлано отъ одуренія, отчаянія и нищеты, сколько потрачено на обузданіе развивавшейся въ массѣ готовности къ преступленіямъ, на преслѣдованіе преступлений, на содержаніе обвиненныхъ въ тюрьмахъ, на наказаніе преступниковъ. Этотъ дефицитъ составилъ бы тоже кругловатую цифру въ нѣсколько десятковъ милліоновъ.

А главное, мы считали убыль производства только отъ убыли въ рабочихъ силахъ и въ орудіяхъ, а не считали убыли отъ уменьшенія въ матеріалахъ, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и произошло главное уменьшеніе. Что, напримѣръ, если оказалось, что на посѣвъ осталось только половина того количества зерна, какое употреблялось прежде? Тогда въдъ и всю жатву придется считать въ половину меньше.

Но этого всего мы не считаемъ. Итакъ уже довольно набралось недочетовъ.

Подведемъ же итоги хотя къ тому, что сосчитали.

Отъ займа на войну въ 50 милл. нація въ тотъ годъ, когда расходовался этотъ заемъ, потеряла 75 милл. Въ слѣдующій годъ убыли по производству, далеко не вполне сосчитанная, простиралась на 165,88, проще говоря, на 166 милл.,—итого, эти 50 милліоновъ стоили націи убытка по крайней мѣрѣ въ 241 милл. за годъ военнаго расхода и одинъ слѣдующій годъ.

А мы сказали еще, что недочетъ перваго года послѣ войны отзовется недочетомъ и на второмъ, и на третьемъ годѣ, да и дальше. А проценты по займу? Въдъ и ихъ надобно будетъ откуда вибудь брать каждый годъ? Да, едва ли англичане отдѣлались убыткомъ, хотя-бы въ 250, хотя-бы въ 300, или даже въ 400 милліоновъ фунтовъ за этотъ израсходованный на войну съ Франціею заемъ въ 50 милліоновъ.

Лучше было бы имъ, чѣмъ дѣлать этотъ заемъ, взять да сожечь весь свой Лондонъ. Меньше было бы имъ убытка отъ этого, нежели отъ одного года успѣшной войны Лондонскимъ монументомъ великаго пожара 1666 года ознаменована память бѣдствія несравненно меньшаго для англичанъ, нежели монументомъ ихъ трафальгарской побѣды.

Какимъ же образомъ эти громадныя потери до того нечувствительны, что нужно еще доказывать ихъ? Какими путями производится то странное явленіе, что разница между годомъ войны и годомъ мира въ экономическомъ отношеніи не такъ ярка для невнимательнаго зрителя, какъ должна быть по сущности дѣла? Объясненіемъ этого служить нынѣшній порядокъ распрежденія дѣвностей, и отвѣтъ надобно отложить до второй книги.

Теперь мы можемъ предвидѣть одно: должно быть что-то фальшивое, дикое въ томъ экономическомъ бытѣ, при которомъ для массы націи все равно, теряетъ ли нація 20⁰/₁₀, 30⁰/₁₀, или даже 50⁰/₁₀ своего дохода, а для многихъ эта потеря даже выгодна,—при которомъ нація восхищается своими побѣдами и рада вести войну, лишь бы шла она удачно. Это напоминаетъ о состояніи оцущеній человѣка одержимаго тифознымъ жаромъ, который самъ не можетъ опредѣлить, холодно ли или тепло въ комнатѣ, и который готовъ выпить хотя цѣлое ведро ледяной воды, отъ которой усливается его болѣзнь.

*) Но съ другой стороны не должно забывать, что война отвлекаетъ отъ производительнаго занятія не только капиталъ, но и работниковъ: что суммы, взятая изъ вознагражденія производи-

Это ведет къ спорному вопросу, на который и было обращено особенное вниманіе д-ра Чомерса: какимъ путемъ правительству лучше получать суммы, требуемыя экстреннымъ непронизводительнымъ расходомъ: путемъ-ли займовъ, по которымъ только проценты доставляются налогами, или путемъ налоговъ на время расхода въ размѣрѣ

тѣльных работниковъ, отчасти употребляются на плату имъ же или другимъ за непронизводительный трудъ и что этою частью своихъ слѣдствій военныя издержки дѣйствуютъ въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое указываетъ докторъ Чомерсъ; насколько простирается вліяніе этой стороны войны, оно вознаграждаетъ результаты, изложенные въ текствѣ. Часть дѣла, состоящая въ томъ, что работники берутся отъ производства въ армію и флотъ, не вредитъ рабочимъ классамъ, не даетъ выгоды капиталистамъ, а общая масса продуктовъ страны *уменьшается* военными издержками. Такимъ образомъ мнѣніе доктора Чомерса, справедливое относительно Англии, совершенно не применима къ странамъ, находящимся въ другихъ обстоятельствахъ; наирѣмѣнь, къ Франціи во время наполеоновскихъ войнъ. Въ этотъ періодъ много лѣтъ сряду продолжался въ огромномъ размѣрѣ вывозъ рабочаго населенія изъ Франціи; а суммы, на которыя велась война, доставлялись преимущественно контрибуціею съ земель, завоеванныхъ французскимъ оружіемъ. И только очень малая часть ихъ состояла изъ французскаго капитала. Поэтому во Франціи рабочая плата не падала, а возвышалась; хозяева, нанимавшіе рабочихъ, имѣли не выигрышъ, а убытокъ; богатство страны между тѣмъ уменьшалось останковъ или совершенною потерею огромнаго количества производительнаго труда. Въ Англии всѣ эти результаты имѣли противоположный характеръ. Англія, сравнительно говоря, прибавила на время войны мало своихъ собственныхъ солдатъ и матросовъ, но отравила сотни милліоновъ фунтовъ капитала отъ производительнаго занятія на доставленіе военныхъ запасовъ своимъ континентальнымъ союзникамъ и на содержание ихъ арміи. Поэтому, какъ мы говорили въ текствѣ, работники ея страдали, капиталисты ея благоденствовали, а постоянныя производительныя силы ея не уменьшались. — *Примѣч. автора.*

Факты изложены тутъ справедливо, но въ изложеніи перемѣшаны двѣ разныя точки зрѣнія: выгодность распредѣленія для разныхъ сословій и производство. Мы уже нѣсколько разъ замѣчали, что даже у Милля, самаго серьезнаго и провицательнаго мыслителя изъ всѣхъ внѣшнихъ политико-экономовъ, результаты, происходящія изъ сущности вещей, слишкомъ часто смѣшиваются съ явленіями второстепенными, временными, происходящими отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и затемняются такимъ смѣшеніемъ. Здѣсь эта запутанность доходитъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ трактата Милля, до такой степени, что можетъ оставить въ читателѣ ложное впечатлѣніе объ излагаемомъ предметѣ. Мы много разъ видѣли, что, когда изъ массы населенія уведутся отборные работники, положеніе всей націи, и въ томъ числѣ рабочихъ классовъ, должно ставиться хуже, потому что на продовольствіи у каждаго работника остается большее число людей, чѣмъ прежде. (Смотри, наирѣмѣнь, стр. 82). Между тѣмъ Милль страннымъ образомъ не дѣлаетъ оговорокки, что излагаетъ частный случай, производимый фальшивымъ положеніемъ вещей въ противность сущности дѣла, когда замѣчаетъ, что взятіе работниковъ на войну не вредитъ рабочимъ классамъ. Нѣтъ, само по себѣ оно очень вредитъ имъ, только вредъ можетъ уравниваться какою-нибудь другою перемѣною въ фальшивомъ положеніи дѣла, и притомъ также фальшивою перемѣною, происходящею отъ этого факта. Работниковъ стало меньше по сравненію съ числомъ содержащихся ими людей; потому нація стала бѣднѣе; стали бѣднѣе и работники и ихъ семейства. Но если число работниковъ сдѣлалось слишкомъ недостаточно, то есть нація терпитъ слишкомъ большую нужду въ продуктахъ, то запросъ на работниковъ можетъ очень усилиться и величина рабочей платы можетъ очень подняться, по крайней мѣрѣ въ денежномъ своемъ счетѣ. Французскій работникъ, получавшій до войны 1 франкъ, можетъ получить во время войны 3 франка. Это считается на золото или серебро, и онъ очень доволенъ, думая, что получаетъ вдвое больше прежняго, пользуясь втрое большимъ благосостояніемъ. Но продукты тоже вздорожали, и за 3 франка онъ получаетъ теперь гораздо меньше продуктовъ, нежели получалось за 3 франка до войны. Сосчитать это не такъ просто, какъ сосчитать на своей рукѣ вмѣстѣ одной монеты три монеты. Впрочемъ, можетъ случиться, что продукты вздорожали не въ такой пропорціи, какъ трудъ, и что за 3 франка получается ихъ теперь больше, чѣмъ прежде за 1 франкъ, хотя никакъ не можетъ быть, чтобы получалось ихъ столько, сколько получалось ихъ прежде за 3 франка. Можетъ случиться и наоборотъ: продукты могутъ вздорожать еще сильнѣе труда и тогда за 3 франка получается продуктовъ меньше, нежели прежде за 1 франкъ. Въ такомъ случаѣ даже работникъ, оставшійся при производительномъ трудѣ, проигралъ. Но когда цѣна труда поднялась сильнѣе цѣны продуктовъ, онъ дѣйствительно выигралъ, если онъ человѣкъ одинокий, или имѣющій всего только двухъ или трехъ человекъ на своемъ содержаніи. Тогда посторонніе люди могутъ находить и самые рабочіе воображать, что положеніе рабочихъ классовъ вообще улучшилось. Но это только оптический обманъ, производимый сосредоточеніемъ вниманія на одной части простолюдннвой. Вообще и между просто-

всего количества расхода?—На финансовомъ языкѣ послѣдній способъ называется „взиманіемъ въ одинъ годъ всей суммы расхода“. Докторъ Чомерсъ сильно защищаетъ этотъ послѣдній способъ. Вообще думаютъ, говоритъ онъ, что взять налогами въ одинъ годъ всю требуемую сумму дѣло или невозможное, или очень неудобное; что нація не можетъ, безъ большаго обремененія, вдругъ уплатить всю эту сумму изъ своего годоваго дохода, и что гораздо лучше требовать у нея ежегоднаго небольшого платежа въ видѣ процентовъ, чѣмъ за одинъ разъ потребовать такого огромнаго пожертвованія. Онъ отвѣчаетъ на это, что пожертвованіе въ обѣихъ случаяхъ одинаково дѣлается. Что растрчивается въ годъ, говоритъ онъ, то неизбѣжно берется изъ дохода за одинъ годъ. Все богатство, производимое въ странѣ, образуетъ ея годовую доходъ; каждая часть этого богатства составляетъ часть чьего-нибудь годоваго дохода. Та сумма лпшеній, говоритъ онъ, которая произошла бы отъ взятія всей суммы расхода способомъ налоговъ, не отстранится, если возьмется способомъ займа. Потеря не отвращается, а только слагается на рабочіе классы, которые менѣе всѣхъ другихъ могутъ и должны выносить ее; а съ тѣмъ вмѣстѣ новымъ чистымъ убыткомъ остаются всѣ матеріальныя, нравственныя и политическія неудобства, производимыя установленіемъ и сохраненіемъ налоговъ на вѣчную плату процентовъ. Изъ продуктовъ или изъ суммъ, назначенныхъ на производство продуктовъ, взявъ капиталъ на то, чтобы поступить въ казну и израсходоваться непродвдптельнымъ образомъ,—въ томъ и другомъ случаѣ вся эта сумма одинаково берется у рабочихъ классовъ; потому заемъ въ дѣйствительности уплачивается въ одинъ годъ; все пожертвованіе, нужное для уплаты его, одинаково производится на самомъ дѣлѣ въ этотъ годъ; только уплачено оно не въ тѣ руки, куда должно идти ²²⁾, потому не погашаетъ собою требованія казны, и уплачивается посредствомъ наихудшаго изъ налоговъ, налога, исключительно падающаго на рабочій классъ. Совершивъ этимъ самымъ труднымъ и несправедливымъ изъ всѣхъ путей весь подвигъ, нужный на погашеніе долга, страна всетаки остается обременена этимъ долгомъ и вѣчною уплатою процентовъ.

людинами пропорція работниковъ къ общему числу сословія уменьшилась, то есть работнику вообще стало тяжеле; если нѣкоторые избѣжали участія въ общемъ бѣдствіи, тѣмъ большая часть его пришлась на долю остальной массы, состоящей изъ семействъ, лишившихся взрослыхъ мужчинъ или сохранившихъ слишкомъ малое число ихъ. Тому же оптическому обману помогаетъ еще другое обстоятельство, упоминаемое самимъ Миллемъ. При повышеніи рабочей платы выгоды капиталистовъ уменьшаются. Работники, сознавая противоположность своихъ интересовъ съ интересами капиталистовъ, слишкомъ часто радуются всякому ихъ затрудненію, какъ будто своему освобожденію, бѣду противника принимаютъ за свое счастье. Во многихъ случаяхъ это чувство ошибочно. Впрочемъ, уменьшеніе части продуктовъ, достигающей капиталистамъ, можетъ иногда быть такъ значительно, что, несмотря на уменьшеніе общей массы продуктовъ, работникамъ всетаки можетъ оставаться болѣе значительная часть, чѣмъ прежде. Но эта фальшивая поправка фальшиваго положенія, эта фальшивость въ квадратѣ такъ натянута, что непременно въ скоромъ времени лопается, и рабочіе видятъ себя въ положеніи, худшемъ всего того, что когда-нибудь испытывали.—Читатель видитъ, что эти разъясненія относятся уже чисто къ теоріи распредѣленія, а не къ теоріи производства: но они вынуждены у насъ спутанностью точекъ зрѣнія въ разъясненіи явленій у переводимаго нами автора. Повторяемъ еще разъ, что у каждаго другаго изъ нынѣшнихъ экономистовъ такихъ запутанностей несравненно больше, нежели у Милля.—*Примѣч. переводч.*

²²⁾ То есть сущность дѣла состоитъ въ переходѣ извѣстной суммы отъ извѣстныхъ классовъ въ казну; если сумма берется посредствомъ займа, она въ сущности берется съ рабочаго класса, но составляетъ тѣмъ, что фабриканты, хозяева земледѣльческихъ заведеній и т. д. не выплачиваютъ своимъ рабочимъ того, что платили прежде; и такъ эта сумма идетъ отъ рабочихъ не въ казну, куда ей слѣдуетъ идти, а въ руки капиталистовъ. У капиталистовъ казна беретъ ее уже подъ формою займа, стало быть проценты идутъ просто посредникамъ, которымъ собственно и не принадлежала взятая въ займы сумма.

Это воззрѣніе кажется мнѣ совершенно вѣрнымъ относительно той части поглощаемыхъ займовъ дѣльностей, которая безъ займа была бы употреблена на производительную промышленность въ самой странѣ. Но практическое положеніе дѣла рѣдко вполне соотвѣтствуетъ такому предположенію. Займы въ менѣе богатыхъ странахъ дѣлаются преимущественно изъ иностраннаго капитала, который, быть можетъ, не пошелъ бы на употребленіе въ эту страну ни подъ какою иною гарантіею, кромѣ обязательства со стороны ея правительства; а займы богатыхъ и благосостоятельныхъ странъ дѣлаются обыкновенно не изъ тѣхъ суммъ, которыя вынимались бы изъ производительнаго употребленія: они обыкновенно дѣлаются изъ новыхъ накопленій, непрерывно составляющихся изъ дохода, и часто дѣлаются изъ той части этихъ накопленій, которая, если бы не пошла на заемъ, то перешла бы въ колоніи или стала бы искать другаго употребленія себѣ за границей. Въ этихъ случаяхъ (которые мы подробнѣе разсмотримъ впоследствии, въ книгѣ IV, въ главахъ 4 и 5) нужная сумма можетъ быть получена займомъ безъ ущерба работникамъ, безъ разстройства національной промышленности и, быть можетъ, даже съ большею выгодною для работниковъ и промышленности, чѣмъ при взиманіи ея налогами, потому что налоги, особенно когда бываютъ тяжелы, почти всегда уплачиваются отчасти на счетъ того, что безъ нихъ было-бы сбережено и прибавлено къ капиталу. Этого мало; если страна дѣлаютъ ежегодно такія большія прибавленія къ своему богатству, что часть этихъ прибавленій можно брать и тратить непроизводительно, не уменьшая капитала и даже не мѣшая ему значительно увеличиваться, то очевидно, что хотя бы даже вся сумма займа бралась изъ той части новыхъ накопленій, которая обратилась бы въ капиталъ и нашла бы себѣ занятіе въ самой странѣ, заемъ поддѣйствуетъ на рабочіе классы далеко не съ тою силою вреда, какъ предполагалось въ первоначально изложенномъ нами случаѣ, и возраженіе противъ предпочтенія займовъ налогамъ очень значительно ослабѣваетъ. Это предварительное краткое изложеніе дѣла, подробное разсмотрѣніе котораго относится къ одной изъ слѣдующихъ частей нашего трактата, казалось намъ необходимо для предотвращенія ошибочныхъ выводовъ изъ мыслей, нами уже изложенныхъ ²³⁾.

²³⁾ Хорошо, что Милль отсылаетъ читателя къ IV книгѣ за подробнымъ разсмотрѣніемъ дѣла: это даетъ и намъ возможность отложить подробный разборъ его до другаго мѣста, а иначе пришлось бы здѣсь, гдѣ и безъ того уже много примѣчаній, дѣлать еще очень длинное примѣчаніе; потому что ограниченія примѣнимости принципа Чомерса, приводимыя Миллемъ, основаны на взглядѣ или одностороннемъ, или вовсе не доходящемъ до сущности дѣла. Теперь довольно будетъ намъ высказать самымъ краткимъ образомъ основанія, почему нельзя принять возраженій, будто бы ослабляющихъ силу соображеній Чомерса. Бѣдныя страны, говоритъ Милль, берутъ заемъ изъ иностраннаго капитала, который не пошелъ бы въ нихъ иначе, какъ на гарантію ихъ правительства, т. е. въ формѣ государственнаго займа. Говорить это значитъ останавливаться на половинѣ изслѣдованія. Фактъ бѣдности не есть основной фактъ: онъ слѣдствіе другихъ фактовъ, изъ которыхъ главный—чрезмѣрность непроизводительнаго расхода и главнымъ образомъ непроизводительнаго правительственнаго расхода. Заемъ на непроизводительное потребленіе только увеличиваетъ этотъ расходъ, т. е. только увеличиваетъ бѣдность страны, хотя бы брался и изъ иностраннаго капитала. Хотя бы онъ пришелъ изъ-за границы, онъ все-таки гибеленъ для домашняго капитала. Заемъ въ богатыхъ странахъ, продолжаетъ Милль, дѣлается не изъ капитала, а изъ новыхъ сбереженій, которыя пошли бы искать занятія за границей. Но если бы за границей они нашли себѣ производительное занятіе въ какой-нибудь заграничной странѣ, они увеличили бы богатство этой страны, увеличили бы силу ея обмѣниваться своими продуктами съ націею, изъ которой вышелъ капиталъ, и обогатили бы эту націю развитіемъ ея заграничной торговли. Если вмѣсто выгоднаго заграничнаго употребленія нація дала своимъ накопленіямъ убыточное внутреннее употребленіе, она все-таки проиграла. Итакъ все равно, дома или за границей дѣлается заемъ для непроизводительнаго потребленія, все равно, дома-ли остались

9. Переходимъ теперь къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала; о ней забывають или фальшиво понимаютъ ее едва-ли не чаще, нежели даже три первые теоремы, какъ ни часто онѣ забываются или искажаются. Производительный трудъ содержится и прилагается къ дѣлу капиталомъ, расходуемымъ на содержаніе его за работою, а не запросомъ покупателей на изготовленный продуктъ труда. Запросъ на товары не есть запросъ на трудъ. Запросомъ на товары опредѣляется то, на какую частную отрасль производства должны обращаться трудъ и капиталъ, опредѣляется *направление* труда; но не опредѣляется самое количество труда, не опредѣляется размѣръ продовольствія или платы за трудъ. Количество труда и размѣръ платы за него зависятъ отъ количества капитала или другихъ суммъ, прямо назначенныхъ на продовольствованіе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напрямѣръ, что существуетъ запросъ на бархатъ, существуетъ сумма, готовая къ израсходованію на покупку бархата, но не существуетъ капитала для основанія бархатной фабрики. Какъ бы великъ ни былъ этотъ запросъ, но все равно, пока не обратится капиталъ на эту фабрикацію, не будетъ выдѣлено ни одного дюйма бархата, стало быть не будетъ и куплено ни одного дюйма его. Иначе будетъ развѣ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, желающій быть покупщикомъ бархата, желаетъ этого такъ сильно, что часть цѣны, которую заплатилъ бы за него, употребитъ на затрату для работниковъ, чтобы они могли заняться дѣланіемъ бархата, то есть когда онъ обратитъ часть своего дохода въ капиталъ и затратитъ этотъ капиталъ на выдѣлку бархата. Перевернемъ теперь гипотезу и предположимъ, что находится много капитала, готоваго выдѣлывать бархатъ, но нѣтъ запроса на бархатъ. Бархатъ тоже не будетъ выдѣлываться. Но со стороны капитала нѣтъ особеннаго предпочтенія къ выдѣлкѣ бархата передъ выдѣлкою чего-нибудь другаго. Фабриканты и ихъ работники производятъ не для удовольствія своихъ покупщиковъ, а для удовлетворенія собственныхъ надобностей; имѣя теперь капиталъ и трудъ, остающійся безъ занятія, то есть имѣя существенные элементы производства, они могутъ производить какой-нибудь иной товаръ, на который есть запросъ; а если нѣтъ посторонняго запроса ни на какой другой товаръ, они сами имѣютъ запросъ на извѣстные товары и могутъ производить вещи, нужныя имъ на собственное потребленіе. Такимъ образомъ занятіе, даваемое труду, зависить не отъ

бы, или пошли бы за границу суммы, взятыя этимъ займомъ, и все равно, на какое бы назначеніе ни пошли онѣ безъ этого займа, онъ ослабляетъ капиталъ страны на всю свою величину, составляетъ для страны столь же быстрое и столь же большое пожертвованіе, какое составилось бы взятіемъ этой суммы посредствомъ налога, и все равно ко всѣмъ этимъ случаямъ всѣ соображенія Чомерса прилагаются съ такою же силою, какъ прилагаются къ основному случаю, ко взятію займа изъ капитала, обращеннаго на производство въ самой странѣ. Но есть еще другое соображеніе, которое не выставлено у Милля и которое безусловнымъ образомъ дѣлаетъ путь займа несравненно разорительнѣйшимъ для націи, чѣмъ путь прямого требованія нужной суммы посредствомъ налога. Эта причина заключается въ томъ, что налогъ прямо и очевидно показываетъ странѣ величину пожертвованія, дѣлаемаго ею на непродвижительный расходъ, а заемъ прячетъ истину, обольщаетъ страну видимою легкостью пожертвованія, хотя въ сущности дѣлаетъ его еще тяжелее, и такимъ образомъ заводитъ обольщающуюся страну по пути разорительныхъ растратъ гораздо дальше, нежели рѣшилась бы она идти съ налогомъ. Крымская война стоила французскому правительству 1,721 миллионъ франковъ. Эта сумма была растратена менѣе, чѣмъ въ два года. Это сумма всѣхъ богатствъ, находящихся въ цѣлыхъ двухъ департаментахъ средней величины. Если бы передъ войною французское правительство и французская нація ясно понимали, что каждый годъ войны равносилентъ для нихъ потерѣ цѣлаго департамента, вѣроятно, они не такъ легко рѣшились бы на войну. Но подъ формою займа они, сами для себя незамѣтно, истребили эти 1,721 миллионъ, уничтожили два департамента.

покупщиковъ, а отъ капитала. Разумѣется, я теперь не беру въ соображеніе слѣдствій внезапной перемѣны. Если запросъ неожиданно прекращается, а товаръ на его удовлетвореніе уже произведенъ, этимъ вводится новый элементъ въ положеніе дѣла: капиталъ фактически потребленъ на производство товара, котораго никому не нужно; такимъ образомъ капиталъ погибъ и занятіе, которое онъ давалъ труду, кончилось,—не потому, что прекратился запросъ, а потому, что исчезъ капиталъ. Такимъ образомъ этотъ случай не служитъ повѣркою принципа, что запросомъ опредѣляется направленіе капитала. Настоящая повѣрка этого принципа дается гипотезою, что перемѣна происходитъ постепенно и предусматривается, что она не сопровождается потерей капитала, такъ что фабрикація прекращается просто тѣмъ, что машины не возобновляются, когда испортятся отъ употребленія, и деньги не затрачиваются вновь на фабрикацію, по мѣрѣ того какъ выручаются продажей продукта. Въ этомъ случаѣ капиталъ готовъ на новое занятіе и будетъ содержать въ немъ столько же труда, какъ прежде. Фабрикантъ и его рабочіе теряютъ выгоду искусства и знанія, пріобрѣтеннаго ими въ прежнемъ дѣлѣ и могущаго только отчасти пригодиться имъ въ новомъ дѣлѣ. Въ этомъ состоитъ потеря, наносимая обществу перемѣною. Но работники всетаки могутъ работать, и капиталъ, дававшій имъ занятіе, будетъ, оставаясь въ тѣхъ же рукахъ или перешедши займомъ въ другія руки, давать, въ какомъ-нибудь другомъ дѣлѣ, занятіе или тѣмъ же самымъ работникамъ, или такому же числу другихъ работниковъ.

Покупать продуктъ не значитъ давать занятіе труду; запросъ на трудъ состоятъ въ рабочей платѣ, предшествующей производству, а не въ какомъ бы то ни было запросѣ на товары, служащіе результатомъ производства, — эта теорема чрезвычайно нуждается въ наивозможно точнѣйшемъ разъясненіи. Неприготовленному взгляду она кажется парадоксомъ; даже изъ знаменитыхъ политико-экономовъ я не могу указать никого, кромѣ Рикардо и Сэ, кто постоянно и твердо помнилъ бы ее. Почти всѣ другіе по временамъ выражаются такъ, какъ будто бы человѣкъ, покупающій товары, продукты труда, даетъ занятіе труду и въ самомъ дѣлѣ создаетъ запросъ на трудъ—точно такъ же, какъ если бы онъ прямо покупалъ самый трудъ выдачею ему рабочей платы. Не удивительно, что политическая экономія развивается медленно, если такой вопросъ, встрѣчающійся на самомъ порогѣ ея, остается еще сомнительнымъ. Я полагаю, что если запросомъ на трудъ называть тотъ запросъ, которымъ возвышается рабочая плата или увеличивается число занятыхъ работниковъ, то запросъ на товары не составляетъ запроса на трудъ. Я думаю, что человѣкъ покупающій товары и потребляющій ихъ самъ, не приноситъ никакой пользы рабочему классу, а приноситъ пользу рабочему классу или увеличиваетъ сумму занятій для него человѣкъ только тѣмъ, что сберегаетъ отъ своего личнаго потребленія и расходуетъ на прямую плату работникамъ за ихъ трудъ.

Для лучшаго разъясненія этого принципа предположимъ слѣдующій случай. Потребитель можетъ расходовать свой доходъ на покупку личныхъ услугъ себѣ или товаровъ; употребить часть его на наемъ каменщиковъ для постройки дома, землекоповъ для устройства искусственныхъ прудовъ, работниковъ для устройства садовъ и парковъ; но вмѣсто того онъ можетъ расходовать такую же сумму на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, различны ли эти два способа его расходованія по отношенію къ интересамъ рабочихъ классовъ? Ясно, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ онъ даетъ занятіе работникамъ, которые останутся безъ занятія, или по крайней мѣрѣ безъ этого занятія во второмъ случаѣ. Писатели, противъ которыхъ я спорю, утверждаютъ,

что это все равно, потому что, покупая бархатъ и кружево, онъ также даетъ занятіе работникамъ, именно тѣмъ работникамъ, которые дѣлаютъ бархатъ и кружево. Я, напротивъ, говорю, что въ этомъ второмъ случаѣ онъ не даетъ занятія имъ, а опредѣляетъ, какимъ дѣломъ будетъ занимать ихъ ктонибудь другой. Потребитель не платитъ изъ своихъ суммъ поденную плату ткачамъ и кружевницамъ. Онъ покупаетъ готовый товаръ, уже произведенный трудомъ и капиталомъ, и трудъ этотъ оплачивался не имъ, капиталъ доставлялся не имъ, а фабрикантомъ. Предположимъ, что прежде онъ употреблялъ эту часть своего дохода на наемъ каменщиковъ, которые расходовали получаемую плату на пищу и на платье, — предметы, также производимые трудомъ и капиталомъ; но что теперь онъ вмѣсто прежняго употребленія обращаетъ свой доходъ на покупку бархата и кружева: онъ создаетъ этимъ увеличенный запросъ на нихъ. Этотъ запросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ прибавки въ ихъ продажномъ количествѣ, а она не можетъ быть произведена безъ прибавки капитала; откуда же возьмется эта прибавка капитала? Въ измѣненіи мыслей потребителя нѣтъ ничего такого, отчего капиталъ страны увеличился бы. Потому должно сказать, что увеличенному запросу на бархатъ нельзя было бы теперь удовлетворить, если бы то самое обстоятельство, которое породило увеличеніе въ запросѣ, не освободило точно того количества капитала, какое нужно на удовлетвореніе увеличенія въ запросѣ. Та самая сумма, которую употреблялъ теперь потребитель на покупку бархата, шла прежде въ руки каменщиковъ, расходовавшихъ ее на пищу и другіе предметы необходимости, а теперь остающихся безъ этихъ предметовъ или отрывающихъ ихъ своимъ соперничествомъ отъ тѣхъ долей, которыя шли на другихъ работниковъ. Такимъ образомъ трудъ и капиталъ, производившіе прежде предметы необходимости для этихъ каменщиковъ, лишены теперь своего рынка, должны искать себѣ другаго занятія, и находятъ его въ выдѣлкѣ бархата для новаго запроса. Я говорю не то, чтобы тотъ самый трудъ и капиталъ, который производилъ предметы необходимости, обратился на выдѣлку бархата; но тѣмъ или другимъ изъ сотни разныхъ путей они занимаютъ мѣсто труда и капитала, дѣлающаго бархатъ. Существующій капиталъ могъ дѣлать одно изъ двухъ: или ткать бархатъ, или производить предметы необходимости для каменщиковъ; дѣлать того и другаго вмѣстѣ онъ не можетъ. Отъ выбора потребителя зависѣло, которымъ изъ двухъ дѣлъ займется трудъ и капиталъ; если онъ выбираетъ бархатъ, предметы необходимости не производятся. Для лучшаго разъясненія перевернемъ гипотезу. Потребитель имѣлъ прежде привычку покупать бархатъ, но рѣшился отказаться отъ этого расхода и ежегодно употреблять прежнюю сумму на наемъ каменщиковъ. Если справедливо обыкновенное мнѣніе, противъ котораго я спорю, эта переменна въ характерѣ его расхода не даетъ новаго занятія труду, а только переноситъ занятіе отъ ткачей бархата къ каменщикамъ. Но, всмотрѣвшись ближе, мы увидимъ, что произошла прибавка къ суммѣ, идущей на вознагражденіе труда. Фабрикантъ бархата (предполагаемъ, что онъ замѣтилъ уменьшеніе запроса на свой товаръ) уменьшаетъ производство и освобождаетъ соотвѣтственную такому уменьшенію часть капитала, употреблявшася на выдѣлку бархата. Этотъ капиталъ, вынутый изъ продовольствованія ткачей бархата, не та сумма, которую покушникъ сталъ употреблять на продовольствованіе каменщиковъ; это вторая такая же сумма. Такимъ образомъ мы видимъ теперь двѣ суммы, обращающіяся на продовольствованіе и вознагражденіе труда, вмѣсто того, что прежде была только одна такая сумма. Тутъ не просто переносъ занятія отъ бархатныхъ ткачей къ каменщикамъ; тутъ, во первыхъ, создается новое занятіе для каменщиковъ, а, во вторыхъ, переносится

занятіе отъ ткачей бархата къ какимъ нибудь другимъ работникамъ, по всей вѣроятности, къ тѣмъ, которые производятъ пищу и другіе предметы, потребляемые каменщиками.

Конечно, можно возразить, что хотя деньги, расходуемые на покупку бархата, не составляютъ прибавки къ капиталу, но онѣ замѣняютъ капиталъ; что хотя онѣ не создаютъ новаго запроса на трудъ, но служатъ необходимымъ средствомъ для поддержанія существующаго запроса на трудъ. Скажутъ, что имущество фабриканта не можетъ быть прямо обращено на содержаніе труда, пока остается заключено въ бархатѣ; что оно начинаетъ составлять запросъ на трудъ только тогда, когда бархатъ проданъ и капиталъ, ушедшій на выдѣлку бархата, замѣненъ суммою, израсходованною покупщикомъ; изъ этого могутъ выводиться, что производитель бархата и покупатель бархата, взятые вмѣстѣ, имѣютъ не два капитала, а только одинъ капиталъ, который актомъ покупки переносится отъ покупателя къ фабриканту, и что если покупатель вмѣсто покупки бархата покупаетъ трудъ, онъ просто переноситъ этотъ капиталъ на другое дѣло, уничтожая этимъ ровно столько же запроса на трудъ въ одномъ дѣлѣ, сколько запроса на трудъ создаетъ въ другомъ дѣлѣ.

Тѣхъ посылокъ, изъ которыхъ выводится это заключеніе, я не отрицаю. Освободить капиталъ, который иначе остался бы заключенъ въ формѣ, непригодной на содержаніе труда, конечно, тоже самое по отношенію къ интересамъ работниковъ, какъ и создать новый капиталъ. Если я расходую 1,000 фунтовъ на покупку бархата, я даю фабриканту средство употребить 1,000 фунтовъ на содержаніе труда, который не могъ получить занятія, пока бархатъ оставался не проданъ, — это совершенная правда; и если бы бархатъ навсегда остался не проданъ, когда бы я не купилъ его, то, измѣняя свое намѣреніе и вмѣсто покупки бархата нанимая каменщиковъ, я, разумѣется, не создаю новаго запроса на трудъ; потому что, употребляя 1,000 фунтовъ на наемъ труда, я въ тоже время навсегда уничтожаю 1,000 фунтовъ, составлявшихъ капиталъ бархатнаго фабриканта. Но говорить объ этомъ фактѣ значитъ смѣшивать послѣдствія, протекajúщія чисто изъ внезапности перемѣны, съ послѣдствіями самой перемѣны. Если бы при прекращеніи покупки со стороны потребителя капиталъ, употребленный на выдѣлку бархата для этого потребителя, непременно долженъ былъ погибнуть, то расходованіе той же суммы со стороны потребителя на наемъ каменщиковъ было бы не созданіемъ новаго занятія, а только перемѣщеніемъ занятія. Но я говорю то, что новое занятіе, даваемое труду, будетъ дано только тогда, если капиталъ бархатнаго фабриканта *можетъ* освободиться, и что оно будетъ дано только тогда, когда онъ *освобождается*. Каждому извѣстно, что капиталъ, затраченный на извѣстное занятіе, можетъ быть вынутъ изъ него, если предоставляется на то достаточный срокъ. Если бархатный фабрикантъ получить предупрежденіе тѣмъ, что получаетъ заказъ меньше прежняго, онъ произведетъ бархата на 1,000 фунтовъ меньше прежняго и 1,000 фунтовъ изъ его капитала уже освобождаются этимъ. Если онъ не имѣлъ такого предувѣдомленія въ уменьшеніи заказовъ и если потому товаръ остается на его рукахъ, это увеличеніе непроданнаго товара заставитъ его на слѣдующій годъ приостановить или уменьшить свое производство, пока распродается излишній товаръ. По окончаніи этого оборота фабрикантъ найдетъ себя имѣющимъ такое же богатство какъ прежде, и средства его давать занятіе труду не уменьшатся, хотя часть его капитала употребится теперь на содержаніе труда не при такомъ занятіи, какъ прежде. Пока происходитъ это приспособленіе въ употребленіи капитала, запросъ на трудъ просто измѣняется, а не увели-

чвается; но когда оно уже произошло, запросъ на трудъ увеличился. Прежде былъ только одинъ капиталъ, употребляемый на содержаніе ткачей при выдѣлкѣ бархата на 1.000 фунтовъ; а теперь тотъ же самый капиталъ употребленъ на какое нибудь другое занятіе и кромѣ того еще 1,000 фунтовъ распредѣляется между каменщиками. Теперь два капитала употребляются на вознагражденіе двухъ массъ работниковъ; а прежде одинъ пзъ этихъ капиталовъ, капиталъ покупателя, служилъ только колесомъ въ механизмѣ, которымъ другой капиталъ (капиталъ фабриканта) давалъ изъ года въ годъ занятіе труду ²⁴).

Теорема, доказываемая мною, въ сущности равнозначительна выраженію, которое уму однимъ представится тріанзомъ, а уму другихъ парадоксомъ: человекъ приносить пользу работникамъ не тѣмъ, что потребляетъ на самого себя, а только тѣмъ, чего не потребляетъ самъ. Если я, вмѣсто расходованія 100 фунтовъ на дорогія вина или шелковыя матеріи, употребляю эти 100 фунтовъ на плату работникамъ или на подаванія, запросъ на товары въ обоихъ случаяхъ совершенно равенъ: въ первомъ случаѣ требуется на 100 фунтовъ винъ и матерій, во второмъ случаѣ то же на 100 фунтовъ требуется хлѣба, пива, рабочническаго платья, топлива и тому подобныхъ товаровъ; но во второмъ случаѣ работники страны имѣютъ на 100 фунтовъ больше продуктовъ, распредѣляющихся между ними. Я потребилъ на 100 фунтовъ меньше и передалъ работникамъ мою силу потребленія; сказать иначе значило бы сказать, что когда я потребилъ меньше прежняго, то не осталось больше прежняго на потребленіе другимъ, а это явное противорѣчіе. Когда производится прежнее количество продуктовъ, то продукты, отъ потребленія которыхъ отказывается одинъ, необходимо прибавляются къ долѣ тѣхъ, кому онъ передаетъ свои средства къ покупкѣ. Въ предполагаемомъ случаѣ нѣтъ необходимости, чтобы въ результатѣ мое потребленіе стало меньше прежняго; потому что работники, которымъ я даю плату, строятъ, можетъ быть, домъ для меня, или дѣлаютъ что нибудь другое для моего будущаго потребленія. Но дѣло въ томъ, что я отсрочилъ свое потребленіе и передалъ работникамъ часть моей доли изъ нынѣшнихъ продуктовъ общества. Если черезъ нѣсколько времени я получу для своего потребленія продуктъ во 100 фунтовъ, онъ получится не изъ нынѣшнихъ продуктовъ, а изъ будущей прибавки къ нимъ. Итакъ, изъ нынѣшнихъ продуктовъ я больше оставилъ на потребленіе другихъ, и эту оставшуюся отъ моего потребленія часть отдалъ въ руки работниковъ *).

²⁴) Правильнѣе было бы сказать: теперь два капитала, а прежде расходуемая покупателемъ сумма, обратившаяся теперь въ капиталъ, не служила капиталомъ, будучи обращена на непродуцительное потребленіе. Все дѣло именно въ томъ и состоитъ, что масса цѣнностей, не служившая прежде капиталомъ, обращается теперь въ капиталъ.

*) Слѣдующій случай, представляющій дѣло въ нѣсколько иной формѣ, можетъ еще больше разъяснить его.

Предположимъ, что богатый человекъ, А, ежедневно расходуетъ нѣкоторую сумму на плату работникамъ или на подаванія, которыя, тотчасъ по полученіи, расходуются и потребляются получившими въ видѣ хлѣба. А умиряетъ, оставляя свое имущество В, который прекращаетъ эту статью расхода, а вмѣсто того расходуетъ каждый день ту же сумму на тонкія блюда собственнаго стола. Я выбралъ такое предположеніе для того, чтобы оба случая были совершенно сходны во всѣхъ чертахъ, кромѣ черты, служащей предметомъ сравненія. Чтобы не затемнить существенныхъ фактовъ дѣла представимъ ихъ сквозь затуманивающую призму денежныхъ сдѣлокъ, предположимъ также, что А и его наслѣдникъ В владѣльцы помѣстья, въ которомъ производятся и хлѣбъ, потребляемый людьми, которымъ раздавалъ свои цѣнности А, и предметы роскоши, доставляемые на столъ В; и предположимъ, что рента этимъ владѣльцамъ платится натурою, сообразно тому предувѣдомленію, какое они даютъ о качествѣ продуктовъ имъ нужныхъ. Теперь спрашивается: дастъ-ли расходъ В столько же занятія или столько же пищи его небогатымъ сосѣдямъ, сколько давалъ расходъ А?

Мы видимъ, что запросъ, отложенный до окончанія дѣла, не дѣлающій никакой затраты на производство, а только уплачивающій за затраты, сдѣланныя другими, нисколько не составляетъ запроса на трудъ; сумма, израсходованная такимъ способомъ, не даетъ ровно никакого занятія труду, и по отношенію къ рабочему классу она все равно что вовсе не существуетъ: она не создаетъ и не можетъ создавать никакого за-

Изъ условій гипотезы, нами изложенной, слѣдуетъ, что при жизни А та часть дохода, которую онъ издерживалъ на рабочую плату или на подаяніе, бралась имъ съ фермы въ видѣ простонародной пищи и употреблялась въ пищу престоноардлю; напротивъ, его наслѣдникъ В потребуетъ вмѣсто такой пищи дорогіе съѣстные принасы па такую же цѣнность и они будутъ потребляться за его собственнымъ столомъ; потому фермеръ во время владѣнія В будетъ ежедневно производить простой пищи меньше прежняго, а дорогихъ съѣстныхъ принасовъ больше прежняго на эту сумму, и при владѣніи В па эту сумму уменьшится количество пищи, распределяемой между рабочими и небогатыми классами, сравнительно съ тѣмъ количествомъ, какое производилось и распределялось для нихъ во время А. Это будетъ сообразно съ принципамъ, изложенными въ текствѣ. Тотъ, кто не согласенъ съ нами, долженъ напротивъ предполагать, что предметы роскоши, требуемые владѣльцемъ В, будутъ производиться не вмѣсто хлѣба, доставшагося прежде работникамъ В, а сверхъ этого хлѣба, и что сумма продуктовъ помѣстья возрастетъ въ количествѣ. Но мы спросимъ, какимъ же образомъ произойдетъ это удвоенное производство, какимъ образомъ фермеръ, капиталъ и трудъ котораго были уже совершенно заняты при А, получатъ силу удовлетворять новымъ потребностямъ В, не производя другихъ вещей въ меньшемъ колпчествѣ? Единственный способъ, какой можно представить, состоитъ въ томъ, что онъ сначала произведетъ хлѣбъ, а потомъ, давъ этотъ хлѣбъ работникамъ, которыхъ прежде кормилъ А, произведетъ ихъ трудомъ предметы роскоши, требуемые В. Такъ дѣйствительно должны думать несогласные съ изложеннымъ въ текствѣ взглядомъ писатели, когда настойчиво потребуются чтобы они разъяснили свое понятіе о дѣлѣ. Но если такъ, само собою очевидно, что В долженъ до втораго года ждать своихъ предметовъ роскоши; а онъ требуетъ ихъ въ первый годъ. По первоначальнымъ условіямъ гипотезы онъ потребляетъ свой роскошный обѣдъ ежедневно съ перваго дня, и расходъ этотъ идетъ равномѣрно расходу порцій хлѣба, которая прежде А раздавалъ своимъ работникамъ. Нѣтъ времени, чтобы сначала произвести пищу работникамъ, а уже потомъ удовлетворить В: онъ и онъ не могутъ вмѣстѣ получить удовлетвореніе своимъ потребностямъ; онъ можетъ удовлетворить своему запросу на товары только тѣмъ, что оставить безъ удовлетворенія такое количество запроса работниковъ, какое прежде удовлетворилось изъ получаемаго имъ суммы.

Могутъ возразить, что время единственная вещь нужная на то, чтобы расходъ В сдѣлался совмѣстенъ съ занятіемъ работниковъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ при А, и что если такъ, то зачѣмъ же намъ не предположить, что В отлагаетъ свое личное потребленіе предметовъ роскоши до той поры, пока они могутъ быть доставлены ему трудомъ людей, работавшихъ для А? Могутъ сказать, что въ этомъ случаѣ В дастъ занятіе и пищу такому же количеству труда, какъ его предшественникъ. Конечно, онъ дастъ это количество, но почему дастъ его? Потому, что его доходъ станетъ издерживаться тѣмъ же самымъ способомъ, какъ издерживался доходъ его предшественника, — будетъ издерживаться на рабочую плату. А не обращалъ на свое личное потребленіе ту сумму, какую прямо платилъ работникамъ; В поступаетъ точно также, только не своими руками выдаетъ эту сумму работникамъ, а оставляетъ ее въ рукахъ фермера, чтобы онъ выдавалъ ее работникамъ. При такомъ предположеніи, В въ первый годъ, не расходуя самъ на себя этой суммы ни по способу А, ни по своему будущему способу, въ сущности сберегаетъ эту часть своего дохода и ссужаетъ ею фермера. И если въ слѣдующіе годы, ограничиваясь годичнымъ доходомъ, онъ оставляетъ въ рукахъ фермера эту прежнюю сумму, она становится прибавкою къ капиталу, на которую фермеръ можетъ постоянно занимать трудомъ и продовольствовать работниковъ А. Никто и не говоритъ, что такой переходъ отъ издерживанія дохода на плату за трудъ къ сбереженію этого дохода для затраты его въ видѣ капитала отнимаетъ занятіе у работниковъ. Мы говоримъ только то, что занятіе у работниковъ отнимается перемѣною, состоящую въ покупкѣ товаровъ на личное употребленіе вмѣсто наняванія работниковъ; объ этомъ и говорила наша первоначальная гипотеза.

Въ намѣхъ примѣрѣ предполагалось, что нѣтъ продажи и покупки, что не употребляются деньги. Но предположеніе, нами составленное, соответствуетъ дѣйствительному ходу дѣла во всемъ, кромѣ подробностей механизма. Вся страна цѣлой націи составляетъ въ сущности одну ферму и фабрику, изъ которой каждый членъ общества получаетъ свою опредѣленную часть продуктовъ, имѣя въ своихъ рукахъ известное число жетоновъ, называемыхъ фунтами стерлинговъ (рублями), которые, когда ему нужно, онъ возвращаетъ назадъ, обмѣнивая на какіе угодно ему товары въ размѣрѣ части продуктовъ, приходящей на его долю. Онъ не даетъ предувѣдомленій о томъ, какихъ вещей онъ потребуетъ, какъ даются эти предувѣдомленія въ нашей гипотезѣ. Но торговцы и производители сами имѣютъ возможность узнавать это изъ наблюденія, и каждая перемѣна въ запросѣ немедленно производитъ соответствующую перемѣну въ заготовкѣ продаваемыхъ вещей. Если потребитель вмѣсто издерживанія части своего дохода на рабочую плату станетъ въ тотъ же самый день (а не въ слѣдующій, не въ какой нибудь отдаленный день) издерживать эту часть на вещи для своего личнаго потребленія и будетъ держать этого новаго способа расходованія столько времени, что производство успеетъ приспособиться къ такой перемѣнѣ запроса, то, послѣ такой пере-

нятія для труда иначе, какъ черезъ уменьшеніе другаго уже существовавшаго занятія для труда *).

Запросъ на бархатъ дѣлаеть по отношенію къ занятію труда и капитала только то, что опредѣляетъ, какое количество прежде существовавшаго занятія должно быть обращено на извѣстный путь вмѣсто другихъ путей; но для производителей, уже занятыхъ выдѣлкою бархата, это обстоятельство имѣетъ величайшую важность. Для нихъ уменьшеніе запроса бываетъ дѣйствительною потерею, и хотя бы ни одинъ кусокъ пхъ товара не пропалъ окончательно непроданнымъ, эта потеря можетъ возвышаться до такой величины, что они найдутъ нужнымъ для избѣжанія большихъ потерь прекратить свое производство. Увеличеніе запроса даетъ имъ, напротивъ, средства расширять свои обороты, получать прибыль на большій капиталъ, если онъ есть у нихъ или можно имъ занять его; при быстрѣйшихъ оборотахъ своего капитала они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ или увеличатъ число ихъ. Такимъ образомъ, увеличеніе запроса на товаръ въ самомъ дѣлѣ часто имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что въ отдѣльной отрасли промышленности прежній капиталъ даетъ большее занятіе труду. Но ошибка состоитъ въ томъ, что не замѣчаютъ одного обстоятельства: эта выгода приносится труду и капиталу въ одной отрасли промышленности только отнятіемъ такой же выгоды у другой отрасли; а когда переимѣна произвела свое естественное дѣйствіе, привлекла къ извѣстному занятію лишній капиталъ, пропорціональный увеличившемуся запросу, прекращается выгода и для этого занятія.

Запросъ на товары имѣетъ важность собственно въ теоріи обмѣна, а не въ теоріи производства. Въ общей массѣ и въ постоянномъ ходѣ дѣлѣ вознагражденіе производителя происходитъ изъ производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и потомъ расходованіе денегъ на покупку другихъ товаровъ просто феномены обмѣна равнозначительныхъ цѣнностей для взаимнаго удобства. Правда, что раздѣленіе занятій служить однимъ изъ главныхъ средствъ увеличенія производительной силы труда и что поэтому обмѣнъ порождаетъ большое увеличеніе продуктовъ; но и съ этой стороны трудъ и капиталъ вознаграждаются производствомъ, а не обмѣномъ. Операцию обмѣна, ведется-ли она прямо, мѣною товара на товаръ, или посредствомъ денегъ, мы, все равно, должны представлять себѣ просто механизмъ, которымъ каждый вознагражденію за свой трудъ или за свой капиталъ даетъ ту особенную форму, которая наиболѣе пригодна для него; но никакъ мы не должны считать эту операцию источникомъ самаго вознагражденія.

10. Принципы, нами изложенные, обнаруживаютъ ошибочность множества повер-

мѣны въ производствѣ, страна будетъ производить пшеницу и другихъ товаровъ для употребленія работниковъ въ количествѣ меньшемъ прежняго на ту самую цѣнность, какую имѣютъ вновь потребовавшіяся предметы роскоши, и работники въ общей своей массѣ сгнутъ въ положеніе худшее прежняго пропорціонально этой суммѣ.—*Прим. авт.*

*) Вообще надобно только понять яснымъ образомъ основанія всякой теоремы, чтобы самому уже видѣть, какия ограниченія подлежатъ она. Есть случай, въ которомъ запросъ на товары можетъ создавать занятіе для труда: это бываетъ, когда работникъ уже и безъ того имѣетъ пропитаніе, но время у него не все занято пропитывающимъ дѣломъ. Работа, дѣлаемая въ часы досуга людьми, получающимъ средства изъ другаго источника, можетъ (какъ мы уже замѣчали) быть предпринимателемъ, не отвлекая отъ другихъ дѣлъ никакого капитала, кромѣ той (часто ничтожной) суммы, какая нужна на расходъ для покупки матеріаловъ и инструментовъ. Къ этому случаю основанія нашей теоремы не относятся, потому не относятся къ нему и самая теорема. Занятіе такого рода можетъ порождаться возникновеніемъ требованія на товаръ, не лишая труда соответствующей суммы занятія ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Но даже и въ этомъ случаѣ требованіе дѣйствуетъ на трудъ не иначе, какъ только черезъ посредство существующаго капитала: оно только даетъ капиталу побужденіе приводить въ дѣйствіе большее количество труда, чѣмъ прежде.—*Прим. авт.*

ностных силлогизмовъ и мнѣній, постоянно возрождающихся въ новыхъ формахъ. Напримѣръ: многіе, и въ томъ числѣ люди, отъ которыхъ слѣдовало бы ждать болѣе здраваго взгляда, утверждаютъ, что ошибочно доказательство въ пользу налога на доходы, говорящее, что онъ падаетъ на высшій и средній классы и шадитъ бѣдный классъ; нѣкоторые даже называютъ это доказательство обманомъ. Говорятъ, что налогъ на доходы, взявъ у богатыхъ то, что они израсходовали бы разными платежами бѣднымъ, вредитъ бѣднымъ столько же, какъ если бы прямо брался съ нихъ. Что сказать о такомъ мнѣніи, мы даже не знаемъ. Та часть суммъ, взимаемыхъ налогами съ богатыхъ, которая была бы сбережена и обращена въ капиталъ или хотя бы израсходована на содержаніе и плату служителямъ и другимъ разрядамъ непронизводительныхъ работниковъ, если бы не было налоговъ, — эта часть налоговъ дѣйствительно уменьшаетъ запросъ на трудъ и обращается во вредъ бѣднымъ; каждый налогъ на богатыхъ имѣетъ въ себѣ такую часть, производитъ въ большей или меньшей степени такое дѣйствіе; потому невозможно обложить богатыхъ такимъ налогомъ, изъ котораго бы никакая часть не могла упасть на бѣдныхъ. Но даже и тутъ остается вопросъ: когда правительство соберетъ налогъ, не употребитъ ли оно на прямую покупку труда столь же значительную часть его, какую употребили бы лица, заплатившія налогъ. А кромѣ того, остается въ налогѣ другая часть, которая, если бы не была уплачена правительству, была бы вся израсходована на товары (если же уплата налога произведена займомъ отъ капиталиста, къ этой части нужно даже прибавить и ту, которая была бы употреблена на плату за услуги). По принципамъ, нами изложеннымъ, видно, что вся эта часть налога окончательно падаетъ на богатыхъ и вовсе не падаетъ на бѣдныхъ. Когда мы будемъ говорить объ этой части налога, то надобно сказать, что взиманіе налога не производитъ никакого уменьшенія въ запросѣ на трудъ. Капиталъ, дававшій до налога занятіе работникамъ страны, остался и послѣ налога въ прежнемъ количествѣ и можетъ давать занятіе прежнему числу работниковъ. Количество продуктовъ, идущее на рабочую плату, или назначаемое на прокормленіе и одежду работниковъ, не уменьшилось въ своемъ размѣрѣ.

Если бы писатели, мнѣніе которыхъ я оспариваю, были справедливы, то невозможно было бы взять налогъ ни съ кого, кромѣ бѣдныхъ. Если брать налогъ изъ суммъ, расходуемыхъ на покупку продуктовъ труда, значитъ брать налогъ съ работниковъ, то рабочій классъ одинъ платитъ всѣ налоги. Но этимъ силлогизмомъ доказывается также и то, что вовсе нельзя взять налогъ съ работниковъ: налогъ будетъ израсходованъ или на плату за трудъ, или на товары, стало быть онъ весь возвратится къ работникамъ. Если такъ, налоги имѣютъ странное свойство: они не падаютъ ни на кого. По этому взгляду слѣдовало бы также, что можно безъ убытка для работниковъ взять у нихъ все, что они имѣли, и раздать другимъ членамъ общества. Вѣдь взятое у нихъ имущество тоже было бы „израсходовано на плату имъ“; а по взгляду, нами опровергаемому, полагается, что этимъ покрытъ весь ихъ убытокъ. Ошибка этихъ писателей происходитъ оттого, что они не смотрятъ прямо на дѣйствительныя явленія, а останавливаются только на видномъ механизмѣ денежныхъ платежей. Если мы посмотримъ не на судьбу денегъ, не на то, что происходитъ съ деньгами, которыя просто переходятъ изъ рукъ въ руки, а на то, что происходитъ съ товарами, которые идутъ въ употребленіе и потребляются, то мы увидимъ, что налогъ на доходы дѣйствительно уменьшаетъ потребленіе тѣхъ классовъ, съ которыхъ берется. Та сумма, на которую уменьшается отъ него ихъ потребленіе, берется дѣйствительно съ нихъ; этою своею

частью налогъ падаетъ дѣйствительно на нихъ. Она уплачивается тѣмъ, что безъ налога они обратили бы въ свое личное потребленіе. Наоборотъ, есть въ этомъ налогѣ часть, составляемая вычетомъ изъ того количества продуктовъ, которые безъ налога пошли бы на потребленіе рабочаго класса. Эта часть составляется тѣмъ, чего богатые не потребили бы сами, а сберегли бы на содержаніе производства или истратили бы на содержаніе и на плату непродуцительнымъ работникамъ: эта часть дѣйствительно берется съ бѣдныхъ. Но если правительство расходуетъ (и, вѣроятно, оно въ самомъ дѣлѣ расходуетъ) изъ налога на прямое занятіе труда (на ваемъ матросовъ, солдатъ, полицейскихъ служителей) не меньше того, сколько израсходовали бы лица, уплатившія налогъ, или если оно даже увеличиваетъ капиталъ страны уплатою государственнаго долга, то налогъ вовсе не отнимаетъ никакого занятія у рабочихъ классовъ, а, напротивъ, быть можетъ, даетъ имъ даже больше занятія, чѣмъ имѣли бы они безъ налога. Если такъ, то весь налогъ падаетъ исключительно на тѣ классы, съ которыхъ предполагалось взять его.

Изъ всей той части продуктовъ страны, которая дѣйствительно и буквально потребляется всѣми другими ея жителями на ихъ личныя потребности, ровно ни одна доля ни малѣйшимъ образомъ не продовольствуетъ труда. Потребленіе не служитъ ни на чью пользу, кромѣ того самаго человѣка, который потребляетъ. А человѣкъ не можетъ, самъ потребляя свой доходъ, передавать его на потребленіе другимъ. Когда часть дохода берется у человѣка налогомъ, это не можетъ составлять лишенія вмѣстѣ и для него, и для другихъ, а составляетъ лишеніе только *или* для него, *или* для другихъ. Чтобы узнать, кто потерпѣлъ лишеніе, мы должны узнать, чье потребленіе должно было сократиться отъ налога: кто бы ни былъ этотъ человѣкъ, потребленіе котораго сокращается, собственно онъ и есть то лицо, на которое дѣйствительно падаетъ налогъ.

ГЛАВА VI.

Оборотный и основной капиталъ.

Для дополненія нашихъ объясненій о капиталѣ необходимо сдѣлать нѣсколько замѣчаній о тѣхъ двухъ разрядахъ, на которые онъ обыкновенно раздѣляется. Различіе между ними замѣчается очень легко и мы часто касались его въ двухъ предыдущихъ главахъ, хотя и не употребляли терминовъ, обозначающихъ его. Теперь пора намъ опредѣлить эту разницу точнымъ образомъ и указать нѣкоторыя изъ ея послѣдствій.

Когда капиталъ затрачивается на производство какого-нибудь товара, часть затраченнаго капитала перестаетъ быть капиталомъ, будучи разъ употреблена въ дѣло. Она уже не можетъ содѣйствовать производству, но крайней мѣрѣ не можетъ содѣйствовать ему прежнимъ способомъ или не можетъ содѣйствовать прежнему производству. Такова, напримѣръ, часть капитала, состоящая изъ матеріаловъ. Сало и поташъ, изъ которыхъ дѣлается мыло, разъ пошедши въ дѣло, перестаютъ быть поташемъ и саломъ, и въ другой разъ уже не годятся на выдѣлку мыла, хотя въ новой своей формѣ мыла могутъ служить матеріаломъ или орудіемъ въ другихъ отрасляхъ фабрикаціи. Къ тому же классу надобно причислить часть капитала, идущую на рабочую плату, или потребляемую въ видѣ продовольствія работниковъ. Когда бумагопрядильный фабрикантъ заплатилъ часть своего капитала работникамъ, эта часть уже перестаетъ быть капиталомъ, по крайней мѣрѣ капиталомъ бумагопрядильнаго фабриканта; та доля

этой части, которую потребляют работники, уже вовсе перестаетъ быть капиталомъ; если даже сберегутъ они другую долю, ее скорѣе надобно считать новымъ капиталомъ, результатомъ второй операціи сбереженія. Капиталь, исполняющій такимъ способомъ въ одинъ только разъ все свое дѣло въ производствѣ, на которое обращенъ, называется оборотнымъ капиталомъ. Терминъ этотъ, не совершенно удобный, заимствованъ отъ того обстоятельства, что эту часть капитала надобно постоянно возобновлять продажей изготовленного продукта, а по возобновленіи постоянно приходится тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы, такъ что она исполняетъ свое дѣло, переходя изъ рукъ въ руки, а не оставаясь неподвижной²⁵⁾.

Другую и также очень большую часть капитала составляютъ орудія производства, имѣющія болѣе или менѣе прочный характеръ и производящія свое дѣло не тѣмъ, что тратятся, а тѣмъ, что остаются цѣлы; ихъ дѣятельность не истощается однимъ разомъ употребленія въ дѣло. Сюда принадлежатъ зданія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, называемыя инструментами. Прочность нѣкоторыхъ изъ нихъ очень велика и они продолжаютъ служить орудіями производства при повтореніи производительной операціи множество разъ. Къ этому классу надобно также причислить капиталъ, затраченный на прочныя улучшенія земли. Сюда принадлежатъ и капиталъ, разъ навсегда затрачиваемый въ началѣ предпріятія на приготовленіе возможности для слѣдующихъ операцій. Напримѣръ, устройство шахты для рудника, постройка каналовъ, дорогъ и доковъ. Можно было бы набрать еще много такихъ примѣровъ, но довольно и этихъ. Капиталь, существующій въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и возвращаемый продуктами въ теченіе продолжительнаго времени, называется основнымъ капиталомъ.

Нѣкоторые роды основнаго капитала требуютъ возобновленія черезъ опредѣленные или неопредѣленные сроки. Таковы всѣ инструменты, машины и зданія: по временамъ ихъ нужно возобновлять частями посредствомъ починокъ, а на послѣдокъ они совершенно изнашиваются, не могутъ уже служить какъ инструменты, машины, зданія и возвращаются въ разрядъ матеріаловъ. Въ другихъ формахъ, капиталъ не требуетъ полнаго возобновленія, если не подвергнется какому-нибудь чрезвычайному случаю: но все-таки и для этого капитала постоянно или хотя по временамъ нуженъ нѣкоторый расходъ, чтобы поддерживать его. Разъ будучи сдѣланъ, докъ или капаль не требуетъ, какъ машина, чтобы его потомъ дѣлали въ другой разъ, если его не разрушатъ преднамѣренно, если не засыплется онъ землетрясеніемъ или другою подобною катастрофою; но часто и постоянно нужно дѣлать расходъ на поддержаніе его въ исправности. Разъ будучи вырыты, шахты рудника не требуютъ, чтобы ихъ рыли въ другой разъ; но если

²⁵⁾ Вотъ Милль уже подстановляетъ понятіе денегъ вмѣсто понятія продуктовъ и матеріаловъ производства. Если мы не забудемъ, что дѣло собственно состоитъ не въ деньгахъ, а во всѣхъ разнообразныхъ вещахъ, нужныхъ для производства и только покупаемыхъ на деньги, то мы не скажемъ, что, „возобновивъ оборотную часть капитала, надобно тратить ее на покупку матеріаловъ и на выдачу рабочей платы“. Въдѣ капиталъ въ сущности вовсе не деньги, а матеріалы, инструменты, зданія и другія вещи, нужныя для производства; пока у насъ въ рукахъ только еще звонкая монета, у насъ еще нѣтъ капитала въ научномъ и единственномъ точномъ смыслѣ слова. Мы должны сказать: „возобновивъ оборотный капиталъ, надобно вновь постоянно расходовать его переработкою въ продуктъ одной его половины и раздачею другой половины работникамъ“. Это замѣчаніе относится только къ формѣ выраженія, но неточность выраженія показываетъ сбивчивость самыхъ понятій или по крайней мѣрѣ невнимательность къ охраненію ихъ въ ясности. Если угодно, можно сказать, что всѣ ошибки школы Смита происходятъ отъ этой смутности понятій: но мы увидимъ, къ какой неудовлетворительности ведутъ эти ошибки въ теоріи распределенія.

никто не принимает на себя издержку очищать рудникъ отъ воды, онъ скоро станеть не пригоденъ къ дѣлу. Самый прочный изъ всѣхъ основныхъ капиталовъ — капиталъ употребленный на увеличеніе производительности предметовъ и силъ природы, напри- мѣръ, на улучшеніе земли. Осушеніе болотъ или наводнявшихся мѣстъ, въ родѣ Бед- фордской Низменности, расширеніе побережья плотинами—это улучшения, производимыя на вѣчное время; но осушающія каналы и плотины требуютъ частыхъ поправокъ. Та- кой же характеръ прочности принадлежитъ улучшенію земли дренажемъ подпочвы, столь сильно увеличивающимъ производительность глинистыхъ почвъ; или удобреніемъ, дѣйствующимъ долго, то есть прибавленіемъ къ землѣ не тѣхъ веществъ, которыя вхо- дятъ въ составъ растений, потребляются ими, а тѣхъ, которыя просто измѣняютъ отно- шенія почвы къ воздуху и водѣ, напри- мѣръ, песка и извести къ тяжелымъ почвамъ, глины и мергеля къ легкимъ. Но даже такія работы для сохраненія полного своего дѣйствія требуютъ по временамъ нѣкотораго расхода, хотя, быть можетъ, очень не- большого.

Тѣмъ самымъ, что заслуживаютъ имени улучшеній, эти работы говорятъ, что даютъ увеличеніе продукта, которое за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, нужныхъ для ихъ поддержанія, оставляетъ излишекъ. Этотъ излишекъ служитъ выручкою за капиталъ, употребленный на первоначальную работу; онъ не прекращается обветшаніемъ механизма, какъ выручка отъ машинъ, а продолжается навсегда. Возвысившись въ своей произво- дительности этимъ способомъ, земля имѣетъ на рынкѣ цѣнность пропорціональную уве- личенію ея производительности; потому капиталъ, употребленный на улучшеніе земли, обыкновенно считаютъ продолжающимъ существовать въ увеличенной цѣнности земли. Однако, надобно помнить сущность дѣла. Этотъ капиталъ, подобно всякому другому капиталу, потребился. Онъ потребился содержаніемъ работниковъ, дѣлавшихъ улучше- нія, и порчею инструментовъ, помогавшихъ работѣ; но онъ былъ потребленъ произво- дительно и оставилъ прочный результатъ въ увеличенной производительности земли, части природы, обращенной въ собственность. Увеличенный продуктъ этой земли можно назвать общимъ результатомъ земли и капитала, положеннаго въ землю. Но этотъ капи- таль, будучи въ сущности потребленъ, не можетъ быть вынутъ изъ земли, потому его производительность неразрывно связана съ производительностью первобытныхъ качествъ почвы и вознагражденіе за пользованіе имъ уже зависитъ не отъ законовъ, управляю- щихъ выручкою за трудъ и капиталъ, а отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ до- ходомъ отъ предметовъ и силъ природы. Качества этихъ законовъ мы рассмотримъ ниже (книга II, глава 16. Рента).

2. Результаты дѣйствій оборотнаго и основнаго капитала очень различны по от- ношенію къ валовому доходу страны. Оборотный капиталъ, употребляясь въ дѣло, од- нымъ разомъ или вовсе теряетъ характеръ капитала или по крайней мѣрѣ пропадаетъ для прежняго владѣльца; продуктъ, даваемый этимъ однимъ разомъ его употребленія, служитъ владѣльцу единственнымъ источникомъ возстановитъ капиталъ или получить вознагражденіе за его затрату на производство; разумѣется, продуктъ долженъ быть до- статоченъ для этого, иначе говоря, результатомъ одной операціи должно быть воспро- изведеніе, равное всей суммѣ употребленнаго въ ней оборотнаго капитала съ прибав- кою прибыли. Въ этомъ нѣтъ необходимости для основнаго капитала. Машина, напри- мѣръ, не совершенно потребляется одною операціею, и нѣтъ необходимости, чтобы пол- ная выручка за машину давалась продуктомъ одной операціи. Машина удовлетворяетъ намѣренію своего владѣльца; если въ каждую операцію она даетъ столько, чтобы по-

крыть издержку поправки ея за это время, покрыть порчу въ цѣнности ея за тотъ же періодъ и за этими вычетами дать еще излишекъ, могущій составлять прибыль обыкновеннаго размѣра на всю цѣнность машины.

Изъ этого слѣдуетъ, что всякое увеличеніе основнаго капитала должно быть, если не навсегда, то на время, вредно для работниковъ, когда происходитъ на счетъ оборотнаго капитала. Это относится не къ однимъ машинамъ, но и ко всѣмъ улучшеніямъ, на которыя капиталъ употребляется безвозвратно, такъ что уже навсегда становится неспособенъ содержать и вознаграждать трудъ. Предположимъ, что владѣлецъ земли самъ, будучи фермеромъ своего номѣстья, воздѣлываетъ его капиталомъ въ 2,000 кварталеровъ хлѣба, употребляемымъ на годичное содержаніе работниковъ (для простоты, мы опускаемъ орудія и сѣмена на посѣвъ); положимъ, что трудъ ихъ производить ему ежегодно 2,400 кварталеровъ,—это составляетъ прибыль въ 20%. Предположимъ, что онъ ежегодно потребляетъ эту прибыль, ведя свои операціи изъ года въ годъ на первоначальный капиталъ въ 2,000 кварталеровъ. Положимъ теперь, что, расходуя половину этого капитала, онъ производитъ въ своей землѣ прочное улучшеніе, которое исполняется половиною его работниковъ и занимаетъ ихъ въ теченіе года, а по истеченіи года ему на обработку земли нужна будетъ только половина прежняго числа работниковъ. Остатокъ своего капитала онъ употребляетъ по прежнему. Въ первый годъ нѣтъ никакой разницы въ положеніи работниковъ, кромѣ того, что часть ихъ прежнее свое вознаграженіе получила за передѣлку въ землѣ, а не за распашку, посѣвъ и жнитво, какъ прежде. Но по окончаніи года владѣлецъ, сдѣлавшій улучшеніе, не имѣетъ капитала въ 2,000 кварталеровъ, какъ прежде: только 1,000 кварталеровъ его капитала воспроизведены по прежнему,—у него теперь только эти 1,000 кварталеровъ и улучшеніе, сдѣланное въ землѣ. На слѣдующій годъ и потомъ во всѣ будущіе годы онъ будетъ употреблять только половину прежняго числа работниковъ и будетъ раздавать имъ только половину прежняго количества хлѣба. Потеря скоро будетъ заглажена для нихъ, если улучшенная земля съ уменьшеннымъ количествомъ труда производитъ прежніе 2,400 кварталеровъ хлѣба, потому что такое громадное увеличеніе прибыли, вѣроятно, расположитъ владѣльца сберегать часть ея, прибавлять сбереженное къ капиталу и черезъ это увеличивать занятіе, даваемое имъ труду. Но очень можетъ быть, что этого и не будетъ. Мы предполагаемъ, что улучшеніе вѣковѣчно и расходы на его поддержку такъ малы, что не стоить брать ихъ въ расчетъ; въ такомъ случаѣ владѣлецъ много уже выиграетъ отъ улучшенія, если земля стала давать не 2,400 кварталеровъ, а 1,500 кварталеровъ, потому что за вычетомъ 1,000 кварталеровъ на возобновленіе составляющихъ вынѣ его оборотный капиталъ, у него будетъ прибыль въ 25% на весь основной и оборотный капиталъ, вмѣсто прежней прибыли въ 20%. Итакъ, улучшеніе можетъ быть очень выгоднымъ для него, будучи очень вреднымъ для работниковъ.

Предположеніе съ этими условіями—гипотеза чисто идеальная или приложимая развѣ только къ такому случаю, какъ обращеніе пахотной земли въ пастбище,—дѣло, бывшее прежде въ большомъ употребленіи, но почитаемое нынѣшними агрономами за шагъ назадъ, а не впередъ. Результатъ нынѣшнихъ земледѣльческихъ улучшеній, по крайней мѣрѣ тѣхъ улучшеній, которыя обращены на самую почву *), состоитъ въ томъ, что они вовсе не уменьшаютъ, а, напротивъ, увеличиваютъ валовой продуктъ. Но для сущности вопроса, нами излагаемаго, это все равно. Предположимъ, что улучшеніе не дѣйствуетъ тѣмъ способомъ, какъ

*) Разница этихъ улучшеній отъ тѣхъ, которыя производятся не въ самой почвѣ, а въ способахъ воздѣлыванія, изложена ниже, кн. I, глава 12, § 3.—Прим. авт.

мы прежде предполагали, что оно не даст возможность уменьшить количество труда, какое прежде прилагалось къ землѣ, а только даетъ средство тому же труду произвести больше продуктовъ. Предположимъ также, что есть потребность и найдутся покупатели на все это большее количество продуктовъ, которое можно получать изъ земли прежнимъ количествомъ труда. Въ такомъ случаѣ, владѣльцу сдѣлавшему улучшение, будетъ нужно прежнее количество работниковъ, получающихъ прежнюю плату. Но гдѣ же у него будутъ средства платить имъ? У него уже нѣтъ прежняго капитала въ 2,000 кварталеровъ на эту надобность. 1,000 кварталеровъ исчезли, потреблены на производство улучшения. Если ему нужно имѣть прежнее количество работниковъ, давать имъ прежнюю плату, онъ долженъ занять или получить изъ какого нибудь другаго источника 1,000 кварталеровъ на пополненіе недочета. Но эти 1,000 кварталеровъ уже содержали или предназначались содержать такое же количество труда. Они не вновь созданы, ихъ назначеніе только перешло отъ одного производительнаго употребленія къ другому; владѣлецъ помѣстья пополнилъ недочетъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ, но убыль, нанесенная оборотному капиталу націи, осталась непополненною.

Аргументъ, на который опираются почти все писатели, утверждающіе, что машины никогда не могутъ вредить рабочему классу, состоитъ въ томъ, что машины, удешевляя производство, создаютъ сильное увеличеніе въ запросѣ на товаръ, въ скоромъ времени дающее возможность находить занятіе въ его производствѣ большому числу людей, чѣмъ прежде. По моему, этотъ аргументъ не имѣетъ силы, обыкновенно приписываемой ему. Правда, фактъ, имъ указываемый, часто бываетъ справедливъ (хотя аргументъ приписываетъ ему слишкомъ безысключительный характеръ). Правда, вмѣсто перепшечниковъ, лишенныхъ занятія изобрѣтеніемъ книгопечатанія, скоро явился болѣе многочисленный классъ наборщиковъ и печатальщиковъ; число людей, занятыхъ хлопчатобумажнымъ производствомъ, теперь во много разъ больше, нежели было до изобрѣтенія Гаргривса и Аркрайта; это показываетъ, что сверхъ громаднаго основнаго капитала, положеннаго на хлопчатобумажныя фабрики, хлопчатобумажное производство употребляетъ оборотный капиталъ, гораздо значительнѣйшій прежняго. Но если этотъ капиталъ былъ вынуть изъ другихъ занятій, если суммы, занявшія мѣсто капитала, положеннаго на дорогой механизмъ, были доставлены не увеличеніемъ сбереженій, произшедшимъ изъ усовершенствованій, а заимствованіемъ изъ общаго капитала страны, то какая же польза рабочимъ классамъ отъ этого простаго перенесенія капитала? Чѣмъ вознаградилась потеря, понесенная ими отъ превращенія оборотнаго капитала въ основной, когда просто передвинулась въ новое занятіе отъ прежнихъ занятій часть остальнаго оборотнаго капитала²⁶⁾?

²⁶⁾ Эти задачи не просто предлагаются въ формѣ вопросовъ, онѣ до сихъ поръ и остаются вопросами, онѣ еще не рѣшены; а между тѣмъ отъ нихъ-то и зависитъ сила аргумента, противопоставляемаго мнѣнію о вредномъ вліяніи машинъ на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ. Положеніе дѣла таково. Прогрессивная школа говоритъ: „Изъ принциповъ, доказанныхъ теоріею Смита, слѣдуетъ, что само по себѣ замѣненіе ручнаго производства машиннымъ убыточно дѣйствуетъ на рабочую плату. Чтобы уравнивать хотя со временемъ эту потерю для работниковъ, надобно произведеніе новаго оборотнаго капитала. Докажите, что онъ дѣйствительно произведенъ, напримѣръ, въ хлопчато-бумажной фабрикаціи; только тогда годятся ваши аргументы, заимствуемые отъ удешевленія каленкора и увеличенія числа работниковъ въ Манчестерѣ. Пока вы не представите этого доказательства, надобно думать, что хотя работниковъ стало больше, но положеніе ихъ стало хуже, — это прямое слѣдствіе общаго закона, открытаго теоріею Смита“. Нѣтъ, говоритъ школа Смита, этотъ случай (и всякій другой случай замѣненія ручнаго производства машиннымъ) служитъ исключеніемъ изъ общаго принципа (который такимъ

По моему понятію, всѣ попытки доказать, что рабочіе классы въ общемъ своемъ составѣ *не могутъ* временно страдать отъ введенія машинъ или отъ положенія капитала на постоянное усовершенствованіе, непремѣнно обманчивы. То, что работники страдаютъ въ той отрасли промышленности, въ которой происходитъ эта перемѣна, очевидно для простаго здраваго смысла, и съ этимъ политико-экономы вообще согласны. Но часто они говорятъ, что если отнимается занятіе у труда въ одной отрасли, точно такое же количество занятія открывается ему въ другихъ отрасляхъ, потому что сумма, собираемая потребителями по удешевленію одного товара, даетъ имъ средство увеличить свое потребленіе въ другихъ товарахъ, и такимъ образомъ увеличиваетъ запросъ на другіе роды труда. Это аргументъ очень благовидный, но, какъ мы показали въ предыдущей главѣ, онъ заключаетъ въ себѣ обманъ: запросъ на товары совершенно не то, что запросъ на трудъ. Правда, у потребителей увеличились теперь средства покупать другія

образомъ выставляется просто бездѣйствующимъ закономъ, что случается въ юриспруденціи, но не въ природѣ, въ законахъ, исполненіе которыхъ зависитъ отъ человеческой внимательности и охоты, а не отъ силъ природы, не отъ качествъ самыхъ вещей).—„Докажите это, говоритъ прогрессивная школа:—кто утверждаетъ, что общій законъ не оказываетъ вліянія на данный случай, долженъ показать, почему же этотъ случай составилъ исключеніе изъ общаго правила“.—Доказательствъ школа Смита не представляетъ, а продолжаетъ твердить прежнее: „Нѣтъ, повѣрьте, это, исключеніе (да какъ же вѣрять безъ всякихъ оснований?) при томъ числѣ работниковъ увеличилось (да это не идетъ къ дѣлу, дѣло не въ томъ, увеличилось или уменьшилось число работниковъ, а въ томъ, лучше или хуже стало ихъ положеніе); да успокойтесь; да не ропщите; да чего вы хотите?“—Чего хотятъ прогрессивные люди, это пока не относится къ дѣлу; дѣло пока въ томъ, какъ дѣйствуютъ машины на рабочую плату при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ. По принципу теории Смита, онѣ дѣйствуютъ вредно. Школѣ Смита угодно утверждать: нѣтъ, не вредно, а полезно; ее просятъ заняться изслѣдованіемъ фактовъ; она этого не дѣлаетъ. Факты по вопросу о дѣйствіи машинъ Аркрайта и Гартривса на рабочій классъ нужно изслѣдовать по крайней мѣрѣ хотя слѣдующіе:

1) Сто лѣтъ назадъ, масса народа въ Англіи носила льняное и шерстяное бѣлье и платье вмѣсто нынѣшняго хлопчато-бумажнаго; надобно узнать, теплѣе ли стала одежда массы отъ этой перемѣны, меньше ли стало прорѣхъ и заплатъ въ этой одеждѣ?—Это не изслѣдовано.

2) Уничтожилась домашняя выдѣлка льняныхъ и шерстяныхъ тканей въ Англіи,—выгодно ли это было для семействъ, которыя отказались отъ такой выдѣлки, или по невозможности продолжать ее, или по ослабленію въ нихъ привычки употреблять въ праздности часы, остающіеся отъ фабричной работы?—Не изслѣдовано.

3) Воздѣлываніемъ льна и шерсти занимались свободные люди въ Англіи или на континентѣ Европы; теперь вмѣсто ихъ продуктовъ, вмѣсто льна и шерсти, требуется матеріалъ, производимый рабскимъ трудомъ въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки: выгодна ли для Англіи, европейскаго континента и самой Америки замѣна свободнаго труда рабскимъ? Безъ Манчестера, рабство въ Сѣверной Америкѣ давно уничтожилось бы. Выгодно ли, что оно напротивъ очень сильно развилось?—Абсолютноисты говорятъ, что это убыточно для Сѣверной Америки и всего человеческого рода, и представляютъ доказательства. Экономисты говорятъ: это можетъ быть негуманно, но это выгодно; если бы не было выгодно, не развилось бы. Имъ возражаютъ: по вашей собственной теории, выгода малочисленнаго сословія можетъ быть убыткомъ для націи; если невольничій трудъ развивается, это показываетъ только, что онъ выгоденъ для плантаторовъ, но не показываетъ, чтобы онъ былъ выгоденъ для націи; по вашей собственной теоріи, невольничій трудъ убыточенъ для націи.—Нѣтъ, говорятъ они, тутъ онъ выгоденъ.—Докажите, изслѣдуйте вопросъ, говорятъ имъ.—Они оставляютъ вопросъ безъ изслѣдованія, и продолжаютъ говорить прежнее.

Итакъ, вотъ общій очеркъ дѣла: по общему закону доказано, что должно происходить отъ даннаго факта извѣстное явленіе. Нѣтъ, оно не происходитъ, говорятъ экономисты. Докажите, что не происходитъ, говорятъ имъ. Нѣтъ, доказывать мы не умѣемъ, а просто говоримъ, что вы вредные люди, отвѣчаютъ они. Вѣрны ли такіе господа духу теоріи Адама Смита, который хотѣлъ, чтобы все было изслѣдовано, взвѣшено, измѣрено? Это произволь, это фантазія оптимизма, это застой рутинны. это все, что вы хотите, можетъ быть и очень хорошее (вѣдь, можетъ быть, произволь-оптимизмъ, рутинна—вещи очень хорошія, по крайней мѣрѣ такъ утверждаютъ многие), но это не наука, это не изслѣдованіе истины.

вещи; но это еще не создаетъ другихъ вещей, если нѣтъ капитала на ихъ производство, а усовершенствованіе не освободило никакого капитала, можетъ быть даже поглотило его изъ другихъ занятій; поэтому, вовсе не произойдетъ предполагаемаго увеличенія производства и занятія труда въ другихъ отрасляхъ, и увеличеніе запроса на товары со стороны нѣкоторыхъ потребителей уравнивается прекращеніемъ запроса со стороны другихъ, именно со стороны работниковъ, лишившихся занятія отъ усовершенствованія: они теперь или вовсе остаются безъ продовольствія, или получаютъ его, путемъ соперничества или путемъ благотворительности, черезъ отдѣленіе части изъ того, что прежде потреблялось другими.

3. Однакожь, я не думаю, чтобы въ дѣйствительности усовершенствованія часто бывали (если только когда нибудь бываютъ) даже временнымъ образомъ вредны рабочему классу во всей его массѣ. Они были бы вредны, если бы внезапно происходили въ большомъ размѣрѣ,—тогда значительная часть капитала, полагаемаго въ нихъ, по необходимости бралась бы изъ суммъ, уже служившихъ оборотнымъ капиталомъ. Но усовершенствованія всегда вводятся очень постепенно, и рѣдко дѣлаются или никогда не дѣлаются на капиталъ, извлекаемый изъ существующаго производства, а совершаются обращеніемъ на нихъ возрастанія капитала. Едва ли можно найти хотя одинъ примѣръ значительнаго увеличенія основнаго капитала въ такомъ мѣстѣ и въ такое время, когда не возрасталъ бы быстро и оборотный капиталъ. Не въ бѣдныхъ и не въ отсталыхъ странахъ дѣлаются большія и дорогія усовершенствованія въ производствѣ. Класть капиталъ въ землю для постоянной выручки, вводить дорогія машины,—это дѣла, заключающія въ себѣ пожертвованіе настоящими выгодами для отдаленныхъ, и показывающія, во-первыхъ, довольно полную безопасность собственности, во-вторыхъ, значительную дѣятельность въ промышленной предпримчивости, въ-третьихъ, высокую степень такъ называемаго „дѣятельнаго стремленія къ накопленію“; всѣ эти три обстоятельства—элементы быстрого общественнаго прогресса въ увеличеніи капитала. Потому мы говоримъ: рабочіе классы должны страдать, если увеличеніе основнаго капитала такъ сильно и быстро, что замедляетъ то обыкновенное возрастаніе оборотнаго капитала, къ которому приспособилось обычное возрастаніе населенія,—и тѣмъ болѣе должны страдать, если возрастаніе основнаго капитала происходитъ на счетъ оборотнаго; но въ дѣйствительности, очень трудно ждать этого, потому что вѣроятно нѣтъ страны въ которой основной капиталъ возрасталъ бы въ пропорціи болѣе быстрой, чѣмъ оборотный. Если бы всѣ желѣзныя дороги, получившія утвержденіе парламента во время спекулятивной горячки 1845 года, были построены въ сроки, назначенные для ихъ окончанія, эта неправдоподобная случайность, вѣроятно, произошла бы; но тогдашній оборотъ дѣла именно и служилъ поразительнымъ примѣромъ трудностей, представляющихъ обращенію на новый путь значительной части капитала, уже пошедшей по извѣстному пути,—трудностей, вообще имѣющихъ такую силу, что предприятия, требующія затраты основнаго капитала, не могутъ развиваться съ такою быстротою, чтобы исцупать источники существующаго употребленія капитала на содержаніе труда.

Къ этимъ соображеніямъ надобно прибавить, что если бы усовершенствованія даже и уменьшали на время массу продуктовъ общества и его оборотный капиталъ, то они все-таки ведутъ къ увеличенію массы продуктовъ и оборотнаго капитала. Они увеличиваютъ выручку на капиталъ; выгода отъ этого увеличенія должна по необходимости идти или капиталисту, черезъ увеличеніе прибыли, или потребителю черезъ пониженіе цѣны; въ томъ и въ другомъ случаѣ, она увеличиваетъ фондъ, изъ котораго

дѣлается сбереженіе, а увеличеніе прибыли кромѣ того служить усиленіемъ побужденій къ накопленію. Въ представленномъ нами примѣрѣ, когда непосредственнымъ результатомъ усовершенствованія было уменьшеніе валоваго продукта съ 2,400 кварталовъ на 1,500 кварталовъ, прибыль капиталиста все-таки увеличилась отъ 400 кварталовъ до 500 кварталовъ; прибавка 100 кварталовъ прибыли въ нѣсколько лѣтъ возстановитъ 1,000 кварталовъ уменьшенія въ оборотномъ капиталѣ владѣльца, если онъ будетъ постоянно сберегать ее. А расширеніе оборотовъ, бывающее почти непремѣннымъ слѣдствіемъ усовершенствованій въ каждой отрасли производства, даетъ человѣку, занимающемуся ею, сильное побужденіе увеличивать капиталъ; потому при медленности, съ которою обыкновенно вводятся усовершенствованія, значительная часть капітала, окончательно поглощаемого улучшеніемъ, берется изъ увеличенія прибыли и увеличенія сбереженій, производимаго самымъ этимъ усовершенствованіемъ.

Стремленіе усовершенствованій производства вызывать увеличеніе накопленія и черезъ это въ результатѣ увеличивать валовой продуктъ, хотя бы онъ временно и уменьшался,—это стремленіе представится намъ въ еще сильнѣйшемъ характерѣ, когда мы увидимъ, что есть опредѣленные границы и накопленію капитала и увеличенію производства, получаемого отъ земли, что по достиженіи этихъ границъ всякое дальнѣйшее увеличеніе массы продуктовъ должно останавливаться, и что усовершенствованія въ производствѣ, каковы бы ни были другія ихъ послѣдствія, всегда стремятся отодвинуть ту или другую изъ этихъ границъ; эти истины представятся намъ совершенно ясными въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, которое будетъ накапливаться въ пзвѣстной странѣ и больше котораго не можетъ въ ней накапливаться, а также и количество валоваго продукта, которое будетъ въ ней производиться и больше котораго не можетъ въ ней производиться, зависить отъ состоянія производительныхъ искусствъ этой страны въ данное время; мы увидимъ, что всякое усовершенствованіе, хотя бы на время даже уменьшало оборотный капиталъ и валовой продуктъ, въ результатѣ открываетъ путь увеличенію оборотнаго капитала и валоваго продукта до размѣровъ безъ того невозможныхъ. Этимъ окончательно пресѣкаются возраженія противъ машинъ; и мы въ слѣдствіи (книга IV, глава 5) увидимъ, что эти истины даютъ безспорное доказательство тому, что даже при нынѣшнемъ состояніи общества механическія изобрѣтенія въ результатѣ приносятъ пользу работникамъ. Но этимъ не снимается съ правительствъ обязанность облегчать и, если возможно, предупреждать бѣдствія, которымъ подвергается или можетъ подвергаться существующее поколѣніе отъ этого дѣла, полезнаго въ окончательномъ результатѣ. Если положеніе капітала на машины или полезныя сооруженія шло бы когда нибудь въ такой пропорціи, что чувствительно уменьшало бы массу продуктовъ, на которые содержится трудъ, то законодательная власть была бы обязана принять мѣры для нѣкотораго уменьшенія этой быстроты; а такъ какъ усовершенствованія, не уменьшающія массы занятій для труда въ цѣломъ его составѣ, почти всегда лишаютъ занятій какой нибудь отдѣльный классъ работниковъ, то для стараній законодательной власти самымъ законнымъ предметомъ служить забота объ интересахъ людей, приносимыхъ такимъ образомъ въ жертву для выгодъ своихъ согражданъ и потомства ²⁷⁾.

²⁷⁾ Читатель видитъ, какъ далека неискаженная теорія Смита даже въ нынѣшнемъ своемъ положеніи отъ поклоненія тому воззрѣнію, которое извѣстно подъ именемъ системы *laisser faire, laisser passer*, отъ безусловнаго принятія принципа о невмѣшательствѣ законодательной власти въ экономическія дѣла. Полное развитіе не.

Возвращаясь къ теоретическому подраздѣленію капитала на основной и оборотный, мы должны замѣтить, что при понятіи о капиталѣ, какъ о всей суммѣ богатства, назначеннаго на воспроизведеніе, встрѣчаются такіе элементы капитала, которые не совсѣмъ подходятъ, ни подъ опредѣленіе основнаго капитала, ни подъ опредѣленіе оборотнаго капитала; это надобно сказать, напримѣръ, о запасѣ пзготовленныхъ товаровъ, которые мануфактурнсть или торговецъ имѣеть въ данное время непроданными въ своихъ кладовыхъ. Но эти запасы, будучи капиталомъ по своему назначенію, еще не сдѣлались капиталомъ по фактической своей дѣятельности: запасъ непроданныхъ товаровъ еще не пошелъ на производство; для этого ему надобно сначала быть проданнымъ или обмѣненнымъ, т. е. обращеннымъ въ другіе товары равномѣрной цѣнности; потому этотъ запасъ не сталъ еще ни основнымъ, ни оборотнымъ капиталомъ, но онъ станетъ основнымъ или оборотнымъ, или распредѣлится между этими двумя назначеніями. Частью выручки за свои изготовленные товары фабрикантъ будетъ платить своимъ работникамъ, другою частью возобновить запасъ матеріаловъ для своей фабрикаціи, третью частью изготовить для фабрикаціи новыя или поправить старыя зданія и машины; но сколько изъ выручки пойдетъ на какое изъ этихъ назначеній зависитъ отъ характера фабрикаціи и отъ ея потребностей въ данную минуту.

Надобно также замѣтить, что часть капитала, потребляемая въ формѣ посѣва или матеріала, относится къ части его, идущей на содержаніе труда, точно такъ же, какъ основной капиталъ, хотя имѣеть съ основнымъ капиталомъ ту разницу, что должна быть восстанавливаема изъ валоваго продукта одного оборота производства. Сумма, расходуемая на матеріалъ, отнимается отъ содержанія и вознагражденія работниковъ, подобно суммѣ, полагаемой въ машину; и если бы капиталъ, расходуемый на рабочую плату, былъ обращенъ на матеріалъ, результаты этой перемѣны были-бы такъ же вредны работникамъ, какъ если-бы онъ обращался въ основной капиталъ. Но этого случая никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Стремленіе усовершенствованій производства всегда состоитъ въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи расхода посѣва или матеріала на данное количество продукта и работники никогда не могутъ бояться ущерба своимъ интересамъ отъ этой стороны дѣла.

искаженныхъ понятій объ этомъ вопросѣ по Смитовской теоріи составляетъ послѣднюю (V книгу) трактата Милля. До той поры онъ касается отношеній правительства къ экономической дѣятельности почти всегда только мимоходомъ (впрочемъ и въ четырехъ первыхъ книгахъ довольно большія изслѣдованія этой задачи представляются у него по нѣкоторымъ частнымъ предметамъ, напримѣръ, по рентѣ, по принадлежности земли самимъ землепашцамъ и по наслѣдству). Слѣдуя въ своихъ дополненіяхъ порядку его изложенія, мы также оставимъ до V книги развитіе принимаемыхъ нами понятій объ экономической функціи законодательства. Здѣсь замѣтимъ только, что по неискаженной теоріи Смита общими принципами для разрѣшенія вопросовъ этого отдѣла науки принимаются та же самая основная идея и тотъ же самый основной приемъ, какіе служатъ общими принципами всей экономической науки, да и вообще всѣхъ тѣхъ нравственныхъ наукъ, которыя говорятъ о предметахъ, доступныхъ измѣренію: основная идея—благосостояніе общества, или человечества, или человѣка, а основной приемъ—счетъ и мѣра.

ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ ГЛАВАМЪ 4, 5 и 6.

Понятіе капитала.

Читателю, знакомому съ новой французской литературой по части политической экономіи, слишкомъ хорошо извѣстно, что слово „капиталъ“ служитъ нынѣ лозунгомъ чрезвычайно сильной полемики между отсталой и прогрессивною школами. Отсталая школа неистощима въ панегрикахъ капиталу, прогрессивная въ проклятiяхъ ему. Но читатель безъ труда замѣтитъ, что тутъ идетъ дѣло не о томъ элементѣ производства, который называется капиталомъ въ строгой наукѣ, а собственно только о роли, какую при извѣстныхъ общественныхъ условiяхъ играютъ капиталисты. Самое названіе капиталиста принадлежитъ не строгой научной теорiи, а только разговорному языку и почти постоянно употребляется именно въ такомъ изъ своихъ многочисленныхъ значенiй, которое совершенно различно отъ смысла, какой имѣетъ терминъ „капиталъ“ въ наукѣ. Капиталистомъ обыкновенно называется человекъ, имѣющій такую сумму денегъ, что при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ можетъ, не трудясь, богато жить на доходы, извлекаемые изъ этихъ денегъ посредствомъ процентовъ или коммерческой прибыли. Капиталистами называются банкиръ, богатый негоціантъ, человекъ, имѣющій значительное количество кредитныхъ бумагъ, или нуды золота, или десятки нудовъ серебра. Самый богатый землевладѣлецъ, если кромѣ помѣстья не имѣетъ большаго количества наличныхъ денегъ или кредитныхъ бумагъ, не называется капиталистомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова: онъ только можетъ легко стать капиталистомъ, обмѣнявъ свое помѣстье или часть своего права получать доходы съ помѣстья на звонкую монету или кредитныя бумаги, посредствомъ продажи или займа; пока онъ не сдѣлалъ этого, онъ еще только богатый человекъ, но не капиталистъ.

Читатель видитъ, на чемъ основано употребленіе слова капиталистъ въ такомъ смыслѣ: оно проистекаетъ изъ той спутанности научнаго и разговорнаго значенiя слова „капиталъ“, о которой мы говорили въ примѣчанiяхъ 12-мъ (стр. 88) и 16-мъ (стр. 94). Вмѣсто научнаго понятiя о капиталѣ, какъ о массѣ продуктовъ, которыми продовольствуется трудъ, тутъ подстановляется понятiе о деньгахъ, о которыхъ Милль совершенно справедливо замѣчаетъ, что онѣ въ сущности вовсе не капиталъ. Мы говорили, что Милль удерживается отъ этой ошибки при употребленiи термина „капиталъ“; но даже и онъ, какъ мы замѣчали уже много разъ, не остерегся отъ спутанности, съ какою вообще употребляется слово „капиталистъ“: вмѣсто того, чтобы удерживать мысль на понятiи капитала, Милль очень часто говоритъ уже только о капиталистѣ, т. е. о человекѣ особеннаго разряда, дающемъ капиталъ на содержаніе работниковъ, о че-

ловѣкъ, нанимающемъ работниковъ; а средство къ найму работниковъ, къ содержанію труда предполагается у самого Милля при такихъ выраженіяхъ состоящимъ уже не собственно въ продуктахъ, которыми содержатся работники, а въ деньгахъ, на которыя можно вымѣнять эти продукты. Такимъ образомъ мысль переводимаго нами автора дѣлаетъ сама и влагаетъ въ мысль читателя за одинъ разъ три неточности: во-первыхъ, вмѣсто понятія о матеріальныхъ вещахъ, продуктахъ труда, подстановляется понятіе чловѣка, владѣющаго этими продуктами; во-вторыхъ, вводится мысль, что люди подобнаго рода должны составлять особенный разрядъ людей; въ третьихъ, наконецъ, вмѣсто владѣнія продуктами, служащими на пищу или другое продовольствіе, подстановляется понятіе денегъ, которыя при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ служатъ средствомъ къ пріобрѣтенію такихъ продуктовъ. Чловѣкъ, знакомый съ требованіями логики объ условіяхъ научной терминологіи, легко пойметъ, къ какимъ ошибкамъ должны приводить подобныя подстановки разныхъ понятій подъ одинъ терминъ и употребленіе разныхъ словъ вмѣсто одного термина.

Но если кто нибудь изъ читателей не совсѣмъ ясно представляетъ себѣ строгость требованій научной терминологіи и чрезвычайную важность ихъ точнаго соблюденія, онъ, быть можетъ, назоветъ схоластикою наше стремленіе анализировать смыслъ выраженій, употребляемыхъ въ переводимомъ нами трактатѣ. Никто больше насъ не презираетъ схоластику. Но что же дѣлать, если чрезвычайное множество писателей, считающихся авторитетами въ политической экономіи, передѣлывали истинный смыслъ излагаемой ими Смитовской теоріи въ схоластическомъ духѣ? Что же дѣлать, если они, пускаясь въ схоластическія тонкости, совершенно искажали эту теорію и если при томъ искаженіе происходило отъ промаховъ, дѣлавшихъ ими въ той самой сферѣ схоластики, въ которую они переносили теорію изъ области живыхъ общественныхъ потребностей, создавшихъ ее при Адамѣ Смитѣ? Чловѣкъ, поставившій себѣ цѣлью очистить истину, загрязненную недобросовѣстностью софистовъ, не можетъ отказываться ни отъ какой части принятой имъ на себя обязанности, хотя бы нѣкоторыя изъ этихъ частей и не соответствовали его личнымъ наклонностямъ. Если школа, искажающая науку, прикрываетъ ея искаженіе схоластическими тонкостями, то надобно, при всемъ нерасположеніи къ схоластическимъ преніямъ, обратить на нихъ вниманіе и разоблачить ошибку.

Въ одной изъ своихъ рѣчей, лордъ Брумъ сжато и ясно выразилъ требованія научной терминологіи слѣдующими правилами:

1. „Всегда употребляйте самые ясные и недвусмысленные термины“.
2. „Никогда не употребляйте слова, имѣющаго два смысла, но опредѣливъ, въ какомъ изъ нихъ оно будетъ употребляться вами“.
3. „Никогда не употребляйте одного слова въ двухъ значеніяхъ“.
4. „Никогда не употребляйте разныхъ словъ въ одномъ значеніи“.

Надобно признаться, что терминологія политической экономіи во многихъ своихъ частяхъ не удовлетворяетъ этимъ правиламъ. Мы теперь еще въ началѣ трактата объ этой наукѣ, а имѣли уже много случаевъ видѣть ихъ нарушенія, и между прочимъ въ терминахъ чрезвычайно важныхъ.

Такъ, на примѣръ, для опредѣленія предмета науки выбрано слово „богатство“, постоянно ведущее мысль совершенно не къ тому понятію, какое дается наукою,—это служить источникомъ самой вредной двусмысленности; потомъ мы замѣтили, что слово „непроизводительный“ употребляется въ двухъ разныхъ смыслахъ при классификаціи труда и потребления. Эти причины ошибокъ мы рѣшили устранить черезъ замѣну двусмысленнаго слова „богатство“ выраженіемъ „матеріальное благосостояніе“ и черезъ принятіе новыхъ терминовъ „выгодный“ и „убыточный“, для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ слова „производительный“ и „непроизводительный“ являлись съ смысломъ различнымъ отъ своего обыкновеннаго научнаго употребленія. Теперь мы встрѣчаемъ третій такой же случай съ терминомъ не менѣе важнымъ. Слово „капиталъ“ выбрано теоріею Смита не совѣмъ удачно для обозначенія той части продуктовъ, которая обращается на веденіе новаго производства: этимъ словомъ постоянно возбуждаются въ умѣ такіа представленія, которыя не соотвѣтствуютъ его научному смыслу, потому что разговорное значеніе слова „капиталъ“ совершенно различно отъ смысла, приданнаго ему теоріею Смита. Оно влечетъ мысль къ представленіямъ о звонкой монетѣ, о кредитныхъ бумагахъ и о множествѣ разныхъ продуктовъ, которые никакъ не могутъ сами по себѣ назваться капиталомъ въ научномъ смыслѣ слова. По настоящему, надобно было бы намъ и въ этомъ случаѣ поступить такъ же рѣшительно, какъ въ прежнихъ двухъ: слѣдовало бы совершенно отбросить слово „капиталъ“, какъ слишкомъ двусмысленное и потому неудовлетворяющее условіямъ научной терминологіи; но оно уже такъ утвердилось въ наукѣ, что мы не отваживаемся замѣнить его какимъ нибудь другимъ терминомъ, который самъ по себѣ былъ бы лучше: насъ и безъ того многіе стануть упрекать за излишнюю отвагу.

Конечно, мы не поколебались бы въ такомъ замѣненіи, если бы находили вполнѣ удобнымъ какое нибудь изъ тѣхъ выраженій, которыми часто замѣняется слово „капиталъ“ у многихъ писателей, особенно у французскихъ, рѣшительно сбившихся въ употребленіи термина „капиталъ“ и потому почувствовавшихъ особенно сильную нужду въ новомъ выраженіи для экономическаго элемента, который пересталъ удовлетворительно характеризоваться у нихъ терминомъ „капиталъ“ отъ сбивчивости, съ какою употребляютъ они это слово. Изъ выраженій, служащихъ для замѣны его, самое удачное найдено во фразѣ „орудія труда“ (*instruments du travail*). Въ этой фразѣ опять ведетъ къ двусмыслию слово „орудія“: трудно не забыть иногда, что главнымъ изъ орудій принимается тутъ лица работниковъ, а потомъ главнѣйшую важность имѣютъ матеріалы для обработки трудомъ; орудія же въ строгомъ смыслѣ слова, то есть инетрументы и машины, составляютъ, можно сказать, незначительную часть продуктовъ, обнимаемыхъ этимъ выраженіемъ. Другія слова или выраженія, которыми замѣняется иногда слово „капиталъ“, еще менѣе удовлетворительны. Поэтому, если бы мы захотѣли для обозначенія научнаго понятія о капиталѣ выбрать выраженіе, вполнѣ удовлетворяющее условіямъ ученой терминологіи, намъ пришлось бы взять терминъ совершенно новый, никому не

привычный. Мы не можемъ вперёдъ знать, будетъ ли эта книга имѣть въ публикѣ такое значеніе, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведеніями, какъ замѣненіе слова „капиталь“ какимъ нибудь терминомъ нашего собственнаго выбора. А пока мы не знаемъ этого, мы должны остаться при словѣ „капиталь“.

Нѣкоторые читатели могутъ осудить насъ за такую нерѣшительность. На это мы скажемъ, что она противна и собственному нашему расположенію, и что въ рѣшимости у насъ недостатка не будетъ, когда мы увидимъ, что публика раздѣляетъ ее.

Но, оставаясь пока при словѣ „капиталь“, при этомъ терминѣ, которымъ недовольны мы за его двусмысленность, мы должны сдѣлать по крайней мѣрѣ все возможное для предохраненія читателя отъ сбивчивости представленій, къ какой приводилъ почти всѣхъ писателей этотъ двусмысленный терминъ. Мы должны какъ можно настойчивѣе выказать разницу его научнаго смысла отъ разныхъ оттѣнковъ его разговорнаго употребленія и какъ можно яснѣе выставить тотъ единственный смыслъ, въ какомъ слово „капиталь“ принимается экономической теоріею у самого основателя науки, Адама Смита, у лучшихъ его продолжателей, Мальтуса и Рикардо, и у единственнаго замѣчательнаго мыслителя Смитовской школы въ наше время, у переводимаго нами автора.

Капиталомъ называются тѣ продукты труда, которые служатъ средствами для новаго производства. Главные разряды этихъ продуктовъ:

1) Пища, нужная работникамъ на время производства до полученія новой пищи отъ труда, содержамаго этимъ прежнимъ запасомъ пищи. Этотъ элементъ капитала необходимъ повсемѣстно и абсолютно, потому что человѣческій организмъ нигдѣ не можетъ существовать безъ пищи. Но, не говоря уже о томъ, что въ разныхъ климатахъ нужна разная пища (напримѣръ, чѣмъ холоднѣе климатъ, тѣмъ больше нужно въ пищу жирныхъ элементовъ, а чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ меньше надобности въ мясной пищѣ), надобно замѣтить, что самое количество пищи, нужной для поддержанія организма въ здоровомъ видѣ, въ различныхъ климатахъ различно. Большая часть пищи, потребляемой человѣкомъ, идетъ собственно не на выработку составныхъ частей его организма, а только на поддержаніе животной теплоты. Чѣмъ теплѣе атмосфера, тѣмъ меньше нужно организму питательнаго матеріала для уравновѣшенія той потери теплоты, которая производится окружающимъ воздухомъ, вообще многими градусами недостигающимъ температуры внутреннихъ частей организма. Изъ этого мы видимъ, что южныя страны по отношенію къ самой значительной части капитала находятся въ условіяхъ болѣе выгодныхъ для производства, чѣмъ сѣверныя страны. То количество пищи, какое нужно на годъ для тысячи человѣкъ, живущихъ въ Архангельскѣ, будетъ достаточно для гораздо большаго числа людей въ Кіевѣ и еще для большаго числа людей въ Алжиріи, при равенствѣ ихъ остальной житейской обстановки. Но съ тѣмъ вмѣстѣ мы видимъ, что очень значительное вознагражденіе за пищу можетъ доставляться людямъ сѣверныхъ климатовъ развитіемъ другихъ частей капитала, имѣющихъ подобно пищѣ главнымъ своимъ назначеніемъ

также поддержаніе животной теплоты. Обыкновенно различаются два разряда предметовъ, имѣющихъ такую роль—жилище и одежда.

2) Жилище, подобно пищѣ, служить главнымъ образомъ къ поддержанію животной теплоты въ организмѣ, но, подобно пищѣ, имѣетъ и много другихъ назначеній: какъ пища сверхъ поддержанія животной теплоты возобновляетъ составныя части организма, доставляетъ наслажденіе чувству вкуса и т. д., точно такъ и жилище, кромѣ сохраненія животной теплоты, предохраняетъ отъ неприятнаго или вреднаго вліянія разныхъ атмосферическихкихъ явленій и доставляетъ множество другихъ жизненныхъ удобствъ. Но главная экономическая роль его состоитъ въ сохраненіи теплоты: жилище, удовлетворяющее этому назначенію, обыкновенно имѣетъ уже всё качества, нужныя для соотвѣтственности съ другими своими назначеніями. Даже сырость въ жилищѣ почти всегда происходитъ только отъ того, что оно неспособно сохранять надлежащую теплоту во всѣхъ своихъ частяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при 8° тепла человѣку нужно больше пищи, нежели при 14°. Изъ этого мы видимъ, что если бы намъ говорили, будто какая нибудь страна не можетъ хорошо прокормить своихъ жителей по излишней своей населенности, то, еще не спрашивая, хороши ли въ этой странѣ земледѣльческіе процессы, не пропадаетъ ли въ ней множество земли даромъ, не обрабатывается ли курамъ на смѣхъ даже и воздѣлываемая часть ея, мы прежде всего должны спросить, хороши ли жилища у населенія этой страны? Если жилища у массы населенія не достаточно теплы или если они сыры (что значить тоже самое: не достаточно теплы), то населеніе имѣетъ недостатокъ въ пищѣ не по своей чрезмѣрной многочисленности, а просто по недостатку хорошихъ жилищъ, для которыхъ, вѣроятно, всегда бы нашлось довольно мѣста въ самой населенной странѣ земнаго шара. Замѣнить дурныя жилища хорошими значило бы тоже самое, что увеличить производство пищи.

3) Еще яснѣе тотъ же самый вопросъ повторяется, когда рѣчь идетъ объ одеждѣ. Снабдить теплымъ платьемъ человѣка, мерзнувшаго въ изорванной одеженкѣ, значить сдѣлать то, что, потребляя двѣ четверти хлѣба въ годъ, онъ будетъ чувствовать себя болѣе сытымъ, чѣмъ прежде при потребленіи въ двѣ съ половиною четверти. Мы дѣлаемъ эти замѣчанія къ тому, что увеличивать количество пищи, какъ мы увидимъ изъ 12 главы первой книги, не такъ легко, какъ увеличивать и улучшать одежду и жилище. Судя по всему, надобно полагать, что не только теперь нѣтъ, но при всевозможной быстротѣ человѣческаго размноженія и черезъ 200 или 300 лѣтъ еще не могло бы быть такой страны, которая при порядочномъ земледѣліи не успѣла бы съ изобиліемъ продовольствовать всѣхъ своихъ жителей пищею ²⁸). Но если бы даже согласиться, — на что никакъ не слѣдуетъ соглашаться, — будто бы народная нужда въ какой бы то ни было странѣ происходитъ нынѣ отъ трудности увеличить количество пищи, про-

²⁸) Просимъ читателя сравнить съ этимъ слова Гаспарена, приведенныя нами въ примѣчаніи 5, на стр. 13. Онъ говоритъ, что Франція можетъ кормить по крайней мѣрѣ 260 милліоновъ населенія. Кстати, замѣтимъ здѣсь опечатку въ этомъ примѣчаніи, на 4-й строкѣ снизу: вмѣсто 116 человѣкъ надобно читать 1,160 человѣкъ; впрочемъ, это ясно по цифрамъ, рядомъ съ которыми выставлено это число.

изводимой этою странною, то оставался бы вопрос: не было ли бы слишкомъ достаточно для избытка продовольствія всѣхъ жителей страны и нынѣшнее количество пищи, при улучшеніи народныхъ жилищъ и одежды, на что нѣтъ уже ровно никакихъ затрудненій и ограниченій въ законахъ природы.

Пища, жилище и одежда—вотъ три главные разряда предметовъ, составляющихъ ту часть капитала, необходимость которой повсемѣстно возникаетъ изъ потребностей человѣческаго организма, разсматриваемаго въ ученіи о производствѣ, какъ вмѣстилище труда. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ разрядовъ, для поддержанія организма въ способности къ усиленному труду, нужны повсемѣстно многія другія вещи, напимѣръ, посуда, мебель, гигиеническія средства (изъ которыхъ всѣ лучшія состоятъ въ разныхъ способахъ употребленія одного и того же матеріала—воды, на очищеніе тѣла, платья и т. д.),—но всѣ они вмѣстѣ составляютъ въ экономическомъ отношеніи очень не важную часть капитала по сравненію съ тремя первыми разрядами, то есть на производство всѣхъ этихъ предметовъ или на приспособленіе ихъ къ употребленію въ дѣло требуется сумма труда незначительная по сравненію съ тою, какая нужна для производства пищи, жилищъ и одежды. Напротивъ, также очень много труда въ нѣкоторыхъ странахъ нужно на изготовленіе еще одного разряда предметовъ, требуемаго человѣческимъ организмомъ:

4) Топливо. Мы отнесли этотъ разрядъ продуктовъ такъ далеко отъ жилищъ и пищи, съ которыми онъ связанъ въ домашнемъ быту человѣка, потому, что онъ, имѣя двойное экономическое назначеніе, служить переходомъ отъ части капитала, касающейся собственно работника, къ той части, которая относится уже къ продукту, производимому работникомъ. Кромѣ отопленія жилищъ и приготовленія пищи, топливо нужно для очень многихъ производствъ, какъ матеріалъ для добыванія движущей силы или для произведенія температуры, при которой достигаетъ нужнаго развитія химическое средство и другія силы природы, совершающія требуемую перемѣну въ матеріалахъ производства. Въ нѣкоторыхъ странахъ топливо можетъ составлять значительную часть капитала только по этому второму, такъ сказать, техническому употребленію, а для домашняго быта нужно его такъ немного, что количество, достигающееся человѣку почти безъ всякаго труда, было бы слишкомъ достаточно; въ южныхъ странахъ топить жилищъ никогда не нужно, а на приготовленіе пищи достаточно топлива найдется въ травѣ, или кустарникахъ и въ органическихъ остаткахъ отъ пищи людей и животныхъ, если нѣтъ въ той мѣстности лѣсовъ. У насъ почти во всей Европѣ не то: кромѣ немногихъ южныхъ краевъ ея, надобно извѣстную часть года топить жилища, и расходъ труда на изготовленіе топлива для нихъ уже довольно значителенъ. Но даже въ сѣверной полосѣ Европы повсюду, гдѣ промышленность хотя нѣсколько развита, идетъ большее количество топлива на промышленные процессы, чѣмъ на употребленіе въ домашнемъ быту, и примѣненіе пара ко всѣмъ производствамъ развивается съ такою быстротою, что нельзя опредѣлить границы, на какой остановится увеличеніе надобности въ этомъ элементѣ производства. Впро-

чемъ запасы торфа и каменнаго угля, находящiеся въ природѣ, такъ громадны, что недостатка въ топливѣ опасаться нечего ²⁹).

5) Служа нѣкоторою частью своею для надобностей домашняго быта, топливо не можетъ быть исключительно названо только матеріаломъ для производства; но уже и теперь въ наиболѣе развитыхъ странахъ предметы, служащiе топливомъ, идутъ на производство въ количествѣ гораздо больше, чѣмъ прямо на надобности домашняго быта. Тоже самое надобно сказать почти о всѣхъ другихъ матеріалахъ производства: шерсть, хлопчатая бумага и т. д. могутъ пригодиться на что нибудь для человѣка и безъ особенной обработки, въ своемъ натуральномъ видѣ, и нѣкоторая часть этихъ веществъ дѣйствительно служить человѣку безъ всякой обдѣлки, такъ что должна считаться по своему употребленiю не матеріаломъ, а прямо окончательнымъ продуктомъ: напримѣръ, въ каждомъ домѣ потребляется нѣсколько хлоньевъ шерсти или ваты въ ихъ натуральномъ видѣ на мелкія домашнія надобности. Но гораздо болѣе большая часть всѣхъ продуктовъ природы, кромѣ съѣстныхъ принасовъ, служить въ цивилизованныхъ странахъ только матеріаломъ для дальнѣйшей обработки. Различаясь отъ съѣстныхъ принасовъ въ этомъ отношенiи, всѣ другіе важные для общественной жизни продукты природы отличаются отъ хлѣба или мяса еще тѣмъ, что нѣтъ увеличенiю добываемаго ихъ количества вовсе нѣтъ тѣхъ трудностей, какія, по крайней мѣрѣ по предрасудку сильно распространенному, встрѣчаются при увеличенiи производства хлѣба. Дѣйствительно ли существуютъ такія затрудненiя въ увеличенiи производства съѣстныхъ принасовъ, мы должны будемъ рассмотретьъ ниже, въ замѣчанiяхъ на 10-ю и 12-ю главы первой книги Милля. Но, конечно, мы не встрѣтимъ никакихъ возраженiй, когда теперь же безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненiй скажемъ, что, напримѣръ, количество матеріала для выдѣлки одежды можетъ быть безъ всякихъ затрудненiй со стороны природы увеличиваемо человекомъ до неопредѣленной степени. Если мы спросимъ: можетъ ли Европа легко производить вдвое или втрое больше хлѣба чѣмъ теперь, очень мно-

²⁹ До сихъ поръ даже приблизительно неизвѣстно, сколько торфа уже изготовлено природою и сколько его можетъ изготовлять она ежегодно вновь, безъ нашего труда. Далеко не во всѣхъ странахъ даже цивилизованной части свѣта сдѣланы хотя скудные изысканiя о количествѣ находящагося въ нихъ каменнаго угля. Но вотъ нѣкоторыя цифры о количествѣ его только въ двухъ странахъ — въ Великобританiи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Великобританскіе пласты имѣютъ приблизительно до 190,000,000,000 тоннъ каменнаго угля. Нынѣ Великобританiя добываетъ по 70 милліоновъ тоннъ въ годъ. Положимъ какое угодно быстрое возрастаніе добыванiя, положимъ какой угодно огромный процентъ на растрату при самомъ добыванiи, — все-таки читатель можетъ видѣть, что однихъ британскихъ каменноугольныхъ пластовъ было бы достаточно для паровыхъ машинъ и для всѣхъ промышленныхъ надобностей цѣлой Европы на многія сотни лѣтъ. Но великобританскіе пласты рѣшительно ничтожны передъ сѣвероамериканскими, которые вмѣщаютъ въ себѣ количество каменнаго угля въ 20 разъ большее. Для любопытныхъ приведемъ цифру этого запаса: она считается не менѣе, какъ въ 4 билліона тоннъ (4,000,000,000,000) или въ 250 билліоновъ (250,000,000,000,000) пудовъ. На сколько столѣтiй можетъ достать этого запаса? Цифры взяты нами изъ Edinburgh Review, 1860, январь, Coal Fields of North America and Great Britain, стр. 88 и 89. Конечно, мы приводимъ эти колоссальныя числа не для того, чтобы читатель испыталъ надъ ними свою силу въ исчисленiи билліоновъ, непосижимыхъ уму по своей колоссальности. Онѣ понадобятся намъ современемъ, какъ фактическая опора противъ пустыхъ фразъ о несоразмѣрности населенiя со средствами къ продовольствiю.

гіе (то есть не вникавшіе въ дѣло, а повторяющіе рутинную фразу) люди скажутъ: не можетъ; но если спросить: трудно ли было бы Америкѣ производить вдвое большее количество хлопчатой бумаги, каждый скажетъ: не только вдвое, и въ десять, и въ двадцать разъ больше она легко стала бы производить, лишь бы находился сбытъ для такого количества. Тоже самое каждый скажетъ о матеріалахъ для всякаго другаго производства, имѣющаго дѣйствительную важность ³⁰⁾.

Мы разсмотрѣли тѣ части капитала, которыя состоятъ въ продуктахъ, продовольствующихъ трудъ или служащихъ предметомъ его; теперь намъ остается перечислить тѣ части капитала, которыми передается дѣятельность труда предметамъ, обрабатываемымъ его силою. Тутъ, конечно, прежде всего припоминаются:

6) Орудія. О нихъ намъ нѣтъ надобности говорить подробно, потому что у самого Милля очень хорошо опредѣлена вся обширность разряда вещей, называемыхъ въ экономической теоріи орудіями: онъ обнимаетъ собою всѣ вещи отъ какой нибудь палки, служащей дикарю на охотѣ, отъ камня, которымъ онъ бьетъ звѣря, отъ рыбьей кости, которая замѣняетъ ему уду, до самыхъ сложныхъ машинъ. Сюда же надобно причислить постройки, дѣлаемыя для помѣщенія этихъ орудій и вообще для совершенія въ нихъ процессовъ производства, всѣ промышленныя зданія отъ овина и риги до фабрики и верфи. Все это ясно само собою. Точно также не было бы нужды разяснять характеръ предметовъ или продуктовъ, служащихъ просто для перемѣщенія другихъ продуктовъ или предметовъ, если бы не было между средствами сообщенія той важной разницы, что одни изъ нихъ даются почти готовыми отъ самой природы, другіе, можно сказать, исключительно создаются трудомъ. Потому надобно замѣтить:

7) Пути сообщенія, конечно, должны считаться частью капитала настолько, насколько они созданы или поддерживаются трудомъ. Желѣзная дорога или шоссе безъ всякаго сомнѣнія капиталъ. Но море никто не называетъ капиталомъ, хотя до послѣдняго времени по морю перевозилось едва ли не больше продуктовъ, чѣмъ по всѣмъ сухопутнымъ дорогамъ. Если рѣка сама по себѣ судоходна, чиста отъ мелководныхъ мѣстъ и пороговъ, если поэтому не нужно употреблять на нее никакого труда для ея приспособленія къ перевозкѣ продуктовъ, она вовсе не капиталъ. Но если ее нужно углублять или очищать, она становится капиталомъ въ размѣрѣ труда, употребляемаго на это. Лодки, корабли, телѣги, паровозы и т. д. во всякомъ случаѣ, конечно, капиталъ. Пути сообщенія, принадлежа частью къ продуктамъ труда, частью къ простому дѣйствию силъ природы, происходящему безъ всякаго отношенія къ труду, приводятъ насъ къ разсмотрѣнію того, въ какой степени могутъ составлять часть капитала вообще.

8) Силы природы. Отвѣтъ на это уже находится на предыдущихъ

³⁰⁾ Конечно, брильянтовъ или жемчугу не могло бы, вѣроятно, добываться въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, какъ бы ни увеличился запросъ на нихъ. За то, для человѣческаго благосостоянія нѣтъ ровно никакой надобности въ этомъ; напротивъ, при нынѣшнемъ положеніи человѣческихъ средствъ къ удовлетворенію нуждъ, была бы существенная польза оттого, когда бы уменьшилось добываніе этихъ продуктовъ или матеріаловъ.

строкахъ. Тѣ силы природы, которыя работаютъ въ производствѣ безъ помощи нашего труда, конечно, не составляютъ капитала; но если нужны какія нибудь орудія или вообще продукты труда для развитія извѣстныхъ силъ природы въ извѣстномъ мѣстѣ, дѣятельность этихъ силъ въ этомъ мѣстѣ составляетъ уже часть капитала, какъ бы вложившуюся въ продуктъ, посредствомъ котораго она обнаруживается. Такъ, напимѣръ, паденіе воды на мельничное колесо черезъ плотину запруженной рѣчки, конечно, составляетъ капиталъ. Нѣкоторые могли бы сказать, что капиталъ въ этомъ случаѣ только сама плотина, а не паденіе воды. О словахъ можно не спорить, если только и безъ нихъ останется памятно и понятно значеніе фактовъ. Особенность факта въ этихъ случаяхъ та, что вліяніе на производство совершенно не находится тутъ ни въ какой опредѣленной зависимости отъ количества труда, употребленнаго на созданіе капитала. Совершенно одинаковыя плотины могутъ давать очень различныя количества движущей силы, смотря по различію въ величинѣ ручьевъ, ими запруженныхъ. Этою неодинаковостію дѣйствія при одинаковости труда, употребленнаго на развитіе силъ природы въ разныхъ мѣстахъ, движущія силы природы, создаваемыя трудомъ, приближаются къ свойствамъ растительной силы земли, которая также должна быть капиталомъ на столько, на сколько возвышена трудомъ.

9. Кромѣ движущихъ силъ неорганической природы (воздухъ, вода, паръ) помогаютъ человѣку въ произведеніи движенія домашнія животныя; они всегда составляютъ капиталъ, потому что для ихъ укрощенія или воспитанія всегда требуется трудъ. Кромѣ животныхъ, доставляющихъ движущую силу, есть другія, дающія пищу или матеріалы (напимѣръ, шерсть). Всѣ они, конечно, также должны считаться капиталомъ.

Это длинное перечисленіе предметовъ и продуктовъ, составляющихъ капиталъ, конечно, можетъ показаться столь же напраснымъ, какъ, напимѣръ, длинное перечисленіе разныхъ разрядовъ производительнаго труда у Милля. Но когда рѣчь будетъ идти объ отношеніи средствъ существованія къ числу населенія или о знаменитомъ „принципѣ народонаселенія“ Мальтуса, читатель увидитъ, что представленный нами теперь перечень не бесполезенъ. Впрочемъ, у насъ была не одна эта отдаленная цѣль: мы должны были стараться о томъ, чтобы какъ можно дольше задержать мысль читателя на научномъ понятіи капитала, слишкомъ легко затемняющемся отъ невниманія къ совершенному различію этого понятія отъ того смысла, какой имѣетъ слово „капиталъ“ въ разговорномъ языкѣ; мы должны были стараться рѣзко выставить передъ мыслью читателя всѣ сколько нибудь важныя части этого научнаго понятія. Достичь такой цѣли мы могли, конечно, не иначе, какъ длиннымъ, хотя бы и утомительнымъ, хотя бы, по видимому, и слишкомъ элементарнымъ анализомъ этого термина въ его научномъ значеніи.

Итакъ, всѣ сколько нибудь важныя для общественнаго быта части капитала подводятся подъ слѣдующіе разряды предметовъ: пища, жилище, одежда, топливо, матеріалы производства, орудія производства, средства сообщенія (пути и орудія перевозки), силы природы, и домашнія животныя.

Само собою разумѣется, что въ понятіе капитала, которымъ называются

только продукты труда, входят только силы природы, создаваемые трудомъ или увеличеніе, придаваемое имъ трудомъ. Но точно тоже надобно сказать и о всѣхъ другихъ разрядахъ капитала: предметы совершенно одинаковаго рода могутъ принадлежать или не принадлежать къ капиталу, смотря по тому, помощью труда или одною природою безъ пособія труда они создаются. Мы замѣчали это о путяхъ сообщенія. Точно также и каменный уголь не былъ бы капиталомъ, если бы лежалъ вездѣ подъ руками и на самой поверхности земли. Надобно вообще замѣтить, что предметы одного экономическаго значенія со всѣми разрядами капитала (кромѣ домашняго скота) даются въ нѣкоторомъ количествѣ самою природою безъ содѣйствія труда: вездѣ, за исключеніемъ слишкомъ близкихъ къ полюсамъ странъ, которыя были населены, конечно, уже очень поздно, или кромѣ степеней, которыя не могли быть заселены до сихъ поръ, каждая мѣстность производитъ сама по себѣ нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ (ягодъ, грибовъ и т. д.), представляетъ нѣкоторыя средства укрыться отъ погоды (душла, нещеры и т. д.)—Этимъ и начинается 1-й параграфъ, 1-й главы у Милля (стр. 31). Но чѣмъ больше возрастаетъ число жителей въ данной мѣстности и чѣмъ выше поднимается ихъ цивилизація, тѣмъ недостаточнѣе становится для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ одна дѣятельность природы, и тѣмъ значительнѣе становится участіе труда или продуктовъ труда въ производствѣ всѣхъ, потребляемыхъ людьми, предметовъ, такъ что очень многія изъ потребностей удовлетворяются исключительно продуктами производства самихъ людей. Таковы, напримѣръ, въ цѣлой Европѣ жилища и орудія производства—всѣ они созданы только уже трудомъ.

Теперь, разсмотрѣвъ, какіе разряды предметовъ могутъ быть капиталомъ и обыкновенно бывають капиталомъ при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи, мы, чтобы еще точнѣе впечатлѣлось въ нашей мысли понятіе капитала, должны посмотрѣть, какіе разряды не бывають капиталомъ.

Капиталь—тѣ продукты, которые нужны для новаго производства; изъ этого ясно, что не бывають капиталомъ тѣ продукты, которые по своей природѣ не имѣють этого назначенія и должны потребляться непродуцибельно, напримѣръ, драгоценные камни (за исключеніемъ той ничтожной части, которая идетъ на рѣзаніе стекла и другія техническія надобности), наряды (за исключеніемъ той ничтожной части, которая потребляется работниками и служитъ къ поддержанію въ нихъ бодрости духа), тѣ сооруженія, которыя не служатъ помѣщеніемъ для работниковъ или для промышленныхъ производствъ. Словомъ сказать, капиталомъ не служатъ предметы роскоши.

Но и предметы первой необходимости, хотя по натурѣ своей всѣ носятъ характеръ капитала, далеко не всѣ входятъ въ капиталъ. Нѣкоторое количество каждаго изъ нихъ дѣйствительно служитъ капиталомъ (потребляется производительно), но остальное не становится капиталомъ (потребляется непродуцибельно). Напримѣръ, часть пищи, производимой страпою, потребляется производительными работниками и ихъ семействами—эта часть—капиталь; другая часть потребляется людьми, не занятыми производительнымъ трудомъ или вовсе ничѣмъ незанятыми,—эта часть не слу-

жить капиталомъ. Одинъ и тотъ же домъ можетъ въ одно время служить помѣщеніемъ для работниковъ—въ это время онъ капиталъ; въ другое время можетъ служить помѣщеніемъ для непроеводительныхъ жителей,—въ это время онъ не капиталъ.

Изъ всего этого прямо слѣдуютъ два заключенія:

Во-первыхъ, если мы находимъ, что въ извѣстной странѣ мало капитала,—то есть недостаетъ продуктовъ на удовлетворительное содержаніе производительнымъ работникамъ и на хорошее веденіе производительныхъ процессовъ,—то прежде надобно разсмотрѣть, какая часть производительныхъ силъ страны обращена на производство продуктовъ, пригодныхъ служить капиталомъ, и какая часть на производство предметовъ непригодныхъ для этого,—иначе сказать, какая часть занята выгоднымъ для общества, и какая убыточнымъ для него производствомъ; а изъ продуктовъ, пригодныхъ быть капиталомъ, какая часть дѣйствительно идетъ въ капиталъ (потребляется производительно) и какая часть не идетъ. (Просимъ сравнить съ этимъ эту же „0 выгодномъ и убыточномъ производствѣ и потребленіи“, стр. 59—68; также §§ 5 и 6-й въ 3 главѣ 1 книги Милля, стр. 52—54, и принадлежащія къ этимъ параграфамъ наши поясненія на стр. 86—87).

Положимъ, на примѣръ, что на хорошее продовольствіе работнику съ семействомъ нужно было бы количество продуктовъ, равное 30 четвертямъ пшеницы, и на хорошее веденіе производства было бы нужно количество матеріаловъ, равное 15 четвертямъ, количество орудій и другихъ частей капитала, равное 5 четвертямъ, а всего для общественного благосостоянія нужно производство капитала, равнаго 50 четвертямъ пшеницы въ годъ (читатель знаетъ, что въ подобныхъ гипотезахъ, для краткости, всѣ разные роды продуктовъ подводятся подъ одинъ родъ, и этотъ переводъ дѣлается по расчету труда, нужнаго на производство каждаго рода продуктовъ; на примѣръ, если на выдѣлку плуга или на ремонтъ жилища нужно по 10 рабочихъ дней, на производство 1 четверти пшеницы тоже 10 дней, то ремонтъ жилища или выдѣлка плуга порознь принимаются продуктами равными 1 четверти, а вмѣстѣ 2 четвертямъ пшеницы).

Положимъ теперь, что капитала производится только по 40 четвертей на рабочее семейство. Ясно, что трудъ будетъ содержаться плохо, матеріаловъ для труда будетъ мало, орудія труда будутъ плохи. Но отчего можетъ происходить это дурное экономическое состояніе?

Первымъ предметомъ изслѣдованія должна быть въ такомъ случаѣ пропорція между выгоднымъ (создающимъ капиталъ) и убыточнымъ (не создающимъ капитала) производствомъ, а также между частью продуктовъ, годныхъ въ капиталъ становящеюся въ дѣйствительности капиталомъ (идущей на новое производство) и частью ихъ, отвлекаемою отъ своего природнаго назначенія (потребляемою непроеводительно).

Положимъ, на примѣръ, что изъ 30 работниковъ заняты убыточнымъ производствомъ 10, а выгоднымъ только 20; положимъ, что изъ продуктовъ, производимыхъ выгоднымъ трудомъ, обращается въ капиталъ (служитъ на веденіе новаго производства) только одна половина, а другая половина потребляется непроеводительно. Тогда мы имѣемъ:

Половина продуктов пригодных для обращенія въ капиталъ, обращаема дѣйствительно въ капиталъ, составляетъ 40 четвертей на рабочее семейство; и такъ, всего производится продуктовъ, годныхъ служить капиталомъ, по 80 четвертей на рабочее семейство; семействъ этихъ всего 30, стало быть, продуктовъ, годныхъ для поступленія въ капиталъ, всего производится 2,400 четвертей; эти 2,400 четвертей производятся трудомъ только 20 семействъ, стало быть, каждое семейство, занятое выгоднымъ трудомъ, производить по 120 четвертей. Итакъ, успѣшность труда въ этомъ обществѣ такова, что если бы всѣ рабочія силы его были бы обращены на производство продуктовъ, пригодныхъ быть капиталомъ, и всѣ продукты, пригодные быть капиталомъ, дѣйствительно шли въ капиталъ, то капитала производилось бы по 120 четвертей на каждое семейство,—то есть работники жили бы въ изобиліи, матеріаловъ для производства было бы очень много, орудія труда были бы превосходныя (на все это нужно только по 50 четвертей), и кромѣ того оставался бы значительный избытокъ продуктовъ, который пригодился бы для доставленія работникамъ большаго отдыха, большаго образованія, большаго нравственнаго развитія. Если этого нѣтъ, если трудъ снабженъ плохимъ продовольствіемъ, плохими орудіями и часто остается безъ занятія (то есть вовсе безъ продовольствія) по недостатку продуктовъ на его содержаніе за занятіемъ и по недостатку матеріаловъ для обработки, это происходитъ не оттого, чтобы трудъ въ этомъ обществѣ уже не достигъ самъ по себѣ достаточной успѣшности,—нѣтъ, просто потому, что слишкомъ большая часть его идетъ на убыточное для общества производство, а изъ продуктовъ той части труда, которая занята выгоднымъ производствомъ, слишкомъ большая часть отдается въ убыточное потребленіе и слишкомъ малая обращается въ капиталъ.

Достаточность или недостаточность капитала страны зависитъ, какъ мы видимъ, отъ распредѣленія рабочихъ силъ между выгоднымъ и убыточнымъ производствомъ и отъ распредѣленія продуктовъ, могущихъ быть капиталомъ, между выгоднымъ и убыточнымъ потребленіемъ; а оба эти обстоятельства зависятъ отъ экономическихъ учрежденій страны; изъ этого мы выводимъ второе, очень важное заключеніе: учрежденія страны имѣютъ чрезвычайно сильное вліяніе на ея благосостояніе, и кто занимается вопросомъ о возвышеніи благосостоянія страны, долженъ обратить вниманіе прежде всего на гражданскія отношенія между ея жителями.

Капиталъ, въ научномъ смыслѣ слова, совершенно не то, что деньги; деньги, сами по себѣ, вовсе не составляютъ никакого капитала. Послѣ этого является вопросъ, какимъ же путемъ деньги имѣютъ вліяніе на производство страны? Полный отвѣтъ на это мы найдемъ при изложеніи понятій о звонкой монетѣ и о кредитѣ (въ книгѣ III), а теперь только приведемъ одну черту, по которой можно предугадать все рѣшеніе вопроса. Деньги служатъ выраженіемъ покупательной силы (purchase power); а желаніемъ покупателей опредѣляется, чѣмъ будутъ заняты рабочія силы, имъ покупаемая, и какое назначеніе получаютъ продукты, производимые работниками. Представимъ, на примѣръ, такой случай:

Положимъ, что въ извѣстномъ экономическомъ округѣ изъ 200 работ-

никовъ 80 заняты убыточнымъ, а 120 выгоднымъ трудомъ; положимъ, что все они вмѣстѣ получаютъ 20,000 рублей, т. е. на занятіе каждаго изъ нихъ работою употребляется покупательная сила во 100 рублей. Получая эти деньги, т. е. эту покупательную силу, они обращаютъ ее на пріобрѣтеніе предметовъ первой необходимости, которые все для краткости мы переведемъ на пшеницу. Положимъ, что въ этомъ обществѣ находится 5,000 четвертей пшеницы; тогда покупательная сила, важная для пріобрѣтенія одной четверти пшеницы, будетъ состоять въ 4 рубляхъ (на 20,000 рублей покупается 5,000 четвертей пшеницы). Положимъ теперь, что пріѣхалъ въ это общество иностранецъ съ цѣлью заниматься земледѣліемъ и привезъ тоже 20,000 рублей серебромъ. Отъ прибытія этихъ денегъ капиталъ страны еще не увеличился ни однимъ зерномъ пшеницы. Но посмотримъ, какая перемѣна произошла въ качествахъ покупательной силы. Прежде при покупательной силѣ въ 20,000 рублей нанимались на убыточное производство 80 человекъ изъ 200 человекъ, значить, изъ 20,000 рублей покупательной силы употреблялось на это дѣло 8,000 рублей, составлявшіе тогда 40% всей покупательной силы, а на выгодное производство оставалось только 60% покупательной силы. Теперь къ прежней покупательной силѣ прибавилось еще 20,000 рублей и вся она составляетъ уже 40,000 рублей; весь этотъ прибавокъ обращенъ волею своего владѣльца на выгодное производство. На убыточное производство идетъ по прежнему 8,000 рублей, но въ 40,000 рубляхъ эти 8,000 составляютъ уже только 20%; это значить, что эта покупательная сила уже въ несостояніи отвлечь отъ выгоднаго производства къ убыточному прежнихъ 80 работниковъ, а можетъ отвлечь только 40. Въ денежномъ счетѣ новое положеніе дѣлъ выразится такимъ образомъ: трудъ 200 работниковъ покупается теперь за 40,000 рублей, т. е. трудъ каждаго работника за 200 рублей; и на 8,000 рублей можно нанять только 40 работниковъ. Остальные 160 работниковъ будутъ наняты для выгоднаго производства на остальные 32,000 рублей. На первый годъ существуетъ для продажи только 5,000 четвертей пшеницы и работники имѣютъ 40,000 рублей, чтобы заплатить за это количество хлѣба; и такъ цѣна пшеницы будетъ 8 рублей за четверть. Пока работники еще ничего не выиграли и капиталъ страны не увеличился. Но въ теченіе года занимались производствомъ пшеницы не 120 работниковъ, какъ прежде, а 160 работниковъ; если 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ произведутъ 6,000 четвертей ³¹⁾.

Такимъ образомъ на каждаго работника будетъ приходиться уже не 25 четвертей, какъ прежде, а 30 четвертей пшеницы; мы видѣли, что именно

³¹⁾ Полагая только 6,000, а не 6,666, какъ приходилось бы по точной пропорціи, мы слѣдуемъ въ этомъ случаѣ принципамъ Мальтуса и Рикардо, доказывающихъ, что масса земледѣльческихъ продуктовъ возрастаетъ не такъ быстро, какъ масса рабочихъ силъ обращенныхъ на земледѣліе; при изложеніи теорій Мальтуса и Рикардо мы увидимъ однако, что вліяніе этого принципа уравнивается, а иногда и перевѣшивается вліяніемъ другихъ послѣдствій, соединенныхъ съ увеличеніемъ населенія, и что если 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ должны произвести не 6,000 четвертей и даже не 6,666, а 7,000 или 8,000 четвертей. Но теперь мы еще не имѣемъ права принимать такого послѣдствія, не изложивъ его основаній.

пшеница и составляет то, что въ наукѣ называется капиталомъ; и такъ черезъ годъ по прибытіи иностранца съ его 20,000 руб. капиталъ страны увеличился, т. е. трудъ этой страны получилъ лучшее содержаніе и производительные процессы улучшились: въ земледѣліи произведены усовершенствованія, земля стала удобряться лучше прежняго, введены лучшіе плуги, улучшился рабочій скотъ, страна стала гораздо благосостоятельнѣе прежняго.

Чѣмъ же произведена эта перемѣна къ лучшему, это увеличеніе капитала, влекущее за собою постоянное возвышеніе количества продуктовъ? Собственно ли прибытіемъ денегъ? Нѣтъ, собственно только тѣмъ, что увеличилась пропорція покупательной силы, обращенной на выгодное производство, и уменьшилась пропорція этой силы, обращенной на убыточное производство. Въ этомъ состоитъ сущность дѣла, а прибытіе денегъ было лишь ея симптомомъ, который тутъ сопровождалъ хорошую перемѣну, но которымъ точно также могла сопровождаться и дурная перемѣна;—чтобы увидѣть, какъ могла сопровождаться имъ дурная перемѣна, мы только должны предположить, что иностранецъ привезъ свои 20,000 р. съ намѣреніемъ не заняться земледѣліемъ, а построить, напримѣръ, оранжерею,—производство убыточное для общества. Что мы будемъ имѣть тогда?

На занятіе работниковъ земледѣліемъ обращалось прежде 12,000 р. Только они и остаются на это назначеніе, а 20,000 р. прибавляются къ тѣмъ 8,000 р., которые прежде отвлекали работниковъ къ убыточному производству. Итакъ, изъ 40,000 р., составляющихъ теперь покупательную силу, 28,000 р., т. е. 70% (вмѣсто прежнихъ 40%), обращаются на покупку труда для убыточнаго производства, а на выгодное производство остается только 30% покупательной силы,—при 40,000 р., платимыхъ 200 работникамъ, работникъ нанимается за 200 р., и на 12,000 р. можно занять земледѣліемъ только 60 человекъ. Если прежде 120 работниковъ производили 5,000 четвертей, то 60 работниковъ произведутъ теперь только 3,000 четвертей ³²⁾. Итакъ, теперь на работника приходится уже только по 15 четвертей пшеницы, вмѣсто прежнихъ 25 четвертей. Итакъ отъ прибытія иностранца съ его 20,000 р. капиталъ общества сильно уменьшился, и общество обѣднѣло.

Мы видимъ, что прибыль денегъ можетъ уменьшать капиталъ страны; наоборотъ, убыль денегъ можетъ увеличивать его. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что люди, располагавшіе 8,000 рублей, на которые покупался трудъ для убыточнаго производства, потеряли болѣе половины своего состоянія, цѣлыхъ 5,000 р., сохранивъ только 3,000 р. вмѣсто прежнихъ 8,000 р. Въ такомъ случаѣ, вмѣсто прежнихъ 20,000 р., общество будетъ имѣть только 15,000 р. На эту сумму будетъ купленъ трудъ 200 работниковъ, то есть каждый работникъ получитъ за трудъ вмѣсто прежнихъ 100 р. только 75 р. Но отъ потери денегъ не уменьшилось количество пшеницы, произведенное предидущею жатвою, и за 15,000 р. будутъ куплены работниками тѣ же 5,000 четвертей,—они ничего не потеряли въ этомъ году отъ потери 5,000 р. людьми, нанимавшими ихъ на убыточный трудъ; напротивъ, они скоро выиграютъ отъ этой потери. Въ самомъ дѣлѣ,

³²⁾ Мы полагаемъ 3,000, а не 2,500 четвертей, опять слѣдуя принципу Мальтуса и Рикардо.

на 3,000 р., по 75 р. человѣку, можно нанять на убыточный трудъ только 40 работниковъ, а на остальные 12,000 р., нанимающіе работниковъ для выгоднаго труда, будутъ наняты (по 75 р.) 160 человѣкъ; и если прежде 120 работниковъ, занимавшіеся земледѣліемъ, производили 5,000 четвертей, то 160 работниковъ произведутъ 6,000 четвертей, и на слѣдующій годъ общество будетъ имѣть, вмѣсто прежнихъ 25 четвертей, по 30 четвертей пшеницы на работника. Изъ этого мы видимъ, что отъ потери 5,000 р. людьми, нанимающими работниковъ на убыточный трудъ, точно въ такой же степени увеличивается капиталъ общества, какъ отъ прибыли 20,000 р., привозимыхъ иностранцемъ для найма работниковъ на выгодный трудъ.

Важность не въ томъ, увеличивается или уменьшается сумма денегъ, находящихся въ обществѣ,—вся важность только въ томъ, какъ измѣняется пропорція между покупательною силою людей, которымъ нуженъ выгодный трудъ, и людей, которымъ нуженъ убыточный трудъ.

Мы полагаемъ, что весь этотъ длинный этюдъ о понятіи капитала, служащій только развитіемъ словъ Милля: „капиталъ—вовсе не деньги, а только продукты, употребляемые на производство“,—словъ, заключающихъ въ себѣ одну изъ основныхъ теоремъ Смитовской теоріи,—мы надѣемся, что этотъ этюдъ могъ содѣйствовать укрѣпленію мысли читателя въ научномъ понятіи о капиталѣ. Если такъ, то читатель достаточно вознагражденъ за скуку, которую могли пробуждать въ немъ эти страницы. Утвердить въ себѣ точное понятіе о научномъ смыслѣ термина „капиталъ“—вещь чрезвычайной важности: кто твердъ въ немъ, тотъ (повторимъ метафору Милля) уже почти вышелъ изъ мрака меркантильныхъ заблужденій, господствующихъ надъ разговорнымъ языкомъ, въ свѣтъ здравыхъ экономическихъ воззрѣній.

Мы очень долго останавливались на анализѣ научнаго понятія о капиталѣ, но еще не касались той полемики, которая ведется въ защиту и противъ капитала въ его разговорномъ значеніи, совершенно различномъ отъ научнаго, а часто (и даже большею частью) совершенно противоположномъ ему,—о полемикѣ, въ которой подъ именемъ капитала разумѣются деньги и кредитныя бумаги, а еще точнѣе сказать, особенные люди, владѣющіе большимъ количествомъ денегъ и кредитныхъ бумагъ. Анализъ этой полемики мы отложимъ до тѣхъ отдѣловъ книги Милля, которые говорятъ о прибыли, получаемой капиталистами и вообще хозяевами промышленныхъ заведеній (profit), о процентахъ (interest), о звонкой монетѣ и кредитныхъ знакахъ (книга I, гл. 15; книга III, гл. 7—12 и глава 23).

Намъ придется также возвратиться къ вопросу о томъ, почему появленіе иностранныхъ капиталистовъ, или ихъ агентовъ, привозящихъ съ собою только кредитные знаки или звонкую монету, почти всегда ведетъ къ увеличенію капитала страны и почти никогда къ ея обѣдненію, хотя сами по себѣ деньги вовсе не капиталъ, и хотя, какъ мы видѣли, прибыль денегъ равно можетъ служить къ увеличенію и къ уменьшенію капитала,—это разъяснится для насъ отдѣломъ о ввозѣ монеты, о заграничной торговлѣ и о распредѣленіи драгоцѣнныхъ металловъ по торговому свѣту (книга III, главы 19—21).

ТРУДЪ и КАПИТАЛЬ, КАКЪ ЭЛЕМЕНТЫ ПРОИЗВОДСТВА.

Общій выводъ изъ предыдущаго отдѣла.

1. Предметы и явленія, производимыя самою природою, безъ содѣйствія чловѣка, оказываются недостаточны по количеству или качеству для удовлетворенія чловѣческихъ нуждъ; изъ этого возникаетъ чловѣку надобность направлять своею дѣятельностью силы и предметы природы къ произведенію предметовъ и явленій, соотвѣтствующихъ потребностямъ его организма. Эта дѣятельность называется трудомъ (Милль, кн. I. гл. 1, § 1—3; стр. 31—34).

2. Этимъ опредѣленіемъ труда, какъ дѣятельности, обусловливаемой произведеніемъ внѣшнихъ предметовъ и явленій, выставляется объективная сторона труда; но, подобно всякой чловѣческой дѣятельности, трудъ имѣетъ и субъективную сторону. Разматривая трудъ по отношенію къ органическимъ отравленіямъ, мы находимъ, что эта дѣятельность составляетъ функцію головного мозга (умственный трудъ) и мускуловъ (физическій трудъ), какъ пищевареніе—функцію желудка; а общее свойство функцій, требуемыхъ природою органовъ, заключается въ томъ, что дѣятельность приноситъ наслажденіе тому органу, которымъ совершается. Если трудъ бываетъ непріятенъ, это происходитъ, въ противность его натурѣ, отъ вліянія неблагопріятныхъ для дѣятельности мускуловъ и мозга обстоятельствъ; такіе случаи составляютъ нарушеніе нормальнаго порядка („0 непріятности труда“, стр. 70—76).

3. Итакъ, полное понятіе о трудѣ будетъ таково: трудъ есть дѣятельность мозга и мускуловъ, составляющая природную, внутреннюю потребность этихъ органовъ, находящихъ въ ней свое наслажденіе, а внѣшнимъ своимъ результатомъ имѣющая приведеніе силъ и предметовъ природы къ производству предметовъ и явленій, удовлетворяющихъ нуждамъ чловѣческаго организма.

4. Въ каждомъ трудѣ участвуютъ непременно и мускулы, и мозгъ, такъ что нѣтъ труда исключительно умственнаго или исключительно физическаго: каждый трудъ,—есть трудъ умственно-физическій; если говорится о различіи труда умственнаго и физическаго, этимъ различіемъ указывается только то, что въ одномъ главная роль принадлежитъ мозгу,

въ другомъ—мускуламъ; но это преобладаніе одного элемента не есть исключеніе другаго: дѣятельность мозга всегда требуетъ нѣкотораго содѣйствія мускуловъ, а дѣятельность мускуловъ всегда производится подъ управленіемъ дѣятельности мозга.

5. По различію цѣлей, которыя ставитъ себѣ трудъ, онъ раздѣляется на отрасли, чрезвычайно различныя, такъ что законы и условія каждой изъ нихъ составляютъ предметъ особенной науки; такъ, трудъ, обращенный на сохраненіе или возстановленіе здоровья въ организмѣ, составляетъ предметъ медицинской науки; трудъ, обращенный на охраненіе правъ чело-вѣка—предметъ юридической науки. Предметомъ политической экономіи служитъ та отрасль труда, которая обращена на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей чело-вѣческаго организма. Когда политическая экономія говоритъ просто „трудъ“, тутъ надобно понимать исключительно отрасль труда, обращенную на удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей чело-вѣка.

6. Эта отрасль труда, или, какъ мы для краткости говоримъ просто „трудъ“, подраздѣляется въ свою очередь на разные разряды, и возникаетъ нѣсколько классификацій труда, смотря по тому, какія стороны дѣла принимаются во вниманіе. Если мы обратимъ вниманіе на то, какимъ образомъ относится извѣстная частная форма труда къ производству предмета, пригоднаго къ удовлетворенію потребностей, то мы увидимъ, что нѣкоторыя формы труда употребляются прямо на окончательную выдѣлку предмета, нами потребляемаго—трудъ, прямо обращенный на производство этого предмета, или трудъ прямой; другія формы труда употребляются на изготовленіе матеріаловъ, обдѣлываемыхъ прямымъ трудомъ, или орудій и силъ, которыми онъ дѣйствуетъ, или обстановки, нужной для него, или на приготовленіе работника къ труду, или на приготовленіе содержанія для работника и проч.—трудъ, косвенно содѣйствующій производству предмета, косвенный трудъ (глава 2, §§ 1—7, стр. 35—44 и Обзоръ первыхъ трехъ главъ, стр. 76—77). Понятія, связанныя съ этою классификаціею, довольно привычны каждому въ образованномъ обществѣ, потому намъ нѣтъ надобности особенно настаивать на нихъ.

7. Точно тоже надобно сказать о другой классификаціи, дѣлящей трудъ по внѣшнимъ качествамъ производимыхъ имъ продуктовъ: если продуктами бываютъ матеріальные предметы или, точнѣе сказать, предметы, могущіе сохраняться довольно долго, трудъ называется производительнымъ, а если трудъ производитъ только мимолетныя явленія, исчезающія при самомъ своемъ возникновеніи, трудъ называется непроизводительнымъ (глава 2, §§ 1—4, стр. 46—52 и Обзоръ первыхъ трехъ главъ, стр. 81—82).

8. Обѣ эти классификаціи справедливы и не лишены нѣкоторой важности; но несравненно важнѣе ихъ обѣихъ классификація, основанная на разсмотрѣннн той экономической роли, къ какой способны продукты, основанная на различіи продуктовъ по тѣмъ качествамъ, которыя, съ экономической точки зрѣнія, представляются существенными и внутренними качествами ихъ. Есть продукты, пригодные на поддержаніе новаго производства; трудомъ, употребленнымъ на нихъ, благосостояніе общества поддер-

живается и увеличивается; потому трудъ, обращенный на производство такихъ предметовъ, мы называемъ выгоднымъ для общества или просто выгоднымъ. (Наука смотритъ на всѣ предметы съ точки зрѣнія общечеловѣческой или общественной, и должно само собою разумѣться, что, когда она говоритъ о выгодѣ, тутъ надобно понимать выгоду для общества, если не сдѣлано положительной оговорки, ограничивающей смыслъ слова). Другіе продукты непригодны на веденіе производства, потому для матеріальнаго общественнаго благосостоянія совершенно пропадаетъ обращенный на ихъ производство трудъ и все содержаніе этого труда, всѣ матеріалы и орудія его безвозвратно исчезаютъ изъ той суммы средствъ, отъ которой зависитъ общественное благосостояніе; этотъ трудъ долженъ называться убыточнымъ (Выгодное и убыточное для общества производство и потребление, стр. 59—70).

9. Классификація труда по его выгодности или убыточности для общества далеко не совпадаетъ съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ труда на производительный и непроизводительный. Нѣкоторые разряды непроизводительнаго труда, то есть труда, продуктомъ котораго не бываютъ матеріальные предметы, чрезвычайно выгодны, потому что ими создаются силы и условія, необходимыя для производства; таковъ, на примѣръ, трудъ, обращенный на умственное или нравственное усовершенствованіе человѣка. За то очень многіе разряды производительнаго труда убыточны для общества, на примѣръ, трудъ, обращенный на производство предметовъ роскоши, и всякій вообще трудъ, вредный для физическихъ, умственныхъ или нравственныхъ силъ человѣка, занимающагося имъ; потому что трудъ этихъ разрядовъ имѣетъ своимъ результатомъ не увеличеніе, а уменьшеніе средствъ, дающихъ матеріальное благосостояніе обществу, т. е. уменьшеніе самаго благосостоянія общества. Напротивъ, это дѣленіе труда на выгодный и убыточный имѣетъ тѣсную связь съ обычнымъ дѣленіемъ потребления на производительное и непроизводительное; выгоденъ тотъ трудъ, продукты котораго пригодны, убыточенъ тотъ, продукты котораго не пригодны на производительное потребление.

10. Итакъ, по внутреннимъ своимъ качествамъ, по существенному своему характеру продукты выгоднаго труда (развитія физическихъ, умственныхъ или нравственныхъ силъ человѣка, возникающій отъ надлежащаго ихъ состоянія хорошій общественный порядокъ, орудія производства, матеріалы производства, предметы, пригодные на потребление работниковъ) должны обращаться на производительное потребление. Достигаютъ ли они такого назначенія, требуемаго ихъ внутренними качествами, зависитъ отъ разныхъ условій и обстоятельствъ, изъ которыхъ важнѣйшимъ и постояннымъ бываютъ общественныя учрежденія (законы). Та часть продуктовъ выгоднаго труда, которая не достигаетъ этой своей существенной цѣли, которая отвлекается отъ нея къ непроизводительному потребленію, пропадаетъ для матеріальнаго благосостоянія общества, подобно продуктамъ убыточнаго труда. Та часть, которая достигаетъ назначенія, сообразнаго съ ея коренными экономическими качествами, которая дѣйствительно идетъ на потребление производительное, называется капиталомъ.

11. Трудъ—единственный элементъ производства, лежащій въ организмѣ самаго человѣка; потому, съ человѣческой точки зрѣнія, всѣ продукты производства должны считаться продуктами исключительно труда. По строгой систематичности идей, понятіе вознагражденія относится скорѣе къ ученію о распредѣленіи, нежели къ ученію о производствѣ. Но отступленіе отъ точныхъ научныхъ приѣмовъ въ изложеніи экономической теоріи,—отступленіе, свойственное всѣмъ послѣдователямъ Смитовской школы и состоящее въ подстановкѣ анализа второстепенныхъ феноменовъ вмѣсто анализа основныхъ фактовъ,—привело Милля къ сопряженію съ понятіемъ вознагражденія въ теоріи производства, и мы принуждены коснуться здѣсь этой стороны предмета, о которой собственно слѣдуетъ намъ говорить гораздо ниже, во второй и въ третьей частяхъ трактата, въ теоріи распредѣленія и обмѣна. Съ человѣческой точки зрѣнія, весь продуктъ обязанъ своимъ возникновеніемъ труду, стало быть, весь онъ долженъ составлять принадлежность того самаго организма, трудомъ котораго созданъ. Если въ созданіи продукта участвовалъ трудъ не одного, а многихъ человѣческихъ организмовъ, продуктъ долженъ распредѣляться между ними пропорціонально количеству труда, вложенному каждымъ изъ нихъ въ созданіе продукта. Это мы замѣчаемъ здѣсь только мимоходомъ, для предупрежденія читателя о характерѣ точной научной теоріи вознагражденія, а самое изложеніе этой теоріи оставляемъ до тѣхъ частей трактата, къ которымъ она собственно принадлежитъ (Обзоръ отдѣла о трудѣ, стр. 77—84).

12. Продуктъ возникаетъ изъ сочетанія трехъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ вносится въ него человѣческимъ организмомъ, а два другіе внѣшнюю природою: изъ матеріала, изъ силъ природы, преобразующихъ этотъ матеріалъ, и изъ труда, направляющаго дѣятельность силъ природы къ произведенію въ матеріалѣ именно такой перемѣны, какая нужна человѣку. Когда внѣшніе предметы и силы внѣшнихъ предметовъ, входящія въ производство продукта, созданы не трудомъ, а только самопроизвольною дѣятельностью природы, они не входятъ въ экономическій расчетъ. Отступленіемъ изъ этого принципа, основаннаго на сущности дѣла, являются тѣ случаи, когда матеріалы или силы природы, существующія независимо отъ труда, доставляются природою, или въ количествѣ, допускающемъ обращеніе ихъ подъ власть отдѣльныхъ людей, или даже въ количествѣ меньшемъ того, какое было бы нужно людямъ; въ этихъ случаяхъ, при извѣстномъ состояніи общества, возникаетъ монополія такихъ предметовъ и силъ (глава I, § 4). Понятіе монополіи относится собственно не къ производству, а къ распредѣленію и обмѣну, и мы здѣсь только предварительно упоминаемъ о немъ, оставляя до тѣхъ частей трактата, къ которымъ оно собственно относится, разсмотрѣніе экономической роли этого феномена и объясненіе степени его соотвѣтственности съ потребностями человѣка и съ экономическимъ расчетомъ. Кромѣ этихъ случаевъ отступленій отъ принципа, лежащаго въ сущности дѣла, отступленій, называемыхъ монополіями, внѣшніе предметы и силы внѣшнихъ предметовъ входятъ въ экономическій расчетъ лишь тогда, когда бываютъ продуктами

труда, и должны входить въ него пропорціонально количеству труда, употребленнаго на ихъ созданіе.

13. Такимъ образомъ экономическая теорія предоставляетъ естественнымъ наукамъ и технологическимъ ихъ приложеніямъ изслѣдованіе пригодныхъ къ производству предметовъ и силъ внѣшней природы, а сама занимается только трудомъ и его отношеніями къ внѣшней природѣ; предметы и силы внѣшней природы разсматриваетъ она только съ той стороны, съ которой они бывають продуктами труда, да и тутъ обращаетъ вниманіе собственно только на то, какъ входятъ они въ экономическій расчетъ труда.

14. Итакъ, предметомъ изслѣдованій экономической теоріи служить трудъ въ двухъ формахъ: объ одной изъ нихъ, въ которой онъ является производящею дѣятельностью, мы уже говорили. Теперь мы должны обратиться къ другой формѣ его, когда онъ, реализовавшись въ матеріальныхъ продуктахъ, содѣйствующимъ дальнѣйшему производству, называется капиталомъ. Для человѣка, желающаго достигъ вѣрнаго взгляда на экономическія явленія, чрезвычайно важно утвердиться въ научномъ понятіи о капиталѣ, какъ о массѣ продуктовъ, пригодныхъ на производство и дѣйствительно употребляемыхъ на производство, и совершенно очистить свою мысль отъ вліянія ошибочныхъ сужденій, навѣваемыхъ спутываніемъ научнаго понятія о капиталѣ съ меркантильными отбѣнками значенія этого слова въ разговорномъ языкѣ (Милль, книга I, глава 4, стр. 88—96 и Анализъ понятія капитала, стр. 132—141).

15. Утвердившись въ научномъ понятіи о капиталѣ, мы безъ всякаго труда увидимъ справедливость той основной теоремы ученія о капиталѣ, что размѣръ производства въ данной странѣ опредѣляется размѣромъ капитала, существующаго въ ней, то есть количествомъ продуктовъ, идущихъ на производство. Увеличить производство страны, служащее основаніемъ ея благосостоянію, можно только путемъ увеличенія капитала, то есть массы продуктовъ, достающихся на потребленіе работниковъ или употребляемыхъ на производство въ видѣ орудій и матеріаловъ (глава 5, § 1, стр. 97). Эта цѣль можетъ быть достигаема, кромѣ усовершенствованія производительныхъ процессовъ, составляющихъ предметъ технологіи, еще тремя способами, принадлежащими кругу предметовъ экономической теоріи. Во-первыхъ, уменьшеніемъ той пропорціи продуктовъ, пригодныхъ на капиталъ, которая отвлекается отъ этого назначенія, иначе сказать, сокращеніемъ непроизводительнаго потребленія и перенесеніемъ рабочихъ силъ отъ убыточнаго труда къ выгодному (Анализъ понятія капитала, стр. 142—146); во-вторыхъ, доставленіемъ работнику возможности обращать на домашнія издѣлія тѣ мелкіе промежутки времени, которые остаются у него праздными отъ занятія кореннымъ его промысломъ (примѣчаніе на стр. 98); въ третьихъ, возбужденіемъ большей энергіи въ трудѣ, которая бываетъ пропорціональна хорошимъ качествамъ общественныхъ учрежденій и размѣру доли продукта, поступающей въ руки работника (примѣчанія 19 и 20, на стр. 108—110 и прибавленіе къ примѣчанію Милля, на стр. 112—113).

16. При ясномъ сознаниі отношеній производства къ потребленію, при сознаниі того, что потребленіе работниковъ можетъ возрасти до степени гораздо высшей, нежели на какой стоитъ нынѣ, и что каждое возрастаніе въ ихъ потребленіи будетъ сопровождаться возрастаніемъ производства, невозможно усомниться въ томъ, что непроизводительное потребленіе, то есть потребленіе продуктовъ труда не лицами, трудившимися надъ производствомъ продукта, приноситъ обществу вредъ, и что всякое уменьшеніе непроизводительнаго потребленія ведетъ къ возрастанію производства (глава 5, § 3, стр. 99—101 и Анализъ понятія капитала, стр. 142—146).

17. Неудовлетворительность терминологіи, принятой въ школѣ Смита, видна между прочимъ и на терминѣ, которымъ характеризуется путь возникновенія капитала: въ школѣ Смита принято говорить, что капиталъ образуется сбереженіемъ, между тѣмъ какъ въ сущности гораздо сильнѣе простаго сбереженія тутъ дѣйствуетъ производительное потребленіе: школа Смита принуждена объяснять, что въ ея теоріи слово „сберегать“ употребляется вмѣсто выраженія: „потреблять производительнымъ образомъ“. Страна поддерживаетъ и увеличиваетъ свое благосостояніе только тѣмъ, что капиталъ ея быстро потребляется производительнымъ образомъ, или, точнѣе сказать, только постояннымъ продолженіемъ и развитіемъ выгоднаго труда (глава 5, §§ 4—7, стр. 102—109).

18. Наоборотъ, каждое, даже кратковременное расширеніе непроизводительнаго потребленія на счетъ производительнаго или расширеніе убыточнаго труда насчетъ выгоднаго наноситъ странѣ убытокъ несравненно большій, нежели та сумма продуктовъ, которая отвлечена такимъ образомъ отъ выгоднаго потребленія къ убыточному, потому что этимъ фактомъ не только губятся уже изготовленные продукты труда, но, что еще важнѣе, отнимаются средства къ продолженію выгоднаго труда. Этимъ не только губится уже созрѣвшая жатва, но также портится самая почва, дающая жатвы, и истребляются сѣмена, изъ которыхъ должны выростать будущія жатвы (гл. 5, § 8, стр. 109—114).

19. Если въ нашемъ соображеніи ясно и неуклонно держится точное научное понятіе о капиталѣ, мы очень легко поймемъ, что трудъ содержится капиталомъ, то есть продуктами, идущими на его содержаніе,—а не запросомъ на продукты, изготовляемые этимъ трудомъ, и что запросомъ на товары опредѣляется вовсе не количество труда, то есть не общее число работниковъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, продовольствующихся платою за производительный трудъ, а только то, въ какой пропорціи распредѣляется это число рабочихъ между производствами разныхъ товаровъ³³⁾ (глава 5, § 9; 115—121).

³³⁾ Много разъ мы замѣчали сбивчивость, вносимую въ изложеніе принциповъ политической экономіи тѣмъ, что послѣдователи Смита слишкомъ часто забываютъ обращать анализъ на коренную сущность дѣла, останавливаясь на второстепенныхъ симптомахъ его и вмѣсто приемовъ строгаго научнаго употребляютъ поверхностный меркантильный методъ. Милль, менѣе всѣхъ континентальныхъ послѣдователей Смита грѣшавшій этимъ недостаткомъ, все еще слишкомъ много грѣшитъ имъ, и дурныя послѣдствія поверхностнаго метода въ очень широкомъ размѣрѣ проявля-

20. Изъ того, что запросъ на товаръ не увеличиваетъ благосостоянія работниковъ, прямо слѣдуетъ, что совершенно ошибочна очень распространенная мысль, будто-бы извѣстный классъ приноситъ другимъ классамъ или всей націи пользу своимъ потребленіемъ: нѣтъ, потребление не прино-

ются у него, на примѣръ, при изложеніи этой теоремы. Попробуемъ анализировать сущность дѣла.

Общество имѣетъ въ данномъ году извѣстное количество хлѣба, мяса, молока, простыхъ сортовъ одежды, простыхъ помѣщений и другихъ предметовъ, которые нужны на содержаніе работниковъ. Изъ этихъ вещей извѣстная часть идетъ на содержаніе производительныхъ работниковъ, и только она составляетъ капиталъ. Другая часть тѣхъ же вещей, идущая на содержаніе непроизводительныхъ работниковъ или людей вовсе не работающихъ, не составляетъ капитала, а служитъ предметомъ непроизводительнаго потребленія. Какое же количество работниковъ будетъ въ этомъ году въ этомъ обществѣ содержаться при занятіи производительнымъ трудомъ? Дѣло ясное, что при этомъ занятіи будетъ содержимо только то число работниковъ, какое можетъ быть содержимо идушею на ихъ содержаніе частью хлѣба, мяса, одежды и т. д.; а именно эта часть и составляетъ капиталъ; потому, разумѣется, работники эти содержатся капиталомъ, а не чѣмъ нибудь инымъ, и, на примѣръ, не запросомъ на товары. Если капиталъ не увеличивается, не можетъ увеличиваться и число производительныхъ работниковъ. Запросомъ на товары, какъ явно изъ этого, опредѣляется только характеръ работы, а не число работниковъ. Если, на примѣръ, на пищу работника нужно 2 четверти хлѣба въ годъ, и если на содержаніе производительныхъ работниковъ употребляется 100 четвертей, то будутъ имѣть содержаніе и работу 50 работниковъ. Запросъ на товары будетъ опредѣлять только, какими работами какая пропорція изъ этого числа работниковъ будетъ занята. Если, на примѣръ, запросъ на бархатъ будетъ составлять одну пятую часть всей суммы запроса на всѣ товары, запросъ на хлѣбъ и мясо двѣ пятыхъ, а остальные двѣ пятая части всей суммы запроса будутъ составлять запросъ на остальные товары. То изъ 50 работниковъ десятеро будутъ заняты выдѣлкою бархата, 20 человекъ—производствомъ хлѣба и мяса, остальные 20—выдѣлкою всѣхъ другихъ товаровъ, также по пропорціи запроса на каждый изъ нихъ. Если пропорція запроса на разные товары измѣнится, измѣнятся и пропорціи, по которой эти 50 человекъ распределяются между разными производительными работами.

Вотъ въ этомъ и все дѣло; оно такъ просто, что вполне излагается, объясняется и доказывается на слѣдующихъ четырехъ съ половиною строкахъ:

Количество производительныхъ работниковъ не можетъ быть больше того, какое можетъ содержаться на предоставляемые этимъ работникамъ предметы продовольствія; предоставляемые производительнымъ работникамъ предметы продовольствія составляютъ капиталъ; и такъ число работниковъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, опредѣляется размѣромъ капитала.

Вмѣсто того, чтобы обратиться прямо и просто къ этому коренному факту, Милль беретъ за изложеніе дѣла лишь посредствомъ анализа второстепенныхъ симптомовъ его; потому изложеніе сильно запутывается. Онъ разбираетъ одинъ симптомъ и доходитъ до своего заключенія,—но тутъ представляются разные сомнѣнія и возраженія по неудовлетворительности перваго анализа. Чтобы опровергнуть ихъ, онъ долженъ брать за другіе симптомы, съ ними повторяется та же исторія, и вопросъ остается запутаннымъ до самаго конца. Ближе всего подходитъ къ сущности дѣла примѣръ, представляемый Миллемъ въ примѣчаніи на страницахъ 200 и 201,—примѣръ двухъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ обращаетъ свой доходъ на содержаніе работниковъ, а другой на свой собственный столъ. Доказательство это, данное послѣ многихъ недостаточныхъ разъясненій, одно излагаетъ наконецъ въ истинномъ научномъ видѣ ту сторону дѣла, на которую обращено вниманіе Милля. Но, запутавъ самъ для себя сущность вопроса предшествующимъ поверхностнымъ изложеніемъ, Милль и тутъ забылъ обстоятельство очень важное: онъ не опредѣляетъ характера производительнаго труда, которымъ заняты работники, и оттого вовлекается въ недосмотръ, отнимающій почти всю силу у доказываемой имъ теоремы.

Положимъ, говоритъ Милль, что землевладѣлецъ А, получая ренту патурою, расходуетъ ее на содержаніе работниковъ. Положимъ, что фермеру дается предувѣдомленіе какими продуктами потребуется уплата ренты. Продуктомъ, производимымъ для уплаты ренты, будетъ въ этомъ случаѣ хлѣбъ, которымъ будетъ содержать своихъ работниковъ А.—Если вмѣсто А явится новый владѣлецъ В, который захочетъ потреблять ренту въ видѣ гастрономическихъ блюдъ за своимъ собственнымъ столомъ, фермеръ долженъ будетъ на производство этихъ дорогихъ припасовъ, потребляемыхъ лично однимъ В, употребить ту часть

ситъ пользы никому кромѣ потребляющаго. Другіе люди могутъ получать пользу только отъ того, что производить человѣкъ, а не отъ того, что онъ потребляетъ. Если потребленіе служить извѣстному человѣку или классу источникомъ производства (производительное потребленіе, иначе сказать,

труда, которая прежде производила хлѣбъ, шедшій въ ренту А и продовольствовавшій работниковъ А. Теперь хлѣба на продовольствіе этихъ работниковъ уже не будетъ производиться.—Совершенно такъ.—Но, продолжаетъ Милль, если В не будетъ въ первый годъ брать ренты, а оставитъ ее у фермера, фермеръ употребитъ ее на продовольствіе бывшихъ работниковъ А, которые, продовольствуясь по прежнему, произведутъ на второй годъ роскошные продукты для стола В, и положеніе работниковъ останется такое же, какъ было при А.—Вотъ этого заключенія, что положеніе работниковъ не измѣнится, нельзя сдѣлать, не зная того, какимъ трудомъ занимались работники А: если они работали въ его оранжереѣ, положеніе дѣлъ при В дѣйствительно не измѣнится; но если они занимались хлѣбопашествомъ, то измѣнится. Мы это сейчасъ увидимъ, если не полѣнимся сосчитать.

Введя подразличеніе, о которомъ забываетъ Милль, мы имѣемъ не три, какъ онъ, а уже четыре разныхъ случая:

1) Ренту составляютъ гастрономическіе припасы и она требуется безъ отсрочки; 2) ренту составляютъ гастрономическіе припасы, и фермеру дается годичная отсрочка въ ея уплатѣ; 3) ренту составляетъ хлѣбъ, идущій на содержаніе оранжереи и 4) ренту составляетъ хлѣбъ, идущій на веденіе хлѣбопашества. У Милля есть три первые случая, но четвертаго нѣтъ, а въ немъ то и раскрывается истинное значеніе теоремы, важность которой онъ такъ высоко цѣнитъ—это намъ будетъ видно изъ слѣдующихъ счетовъ.

1) Если владѣлецъ В, требующій ренту гастрономическими припасами, не даетъ фермеру годовой отсрочки, то, полагая, что рента составляетъ одну треть всего продукта, и что у фермера 30 работниковъ, мы увидимъ, что фермеръ долженъ 10 человѣкъ изъ нихъ употребить на производство гастрономическихъ припасовъ, а на хлѣбопашество только 20. Если каждый хлѣбопашецъ производитъ 6 четвертей хлѣба, а на содержаніе работника нужно 4 четверти, то помѣстье производить 120 четвертей и содержать 30 работниковъ.

2) Если В даетъ фермеру на первый годъ отсрочку въ уплатѣ, фермеръ всѣхъ 30 человѣкъ своихъ работниковъ займетъ въ этомъ году хлѣбопашествомъ; они произведутъ (по 6 четвертей) 180 четвертей; на ихъ содержаніе будетъ нужно (по 4 четверти) 120 четвертей; на остальные 60 четвертей фермеръ во второмъ году будетъ содержать 15 человѣкъ другихъ работниковъ, производящихъ гастрономическіе припасы для В. Итакъ, помѣстье производитъ 180 четв. и содержитъ 45 работниковъ.

3) Теперь тотъ случай, когда А, берущій ренту хлѣбомъ, содержитъ на нее работниковъ при оранжереѣ. У фермера 30 работниковъ; они всѣ заняты хлѣбопашествомъ, и производятъ 180 четвертей; 120 четв. потребляютъ сами, 60 четвертей фермеръ отдаетъ въ ренту; на нее А содержитъ 15 человѣкъ работниковъ при своей оранжереѣ. Помѣстье, какъ въ предыдущемъ случаѣ, производитъ 180 четв. хлѣба и содержитъ 45 человѣкъ работниковъ.

Милль имѣлъ въ виду эти три случая, и, какъ видимъ, былъ совершенно правъ, утверждая, что второй случай одинаковъ съ третьимъ, но что между ними и первымъ случаемъ есть существенная разница. Но еще больше разницы между ними и четвертымъ случаемъ, когда рента идетъ на хлѣбопашество, потому что—

4) Тутъ съ каждымъ годомъ быстро возрастаетъ продовольствіе, производимое помѣстьемъ, между тѣмъ какъ во всѣхъ первыхъ трехъ случаяхъ оно оставалось неподвижно. Въ самомъ дѣлѣ, при этомъ порядкѣ дѣлъ мы имѣемъ такое развитіе: а) Первый годъ. Фермеръ, имѣя 30 работниковъ, производитъ 180 четвертей; изъ нихъ на 120 содержитъ своихъ 30 работниковъ, а 60 отдаетъ въ ренту; на нихъ А содержитъ 15 хлѣбопашцевъ. Они производятъ, по 6 четвертей, 90 четвертей. Итого, ко второму году въ помѣстьѣ произведено: 180 четвертей работниками фермера, 90 четвертей работниками землевладѣльца, всего 270 четвертей.

б) Второй годъ. Фермеръ, имѣя остающихся у себя 120 четвертей, содержитъ по прежнему 30 работниковъ, производящихъ опять 180 четвертей. Землевладѣлецъ, имѣя сверхъ 60 четвертей, полученныхъ въ ренту отъ фермера, еще 90 четвертей, произведенныхъ его собственными работниками, всего 150 четвертей, содержитъ на нихъ уже не 15 работниковъ, какъ прежде, а 37,5 работниковъ ($150:4=37,5$); они произведутъ ему 225 четвертей. Итого, помѣстье во 2-й годъ производитъ 405 четвертей ($180+225$) и содержитъ 67,5 работниковъ ($30+37,5$).

в) Третій годъ. Производство фермера остается въ прежнемъ видѣ; землевладѣлецъ, имѣя всего 285 четвертей (60 четв. ренты и 225 произведенныхъ его работниками), содержитъ уже 71,25 работниковъ ($285:4=71,25$); они произведутъ ему

обращение продуктовъ въ капиталъ), это потребление, ведущее къ усиленію производства, дѣйствительно выгодно для общественнаго благосостоянія. Но потребление непроизводительное не имѣетъ этого дѣйствія. Оно составляетъ чистую потерю для общества и потому налоги, сокращающіе непроизводительное потребление, каковъ, на примѣръ, налогъ на доходы въ Англіи, никакъ не уменьшаютъ, а часто даже увеличиваютъ капиталъ страны, не вредятъ, а приносятъ пользу рабочимъ классамъ (глава V, § 10, стр. 121—123).

21. Вопросъ о вліяніи машинъ на судьбу рабочаго класса даетъ практическую важность подраздѣленію капитала на оборотный, потребляемый и воспроизводимый одною операціею производства, и основной капиталъ,

427,5 четвертей. Всего помѣстье производить 607,5 чевт. (180+427,5) и содержать 101,25 работниковъ.

Этотъ быстрый ростъ производства и числа работниковъ будетъ продолжаться и въ слѣдующіе годы.

(Мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ Мальтусову теорему объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда пропорціонально возрастанію числа работниковъ, потому что, по мысли самого Милля, гипотеза, занимающая теперь насъ, должна быть построена какъ можно проще, а введеніе въ нее Мальтусовой теоремы очень усложнило бы вычисления. Но скажемъ, что она лишь нѣсколько уменьшила бы пропорцію возрастанія продукта и числа работниковъ, а не измѣнила бы основнаго характера разницы между четвертымъ и тремя первыми случаями. Именно, по ней мы получили бы въ четвертомъ случаѣ:

Годы.	Число работниковъ.	Производство хлѣба въ четвертяхъ.
1	45	225
2	56,25	270
3	67,50	315

Объ цифры, оставшіяся неподвижными въ первыхъ трехъ случаяхъ, здѣсь все-таки, какъ видимъ, возрастаютъ.—Истинный характеръ закона, указываемаго Мальтусовою теоремою, и его вліяніе на земледѣльческое производство мы разберемъ въ замѣчаніяхъ на 10, 12 и 13 главы первой книги Милля; теперь же только предупреждаемъ читателя, что смыслъ факта, замѣченнаго Мальтусомъ, вовсе не таковъ, какъ думалъ самъ Мальтусъ, а что его теорема ведетъ не къ тѣмъ страшнымъ заключеніямъ, какія выводились изъ нея людьми, непривычными разбирать смыслъ алгебраическихъ уравненій, а просто къ сильнѣйшему разъясненію необходимости усилить выгодное и уменьшить убыточное производство).

Изъ сравненія этихъ четырехъ случаевъ мы получаемъ такіе выводы:

Когда безъ всякой отсрочки часть производительныхъ силъ отвлекается отъ занятій, продуктами которыхъ содержатся производительные работники, на занятія, продукты которыхъ идутъ въ потребление непроизводительныхъ членовъ общества, капиталъ уменьшается; сообразно тому уменьшаются величина продукта и число людей, находящихъ себѣ пропитаніе въ данномъ обществѣ (выводъ изъ сравненія перваго случая съ третьимъ).

Если однакоже при этомъ обращеніи части производительныхъ силъ отъ производства продуктовъ для работниковъ на производство продуктовъ для праздныхъ, дается отсрочка, равная полной обороту производительнаго процесса (на примѣръ, въ хлѣбопашествѣ—годичная отсрочка), то капиталъ, величина продукта и число работниковъ не уменьшаются (сравненіе 2-го случая съ 3-имъ).

Но и въ этомъ случаѣ, да и вообще всегда, когда извѣстная (опредѣляемая степенью производительности земледѣльческаго труда) часть производительныхъ работниковъ занята убыточнымъ производствомъ, капиталъ общества не возрастаетъ; для того, чтобы капиталъ возрасталъ, чтобы число работниковъ также возрастало безъ уменьшенія ихъ продовольствія, нужно, чтобы производительные работники обращались отъ занятія убыточнымъ производствомъ къ выгодному производству (сравненіе 4-го случая съ 3-имъ).

Этотъ послѣдній выводъ и есть самый важный: въ немъ открывается существенный смыслъ изложенной Миллемъ теоремы о зависимости числа работниковъ отъ величины капитала. Этимъ выводомъ говорится: если состояніе общества неудовлетворительно, причиною тому надобно бываетъ искать въ неудовлетворительномъ распредѣленіи рабочихъ силъ между выгоднымъ и убыточнымъ производствами.

служащій цѣлому длинному ряду производственныхъ операций, такъ что каждою изъ нихъ можетъ воспроизводиться лишь нѣкоторая, часто очень незначительная часть его. Главная часть оборотнаго капитала состоитъ въ продовольствіи работниковъ. Если часть оборотнаго капитала переходитъ въ основной, это значитъ, что та сумма продовольствія, которая ежегодно потреблялась и воспроизводилась работниками, берется изъ ихъ потребленія, чтобы впослѣдствіи воспроизводиться лишь гораздо меньшими частями. Потому безъ вреда для работниковъ можетъ поступать въ основной капиталъ только тотъ излишекъ ежегодныхъ новыхъ сбереженій, какой остается за полнымъ воспроизведеніемъ прежняго оборотнаго капитала, съ прибавкою процента соотвѣтствующаго приращенію населенія страны (глава VI, стр. 123—131).

22. Если изложеніе понятій, обзоръ которыхъ мы теперь представили, потребовало цѣлыхъ 208 стр., вмѣсто какихъ нибудь 30 *), эта длиннота произошла отъ неудовлетворительныхъ приѣмовъ поверхностнаго анализа, которымъ часто хочетъ ограничиваться Милль, рассматривая экономическія явленія, какъ они представляются въ меркантильномъ свѣтѣ обмѣна при посредствѣ денегъ, или смѣшивая временныя формы экономического устройства съ коренною сущностью явленій, проходящихъ нынѣ черезъ эти формы въ извѣстныхъ странахъ, проходящихъ чрезъ другія формы въ другихъ странахъ и проходившихъ черезъ третьи формы въ прежнія времена. Такое смѣшеніе сущности дѣла съ поверхностными симтомами очень часто производитъ у писателей Смитовской школы сбивчивую длинноту, на распутываніе которой также приходится употреблять много страницъ; но эти длинныя распутыванія могутъ быть нужны только для людей, еще не совершенно свѣдущихся съ основнымъ приѣмомъ и основною идеею Смитовской теоріи, которымъ далеко не всегда остается вѣрна школа, называющаяся Смитовскою. Коренной приѣмъ, утвержденіе котораго въ наукѣ составляетъ одно изъ правъ Адама Смита на славу, заключается въ томъ, чтобы экономическія феномены, имѣющіе очень многосложный видъ при нынѣшнемъ устройствѣ, разлагать на простѣйшіе элементы, лежащіе въ ихъ основаніи, составляющіе ихъ сущность. Коренная идея науки, находимая при помощи этого приѣма, заключается въ томъ, что трудъ есть единственный источникъ производства съ человѣческой точки зрѣнія. Другой элементъ, которымъ человѣкъ можетъ участвовать въ производствѣ, капиталъ, составляетъ только видоизмѣненіе труда и притомъ видоизмѣненіе очень мимолетное, исчезаетъ чрезвычайно быстро, такъ что поддерживается лишь постояннымъ воспроизведеніемъ чрезъ трудъ и по сущности дѣла не имѣетъ ни малѣйшей независимости отъ труда, который одинъ и создаетъ и сохраняетъ его. Изъ этого легко видѣть, что всякая претензія приписывать капиталу не только преобладаніе надъ трудомъ, но хотя бы какую нибудь самостоятельность, должна считаться уклоненіемъ отъ нормальнаго экономического порядка. Какъ по своему происхожденію, такъ и по самымъ условіямъ возможности длить свое существованіе, капиталъ въ сущности дѣла не больше, какъ только принадлежность труда.

*) Въ „Современникѣ“.—Примѣч. издателя.

ГЛАВА VII.

Условія производительности элементовъ производства.

1. Мы кончили общій обзоръ элементовъ производства. Мы нашли, что они подвоятся подъ три разряда: трудъ, капиталъ, матеріалы и двигательныя силы, доставляемыя природою. Изъ нихъ, трудъ и природный необработанный матеріалъ—первоначальные элементы, безъ которыхъ нельзя обойтись. Двигательныя силы природы могутъ быть призваны на помощь труду; но онѣ только помогаютъ производству, оно можетъ обходиться и безъ нихъ. Наконецъ, послѣдній элементъ, капиталъ, самъ продуктъ труда: и такъ, его дѣятельность въ производствѣ есть въ сущности тоже дѣятельность труда, только принявшаго иную форму. Но тѣмъ не менѣе, капиталъ долженъ считаться особеннымъ элементомъ производства. Предварительное приложеніе труда на производство капитала, нужнаго для потребленія во время работы, столь же необходимо, какъ и приложеніе труда на самую работу. Въ капиталѣ опять различаются двѣ части: одна, по размѣру гораздо большая другой, способствуетъ производству только тѣмъ, что поддерживаетъ существованіе производящаго труда; другая часть (орудія и матеріалы) прямо содѣйствуютъ производству, тѣмъ самымъ способомъ, какъ содѣйствуютъ ему силы природы и доставляемыя природою матеріалы.

Теперь мы дошли до другаго великаго вопроса политической экономіи: отъ чего зависитъ степень производительности этихъ элементовъ? Вопросъ возбуждается очевидностью большаго различія ихъ производительности въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена. При одинаковомъ размѣрѣ населенія и территоріи, однѣ страны получаютъ гораздо большую массу продуктовъ, чѣмъ другія; одна и та же страна въ одно время получаетъ большую массу продуктовъ, чѣмъ въ другое. Сравните Англію съ равною ей по пространству или по населенію частью Россіи; сравните нынѣшнюю Англію съ средне-вѣковою Англіею; сравните нынѣшнюю Сицилію, сѣверную Африку или Сирію съ тѣмъ, что были эти же самыя страны во времена своего процвѣтанія, до завоеванія римлянами. Изъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ эта разница въ производительности, однѣ сами собою явны для всякаго, другія не такъ прямо бросаются въ глаза. Мы перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

2. Самую явную изъ причинъ болѣе высокой производительности составляютъ такъ называемыя естественныя преимущества. Они бывають различны. Плодородность почвы одно изъ главныхъ между ними. Въ этомъ отношеніи разныя земли очень различны, начиная съ арабскихъ пустынь до равнинъ Ганга, Нигера и Миссиссипи, образовавшихся изъ осадковъ рѣчнаго пла. Есть страны, способныя быть обитасыми, но по своей холодности недоступны земледѣлію. Ихъ жители не могутъ подняться выше кочеваго состоянія; пропитываются они, какъ, напримѣръ, лапландцы, стадами оленей,

если не охотою и рыболовствомъ, какъ жалкіе эскимосы. Есть земли, какъ, напримѣръ, сѣверная часть Шотландіи, въ которыхъ созрѣваетъ овесъ, но не созрѣваетъ пшеница; въ другихъ, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Ирландіи, пшеница можетъ расти, но даетъ слишкомъ невѣрную жатву, оттого что бываетъ слишкомъ много дождя и мало яснаго времени. Съ каждымъ шагомъ на югъ, или въ умѣренной полосѣ (западной) Европы на востокъ, становится сначала возможна, а дальше и выгодна какая-нибудь новая отрасль земледѣлія: постепенно мы встрѣчаемъ виноградъ, майсъ, фиговое дерево, оливковое дерево, шелковичное дерево, рисъ, финиковое дерево, наконецъ достигаемъ сахарнаго тростника, кофе, хлопчато-бумажнаго кустарника, гвоздичнаго дерева въ климатахъ, которые въ годъ даютъ даже при малой обработкѣ двѣ или три жатвы менѣе высокихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Не для одного земледѣлія важны климатическія различія: ихъ вліяніе чувствуется на многихъ другихъ отрасляхъ производства въ степени прочности всѣхъ продуктовъ, стоящихъ на воздухѣ, напримѣръ, зданій. Если бы храмы Карнака и Луксора не были повреждены людьми, они остались бы въ первоначальной цѣлости, можно сказать, навсегда, потому что надписи, находящіяся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и сдѣланы еще до начала достовѣрныхъ историческихъ временъ, сохранились свѣжѣе, чѣмъ въ нашихъ климатахъ надписи, сдѣланныя за пятьдесятъ лѣтъ; а въ Петербургѣ самыя массивныя зданія, построенныя изъ гранита всего за одно поколѣніе, уже почти требуютъ перестройки, по рассказамъ путешественниковъ, отъ дѣйствія переходовъ изъ лѣтняго зноя къ сильному морозу. Превосходство тканей южной Европы надъ англійскими по богатству и чистотѣ нѣкоторыхъ цвѣтовъ приписывается тому, что атмосфера въ южной Европѣ лучше, и ни технологія, ни искусство красильщиковъ не могло до сихъ поръ въ нашемъ туманномъ климатѣ замѣнить этого преимущества.

Другая сторона климатическаго вліянія состоитъ въ томъ, что лучшій климатъ уменьшаетъ матеріальныя надобности производителей. Въ жаркихъ странахъ люди могутъ удобно существовать въ домахъ, построенныхъ не такъ прочно, и съ одеждою менѣе теплою; топливо тамъ нужно почти только для промышленнаго употребленія, а для жизни тамъ ненужна эта необходимость холодныхъ климатовъ. Пищи также нужно тамъ меньше; этотъ фактъ давно былъ доказанъ опытомъ, когда еще теорія и не объясняла его тѣмъ наблюдениемъ, что большая часть потребляемой нами пищи нужна не собственно для питанія органовъ, а для поддержанія животной теплоты и для доставленія жизненнымъ функціямъ того возбужденія, которое въ жаркихъ климатахъ уже почти въ достаточной степени дается воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ большое количество труда, расходуемое въ холодныхъ климатахъ на добываніе первыхъ необходимостей жизни, не нужно въ жаркихъ климатахъ и остается въ нихъ большее количество труда на высшія потребности и на удовольствія, если характеръ жителей не ведетъ ихъ къ потерѣ этихъ выгодъ излишнимъ размноженіемъ населенія или любовью къ бездѣйствію.

Кромѣ почвы и климата, изъ числа естественныхъ преимуществъ надобно упомянуть объ изобиліи минеральныхъ продуктовъ, лежащихъ въ удобныхъ положеніяхъ, такъ что можно добывать ихъ довольно легко. Таковы великобританскіе каменноугольные пласты, служащіе для жителей столь важнымъ вознагражденіемъ за невыгоды климата; почти столь же изобиліенъ и важенъ для Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ огромный запасъ желѣзной руды, удобной для выплавки, лежащей не очень глубоко подъ поверхностью земли и въ близкомъ сосѣдствѣ съ каменноугольными пластами.

нужными для выплавки ея. Въ горныхъ и холмистыхъ округахъ изобиліе водяной двигательной силы, даваемой природою, служить значительнымъ вознагражденіемъ за то, что почва въ этихъ странахъ обыкновенно бываетъ не очень плодородна. Но едва-ли не важнѣе всѣхъ этихъ выгодъ приморское мѣстоположеніе, особенно когда по берегамъ есть хорошія естественныя гавани; послѣ приморскаго мѣстоположенія важнѣйшую выгоду составляютъ большія судоходныя рѣки. Правда, что польза отъ моря и отъ большихъ рѣкъ состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ сберегаютъ расходы по перевозкѣ. Но только люди, размышлявшіе объ этомъ предметѣ, вполне понимаютъ, какая огромная экономическая выгода приносится такимъ сбереженіемъ, и оцѣнить ее надлежащимъ образомъ можно только, сообразивъ вліяніе объема и такъ называемаго раздѣленія труда на производство. Эта выгода такъ важна, что часто съ избыткомъ вознаграждаетъ за бесплодіе почвы и почти за всѣ другія естественныя невыгоды; въ особенности относится это къ тому раннему періоду промышленности, когда трудъ и наука еще не создали искусственныхъ средствъ сообщенія, могущихъ соперничать съ естественными. Въ древнемъ мірѣ и въ Средніе вѣка самыми цвѣтущими обществами были не тѣ, которыя имѣли наибольшую территорію или плодороднѣйшую почву, а тѣ, которыя, какъ Аѳины, Тпръ, Марсель, Венеція, вольные города Балтійскаго моря, были принуждены бесплодіемъ почвы обращаться къ извлеченію всей возможной пользы изъ своего удобнаго приморскаго положенія.

3. Преимущество, доставляемое при равенствѣ другихъ условій всѣми этими естественными выгодами, такъ очевидно, что каждый цѣнитъ его надлежащимъ образомъ. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что качества и способности самаго общества еще важнѣе для него, чѣмъ естественныя выгоды, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ онѣ важнѣе богатства и знатности. Богатѣйшими и могущественнѣйшими націями всегда были не тѣ, которыя обладали наилучшимъ климатомъ и почвою;—напротивъ, масса народа въ націяхъ, имѣвшихъ величайшія выгоды почвы и климата, вообще бывала и остается очень бѣдна, хотя при всей своей бѣдности она, вѣроятно, больше наслаждается, чѣмъ масса у другихъ націй. Въ этихъ странахъ для поддержанія жизни надобно такъ мало, что бѣдняки рѣдко страдаютъ отъ нужды, и въ этихъ климатахъ, гдѣ самое существованіе служитъ уже наслажденіемъ, любимая ихъ роскошь—бездѣйствіе. Энергія вызываемой страстями у нихъ много, но нѣтъ той энергіи, которая выражается упорнымъ и настойчивымъ трудомъ; рѣдко заботятся объ отдаленныхъ цѣляхъ, они не могутъ установить у себя хорошихъ политическихъ учрежденій, и промышленныя побужденія ослабляются въ нихъ недостаточнымъ обезпеченіемъ плодовъ промышленности. Усиѣнность въ производствѣ, подобно усиѣху почти во всѣхъ другихъ дѣлахъ, зависитъ отъ самихъ дѣйствующихъ больше, чѣмъ отъ обстоятельствъ, въ которыхъ они дѣйствуютъ; а физическая и умственная энергія развивается затрудненіями, а не отсутствіемъ препятствій. Почти всѣ племена, завоевавшія другія племена и заставившія ихъ работать въ свою пользу, воспитались суровою жизнью; они были вскормлены въ сѣверныхъ лѣсахъ или, если природная ихъ жизнь не была сурова, они придавали ей искусственную суровость строгою военною дисциплиною, какъ было у грековъ и римлянъ. Когда положеніе нынѣшняго общества дозволило оставить эту дисциплину, югъ пересталъ производить племена завоевателей; военная энергія, подобно мыслительной и промышленной энергіи, стала имѣть главнымъ своимъ жилищемъ сѣверъ, гдѣ природа менѣе благопріятна ³⁴⁾.

³⁴⁾ Въ примѣчаніи шестомъ (стр. 18—21) мы должны были сдѣлать оговорку прогнвъ на чемъ не основанной гипотезы о сильномъ вліяніи племенныхъ орга-

Итакъ, второю причиною болѣе высокой производительности надобно поставить большую энергію труда, разумѣя тутъ постоянную и привычную энергію, а не такую, которая обнаруживается по временамъ и случайно. Никто безъ ропота не можетъ переносить большого количества временныхъ обремененій и утомленія, тѣмъ съверо-американскій индеецъ; никто не можетъ столько времени, какъ онъ, держать въ величайшемъ напряженіи свои физическія силы и тѣ умственные способности, какія есть въ немъ; но этотъ индеецъ впадаетъ въ величайшую бездѣйственность, какъ только найдется у него недолгій покой отъ настоятельныхъ нуждъ минуты. Отдѣльные люди и цѣлыя націи разнятся между собою не столько по количеству усилій, какія могутъ и готовы они дѣлать подѣ влияніемъ сильныхъ побужденій настоящаго, сколько своею способностью трудиться для отдаленныхъ цѣлей и свопмъ прилежаніемъ къ работѣ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторая степень этихъ качествъ служить необходимымъ условіемъ для всякаго значительнаго улучшенія въ бытѣ. Чтобы цивилизовать дикаря, нужно внушить ему новыя потребности и желанія, хотя бы и не очень высокаго рода, чтобы стремление удовлетворить имъ могло побуждать его къ постоянной и правильной физической и умственной дѣятельности. Если бы негры на Ямаикѣ и въ Демерарѣ по своему освобожденію удовольствовались, какъ предсказывалось тогда, од-

вическихъ особенностей на экономическую судьбу разныхъ народовъ. Здѣсь надобно сдѣлать такую же оговорку о предполагаемомъ преимуществѣ сѣверной полосы умѣреннаго климата надъ южною полосою его и въ особенности надъ тропическимъ климатомъ. Это мнѣніе чрезвычайно распространено; каждый повторяетъ избитую фразу, что благосклонность южной природы располагаетъ человѣка къ бездѣйствію, что южный зной убиваетъ въ немъ энергію. Очень интересно для повѣрки такихъ фразъ сравнить мнѣнія нынѣшнихъ передовыхъ странъ съ мыслями писателей классической древности. Для англичанина, нѣмца, француза Италія уже югъ, ея климатъ уже убійственъ для энергіи. Грецескіе и римскіе писатели находили напротивъ, что именно только Греція и Италія имѣютъ умѣренный климатъ, развивающій энергію, а дальше на сѣверъ, за Дунаемъ и за Альпами, климатъ уже такъ суровъ, что не допускаетъ развитія цивилизованной жизни. Что такое югъ, что такое сѣверъ въ устахъ cadaго изъ насъ? Въдъ это раздѣленіе зависитъ просто отъ того, подѣ какииъ градусомъ широты привыкли жить мы сами. Говорятъ, зной убиваетъ энергію труда. Но въ какое время бываютъ самыя обширныя и самыя тяжелыя работы, на-примѣръ, въ Россіи, которая называется странною отчасти умѣреннаго, отчасти холоднаго климата? Главная часть земледѣльческихъ работъ совершается у насъ во время такого зноя, какого не бываетъ въ Неаполѣ. Зимой мы можемъ мерзнуть, по все свое продовольствіе, три четвертыхъ или четыре пятыхъ части всего своего производительнаго труда, совершаемъ подѣ такимъ палящимъ солнцемъ, какого не испытываютъ жители Малой Азіи, апатію которыхъ мы страннымъ образомъ приписываемъ обстоятельству, не удерживающему насъ отъ самой усердной работы. Вотъ для любопытныхъ сравненіе нѣсколькихъ нашихъ мѣстностей съ мѣстностями тропическаго пояса по средней годичной температурѣ и по температурѣ періода главныхъ нашихъ земледѣльческихъ работъ. Беремъ эти цифры изъ Берггаузова Физическаго Атласа. Температура въ немъ показана по 100-градусному термометру.

	Средняя годичная температура.	Температура теплѣйшаго мѣсяца.
Якутскъ	— 7,5	+ 20,3
Нижній Новгородъ	+ 3,6	+ 20,7
Тамбовъ	+ 5,1	+ 20
Утакаундъ (Остъ-Индіа) .	+ 13,9	+ 16,9
Квито (Центр. Америка) .	+ 15,6	+ 16,3

Правда, мы изъ длиннаго списка тропическихъ мѣстностей нарочно отыскиали тѣ исключительныя мѣстоположенія, въ которыхъ даже средняя температура цѣлаго теплѣйшаго мѣсяца ниже температуры того же времени года въ нашемъ холодномъ климатѣ. Но не забудемъ, что средняя температура мѣсяца у насъ вовсе не близка къ температурѣ дневныхъ часовъ того же мѣсяца, потому что за чрезвычайно знойнымъ днемъ слѣдуютъ у насъ холодная ночь, между тѣмъ какъ въ тропическомъ климатѣ разница между температурою дня и ночи не велика. Вообще говоря, темпе-

нимъ необходимымъ для жизни, если бы они бросили всякій трудъ, кромѣ очень небольшого труда, достаточнаго на поддержаніе жизни въ тропическомъ климатѣ при малочисленномъ населеніи и при множествѣ богатѣйшей земли, то они впали бы въ состояніе болѣе варварское, хотя и болѣе счастливое, чѣмъ въ какомъ были прежде, при рабствѣ. Любовь ихъ къ щегольской одеждѣ и къ нарядамъ послужила самымъ надежнымъ средствомъ склонять ихъ къ труду. Никто не станеть называть дѣломъ достойнымъ поддержки вкусъ къ щегольству, и почти во всѣхъ обществахъ эта склонность не столько обогащаетъ, сколько разоряетъ; но при той степени развитія, на какой были негры, щегольство дѣйствительно служило, можетъ быть, единственнымъ побужденіемъ, способнымъ обращать ихъ къ добровольному систематическому труду и къ пріобрѣтенію или сохраненію привычекъ добровольнаго прилежанія, которое могло бы потомъ обратиться къ достойнѣйшимъ цѣлямъ. Въ Англіи надобно учить людей не желанію богатства, а употребленію богатства и умѣнью цѣнить вещи, которыя не могутъ покупаться богатствомъ или достигаются безъ помощи богатства. Будутъ ли пріобрѣтать англичане болѣе высокія стремленія или будутъ только научаться вѣрнѣ оцѣнивать предметы своихъ нынѣшнихъ желаній, во всякомъ случаѣ всякое дѣйствительное улучшеніе англійскаго характера непрѣнно будетъ умѣрять пылкость ихъ стремленія къ пріобрѣтенію богатства. Но такое улучшеніе характера еще не влечетъ за собою умень-

ратура самага жаркаго времени въ Остѣ-Индіи и въ южной части Соединенныхъ Штатовъ простирается отъ 25 до 30° Цельсіяева термометра. Кто же изъ насъ не знаетъ, что у насъ въ Россіи дневной зной доходить во время главныхъ нашихъ работъ до степени гораздо высшей? Наши земледѣльцы работаютъ на 35 или больше градусахъ жара по Цельсію. Ужъ изъ этого можно заключить, что если между европейскимъ и южно-азиатскимъ работникомъ есть разница въ энергіи труда, то причину ея надобно искать не въ знойности климата, а въ чемъ нибудь иномъ. Говорятъ: южный человѣкъ лѣнивѣе отъ того, что меньше ему надобности въ трудѣ для поддержанія жизни, по благодатности климата. Такъ, въ тропическомъ климатѣ природа щедрѣе и пици нужно меньше, но для доставленія удобной житейской обстановки человѣку и тамъ нужно очень много труда. Если мы должны трудиться, чтобы оградить себя отъ холода, тамъ нужно трудиться для доставленія себѣ прохлады. Нынѣшніе археологи объяснили, почему вавилонскіе дворцы имѣли стѣны такой чудовищной толстоты: она была нужна, чтобы сохранять прохладную температуру въ комнатахъ. Какъ намъ нужно возить въ наши жилища дрова или каменный уголь, такъ жителямъ тропическихъ странъ нужно привозить къ себѣ ледъ. Сколько хлопотъ неизвѣстныхъ намъ нужно было бы для нихъ, чтобы защитить себя отъ множества гадихъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ, наполняющихъ дома въ тропическихъ климатахъ. Безспорно, трудъ на югѣ гораздо успѣшнѣе, но и тамъ его нужно столько что некогда было бы человѣку обѣднаться; человѣкъ и тамъ впадаетъ въ апатію не отъ климата и не отъ собственной охоты, а отъ такихъ же обстоятельствъ, по которымъ впали въ апатію всѣ жители всѣхъ провинцій римской имперіи въ эпоху ея паденія. Возьмемъ для точнѣйшаго разбора одну собственную Италію. Сабинцы, самниты, ладины, этруски—какіе энергическіе, какіе трудолюбивые люди были всѣ эти народы во время своей независимости и потомъ по соединеніи съ Римомъ, пока Римъ сохранялъ себя и ихъ подъ хорошими учрежденіями. Но когда пали эти учрежденія и начиная съ послѣдняго времени республики водворились тѣ бѣдствія, гибельное вліяніе которыхъ на энергію народнаго труда мы указывали въ примѣчаніи 19-мъ (стр. 108), всѣ племена, населяющія Италію, облѣнились, стали никуда негодны ни въ экономическомъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Причинъ лѣности, какой предаются почти всѣ жители тропическихъ странъ, надобно искать, во-первыхъ, въ экономическомъ устройствѣ этихъ странъ; въ Остѣ-Индіи, напримѣръ, земледѣлецъ сколько бы ни работалъ, все-таки остается въ нищетѣ: земиндары, тулукдары и т. д. берутъ у него все, что превосходитъ мѣру нищенскаго продовольствія. Во-вторыхъ, причиною апатіи служатъ та особенность исторической судьбы азиатскихъ земледѣльческихъ странъ, которую мы указывали въ примѣчаніи 6; это обстоятельство,—слишкомъ близкое соудство съ степями центральной Азіи, изъ которыхъ безпрестанно вторгались дикіе завоеватели, было основаніемъ и того, что вотъ уже нѣсколько тысячелѣтій Остѣ-Индія жила въ самомъ убійственномъ для народа экономическомъ устройствѣ.

шенія той усердной и практичной прилежности къ своему дѣлу, которая находится въ лучшихъ между англійскими работниками и составляетъ самое цѣнное ихъ достоинство.

Рѣдко люди умѣли держаться на разумной серединѣ, состоящей въ томъ, чтобы во время работы работать всею своею сплюю и особенно всей своей душой, но посвящать труду для одной денежной выгоды менѣе часовъ въ днѣ, менѣе дней въ году и менѣе лѣтъ въ жизни.

4. Третій элементъ, которымъ опредѣляется производительность труда въ обществѣ,—искусство и знаніе, находящееся въ этомъ обществѣ, въ самихъ ли работникахъ или въ людяхъ управляющихъ ихъ трудомъ. Не нужно доказывать того, какъ сильно увеличивается успѣшность дѣла ловкостью рукъ человѣка, если дѣло состоитъ въ простыхъ рутинныхъ процессахъ, сообразительностью человѣка, если въ дѣлѣ важную роль играетъ умъ, наконецъ размѣромъ знанія о естественныхъ силахъ и качествахъ предметовъ, обрабатываемыхъ на производство дѣла. Размѣръ производительности народнаго труда опредѣляется размѣромъ техническихъ знаній въ народѣ,—это очевидно; всякій прогрессъ техническихъ искусствъ, всякое улучшение въ примѣненіи предметовъ или силъ природы къ промышленнымъ цѣлямъ даетъ прежнему количеству труда при прежней интенсивности возможность получать большую сумму продуктовъ.

Одна изъ главныхъ отраслей этихъ улучшеній—изобрѣтеніе и употребленіе инструментовъ и машинъ. Нашему трактату нѣтъ надобности подробно объяснять, какимъ путемъ инструменты и машины увеличиваютъ производство и даютъ экономію въ трудѣ; это подробно изложено и объяснено примѣрами въ извѣстной книгѣ Веббеджа „Машинная и фабричная экономія“ (*Economy of Machinery and Manufactures*), написанной популярно и съ тѣмъ вмѣстѣ научно. Цѣлая глава у Веббеджа составлена изъ примѣровъ того, какъ машины „дѣйствуютъ силами превышающими силы человѣка и совершаютъ работы слишкомъ нѣжныя для человѣческихъ рукъ“. Но намъ не нужно ходить такъ далеко за примѣрами работъ, которыхъ человѣкъ рѣшительно не могъ бы сдѣлать однимъ своимъ трудомъ. Безъ водоподъемныхъ машинъ, движимыхъ паромъ или другими средствами, часто было бы рѣшительно нельзя вылить воду, собирающуюся въ рудникахъ, и рудники надобно было бы бросать на небольшой глубинѣ; безъ кораблей и лодокъ нельзя было бы переѣзжать черезъ море; безъ инструментовъ хотя какого-нибудь рода нельзя ни срубить деревьевъ, ни выламывать камней; безъ плуга, или по крайней мѣрѣ заступа, нельзя взрыть землю для посѣва. Но очень простые и грубые инструменты достаточны для исполненія (труднаго или легкаго исполненія, мы не говоримъ) почти всѣхъ работъ, какія до сихъ поръ дѣлались людьми, и дальнѣйшія изобрѣтенія служили главнымъ образомъ уже къ тому, чтобы эти работы могли исполняться въ лучшемъ видѣ и съ гораздо меньшимъ количествомъ труда, а трудъ, сберегаемый черезъ это, могъ обращаться на другія занятія.

Употребленіе машинъ далеко не единственный способъ, которымъ обнаруживаются результаты знанія въ содѣйствіи производству. Въ земледѣліи и садоводствѣ механика только теперь начинаетъ показывать, что можетъ сдѣлать нѣчто важное сверхъ изобрѣтенія и постепеннаго совершенствованія плуга и другихъ малочисленныхъ простыхъ орудій. Важнѣйшія земледѣльческія изобрѣтенія состояли донинѣ въ прямомъ приложеніи болѣе умныхъ процессовъ къ самой землѣ и къ растеніямъ, воспитываемымъ на ней. Таковы, напримѣръ, плодоперемѣнная система, избавляющая отъ необходимости оставлять землю безъ воздѣлыванія на одинъ годъ изъ двухъ или трехъ годовъ; усовершенствованныя удобрения для возстановленія ея плодородности, истощенной жатвою;

обращение болотъ и мокрыхъ мѣстъ въ удобную землю; оказавшіеся наилучшими по опыту способы подчистки, воспитанія и прививки растений и деревьевъ; болѣе рѣдкое сажанье корней или сѣмянъ дорогихъ растений и полнѣйшее разрыхленіе почвы для нихъ и т. д. Въ фабричномъ и торговомъ дѣлѣ нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ улучшеній состоятъ въ сокращеніи времени, въ томъ, чтобы выручка быстрѣе слѣдовала за трудомъ и затратою. Выгода другихъ улучшеній состоятъ въ экономіи матеріаловъ.

5. Но вліяніе расширенія знаній общества на увеличеніе его богатства не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ, потому что для самыхъ малообразованныхъ людей оно стало знакомо по такимъ очевиднымъ примѣрамъ, какъ желѣзныя дороги и пароходы. Не такъ хорошо понимается и не такъ ясно чувствуется всѣми экономическая важность общаго разлитія образованности между народомъ. Число лицъ приготовленныхъ къ управленію промышленными предпріятіями или хотя бы къ исполненію работы, которую нельзя обратить въ дѣло почти одной памяти и рутинны, всегда гораздо меньше запроса на нихъ; это видно изъ громадной разницы между платою, даваемою такимъ людямъ, и платою за обыкновенный трудъ. Недостатокъ практическаго соображенія, дѣлающій большинство людей рабочаго класса такими слабыми въ расчетахъ (дѣлающій, напримѣръ, это большинство столь непредусмотрительнымъ, небрежнымъ и безпорядочнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ), отнимаетъ у нихъ способность ко всякому умственному труду, кромѣ самаго ничтожнаго, и отъ этого ихъ работа далеко не такъ производительна, какъ была бы при такой же энергіи труда у людей умственно развитыхъ. Даже съ этой узкой точки зрѣнія народное воспитаніе такъ важно, что очень слѣдовало бы политическимъ людямъ заботиться о немъ. Особенно должно сказать это объ Англіи: знающіе наблюдатели, много обращавшіеся съ работниками разныхъ націй, свидѣтельствуютъ, что въ простоятинахъ другихъ странъ часто находятъ они большую сообразительность и безъ всякаго образованія, но что если англійскій работникъ бываетъ сколько нибудь выше дровосѣка и водовоза, онъ обязанъ своею сообразительностію воспитанію, которое у него почти всегда только само-воспитаніе. Цюрихскій инженеръ Эшеръ (имѣющій хлопчато-бумажную фабрику, на которой работаетъ около 2,000 людей разныхъ націй) въ своемъ отвѣтѣ на вопросы комитета, занимавшагося изслѣдованіемъ о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей (этотъ отвѣтъ приложенъ къ Report of the Poor Law Commissioners, 1840 года), характеризуетъ англійскаго работника сравнительно съ континентальными работниками такими словами, которыя, сколько я знаю, будутъ подтверждены всѣми опытными въ этомъ дѣлѣ людьми.

„Живость соображенія итальянцевъ выказывается быстрымъ пониманіемъ всякой новой поручаемой имъ работы, способностью живо понимать смыслъ порученія, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ; этими качествами они превосходятъ всякихъ другихъ работниковъ. Французскіе работники имѣютъ тѣ же природныя черты, только въ нѣсколько меньшей степени. Англійскіе, швейцарскіе, нѣмецкіе и голландскіе работники, по нашему замѣчанію, имѣютъ гораздо меньшую природную сообразительность. Собственно какъ *рабочіе* люди, англичане безспорно выше всѣхъ, потому что, по нашему замѣчанію, они всѣ воспитаны для своего спеціальнаго дѣла, къ которому они приготовлены лучше работниковъ другихъ націй и на которомъ сосредоточились всѣ ихъ мысли. Но для управленія дѣлами или для разпорядныхъ порученій, для того, чтобы быть помощниками управляющаго, по моему мнѣнію, рѣшительнѣе другихъ саксонцы и швейцарцы, въ особенности саксонцы, потому что они люди получившіе очень хорошее

общее воспитаніе, которое расширяетъ ихъ способности за узкія границы одного частнаго занятія и дѣлаетъ ихъ пригодными исполнять послѣ недолгаго подготовленія всякое занятіе, какое будетъ имъ поручено. Если у меня англійскій работникъ занять установкою паровыхъ машинъ, онъ знаетъ это дѣло и уже ничего другаго не понимаетъ; къ другому положенію или къ другимъ отраслямъ механики, хотя бы самымъ близкимъ съ его дѣломъ, онъ плохо умѣетъ приспособляться; не умѣетъ найдтись въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, дать дѣльный совѣтъ или написать ясный отчетъ, понятное письмо даже по своему дѣлу съ тѣхъ сторонъ, которыми оно касается другихъ частей механики“.

О связи умственнаго развитія съ нравственной надежностью въ рабочемъ классѣ Эшеръ говоритъ: „Работники, которые лучше воспитаны, отличаются, по нашему замѣчанію, лучшими нравственными привычками. Во-первыхъ, они безусловно трезвы; они скромны въ своихъ удовольствіяхъ и самыя удовольствія ихъ разумнѣе, изыщнѣе. Они любятъ хорошее общество, въ которое входятъ съ уваженіемъ къ нему и которое потому лучше расположено допускать ихъ; они занимаются музыкою, читаютъ, любятъ театръ, дѣлаютъ прогулки по окрестностямъ въ родѣ пикниковъ; они экономны и ихъ бережливость обращена не на однѣ ихъ деньги, а также и на деньги хозяина; потому они честны и надежны“. На вопросъ объ англійскихъ рабочихъ онъ отвѣчаетъ: „Въ томъ дѣлѣ, на которое они специально воспитаны, они очень искусны, но въ поведеніи они очень безпорядочны, развратны, буйны; они менѣе похожи на порядочныхъ людей и менѣе достойны довѣрія, чѣмъ работники всѣхъ другихъ націй, какіе бывали у насъ (этими словами я высказываю мнѣніе всѣхъ континентальныхъ фабрикантовъ, съ которыми я говорилъ, и въ особенности англійскихъ фабрикантовъ, которые жалуются громче всѣхъ). Эти черты испорченности не существуютъ въ англійскихъ рабочихъ, получившихъ воспитаніе; но въ тѣхъ, которые не получили воспитанія, испорченность пропорціональна необразованности. Если ослабляется надъ невоспитанными англійскими рабочими тотъ гнетъ желѣзной дисциплины, въ которой держать ихъ англійскіе хозяева, если начинаешь обращаться съ ними вѣжливо и любезно, какъ того требуютъ болѣе образованные континентальные работники, съ которыми такъ и обращаются ихъ хозяева, то они,—т. е. англійскіе работники,—совершенно забываются: они перестаютъ сознать свое положеніе и черезъ нѣсколько времени становится рѣшительно невозможно имѣть съ ними дѣло“ *). Это замѣчаніе подтверждается опытомъ въ самой Англии. Какъ только идея равенства входитъ въ мысль простаго англійскаго рабочаго челоука, голова у него закруживается. Переставая быть рабочимъ, онъ становится наглымъ ³⁵⁾.

*) Въ эти показанія развитаго и опытнаго фабриканта заслуживаютъ большаго вниманія, какъ и многіе другіе отвѣты на подобные вопросы, данные другими свидѣтелями и напечатанные вмѣстѣ съ отвѣтомъ Эшера.—*Прим. авт.*

³⁵⁾ Вотъ факты, которые челоуку, поверхностно разсуждающему по рутиннымъ убѣжденіямъ, покажутся свидѣтельствующими о коренной разницѣ въ природномъ характерѣ разныхъ націй, но при внимательнѣйшемъ разборѣ оказываются свидѣтельствующими напротивъ, что въ извѣстномъ народѣ извѣстныя качества развиваются собственно только отъ обстоятельства его жизни, и разниа между людьми разныхъ націй почти исключительно, если не совершенно исключительно зависитъ отъ различія формъ, которыя получила жизнь по историческимъ обстоятельствамъ. Возьмемъ для разбора два крайніе примѣра различныхъ качествъ, представляемые Эшеромъ: съ одной стороны, итальянца, который живо понимаетъ все, быстро приспосабливается ко всему, но не имѣетъ специальной подготовки ни къ чему, а съ другой стороны, англичанина, который лучше всѣхъ другихъ работниковъ исполняетъ свою очень узкую специальность, но за предѣлами этой специальности не понимаетъ и не

Нравственные качества работников также важны для успешности и достоинства их труда, как и умственные качества. Не говорим уже о влиянии невоздержанности на их физические и умственные способности, о влиянии легкомыслия и непостоянства на энергию и постоянство работы, — эти отношения так понятны, что не нужно много говорить о них; но надобно обратить внимание на то, въ какой сильной степени производительность труда зависит от доверія, заслуживаемого работниками. Весь трудъ, расходуемый теперь на надзоръ за ними во время работы и по ея окончаніи на повѣрку исполнили ли они должное количество работы, долженъ считаться трудомъ, отвращеннымъ отъ дѣйствительнаго занятія производствомъ на вспомогательное отправленіе, вытекающее не изъ необходимости вещей, а изъ нечестности людей. Да и величайшія вѣдшія предосторожности имѣютъ очень малый успѣхъ, если малѣйшее ослабленіе надзора бываетъ, — какъ теперь почти неизмѣнно бываетъ для наемныхъ работниковъ, — жадно схватываемымъ случаемъ уклоняться отъ исполненія договора. Выгода человечества, состоящая въ томъ, чтобы люди могли доверять другъ другу, проникаетъ въ жилы и нервы человѣческой жизни; экономическая польза доверія быть можетъ самая маловажная изъ разныхъ сторонъ ея пользы, но и она неисчислимо велика. Подумаемъ только объ одной самой явной части растраты богатства, наносимой обществу человѣческою нечестностью: во всѣхъ богатыхъ обществахъ есть хищническое населеніе, живущее грабежемъ или обманомъ; число его не можетъ быть положительно узно, но и по самому низкому счету оно очень велико въ такихъ странахъ, какъ Англія. Содержаніе этихъ людей — прямое обремененіе національной промышленности. Полиція и весь орга-

умѣетъ дѣлать ничего. Надобно ли приписывать такую чрезвычайную разницу самой природѣ этихъ двухъ людей? Самъ Эшеръ упоминаетъ обстоятельство совершенно постороннее врожденнымъ качествамъ и достаточное для объясненія всей разницы. Англійскій работникъ получилъ специальное воспитаніе, исключительно подготовившее его къ отличному исполненію его специальнаго занятія. Какая же тутъ природа, въ чемъ же тутъ органическая особенность, если онъ исполняетъ свое специальное дѣло лучше итальянца? Воспитайте такимъ же образомъ итальянца и онъ будетъ исполнять это дѣло также лучше другихъ итальянцевъ, не подготовленныхъ къ тому специально. Но это специальное воспитаніе, полученное англичаниномъ, имѣло характеръ самой узкой ограниченности, рутинности, машинальности; оно убilo въ немъ самостоятельность соображенія, оно отгучило его отъ вниманія ко всему остальному, кромѣ его узкой специальности; натурально онъ оказывается лишеннымъ сообразительности во всѣхъ занятіяхъ, кромѣ своего специальнаго дѣла. Итальянецъ, напротивъ того, ничему не научился искусственнымъ воспитаніемъ, за то и не былъ умственно подавленъ машинальной дрессировкой. Съ самаго дѣтства онъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, на собственную сообразительность въ своей работѣ. Разница между нимъ и англичаниномъ не разница народностей, а просто разница степеней экономического развитія въ двухъ странахъ: въ одной странѣ еще не водворилось дробное раздѣленіе труда, дѣлящее работниковъ какъ будто на касты по мелкимъ специальностямъ работъ; въ другой странѣ это раздѣленіе труда уже введено. Франція занимаетъ въ этомъ отношеніи средину между Англіей и Италіей; французскій работникъ сообразно тому занялъ средину между итальянскимъ и англійскимъ. Въ Германіи по историческимъ обстоятельствамъ издавна развилось надъ народною жизнью господство формалистики, потому нѣмецкій работникъ, умственная живость котораго убивается формалистикою, приближается къ англійскому своею тупостью въ сравненіи съ итальянцемъ; но онъ не имѣетъ такого высокаго достоинства въ специальной работѣ, потому что раздѣленіе труда еще не охватило массу въ Германіи такъ сильно, какъ въ Англіи; за то общее образованіе простонародья въ Германіи лучше, чѣмъ въ Англіи, оттого нѣмецкій работникъ кажется умнѣе англійскаго.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и словъ Милля, что голова кружится у англійскихъ работниковъ, когда они начинаютъ мечтать о равенствѣ и что они становятся наглыми, когда перестаютъ быть раболѣпными. Такъ говорили еще римскіе патрициі о плебейхъ, а прежде того греческіе эвпатриды о демотахъ, а послѣ того англійскіе лендлорды о самихъ англійскихъ фабрикантахъ.

низмъ наказывающей власти уголовнаго и отчасти гражданскаго правосудія—второе обремененіе, становящееся необходимымъ отъ перваго. Сословіе юристовъ, получающее чрезмѣрную плату, создается и поддерживается преимущественно нечестностью людей (изъ другаго источника происходитъ плата только за тотъ юридическій трудъ, который создается недостатками въ заковахъ, написанныхъ самими же юристами). Всѣ эти издержки уменьшаются пропорціонально возвышенію честности въ обществѣ. Но если уровень честности возвышается, то еще гораздо важнѣе этого положительнаго сбереженія бываетъ громадное увеличеніе продуктовъ всякаго труда, сбереженіе времени и расхода,—выгоды прористекающія оттого, что работники честно исполняютъ дѣло, за которое берутся; столь же безмѣрна въ этомъ случаѣ выгода отъ возвышенія бодрости, чувства силы и довѣрія, съ которыми обдумываются и ведутся всякія работы людьми въ сознаніи, что всѣ другіе люди, содѣйствіе которыхъ имъ понадобится, будутъ вѣрно исполнять по договору свою часть дѣла. Возможность союзнаго дѣйствования пропорціональна степени довѣрія, какое могутъ питать другъ къ другу люди. Въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, съ превосходными условіями для промышленности, чрезвычайно серьезнымъ препятствіемъ веденію дѣлъ въ обширномъ размѣрѣ служитъ малочисленность лицъ, имѣющихъ такую репутацию, чтобы имъ было можно ввѣрять полученіе и расходование большихъ суммъ. На товары нѣкоторыхъ націй купцы смотрятъ недоувѣрчиво, будучи не увѣрены въ томъ, что качество товара окажется соотвѣтственно качеству образца. Такіе близорукіе подлоги далеко не безпримѣрны въ англійской вывозной торговлѣ. Каждому случалось слышать о „чортовомъ порошокѣ“ (devil's dust) и у Беббеджа приводится между прочимъ примѣръ того, что однажды цѣлая отрасль вывозной торговли надолго прекратилась отъ поддѣлокъ и подлоговъ, бывшихъ въ ней. Наоборотъ, у Беббеджа приводятся не менѣе замѣчательные примѣры большой выгоды, прористекающей отъ испытанной честности въ торговыхъ дѣлахъ. „Въ одномъ изъ нашихъ (англійскихъ) главныхъ городовъ, говоритъ онъ, ежедневно производится торговыми людьми въ очень обширномъ размѣрѣ продажа и покупка товаровъ безъ всякихъ письменныхъ документовъ между продающими и покупающими“. Производители и торговцы этого города должны въ теченіе года получить, сбереженіемъ времени, хлопотъ и издержекъ, огромный выигрышъ отъ своей честности. „Вліяніе прочной репутации, внушающей довѣріе, замѣчательнымъ образомъ выказывалось во время послѣдней войны (при Наполеонѣ I), когда англійскія фабричныя произведенія были запрещены на континентѣ. Одна изъ нашихъ громаднѣйшихъ фирмъ давно имѣла обширныя дѣла съ торговымъ домомъ въ центрѣ Германіи. Когда нарушители Берлинскаго и Миланскаго декретовъ (устанавливавшихъ континентальную систему) были подвергнуты тяжелымъ наказаніямъ, англійскій фабрикантъ продолжалъ, не смотря на эти декреты, получать заказы, съ назначеніемъ куда отправлять товары и съ опредѣленіемъ времени и способа уплаты; заказы эти писались знакомою ему рукою, но подписью на нихъ служило только одно имя безъ фамиліи, а иногда не было и такой подписи. Эти заказы фабрикантъ исполнялъ и ни разу не было никакой несправности въ уплатахъ по нимъ“ *).

*). Приведемъ изъ Беббеджа нѣсколько примѣровъ, еще не самыхъ важныхъ, для объясненія того, какой убытокъ наносится обществу взаимнымъ недоувѣріемъ людей.

„Покупщикъ платитъ за товаръ стоимость его производства съ прибавленіемъ стоимости повѣрки того факта, что товаръ имѣетъ объявляемую доброту. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ доброта товара видна на простой взглядъ; въ этихъ случаяхъ не бываетъ большой разницы въ цѣнѣ товара въ разныхъ лавкахъ. Напримѣръ, доброта рафинированнаго сахара узнается, можно сказать, по одному взгляду на него. Потому цѣна сахара такъ одинакова и барышъ на немъ такъ малъ, что въ овощныхъ лавкахъ торгуютъ имъ почти противъ воли. Напротивъ, о добротѣ чая чрезвычайно

6. Изъ второстепенныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ производительность элементовъ производства, важнѣйшая — безопасность. Подъ безопасностью я понимаю полноту огражденія, какое даетъ общество своимъ членамъ. Гдѣ лицо, извѣстное за человѣка, имѣющаго что нибудь порядочное и цѣнное, должно ожидать, что это имущество будетъ у него взято, тамъ, конечно, едва ли кто захочетъ производить больше, чѣмъ необходимо ему на простое поддержаніе жизни. Признано всѣми, что въ этомъ обстоятельстве заключается объясненіе бѣдности многихъ плодоносныхъ азіатскихъ странъ, которыя нѣкогда были богаты и густо населены. Много есть среднихъ состояній между этимъ положеніемъ и тою степенью безопасности, которою пользуются страны Европы, имѣющія наилучшее управленіе. Дурная система поземельныхъ налоговъ, произвольные поборы, собиравшіеся подъ видомъ налоговъ, — вотъ были причины, по которымъ до революціи во многихъ французскихъ провинціяхъ выгода каждаго земледѣльца

трудно судить и онъ можетъ быть подмѣшанъ такъ, что обманываетъ даже опытный глазъ; потому одинъ сортъ чая продается по очень разнымъ цѣнамъ и торговцевъ, имѣющихъ въ своей лавкѣ чай и сахаръ, продаетъ чай гораздо усерднѣе, чѣмъ сахаръ. Трудность и дороговизна повѣрки въ нѣкоторыхъ товарахъ такъ велика, что ею оправдывается отступленіе отъ несомнѣнныхъ принциповъ. Напримѣръ, правительство вообще можетъ всякій товаръ покупать дешевле того, во сколько обошлась бы ему самому выдѣлка этого товара. Но, несмотря на то, правительство нашло болѣе выгоднымъ построить для себя огромныя мукомольныя мельницы (напримѣръ, Детфордскую) и само молотъ хлѣбъ, покупая его въ зернѣ, лишь бы не повѣрить доброту каждаго мѣшка покупаемой муки и не употребить людей на придумываніе средствъ открывать новые способы подмѣси, безпрестанно возобтѣаемые. Такое недоверіе можетъ отнимать огромный вывозъ муки у цѣлой націи (напримѣръ, у Соединенныхъ Штатовъ).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (продолжаетъ Беббеджъ) поддѣлка, дающая старымъ сѣменамъ клевера свѣжій видъ посредствомъ процесса, называющагося лѣченьемъ (doctoring), такъ распространилась, что возбудила вниманіе палаты общинъ. Показанія, собранныя комиссіею палаты общинъ, обнаружили, что старыя сѣмена бѣлаго клевера „лѣчатся“ легкимъ смачиваньемъ и просушкою въ сѣрныхъ парахъ, а старыя сѣмена краснаго клевера подновляются въ цвѣтѣ встряхиваніемъ въ мѣшкѣ съ примѣсью циддиго; но что когда этотъ способъ открылся, „лѣкаря“ стали употреблять сандалный препаратъ съ примѣсью купороса, а иногда мѣдной ярп, — этимъ поправлялся видъ старыхъ сѣмянъ и съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшалась или совершенно истреблялась въ нихъ растительная сила, уже ослабленная старостью. Если даже предположить, что хорошія сѣмена не портились отъ этого, все-таки обманомъ было то, что отъ поддѣлки свѣжаго вида рыночная цѣна ихъ, какъ доказано свидѣтелями, поднималась 20-ю или 25-ю шиллингами на центнеръ. Но самая вредная вещь въ поддѣлкѣ была та, что старыя негодныя сѣмена дѣлались отъ нея по виду равными самымъ лучшимъ. Одинъ изъ свидѣтелей испытывалъ „лѣченную“ сѣмена и нашелъ, что изъ сотни зеренъ развѣ одно всходитъ, да и отъ него ростокъ скоро вянетъ, между тѣмъ какъ изъ хорошихъ сѣмянъ обыкновенно всходитъ отъ 80 до 90 зеренъ на 100. „Лѣченные“ сѣмена продавались провинціальнымъ мелочнымъ торговцамъ, которые, конечно, старались подешевле сбыть ихъ фермерамъ, — ни мелочные торговцы, ни фермеры не умѣли отличить поддѣльнаго сѣмени отъ настоящаго. Поэтому многие производители уменьшили свой посылъ клевера, а другіе были принуждены платить слишкомъ дорогую цѣну за сѣмена его людямъ, умѣвшимъ отличать поддѣльное сѣмя и пользовавшимся извѣстностью, что не торгуютъ имъ“.

Беббеджъ говоритъ также, что ирландскій ленъ недавно продавался или продается и теперь однимъ или двумя пенсами за фунтъ дешевле англійскаго п иностраннаго, хотя по природной добротѣ не уступаетъ никакому льну въ свѣтѣ; и что эта низкая цѣна частью происходила отъ небрежности въ его обработкѣ, по частью и отъ причины указанной мистеромъ Корри, который много лѣтъ былъ секретаремъ ирландской льняной комиссіи: „Производители льна, почти всѣ люди бѣдные, (говорить Корри) думаютъ, что очень выгодно для нихъ обманывать покупателей. Ленъ продается на всѣхъ и онъ разными способами дѣлають его тяжеле; а всѣ эти средства портятъ ленъ; особенно вредно ему подмачиванье, отъ котораго онъ потомъ перегораетъ. Въ середину связки льна (а связки по величинѣ не одинаковы) часто всыпаютъ камешковъ и разнаго сора, чтобы связка стала тяжеле. Въ такомъ видѣ его продають и вывозятъ въ Англію“.

Комиссія, назначенная палатою общинъ, нашла, что производство ноттингемскаго кружева сильно унало отъ выдѣлки дурныхъ сортовъ, обманчивыхъ на видъ; свидѣтели показывали передъ комиссіею, что выдѣляется сортъ кружева, называющійся одпоряднымъ (single-press), который на видъ хорошъ, но располагается отъ перваго мытья; что изъ тысячи человѣкъ не найдется одного, который умѣлъ бы отличить кружево сдѣланное въ одпорядку отъ хорошаго кружева; что даже сами работники и фабриканты отличаютъ его только съ микроскопомъ; что также необходимъ микроскопъ для отличенія поддѣлки другаго сорта, такъ называемаго цѣпчанаго кружева (warp-lace)“. — *Прим. авт.*

требовала казаться бѣднымъ и потому плохо воздѣлывать землю. Греція и греческія колоніи въ древнемъ мірѣ, Фландрія и Италия въ Средніе вѣка далеко не пользовались тѣмъ, что называется безопасностью по нашимъ нынѣшнимъ понятіямъ: состояніе общества въ нихъ было непрочно и бурно; личность и собственность подвергались тысячамъ опасностей. Но эти земли были свободными странами и вообще не терпѣли произвольнаго стѣсненія. Личная энергія, возбуждавшаяся ихъ учрежденіями, дѣлала ихъ гражданами способными успѣшно противиться всякимъ другимъ врагамъ; потому ихъ трудъ былъ чрезвычайно производительенъ и ихъ богатства постоянно возрастали, пока они оставались свободными. Римскій деспотизмъ, положивъ конецъ войнамъ и внутреннимъ столкновеніямъ во всей имперіи, избавилъ своихъ подданныхъ отъ значительной части прежней небезопасности; но онъ поставилъ ихъ подъ сокрушающее иго своей хищности и они стали слабѣть и блѣднѣть до того, что сдѣлались наконецъ добычею дикихъ, но свободныхъ завоевателей. Они не хотѣли ни сражаться, ни трудиться, потому что не предоставлялось имъ пользоваться тѣмъ, для чего они прежде трудились и за что сражались.

Кромѣ несовершенства оградъ, которыми общество сознательно окружаетъ, то что признаетъ собственностью, дурныя учрежденія мѣшаютъ и другими способами выгоднѣйшему употребленію производительныхъ средствъ страны. Въ слѣдующихъ отдѣлахъ нашего трактата представятся случаи замѣтить многія изъ этихъ неудовлетворительныхъ учрежденій. Здѣсь довольно будетъ замѣтить, что успѣшность промышленности бываетъ пропорціональна тому размѣру, въ какомъ плоды работы достаются человѣку, занимающемуся этою работою, и что благопріятность всѣхъ общественныхъ установленій для полезной дѣятельности измѣняется сообразно степени, въ какой ведутъ они къ тому, чтобы вознагражденіе каждому за трудъ было по возможности пропорціонально производимой имъ пользѣ. Всѣ законы или обычаи, дающіе выгоду какому-нибудь сословію или разряду людей въ невыгоду другимъ, связывающіе дѣятельность какой-нибудь части общества въ стремленіи ея къ своему благу или препятствующіе естественнымъ плодамъ этой дѣятельности поступать въ пользу людей занятыхъ ею,—всѣ такіе законы и обычаи служатъ нарушеніями основныхъ принциповъ общественнаго экономическаго разчета и ведутъ къ тому, что при нихъ совокупность производительныхъ силъ общества имѣетъ меньшую производительность, чѣмъ какую имѣла-бы безъ нихъ.

ГЛАВА VIII.

Сотрудничество или сочетаніе труда.

1. Перечисляя обстоятельства, увеличивающія производительность труда, мы не коснулись одного изъ нихъ, которое требуетъ отдѣльнаго разсмотрѣнія по своей важности и по многимъ спорнымъ вопросамъ, изъ него возникающимъ. Это—сотрудничество или сочетаніе многихъ человѣческихъ силъ въ трудѣ. Достаточное вниманіе политико-экономовъ было до недавняго времени обращено только на одну часть этого великаго пособія производству, на такъ-называемое раздѣленіе труда; она дѣйствительно заслуживаетъ величайшаго вниманія, но изъ-за нея забывали о другихъ случаяхъ и проявленіяхъ этого многообъемлющаго закона. Уэкфилдъ, сколько я знаю, первый замѣтилъ, что одна часть предмета ошибочно принималась тутъ за цѣлый предметъ, что изъ этого возникали вредныя послѣдствія и что подъ принципомъ раздѣленія труда

лежитъ другой, обнимающей его собою, болѣе основной принципъ. Онъ показываетъ (въ примѣчаніи къ своему изданію Адама Смита, томъ I, стр. 26), что сотрудничество бываетъ „двухъ разныхъ родовъ: во-первыхъ, такое, по которому разные лица помогаютъ другъ другу, въ одной работѣ; во-вторыхъ, такое, по которому разные лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами. Первое можетъ быть названо простымъ сотрудничествомъ, второе—сложнымъ.

„Выгода простаго сотрудничества (говорить Уэксфильдъ) указывается поговоркой: „двѣ собаки вмѣстѣ поймаютъ больше зайцевъ, чѣмъ четыре собаки порознь“. При многихъ случаяхъ простаго сотрудничества людей, каждому очевидно, что двое людей, работая вмѣстѣ, сдѣлаютъ больше четырехъ людей или четырежды четырехъ людей, работающихъ каждый особо отъ другихъ. Подниманіе большихъ тяжестей, подпиливаніе деревьевъ на корню, пилка лѣса уборка большаго количества сѣна или хлѣба въ короткое время хорошей погоды, осушеніе большаго пространства земли въ недолгій періодъ, въ какой можно успѣшно вести это дѣло, передвижаніе снасти на кораблѣ, движеніе большихъ лодокъ веслами, нѣкоторыя рудокопныя операціи, установка лѣсовъ для постройки зданій, битые камня для поправки шоссе въ такомъ количествѣ, чтобы все шоссе постоянно было исправно,—во всѣхъ этихъ и въ тысячахъ другихъ простыхъ операцій рѣшительно необходимо работать многимъ людямъ въ одномъ мѣстѣ, въ одно время, однимъ и тѣмъ же способомъ. Дикари Новой Голландіи никогда не помогаютъ другъ другу даже въ самыхъ простѣйшихъ операціяхъ; и ихъ положеніе едва-ли выше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ниже состояніи дикихъ животныхъ, которыхъ удается имъ ловить. Вообразимъ себѣ, что англійскіе работники вдругъ перестали помогать другъ другу, въ простыхъ занятіяхъ, и мы тотчасъ же поймемъ чрезвычайную выгодность простаго сотрудничества. Въ безчисленномъ множествѣ занятій продуктъ труда до извѣстной степени пропорціоналенъ размѣру этого взаимнаго пособія между работниками. Это первый шагъ въ улучшеніи общественнаго положенія“. Второй родъ сотрудничества тотъ, когда „извѣстное число людей соединяютъ свой трудъ, чтобы произвести больше пищи, нежели нужно имъ самимъ, а другіе люди соединяютъ свой трудъ, чтобы произвести больше одежды, нежели нужно имъ самимъ, и на этотъ излишекъ одежды покупаютъ у первыхъ работниковъ излишекъ пищи; а если тѣ и другіе вмѣстѣ произвели больше пищи и одежды, нежели нужно имъ всѣмъ вмѣстѣ, они всѣ вмѣстѣ получаютъ посредствомъ обмѣна нужный капиталъ на занятіе еще другихъ работниковъ еще другими дѣлами“. Черезъ это къ простому сотрудничеству прибавляется новое сотрудничество, которое Уэксфильдъ называетъ сложнымъ. Простое сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу въ одинаковомъ дѣлѣ; сложное сотрудничество—сочетаніе нѣсколькихъ работниковъ на помощь другъ другу раздѣленіемъ операцій между ними.

„Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно, говоритъ Уэксфильдъ. Въ простомъ, человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другимъ, взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія не трудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть или тащатъ одинъ канатъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди или разные собранія людей работаютъ въ разное время, въ разныхъ

мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, какъ простое сотрудничество, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція“.

При нынѣшнемъ состояніи общества разведеніе овецъ и уходъ за ними—дѣло однихъ людей, мытье шерсти для ея приготовленія къ пряжѣ—дѣло другихъ людей, пряденіе—дѣло третьихъ, тканье сукна изъ пряжи—дѣло четвертыхъ, крашеніе сукна—дѣло пятыхъ, обращеніе сукна въ одежду—дѣло шестыхъ; кромѣ всѣхъ этихъ людей нужны въ разныхъ фазисахъ этого дѣла разные люди для переноски и перевозки, факторы, оптовые и розничные торговцы. Всѣ эти люди, не зная другъ о другѣ, безъ предварительнаго соглашенія сотрудничаютъ другъ другу въ производствѣ окончательнаго продукта, которымъ бываетъ уже только одежда. Но это еще далеко не всѣ люди, сотрудничающіе въ этомъ дѣлѣ: каждому изъ нихъ нужна пища и нужны многіе другіе предметы потребленія, и еслибы онъ не былъ увѣренъ, что другіе люди произведутъ для него эти предметы, онъ не могъ бы посвятить все свое время на одну часть въ этомъ ряду операцій, производящемъ только одну вещь—суконное платье. Каждый, кто участвовалъ въ производствѣ пищи или постройкѣ домовъ для этой цѣли производителей, сочеталъ, хотя и безсознательно, свой трудъ съ ихъ трудомъ. Черезъ это фактически существующее, хотя и невыраженное соглашеніе, „разрядъ работниковъ, производящій больше пищи, чѣмъ нужно ему самому, можетъ обмѣниваться съ другимъ разрядомъ, производящимъ больше одежды, нежели нужно ему самому; и если бы эти два разряда людей были раздѣлены одинъ отъ другаго пространствомъ или несогласіемъ на обмѣнъ, если-бы оба они не соединялись въ сущности въ одинъ разрядъ для общей цѣли—для производства пищи и одежды въ количествѣ достаточномъ для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то они не могли-бы раздѣлить на двѣ особенныя части всю операцію производства достаточнаго для нихъ количества пищи и одежды“.

2. Раздѣленіе занятій имѣетъ на производство вліяніе болѣе глубокое, нежели можетъ думать читатель по обыкновенному способу изложенія этого предмета. Количество каждаго продукта очень сильно увеличивается не тогда только, когда производство каждой особенной вещи становится единственнымъ или главнымъ занятіемъ разныхъ людей, и мало сказать, что тутъ количество продукта только возрастаетъ. Нѣтъ, безъ раздѣленія занятій ровню почти никакой вещи нельзя было бы и произвести.

Предположимъ извѣстное число людей или рядъ семействъ, которые всѣ занимаются совершенно однимъ и тѣмъ же; пусть каждое семейство живетъ на своемъ собственномъ участкѣ, на которомъ производятъ своимъ трудомъ пищу, нужную для своего собственного продовольствія; пусть по недостатку покущиковъ на излишніе продукты при такомъ состояніи, когда всѣ производятъ одинаковые продукты, каждая семья должна въ своемъ собственномъ кругу производить всѣ другіе предметы, ею потребляемые. При такихъ условіяхъ, если земля довольно плодородна и если населеніе не размножается постоянно до крайнихъ предѣловъ продовольствія, конечно, будутъ нѣкоторыя домашнія издѣлія въ родѣ мануфактурныхъ. Одежда для семьи будетъ, вѣроятно, ткаться въ семьѣ изъ пряжи, выдѣланной тоже въ самой семьѣ, вѣроятно, трудомъ женщины (первый шагъ въ раздѣленіи занятій); какое-нибудь жилище будетъ построено и содержимо въ исправности соединеннымъ трудомъ семьи. Но кромѣ простой пищи (и притомъ не совсѣмъ вѣрной по пережѣвчивости урожаявъ), грубой одежды и довольно плохаго жилища, семья едва-ли будетъ производить что-нибудь. Вообще нужны будутъ ей величайшія усилія, чтобы произвести хотя эти предметы. Даже въ добываніи пищи отъ

нивы сила семья сдерживается въ узкихъ границахъ качествомъ орудій, которыя, по необходимости, будутъ самаго плохаго рода. Произвести для себя какіе-нибудь предметы удобства или роскоши семья не можетъ: на это недостаетъ у ней времени и вообще для этого нужно было-бы слишкомъ часто ей ходить въ разныя мѣста за матеріалами. Потому будетъ существовать очень немного разныхъ родовъ производства, да и существующіе роды производства (производство предметовъ необходимости) будутъ чрезвычайно неуспѣшны, не по одному плохому качеству орудій, но и потому, что когда земля и домашнія издѣлія, ею поддерживаемыя, удовлетворяютъ въ нѣкоторомъ пзобилии первыимъ нуждамъ одной семьи, то мало будетъ побужденій получать отъ земли и отъ труда большее количество продуктовъ, пока число семей остается прежнее.

Но предположимъ случай,—онъ будетъ равняться перевороту въ бытѣ этого маленькаго поселенія,—предположимъ, что прибыло въ эту страну и поселилось среди ея жителей нѣкоторое число ремесленниковъ, снабженныхъ инструментами и запасомъ пищи для себя на цѣлый годъ. Эти новые поселенцы займутся тѣмъ, что станутъ производить предметы надобности или наряда, соответствующіе вкусу неразвитаго народа; пока израсходуютъ они свою пищу, они произведутъ довольно много этихъ предметовъ и будутъ готовы обмѣнять ихъ на новую пищу. Экономическое положеніе земледѣльческаго населенія отъ этого чрезвычайно перемѣнится. Земледѣльцы имѣютъ теперь возможность пріобрѣтать предметы удобства и роскоши. Вещи, которыхъ никакъ не могли бы они получить, если-бы снабжались только исключительно своимъ трудомъ, становятся имъ доступными, если только успѣютъ они произвести лишнее количество пищи и предметовъ необходимости. Этимъ они побуждаются увеличить производительность своихъ промысловъ. Въ числѣ лучшихъ прежняго вещей, которыя теперь стали доступны имъ, вѣроятно, находятся рабочія орудія лучше прежнихъ. Кромѣ того, они имѣютъ причину работать неотступнѣе, придумывать и принимать средства, чтобы ихъ трудъ былъ успѣшнѣе. Этими способами они вообще успѣютъ заставить свою землю производить больше прежняго, такъ что кромѣ пищи для самихъ себя у нихъ будетъ излишекъ, остающійся для новыхъ пришельцевъ, и на него они будутъ покупать продукты этихъ ремесленниковъ. Новые поселенцы составятъ то, что называется „рынкомъ“ для излишка земледѣльческихъ продуктовъ, и черезъ ихъ прибытіе поселеніе обогатилось не одними только мануфактурными товарами ихъ издѣлія, но кромѣ того еще пищей, которая не была-бы произведена, если-бъ не было ихъ тутъ для ея употребленія.

Это понятіе не противорѣчитъ изложенному нами (на стр. 107—115) принципу, что рынокъ для товаровъ не составляетъ занятія для труда. Трудъ земледѣльцевъ былъ уже снабженъ занятіемъ: возможностью содержать себя они не обязаны запросу со стороны новыхъ пришельцевъ. Вліяніе этого запроса на нихъ то, что онъ вызываетъ ихъ трудъ къ большей бодрости и успѣшности, возбуждаетъ ихъ новыми причинами къ новымъ усиліямъ. Новые пришельцы также не запросу земледѣльцевъ обязаны своимъ содержаніемъ и занятіемъ; имѣя въ запасѣ па годъ продовольствія, они могли-бы занять участки подлѣ прежнихъ жителей и, подобно имъ, производить скудное количество пищи и предметовъ необходимости. Но мы видимъ, какую чрезвычайную важность для производительности труда производителей имѣетъ существованіе другихъ производителей, занятыхъ подлѣ нихъ другимъ промысломъ. Возможность обмѣнивать продукты одного рода труда на продукты другаго—такое условіе, безъ котораго почти всегда трудъ существовалъ-бы въ меньшемъ колпцествѣ. Когда открывается для какого-нибудь продукта новый рынокъ и когда потому производится большее количество этого товара,

увеличение въ его производствѣ не всегда получается черезъ уменьшение другихъ продуктовъ: часто оно создается вновь, бываетъ результатомъ труда, который иначе остался-бы бездѣйственнымъ, или бываетъ результатомъ пособія, оказываемаго труду улучшениями въ производствѣ и разными способами сотрудничества, къ которымъ люди не прибѣгли-бы, если-бы не представлялось для нихъ побужденія увеличить количество продукта.

3. Изъ этихъ соображеній видно, что общество едва ли будетъ имѣть производительное земледѣліе безъ большого городского населенія или безъ единственной поряточной замѣны за него, безъ большого вывоза земледѣльческихъ продуктовъ за границу для иноземнаго населенія. Я употребляю выраженіе „городское населеніе“ для краткости, желая просто обозначить этимъ не-земледѣльческое населеніе, которое вообще бываетъ собрано въ городахъ или большихъ селахъ, для сочетанія труда. Уэкфильдъ вывелъ изъ этого въ примѣненіи къ теоріи колонизаціи мысль, которая возбудила большое вниманіе и безъ сомнѣнія обратитъ его на себя въ послѣдствіи еще въ гораздо бѣльшей степени. Это одно изъ тѣхъ великихъ практическихъ открытій, истина которыхъ такъ очевидна, что когда они разъ сдѣланы, трудно бываетъ понять, какая заслуга въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ. Уэкфильдъ первый указалъ, что неудовлетворителенъ былъ обыкновенный тогдашній способъ устраивать новыя поселенія: селить множество семей каждую на своемъ участкѣ, чтобы всѣ онѣ занимались однимъ и тѣмъ же; что этотъ способъ можетъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, обезпечить поселенцамъ изобиліе грубыхъ вещей первой необходимости, но всегда будетъ неблагопріятенъ большому производству или быстрому возростанію колоніи. Система самого Уэкфильда состоитъ въ томъ, чтобы съ самаго начала давалось колоніи городское населеніе въ извѣстной пропорціи къ земледѣльческому и чтобы земледѣльцы не были разбросаны слишкомъ широко, чтобы отдаленность не отнимала у нихъ выгоду имѣть въ этомъ городскомъ населеніи рынокъ для своихъ продуктовъ. Принципъ, на которомъ основанъ этотъ планъ, вовсе не вытекаетъ изъ какой нибудь теоріи о большей производительности воздѣлыванія земли большими участками посредствомъ наемнаго труда. Предположимъ, что земля даетъ наибольшее количество продуктовъ при раздѣленности на мелкіе участки и при воздѣлываніи землепашцами-собственниками: городское населеніе также будетъ необходимо для возбужденія этихъ собственниковъ къ большому производству; и если они такъ отдалены отъ ближайшаго центра городского населенія, что не могутъ имѣть его рынокъ для излишка своихъ продуктовъ, для удовлетворенія другимъ своимъ потребностямъ черезъ обмѣнъ, то, вообще говоря, не будетъ произведенъ ни этотъ излишекъ, ни предметы, которые бы шли въ обмѣнъ за него.

Малочисленность городского населенія служитъ главною причиною малою производительности земледѣлія въ такихъ странахъ, какъ Индія. Индійское земледѣліе ведется все по системѣ малыхъ участковъ, но въ немъ есть большое сочетаніе труда. Сельскія учрежденія и обычаи, составляющіе существенную основу индійскаго общества, производятъ соединенную дѣятельность для тѣхъ случаевъ, когда она нужна; а гдѣ они не удовлетворяютъ этой надобности, правительство (если ведется не совсѣмъ дурно) заступаетъ ихъ мѣсто и на свои доходы исполняетъ сложный трудъ постройки резервуаровъ, плотинъ и другихъ сооружений для орошенія полей. Но земледѣльческія орудія и методы такъ плохи, что продуктовъ получается чрезвычайно мало, несмотря на большое естественное плодородіе почвы и высокую благопріятность климата для растительности. Не отступая отъ системы воздѣлыванія мелкими участками, Индія могла бы производить

пищу въ изобиліи для гораздо большаго числа жителей, чѣмъ какое имѣетъ теперь; но нѣтъ въ пей къ этому возбужденія, даваемого большимъ городскимъ населеніемъ, связаннымъ съ земледѣльческими округами посредствомъ легкихъ и дешевыхъ способовъ сообщенія. А городское населеніе не увеличивается оттого, что земледѣльцы, по своей нетребовательности, по малочисленности своихъ нуждъ (и до недавняго времени по чрезвычайной небезопасности имущества, подвергавшагося военному и правительственному хищничеству), не стремятся стать потребителями городскихъ продуктовъ. При такихъ обстоятельствахъ, лучшей шансъ скорого развитія производительныхъ средствъ Индіи состоятъ въ томъ, чтобы быстро увеличивался вывозъ ея земледѣльческихъ продуктовъ (хлопчатой бумаги, индиго, сахару, кофе ит. д.) на европейскіе рынки. Производители этихъ товаровъ служатъ потребителями пищи, производимой другими индійскими земледѣльцами; при порядочной администраціи, открывающей черезъ это сбытъ для излишка пищи постепенно расширить въ земледѣльцахъ потребности и желанія, для удовлетворенія которымъ будутъ привозиться вещи изъ Европы или разовьется въ самой Индіи фабричное населеніе.

4. Раздѣленіе занятій—такая форма сочетанія труда, безъ которой невозможны даже первые начатки промышленной цивилизаціи. Но когда это раздѣленіе совершенно установилось, когда стало общимъ обычаемъ, что каждый производитель снабжаетъ многихъ другихъ людей однимъ товаромъ, и снабжается отъ нихъ почти всѣми остальными вещами, которыя самъ потребляетъ, то причины, столь же основательныя, хотя не столь рано чувствуемыя, требуютъ дальнѣйшаго развитія того же принципа. Найдено, что производительная сила труда увеличивается по мѣрѣ того, какъ его раздѣленіе проводится все дальше и дальше, каждый процессъ производства все больше и больше раздробляется на особыя части, такъ что на каждаго работника приходится все меньшее число простыхъ операцій. Такимъ образомъ современемъ возникаютъ тѣ замѣчательные случаи такъ называемаго раздѣленія труда, которые знакомы каждому, читавшему политико-экономическія книги. Примѣръ булавочной фабрикаціи, представленный Адамомъ Смитомъ, такъ удаченъ, что я рѣшаюсь выписать здѣсь еще разъ этотъ отрывокъ, хотя онъ извѣстенъ всѣмъ. „Процессъ выдѣлки булавки раздѣляется на 18 особыхъ операцій. Одинъ человѣкъ тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ, четвертый заостряетъ отрѣзки, пятый сплющиваетъ ихъ для насаживанія головки; для выдѣлки головки нужны еще двѣ или три особыя операціи; насаживать головки также особое дѣло, бѣлить булавки тоже особое дѣло; даже вкалывать ихъ въ бумагу особое дѣло... Я видѣлъ маленькую фабрику, на которой работало только десять человѣкъ, такъ что изъ нихъ инымъ приходилось дѣлать двѣ или три разныя операціи. Но хотя они были очень бѣдны и потому инструменты, нужныя для дѣла, были у нихъ довольно плохи, они все-таки, когда работали прилежно, могли сдѣлать веѣ вмѣстѣ около 12 фунтовъ булавокъ въ день. Въ фунтѣ считается больше 4,000 булавокъ средней величины. Итакъ, эти 10 человѣкъ могли сдѣлать больше 48,000 булавокъ въ день,—то есть можно считать, что каждый изъ нихъ, исполняя десятую часть изъ 48,000 булавокъ дѣлалъ по 4,800 булавокъ въ день. А если-бы они работали врозь другъ отъ друга, и если бы каждый изъ нихъ не былъ бы обученъ своему особенному дѣлу, то навѣрное всякій изъ нихъ не сдѣлалъ-бы и 20 булавокъ въ день, можетъ быть не сдѣлалъ-бы ни одной“.

Съ представляетъ еще сильнѣйшій примѣръ результатовъ раздѣленія труда,—онъ взятъ изъ фабрикаціи игорныхъ картъ,—изъ промышленности, какъ видимъ, очень не

важной.— „Люди, занимающиеся этимъ дѣломъ, говорятъ, что каждая карта, то есть кусочекъ картона величиною въ ладонь, проходить до поступленія своего въ продажу не менѣе 70 операцій *), изъ которыхъ каждая можетъ быть занятіемъ для особенныхъ работниковъ. И если не въ каждой карточной фабрикѣ находится 70 разрядовъ рабочихъ, это значитъ только, что раздѣленіе труда не доведено на нихъ до настоящаго предѣла, и что одинъ работникъ занять двумя, тремя или четырьмя разными операціями. Вліяніе этого распредѣленія занятій громадно. Я видѣлъ карточную фабрику, на которой 30 работниковъ производили въ день по 15,500 картъ, то есть больше, чѣмъ по 500 картъ на каждыя работника; а можно думать, что если-бы каждый изъ этихъ работниковъ былъ принужденъ самъ одинъ совершать всѣ операціи, то хотя-бы онъ былъ искусенъ въ мастерствѣ, онъ едва ли сдѣлалъ-бы въ день двѣ карты, и 30 работниковъ, вмѣсто 15,500 картъ, сдѣлали-бы развѣ 60 картъ въ день“.

По замѣчанію Веббежда („Economy of Machinery and Manufacture“, 3-е изданіе, стр. 201), „Свидѣтели объясняли комиссіи палаты общинъ, что производство карманныхъ часовъ имѣетъ 102 отдѣльныя части, что мальчикъ можетъ идти въ ученики по каждой изъ нихъ, что онъ выучится только этой одной части, которой ограничивается его мастеръ, и кончивъ свое ученичество, не умѣетъ, безъ новаго обученія, заниматься никакою другою частью. Часовой складывальщикъ (watch-finisher), который занимается составленіемъ часовъ изъ разрозненныхъ частей, одинъ изъ этихъ 102 человѣкъ умѣетъ дѣлать что нибудь въ карманныхъ часахъ, кромѣ своего особеннаго дѣла“.

5. Нѣкоторыя изъ причинъ, дающихъ большую успѣшность труду при раздѣленіи занятій, такъ знакомы каждому, что не требуютъ особеннаго разъясненія; но не бесполезенъ будетъ опытъ перечислить всѣ ихъ. Адамъ Смитъ всѣ ихъ сводитъ въ три элемента: „Во-первыхъ, увеличеніе ловкости въ каждомъ специальномъ работникѣ; во-вторыхъ, сбереженіе времени, которое вообще теряется при переходѣ отъ одного рода работы къ другому; наконецъ, изобрѣтеніе множества машинъ, облегчающихъ и сокращающихъ трудъ, такъ что съ ними одинъ человѣкъ исполняетъ работу нѣсколькихъ людей“.

Изъ этихъ выгодъ самая явная и всеобщая—увеличеніе ловкости работника. Тутъ говорится не то, что чѣмъ чаще исполняется дѣло, тѣмъ лучше оно будетъ исполняться,—это зависить отъ понятливости работника и оттого, прилежно ли работаетъ его умъ вмѣстѣ съ руками; но во всякомъ случаѣ, оно будетъ исполняться легче. Самы

*) „Бумагу, изъ которой дѣлаются карты и краски, которыми онѣ влѣпываются, приготовляютъ не тѣ работники, которые находятся на карточной фабрикѣ. По обратнѣе вниманіе только на выдѣлку картъ изъ этихъ матеріаловъ, мы найдемъ, что колода картъ—результатъ множества операцій, изъ которыхъ каждую занимаютъ особенные работники и работницы, постоянно занимающиеся одною этою операціею. Одни люди, постоянно одни и тѣ же, счищаютъ съ бумаги соринки и узелки, отъ которыхъ толщина карты была бы не вездѣ равна; другіе склеиваютъ три листка бумаги, изъ которыхъ составляется карта, и кладутъ ихъ подъ прессъ; третьи красятъ ту сторону карты, которая будетъ крапомъ; четвертые оттискиваютъ черную краску на лицевой сторонѣ карты; пятые оттискиваютъ на ней другія краски; шестые сушатъ на жаровнѣ отиспугутыя карты; седьмые лощатъ ихъ съ обѣихъ сторонъ. Рѣзать карты въ ровную величину особое занятіе, подбирать изъ нихъ колоды—тоже; оттискивать обертку для нихъ—также особое дѣло, завертывать ихъ въ нее—тоже. Мы не считаемъ того, что опытъ особенные люди заняты ихъ продажей, покупкою матеріаловъ, раскладкою съ работниковъ, веденіемъ письменной части“ (Say, Cours d'Economie politique pratique).

Замѣчательнымъ доказательствомъ экономіи труда, производимой этимъ дробнымъ дѣленіемъ занятій, служить то, что продается по ничтожной цѣнѣ вещь, составляющая результатъ такого множества ручныхъ операцій.—*Прим. авт.*

органы приобретают больше крепости; мускулы от частаго упражненія становятся сильнѣе, гибче, умственные силы болѣе успѣшны въ своемъ трудѣ и менѣе чувствительны къ утомленію. Что можетъ быть исполнено легче, то имѣетъ шансъ быть исполнено лучше, и навѣрное будетъ исполнено скорѣе. То, что сначала дѣлалось медленно, потомъ дѣлается быстро; то, что сначала дѣлалось аккуратно только при медленности, потомъ дѣлается такъ же аккуратно съ быстротою. Это равно примѣняется и къ умственнымъ и къ физическимъ операціямъ. Даже ребенокъ, когда много упражняется въ сложеніи, слагаетъ цѣлую колонну чиселъ съ такою быстротою, какъ будто прямо, не вычисляя, видитъ ихъ сумму. Говорить на своемъ языкѣ, бѣгло читать, играть музыкальныя пьесы à livre ouvert—вотъ всѣмъ извѣстные и очень замѣчательные примѣры быстроты и легкости, приобретаемой отъ повторенія дѣла; изъ физическихъ дѣйствій такими примѣрами могутъ служить танцы, гимнастическія упражненія, легкая и блестящая игра на фортепяно или скрипкѣ. Въ простыхъ ручныхъ операціяхъ этотъ результатъ достигается еще скорѣе. „Быстрота, съ какою производятся операціи въ нѣкоторыхъ ручныхъ издѣліяхъ, говоритъ Адамъ Смитъ, превосходитъ все, чего могли бы ожидать отъ человѣческой руки люди, не видавшіе ихъ“ *). Разумѣется, эта ловкость приобретается тѣмъ скорѣе, чѣмъ дробнѣе раздѣленіе труда, и работники никогда не достигнутъ ея, если ему нужно совершать такое множество разныхъ операцій, что становится невозможнымъ достаточно частое повтореніе каждой изъ нихъ. Выгода здѣсь не та одна, что въ результатѣ достигается большая успѣшность труда,—кромѣ этого, уменьшается потеря времени и трата матеріала на обученіе дѣлу. „Нѣкоторое количество матеріала, говоритъ Беббеджъ (стр. 171), неизбежно будетъ невыгодно потреблено или испорчено каждымъ, кто учится работѣ, и если онъ учится каждому процессу, поочередно совершающемуся въ дѣлѣ, онъ каждый разъ будетъ тратить нѣсколько матеріала или отчасти изготовленнаго товара. Но если каждый учащійся дѣлаетъ эту растрату, постепенно учаь каждому процессу, то количество потери будетъ гораздо меньше, когда каждый ограничится однимъ процессомъ“. И вообще, каждый гораздо скорѣе научится исполнять одинъ свой процессъ, если учаь ему не будетъ развлекаться необходимостью учиться другимъ процессамъ.

О второй изъ выгодъ, происходящихъ отъ раздѣленія труда, я думаю, что Адамъ Смитъ и другіе придаютъ ей больше значенія, чѣмъ она заслуживаетъ. Чтобы справедливо разобрать мнѣніе Смита, я приведу его собственныя слова: „Выгоды, приобретаемая сбереженіемъ времени, обыкновенно пропадающаго при переходѣ отъ дѣла одного рода къ другому, гораздо больше, чѣмъ можно полагать съ перваго взгляда. Невозможно въ одну минуту перейти отъ одного дѣла къ другому, исполняемому на другомъ мѣстѣ и совершенно другими инструментами. Деревенскій ткачъ, воздѣлывающій маленькую ферму, долженъ терять много времени, переходя отъ станка на поле п съ поля къ станку. Когда два дѣла могутъ быть ведены въ одной мастерской, потеря времени, конечно, го-

*) „Въ астрономическихъ наблюденіяхъ, чувства астронома дѣлаются отъ привычки такъ остры, что онъ можетъ измѣрять промежутки времени до десятой части секунды, и устанавливаетъ свои инструменты по дѣлениямъ, которыхъ 5,000 помѣщается на одномъ дюймѣ. Тоже самое и въ самыхъ невысокихъ ручныхъ производствахъ. Ребенокъ, посаживающій головку на булавку, нѣсколько часовъ сряду повторяетъ по нѣскольку сотъ разъ въ каждую минуту эту операцію, требующую сложнаго ряда мускульныхъ движеній. Недавно въ одной изъ манчестерскихъ газетъ мы прочли, что особенный родъ пряжи, который называется gimр, сначала дѣлавшійся за три шиллинга фунтъ, теперь дѣлается за одинъ пенсъ, и эта дешевизна произошла не отъ введенія новыхъ машинъ, какъ обыкновенно, а только отъ увеличенія ловкости работниковъ“. Edinburgh Review, январь 1849, стр. 81.—Прим. авт.

раздо меньше. Но и тутъ она очень велика. Человѣкъ вообще нѣсколько полѣнится, обращаясь отъ одного дѣла къ другому. При самолюбъ началъ новаго дѣла, онъ рѣдко бываетъ горячъ и усерденъ къ работѣ; какъ говорится, душа у него еще не разгорѣлась на работу, и нѣсколько времени онъ больше бездѣльничаетъ, чѣмъ работаетъ какъ должно. Привычка терять время, работать вяло и небрежно, натурально или лучше сказать неизбежно приобретаемая каждымъ деревенскимъ рабочимъ, принужденнымъ почти каждые полчаса перемѣнять работу и инструменты, и почти каждый день браться за двадцать разныхъ занятій, почти всегда дѣлаетъ его лѣнливымъ, вялымъ, неспособнымъ къ энергической работѣ даже въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Нельзя не сказать, что это описаніе неуспѣшности деревенскаго труда чрезвычайно преувеличено: онъ успѣшенъ, когда имѣетъ достаточныя побужденія быть усерднымъ. Мало такихъ работниковъ, которые чаще садовника мѣняли бы работу и инструменты, — но развѣ садовники вообще неспособны къ усердному труду? Многіе изъ ремесленниковъ должны дѣлать очень большое число разныхъ операцій разными инструментами; они не исполняютъ этихъ операцій съ тою быстротою, какъ фабричный работникъ свою единственную операцію; но они во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ быстроты рукъ, болѣе искусны въ работѣ, чѣмъ фабричные работники, и работаютъ гораздо энергичнѣе ихъ.

Бекбеджъ, слѣдуя Адаму Смигу, говоритъ: „Когда человѣческая рука или голова нѣсколько времени занималась одною работою, она не можетъ вдругъ заняться другою съ полною успѣшностью. Мускулы работавшихъ членовъ приобрѣли во время прежней работы нѣкоторую гибкость, а бездѣйствовавшіе неподвижность отъ отдыха; потому при каждой перемѣнѣ дѣло идетъ сначала медленно и неровно. Долгая привычка производить въ упражнявшихся мускулахъ способность переносить гораздо больше утомленія, чѣмъ сколько могли-бы они перенести безъ этой привычки. Подобный результатъ долженъ происходить и при перемѣнѣ умственной работы: сначала вниманіе, обращаемое на новый предметъ, не такъ полно, какъ послѣ нѣкотораго времени занятія имъ. Употребленіе разныхъ инструментовъ при разныхъ операціяхъ одного дѣла—другая причина потери времени при переходѣ отъ одной операціи къ другой. Если эти инструменты просты и перемѣны не часты, потеря не велика; но во многихъ производствахъ инструменты очень нѣжны, требуютъ аккуратнаго приспособленія, установки каждый разъ, какъ употребляются въ дѣло, и во многихъ случаяхъ, время, нужное для установки инструмента, значительно по сравненію съ временемъ работы имъ. Таковы: подвижная подпорка (sliding rest), дѣлительная и пробивная машина (the dividing and the drilling engine). Отъ этого, если фабрика достаточно велика, оказывается выгоднымъ держать каждую машину постоянно за однимъ дѣломъ; напримѣръ, винтовая машина, нѣющая спиральное движеніе по всему ложу подвижной подпорки, постоянно употребляется только на дѣланіе цилиндровъ; другая, съ уравнильнымъ движеніемъ, только на шлифовку поверхностей ребрами, а третья только на рѣзаніе колесъ“.

Я вовсе не говорю, чтобы эти соображенія были ничтожны, но думаю, что напрасно забывать о соображеніяхъ противоположнаго характера. Если извѣстный мускульный или умственный трудъ различенъ отъ другаго, онъ по этому самому уже служить до нѣкоторой степени отдыхомъ отъ него; и если во второмъ дѣлѣ не съ разу получается полная энергія, то и перваго нельзя было бы продолжать больше извѣстнаго времени безъ нѣкотораго ослабленія энергіи. Житейскій опытъ каждому показываетъ, что перемѣна занятія часто доставляетъ отдыхъ, когда безъ перемѣны необходимо было бы для отдыха совершенное бездѣйствіе; что человѣкъ, поочередно мѣняя дѣло, можетъ

работать безъ утомленія нѣсколькими часами дольше, чѣмъ когда-бы оставался при одномъ дѣлѣ. Надъ разными дѣлами работаютъ разные мускулы или разныя умственныя способности, изъ которыхъ одни отдыхаютъ и освѣжаются, пока работаютъ другіе. Физическій трудъ самъ по себѣ уже отдыхъ отъ умственнаго, и наоборотъ. Разнообразіе само по себѣ уже имѣетъ освѣжающее дѣйствіе на качество, которое мы, за недостаткомъ болѣе точнаго термина, назовемъ бодростью духа,—качество столь важное для успѣшности всякаго труда, не исключительно машиннаго, не лишенное важности и для чисто машиннаго труда. Эти соображенія имѣютъ неодинаковую важность по примѣненію къ людямъ разныхъ характеровъ; нѣкоторые люди способнѣе другихъ къ упорному труду за однимъ дѣломъ безъ перемѣны и менѣе способны къ перемѣнѣ дѣла; имъ, по разговорному выраженію, нужно больше времени на то, чтобы расходилась у нихъ рука; начальная вялость въ работѣ у нихъ продолжительнѣе, больше нужно имъ времени, чтобы вполне одушевились на дѣло ихъ способности, а когда они одушевятся, они ужъ не скоро бросаютъ дѣло, работаютъ безостановочно, даже до вреда здоровью. Тутъ нужно брать въ соображеніе темпераментъ. Есть люди, которые, кажется уже отъ самой природы, таковы, что способности у нихъ разыгрываются медленно, работаютъ слабо, пока не разгорячатся долгою работою. У другихъ, наоборотъ, способности разыгрываются быстро, но не могутъ безъ изнуренія дѣйствовать долго. Впрочемъ и тутъ, какъ почти вездѣ, привычка гораздо важнѣе врожденныхъ различій, хотя есть и врожденные различія. Привычка быстро переходить отъ одного занятія къ другому, подобно всякой привычкѣ, можетъ быть пріобрѣтаема раннимъ упражненіемъ; а когда она пріобрѣтена, то уже вовсе нѣтъ при переходахъ отъ одного занятія къ другому того бездѣльничанья, о которомъ говоритъ Адамъ Смитъ, нѣтъ ослабленія энергіи и усердія,—напротивъ, работникъ берется за каждую новую часть работы со свѣжестью и бодростью, которыхъ не сохранилъ бы (кромѣ развѣ случаевъ необычайно разгорѣшагося жара къ работѣ), оставаясь при одной части дѣла дольше, чѣмъ привыкъ. Женщины (по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ своемъ общественномъ положеніи) вообще гораздо живѣе мужчинъ переходятъ отъ мысли къ мысли, отъ дѣла къ дѣлу; и вопросъ этотъ служить однимъ изъ множества примѣровъ того, какъ мало принимались до сихъ поръ въ расчетъ опытъ и понятія женщинъ при составленіи мнѣній. Мало найдется женщинъ, которыя не отвергли бы мысль, что работа становится энергична отъ продолжительности и что успѣшность работы на время ослабляется перемѣною дѣла. Но и въ этомъ случаѣ разница кажется мнѣ происходящею гораздо больше отъ привычки, чѣмъ отъ натуры. Изъ десяти мужчинъ девятеро занимаютъ каждый однимъ спеціальнымъ дѣломъ, а изъ десяти женщинъ девять занимаютъ каждая множествомъ разныхъ дѣлъ, изъ которыхъ всякое требуетъ очень мало времени. Женщины постоянно надобностью пріучились живо переходить отъ одного матеріальнаго занятія, а еще больше отъ одного умственнаго занятія къ другому, потому перемѣна почти никогда не соединена у нихъ съ затрудненіемъ или потерей времени; а занятіе мужчины состоитъ обыкновенно въ долгой и постоянной работѣ надъ одною вещью или надъ очень небольшимъ числомъ вещей. Но иногда бываетъ наоборотъ; тогда и характеры становятся противоположны общему правилу. Женщины оказываются не менѣе мужчинъ способны къ однообразію фабричной работы,—иначе не брали бы на фабрики такое множество женщинъ; а мужчина, привыкшій заниматься множествомъ разныхъ дѣлъ, вовсе не становится вялымъ и лѣнливымъ существомъ, о какомъ говоритъ Адамъ Смитъ, напротивъ, бываетъ замѣчательно живъ и дѣятеленъ. Но правда, что перемѣна занятій

можетъ бывать чрезмѣрно частою даже для самаго живаго человѣка. Безпрерывная перемѣнчивость еще утомительнѣе постояннаго однообразія.

Третья выгода, приписываемая Адамомъ Смитомъ раздѣленію труда, дѣйствительно существуетъ въ нѣкоторой степени. Изобрѣтенія, сберегающія трудъ въ извѣстной операціи, могутъ скорѣе быть придуманы человѣкомъ, у котораго мысли сильно обращены на это дѣло и постоянно имъ заняты. Не такъ скоро сдѣлаетъ усовершенствованіе въ какомъ нибудь дѣлѣ человѣкъ, вниманіе котораго сильно развлечено другими дѣлами. Но и тутъ общее развитіе сообразительности и привычка къ умственной дѣятельности гораздо важнѣе исключительности занятія; и если исключительность доводится до степени неблагопріятной умственному развитію, тутъ будетъ больше проигрыша, чѣмъ выигрыша, для придумыванія улучшеній. Можно прибавить, что отъ какой бы причины не дѣлались изобрѣтенія, но когда сдѣлано изобрѣтеніе, то увеличеніемъ успѣшности труда мы обязаны самому изобрѣтенію, а не раздѣленію труда.

Величайшая (послѣ ловкости работника) выгода, получаемая нынѣшнею фабричною промышленностью отъ дробнаго раздѣленія труда, не упомянута у Адама Смита, но замѣчена Беббеджемъ; она состоитъ въ томъ, что трудъ распределяется экономичнѣе черезъ классификацію работниковъ по ихъ способностямъ. Разныя части въ одномъ ряду операцій требуютъ не одинаковой степени ловкости и физической силы; люди, у которыхъ достааетъ ловкости на самыя затруднительныя, или достааетъ силы на самыя тяжелыя части труда, становятся гораздо полезнѣе, когда занимаютъ однѣми этими частями, и когда тѣ части, къ которымъ прігоденъ каждый, оставляются людямъ неспособнымъ къ другимъ частямъ. Производство успѣшнѣе всего тогда, когда употребляется на него именно такое, а не большее количество ловкости и силы, какое нужно на каждую часть процесса. Производство булавокъ, конечно, требуетъ въ разныхъ своихъ частяхъ очень разныхъ степеней ловкости, такъ что плата разнымъ работникамъ и работницамъ этого производства отъ 4¹/₂ пенсовъ (12 копѣекъ) въ день доходитъ до 6 шиллинговъ (2-хъ рублей); и если бы работникъ, получающій по 6 шиллинговъ, долженъ былъ производить весь процессъ, онъ часть своего времени работалъ бы съ потерей равняющеюся въ день разницѣ между 6 шиллингами и 4¹/₂ пенсами. Не считая потери въ количествѣ производимаго продукта и, полагая даже, что этотъ работникъ сдѣлалъ бы фунтъ булавокъ въ то время, въ какое десять работниковъ, соединяя свой трудъ, дѣлаютъ десять фунтовъ, Беббеджъ вычисляетъ, что выдѣлка булавокъ безъ раздѣленія труда стоила бы въ 3³/₄ раза большаго пздержекъ, чѣмъ теперь, съ раздѣленіемъ труда. Въ выдѣлкѣ пголокъ, прибавляетъ онъ, разниця была бы еще больше, потому что въ этомъ производствѣ норма вознагражденія за разныя части выдѣлки идетъ отъ 6 пенсовъ (16-ти коп.) до 20 шиллинговъ (6 руб. 50 коп.) въ день.

Къ выгодѣ, состоящей въ полученіи наибольшаго количества полезности изъ даннаго количества ловкости, можно прибавить другую подобную ей выгоду, состоящую въ томъ, что извлекается наибольшая полезность изъ инструментовъ. Если бы, говорить Ре въ своей замѣчательной книгѣ (*Statement of some New Principles on the subject of Political Economy, by John Rae, стр. 164*), у одного человѣка были всѣ инструменты, нужныя для нѣсколькихъ разныхъ занятій, то по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ постоянно лежали бы безъ употребленія и безъ пользы. Изъ этого ясно, что если бы существовало общество, въ которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы всѣ эти инструменты и поочередно занимался бы всѣми этими работами, то членамъ общества выгодно было бы, если только можно, раздѣлить между собою эти инструменты

и каждому ограничиться однимъ особымъ занятіемъ. Выгоды отъ такой перемѣны велики для всего общества, стало быть и для каждого отдѣльнаго человѣка. Во-первыхъ, разныя орудія, будучи въ постоянномъ употребленіи, даютъ лучшую выручку за расходъ, сдѣланный на ихъ пріобрѣтеніе. Во-вторыхъ, по этому самому владѣльцы могутъ имѣть ихъ въ лучшемъ качествѣ и въ большей полнотѣ. Результатъ обонхъ этихъ обстоятельствъ тотъ, что дѣлается большой запасъ на будущія потребности всего общества.

6. Степень раздѣленія труда, какъ замѣчали всѣ писавшіе о ней, опредѣляется размѣромъ рынка. Если при раздѣленіи булавочнаго производства на десять разныхъ занятій можно дѣлать въ день 48,000 булавокъ, это раздѣленіе будетъ выгодно только въ томъ случаѣ, когда число покупателей таково, что они каждый день требуютъ около 48,000 булавокъ. Если запросъ есть только на 24,000, раздѣленіе труда съ выгодною можетъ быть доведено только до той степени, на которой ежедневно будетъ производить эту меньшую цифру. Вотъ теперь мы видимъ еще новый путь, которымъ увеличеніе запроса на товаръ ведетъ къ увеличенію успѣшности труда, занятаго производствомъ товара. Размѣръ рынка можетъ быть тѣсенъ отъ разныхъ причинъ: отъ слишкомъ малаго числа населенія; отъ чрезмѣрной раздробленности и отдаленности населенія, такъ что доступъ къ нему труденъ; отъ недостатка сухопутныхъ и водяныхъ путей сообщенія; наконецъ отъ бѣдности населенія, т. е. отъ того, что совокупный трудъ населенія слишкомъ неуспѣшенъ, такъ что не допускаетъ большаго потребленія. Потому вялость, искусство и недостатокъ сочетанія въ трудѣ у людей, которые были бы покупателями товара, ограничиваютъ практически достижимую степень сочетанія труда у производителей товара. Въ раннемъ фазисѣ цивилизаціи, когда запросъ данной мѣстности былъ по необходимости малъ, промышленность процвѣтала только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, владѣя моремъ или судоходною рѣкою, могли имѣть рынокъ для своихъ продуктовъ цѣлый міръ или всѣ страны, лежащія по морю или по судоходной рѣкѣ. Возрастаніе общаго богатства на земномъ шарѣ ведетъ къ увеличенію производительности труда у каждой отдѣльной націи, когда сопровождается свободою торговыхъ сношеній, улучшеніями водяныхъ средствъ сообщенія и сухопутныхъ дорогъ черезъ проведеніе шоссе, каналовъ и желѣзныхъ дорогъ: черезъ это каждая мѣстность получаетъ возможность снабжать своими специальными продуктами рынокъ, до того увеличивающійся, что обыкновеннымъ результатомъ для производства бываетъ большое расширеніе раздѣленія труда.

Степень раздѣленія труда во многихъ случаяхъ зависитъ также отъ характера самаго труда. Напримѣръ, земледѣліе неспособно къ такому большому раздѣленію занятій, какъ многія отрасли фабричнаго дѣла, потому что разныя операціи земледѣлія не могутъ быть ведены одновременно. Нельзя одному человѣку всегда пахать, другому сѣять, третьему жать. Работникъ, исполняющій только одну какую нибудь земледѣльческую операцію, оставался бы празднымъ одиннадцать мѣсяцевъ въ годъ. Одинъ человѣкъ можетъ постепенно исполнять всѣ эти операціи и все-таки почти во всякомъ климатѣ будетъ у него оставаться много незапятаго времени. Чтобы произвести значительное усовершенствованіе въ земледѣліи, часто бываетъ нужно, чтобы трудились вмѣстѣ много работниковъ. Но кромѣ немногихъ людей, занятыхъ общимъ надзоромъ за дѣломъ, всѣ остальные работники дѣлаютъ тутъ одно и то же. Каналъ или насыпь для желѣзной дороги нельзя сдѣлать безъ сочетанія множества работниковъ, но, кромѣ инженера съ нѣсколькими бухгалтерами и письмоводителями, всѣ они землекопы.

ЗАМѢЧАНІЕ НА ГЛАВУ ВОСЬМУЮ.

Все, что говорить Милль о сочетаніи труда, совершенно справедливо; но каждый изъ читателей видитъ, что онъ забылъ разсмотрѣть ту сторону послѣдствій этого закона, которая относится прямымъ образомъ не къ производству, а къ производящему работнику, очень сильно отражаясь, впрочемъ, и на самомъ производствѣ, по его зависимости отъ качествъ работника. Мы начнемъ анализъ этой стороны дѣла съ фізіологическихъ данныхъ.

Человѣческой организмъ представляетъ собою очень многосложную систему разныхъ частей, физическое благосостояніе которыхъ связано общою зависимостью ихъ отъ центральныхъ органовъ дыханія и питанія. Желудокъ и легкія, съ принадлежащими къ нимъ по фізіологическимъ функціямъ частями, не принимаютъ непосредственной доли во внѣшнемъ трудѣ, но зато вырабатываютъ элементы, которыми поддерживается сила всѣхъ частей организма, работающихъ въ матеріальномъ производствѣ. Сила желудка находится въ прямой пропорціи къ общему развитію организма; она возвышается съ его укрѣпленіемъ, падаетъ при его ослабленіи. Если общее состояніе организма неудовлетворительно, желудокъ теряетъ силу вырабатывать количество крови, требуемое надобностями организма. Тоже надобно сказать и о легкіяхъ: при ослабленіи организма они теряютъ силу вдыхать и соединять съ кровью такое количество воздуха, какое нужно для надлежащаго окисленія крови.

Далѣе, фізіологія показываетъ, что для поддержанія каждой части организма въ здоровомъ состояніи нужна извѣстная энергія и продолжительность работы для мускуловъ этой части. При излишествѣ работы мускулы слабѣютъ; точно также слабѣютъ и при недостаткѣ ея. За ихъ разслабленіемъ неперемѣнно слѣдуетъ нездоровье той части организма, которой принадлежать они.

Потому, для поддержанія организма въ удовлетворительномъ состояніи, нужно извѣстное количество работы для мускуловъ всѣхъ частей организма. Характеръ работъ, оказывающихся здоровыми, состоитъ въ томъ, что онѣ даютъ хорошее занятіе мускуламъ всѣхъ частей организма. Таковы почти всѣ работы на низкихъ степеняхъ экономическаго быта: раздѣленіе труда еще очень мало, потому каждый работникъ исполняетъ цѣлый рядъ операцій, которыя поочередно требуютъ усилія мускуловъ всѣхъ частей организма, заставляють работника часто измѣнять характеръ труда и положеніе тѣла. Возьмемъ въ примѣръ каждаго изъ тѣхъ пильщиковъ лѣса, кото-

рые странствуютъ по нашимъ провинціальнымъ заходустьямъ, незнающимъ дѣсопильныхъ мельницъ. Этотъ пильщикъ самъ возится надъ точеніемъ своей пилы. Онъ же ставитъ и козлы для накладки брусевъ. Онъ же взваливаетъ и брусъ на нихъ,—потомъ возится надъ складываніемъ досокъ для просушки:—сколькихъ разныхъ положеній тѣла, сколькихъ разнообразныхъ усилій разныхъ мускуловъ требуютъ эти части его дѣла! Посмотримъ и на главную часть его занятія, собственно на пиленіе бруса. Тутъ онъ тянетъ пилу руками, и при каждомъ взмахѣ ея качается всѣмъ корпусомъ, такъ что сильно работаетъ весь спинной хребетъ; эти качанія такъ сильны и требуютъ такихъ значительныхъ перемѣнъ въ силѣ, съ какою онъ опирается на ноги, что очень значительно работаютъ и всѣ мускулы ногъ; пильщикъ то всею силою поджимаетъ колѣни, то всею силою выпрямляетъ ихъ; такимъ образомъ рѣшительно весь его организмъ участвуетъ въ работѣ и весь пользуется нормальнымъ ея послѣдствіемъ—укрѣпленіемъ силъ. При общемъ развитіи силъ организма усиливается и желудокъ, усиливаются и легкія: если другія части организма требуютъ большаго количества крови, то и эти центральныя части получаютъ способность выдѣлывать больше ея, удовлетворительно переработкою большаго количества пищи. (Разумѣется, мы говоримъ только о тѣхъ случаяхъ, когда работа ведется способомъ, удовлетворительнымъ въ гигиеническомъ отношеніи).

Но читатель замѣтитъ, что такія работы, занимающія весь организмъ, принадлежатъ преимущественно низшимъ степенямъ производительныхъ процессовъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется производство, тѣмъ одностороннѣе становится требуемый отъ работника трудъ. Возьмемъ въ примѣръ хотя тоже самое пильное дѣло. Когда пила вмѣсто человѣческихъ рукъ начинаетъ двигаться водою или паромъ и брусъ подъ нее подкладываются также особеннымъ механизмомъ, а не человѣческими плечами, вмѣсто пильщиковъ, работающихъ всѣмъ организмомъ, нужны становятся работники, которые только наблюдаютъ за дѣйствіемъ механизма, и развѣ по временамъ направляютъ его легкими движеніями рукъ, не требующими уже содѣйствія ни спины, ни ногъ. Такимъ образомъ дѣло этихъ работниковъ состоитъ уже въ полномъ бездѣйствіи почти всего организма кромѣ рукъ, мускуламъ которыхъ тоже приходится мало работы. Физиологическія послѣдствія такого положенія очевидны: организмъ не достигаетъ той крѣпости, какая давалась ему менѣе усовершенствованною формою того же производства. Но тутъ по крайней мѣрѣ еще нѣтъ надобности постоянно держать организмъ въ положеніи неудобномъ для питанія органовъ. Въ большей части случаевъ усовершенствованные процессы производства соединены и съ этимъ вторымъ условіемъ, столь же невыгоднымъ для организма. Почти на всѣхъ фабрикахъ почти всѣ работники остаются: цѣлый день въ какомъ нибудь одномъ и томъ же сидячемъ, сторбленномъ, искривленномъ положеніи, работая лишь какими нибудь двумя-тремя мускулами, между тѣмъ какъ остальное тѣло нѣмѣетъ отъ неподвижности и питаніе въ немъ запираетъ отъ неудобнаго положенія. При высокомъ раздѣленіи труда организмъ большей половины работниковъ впадаетъ въ летаргію, отъ которой ослабляются и центральныя части его: желудокъ становится плохъ, легкія

остаются неразвиты, неизбежное послѣдствіе того—общая слабость питанія, худосочіе, расположеніе къ груднымъ болѣзнямъ.

Зато другая, по своей численности нѣсколько меньшая, часть работниковъ при высокомъ раздѣленіи труда получаетъ занятія, требующія очень сильной дѣятельности мускуловъ, но лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ организма или уже въ количествѣ превышающемъ нормальную силу организма. Одни должны, находясь въ сидячемъ положеніи, вертѣть колеса; другіе вертятъ ихъ въ болѣе здоровомъ положеніи, стоя на ногахъ, зато вертятъ вдвое большее количество часовъ, чѣмъ сколько могъ бы безъ вреда для себя проводить организмъ въ этомъ состояніи. Тутъ происходитъ нарушеніе здоровой пропорціи между питаніемъ и развитіемъ разныхъ частей организма, или также общее его расслабленіе.

Словомъ сказать, высокое раздѣленіе труда при нынѣшнемъ порядкѣ производства, по которому каждый работникъ вѣчно остается при одной и той же частицѣ дѣла, ведетъ къ порчѣ организма въ огромномъ большинствѣ работниковъ, находящихся при процессахъ усовершенствованнаго производства.

Таково чисто физиологическое послѣдствіе раздѣленія труда при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ. Точно таково же его вліяніе на экономическій бытъ работниковъ.

Во второй книгѣ Милля мы найдемъ подробныя доказательства тому, что величина рабочей платы зависитъ отъ степени умственнаго развитія работника и отъ величины затратъ, какія были нужны работнику для пріобрѣтенія той суммы техническихъ совершенствъ, какими онъ владѣеть. Чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ проще дѣлается операція, исполняемая каждымъ отдѣльнымъ работникомъ, тѣмъ меньше требуетъ она въ немъ умственныхъ силъ, тѣмъ меньше нужно времени, чтобы достигъ совершенства въ ея исполненіи; исключеніемъ служатъ только очень малочисленныя обязанности общаго надзора или соединенія разныхъ отдѣльныхъ частей продукта въ одно цѣлое. За исключеніемъ этихъ немногихъ работниковъ, вся остальная масса, по самой сущности дѣла, должна подвергаться сокращенію рабочей платы соразмѣрно совершенствованію производительныхъ операцій. При машинѣ почти всѣ работники исполняютъ чисто механической трудъ; человеческое занятіе, требующее ума и технического знанія, имѣетъ одинъ управляющій всѣмъ механизмомъ; потому совершенствованіе производительныхъ процессовъ при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ необходимо ведетъ къ упадку рабочаго класса въ экономическомъ отношеніи.

Напрасно защитники настоящаго приводятъ въ опроверженіе этого вывода множество цифръ, доказывающихъ, по ихъ увѣренію, что рабочая плата не понизилась или даже возвысилась въ Англій, Франціи и другихъ передовыхъ странахъ въ послѣднее десятилѣтіе. Во-первыхъ, цифры, ими представляемыя, почти всѣ слишкомъ недостоверны. (Мы еще будемъ имѣть случаи подробнѣе говорить объ этомъ). Во-вторыхъ, если бы онѣ и были совершенно вѣрны, онѣ еще ничего не доказывали бы. Кромѣ раздѣленія труда и другихъ фактовъ, вредно дѣйствующихъ на рабочую плату при

нынѣшнемъ порядкѣ, развиваются въ тѣхъ же обществахъ другіе факты, имѣющіе противоположное вліяніе. Главный изъ нихъ—развитіе наукъ. Онѣ служатъ общимъ источникомъ всѣхъ другихъ: благодаря ему, совершенствуется техника, уничтожаются варварскія учрежденія и дикіе обычаи, распространяется участіе въ гражданскихъ правахъ на массу населенія. Всѣ эти измѣненія имѣютъ тенденцію улучшать положеніе общества, въ томъ числѣ и работниковъ. Если бы рабочая плата и возвысилась въ послѣднія десятилѣтія въ Англии или Франціи, это значило бы только, что размѣръ полезныхъ перемѣнъ былъ въ этотъ періодъ такъ значителенъ, что перевѣсилъ своимъ вліяніемъ дѣйствіе, оказываемое на нее раздѣленіемъ труда. Очень можетъ быть, что люди въ Петербургѣ живутъ теперь удобнѣе, чѣмъ жили въ Москвѣ при Василии Темномъ; слѣдуетъ ли изъ этого, что, переселяясь въ Петербургъ, они переселялись въ климатъ болѣе удобный? Нѣтъ, видно только, что развитіемъ цивилизаціи доставлены теперь въ худшемъ климатѣ такія удобства, какихъ не было и въ хорошемъ при полномъ невѣжествѣ; а все-таки петербургскій климатъ дуренъ: опровергнуть этого нельзя ни описаніемъ великолѣпныхъ домовъ, ни похвалами газовому освѣщенію,—все это не относится къ дѣлу, норма тутъ совершенно другая, она дается метеорологическими наблюденіями надъ самимъ климатомъ, а не чѣмъ нибудь другимъ, постороннимъ климату. Такъ и по вопросу о дѣйствіи раздѣленія труда на рабочую плату основаніемъ должны быть наблюденія надъ самимъ принципомъ раздѣленія труда, а не надъ какими нибудь чуждыми ему обстоятельствами и не надъ такими фактами, которые произведены дѣйствіемъ другихъ силъ. Упрощается ли каждая отдѣльная операція отъ раздѣленія труда? Меньше ли бываетъ нужно подготавливаться къ ней, меньше ли нужно сообразительности и знанія, чтобы исполнять ее?—Да, упрощается; да, меньше. Меньше ли бываетъ плата за работу, для которой нужно меньше ума, знанія, технической подготовки?—Да, меньше. Вотъ попробуйте доказать, что эти выводы несправедливы, тогда вы докажете, что раздѣленіе труда не имѣетъ неизбѣжной тенденціи къ пониженію рабочей платы; а пока вы не опровергли этихъ выводовъ не помогутъ вамъ никакія сравненія нынѣшней рабочей платы съ прежней.

Такимъ образомъ вредное дѣйствіе раздѣленія труда на экономическій бытъ и на самый организмъ рабочаго сословія при нынѣшнемъ порядкѣ дѣлъ не подлежитъ сомнѣнію. Это фактъ, равняющійся своею достовѣрностью математическимъ теоремамъ, потому что онъ состоитъ только въ приложеніи къ данному вопросу простыхъ истинъ: нездоровое для человѣка вредитъ здоровью, за меньшее количество платится меньшая сумма. Но съ тѣмъ вмѣстѣ остается столь же несомнѣннымъ, что для человѣческаго благосостоянія нужно усиленіе производства, а возрастаніе производства требуетъ раздѣленія труда. Что жъ мы имѣемъ теперь? Мы имѣемъ двѣ формулы, соединеніе которыхъ даетъ тотъ выводъ: элементъ, развитіе котораго необходимо для благосостоянія, губителенъ для массы людей своимъ развитіемъ.

Мы увидимъ, что къ подобному выводу сводятся почти всѣ вопросы политической экономіи. Долго недоумѣвали мыслители, какъ разрѣшить эту

антиномію. Сначала имъ показалось, что она неразрѣнима и знаменитѣйшій приговоръ въ этомъ смыслѣ былъ произнесенъ Мальтусомъ: страданія—неизбѣжная участь массы. Но теперь вся штука разъяснилась иначе. Посмотримъ, наиримѣрь, въ чемъ заключается для фізіологической стороны человѣка рѣшеніе частной антиноміи, занимающей теперь насъ. (О томъ, какъ она разрѣшается съ экономической стороны, что нужно для предотвращенія вредной тенденціи раздѣленія труда понижать рабочую плату, мы поговоримъ, когда будемъ разсматривать вопросы о рабочей платѣ, во 2 и въ 4 книгахъ).

Раздѣленіе труда необходимо. Такъ, но слѣдуетъ ли изъ этого необходимость отдѣльному работнику заниматься цѣлый день, цѣлую жизнь именно только трудомъ надъ извѣстною дробною операціею? Этого принципъ раздѣленія труда вовсе еще не предполагаетъ. Напротивъ, чѣмъ выше проводится раздѣленіе труда, тѣмъ легче становится одному человѣку поочередно заниматься множествомъ разныхъ дробныхъ операцій. Не легко одному человѣку быть и хорошимъ портнымъ, и хорошимъ сапожникомъ, потому что въ этихъ производствахъ еще очень слабо раздѣленіе труда и рядъ операцій, налагаемый необходимостью дѣла на одного работника, очень многосложенъ, такъ что порядкомъ пріучиться къ нему—вещь очень долгая и трудная. Но обратимся къ примѣру, который даетъ намъ Адамъ Смитъ—къ булавочному производству. Одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой прямитъ ее, третій рѣжетъ. Развѣ вы не видите, что операція каждаго изъ нихъ можетъ быть въ совершенствѣ усвоена въ очень короткое время? Нельзя поручиться, чтобы самый способный человѣкъ въ полгода выучился сапожному ремеслу; но тянуть проволоку каждый выучится въ пять минутъ,—вѣдь вся мудрость только въ томъ, чтобы держаться обѣими руками за клещи и тянуть ихъ къ себѣ. Или мудренѣе того рѣзать проволоку? Вѣдь ножницы сдѣланы такъ, что куски нужной длины отмѣриваются сами собой, надобно только одною рукою держать проволоку, а другою рукою поднимать и опускать ходящую половину ножницъ. Это такія операціи, о которыхъ нельзя и говорить, чтобы онѣ исполнялись хорошо или худо, искусно или неискусно: нѣтъ человѣка, который бы, — не говоримъ: не былъ бы въ состояніи исполнить ихъ въ совершенствѣ, — нѣтъ, этого мало, надобно сказать: который былъ бы въ состояніи исполнить ихъ не въ совершенствѣ. Понятіе искусства нейдетъ къ нимъ, какъ не идетъ къ умѣнью носить ложку въ ротъ, или пить, или дышать. Даже понятіе обученія почти совершенно нейдетъ къ такимъ вещамъ: учиться тутъ нечему—слишкомъ просто. Или возьмемъ примѣръ выдѣлки игорныхъ картъ представляемый Сэ. Если бы производство это не было доведено до высокаго раздѣленія труда, нужно было бы очень долгое ученіе, чтобы человѣкъ съумѣлъ порядочно выдѣлать бумагу и нарисовать на ней бубнового валета. Но теперь совсѣмъ не то: машина складываетъ листы и клеитъ ихъ; вотъ одинъ человѣкъ беретъ листы и относитъ на сушильню, другой приноситъ высохшіе листы въ мастерскую, третій беретъ принесенные листы и поочередно кладетъ ихъ на столъ, четвертый водитъ по столу машину, которая сама рѣжетъ листъ на ровные четырехугольники, пятый собираетъ

эти четырехугольники и т. д., и т. д. Опять дѣло каждого упрощено до послѣдней крайности, такъ что человѣкъ въ первый разъ пришедшій на карточную фабрику, черезъ четверть часа сѣумѣетъ отлично исполнить какую вамъ угодно изъ всѣхъ операцій, производимыхъ на ней.

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Опять не слѣдуетъ ничего такого, о чемъ даже стоило бы и разсуждать умнымъ людямъ, потому что выводъ ясенъ безъ всякихъ разсужденій по чрезвычайной своей простотѣ: при высокомъ раздѣленіи труда нѣтъ работнику никакого затрудненія поочередно переходить отъ одной операціи къ другой, мѣняя ихъ такъ, чтобы организмъ его поочередно работалъ всѣми частями, поочередно находился въ разныхъ положеніяхъ, чтобы разнообразіемъ сохранилось его здоровье. Если каждый день по двѣнадцати часовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ человѣкъ все рѣзать проволоку, онъ непременно испортитъ здоровье; но пусть въ эту недѣлю рѣзавъ проволоку, онъ въ слѣдующую недѣлю тянетъ ее, а на третью недѣлю пусть носить листы картона на сушильню карточной фабрики и т. д. и т. д.; черезъ два, черезъ три мѣсяца не вредно будетъ ему возвратиться къ рѣзанію проволоки и опять идти тѣмъ же кругомъ переменныхъ работъ, а, пожалуй, и какимъ нибудь другимъ кругомъ какихъ нибудь другихъ работъ, потому что подобныхъ работъ пѣляя сотни можетъ поочередно исправлять одинъ и тотъ же человѣкъ безъ всякой растраты времени и матеріала на свое обученіе имъ.

Этому разнообразію ни мало не мѣшаетъ самый принципъ раздѣленія труда; напротивъ, онъ ведетъ къ нему. Онъ долженъ выводить человѣка изъ монотонности одного занятія въ живую смѣну разнообразныхъ занятій, чего и требуетъ гигиена.

Но совершенно иная вещь вопросъ о томъ, не противно ли такому требованію гигиены экономическое устройство нынѣшнихъ фабрикъ? Просимъ читателя замѣтить, что мы говоримъ не о матеріальномъ устройствѣ, не о технической сторонѣ производства, а именно только объ экономическихъ отношеніяхъ, по которымъ оно ведется. Очень можетъ быть, что фабрикантъ не въ силахъ допустить такого непостоянства занятій у своихъ работниковъ; очень можетъ быть, что ему необходимо, чтобы каждый работникъ постоянно занимался одною извѣстною операціею, что только при этомъ условіи возможно фабриканту сохранять правильность въ своихъ оборотахъ и порядокъ на своей фабрикѣ. Это дѣло, котораго здѣсь мы еще не должны касаться: пока мы еще говоримъ только о законахъ производства, а не о томъ, какъ устроены нынѣшнія фабрики; мы еще не знаемъ даже, что такое фабрикантъ. Пока мы знаемъ только, что принципъ раздѣленія труда самъ по себѣ очень согласенъ съ физиологическими потребностями человѣческаго организма и можемъ только заключать изъ этого, что если бы нашлась въ дѣйствительности какая нибудь форма производства, противная гигиеническимъ условіямъ, то вредъ человѣческому здоровью наносился бы собственно этою формою, а не принципомъ раздѣленія труда, только неудачнымъ, одностороннимъ его примѣненіемъ, а не сущностью его.

Несообразность гигиеническихъ требованій съ условіями, нужными для

веденія производства по извѣстной формѣ экономическаго устройства — первая причина тому, что раздѣленіе труда, само по себѣ легко становящееся источникомъ здоровья, оказывается вреднымъ для него въ извѣстныхъ обществахъ. Можно указать еще другое обстоятельство, оказывающееся также вреднымъ для здоровья. Когда платье для всѣхъ членовъ семейства шили женщины того же самаго семейства, — жены для мужей, дочери для отцовъ, и каждая для себя, работа эта не вредила здоровью, потому что каждая, занимаясь шитьемъ, занималась кромѣ того множествомъ другихъ дѣлъ, представлявшихъ нужное для здоровья разнообразіе. Но вотъ введено въ общество нѣкоторое раздѣленіе труда, образовались особенныя профессіи портныхъ и швей, — людей, которые одно только и дѣлаютъ, все шьютъ и шьютъ. Это профессіи нездоровыя. Но зато вспомнимъ, на высокую ли степенъ возведено въ нихъ раздѣленіе занятій? Въ нихъ почти нѣтъ машинъ, нѣтъ почти никакихъ даже простыхъ орудій, кромѣ иглы и наперстка. Всѣ работники дѣлаютъ одно и то же, кромѣ одного закройщика. Это простое сотрудничество, а не раздѣленіе занятій. Тутъ нѣтъ никакихъ усовершенствованныхъ процессовъ, — въ мастерской моднаго магазина платье изготовляется тою же самою техникою, какъ изготовлялось чуть ли еще не въ гомеровскія времена. Но введите тутъ машины, усовершенствуйте процессы производства, и вы увидите, что съ раздѣленіемъ занятій, съ распаденіемъ одного неразрывнаго ряда операцій, составляющаго нынѣ все шитье, на множество отдѣльныхъ операцій, явится и разнообразіе занятій. Изъ этого мы видимъ, что если какое нибудь производство само по себѣ нездорово, то причиной тутъ бываетъ не раздѣленіе занятій, а именно недостаточное приложеніе этого принципа къ производству и что для поправленія дѣла нужно усилить въ немъ раздѣленіе занятій.

Впрочемъ и тутъ корень нездоровыхъ отношеній лежитъ все въ той же причинѣ, на которую указали мы прежде. Если, напримѣръ, портное ремесло нездорово и не допускаетъ большаго раздѣленія занятій, отъ котораго могло бы сдѣлаться здоровымъ, то развѣ невозможно было бы портному отдохнуть отъ своего занятія, поправлять его односторонность другими занятіями, не требующими никакого особеннаго обученія? Почему онъ не могъ бы, занимаясь шитьемъ платья два дня въ недѣлю, въ остальные дни копать землю, молотить хлѣбъ, рубить дрова и такъ далѣе? Это невозможно для него не по сущности дѣла, а также по несоотвѣтствію извѣстныхъ экономическихъ формъ съ условіями гигиены. Такимъ образомъ все сводится къ одной коренной причинѣ.

Ею же надобно главнымъ образомъ объяснять и очень малое раздѣленіе занятій въ земледѣльческомъ трудѣ, которое напрасно объясняетъ Мидль только изъ поочередности разныхъ операцій земледѣльческаго процесса. Кромѣ нѣсколькихъ недѣль въ году, у земледѣльческаго работника всегда нашлось бы время заняться еще чѣмъ нибудь другимъ. Зато въ немногія недѣли, когда землепашецъ вполнѣ занятъ своимъ трудомъ, хозяйству было бы выгодно имѣть вдвое больше рабочихъ рукъ, чѣмъ оно имѣетъ. Поэтому поселянинъ, занимающійся собственно земледѣліемъ, могъ бы удѣлять много времени на фабричныя занятія, а фабричныя работники сильно

помогать земледѣлю въ недолгіе періоды пашни и уборки хлѣба. Надобно ли говорить, что такой періодическій приливъ и отливъ рабочихъ силъ, то отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ, то отъ другихъ занятій къ земледѣлію, очень выгоденъ для увеличенія производства? Но онъ существуетъ теперь, при нынѣшнихъ экономическихъ формахъ, только въ мѣстностяхъ, гдѣ еще почти нѣтъ и первыхъ зачатковъ промышленныхъ усовершенствованій: въ Россіи, у южныхъ славянъ, въ отсталыхъ провинціяхъ Франціи, въ отсталыхъ частяхъ Германіи. Гдѣ промышленная дѣятельность сильно развита, тамъ установились твердыя профессіи, не допускающія переходовъ одного и того же работника отъ фабричной промышленности къ земледѣлію и наоборотъ. При нынѣшнихъ экономическихъ формахъ фабрикантъ непременно долженъ вести свои обороты круглый годъ въ одномъ размѣрѣ: лѣтомъ онъ долженъ имѣть столько же работниковъ какъ зимою, иначе онъ будетъ подорванъ фабрикантами, ведущими ровный оборотъ работы во весь годъ. Другая, еще важнѣйшая причина слабого раздѣленія занятій въ земледѣліи заключается въ самой многосложности земледѣльческаго процесса. О ней мы скажемъ, когда будемъ разсматривать Мальтусову теорему и въ примѣчаніяхъ на слѣдующую главу ³⁶⁾.

³⁶⁾ Причины, дающія производству при сильномъ раздѣленіи занятій неизмѣримое преимущество надъ производствомъ безъ высокаго раздѣленія занятій, немало не мѣшаютъ одному и тому же работнику поочередно переходить отъ одной изъ упрощенныхъ операцій усовершенствованнаго производства къ другой,—это, по нашему мнѣнію, ясно и безъ подробнаго объясненія о томъ, что ни одна изъ выгодъ высокаго раздѣленія занятій не утрачивается, ни одна изъ невыгодъ нераздѣльности занятій не возвращается поочереднымъ переходомъ одного работника по разнымъ упрощеннымъ операціямъ одного или даже нѣсколькихъ производствъ. Однако-же, на всякій случай сдѣлаемъ здѣсь пересмотръ § 5-го, содержащаго исчисленіе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ выгодамъ раздѣленія занятій.

„Увеличеніе ловкости въ работникѣ, быстроты въ его работѣ“. Такъ, но у человѣка всегда есть сила въ нѣсколькихъ даже чрезвычайно многосложныхъ операціяхъ достигнуть высочайшаго совершенства, высочайшей ловкости и быстроты, къ какимъ способенъ его организмъ. Ньютонъ бѣгло говорилъ по-латинѣ, Листъ хорошо танцевалъ; можетъ-ли человекъ въ здоровомъ умѣ сказать: „если-бы Ньютонъ не тратилъ часть своего времени на изученіе латинскаго языка, онъ достигъ-бы большихъ успѣховъ въ математикѣ“,—слава Богу, и такъ онъ, кажется, достигъ въ ней порядочнаго успѣха,—„если-бы Листъ не тратилъ время на танцы, онъ лучше игралъ бы на фортепьяно“,—кажется, онъ и такъ игралъ не дурно. Если-бы Листъ не занимался ничѣмъ, кромѣ фортепьяно, Ньютонъ ничѣмъ, кромѣ математики, у нихъ, по всей вѣроятности, просто даромъ пропала бы и та часть времени, и та часть способностей, которая наша себѣ употребленіе въ изученіи танцевъ и латинскаго языка. Мы взяли въ примѣръ математику и игру на фортепьяно, латинскій языкъ и танцы—такія занятія, что на достиженіе совершенства въ каждомъ изъ нихъ мало всей человѣческой жизни (вѣдь если бы Тальони сохранила молодость, стройность и гибкость до 100 лѣтъ, она съ каждымъ годомъ все выучивалась бы танцевать лучше прежняго),—и видимъ, однако-же, что даже въ такихъ занятіяхъ человекъ достигаетъ всей высоты, къ какой способенъ, хотя занимается не однимъ только изъ нихъ, а нѣсколькими. Послѣ этого не будетъ ли совершенной пошлостью сказать, что будетъ мѣшать достиженію ловкости въ занятіяхъ, совершенство въ которыхъ достигается очень быстро, если работникъ станетъ заниматься не однимъ изъ нихъ а нѣсколькими? Неужели выучиться бѣгло писать по-латинѣ и сдѣлаться хорошимъ математикомъ одному человеку легче, чѣмъ, напримѣръ, выучиться рѣзать проволоку для булавокъ и носить карточный картонъ на сушильню? Дѣло въ томъ, что о чемъ бы мы ни разсуждали, не мѣшаетъ имѣть хоть каплю здраваго смысла. Слишкомъ многие экономисты Смитовской школы, къ сожалѣнію, не находятъ въ этомъ нужды, утрируя мысли Смита. Здравый смыслъ говорить, что всему есть своя граница: было бы невыгодно человеку слишкомъ разбрасываться на слишкомъ много занятій (Меццофантинъ, ставившій амбіцію въ томъ, чтобы выучиться писать на шестидесяти языкахъ, на всѣхъ шестидесяти писалъ очень плохо: но нѣсколькими

Мы видѣли, что самъ принципъ раздѣленія занятій носить въ себѣ тенденцію къ сочетанію разнообразныхъ занятій въ дѣятельности одного работника: онъ ведетъ къ этому, упрощая операціи до того, что исчезаютъ все невыгоды и растраты, которыми задерживается сочетаніе разныхъ занятій въ кругѣ работъ одного лица при недостаточномъ развитіи раздѣленія занятій. Сбереженіе и укрѣпленіе здоровья въ работникѣ, производимое разнообразіемъ занятій, составляетъ громадный выигрышъ для производства. Столь же важна другая выгода такой формы дѣятельности работника. При разнообразіи занятій, онъ будетъ имѣть болѣе широкую сообразительность, умственные силы его будутъ развиваться отъ работы, а не тупѣть, какъ тупѣютъ при ограниченіи всей дѣятельности его одною упрощенною до машинальности операціею. Подумаемъ только, можетъ ли быть какое нибудь сравненіе, по изобилію матеріаловъ для умственного развитія, по богатству промышленной опытности, по догадливости между работникомъ, который бывалъ и на полевой работѣ, и на ткацкихъ фабрикахъ, и на постройкахъ, и въ ремеслахъ, и между такимъ работникомъ, который всю жизнь просидѣлъ у одного колеса одной машины на одной фабрикѣ? Тутъ разница такая же, какъ между человѣкомъ, извѣдывшимъ вдоль и поперекъ Россію и другимъ, который носа не высовывалъ за плаг-

языками владѣть очень хорошо можетъ выучиться каждый, кто захочетъ; но точно такъ же вредно для успѣха самаго дѣла, если человѣкъ уже слишкомъ сѣзаетъ кругъ своихъ занятій (человѣкъ, вовсе не знающій иностранныхъ языковъ, не можетъ хорошенько понимать грамматическихъ правилъ и своего роднаго языка и почти никогда не умѣетъ порядочно писать на немъ). Слушая утрировку, до какой возводятъ требованія специализма въ работникѣ туше повторители Смита, невольно вспоминаешь афоризмъ Пруtkова: „Специалистъ подобенъ флосу: полнота его односторонняя“. Разнообразіе занятій развиваетъ сообразительность, а при сообразительности всякое дѣло идетъ лучше, чѣмъ безъ нея.

„При обученіи тратится нѣкоторое количество матеріала и времени“. Мы уже говорили, что пужно пятнадцать минутъ времени на обученіе какой нибудь отдѣльной операціи въ производствахъ, достигшихъ высокаго раздѣленія занятій, а матеріала тратится тутъ на грошъ. Вѣдь надобно помнить, о чемъ идетъ дѣло. Не о томъ, чтобы портной былъ вмѣстѣ и сапожникомъ, а лишь о томъ, чтобы не всю свою жизнь проводилъ фабричный работникъ въ верченіи одного колеса. Если отъ разнообразія занятій продлится хотя на одинъ день жизнь работника или хотя однимъ днемъ болѣзни будетъ меньше въ его жизни, экономической выигрышъ будетъ несравненно значительнѣе всей растраты времени и матеріала на его обученіе нѣсколькимъ операціямъ, достаточно разнообразнымъ для отвращенія вредныхъ послѣдствій, какими нынѣ отражается раздѣленіе занятій на организмѣ работника.

„Обученіе пойдетъ скорѣе, если ученикъ не развлекается отъ обученія одному дѣлу обученіемъ другому“. Такъ, только опять съ прежнимъ прибавленіемъ: всему есть граница. Развлеченіе вниманія вредно, но еще вреднѣе, когда вниманіе тупѣетъ отъ монотонности. Если бы насъ, образованныхъ людей, не учили одновременно нѣсколькимъ разнымъ наукамъ и искусствамъ, а учили-бы, чтобы не развлекать вниманіе, въ нынѣшнемъ году одной только математикѣ и больше ничему, въ слѣдующемъ году одной только грамматикѣ и больше ничему. Конечно, мы еще хуже нынѣшняго знали бы то, чему насъ хоть какъ нибудь выучили; а если бы кого нибудь изъ насъ вздумали все учебное время продоложить одною грамматикою, изгнавъ изъ нашего курса все другія науки, этотъ несчастный ученикъ, вѣроятно, не сдѣлался бы ничѣмъ, кромѣ какъ олухомъ.

„При переходѣ отъ занятія къ занятію теряется время“. Надлежащія границы этому соображенію удовлетворительно опредѣлены у Милля; не мѣшаетъ, впрочемъ, точнѣе опредѣлить, о чемъ идетъ рѣчь. Если человѣкъ, двѣ минуты проработавъ долотомъ, долженъ слѣдующія двѣ минуты работать топоромъ, потомъ вслѣдъ за тѣмъ переходить на двѣ минуты къ работѣ рубанкомъ,—разумѣется, времени у него пропадетъ бездна. Вотъ именно въ томъ и состоитъ одна изъ важныхъ выгодъ раздѣленія занятій, что оно уравниваетъ эту ежеминутную суетню надъ новыми при-

баумъ своего уѣзднаго города. А мы отчасти уже видѣли, еще яснѣе увидимъ въ послѣдствіи, что рѣшительно ни одинъ изъ элементовъ успѣшности производства не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ степень умственнаго развитія въ работникѣ. Климатъ, почва, запасы капитала, самая крѣпость физическихъ силъ—все это ничтожно по сравненію съ развитіемъ мысли. Изъ этого развитія все возникаетъ, все достигается только той величины, какая сообразна съ нимъ, все поддерживается только имъ. Потому важнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію производства надобно считать тѣ формы, которыя неблагопріятны умственному развитію работника. Въ послѣдствіи мы займемся разборомъ того, какія формы экономическаго устройства благопріятны, какія неблагопріятны, развитію этого важнѣйшаго элемента успѣшности труда. Теперь мы обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство.

Степень, до которой можетъ быть доводимо раздѣленіе занятій въ данное время, въ данномъ мѣстѣ, опредѣляется размѣромъ рынка для сбыта производимыхъ товаровъ. Это совершенная правда; но должно прибавить, что размѣръ рынка, потребный для извѣстной высоты въ раздѣленіи занятій, бываетъ различенъ при разныхъ формахъ производства. Для ясности мы предположимъ такой случай. Пусть для наибольшаго раздѣленія заня-

емами и орудіями. Но въѣдъ для здоровья нужно вовсе не то. Должѣ пѣсколькихъ часовъ человѣкъ не можетъ работать безъ отдыха довольно продолжительнаго; вѣроятно, не противно экономіи труда, если работникъ два или три раза въ день подкрѣпляетъ свои силы ѣдой. Какая же будетъ трата времени, какое охлажденіе въ энергіи труда, если онъ, занявшись до завтрака однимъ дѣломъ, займется послѣ завтрака до обѣда другимъ, а послѣ обѣда третьимъ? Перемѣнять въ день два-три занятія,—это, напротивъ, будетъ выгодно для успѣшности каждаго изъ нихъ, а больше того переѣмъ и не требуется.

„Сосредоточившись на одномъ занятіи, человѣкъ скорѣе придумываетъ усовершенствованія въ немъ“. Милль не дурно ставитъ границы и этому, но слѣдуетъ прибавить: а выгодно ли для придумыванія усовершенствованій, когда рутинность монотонной машинальности доводитъ работника до оупѣвнія? Притомъ же, если есть шансъ для изобрѣтеній въ постоянствѣ занятія, то еще гораздо, большій шансъ дается свѣжестью, самостоятельностью мыслей при занятіи дѣломъ, еще не вошедшимъ въ рутину. Большая часть изобрѣтеній были сдѣланы не специалистами. Самъ основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, по обязанности занимался правственной философіей, а не чѣмъ пибудь вродѣ политической экономіи, когда открылъ принципы экономической науки.

„При раздѣленіи занятій выгоднѣе распределяются работы по степени силъ каждаго работника“. Совершенная правда, но требованіе, которое мы выставляемъ, ни мало не касается этой выгоды. Пусть человѣкъ, крѣпкій физическими силами, переходитъ по разнымъ занятіямъ, которыхъ не можетъ исполнять ребенокъ,—такъ и слѣдуетъ.

„При раздѣленіи занятій извлекается наибольшая выгода изъ орудій: они не лежатъ праздно“. Опять совершенная правда, которая опять ни мало не нарушается нашимъ требованіемъ. До обѣда Петръ тянетъ на булавочной фабрикѣ клещами проволоку, а Иванъ рѣжетъ ее ножницами; послѣ обѣда за ножницы берется Петръ, а за клещи Иванъ,—клещи и ножницы все равно цѣлый день въ дѣлѣ.

Всѣ эти соображенія такъ ясны сами собой, что рѣшительно не стоило-бы тратить на нихъ бумагу; но что вы прикажете дѣлать съ оупѣвшими (отъ монотонной рутинности слишкомъ узкаго круга занятій) педагогами, какими украшается нынѣ Смитовская школа? Бѣдный Адамъ Смитъ, за что онъ, человѣкъ умный, подвергся несчастію носить имя учителя въ устахъ нынѣшнихъ французскихъ экономистовъ? Они говорятъ такія вещи, что повадятся намъ въ какой нибудь изъ слѣдующихъ частей труда объяснять, что пицца производится для ѣды, а ложка служить орудіемъ при процессѣ ѣды. Попробуйте оставить безъ доказательствъ такія новыя истины, и сотни голосовъ закричатъ: „какіе неосновательные парадоксы! какое позваніе первыхъ основаній нашей науки!“

тій, то есть для успѣшнѣйшаго производства, нуженъ ткацкой фабрикѣ размѣръ, при которомъ требуется 100 работниковъ. Положимъ, что въ данномъ обществѣ, въ данное время, развилась такая форма производства, при которой ткачъ шелковой матеріи не можетъ уже заниматься ничѣмъ кромѣ этой отрасли дѣла, ткачъ бумажныхъ матерій также. Ясно, что нужны будутъ двѣ особыя фабрики, одна для бумажныхъ, другая для шелковыхъ матерій, и нуженъ такой размѣръ рынка, который потреблялъ бы полное годовичное производство товаровъ той и другой фабрики. Но пусть размѣръ рынка будетъ вдвое меньше, — тогда при формѣ производства, недопускающей разнообразія занятій, невозможно существовать двумъ этимъ фабрикамъ, имѣя по 100 работниковъ; каждая изъ нихъ не можетъ имѣть болѣе пятидесяти работниковъ, то есть принуждена будетъ остановиться на гораздо менѣ высокой степени раздѣленія занятій, иначе сказать, должна вести свое производство гораздо менѣ усовершенствованнымъ и успѣшнымъ процессомъ. Но предположимъ, что была бы принята въ этомъ обществѣ другая форма производства, допускающая поочередный переходъ одного работника по разнымъ занятіямъ; тогда было бы очень удобно быть одной фабрикѣ, которая половину года ткала бы при трудѣ 100 работниковъ бумажныя матеріи, а другую половину года въ такомъ же размѣрѣ шелковыя матеріи. Правда, обращеніе фабрики отъ выдѣлки бумажныхъ тканей на выдѣлку шелковыхъ и наоборотъ, каждый разъ требовало бы нѣкотораго расхода; но этотъ расходъ совершенно ничтоженъ, по сравненію съ выгодой, получаемой отъ большаго развитія труда. Зданіе фабрики не требуетъ для такого перехода никакихъ передѣлокъ, паровыя машины также не требуютъ, большая часть ткацкихъ механизмовъ и другихъ рабочихъ орудій также одинаково годится для обоихъ производствъ; орудія, которыхъ нуженъ будетъ двойной комплектъ, имѣютъ цѣнность совершенно незначительную съ этими огромными цѣнностями, расходъ на подстановку одного комплекта этихъ орудій на мѣсто другаго при перемирѣ производства также будетъ совершенно ничтоженъ по сравненію съ огромными расходами на полугодичное содержаніе фабрики. Эти ничтожныя прибавки, рѣшительно незамѣтныя въ общей суммѣ расходовъ, даютъ возможность сдѣлать то колоссальное сбереженіе въ основномъ капиталѣ, какое происходитъ отъ замѣненія двухъ фабрикъ одною, и доставить производству тѣ громадныя выгоды, какія получаютъ отъ вдвое большаго раздѣленія занятій, то есть отъ усовершенствованія процессовъ производства вдвое больше прежняго.

Эта гипотеза показываетъ намъ еще новую сторону выгоды формъ благопріятныхъ и невыгоды формъ неблагопріятныхъ сочетанію разнообразныхъ занятій въ дѣятельности одного работника. Мало того, что разнообразіе занятій замѣняетъ хилатаго работника здоровымъ, тугого сообразительнымъ: оно даетъ также возможность при каждомъ данномъ размѣрѣ рынка доводить раздѣленіе занятій, то есть совершенствованіе производительныхъ процессовъ, до степени гораздо высшей, чѣмъ каковая возможна безъ поочереднаго занятія одного и того же работника разными операціями.

ГЛАВА IX.

Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ.

1. Изъ важности сочетанія труда явно слѣдуетъ выводъ, что есть много случаевъ, въ которыхъ производство совершается гораздо успѣшнѣе, когда ведется въ большомъ размѣрѣ. Если достиженіе наибольшей успѣшности труда зависитъ отъ сочетанія многихъ работниковъ, хотя бы только по способу простаго сотрудничества, то размѣръ предпріятія долженъ быть таковъ, чтобы соединилось въ немъ много работниковъ, а размѣръ капитала таковъ, чтобы онъ могъ содержать много работниковъ. Еще нужнѣе это, когда характеромъ занятія допускается, а размѣромъ возможнаго сбыта вызывается значительное раздѣленіе труда. Чѣмъ обширнѣе предпріятіе, тѣмъ дальше можетъ быть проведено раздѣленіе труда. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ развитія большихъ фабрикъ. Если дальнѣйшее расширеніе операцій даже и не поведетъ къ большому раздѣленію работъ, то будетъ большая экономія отъ расширенія операцій до такого размѣра, чтобы вполнѣ занять былъ своимъ особеннымъ дѣломъ каждый человѣкъ, которому выгодно будетъ назначить это дѣло. Беббеджъ прекрасно разъясняетъ это (стр 214 и слѣд.):

„Если машины работаютъ безъ перерыва круглыя сутки“ (а такой способъ работы ихъ единственный экономичный способъ, какъ само собою видно), „необходимо кому нибудь заниматься тѣмъ, чтобы впускать работниковъ, приходящихъ на смѣну другихъ. А отдыхъ этого привратника или другаго прислужника одинаково нарушается, одного ли человѣка или двадцать человѣкъ впускаетъ онъ. Также необходимо бываетъ по временамъ поправлять дѣйствіе машины или чинить ее; а это гораздо лучше будетъ исполняться работникомъ, привыкшимъ дѣлать машины, чѣмъ работникомъ, употребляющимъ машину. Далѣе: прочность машины и исправность ея въ работѣ очень много зависитъ отъ того, чтобы поправлять каждое ослабленіе, каждый недостатокъ въ ея частяхъ, при первомъ же его появленіи; потому безотлагательное наблюденіе машиниста, находящагося при самой фабрикѣ, значительно уменьшитъ трату, происходящую отъ порчи машинъ. Но если фабрика имѣетъ всего одинъ станокъ, содержать машиниста было-бы слишкомъ дорого. Изъ этого происходитъ другая причина, ведущая къ расширенію объема фабрики: фабрика должна состоять изъ такого числа машинъ, которое занимало-бы все время работника, смотрящаго за ихъ исправностью; а если число машинъ будетъ больше этого, тотъ же расчетъ показываетъ надобность удвоить или утроить ихъ число, чтобы онѣ вполнѣ занимали время двухъ или трехъ машинистовъ.

„Когда часть труда работника состоитъ въ простомъ напряженіи физической силы, напримѣръ, въ тканьи и многихъ другихъ фабрикаціяхъ, то фабрикантъ скоро

замѣтить, что если эта часть труда будетъ исполняться паровой машиной, одинъ человекъ на его, напримѣръ, ткацкой фабрикѣ, будетъ управлять вдругъ двумя или больше станками. А мы уже предположили, что при фабрикѣ есть машинистъ или нѣсколько машинистовъ; потому число станковъ легко сдѣлать такое, чтобы время этихъ машинистовъ было вполне занято присмотромъ за ними и за паровую машиную.

„По дальнѣйшему приложенію тѣхъ же расчетовъ, фабрика постепенно такъ расширяется, что расходъ на ея освѣщеніе по ночамъ доходитъ до значительной суммы. А при ней уже есть люди, не снятіе всю ночь и могущіе постоянно присматривать за освѣщеніемъ; есть также машинисты, могущіе устранять и чинить всякіе механизмы; потому прибавленіе аппарата на выдѣлку газа для освѣщенія фабрики ведетъ къ новому ея расширенію, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаетъ стоимость производства, сокращая расходы на освѣщеніе и рискъ несчастныхъ случаевъ отъ огня.

„Гораздо раньше, чѣмъ фабрика достигнетъ такого размѣра, будетъ уже необходимо учредить счетное отдѣленіе, съ особыми людьми, выдающими жалованье рабочимъ и смотрящими, чтобы они являлись на работу въ положенное время. Это отдѣленіе должно быть въ связи съ агентами, закупающими матеріалы, и съ агентами, продающими изготовленный продуктъ“. Для этихъ агентовъ и бухгалтеровъ невозможно больше времени и труда понадобится на то, чтобы выдавать жалованье большому числу рабочихъ и вести счета по большимъ сдѣлкамъ, чѣмъ выдавать жалованье небольшому числу рабочихъ и вести счета по мелкимъ оборотамъ. Если оборотъ удваивается, то вѣроятно будетъ надобность лишь нѣсколько увеличить, но не удвоить число агентовъ по покупкѣ и продажѣ, бухгалтеровъ и кассировъ. Каждое расширеніе дѣла даетъ возможность вести его съ пропорціонально меньшимъ количествомъ труда.

Издержки дѣла далеко не возрастаютъ пропорціонально размѣру дѣла — это общее правило. Возьмемъ въ примѣръ рядъ операций, которыя мы привыкли видѣть исполняемыми однимъ большимъ заведеніемъ, почтовымъ вѣдомствомъ. Предположимъ, что, напримѣръ, хотя одна только лондонская городская почта не централизована въ одномъ заведеніи, а раздѣлена между пятью или шестью соперничающими компаніями. Каждая изъ нихъ была-бы принуждена имѣть заведеніе почти столь же обширное, какъ то, которое достаточно теперь для цѣлаго дѣла. Каждая должна была-бы устроить приемъ и раздачу писемъ во всѣхъ частяхъ города, посылать почтальоновъ въ каждую улицу, почти въ каждый домъ, по стольку-же разъ въ день, какъ нынѣ посылаетъ почтамтъ,—иначе дѣло велось-бы хуже, чѣмъ теперь. Каждая компанія должна была бы въ каждомъ кварталѣ имѣть контору со всѣми вспомогательными учрежденіями для сбора писемъ изъ разныхъ конторъ и распредѣленія ихъ по кварталамъ на раздачу. Я уже не говорю о томъ, что понадобилось-бы гораздо большее число высшихъ служащихъ для надзора за подчиненными, что потребовалось-бы больше расходовъ на жалованье этимъ довѣреннымъ лицамъ, и по ихъ многочисленности, вѣроятно, даже пришлось бы часто быть менѣ разборчивымъ при назначеніи на эти мѣста, брать на нихъ людей, неспособныхъ исполнять свою обязанность.

При свободной конкуренціи есть безошибочный признакъ, по которому бываетъ видно, въ каждомъ данномъ случаѣ, перевѣшивается ли нѣтъ выгодами, происходящими отъ веденія дѣла въ большомъ размѣрѣ, выгода большей заботливости и большей внимательности къ маленькимъ прибылямъ и потерямъ, обыкновенно встречаемая въ заведеніяхъ небольшого размѣра. Когда въ одной и той-же отрасли производства есть

и большія и малыя заведенія, тѣ пзъ нихъ, которыя при существующихъ обстоятельствахъ ведутъ дѣло выгодноѣе, будутъ имѣть возможность подорвать другія большею дешевизною. Возможность постоянно продавать по болѣе дешевой цѣнѣ, вообще говоря, дается только большею успѣшностью труда. А большая успѣшность труда, происходя отъ большаго раздѣленія занятій или отъ ихъ классификаціи, ведущей къ лучшей экономіи искусства, всегда ведетъ не только къ полученію равнаго продукта отъ меньшаго количества труда, но и къ полученію большаго продукта отъ равнаго количества труда: она увеличиваетъ не только прибыль, но и валовой продуктъ промысла. Если прибавка въ количествѣ какого нибудь товара не нужна п потому часть работниковъ лишается своего занятія, то капиталъ, содержавшій и занимавшій ихъ, также освобождается, п общая сумма продуктовъ страны увеличивается чрезъ какое нибудь новое приложение ихъ труда.

Другая причина появленія большихъ фабрикъ—введеніе процессовъ, требующихъ дорогихъ механизмовъ. Дорогой механизмъ предполагаетъ большой капиталъ, и устраняется не иначе, какъ только съ намѣреніемъ производить и продавать все то количество товара, какое можетъ вырабатываться полною силою механизма. По этимъ двумъ обстоятельствамъ, гдѣ употребляется дорогой механизмъ, тамъ неизбежна система производства въ большомъ размѣрѣ. Но возможность продавать дешевле тутъ не служить такимъ безошибочнымъ признакомъ полезнаго вліянія на общее производство страны, какъ служить въ первомъ случаѣ. Возможность пониженія цѣны зависитъ не отъ абсолютнаго увеличенія продукта, а отъ того, что увеличилась его пропорція сравнительно съ издержками; въ одной изъ предъидущихъ главъ (глава VI) мы показали, что это можетъ быть совмѣстно даже съ уменьшеніемъ годичнаго валоваго продукта. Черезъ принятіе машины, оборотный капиталъ, который постоянно потреблялся и воспроизводился, обращается въ оборотный капиталъ, требующій лишь небольшого ежегоднаго расхода для своего поддержанія, и гораздо меньшій продуктъ будетъ достаточенъ для покрытія этого расхода и возвращенія остальнаго оборотнаго капитала производителю. Потому машина очень можетъ быть выгодна фабриканту и давать ему возможность подорвать дешевизною своихъ соперниковъ, хотя-бы ея дѣйствіемъ производство страны не увеличивалось, а уменьшалось. Правда, товаръ будетъ продаваться дешевле, и этого одного товара будетъ, вѣроятно, продаваться не меньше, а больше прежняго, потому что потеря общества упала на работниковъ, а они въ большей части фабрикаціи или не главные потребители, или вовсе не потребители. Но если эта отдѣльная отрасль промышленности можетъ расширяться, ея расширеніе произойдетъ черезъ пополненіе ея уменьшившагося оборотнаго капитала пзъ общаго оборотнаго капитала страны; п если работники въ этой отрасли промышленности пзбѣжали потери занятія, то пзбѣжали лишь тѣмъ, что потеря разложилась на массу остальнаго рабочаго сословія. Если нѣкоторые изъ рабочаго сословія доведены этимъ до состоянія непродуцительныхъ работниковъ, содержащихся добровольною или обязательною благотворительностью, общій продуктъ страны подвергнется постоянному уменьшенію, пропорціонально ихъ числу, до той поры, пока постоянный прогрессъ накопленія покроетъ эту убыль. Но если положеніе рабочаго класса даетъ ему возможность выдержать временное пониженіе рабочей платы и оставшіеся лишними работники найдутъ себѣ мѣсто въ другихъ отрасляхъ производства, то ихъ трудъ останется продуцительнымъ, а убыль въ общемъ продуктѣ страны вознаградится, хотя не вознаградится убытокъ работниковъ. Я повторилъ здѣсь эти понятія, уже изложенныя мною прежде, чтобъ сильнѣе помнилась мысль, что если извѣ-

стный способ производства дает возможность дешевле продавать известный товаръ, изъ этого еще не слѣдуетъ непремѣнно, что онъ увеличиваетъ производительность всей суммы труда въ обществѣ. Второе послѣдствіе бываетъ обыкновенно соединено съ первымъ, но не соединено съ нимъ непремѣнно всегдѣ. Однако-жъ, есть причины думать, что эти исключительные случаи болѣе представляются теоретически возможными, чѣмъ бываютъ частыми въ дѣйствительности; причины эти я отчасти уже изложилъ, и не буду повторять ихъ здѣсь; не буду и заранѣе указывать другихъ, которыя будутъ полнѣе изложены впоследствии.

Въ сбереженіи труда, происходящемъ отъ замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, значительную часть составляетъ сбереженіе труда самихъ капиталистовъ. Если сто производителей съ небольшими капиталами отдѣльно ведутъ одинаковое дѣло, наблюденіе за каждымъ предпріятіемъ, вѣроятно, займетъ все вниманіе лица, ведущаго это предпріятіе, или по крайней мѣрѣ займетъ его на столько, что не оставитъ ему времени или свободы въ мысляхъ, чтобы заняться еще чѣмъ нибудь другимъ. А между тѣмъ одинъ фабрикантъ, владѣющій капиталомъ, равнымъ суммѣ всѣхъ ихъ капиталовъ, можетъ, при содѣйствіи десяти или двѣнадцати помощниковъ, вести обороты на всю сумму ихъ оборотовъ и имѣть еще свободное время для другихъ дѣлъ. Правда, малый капиталистъ съ управленіемъ дѣлами обыкновенно соединяетъ известную долю исполнительнаго труда, которую большой капиталистъ предоставляетъ своимъ подчиненнымъ. Мелкій фермеръ самъ пашетъ, мелкій торговецъ самъ бываетъ сидѣльцемъ въ своей лавкѣ, мелкій хозяинъ ткацкой мастерской самъ работаетъ за станкомъ. Но именно это соединеніе занятій очень часто бываетъ неэкономично. Хозяинъ предпріятія или тратитъ на рутинную подробность качества, пригодная для общаго управленія, или, если способенъ только на эту подробность, дурно ведетъ общее управленіе. Впрочемъ я долженъ замѣтить, что не придаю этому сбереженію труда той важности, какая часто ему приписывается. На надзоръ за многими мелкими предпріятіями тратится гораздо больше труда, чѣмъ на надзоръ за однимъ большимъ предпріятіемъ, это бесспорно. Но мелкие производители обыкновенно имѣютъ полное вознагражденіе за этотъ трудъ въ сознаніи того, что они сами себѣ господа, а не служители какого нибудь хозяина. Можно сказать, что если они цѣнятъ эту независимость, они будутъ согласны платиться за нее и продавать товаръ по уменьшенной цѣнѣ, производимой соперничествомъ большаго торговца или фабриканта. Но имъ нельзя постоянно дѣлать этого и имѣть прибыль, достаточную для жизни. Потому они постепенно исчезаютъ изъ общества. Потребивъ свой маленькій капиталъ на продленіе безуспѣшной борьбы, они или испускаютъ въ положеніе наемныхъ работниковъ, или становятся нуждающимися въ постороннемъ пособіи.

2) Производство въ большомъ размѣрѣ сильно развивается введеніемъ въ практику способа составлять большой капиталъ изъ соединенія многихъ мелкихъ взносовъ, иначе сказать, образованіемъ акціонерныхъ компаній. Выгоды акціонернаго принципа многочисленны и важны.

Во-первыхъ, многія предпріятія требуютъ капитала въ размѣрѣ, превышающемъ средства богатѣйшаго отдѣльнаго лица или сотоварищества на паяхъ. Никакой отдѣльный капиталистъ не могъ бы сдѣлать желѣзной дороги отъ Лондона до Ливерпуля; едва ли даже могъ бы онъ исполнять перевозку по ней, когда она уже сдѣлана. Правительство могло бы сдѣлать ее и возить по ней; и въ странахъ, гдѣ сочетаніе силъ еще находится на низшихъ степеняхъ развитія, отъ одного правительства можно ждать

работъ, требующихъ большаго соединенія средствъ, потому что оно можетъ получать эти средства принудительнымъ путемъ, черезъ налоги, и уже привыкло къ веденію большихъ операцій. Но по причинамъ, которыя довольно хорошо извѣстны и о которыхъ мы впослѣдствіи будемъ говорить подробно, правительственное веденіе промышленныхъ операцій вообще бываетъ однимъ изъ самыхъ невыгодныхъ путей, если только возможенъ какой нибудь другой путь.

Далѣе, есть такія предпріятія, о которыхъ нельзя сказать, чтобы отдѣльное лицо совершенно не могло вести ихъ, но которыхъ не можетъ оно вести въ томъ размѣрѣ и съ тѣмъ постоянствомъ, какія все больше и больше требуются надобностямъ развивающагося общества. Отдѣльныя лица очень могутъ отправлять корабли изъ Англіи въ какую бы то ни было часть свѣта, перевозить туда пассажировъ и письма; это производилось за долго до всякой мысли о составленіи акціонерныхъ компаній для такого дѣла. Но при увеличеніи населенія, дѣловыхъ сношеній и средствъ уплаты, публика не хочетъ довольствоваться случайными возможностями сообщеній, а хочетъ быть увѣрена, что регулярно будутъ отправляться корабли, — въ нынѣ мѣста каждый день или даже два раза каждый день, въ другія еженедѣльно, въ третьи правильно плавать большіе пароходы очень дорогой постройки два раза въ мѣсяцъ по опредѣленнымъ днямъ; очевидно, что для доставленія ей этой увѣренности въ точномъ содержаніи такого круга дорогихъ операцій нуженъ гораздо многочисленнѣйшій составъ надежныхъ подчиненныхъ, чѣмъ какимъ можетъ располагать отдѣльный капиталистъ. Есть еще другіе случаи, въ которыхъ дѣло могло бы очень хорошо быть ведено вовсе небольшими или не очень большими капиталами, но въ которыхъ составленіе большаго капитала необходимо или полезно для обезпеченія публики въ исполненіи денежныхъ обязательствъ. Особенно нужно это, когда сущность дѣла требуетъ, чтобы находилось очень много людей, желающихъ вѣрить свои деньги извѣстному предпріятію, какъ, на примѣръ, въ банковыхъ и страховыхъ предпріятіяхъ, — для тѣхъ и другихъ чрезвычайно удобенъ принципъ акціонерныхъ компаній. Примѣромъ безразсудства правителей служить то, что до недавняго времени въ Англіи было запрещено приложеніе принципа акціонерныхъ компаній, какъ общаго основанія, къ этимъ обонмъ разрядамъ предпріятій: составленіе акціонерныхъ компаній для банковыхъ операцій было запрещено вовсе, а составлять страховыя общества было запрещено по морскому застрахованію. Цѣлью этого было доставить выгодную монополію нѣкоторымъ учрежденіямъ, получившимъ исключительное право существованія, — Англійскому Банку, Лондонскому Страховому Обществу и Королевскому Биржевому (Royal Exchange) Страховому Обществу.

Вотъ нѣкоторыя изъ преимуществъ акціонерныхъ компаній надъ предпріятіями отдѣльныхъ людей. Но взглянувъ на другую сторону вопроса, мы найдемъ, что эти предпріятія также имѣютъ очень большія преимущества надъ акціонерными компаніями. Главное изъ нихъ то, что въ частныхъ предпріятіяхъ распорядители гораздо больше заинтересованы въ успѣхѣ дѣла.

Управленіе въ акціонерныхъ ассоціаціяхъ почти все ведется черезъ наемныхъ служащихъ. Даже совѣтъ или комитетъ директоровъ, который считается главнымъ распорядителемъ дѣла и который дѣйствительно назначаетъ и смѣняетъ распорядителей, заинтересованъ денежною выгодною въ хорошемъ веденіи дѣла только пропорціонально числу акцій, лично принадлежащихъ директорамъ, а эти акціи всегда составляютъ лишь очень небольшую долю капитала компаніи и обыкновенно лишь небольшую долю имущества самихъ директоровъ. Время, посвящаемое ими на управленіе компаніею, удѣляется

отъ множества другихъ занятій, столь же важныхъ или болѣе важныхъ для ихъ личной выгоды, и акціонерное предпріятіе составляетъ главное занятіе лишь для людей, нанятыхъ вести его. Но опытъ и поговорки, выражающія результатъ народнаго опыта, свидѣтельствуютъ, что наемные служащіе ведутъ дѣло гораздо хуже людей, лично заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и что за наемными служащими необходимо наблюдать „хозяйскому глазу“.

Для успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія нужны два совершенно разныхъ качества: вѣрность и усердіе. Вѣрность наемныхъ распорядителей акціонерная компанія можетъ обезпечить себѣ. Если трудъ ихъ можетъ быть подведенъ подъ опредѣленные правила, нарушеніе этихъ правилъ будетъ такою вещью, въ которой для совѣсти нелегко будетъ обманывать себя, и отвѣтственность за которую можетъ состоять въ потерѣ должности. Но успѣшное веденіе большаго предпріятія требуетъ кромѣ того сотни другихъ вещей, которыхъ нельзя опредѣлить впередъ, обратить въ точныя и положительныя обязательства. Первое и главнѣйшее условіе здѣсь то, чтобы мысль распорядителя была постоянно занята дѣломъ, постоянно работала надъ соображеніями, какъ-бы получить больше выгодъ или сберечь расходы. Такой сильной заинтересованности въ дѣлѣ рѣдко можно ожидать въ людяхъ, которые ведутъ дѣло, какъ наемные служащіе, не въ свою, а въ чужую выгоду. Опытъ человѣческихъ дѣлъ не дозволяетъ сомнѣваться въ такомъ выводѣ. Всѣ, употреблявшіе наемный трудъ, достаточно испытали, что наемные служащіе стараются дать какъ можно меньше труда за получаемую плату, лишь-бы не доводить хозяина до отказа въ работѣ. Всѣ замѣчаютъ, что интересы хозяина пренебрегаются домашними служителями, если не охраняются какимъ-нибудь положительнымъ правиломъ и если продолжительная служба на одномъ мѣстѣ и взаимныя услуги не произвели въ служителей личной привязанности или чувства общности его интересовъ съ хозяйскими.

Другая невыгода акціонерныхъ компаній, до нѣкоторой степени принадлежащая всѣмъ предпріятіямъ обширнаго размѣра,—пренебреженіе къ маленькимъ выгодамъ и сбереженіямъ. При распоряженіи большимъ капиталомъ и большими оборотами, легко является привычка считать мелкія суммы почти за ничто, особенно когда у распорядителей нѣтъ большаго личнаго интереса въ дѣлѣ: эти суммы не считаются стоящими хлопотъ, которыхъ потребовала бы заботливость о нихъ, и репутація щедрости, благородства дешево покупается небрежностью къ этимъ мелкимъ расчетамъ. Но мелкія выгоды и мелкія издержки, безпрестанно повторяясь, возвышаются до большихъ выгодъ и потерь. Большой капиталистъ часто пиѣтъ столько сообразительности, что практически замѣчаетъ это и устраиваетъ свои дѣла по такой системѣ, которая предотвращаетъ обычныя въ большихъ предпріятіяхъ растраты, если онъ довольно внимательно смотритъ за ея исполненіемъ. Но распорядители акціонернаго предпріятія рѣдко посвящаютъ себя дѣлу съ такою внимательностью, чтобы наблюдать за соблюденіемъ истинно-экономной системы во всѣхъ подробностяхъ, если даже и введена она.

По этимъ соображеніямъ, Адамъ Смитъ пришелъ къ тому, что поставилъ общимъ принципомъ, будто бы акціонерныя компаніи никакъ не могутъ держаться безъ исключительныхъ привилегій ни въ какихъ предпріятіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ значительной степени подводимы подъ опредѣленные правила, какъ, напримѣръ, банки, страхованіе и нѣкоторыя другія. Но это одно изъ тѣхъ преувѣлченій истиннаго принципа, которыя часто встрѣчаются у Адама Смита. Въ его время, за исключеніемъ тѣхъ отраслей дѣла, о которыхъ онъ упоминалъ, встрѣчалось мало акціонерныхъ компаній, безъ монополій пользовавшихся постояннымъ успѣхомъ. Но послѣ него явилось

много такихъ компаній, а въ послѣдствіи безъ сомнѣнія будетъ ихъ еще больше, благодаря непрерывному развитію паклонности къ торговому товариществу и умѣнія устранять его. Адамъ Смитъ слишкомъ исключительно обратилъ вниманіе на большую степень энергіи и неусыпной внимательности, вносимой распорядителемъ въ такое дѣло, гдѣ весь капиталъ и вся выгода принадлежать распорядителю, и опустилъ изъ виду разныя обстоятельства, имѣющія противоположное вліяніе,—обстоятельства, которыми значительно вознаграждается даже это важное преимущество.

Изъ обстоятельствъ, клонящихся въ выгоду акціонерныхъ компаній, къ числу важнѣйшихъ принадлежитъ большая умственная и практическая способность ихъ распорядителей. Личный интересъ, конечно, служить нѣкоторымъ ручательствомъ за усердіе; но само усердіе приноситъ мало пользы, если принадлежитъ человѣку безъ хорошихъ умственныхъ способностей,—а это по необходимости должно такъ быть въ большей части предпріятій, управляемыхъ лицами, наиболѣе заинтересованными въ нихъ. Когда предпріятіе обширно и можетъ давать вознагражденіе, достаточное для привлеченія къ нему кандидатовъ, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, то для общаго управленія и для всѣхъ второстепенныхъ обязанностей спеціальнаго рода можно бываетъ выбирать людей съ такими знаніями и умственнымъ развитіемъ, что эти преимущества съ излишкомъ будутъ вознаграждать меньшую степень ихъ заинтересованности въ результатѣ предпріятія. Благодаря своей болѣе проницательности, они, посвящая дѣлу даже только часть своихъ мыслей, могутъ замѣчать выгоды, которыя не будутъ никакъ замѣчены людьми посредственныхъ способностей даже при полномъ напряженіи вниманія; а превосходство знаній, обычная вѣрность взгляда и сужденія предохраняютъ ихъ отъ ошибокъ, боязнь которыхъ удержала бы другихъ рисковать своими интересами черезъ отступленіе отъ обыкновенной рутинны.

Далѣе, надобно замѣтить, что при акціонерныхъ предпріятіяхъ нѣтъ необходимости выдавать служащимъ въ главныхъ или подчиненныхъ должностяхъ все вознагражденіе въ видѣ опредѣленнаго жалованья. Есть способы болѣе или менѣе тѣсно сочетать выгоду служащихъ съ денежнымъ успѣхомъ предпріятія. Между веденіемъ дѣла вполнѣ на свой счетъ и трудомъ за неизмѣнную поденную, понедѣльную или годичную плату есть длинный рядъ среднихъ положеній. Даже въ обыкновенной черной работѣ есть поштучная плата, вознагражденіе по количеству исполненной работы; большая успѣшность такой работы очень извѣстна, такъ что расчетливые хозяева всегда употребляютъ ее, если только возможно дѣлать работу на опредѣленные части безъ необходимости въ слишкомъ хлопотливомъ надзорѣ для предотвращенія небрежной выдѣлки. По отношенію къ распорядителямъ акціонерныхъ предпріятій, и къ надсмотрщикамъ во многихъ частныхъ предпріятіяхъ, довольно сильно распространены обычай связывать ихъ денежный интересъ съ интересомъ хозяевъ, давая имъ часть вознагражденія въ формѣ процентовъ съ прибыли. Личный интересъ въ дѣлѣ, возбуждаемый черезъ это въ наемныхъ служащихъ, далеко не такъ силенъ, какъ интересъ лица, которому принадлежитъ капиталъ; но все-таки онъ такъ силенъ, что служитъ очень значительнымъ побужденіемъ къ усердію и заботливости; и въ соединеніи съ умственнымъ превосходствомъ онъ часто даетъ наемному управленію успѣшность гораздо высшую той, какую можетъ придать своимъ дѣламъ большинство хозяевъ личнымъ управленіемъ. Обширнѣйшее развитіе, къ какому способенъ этотъ принципъ вознагражденія, имѣетъ большую важность и въ экономическомъ и въ социальномъ отношеніи; мы подробнѣе займемся имъ въ одной изъ дальнѣйшихъ частей нашего изслѣдованія.

Я уже замѣчалъ, говоря вообще о предпріятіяхъ обширнаго размѣра по сравненію съ малыми предпріятіями, что при свободѣ соперничества результаты его показываютъ, какой родъ предпріятій выигрываетъ въ данномъ случаѣ; тоже самое надобно сказать объ акціонерныхъ предпріятіяхъ по сравненію съ индивидуальными: тѣ изъ нихъ, которыя ведутъ дѣло успѣшнѣе и экономнѣе, всегда, наконецъ, успѣютъ подорвать дешевизною предпріятія другаго рода.

3. Возможность замѣны производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ разумѣется прежде всего зависить отъ величины рынка. Производство большаго размѣра можетъ быть выгоднымъ лишь тогда, когда есть надобность въ большомъ количествѣ продукта,—а для этого условіемъ служитъ или многолюдство и процвѣтаніе самой страны, или большой сбытъ за границу. Во-вторыхъ, этой замѣнѣ, какъ и всякой другой перемѣнѣ въ системѣ производства, очень благопріятствуетъ развитіе капитала. Количество капитала, нищающаго себѣ помѣщенія, бываетъ велико преимущественно тогда, когда капиталъ страны ежегодно получаетъ большое приращеніе; а новое предпріятіе гораздо скорѣе и легче основывается на новый капиталъ, чѣмъ на капиталъ, вынимаемый изъ прежняго употребленія. Также очень облегчается эта перемѣна существованіемъ большаго капитала въ немногихъ рукахъ. Правда, что такая же сумма капитала можетъ состояться соединеніемъ множества небольшихъ суммъ. Но это не во всѣхъ отрасляхъ промышленности одинаково удобно, а кромѣ того предполагаетъ гораздо высшую степень распространенности коммерческаго довѣрія и предпріимчивости въ обществѣ, и рѣшительно принадлежитъ болѣе развитому періоду промышленнаго прогресса.

Въ странахъ, имѣющихъ обширнѣйшіе рынки, обширнѣйшую распространенность коммерческаго довѣрія и предпріимчивости, наибольшее годичное возрастаніе капитала и наибольшее количество значительныхъ капиталовъ у частныхъ лицъ, находится стремленіе все больше и больше, въ одной отрасли промышленности за другою, замѣнять мелкія промышленныя заведенія обширными. Въ Англіи, въ которой поляе всего находятся эти экономическія черты, постоянно растутъ большія фабрики, а гдѣ находится достаточное число покупателей, также растутъ обширныя лавки и магазины для веденія розничной торговли въ большомъ размѣрѣ. Они почти всегда находятъ возможность подрывать дешевизною мелкаго торговцевъ и промышленниковъ; эта возможность происходитъ, во-первыхъ, разумѣется, отъ раздѣленія труда и экономіи, возникающей отъ употребленія людей съ спеціальными способностями только на тѣ занятія, которыя нуждаются въ особенныхъ способностяхъ; во-вторыхъ, она безъ сомнѣнія происходитъ и отъ сбереженія труда, какое соединено съ большимъ размѣромъ оборотовъ: въ самомъ дѣлѣ, исполненіе, напримѣръ, большой закупки требуетъ почти не болѣе траты времени, не слишкомъ большаго умственнаго труда, чѣмъ произведеніе мелкой закупки, и гораздо меньшей траты времени и труда, чѣмъ исполненіе множества мелкихъ закупокъ.

Собственно по отношенію къ производству и успѣшности труда эта перемѣна вполне полезна. Иногда она сопровождается потерями, скорѣе соціальнаго, нежели экономическаго характера, о которыхъ мы уже упоминали. Но каковы-бы ни были, по нашему мнѣнію, невыгоды, соединенныя съ замѣною производства въ маломъ размѣрѣ производствомъ въ большомъ размѣрѣ, онѣ не сопровождаютъ перехода отъ производства въ большомъ размѣрѣ къ производству еще въ болѣешемъ. Если въ извѣстной отрасли промышленности веденіе дѣлъ малыми независимыми хозяевами или вовсе не

было никогда возможно, или уже уничтожилось и вполне водворена система сосредоточения множества работниковъ подъ управленіемъ одного хозяина, то дальнѣйшее расширеніе въ размѣрѣ производства обыкновенно бываетъ выгодною, несоединенною ни съ какими потерями. Напримѣръ, очевидно, какая значительная экономія труда произошла, если-бы газомъ или водою снабжался Лондонъ отъ одной компаніи, вмѣсто нѣсколькихъ компаній, существующихъ теперь. Если существуютъ даже только двѣ компаніи, онѣ требуютъ двойнаго комплекта всѣхъ заведеній, между тѣмъ какъ одна изъ двухъ, съ небольшимъ увеличеніемъ объема, вѣроятно могла-бы не хуже двухъ исполнять все дѣло; онѣ требуютъ двойнаго комплекта машинъ и сооружений, между тѣмъ какъ все нужное количество газа или воды могло бы доставляться однимъ комплектомъ; онѣ требуютъ даже двойнаго ряда трубъ, если компаніи не предотвратили этой лишней издержки согласившись раздѣлить между собою городъ. Если-бы существовала только одна компанія, она могла-бы продавать воду или газъ дешевле, продолжая получать нынѣшній процентъ прибыли. Но стала-ли-бы она продавать свой товаръ дешевле? Если-бы даже и не стала, нація въ цѣломъ своемъ составѣ всетаки выиграла-бы, потому что акціонеры члены націи, а если-бы потребители платили нынѣшнюю цѣну, акціонеры получали-бы прибыль большую нынѣшней. Притомъ, ошибочно было-бы предполагать, что цѣны постоянно держатся дешевыми отъ соперничества этихъ компаній. Гдѣ число соперниковъ такъ мало, они всегда кончаютъ тѣмъ, что соглашаются не соперничествовать между собою. Они могутъ пойти путемъ удешевленія, чтобы разорить новаго кандидата, но лишь только утвердится онъ, они входятъ въ соглашеніе съ нимъ. Потому, если дѣло существенной важности для общества можетъ быть выгодно ведено лишь въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что свобода соперничества становится почти призракомъ, то неразсчетливою растратою общественныхъ средствъ будетъ содержать нѣсколько дорогихъ заведеній для того, чтобы они оказывали обществу одну и ту же услугу. Гораздо лучше будетъ прямо считать это дѣло общественнымъ; и если оно не таково, чтобы само правительство могло съ выгодною взяться за него, то надобно отдать все его одному акціонерному обществу или товариществу на паяхъ, какое будетъ исполнять его на условіяхъ, выгоднѣйшихъ для публики. Напримѣръ, никто не можетъ желать, чтобы произведена была громадная трата капитала и земли на постройку второй желѣзной дороги для соединенія мѣстъ, уже связанныхъ существующею желѣзною дорогою, и чтобы увеличивались беспокойства, дѣлаемая желѣзною дорогою сосѣднимъ жителямъ; потому что обѣ онѣ исполняли-бы свое дѣло не лучше того, какъ оно можетъ исполняться одною, и въ скоромъ времени обѣ компаніи, вѣроятно, слились-бы въ одну. Слѣдуетъ дозволить только одну такую дорогу; но государство никакъ не должно выпускать изъ своихъ рукъ контроля надъ нею (исключеніемъ можетъ служить развѣ то, когда она строится съ условіемъ перейти черезъ нѣсколько времени въ государственную собственность, какъ во Франціи); и право собственности на желѣзныя дороги, данное отъ парламента англійскимъ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, подобно всѣмъ тѣмъ правамъ собственности, которыя противны общественной пользѣ, имѣетъ только ту нравственную силу, что служить правомъ на вознагражденіе.

4. Вопросъ о системахъ производства въ большомъ и маломъ размѣрахъ по при-
мѣненію къ земледѣлію,—о преимуществѣ большихъ или малыхъ фермъ, большихъ или малыхъ хозяйствъ (*grande culture* и *petite culture*),—долженъ рѣшаться по основаніямъ, во многомъ различнымъ отъ тѣхъ, по какимъ рѣшается общій вопросъ о производствѣ въ большомъ или маломъ размѣрѣ. Въ своемъ социальномъ отношеніи, какъ одинъ изъ

элементовъ распредѣленія богатства, этотъ вопросъ займетъ насъ впоследствии; но даже со стороны производства превосходство большихъ хозяйствъ въ земледѣліи не такъ несомнѣнно, какъ въ фабричномъ дѣлѣ.

Я уже замѣчалъ, что земледѣльческія операціи мало способны пользоваться выгодами раздѣленія труда. На самой обширной фермѣ, раздѣленіе занятій все-таки не велико. Правда, вообще особенные люди ходятъ за скотомъ, другіе ѣздятъ на рынокъ, третьи пахутъ землю; но подраздѣленіе не идетъ многимъ дальше этой начальной, простой классификаціи. Сочетаніе труда, допускаемое земледѣліемъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что Уэкфильдъ называетъ простымъ сотрудничествомъ: нѣсколько человѣкъ содѣйствуютъ другъ другу въ одномъ дѣлѣ, одновременно, въ одномъ мѣстѣ. Но признаюсь, мнѣ кажется, что этотъ проницательный писатель приписываетъ такому сотрудничеству въ собственно такъ называемомъ земледѣліи больше важности, чѣмъ оно имѣетъ. Ни одна изъ обыкновенныхъ операцій фермы не требуетъ его въ очень большой степени. Нѣтъ особенной выгоды сводить множество людей вмѣстѣ, чтобы они пахали, перекачивали или засѣвали одно поле; нѣтъ особенной пользы въ этомъ даже при сѣнокосѣ или жнитвѣ, если погода не заставляетъ особенно спѣшить. Одно семейство вообще можетъ производить все сочетаніе труда, необходимое въ этихъ дѣлахъ. А въ другихъ дѣлахъ, гдѣ дѣйствительно нужно соединеніе силъ многихъ людей, рѣдко бываетъ затрудненіе получить его, даже въ мѣстностяхъ съ малыми средствами.

Трата производительной силы отъ раздробленія земли часто доходитъ до очень вредной степени; но это относится преимущественно къ дробленію столь мелкому, что земляпашцы не имѣютъ уже такого количества земли, чтобы она занимала все ихъ время. Относительно такого мелкаго дробленія примѣняются къ земледѣлію тѣ принципы, по которымъ отдается преимущество большимъ фабрикамъ. Чтобы производство шло самымъ успѣшнымъ образомъ, надобно вообще желать (впрочемъ и это правило должно имѣть свои ограниченія), чтобы ни одно семейство не имѣло земли, если не можетъ имѣть ея столько, сколько могло-бы обрабатывать и сколько было-бы достаточно для полнаго занятія его скоту и орудіямъ. Но такой размѣръ участка вовсе еще не размѣръ большой фермы, а такой фермы, которая считается въ Англіи очень малою. Большой фермеръ имѣетъ нѣкоторую выгоду въ издержкахъ на постройки. Помѣстить большое количество скота въ одной постройкѣ стоитъ дешевле, чѣмъ дать ему такое-же хорошее помѣщеніе въ нѣсколькихъ постройкахъ. Есть также нѣкоторая выгода и въ орудіяхъ. Мелкому фермеру не такъ легко имѣть дорогія орудія, какъ большому. Но главные земледѣльческія орудія, даже самаго лучшаго устройства, не дороги. Мелкому фермеру не разсчитъ имѣть свою молотильную машину для своего небольшого количества хлѣба; но нѣтъ препятствія каждому околodку завести сообща такую машину; нѣтъ препятствія и какому-нибудь отдѣльному лицу имѣть такую машину и давать ее въ наймы другимъ *). Большой фермеръ можетъ имѣть нѣкоторое сбереженіе въ издержкахъ

*) Сосраженія, представленныя въ текстѣ, могутъ впоследствии быть нѣсколько замѣнены такими изобрѣтеніями, какъ паровой плугъ и жатвенная машина. Но если отъ этихъ усовершенствованныхъ орудій замѣнится сравнительная выгодность большихъ и малыхъ фермъ, причина тому будетъ не въ успѣшности труда, а въ дороговизнѣ этихъ машинъ. Я не вижу основаній думать, что дороговизна ихъ будетъ такъ велика, чтобы онѣ остались недоступны мелкимъ фермамъ или товариществамъ мелкихъ фермеровъ. *Примѣч. авт.*

Конечно, можно надѣяться только того, что онѣ будутъ доступны товариществамъ мелкихъ фермеровъ, потому что паровой плугъ или жатвенная машина для полнаго своего занятія требуютъ такого пространства земель, воздѣлываніе котораго далеко превышаетъ силы одного семейства. *Прим. переводчи.*

перевоза. Перевезти на рынок небольшое количество продукта стоит почти такого же труда, как перевезти гораздо большее количество. Перевозка на ферму малаго количества удобренія или предметовъ ежедневнаго употребленія стоит почти тоже, что перевозка гораздо большаго количества. Притомъ и покупать вещи большими количествами бываетъ дешевле, чѣмъ малыми. Всѣ эти выгоды надобно считать довольно важными, но едва ли слѣдуетъ считать ихъ уже чрезвычайно важными. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ поколѣній Англія мало испытывала системы мелкихъ фермъ; но Ирландія имѣетъ много мелкихъ фермъ не съ однимъ очень дурнымъ хозяйствомъ, а также и съ очень хорошимъ хозяйствомъ; сужденія лучшихъ знатоковъ дѣла въ Ирландіи могутъ служить опроверженіемъ мнѣнію, господствующему объ этомъ вопросѣ въ Англіи. Напримѣръ, мистеръ Блекеръ, одинъ изъ самыхъ опытныхъ агрономовъ сѣверной Ирландіи, пользовавшійся хорошимъ успѣхомъ при введеніи у себя земледѣльческихъ улучшеній, знающій въ особенности тѣ части острова, гдѣ земледѣліе особенно хорошо, а земли наиболѣе раздѣлены, былъ того мнѣнія, что фермеры, берущіе отъ 5 до 8 или 10 экровъ, могутъ жить съ комфортомъ и платить ренту никакъ не меньше, чѣмъ платили бы большіе фермеры. „Я твердо убѣжденъ, говоритъ онъ (въ своемъ *Prise Essay on the Management of Landed Property in Ireland, by William Blacker, стр. 23*) что мелкій фермеръ, самъ пахущій и кошающій свое поле, можетъ выгнѣнить большаго фермера, иначе говоря, можетъ платить высшую ренту, чѣмъ большой, если будетъ держаться хорошаго сѣвооборота и кормить свой скоть въ стойлѣ; въ этомъ утверждаютъ меня мнѣнія многихъ практическихъ людей, вникавшихъ въ дѣло... Англійскій фермеръ, снимающій 700 или 800 экровъ, бываетъ человѣкъ, приближающійся къ тому, что называется джентльменъ-фермеръ. Онъ хочетъ имѣть верховую лошадь, экипажъ, можетъ быть управляющаго для надзора за работниками, и, разумѣется, самъ онъ не можетъ усмотрѣть за работами, происходящими на фермѣ въ 800 экровъ“. Слѣлавъ еще нѣсколько замѣчавій, Блекеръ продолжаетъ: „Кромѣ всѣхъ этихъ лишннихъ расходовъ, мало знакомыхъ мелкому фермеру, большую издержку составляетъ перевозка удобренія отъ скотнаго двора на такое большое разстояніе и точно также перевозка хлѣба съ полей въ амбары. Одна лошадь потребитъ продуктъ большаго количества земли, чѣмъ сколько нужно на прокормленіе мелкаго фермера съ женою и двумя дѣтьми. Но важнѣе всего остальнаго то, что большой фермеръ говоритъ своимъ работникамъ: *ступайте* на работу, а если мелкій фермеръ нанимаетъ работниковъ, то говоритъ имъ: *пойдемте* на работу: я надѣюсь, что проникательный читатель пойметъ эту разницу“.

Одно изъ самыхъ любимыхъ возраженій противъ мелкихъ фермъ то, что онѣ не содержатъ и не могутъ содержать, пропорціонально своему размѣру, такого количества скота, какъ большія фермы, и отъ этого не достаетъ на нихъ удобренія, такъ что земля, раздѣленная на мелкіе участки, непременно должна истощиться. Но оказывается, что раздробленіе земли производитъ такой результатъ лишь тогда, когда отдаетъ землю въ руки хлѣбопашцевъ слишкомъ бѣдныхъ, не имѣющихъ средства держать столько скота, сколько нужно по размѣру ихъ фермъ. Малая ферма и ферма съ недостаточнымъ количествомъ скота вовсе не синонимы. Чтобы сравненіе было справедливо, мы должны предположить количество капитала, находящееся у большихъ фермеровъ, раздробленнымъ между малыми фермами. Если существуетъ такая соразмѣрность, или хотя близкая къ ней пропорція, и если скоть кормится въ стойлахъ (а нынѣ начинаютъ считать выгоднымъ кормить скоть въ стойлахъ и на большихъ фермахъ), то опытъ вовсе не под-

тверждаетъ мнѣнія, будто-бы мелкія фермы неблагопріятны размноженію скота,—нѣтъ, онъ неоспоримо показывается совершенно противное. Изобиліе скота п удобрения на мелкихъ фламандскихъ фермахъ составляетъ самую поразительную черту фламандскаго земледѣлія, которому дивятся всѣ знатоки дѣла и въ Англіи и на континентѣ *)).

*) Прекрасный трактатъ о фламандскомъ сельскомъ хозяйствѣ, составленный по лучшимъ наблюденіямъ и лучшимъ источникамъ и изданный „Обществомъ распространенія полезнахъ знаній“, говоритъ: „Люди, незнакомае съ способомъ приготовления корма скоту на фламандскихъ фермахъ, въ которыхъ вся земля обращена подъ пашню, удивятся количеству скота на нихъ. По одной головѣ крупнаго скота на каждые три акра земли—вотъ обыкновенная пропорція, а въ очень мелкихъ хозяйствахъ, гдѣ производится много работы заступомъ, пропорція еще больше. Сравненіе отчетовъ пзъ разныхъ мѣстностей и фермъ о среднемъ количествѣ молока, получаемаго отъ коровы, кормящейся въ стойлѣ, показываетъ, что она даетъ молока гораздо больше нашихъ (английскихъ) лучшихъ коровъ, п также, что изъ даннаго количества молока отъ нея получается больше масла. Удивительно покажется, что человекъ имѣющій только 10 или 12 акровъ земли легкаго сорта можетъ содержать четыре коровы или пять коровъ; по это фактъ извѣстный въ Весескомъ округѣ“ (стр. 59, 60).

Вопросъ этотъ очень основательно разсматривается въ книгѣ Пасси Des Systèmes de culture et de leur influence sur l'Economie Sociale, одномъ пзъ самыхъ безпристрастныхъ французскихъ изслѣдованій о сравнительной выгодеи большаго и малаго земледѣльческаго хозяйства. „Англія бесспорно содержитъ наибольшее количество скота на данномъ пространствѣ (говоритъ Пасси). Только Голландія и пѣкоторыя части Ломбардіи могли бы оспаривать у нея первенство въ этомъ. Но должно ли это считаться результатомъ размѣра хозяйства, не содѣйствуютъ ли тому климатическія обстоятельства и особенности мѣстнаго положенія? Мы думаемъ, что бесспорно содѣйствуютъ. Дѣйствительно, что бы ни говорили, по гдѣ большія и малыя хозяйства встрѣчаются въ одной мѣстности, малыя хозяйства хотя и не могутъ содержать столько овецъ, какъ большія, но по количеству производимаго скотомъ удобрения, имѣютъ всего скота въ общей сложности больше, чѣмъ большія хозяйства. Вотъ, напримѣръ, выводы изъ свѣдѣній, доставляемыхъ Бельгіею:

„Антверпенская провинція и Восточная Фландрія, гдѣ господствуетъ мелкое хозяйство, имѣютъ среднимъ числомъ по 74 головы рогатаго скота и по 14 овецъ и барановъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земл. Намюрская и Гепнегауская провинціи, гдѣ встрѣчаются большія фермы, имѣютъ на 100 гектаровъ воздѣлываемой земли только по 30 головъ рогатаго скота и по 45 барановъ и овецъ. Считая, по обыкновенному правилу, 10 барановъ равняющимся 1 головѣ рогатаго скота, мы находимъ въ первыхъ двухъ провинціяхъ 76 головъ рогатаго скота для поддержанія плодородности земли. а въ двухъ послѣднихъ меньше 35 головъ,—разница громадная. (Цифры взяты нами изъ статистическихъ документовъ, издаваемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ). Надобно также замѣтить, что въ той части Бельгіи, гдѣ земля раздѣлена на очень мелкія фермы, число скота немногомъ меньше, чѣмъ въ Англіи. Считая пропорцію скота на одну воздѣлываемую землю, Англія имѣетъ на 100 гектаровъ 65 головъ рогатаго скота и около 200 барановъ; все это количество равняется 91 головѣ рогатаго скота, то есть только 15 головами больше, чѣмъ въ Антверпенской и Восточно-Фландрской провинціяхъ. Надобно прибавить, что въ Бельгіи почти ничего не теряется изъ удобрения, даемаго скотомъ, который почти весь годъ кормится въ стойлѣ, между тѣмъ какъ въ Англіи количество удобрения, приносящаго полную пользу, значительно уменьшается отъ того, что скотъ пасутъ въ полѣ“.

„Въ Сѣверномъ департаментѣ наибольшее количество скота также содержатъ округи, въ которыхъ фермы меньшаго размѣра. Округи Лилльскій и Гасбрукскій, кромѣ большаго числа лошадей, имѣютъ другихъ животныхъ число равное: въ Лилльскомъ 52 головамъ, а въ Гасбрукскомъ 46 головамъ рогатаго скота; а въ округахъ, гдѣ хозяйства имѣютъ большій размѣръ, содержится скота меньше: въ Донкирхенскомъ количество равно 44 головамъ, а въ Авенскомъ—40 головамъ рогатаго скота (цифры взяты изъ Statistique de France, publiée par le ministre de commerce. Agriculture, томъ I).

„Подобныя изслѣдованія о другихъ частяхъ Франціи представили бы такіе же результаты. Если въ подгородныхъ мѣстахъ мелкія хозяйства не держатъ скота, удобрение котораго легко замѣняется въ нихъ покушкою городского удобрения, то вообще при воздѣлываніи, требующемъ отъ земли наибольшаго продукта, необходимо съ наибольшею дѣятельностью поддерживать его плодородіе. Правда, мелкімъ фермамъ нельзя имѣть многочисленныхъ стадъ овецъ, и это ихъ невыгода; по наоборотъ, онѣ больше большихъ фермъ содержатъ рогатаго скота. Это необходимость, которой не могутъ онѣ избѣжать въ странахъ, гдѣ нужды потребленія даютъ имъ цвѣтущее существованіе. Онѣ погибли бы, если бы не удовлетворяли этимъ потребностямъ.

„Но вотъ объ этомъ еще подробности, за вѣрность которыхъ по нашему мнѣнію совершенно ручается достоинство труда, пзъ котораго мы беремъ ихъ. Передаваемые нами свѣдѣнія находятъ въ статистикѣ Вассатской общины, изданной докторомъ Жюссро, меромъ этой общины; она тѣмъ драгоценнѣе, что раскрываютъ, какой характеръ имѣли въ этой мѣстности измѣненія, произведенныя мелкимъ хозяйствомъ въ количествѣ и породахъ скота, удобреніемъ котораго поддерживается и увеличивается плодородіе земли. Въ Вассатской общинѣ, имѣющей 1,612 гектаровъ, раздѣленныхъ на 4,600 участковъ (parcelles) и принадлежащихъ 591 владѣльцамъ, количество воздѣлываемой земли 1,466 гектаровъ. Въ 1790 году, двѣ трети этого пространства были заняты 17 фермами,

Если есть невыгода въ маломъ хозяйствѣ или хозяйствѣ поселяннина по сравненію съ хозяйствомъ капиталиста, она должна главнымъ образомъ состоять въ меньшей степени знанія и искусства. Но нельзя поставитъ общимъ фактомъ, что малыя хозяйства ниже большихъ и въ этомъ отношеніи. Страны малыхъ фермъ и хозяевъ-поселянъ, Фландрія и Италия, имѣли хорошее земледѣліе нѣсколькими поколѣніями раньше, чѣмъ Англія, и вообще говоря, ихъ земледѣліе до сихъ поръ остается, вѣроятно, лучшимъ въ цѣломъ мірѣ. Поселяне-хозяева часто владѣютъ высокою степенью эмпирическаго искусства, бывающаго результатомъ ежедневнаго и внимательнаго наблюденія. Напримѣръ, въ странахъ, производящихъ лучшія вина, поселяне, по преданію, владѣютъ необыкновеннымъ знаніемъ виноградарства. Разумѣется, у нихъ нѣтъ науки, или по крайней мѣрѣ теоріи; есть у нихъ также нѣкоторый недостатокъ стремленія къ тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя состоятъ въ принятіи новыхъ процессовъ производства. Недостаетъ у нихъ и средствъ дѣлать опыты, которые обыкновенно могутъ съ выгодой производиться лишь богатыми собственниками или капиталистами. Вообще нельзя ожидать отъ малыхъ собственниковъ тѣхъ систематическихъ улучшеній, которыя должны производиться вдругъ на большомъ пространствѣ земли (каковы большія работы дренажа или орошенія), или по другимъ причинамъ дѣйствительно требуютъ сочетанія труда множества работниковъ; впрочемъ, бывають примѣры соединенія малыхъ фермеровъ или собственниковъ и для производства такихъ дѣлъ; а при большемъ умственномъ ихъ развитіи, подобные случаи сдѣлаются болѣе частыми.

Но гдѣ характеръ собственности или найма земли соотвѣтствуетъ надлежащимъ условіямъ, тамъ всѣ эти невыгоды вознаграждаются въ мелкихъ хозяйствахъ усердіемъ труда, совершенно безпримѣрнымъ при другихъ системахъ хозяйства. Это фактъ, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ компетентные судьи. О характерѣ мелкихъ хозяйствъ не слѣдуетъ судить по тѣмъ случаямъ, когда мелкій хозяинъ просто арендаторъ земли, и арендуетъ ее даже не по контракту на опредѣленныхъ условіяхъ, а за такую номинальную ренту (какъ донынѣ въ Ирландіи), которая превышаетъ всякую возможность уплаты, то есть въ сущности за неопредѣленную ренту, постоянно восходящую до крайней суммы, какая только можетъ быть уплачена. Чтобы понять характеръ мелкаго хозяйства, надобно изучать его тамъ, гдѣ хлѣбопашецъ собственникъ или по крайней мѣрѣ половникъ, постоянно сидящій на одной землѣ, гдѣ онъ увеличиваетъ продуктъ и цѣнность земли вполне или по крайней мѣрѣ отчасти въ выгоду себѣ и своему потомству. Въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата мы должны будемъ подробно разобрать важный вопросъ о способахъ владѣнія и пользованія землею, и я отлагаю до того времени приведеніе свидѣтельствъ объ удивительномъ трудолюбіи по-

остальная треть другими 20 фермами. Послѣ того, хозяйства раздробились и теперь дошли до крайней мелкости. Какое же вліяніе имѣла эта перемѣна на количество скота? Она значительно увеличила его. Въ 1790 году, община имѣла около 300 головъ рогатаго скота и отъ 1,800 до 2,000 овецъ. Теперь она имѣетъ 676 головъ рогатаго скота и только 533 овцы. Итакъ, въ замѣтъ 1,300 овецъ она приобрѣла 376 головъ рогатаго скота; считая получаемое отъ нихъ удобреніе, мы увидимъ, что оно съ 490 возрасло до 729, то есть больше, чѣмъ на 48 процентовъ. Притомъ надобно замѣтить, что скотъ пынѣ, будучи крупнѣе и получая лучшей кормъ, даетъ гораздо лучшее удобреніе.

«Вотъ что говорятъ намъ факты. Итакъ несправа, будто бы мелкія хозяйства не содержатъ столько скота, какъ крупныя; напротивъ, при одинаковыхъ мѣстныхъ условіяхъ, мелкія хозяйства имѣютъ больше скота, какъ и слѣдовало предполагать, потому что они требуютъ отъ земли больше продукта, слѣдовательно должны также больше заботиться и объ ея плодородіи. Переберемъ всѣ другіе упреки мелкому хозяйству, пересмотримъ ихъ на основаніи внимательной оцѣнки фактовъ, и мы не замедлимъ увидѣть, что всѣ они точно также неосновательны, что они порождены только сравненіемъ состоянія такихъ странъ, въ которыхъ причины земледѣльческаго благосостоянія дѣйствуютъ не съ одинаковою энергіею» (стр. 116—120).—Прим. авт.

селянъ-собственниковъ. Здѣсь довольно будетъ указать на огромность валоваго продукта, вообще получаемаго англійскими работниками съ ихъ маленькихъ участковъ, хотя они даже не имѣютъ постоянного пользованія этими участками: они получаютъ съ нихъ несравненно большій продуктъ, чѣмъ получаетъ или можетъ найти выгоднымъ получить съ той же земли большой фермеръ.

Въ этомъ я нахожу истинную причину того, что для простаго помѣщенія капитала съ цѣлью полученія коммерческой выгоды, большія хозяйства вообще выгоднѣе. Земля снимается большимъ фермеромъ за менѣе высокую ренту. Онъ расходуетъ на нее меньше труда. И если онъ получаетъ больше прибыли по пропорціи къ расходамъ, это происходитъ не отъ экономіи, производимой сочетаніемъ труда, а просто оттого, что онъ расходуетъ меньше. Онъ не имѣетъ выгоды платить другимъ за весь тотъ трудъ, которому съ радостью подвергается поселянинъ или фабричный работникъ, имѣющій участокъ земли, когда всѣ труды плода пожинаетъ самъ. Но этотъ трудъ производителенъ; имъ увеличивается валовой продуктъ. При одинаковомъ искусствѣ и знаніи большой фермеръ не получаетъ съ земли столько продукта, какъ мелкій собственникъ или мелкій фермеръ, если у мелкаго фермера есть достаточныя побужденія работать усердно. Но если большой фермеръ получаетъ меньшую пропорцію продукта, онъ расходуетъ еще меньшую пропорцію продукта, и платя за весь трудъ, употребляемый имъ, онъ не находитъ выгоднымъ употреблять большее количество его.

При одинаковости условій, валовой продуктъ земли бываетъ больше въ малыхъ хозяйствахъ; эта система даетъ странѣ возможность содержать большее количество населенія. Но англійскіе писатели вообще полагаютъ, что такъ-называемый чистый доходъ, излишекъ, остающійся за продовольствованіемъ земледѣльцевъ, при системѣ малыхъ хозяйствъ бываетъ меньше, что поэтому будетъ меньше и количество того населенія, которое, получая свое продовольствіе изъ этого излишка, можетъ заниматься другими дѣлами: фабричною промышленностью, торговлею, мореплаваніемъ, защитою страны, развитіемъ знаній, другими свободными профессіями и административными обязанностями; что поэтому, оставляя въ сторонѣ всѣ вопросы о положеніи самихъ земледѣльцевъ, надобно сказать, что страна съ малыми хозяйствами ниже страны съ большими хозяйствами по важнѣйшимъ элементамъ національнаго могущества и по многимъ элементамъ національнаго благосостоянія. Но это слишкомъ легко принималось за дѣло доказанное. Конечно, пропорція не-земледѣльческаго населенія къ земледѣльческому при маломъ хозяйствѣ будетъ меньше, чѣмъ при большомъ. Но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и по абсолютной численности не-земледѣльческое населеніе будетъ меньше. Если сумма земледѣльческаго и не-земледѣльческаго населенія больше, то не-земледѣльческая часть его можетъ быть сама по себѣ многочисленнѣе, хотя и составляетъ меньшую пропорцію въ общей суммѣ. Если валовой продуктъ больше, то и чистый продуктъ можетъ быть больше, хотя бы и составлялъ меньшую пропорцію въ валовомъ продуктѣ. Но даже Уэкфилдъ иногда, повидимому, смѣшиваетъ эти разныя понятія. Считаютъ, что во Франціи земледѣльческое населеніе составляетъ двѣ трети всего населенія. Въ Англій оно составляетъ, по самому большому счету, одну треть. Изъ этого Уэкфилдъ дѣлаетъ такой выводъ: „во Франціи только три человѣка содержатся трудомъ двухъ земледѣльцевъ, а въ Англій трудъ двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть человѣкъ, потому англійское земледѣліе вдвое производительнѣе французскаго“, благодаря большей успѣшности, доставляемой хозяйству обширныхъ фермъ сочетаніемъ труда. Но, во-первыхъ, самые факты тутъ преувеличены. Трудъ двухъ земледѣльцевъ въ Англій

не вполне содержит шесть человекъ, потому что значительное количество продовольствія ввозится изъ-за границы и изъ Ирландіи. А во Франціи трудъ двухъ земледѣльцевъ производить больше, чѣмъ пищу для трехъ человекъ: онъ также производитъ для нихъ, и кромѣ того для иностранцевъ, ленъ, пеньку, значительную долю потребляемого ими шелка, масла, табака, а въ послѣднее время и сахара, который въ Англіи весь получается изъ-за границы. Почти весь строевой лѣсъ, потребляемый во Франціи, производится дома, а почти весь, потребляемый въ Англіи, привозится изъ-за границы. Главная масса топлива во Франціи добывается и привозится на рынокъ людьми, которыхъ причисляютъ къ земледѣльцамъ, а въ Англіи людьми, которыхъ не причисляютъ къ нимъ. Я не ввожу въ соображеніе кожъ и шерсти, потому что эти продукты одинаково производятся въ обѣихъ странахъ, также не считаю винограднаго вина и водки, потребляемыхъ въ самой Франціи, потому что Англія имѣетъ соотвѣтствующіе продукты въ водкѣ и пивѣ; но она не имѣетъ большаго вывоза этихъ продуктовъ, напротивъ, даже ввозитъ довольно много водокъ, между тѣмъ какъ Франція снабжаетъ виноградными винами и водками цѣлый свѣтъ. Не говорю о фруктахъ, яйцахъ и другихъ мелкихъ статьяхъ вывоза земледѣльческихъ продуктовъ. Но, не придавая чрезвычной важности всѣмъ этимъ вычетамъ, возьмемъ цифры, какъ ихъ выставляютъ намъ. Предположимъ, что въ Англіи два человека дѣйствительно производятъ пищу на шесть человекъ, а во Франціи нуженъ для этого трудъ четырехъ человекъ. Слѣдуетъ ли изъ того, что Англія имѣетъ большее количество излишка на содержаніе не—земледѣльческаго населенія? Нѣтъ, слѣдуетъ только то, что она можетъ употреблять на это двѣ трети, а не одну треть своего продукта. Положимъ, что при маломъ хозяйствѣ во Франціи продуктъ вдвое больше; тогда одна треть его будетъ равняться двумъ третямъ продукта большаго хозяйства. Если бы, благодаря большому количеству труда, употребляемому во французской системѣ, производилась пища для 12 человекъ на такомъ пространствѣ, какое при англійской системѣ производитъ пищу для 6 человекъ, въ такомъ случаѣ, при сохраненіи условій, на которыхъ построена гипотеза, могло бы въ обѣихъ странахъ существовать одинаковое количество рукъ, свободныхъ для занятія другими дѣлами, хотя бы въ одной 8 человекъ производили пищу для 12 человекъ, а въ другой пищу для 6 человекъ только 2 человека. Я говорю вовсе не то, что это дѣйствительно такъ. Я знаю, что средній валовой продуктъ экра во Франціи гораздо меньше, чѣмъ въ Англіи; что пропорціонально пространству и плодородію земли, Англія имѣетъ гораздо больше, чѣмъ Франція, свободнаго для другихъ занятій населенія. Но эта разница въ числѣ такого населенія никакъ не можетъ измѣряться слишкомъ простою нормою Уэкфльда. Иначе пришлось бы сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ по послѣднему цензу изъ пяти семействъ четыре оказываются занимающимися земледѣліемъ, земледѣльческой трудъ еще гораздо менѣе усгѣшенъ, чѣмъ во Франціи.

Сравнивая всю Францію, какъ одно цѣлое, со всею Англіею, какъ однимъ цѣлымъ, надобно согласиться, что французское земледѣліе въ самомъ дѣлѣ, хотя не въ такой огромной пропорціи, какъ говорятъ, менѣе производительное, чѣмъ англійское; но эту разницу надобно приписывать не столько дѣйствию какой нибудь специальной причины, сколько тому, что во Франціи общій уровень промышленнаго искусства и энергіи ниже, чѣмъ въ Англіи; а если разница отчасти происходитъ и отъ раздробленности земли, этимъ еще не доказывается невыгодность мелкихъ хозяйствъ, а доказывается только то (что и на самомъ дѣлѣ безспорно), что земледѣльческія хозяйства во Фран-

ціи очень часто бывают уже *слишкомъ* мелки, и что еще хуже, раздроблены на немнѣрное множество клочковъ (parcelles), очень неудобно разбросанныхъ и разсѣянныхъ.

Нельзя считать рѣшеннымъ вопроса о томъ, какое хозяйство, большое или малое, выгоднѣе по отношенію къ чистому продукту,—особенно если мелкій хозяинъ собственникъ воздѣльваемого участка. Это вопросъ, который нынѣ различно рѣшается знаками дѣла. Въ Англіи господствующее мнѣніе въ пользу большихъ фермъ; на континентѣ, сильнѣйшіе авторитеты думаютъ иначе. Гейдельбергскій профессоръ Рау, авторъ одного изъ самыхъ обширныхъ и основательныхъ трактатовъ о политической экономіи, человекъ, владѣющій, по своему предмету, тѣмъ обширнымъ знаніемъ фактовъ и сочиненій, которымъ вообще отличаются его соотечественники, считаетъ положительно доказаннымъ, что хозяйства малаго или средняго размѣра даютъ большее количество не только валоваго, но и чистаго продукта; впрочемъ, надобно желать, прибавляетъ онъ (стр. 352 и 335 французскаго перевода, изданнаго Кемметеромъ), чтобы существовало и нѣсколько большихъ землевладѣльцевъ, которые бы служили образцами въ принятіи новыхъ усовершенствованій. Изъ всѣхъ писателей, извѣстныхъ мнѣ, самое безпристрастное и основательное, какъ мнѣ кажется, сужденіе высказываетъ Пассеи, говорящій, что большія хозяйства выгоднѣе для производства хлѣба и сѣна, но малыя рѣшительно выгоднѣе для производства продуктовъ, требующихъ особенно большаго труда и вниманія; такими производствами онъ называетъ винодѣліе и воздѣльваніе оливковаго дерева, гдѣ каждое отдѣльное растеніе требуетъ много труда и заботы, также воздѣльваніе корнеплодныхъ и стручковыхъ растеній, и, наконецъ, растеній, дающихъ матеріалы для фабричной промышленности. По мнѣнію всѣхъ авторитетовъ, многочисленность мелкихъ фермъ очень благоприятна изобилію множества мелкихъ земледѣльческихъ продуктовъ *).

Ясно, что каждый земледѣлецъ, получающій отъ земли больше продовольствія, тѣмъ сколько нужно на потребление его самого съ семействомъ, увеличиваетъ массу средствъ для содержанія не-земледѣльской части населенія. Если этотъ излишекъ у него достаточенъ даже лишь на то одно, чтобы покупать одежду, работники, дѣлающіе эту одежду, уже составляютъ часть не-земледѣльческаго населенія, содержащую продовольствіемъ, которое онъ производитъ. Потому каждая земледѣльская семья, производящая для себя предметы первой необходимости, уже даетъ прибавокъ къ чистому продукту земледѣлія; этотъ чистый продуктъ увеличивается каждымъ поселянномъ, который своею земледѣльческою работою увеличиваетъ валовой продуктъ земли количествомъ продовольствія большимъ того, сколько потребляетъ самъ. Даже въ самыхъ раздробленныхъ изъ тѣхъ европейскихъ округовъ, воздѣльватели которыхъ сами собственники своихъ участковъ, размноженіе земледѣльческаго населенія едва ли подходитъ или стремится подойти хотя бы къ очень далекой отъ этого предѣла многочисленности. Во Франціи, гдѣ раздробленіе земли, по общему признанію, слишкомъ велико, все таки оно еще очень далеко отъ предѣла, за которымъ начала бы уменьшаться сила мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ поддерживать не-земледѣльческое населеніе. Это доказывается положительными фактами, напримѣръ, сильнымъ возрастаніемъ городовъ.

*) „Въ Сѣверномъ департаментѣ, говоритъ Пассеи, ферма, имѣющая 20 гектаровъ, иногда продаетъ въ годъ на 1,000 франковъ телятъ, молока, яицъ и птицъ; за вычетомъ издержекъ, это составляетъ прибавку отъ 15 до 20 франковъ чистаго дохода на гектаръ“. *Systèmes de culture*, стр. 114.—*Прим. авт.*

Городское населеніе Франціи въ послѣднее время возрасло въ пропорціи гораздо вышшей, чѣмъ общее число французскаго населенія *). Нѣтъ основаній думать, что положеніе городскихъ работниковъ быстро ухудшается; потому этотъ фактъ показываетъ, что производительность французскаго земледѣлія возрастаетъ даже по отношенію чистаго продукта къ валовому продукту,—даже по этой пропорціи, которую ошибочно было бы принимать нормою для рѣшенія. А между тѣмъ, есть факты, несомнѣнно показывающіе, что потребление земледѣльческихъ продуктовъ самими земледѣльцами значительно увеличилось въ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, и въ нѣкоторыхъ изъ округовъ, до послѣдняго времени не знавшихъ усовершенствованной обработки.

Въ этой главѣ мы разсматривали вопросъ о хозяйствахъ большаго и малаго размѣра, исключительно только какъ вопросъ о производствѣ и успѣшности труда. Впослѣдствіи, мы разсмотримъ его со стороны распредѣленія продукта, со стороны матеріальнаго и общественнаго благосостоянія самихъ земледѣльцевъ. Въ этихъ отношеніяхъ онъ заслуживаетъ и требуетъ еще подробнѣйшаго разбора.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ДЕВЯТОЙ ГЛАВѢ.

Милль справедливо говоритъ, что въ настоящую минуту вопросъ о производствѣ въ большомъ и маломъ размѣрахъ рѣшается для сельскаго хозяйства еще не совершенно по одинаковымъ соображеніямъ съ тѣми, какія встрѣчаются при его разсмотрѣніи въ мануфактурномъ производствѣ. Разница, какъ онъ самъ указываетъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ земледѣліи теперь еще очень мало введено раздѣленіе занятій, очень мала пропорція дѣла, для котораго придуманы большія, дорогія машины,—словомъ сказать, земледѣльческій процессъ еще очень мало усовершенствованъ, или выражаясь экономическимъ языкомъ, къ нему еще въ слишкомъ слабой степени прилагается капиталъ.

Въ настоящую минуту,—въ 1860 году,—это еще такъ; но нельзя не видѣть, что уже и наше поколѣніе доживетъ до иного порядка дѣлъ, что уже начинается и теперь перемѣна въ немъ, что эта перемѣна будетъ быстро развиваться и не далеко время, когда земледѣліе отъ нынѣшняго процесса производства перейдетъ къ усовершенствованному. Пересмотримъ признаки, указывающіе на близость такой перемѣны.

Обратимъ прежде всего вниманіе на тотъ общій фактъ, подъ которымъ разумѣются въ экономическомъ языкѣ всѣ усовершенствованія производства, на такъ называемое приложеніе капитала къ производству. Символомъ этого факта служитъ, при нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ, замѣненіе патріархальнаго порядка, держащагося на рутинѣ, снегуляціи и введеніемъ живой конкуренціи, обращеніе капиталистовъ на извѣстную отрасль промышленности. Капиталъ, по справедливому замѣчанію Милля, устремляется большою массою на новую отрасль занятій тогда, когда уже

*) Въ періодъ между цenzами 1851 и 1856 годовъ, увеличеніе числа жителей въ одномъ Парижѣ было больше, чѣмъ увеличеніе всего числа жителей во Франціи. Почти во всѣхъ другихъ городахъ число жителей также возрасло въ эти годы. — *Прим. авт.*

тѣсно стало ему въ прежнихъ занятіяхъ. Мы видимъ, что торговля и вся мануфактурная промышленность въ передовыхъ странахъ уже переполнена капиталомъ и онъ рвется обнять новыя отрасли дѣятельности. На нѣсколько лѣтъ достало для новаго занятія ему постройки желѣзныхъ дорогъ. Теперь передовыя страны Европы уже покончили сооруженія нужнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ предиріятій этого рода. Постройка желѣзныхъ дорогъ продолжается тамъ въ очень большомъ размѣрѣ и, конечно, будетъ продолжаться въ такомъ-же или еще большемъ размѣрѣ много лѣтъ; но уже нельзя не видѣть, что на это дѣло обращается только небольшая часть ежегодныхъ приращеній капитала, находящагося въ рукахъ спекуляціи. Не только въ Англіи, даже во Франціи и въ Германіи теперь уже не то, что было двадцать лѣтъ тому назадъ: новыхъ громаднхъ обществъ для постройки новыхъ громаднхъ линій желѣзныхъ дорогъ уже не составляется; расширеніе существующихъ сѣтей производится главнымъ образомъ прежними обществами, употребляющими на это дѣло часть своей прибыли; въ Англіи ежегодный чистый доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ простирается милліоновъ до шестидесяти р. сер., или больше, во Франціи и Германіи вмѣстѣ также до этой суммы; съ каждымъ годомъ онъ возрастаетъ; этихъ ста двадцати милліоновъ рублей серебромъ уже достаточно на то, чтобы ежегодно строить по нѣскольку сотъ верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзныя дороги расширяются уже почти исключительно собственною силою, новаго капитала изъ другихъ источниковъ не нужно для нихъ много; гдѣ же искать занятія этому вновь образуемому капиталу, которому тѣсно въ торговлѣ и въ фабричномъ дѣлѣ? Ему остается одно производительное помѣщеніе—въ сельскомъ хозяйствѣ. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы, стали въ передовыхъ странахъ западной Европы обращаться къ сельско-хозяйственному производству коммерческіе люди.

До сихъ поръ мало было придумано для земледѣльческаго производства большихъ машинъ; теперь, какъ всѣмъ извѣстно, стоитъ на очереди вопросъ о паровомъ плугѣ. Удачны или неудачны нынѣшнія попытки разрѣшить его—это все равно. Знатоки дѣла увѣряютъ, что уже есть паровые плуги, работающіе гораздо выгоднѣе простыхъ плуговъ, которыми пахали на лошадахъ или волахъ. Но еслибъ это увѣреніе и было преждевременно, то все-таки оно не болѣе какъ преждевременно: не нынѣ-завтра явятся паровые плуги удовлетворительной конструкціи. Примѣненіе паровыхъ машинъ къ земледѣлію распространяется въ передовыхъ странахъ Европы съ каждымъ годомъ и скоро должно перейти на главнѣйшія операціи земледѣлія, на паханіе и на уборку хлѣба. Вмѣстѣ съ этимъ приложеніемъ большихъ машинъ къ прямому земледѣльческому труду, начинается производство пригготовительныхъ работъ въ большомъ размѣрѣ. Довольно указать на дренажъ.

До сихъ поръ, несмотря на всѣ толки объ усовершенствованіяхъ сельскаго хозяйства въ послѣдніа десятилѣтія, оно все еще оставалось на той ступени, которое достигало въ Средніе вѣка и раньше того у римлянъ, и еще раньше того въ Месопотаміи и въ Египтѣ. Фламандское и Ломбардское земледѣліе, которому Милль отдаетъ преимущество передъ англій-

скимъ, достигло нынѣшняго своего вида еще въ Средніе вѣка. У Колумеллы находятъ правила для веденія хозяйства по самымъ высокимъ изъ нынѣшнихъ способовъ. Дѣло, за которое только еще принимается Англія,—колоссальныя работы для орошенія и осушенія полей, уже производились въ Вавилонѣ и въ египетскихъ Ѡвахъ. Но общее положеніе техническихъ знаній, въ особенности механики и химіи, теперь уже не таково, какъ было въ прежніе вѣка, или даже хотя лѣтъ сорокъ тому назадъ: въ началѣ нынѣшняго столѣтія эти науки дѣйствительно еще не могли оказать земледѣльческому процессу никакой другой помощи кромѣ той, какую получали отъ подобныхъ знаній средневѣковые ломбардцы, римляне, египтяне. Теперь надъ постройкою желѣзныхъ дорогъ инженеры выучились дѣлать сооруженія, какихъ не было ни у римлянъ, ни у восточныхъ народовъ, водопроводы которыхъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, еще были для насъ образцами громадности и искусства. Съ той поры, какъ Либихъ занялся приложеніемъ химіи къ земледѣлію, открылись для подготовки почвы средства, о которыхъ не знали Средніе вѣка, не знали Римъ и Египеть, о которыхъ даже не мечтало предшествующее намъ поколѣніе. Кажется, всѣхъ этихъ фактовъ довольно, чтобы убѣдить насъ въ приближеніи коренной реформы земледѣльческаго производства, реформы въ родѣ той, каковая произведена въ мануфактурномъ дѣлѣ открытіями конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Земледѣльческій процессъ отличается отъ фабричнаго гораздо большей сложностью элементовъ, участвующихъ въ немъ. Тутъ входятъ климатическія и геологическія условія, которыхъ не знаетъ фабрика. На фабрикѣ матеріалъ однороденъ; въ земледѣліи онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ частей: кромѣ посѣва, соответствующаго тому, что собственно называется на фабрикѣ матеріаломъ, земля, служащая какъ будто ретортою, сама входитъ въ химическія соединенія съ матеріаломъ, между тѣмъ какъ на фабрикѣ реторта не смѣшивается съ нимъ. Этимъ объясняется, почему наука стала управляться съ земледѣльческими вопросами гораздо позднѣе, чѣмъ съ фабричными. Для рѣшенія задачъ болѣе сложныхъ, ей было нужно пріобрѣсти гораздо больше знаній. Теперь она уже владѣетъ значительной частью нужныхъ по земледѣльческимъ вопросамъ свѣдѣній и быстро пріобрѣтаетъ тѣ, которыхъ еще недостаетъ ей.

Изъ этого надобно заключать, что скоро исчезнутъ причины различія между земледѣліемъ и фабричною промышленностью по отношенію къ выгоде производства въ большемъ размѣрѣ.

Впрочемъ эти соображенія надобно считать все еще не больше, какъ только догадками, гипотезами,—конечно, имѣющими очень сильную степень вѣроятности;—степень ихъ вѣроятности почти равняется несомнѣнности, однако-же это еще не фактъ; это еще только выводы изъ признаковъ, указывающихъ на близкое осуществленіе извѣстныхъ фактовъ. Но чего еще нѣтъ, о томъ нельзя слишкомъ много заботиться, когда есть уже осуществившіяся факты, требующіе всей силы нашего вниманія. Мысли о будущемъ, хотя-бы довольно близкомъ, имѣютъ лишь малую степень практической важности по сравненію съ обстоятельствами, вліянію которыхъ чело-

вѣкъ уже подвергается въ настоящемъ. Предоставляя слѣдующимъ десятилѣтіямъ внимательнѣйшій разборъ вопроса о совершенномъ сходствѣ или о существованіи нѣкоторой внутренней разницы между земледѣльческими и фабричными способами производства, мы обратимся къ общему разбору экономическихъ свойствъ производства въ большемъ и маломъ размѣрахъ, независимо отъ частнаго вопроса о реформѣ земледѣльческаго процесса. Мы будемъ принимать этотъ процессъ въ его нынѣшнемъ видѣ. Посмотримъ на выгодность или невыгодность земледѣльческаго производства въ большемъ размѣрѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Всѣ преимущества сельскаго хозяйства въ маломъ размѣрѣ сводятся къ одному: работы исполняются людьми, имѣющими прямой интересъ въ ихъ успѣшности. Почти все дѣло совершается семействомъ, которому будетъ принадлежать продуктъ. Лишь незначительная часть работъ, да и то лишь иногда, случайнымъ образомъ, исполняется наемными работниками, не имѣющими личнаго интереса въ успѣшности производства; да и то они работаютъ рядомъ съ хозяиномъ, такъ что совѣстно имъ отстать отъ него, да и нельзя отстать: его глазъ слѣдитъ за ними ежеминутно. Потому, каковы-бы ни были средства, представляемые малымъ хозяйствомъ, оно пользуется ими очень хорошо.

Всѣ преимущества большаго хозяйства также сводятся къ одному: оно имѣетъ очень хорошія средства къ успѣшному веденію дѣла, имѣетъ лучшія орудія, имѣетъ экономное распредѣленіе земли. Въ маломъ хозяйствѣ значительная пропорція земли пропадаетъ, нельзя такъ удобно расположить разныхъ полей и угедій, нельзя имѣть такихъ хорошихъ орудій.

Въ чемъ же дѣло, какъ теперь оказывается? При одной системѣ есть охота хорошо исполнять дѣло, но нѣтъ средствъ; при другой системѣ есть всѣ средства успѣшно вести дѣло, но у исполнителей его, у наемныхъ работниковъ, нѣтъ охоты порядочно исполнять его.

Что-жъ это такое? и какъ тутъ разсудить?

Это вотъ что такое: есть юноша, имѣющій всѣ средства къ образованію, но онъ не хочетъ учиться; есть другой юноша, имѣющій охоту учиться, но лишенный средствъ къ образованію. Что тутъ дѣлать? Неужели вести споръ о томъ, который изъ нихъ достигнетъ лучшаго успѣха въ наукахъ: юноша съ желаніемъ безъ средствъ, или юноша съ средствами безъ желанія? По всей вѣроятности, вмѣсто этого (впрочемъ, очень интереснаго) спора слѣдовало бы заняться тѣмъ, чтобы подумать: нельзя ли въ юношѣ, имѣющемъ средства, возбудить охоту, а юношѣ, имѣющему охоту, доставить средства.

Это тоже вотъ что: хорошій поваръ готовить обѣдъ изъ дрянныхъ принасовъ; отвратительный поваръ готовить обѣдъ изъ хорошихъ принасовъ; чей обѣдъ будетъ вкуснѣе? Надобно полагать, что оба обѣда будутъ очень плохи и что надобно не спорить о ихъ преимуществахъ, а выучить одного повара порядочно готовить, другому доставить хорошіе принасы.

Для хорошаго хозяйства необходимъ большой размѣръ полей.

Для хорошаго хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники.

Пока эти условія не совместились въ хозяйствѣ, оно будетъ плохо.

До такого заключенія Милль не доходитъ. А вѣдь, кажется, выводъ не очень головоломный.

Да, не головоломный въ теоріи; но какъ же устроить, чтобы поля большаго размѣра обрабатывались хозяевами?

Какъ устроить это, мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ, потому что это уже касается формъ производства, рѣчь о которыхъ идетъ во второй книгѣ Милля, а не основныхъ законовъ его, которые одни занимаютъ насъ здѣсь. Здѣсь намъ довольно того, чтобы найти законъ; какъ онъ осуществляется, это зависитъ отъ способовъ экономическаго устройства.

Должно замѣтить, что законъ, формула котораго выражена теперь нами по вопросу о земледѣльческомъ производствѣ, прилагается и къ фабричному и ко всякому другому производству. Повсюду усиѣхъ производства является произведеніемъ двухъ факторовъ: одинъ изъ факторовъ—степень совершенства производительныхъ операцій, другой факторъ—качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющаго эти операціи. Само собою разумѣется, что если одинъ факторъ очень великъ, то произведеніе будетъ довольно значительно и при малой величинѣ другаго фактора. Но выгоднѣйшая величина въ произведеніи получается тогда, когда оба фактора соразмѣрны между собою ³⁷⁾.

³⁷⁾ Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ подумать, какова формула зависимости производства отъ двухъ факторовъ: отъ качества производительнаго процесса и отъ качества работника.

Данное общество въ данную минуту располагаетъ даннымъ количествомъ силъ, могущихъ быть обращенными на производство. Пусть въ данную минуту оно имѣетъ величину равную 20 единицамъ.

Эти силы общество можетъ употреблять на производство двумя способами. Во-первыхъ, для производства нужны орудія. Назовемъ ихъ А. Во-вторыхъ, нуженъ работникъ. Назовемъ его В. Степень достоинства того и другаго одинаково будемъ обозначать коэффициентами. Напримѣръ, 6 А будетъ обозначать производительныя орудія, которыя вдвое лучше другихъ орудій, обозначаемыхъ посредствомъ 3 А; 8 В будетъ обозначать работника, который исполняетъ работу вдвое лучше другаго работника, обозначаемаго посредствомъ 4 В.

Продуктъ явнымъ образомъ происходитъ изъ сочетанія А и В. Но какую формулою опредѣляется это сочетаніе: сложеніемъ, умноженіемъ, или какимъ-нибудь инымъ отношеніемъ, неподходящимъ ни подъ ту, ни подъ другую рубрику? Открыть это очень легко.

Возьмемъ орудія извѣстнаго достоинства, положимъ 6 А; возьмемъ работника извѣстнаго достоинства, положимъ 8 В. Назовемъ извѣстное количество продукта извѣстныхъ качествъ, производимаго дневнымъ трудомъ этого работника посредствомъ этихъ орудій, буквою Х.

Положимъ теперь, что работникъ остается прежній, но орудія даны ему производящія вдвое меньше. Онъ произведетъ очевиднымъ образомъ только половину прежняго продукта, то есть $\frac{1}{2} X$.

Или положимъ, что орудія остались прежнія, но возьмемъ работника вдвое худшаго; продуктъ опять будетъ вдвое меньше, то есть $\frac{1}{2} X$.

Каждый видитъ, къ какой формулѣ принадлежатъ отношенія, дающія такіе результаты: искомая величина уменьшается на половину, когда, при неизмѣнности одного изъ двухъ чиселъ ее производящихъ, уменьшается на половину другое число. Каждый видитъ, что это не сложение, не возвышеніе въ степень, не чтонибудь иное, а просто умноженіе. Каждый видитъ, какими математическими знаками надобно выразить разобранныя нами отношенія.

$$\begin{aligned} 6 A \times 8 B &= X \\ 3 A \times 8 B &= \frac{1}{2} X \\ 6 A \times 4 B &= \frac{1}{2} X \end{aligned}$$

Никакая другая формула, кромѣ формулы умноженія, не соответствуетъ этимъ отношеніямъ, а формула умноженія совершенно соответствуетъ имъ.

При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности съ орудіями, къ которымъ прилагался: то и другое было одинаково дурно.

Когда техника нѣсколько развилась, когда явились довольно многосложныя и деликатныя орудія, грубый трудъ раба оказался непригоднымъ: машина не терпитъ подлѣ себя невольничества; она не выдерживаетъ тяжелыхъ рукъ его безпечности. Не выдерживаютъ невольничества и всѣ тѣ мастерства, въ которыхъ введены сколько нибудь усовершенствованныя инструменты. Для нихъ необходимъ вольный человѣкъ.

Но когда производство совершенствуется до того, что требуетъ веденія въ широкомъ размѣрѣ, для него становится недостаточнымъ одно то условіе, чтобы работникъ былъ свободенъ. Въ небольшой мастерской, въ маленькомъ хозяйствѣ хозяинъ можетъ наблюсти за исполненіемъ дѣла; тутъ нѣтъ большой разницы между работою хозяина и наемника, потому

Теперь мы можемъ замѣнить X, знакъ неизвѣстнаго, какимъ нибудь знакомъ, выражающимъ по математическому обычаю величину извѣстную. Назовемъ эту величину буквою C; и положимъ

$$A \times B = C$$

Тогда, принимая для A и для B разные коэффициенты, мы постоянно будемъ получать для C коэффициенты, образуемые перемноженіемъ коэффициентовъ A и B. Напримѣръ

$$2 A \times 2 B = 4 C$$

$$3 A \times 3 B = 9 C$$

Успѣшность производства измѣряется величиною коэффициента C. Теперь спрашивается, въ какой пропорціи выгодыѣ всего распределить сумму общественныхъ силъ, 20, между факторами A и B? Будемъ брать поочередно:

$$1 A \times 19 B = 19 C$$

$$2 A \times 18 B = 36 C$$

$$8 A \times 12 B = 96 C$$

$$9 A \times 11 B = 99 C$$

$$10 A \times 10 B = 100 C$$

$$11 A \times 9 B = 99 C$$

$$12 A \times 8 B = 96 C$$

$$19 A \times 1 B = 19 C$$

Сображая эти уравненія, мы видимъ, что чѣмъ ближе сходятся коэффициенты A и B, тѣмъ выше коэффициентъ C, чѣмъ дальше расходятся они, тѣмъ онъ меньше.

Это значитъ: наибольшій продуктъ получается тогда, когда достоинство труда равно степени совершенства производительныхъ процессовъ. При данномъ размѣрѣ общественныхъ средствъ надобно распреждать ихъ между заботами объ улучшеніи производительныхъ процессовъ и объ улучшеніи качества труда въ такой пропорціи, чтобы совершенствованіе работника не отставало отъ совершенствованія производительныхъ процессовъ. Всякое другое распрежденіе невыгодно для производства. Если, напримѣръ, слишкомъ высоко разовьется качество труда при неразвѣтности производительныхъ операций, мы будемъ имѣть

$$1 A \times 19 B = 19 C,$$

то есть, мы будемъ имѣть малый продуктъ, то есть общество не будетъ имѣть благосостоянія. Это случай, соответствующій нынѣшнему малому хозяйству, гдѣ трудъ хорошъ, но средства для труда плохи.

Если, наоборотъ, мы очень высоко разовьемъ производительные процессы, но не позаботимся о развитіи качества труда, мы будемъ имѣть

$$19 A \times 1 B = 19 C,$$

то есть опять то же самое: очень малый продуктъ и недостатокъ общественного благосостоянія. Это случай, соответствующій нынѣшнему большому хозяйству, гдѣ трудъ располагаетъ хорошими средствами, но самъ плохъ.

что наемникъ работаетъ на глазахъ у хозяина, который можетъ услѣдить за всякой мелочью. Но чѣмъ обширнѣе становится размѣръ хозяйства, тѣмъ меньше возможности одному хозяину уемотрѣть за постоянно возрастающимъ числомъ работниковъ, за подробностями дѣла, принимающаго громадную величину. Тутъ наемный трудъ даромъ тратитъ половину времени, даромъ пронадааетъ половина силы, даваемой машинами. Въмѣсто наемнаго труда, выгодно дѣла требуется тутъ уже другая форма труда, болѣе заботливая, болѣе добросовѣстная къ дѣлу. Тутъ нужно, чтобы каждый работникъ имѣлъ побужденіе къ добросовѣстному труду не въ постороннемъ надзорѣ, который уже не можетъ услѣдить за нимъ, а въ собственномъ своемъ расчетѣ; тутъ уже нужно, чтобы вознагражденіе за трудъ заключалось въ самомъ продуктѣ труда, а не въ какой нибудь платѣ, потому что никакая плата не будетъ тутъ достаточно вознаграждать за добросовѣстный трудъ, а различать добросовѣстный трудъ отъ недобросовѣстнаго становится все менѣе и менѣе возможнымъ кому бы то ни было, кромѣ самого трудящагося.

Мы видимъ, что перемѣны въ качествахъ труда вызываются перемѣнами въ характерѣ производительныхъ процессовъ. Съ одной стороны это значить, что если измѣнился характеръ производительныхъ процессовъ, то непременно измѣнится и характеръ труда, и что, слѣдовательно, опасаться за будущую судьбу труда не слѣдуетъ: неизбежность ея улучшения заключается уже въ самомъ развитіи производительныхъ процессовъ. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать и того, что результаты извѣстнаго факта требуютъ извѣстнаго времени для полнаго своего обнаруженія, что фактъ, требующій новой обстановки, не вдругъ можетъ создать ее, и неизбежно продолжаетъ нѣсколько времени существовать прежняя обстановка, соотвѣтствовавшая прежнимъ фактамъ, но для него уже неудобная. Потому очень естественно, что характеръ труда въ передовыхъ странахъ Европы до сихъ поръ еще остается прежній, какой былъ удобенъ при веденіи производства въ маломъ размѣрѣ; производство въ большемъ размѣрѣ само стало усиливаться еще очень недавно: назадъ тому 80 лѣтъ его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже въ самой Англій, не говоря уже о другихъ странахъ. Всего лѣтъ сорокъ или много пятьдесятъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начало оно быстро возвышаться и только вотъ въ послѣдніе годы стало достигать оно рѣшительнаго перевѣса надъ производствомъ въ маломъ размѣрѣ. Если невольничество продержалось силою рутины нѣсколько столѣтій, послѣ того какъ перестало быть удобною формою производства, то и форма наемнаго труда въ передовыхъ странахъ Европы, можетъ быть, продержится еще довольно долго,—быть можетъ нѣсколько десятилѣтій, а быть можетъ даже и нѣсколько поколѣній. Въ вопросахъ о будущемъ можно опредѣлительно видѣть только цѣль, къ которой идетъ дѣло по необходимости своего развитія, но нельзя съ математической точностью отгадывать, сколько времени потребуется на достиженіе этой цѣли: историческое движеніе совершается подъ вліяніемъ такого множества разнородныхъ влеченій, что видно только бываетъ, по какому направленію идетъ оно, но скорость его подвержена постояннымъ

колебаниямъ, какъ возрастаніе температуры отъ зимы къ лѣту: вообще она возрастаетъ, но нельзя предугадать, какова именно будетъ температура слѣдующаго дня. Такъ и въ исторіи: нельзя опредѣлить, благоприятны ли или неблагоприятны будутъ ближайшіе годы экономическому прогрессу. Если благоприятны, въ нѣсколько лѣтъ произойдетъ развитіе, на которое при неблагоприятныхъ временахъ понадобится нѣсколько десятковъ лѣтъ, а, пожалуй, и нѣсколько столѣтій. Но эта хронологическая разница имѣетъ только практической интересъ для живущаго поколѣнія: доведется ли ему пользоваться лучшими условіями производства или нѣтъ, для него это, конечно, очень важно. А въ отвлеченной формулѣ нѣтъ этой неизвѣстности, потому что нѣтъ въ ней и хронологическихъ указаній; она только говоритъ факту: ты минуешь, и мѣсто твое займетъ другой фактъ; она говоритъ только: изъ настоящаго положенія вещей произойдутъ такія-то и такія-то перемѣны въ такихъ-то и такихъ-то фактахъ. Но когда произойдутъ, этого она не говоритъ. Быть можетъ завтра, быть можетъ очень не скоро. Такъ физиологія говоритъ каждому изъ насъ: „ты умрешь“, но когда кто изъ насъ умретъ—этого она не говоритъ; это уже дѣло обстоятельствъ, еще ускользающихъ отъ точнаго опредѣленія.

ГЛАВА X.

Законъ возрастанія труда ³⁸⁾.

1. Теперь мы поочередно пересмотрѣли всѣ силы или элементы производства и тѣ условія, которыми увеличивается успѣшность дѣйствія этихъ разнообразныхъ элементовъ. Чтобы кончить обзоръ вопросовъ, относящихся исключительно къ производству, намъ остается изложить еще одинъ, имѣющій первостепенную важность.

Производство—вещь не неподвижная, а возрастающая. Продуктъ промышленности всегда стремился возрастать, когда не былъ удерживаемъ въ застоѣ дурными учрежденіями или низкимъ состояніемъ практическихъ искусствъ. Побужденіемъ къ его увеличенію было не только желаніе производителей увеличить свои средства къ потребленію, но и увеличивающееся число потребителей. Нѣтъ въ политической экономіи вопроса важнѣе той задачи, чтобы узнать законъ, по которому идетъ это возрастаніе производства, условія, отъ которыхъ оно зависитъ, рассмотреть, имѣетъ ли оно практически какія нибудь границы и чѣмъ именно полагаются ему границы. Съ тѣмъ вмѣстѣ, нѣтъ въ политической экономіи предмета, о которомъ большинство публики имѣло бы столь неудовлетворительныя понятія, и ошибочныя мнѣнія о которомъ могли бы производить и дѣйствительно производили бы больше вреда.

Мы видѣли, что производство имѣетъ три основные элемента: трудъ, капиталъ и предметы природы; подъ словомъ капиталъ понимаются всѣ вѣщныя матеріальныя предметы и силы, произведенныя трудомъ; подъ словомъ предметы природы—вещи, которыя произведены не трудомъ человѣка. Но изъ предметовъ природы не нужно при-

³⁸⁾ Эта глава вмѣстѣ съ тремя слѣдующими посвящена одному вопросу. Справедливость требуетъ, чтобы мы выслушали полное его изложеніе прежде, чѣмъ станемъ дѣлать свои замѣчанія; потому отлагаемъ ихъ до конца 13-й главы.

нимать въ расчетъ тѣхъ, которые, существуя въ неограниченномъ количествѣ, не допуская возможности быть обращенными въ собственность, и никогда не портясь въ своихъ качествахъ, всегда готовы оказывать свое содѣйствіе производству, каковъ бы ни былъ его размѣръ, — таковы, напримѣръ, воздухъ и солнечный свѣтъ. Теперь мы хотимъ разсматривать то, что препятствуетъ, а не то, что помогаетъ производству; потому намъ надобно обратять вниманіе только на тѣ предметы природы, которые могутъ оказываться недостаточными или по количеству или по производительной силѣ. Всѣ они могутъ быть обозначены терминомъ земля. Земля въ тѣснѣйшемъ значеніи слова, какъ источникъ земледѣльческаго продукта, главнѣйшій изъ нихъ. А если мы расширимъ значеніе этого термина на рудники и рыбныя ловли, — на то, что находится въ самой землѣ, или въ водахъ покрывающихъ часть ея, и на то, что человѣкъ пронзрачаетъ или кормитъ на землѣ, то слово это будетъ обнимать всѣ предметы, которыми теперь нужно заняться намъ.

Послѣ этихъ объясненій мы можемъ, не дѣлая насилія языку, сказать, что элементы, нужные для производства: земля, капиталъ и трудъ. Итакъ, возрастаніе производства зависитъ отъ качествъ этихъ элементовъ. Оно бываетъ результатомъ возрастанія или самыхъ этихъ элементовъ, или ихъ производительности. Законъ возрастанія производства долженъ быть слѣдствіемъ законовъ этихъ элементовъ; границами возрастанія производства должны быть границы, такъ или иначе, поставляемые ему этими законами. Мы теперь поочередно разсмотримъ всѣ три элемента производства съ этой точки зрѣнія, иначе сказать, изложимъ законъ возрастанія производства въ его зависимости, во-первыхъ, отъ труда, во-вторыхъ, отъ капитала, и, наконецъ, отъ земли.

2. Возрастаніе труда есть возрастаніе числа людей, возрастаніе населенія. Пренія, возбужденныя книгою Мальтуса, познакомили всѣхъ съ истиннымъ понятіемъ объ этомъ предметѣ (хотя не всѣ, знающіе эту истину, соглашались съ нею); потому здѣсь, вѣроятно, будетъ достаточнымъ довольно краткое изложеніе этихъ понятій, которые требовали бы гораздо обширнѣйшаго развитія, если бы не были такъ извѣстны.

Врожденная сила размноженія можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растений или животныхъ, которая въ теченіе немногихъ лѣтъ не покрыла бы всѣхъ странъ земного шара, имѣющихъ климатъ, совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячъ растений; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ они по этой пропорціи размножатся слишкомъ до 16,000. Между животными очень обыкновенна такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10,000 размножатся до двухъ милліоновъ пяти сотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи; различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи.

Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительное размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но все-таки, при нап-

болѣе благоприятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства—плодородная страна, колонизируемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), население, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удваиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе, какъ по двадцати лѣтъ. Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ при хорошемъ климатѣ и обычаяхъ равно вступать въ бракъ, и какъ мала пропорція дѣтей умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигиеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что при хорошемъ гигиеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія.

Лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ, могла еще быть нужда подробно доказывать эти истины; но очевидность ихъ такъ велика и безспорна, что онѣ распространились, несмотря на всевозможные споры противъ нихъ, и теперь могутъ считаться аксіомами. Впрочемъ, чрезвычайное нежеланіе принимать ихъ и теперь по временамъ порождаетъ эфемерныя теоріи о томъ, что законъ размноженія при различныхъ обстоятельствахъ бываетъ различенъ, и что заботливостью самой природы человѣческое плодородіе приспособляется къ потребностямъ общества. Но все эти теоріи быстро предаются забвенію *).

*) Одна изъ этихъ теорій, именно теорія Дубльде, быть можетъ, заслуживаетъ хотя краткаго упоминанія, потому что въ последнее время приобрѣла нѣсколькихъ послѣдователей и потому, что находитъ себѣ видимую опору въ общихъ аналогіяхъ органической жизни. Теорія эта утверждаетъ, что плодородіе челоуѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ бываетъ обратно пропорціонально количеству пищи: что животное, получающее пищи менѣе нормальнаго количества, размножается быстро; но все сословія, имѣющія житейскій комфортъ, такъ неплодородны, что рѣдко могутъ поддерживать свою численность, безъ прилива новыхъ людей изъ болѣе бѣдныхъ сословій. Безспорно, положительныя излѣшкы питанія, и у животныхъ и у фруктовыхъ деревьевъ, неблагоприятнѣе воспроизведенію; и очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физиологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно. Но если и принять это за фактъ, надобно только попросить просмотрѣть „Списокъ англійскихъ перовъ“ того, кто вздумалъ бы выводить изъ такого факта заключенія, несогласныя съ принципомъ Мальтуса: пусть онъ посмотритъ, какія громадныя семейства почти во всѣхъ фамиліяхъ этого сословія; или пусть онъ вспомнитъ о томъ, какъ велики семейства англійскаго духовенства и вообще среднихъ сословій въ Англій. Если есть предѣлы размноженію людей въ богатыхъ сословіяхъ Великобританіи, предѣломъ этимъ повѣрно не служатъ малочисленность дѣтей — *Прим. авт.*

Не имѣя специальныхъ знаній по физиологіи, мы не можемъ судить о томъ, основательна или не основательна теорія Дубльде. Но что касается возраженія, приводимаго противъ нея Миллемъ, то мы можемъ видѣть, что оно неидетъ къ дѣлу. Сущность мысли Дубльде состоитъ въ томъ, что плодородіе ослабѣваетъ въ племени, получающемъ обильную пищу. Само собою разумѣется, что предполагаемая перемѣна должна состоять въ глубокомъ физиологическомъ измѣненіи относительной энергіи разныхъ органическихъ процессовъ, отъ котораго напримѣръ, по предположенію Дубльде, уменьшается или отдѣленіе сѣмени, или его плодотворность въ мужскомъ организмѣ, или плодотворяющая восприимлемость женскаго организма. Такъ это, или нѣтъ, мы не можемъ рѣшать; но если бы и такъ, подобныя перемѣны требуютъ смѣны нѣсколькихъ поколѣній для своего полнаго развитія, — это извѣстно. Напримѣръ, аристократическія черты лица, уменьшеніе размѣра рукъ, ногъ, утоненіе костей и все подобныя принадлежности благороднаго племени замѣтно проявляются уже на правнукахъ или праправнукахъ людей, возвысившихся въ знатность или большое богатство изъ простонародья, а дѣти и даже внуки возвысившихся людей еще сохраняютъ въ своемъ организмѣ преобладаніе простонародной комплекціи. Для такой еще болѣе глубокой перемѣны, какъ измѣненіе въ характерѣ половыхъ частей, нужно еще больше времени, еще большее число поколѣній. Между фамиліями англійскихъ перовъ очень мало находится такихъ, которые имѣли бы знатность, простирающуюся на семь или восемь поколѣній назадъ отъ нынѣшняго; огромное большинство ихъ вошли въ аристократію очень недавно, среднимъ числомъ лѣтъ 150, много 200. Потому, если въ нихъ сохраняется плодородіе, это еще ничего не доказываетъ.

а изъ слишкомъ сбивчиваго понятія о причинахъ, почти всегда и почти повсюду удерживавшихъ дѣйствительное размноженіе людей столь далеко отъ прогресса, къ какой оно способно.

3. А между тѣмъ причины обнаруживаются очень явно. Что мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую физическимъ устройствомъ породы, и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и побужденіямъ высшими чисто-животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ, — они способны больше и меньше удерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніемъ потери того, что считается условіями приличнаго обществу положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывалось имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію. Огромное большинство людей средняго и бѣднаго сословія вступали въ браки въ самой ранней порѣ, если только были свободны отъ высшаго контроля, и почти во всѣхъ странахъ рождали такое число дѣтей, при какомъ только могли поддержать себя въ положеніи, въ которомъ родились или къ которому привыкли. Въ среднемъ классѣ есть много отдѣльныхъ случаевъ, когда дѣйствуетъ еще другая причина воздержанія: желаніе не просто поддержать себя въ прежнемъ положеніи, но и улучшить свое положеніе. Въ рабочемъ сословіи такое желаніе встрѣчается рѣдко, или рѣдко производитъ такое дѣйствіе. Если рабочий человѣкъ можетъ вырастить дѣтей, какъ вырастили его самого, то этимъ обыкновенно и удовлетворяется онъ; удовлетворяются этимъ даже благоразумные люди рабочего класса. Слишкомъ часто рабочіе люди не думаютъ и объ этомъ, а надѣются на счастье или на поддержку, даваемую оффиціальною или частною благотворительностью.

противъ теоріи Дубльде,—это можетъ по ней объясняться просто какъ остатокъ простонароднаго плодородія недавнихъ предковъ, жившихъ не богато. Точно тоже надобно сказать о многочисленнѣйшихъ семействахъ англійскаго духовенства и средняго сословія,—эти многочисленныя семейства все потомки людей недавно вышедшихъ изъ простонародья. Напротивъ, если внимательно всматриваться въ генеалогическія таблицы знатныхъ фамилій, онѣ скорѣе представляются свидѣтельствующими за теорію Дубльде, чѣмъ противъ нея. Общая черта этихъ генеалогій во всѣхъ странахъ одна и та же: фамилія, выходящая въ знать, въ теченіе нѣсколькихъ (обыкновенно пяти или шести) поколѣній быстро размножается, потомъ два-три поколѣнія держится въ одинаковомъ числѣ, а послѣ того число членовъ ея начинаетъ уменьшаться почти столь же быстро, какъ сначала возрастало, и черезъ 12—15 поколѣній очень часто родъ прекращается, или если продолжается, то обыкновенно черезъ какую нибудь вѣтвь, которая впадала въ незначительность, и возобновила свое плодородіе бѣдностью. Эта общая черта генеалогій открыта, конечно, не нами: она давно замѣчаема была всѣми учеными, которые занимались генеалогическими таблицами. Очень странно, какъ не вспомнилъ о ней Милль.

При очень неразвитомъ состояніи общества, какъ, напримѣръ, въ Европѣ въ Средніе вѣка и теперь во многихъ частяхъ Азіи, размноженіе народа удерживается голодною смертію. Смертность эта происходитъ не въ обыкновенные годы, а во время неурожаевъ, которые при такомъ состояніи общества бываютъ гораздо чаще и сильнѣе, чѣмъ неурожай, знакомые нынѣшней Европѣ. Въ этихъ странахъ фактической недостатокъ пищи или слѣдующія за нимъ болѣзни уносятъ множество народа, который въ слѣдующіе урожайные годы опять размножается, чтобы снова подвергнуться истребленію отъ голода. При состояніи общества, болѣе развитомъ, даже въ бѣднѣйшемъ классѣ мало людей, которые пользовались бы лишь одними предметами первой необходимости и имѣли ихъ лишь въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Размноженіе людей сдерживается тутъ не чрезмѣрною смертною, а ограниченіемъ числа рождающихся. Это ограниченіе производится разными способами. Въ нѣкоторыхъ странахъ оно результатъ благоразумнаго, сознательнаго сдержанія. Рабочій народъ привыкъ въ нихъ воздерживаться. Работникъ понимаетъ, что чрезмѣрная многочисленность семьи лишитъ его хорошаго положенія или не допуститъ передать такое положеніе дѣтямъ, и не хочетъ подвергаться этому. Страны, въ которыхъ, сколько извѣстно, долѣе, чѣмъ въ другихъ, существуетъ высокая степень добровольнаго воздержанія— Норвегія и нѣкоторыя части Швейцаріи. О нихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, отличающіяся положительною достовѣрностію. Много фактовъ было собрано еще Мальтусомъ, а послѣ него къ нимъ прибавлено много другихъ. Въ обѣихъ странахъ населеніе возрастаетъ очень медленно и его размноженіе задерживается не многочисленностію умирающихъ, а малочисленностію рождающихся. Пропорція тѣхъ и другихъ къ числу населенія замѣчательно мала; средняя продолжительность жизни—самая высокая въ Европѣ. Пропорція дѣтей къ числу населенія меньше, пропорція людей въ цвѣтѣ силъ больше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, извѣстной намъ. Малочисленность рожденій прямо ведетъ къ продленію жизни, поддерживая народъ въ хорошемъ положеніи. Въ избѣжаніи причинъ болѣзней люди тамъ, конечно, руководятся такимъ же благоразуміемъ, какъ въ воздержаніи отъ главной причины бѣдности. Достоинно замѣчанія то, что обѣ эти страны, столь выгодно отличающіяся отъ другихъ—страны мелкихъ поземельныхъ собственниковъ.

Въ другихъ странахъ государство налагаетъ на народъ нужныя правила благоразумія и предусмотрительности, которыми, быть можетъ, не сталъ бы онъ руководиться самъ: вступать въ бракъ не дозволяется до той поры, пока вступающіе въ него могутъ доказать, что имѣютъ обезпеченное положеніе. Мы читаемъ, что при этихъ законахъ, о которыхъ подробнѣе буду говорить я впослѣдствіи, положеніе народа хорошо и что число незаконнорожденныхъ не такъ велико, какъ было бы можно ожидать. Въ иныхъ странахъ причина воздержанія находится, повидному, не столько въ личномъ благоразуміи отдѣльныхъ людей, сколько въ общемъ и, быть можетъ, даже случайномъ обычаѣ. Въ прошломъ столѣтіи размноженіе населенія въ сельскихъ округахъ Англіи успѣшно задерживалось трудностію найти коттеджъ. Былъ обычай, что холостые работники жили у хозяевъ, на ихъ содержаніи, а женатые работники въ особыхъ коттеджахъ. Правило англійскихъ законовъ о бѣдныхъ, обязывавшее приходъ содержать живущихъ въ немъ бѣдняковъ, оставшихся безъ работы, дѣлало землевладѣльцевъ нерасположенными помогать заключенію браковъ. Въ концѣ прошлаго вѣка надобность въ людяхъ для войны и для фабрикъ заставила считать патріотическимъ дѣломъ помогать увеличенію населенія. Въ тоже время стала расти у фермеровъ склонность вести такой образъ жизни,

жакой ведутъ богатые люди; долговременная высокость цѣнъ хлѣба поддерживала ихъ въ этомъ, и они стали расположены держать себя подальше отъ низшихъ. Къ этому прибавились денежные побужденія, возникавшія изъ злоупотребленій правилами законовъ о бѣдныхъ, и фермеры постепенно вытѣснили своихъ работниковъ изъ своихъ домовъ въ особые коттеджи, постройки которыхъ лендлорды теперь уже не противились. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ сильною задержкою размноженію населенія былъ старинный обычай, что дѣвушка не должна выходить замужъ, пока не напряла и не соткала себѣ много приданого. Нынѣ въ Англіи вліяніе благоразумія на задерживаніе размноженія видно въ томъ, что во время годовъ, дурныхъ для фабричной промышленности, число браковъ уменьшается.

Но каковы бы ни были причины, по которымъ размноженіе людей въ извѣстной странѣ удерживается на медленной пропорціи, эта пропорція быстро ускоряется при всякомъ ослабленіи причинъ, ее замедлявшихъ. Улучшеніе въ состояніи рабочихъ классовъ почти всегда имѣетъ послѣдствіемъ лишь то, что открываетъ временный просторъ размноженію населенія, которое быстро доходитъ опять до предѣла возможности продовольствія. Всякою выгодною переměною въ своихъ обстоятельствахъ рабочіе люди обыкновенно пользуются лишь для того, чтобы размноженіемъ лишитъ слѣдующее поколѣніе этой выгоды. Если общее улучшеніе ихъ умственного и нравственного развитія или по крайней мѣрѣ возвышеніе нормальной мѣры житейскаго ихъ комфорта не научаетъ ихъ извлечь иной, лучшей выгоды изъ благопріятныхъ обстоятельствъ, никакой прочной пользы нельзя принести имъ, и самые многообѣщающіе планы кончаются лишь увеличеніемъ числа, а не увеличеніемъ благосостоянія народа. Подъ ихъ нормальною мѣрою благосостоянія понижаю я такое положеніе, до котораго они будутъ, но ниже котораго не захотятъ они размножаться (если есть такое положеніе). Каждый шагъ ихъ впередъ въ воспитаніи, цивилизаціи, улучшеніи общественныхъ отношеній возвышаетъ эту мѣру, и нѣтъ сомнѣнія, что она постепенно, хотя медленно, возвышается въ передовыхъ странахъ западной Европы. Продовольствіе и занятіе для труда никогда не возрастали въ Англіи быстрѣе, чѣмъ въ послѣднія 30 лѣтъ; но съ 1821 года каждый новый центъ показываетъ меньшее возрастаніе населенія, чѣмъ въ предыдущій періодъ; масса продуктовъ земледѣлія и промышленности въ Англіи возрастаетъ въ прогрессивной пропорціи, а пропорція рождающихся къ существующему населенію съ каждымъ пятилѣтіемъ становится меньше прежняго.

Впрочемъ, мы отложимъ до другаго мѣста разборъ вопроса о населеніи по связи его съ положеніемъ рабочихъ сословій; здѣсь намъ должно было разсматривать населеніе только какъ одинъ изъ элементовъ производства; съ этой точки зрѣнія мы должны были указать безконечную силу возрастанія, составляющую естественное свойство населенія и причины, по которымъ почти всегда осуществляется лишь очень незначительная часть этой безграничной способности. Сдѣлавъ это краткое указаніе, мы должны перейти къ другимъ элементамъ.

ГЛАВА XI.

Законъ возрастанія капитала.

1. Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что изъ трехъ элементовъ, нужныхъ для производства (трудъ, капиталъ и земля), первый, трудъ, не составляетъ препятствій возрастанію производства. Со стороны труда нѣтъ никакихъ задержекъ производству

возрастать до безпредѣльной величины съ неослабвою быстрою. Населеніе имѣть способность увеличиваться по однообразной геометрической прогрессіи. Если бы единственнымъ условіемъ производства былъ трудъ, оно могло бы п, натурально, стало бы увеличиваться въ той же прогрессіи, и не было бы этому никакихъ границъ до того предѣла, когда число людей не могло бы уже возрастать по фактическому недостатку мѣста.

Но производство имѣть еще другія условія; изъ нихъ сначала мы рассмотримъ капиталъ. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ существовать больше людей, чѣмъ въ состояніи продовольствоваться продуктомъ прежняго труда до полученія новаго продукта. Въ извѣстной странѣ, или на всемъ земномъ шарѣ, не можетъ быть производительныхъ работниковъ больше, чѣмъ сколько въ состояніи продовольствоваться тою частью продукта прошлаго труда, которая сбережена своимъ владѣтелемъ для воспроизведенія, а не растрочена на его удовольствія, и которая называется капиталомъ. Итакъ, прежде всего слѣдуетъ намъ теперь разобрать условія возрастанія капитала, причины, которыми опредѣляется быстрота его возрастанія и неизбѣжныя границы этого возрастанія.

Весь капиталъ—продуктъ сбереженія, то есть отсрочки немедленнаго потребленія для будущей пользы; потому возрастаніе капитала должно зависѣть отъ двухъ вещей: отъ массы вещей, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, и отъ силы расположенія, влекущаго дѣлать сбереженіе.

Масса, изъ которой можетъ быть дѣлаемо сбереженіе, есть излишекъ продукта труда, остающійся за удовлетвореніемъ первыхъ жизненныхъ надобностей всѣхъ людей, занимавшихся производствомъ (считая тутъ людей, трудившихся надъ возобновленіемъ израсходованныхъ матеріаловъ и надъ ремонтомъ основнаго капитала). Количество большее, чѣмъ этотъ излишекъ не можетъ быть сбережено никакимъ образомъ. Но этотъ излишекъ всегда можетъ быть сбереженъ весь, хотя никогда весь не сберегается. Онъ служитъ фондомъ, изъ котораго берутся продукты на удовольствія, не принадлежація къ первымъ потребностямъ жизни производителей; изъ котораго продовольствуются всѣ, не участвующіе лично въ производствѣ; изъ котораго, наконецъ, дѣлается приращеніе капитала. Онъ составляетъ дѣйствительный чистый продуктъ страны. Выраженіе „чистый продуктъ“ часто берется въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, обозначая только прибыль капиталиста и ренту землевладѣльца,—это происходитъ отъ мнѣнія, будто бы чистымъ продуктомъ капитала можно считать только то, что составляетъ выручку, получаемую владѣльцемъ капитала за покрытіемъ его издержекъ. Но это понятіе слишкомъ узкое. Капиталъ хозяина составляетъ доходъ работниковъ, и если этотъ доходъ превышаетъ первыя потребности жизни, онъ даетъ работникамъ излишекъ, который они могутъ израсходовать на удовольствія или сберечь. Этотъ излишекъ долженъ включаться въ чистый продуктъ промышленности со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ намъ будетъ случай говорить о чистомъ продуктѣ. Только тогда, когда онъ включается въ чистый продуктъ, чистый продуктъ страны служитъ мѣриломъ ея фактической силы, мѣриломъ того, сколько можетъ она сберегать на общепользныя дѣла или на удовлетвореніе надобностямъ частныхъ людей, мѣриломъ той части продукта, которой можетъ свободно располагать страна, которую можетъ она обращать на достиженіе какихъ-нибудь цѣлей или на удовлетвореніе какимъ-нибудь желаніямъ правительства или частныхъ людей, которую можетъ она или растрчивать на свои удовольствія или сберегать для пользы въ будущемъ.

Величина этого фонда, этого чистаго продукта, этого избытка производства надъ

первыми материальными надобностями производителей служить однимъ изъ элементовъ, опредѣляющихъ величину сбереженія. Чѣмъ больше остается продукта за продовольствіемъ работниковъ, тѣмъ больше *можетъ* быть сбережено. Тѣмъ же самымъ отчасти опредѣляется и количество, какое *будетъ* сбережено. Часть побужденія сберегать состоитъ въ расчетѣ извлекать доходъ изъ сбереженнаго; въ томъ фактѣ, что капиталъ, употребляемый на производство, имѣетъ способность не только сохраняться, но давать приращеніе. Чѣмъ большая прибыль можетъ быть получена отъ капитала, тѣмъ сильнѣе побужденіе накоплять его. Правда, побужденіе сберегать производится не всѣмъ чистымъ продуктомъ, производимымъ землею, капиталомъ и трудомъ страны, а только частью, которая образуетъ вознагражденіе капиталиста и называется прибылью его. Но очень понятно, даже и безъ объясненій, какія будутъ нами вносльдствіи представлены, что если общая производительность труда и капитала велика, то и выручки капиталиста, по всей вѣроятности, будутъ велики, и что между этими двумя вещами, величиною общаго чистаго продукта и величиною прибыли, должна существовать пропорціональность, хотя и не всегда равномѣрная.

2. Но склонность къ сбереженію не вполне зависитъ только отъ внѣшняго побужденія къ нему, только отъ величины прибыли, доставляемой сбереженіемъ. При одинаковости денежнаго побужденія, эта склонность въ разныхъ лицахъ и въ разныхъ обществахъ очень различна. Сила дѣятельнаго стремленія накоплять богатства измѣняется не только по различіямъ личныаъ характеровъ, но и по разности общаго положенія страны и ея цивилизаціи. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ нравственныхъ качествахъ, человѣчскій родъ представляетъ большія различія, по разницѣ обстоятельствъ и по степени прогресса.

Хорошо бываетъ, когда, говоря о предметахъ, полное изслѣдованіе которыхъ превышаетъ размѣры, даваемые для разбора ихъ объемомъ трактата, имѣешь возможность сослаться на другія книги, въ которыхъ предметъ, требующій разъясненія, изложенъ съ большою полнотою. По вопросу о населеніи, эту полезную услугу оказываетъ знаменитая книга Мальтуса; по предмету, занимающему насъ теперь, я могу съ такою же увѣренностью сослаться на другую книгу, менѣе извѣстную: *New Principles of Political Economy*, мистера Ре *). Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ книгъ, ни одна не разъясняетъ такъ хорошо историческими фактами и логическими доводами причины, дѣйствіемъ которыхъ опредѣляется накопленіе капитала.

Всякое накопленіе состоитъ въ пожертвованіи настоящимъ благомъ для будущаго. Но выгодность такого пожертвованія очень различна, а въ охотѣ къ нему бываетъ еще больше разницы при различныхъ обстоятельствахъ.

*) Это сочиненіе служитъ однимъ изъ очень перѣдкихъ примѣровъ того, что успѣхъ книги гораздо больше зависитъ отъ случая, чѣмъ отъ ея достоинства. Если бы трактатъ Ре явился во время, благоприятное успѣху, онъ былъ бы найденъ вполне заслуживающимъ большаго успѣха. Авторъ (шотландецъ, поселившійся въ Соединенныхъ Штатахъ) соединяетъ съ обширными знаніями оригинальность мыслей, замѣчательную способность дѣлать общіе философскіе выводы, способъ изложенія и разъясненія, придающій идеямъ всю ту цѣну, какую онѣ имѣютъ и даже нѣсколько большую цѣну, чѣмъ какую онѣ имѣютъ (это иногда увлекало, какъ мнѣ кажется, и мысль самого автора). Главнй недостатокъ книги—антагонизмъ, въ который ставитъ себя авторъ къ Адаму Смиту, въ духѣ любви къ спору, часто встрѣчающейся въ людяхъ, имѣющихъ новыя мысли о старыхъ предметахъ. Я называю это недостаткомъ (хотя считаю многія изъ возраженій Ре справедливыми, и нѣкоторыя очень проницательными), потому что на самомъ дѣлѣ различіе въ мысляхъ Адама Смита и Ре гораздо меньше, чѣмъ можно бы предполагать по рѣзкимъ замѣчаніямъ самого Ре. Ошибки, открываемыя имъ у его великаго предшественника, ограничиваются преимущественно тѣмъ, что Адамъ Смитъ, по человѣческой слабости, высказывалъ свои послыки слишкомъ безусловно, такъ что иногда говоритъ въ нихъ гораздо больше, чѣмъ нужно ему для доказательства выводовъ.—Прим. авт.

При взвѣшиваніи будущихъ выгодъ по сравненію съ настоящими, главное дѣло — невѣрность всего будущаго; степень этой невѣрности бываетъ очень различна. Потому „всѣ обстоятельства, увеличивающія вѣроятность того, что нашими запасами въ будущемъ дѣйствительно воспользуемся мы сами или воспользуются люди, нами избранные“, справедливо и основательно „усиливають практическое стремленіе къ накопленію. Такимъ образомъ, здоровый климатъ, здоровое занятіе, увеличивая вѣроятность продолжительной жизни, ведетъ къ увеличенію этой стоимости. Люди, посвятившіе себя здоровымъ занятіямъ и живущіе въ здоровыхъ странахъ, гораздо болѣе способны къ бережливости, чѣмъ люди, находящіеся въ нездоровыхъ или опасныхъ занятіяхъ, живущіе въ климатахъ, вредныхъ для человѣка. Матросы и солдаты расточительны. Въ Вестъ-Индіи, въ Новомъ-Орлеанѣ, Остѣ-Индіи господствуетъ расточительный образъ жизни. Но тѣ же люди, переселившись въ здоровыя страны Европы, начинаютъ жить экономно, если не попадутъ въ водоворотъ безумнаго свѣтскаго мотовства. Война и повальныя болѣзни всегда приводятъ за собою, въ числѣ другихъ золъ, мотовство и роскошь. — Точно также благоприятствуетъ усиленію бережливости все то, что упрочиваетъ безопасность общественныхъ дѣлъ. Въ этомъ отношеніи сильное вліяніе принадлежитъ общему господству законности и порядка, вѣроятности продолжительнаго мира и спокойствія“ (Ре, стр. 123). — Чѣмъ полнѣе безопасность, тѣмъ больше силы будетъ въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію. Гдѣ собственность небезопасна, или гдѣ часты разорительныя катастрофы, тамъ немногіе будутъ сберегать, да и тѣ, которые стануть сберегать, будутъ находить побужденіе къ этому не иначе, какъ только при высокомъ процентѣ прибыли на капиталъ: только высота процента можетъ заставлять ихъ предпочитать сомнительное будущее соблазну настоящаго наслажденія.

Вотъ соображенія, по которымъ разсудокъ рѣшаетъ, удобно ли бываетъ заботиться о будущихъ выгодахъ на счетъ настоящаго. Но расположеніе дѣлать это пожертвованіе зависитъ не отъ одной выгодности разсчета. Наклонность къ сбереженію часто бываетъ гораздо слабѣе, нежели какъ требовалъ бы разсудокъ; въ другія времена она превосходитъ мѣру разсудительности.

Недостатокъ силы въ стремленіи къ сбереженію можетъ происходить отъ непредусмотрительности о самомъ себѣ или отъ беззаботности о другихъ людяхъ. Непредусмотрительность можетъ зависѣть отъ умственныхъ и отъ нравственныхъ причинъ. Отдѣльные люди и общества на очень низкой степени умственнаго развитія всегда непредусмотрительны. Судя по всему, извѣстная степень умственнаго развитія необходима для того, чтобы отдаленныя соображенія и въ особенности соображенія о будущемъ имѣли какую нибудь силу надъ воображеніемъ и волею. — Что недостаткомъ заботливости о другихъ уменьшается склонность къ сбереженію, въ этомъ согласится каждый, подумавъ, какъ много дѣлается нынѣ сбереженій, имѣющихъ свою цѣлью не столько наши собственныя выгоды, сколько выгоды другихъ: воспитаніе дѣтѣй, устройство ихъ карьеры, будущіе интересы другихъ родныхъ, желаніе помочь деньгами или временемъ осуществленію вещей, полезныхъ для общества или частныхъ лицъ. Если бы люди постоянно имѣли то расположеніе мыслей, къ которому нѣсколько приближались они въ періодъ паденія римской имперіи, — если бы они вовсе не заботились ни о своихъ дѣтяхъ, ни о друзьяхъ, ни объ обществѣ, ни о чемъ, что будетъ послѣ нихъ, то они рѣдко отказывали бы себѣ въ какомъ нибудь наслажденіи для сбереженія, превышающаго мѣру необходимости ихъ будущихъ лѣтъ, а этотъ запасъ они обращали бы въ пожизненные доходы или въ какую нибудь иную форму, по которой ихъ имущество кончалось бы вмѣстѣ съ ихъ жизнью.

3. По этимъ умственнымъ и нравственнымъ причинамъ, между разными отдѣлами человѣческаго племени существуетъ большая разница въ силѣ дѣятельнаго стремленія къ сбереженію,—и разница эта больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Общее низкое положеніе цивилизаціи часто бываетъ слѣдствіемъ не столько другихъ причинъ, обращающихъ на себя больше вниманія, сколько недостатка именно этой склонности. Напримеръ, въ положеніи охотническаго племени, „человѣкъ, можно сказать, по необходимости непредусмотрителенъ и беззаботенъ о будущемъ, потому что въ этомъ состояніи будущее не представляетъ ничего такого, что можно бы навѣрное предусмотрѣть, что зависѣло бы отъ человѣка... Кромѣ недостатка побужденій обезпечивать нужды будущаго средствами настоящаго, у человѣка тутъ недостаетъ въ соображеніи и въ дѣятельности привычки постоянно связывать въ умѣ отдаленное будущее съ настоящимъ и представлять рядъ событій, которыми соединяются они. Потому, если даже являются у него побужденія, могущія произвести эту мысленную связь, ему нужно еще приучить себя думать и дѣйствовать такъ, чтобы эта связь получила прочность въ его мысляхъ“.

Вотъ примѣръ тому: „По берегамъ рѣки св. Лаврентія стоятъ нѣсколько маленькихъ индійскихъ деревень. Онѣ вообще окружены большими пространствами земли, на которыхъ лѣсъ истребленъ, повидному, уже давно; кромѣ того, къ нимъ принадлежатъ обширные лѣса. Расчищенная земля почти вовсе, можно сказать, не воздѣлывается, и въ лѣсахъ не проложено путей къ полямъ. А между тѣмъ земля плодородна; да если бы и не была плодородна, удобреніе кучами лежитъ подлѣ ихъ домовъ. Если бы каждое семейство огородило полъ-экра земли, вспахало его, засадило картофелемъ или засѣяло мапомъ, этотъ участокъ далъ бы семейству продовольствіе на цѣлые полгода. Но они отъ времени до времени подвергаются крайней нуждѣ; она, вмѣстѣ съ пьянствомъ, которому они предаются, когда могутъ, быстро уменьшаетъ ихъ число. Эта странная для насъ апатія главнымъ образомъ происходитъ не отъ нелюбви къ труду: напротивъ, они работаютъ очень усердно, если вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ немедленно. Кромѣ своихъ специальныхъ занятій охотою и рыболовствомъ, они много работаютъ на большихъ лодкахъ, ходящихъ по рѣкѣ св. Лаврентія: нанимаются гребцами на нихъ, или водятъ ихъ на шестахъ; они всегда доставляютъ большую часть прибавочныхъ работниковъ, нужныхъ для проведенія плотовъ по быстрымъ мѣстамъ. Не производится ихъ апатія и отвращеніемъ къ земледѣльческому труду. Правда, есть у нихъ предубѣжденіе противъ него; но предубѣжденія всегда уступаютъ нуждѣ, трудно рождаются только принципамъ образа дѣйствій. Когда вознагражденіе за земледѣльческій трудъ быстро и велико, они становятся и земледѣльцами. На озерѣ св. Франциска, близъ индійской деревни Сенъ-Реджиса, есть маленькіе острова, удобные для посѣва маиса, растенія, дающаго урожай самъ-100 и доставляющаго, даже въ незрѣломъ видѣ, пріятное и питательное блюдо. Они каждый годъ засѣваютъ клочки лучшей земли на этихъ островахъ, чтобы ѣсть полу-созрѣлый маисъ. По своему положенію, эти посѣвы недоступны скоту, потому ненужно огораживать ихъ; если бы нужна была эта прибавка къ труду, я думаю, они пренебрегли бы островами, какъ пренебрегаютъ мѣстами подлѣ своихъ деревень. Мѣста эти прежде были, повидному, подъ посѣвомъ. Но теперь скотъ сосѣднихъ колонистовъ сталъ бы уничтожать неогороженные посѣвы, и надобность въ этомъ прибавочномъ трудѣ заставила ихъ отказаться отъ воздѣлыванія. Она требовала отъ нихъ работы, вознагражденіе за которую приходитъ съ медленностью, непропорціональною силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этомъ маленькомъ обществѣ.

„Замѣчательно то, что работы, за которыя они принимаются, они исполняютъ

очень заботливо. Они прекрасно полять и копают свои небольшие посѣвы. Они увидѣли изъ опыта, что самая небольшая небрежность въ этомъ отношеніи сильно уменьшаетъ урожай, и поступаютъ сообразно съ этимъ наблюденіемъ. Явнымъ образомъ, только отдаленность вознагражденія за трудъ, а не тяжесть самаго труда мѣшаетъ имъ расширить свои пашни. Я слышала, что нѣкоторыя изъ племенъ, живущихъ далѣе въ глубину страны, употребляютъ на земледѣліе даже гораздо больше труда, чѣмъ бѣдые. Они засѣваютъ все одни и тѣже участки, не удобряя ихъ: потому земля не родила бы ничего, если бы самымъ заботливымъ образомъ не растерпалъ ее въ порошокъ и заступомъ и руками. Бѣлый человѣкъ на ихъ мѣстѣ расчистилъ бы новый участокъ, который, вѣроятно, едва вознаградилъ бы его работу на первый годъ; но онъ дождался бы себѣ вознагражденія въ слѣдующіе годы. Индійцу слѣдующіе годы кажутся такъ далеки, что не производятъ на него сильного впечатлѣнія, — а для вознагражденія, получаемого черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ работаетъ усерднѣе блага человѣка“ (Рел. стр. 136).

Этотъ рассказъ подтверждается опытомъ іезуитовъ въ ихъ интересныхъ успѣхахъ цивилизовать парагвайскихъ индійцевъ. Они возбудили къ себѣ въ этихъ дикаряхъ чрезвычайное довѣріе, приобрѣли на нихъ такое вліяніе, что измѣнили весь образъ ихъ жизни. Индійцы во всемъ слушались ихъ, безусловно повиновались имъ. Іезуиты водворили миръ между ними. Они научили ихъ всѣмъ операціямъ европейскаго земледѣлія и многимъ изъ труднѣйшихъ искусствъ. Повсюду видѣлись у нихъ, говоритъ Шарльруа, „мастерскія ювелировъ, живописцевъ, скульпторовъ, часовщиковъ, столяровъ, плотниковъ, красильщиковъ и проч.“. Эти работы производились не въ личную пользу ремесленниковъ: продуктъ ихъ былъ въ полномъ распоряженіи миссіонеровъ, управлявшихъ народомъ деспотически, по его доброму согласію на то. Итакъ, препятствія, возникавшія изъ отвращенія отъ труда, было совершенно побѣждены. Существеннымъ затрудненіемъ была непредусмотрительность индійцевъ, ихъ неспособность думать о будущемъ, и возникавшая изъ того необходимость самаго неослабнаго и мелочнаго надзора за ними со стороны ихъ учителей. „Напримѣръ, если миссіонеры оставляли на ихъ собственную заботу воловъ, которыми они пахали, индійцы въ своей несообразительной беззаботности могли оставлять ихъ на ночь не выпряженными изъ плуга. Бывали примѣры и хуже того: индійцы рѣзали воловъ себѣ на ужинъ, и слыша упрекъ за это, думали, что достаточно оправдываются, говоря: намъ хотѣлось ѣсть... Отцы миссіонеры, по словамъ Уллоа, должны ходить по ихъ домамъ, осматривая, что имъ нужно: безъ того, индійцы ни о чемъ не позаботились бы. Миссіонерамъ надобно находиться и при рѣзаніи скота, смотрѣть, чтобы мясо дѣлилось поровну и чтобы часть его не бросалась“. — „Но при всей заботливости этого надзора, говоритъ Шарльруа, при всѣхъ своихъ предосторожностяхъ для предотвращенія недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни, миссіонеры бывають иногда въ большомъ затрудненіи. Индійцы часто не оставляють себѣ нужнаго запаса пшеницы, даже на посѣвъ. А если бы не смотрѣть за ними, они вообще оставили бы себя безъ всякихъ средствъ къ поддержанію жизни“ (стр. 140).

Китайцы заслуживають вниманія, какъ представители того состоянія силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, которое занимаетъ средину между описаннымъ теперь положеніемъ дѣлъ и европейскими обычаями. Судя по многимъ особенностямъ ихъ личныхъ привычекъ и общественнаго положенія, можно предположить, что они владѣють благоразуміемъ и умѣніемъ обдумывать свой образъ дѣйствій больше другихъ азіатцевъ и меньше европейцевъ. Вотъ свидѣтельство, доказывающее, что это такъ.

„Прочность работъ—одно изъ главныхъ качествъ, обозначающихъ высокую степень дѣятельнаго стремленія къ накопленію. По свидѣтельству путешественниковъ, прочности въ китайскихъ работахъ гораздо меньше, чѣмъ въ соотвѣствующихъ имъ европейскихъ. Говорятъ, что за исключеніемъ жилищъ высшаго сословія, дома у китайцевъ строятся вообще изъ сыраго кирпича, глины, изъ плетня, набитаго землею, а потолки изъ тростника, привязаннаго къ перекладинамъ. Трудно представить себѣ постройки, менѣе фундаментальныя и прочныя. Перегородки въ домахъ дѣлаются изъ бумаги, которую надобно перемѣнять каждый годъ. Тоже надобно сказать о ихъ мебели, посудѣ и другихъ орудіяхъ: они почти всѣ дѣлаются изъ одного дерева, металловъ очень мало входитъ въ ихъ составъ; потому они скоро портятся и совершенно ломаются. Если бъ у нихъ было больше силы въ дѣятельномъ стремленіи къ накопленію, они дѣлали бы свои орудія изъ матеріаловъ, выдѣлка которыхъ требуетъ большаго расхода но которые зато гораздо прочнѣе. По этому же самому, у нихъ остается невоздѣлано много такой земли, которая въ другихъ странахъ обрабатывалась бы. Всѣ путешественники говорятъ, что въ Китаѣ лежатъ заброшены большія пространства земли, въ особенности болотистой. Обратить болото въ пашню—дѣло, вообще требующее нѣсколькихъ лѣтъ. Мѣсто предварительно нужно осушить канавами, потомъ надолго оставить сушиться солнцемъ, и надобно долго хлопотать надъ нимъ, пока оно станетъ давать жатву. Жатва на немъ бываетъ обыкновенно очень изобильна, но бываетъ надобно долго ждать этого вознагражденія. Воздѣлываніе такой земли требуетъ больше силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, чѣмъ имѣютъ китайцы.

„Продуктъ жатвы всегда бываетъ запасомъ на будущее, средствомъ удовлетворенія будущихъ нуждъ, и поступать съ нимъ должно по общимъ правиламъ, которыхъ требуетъ употребленіе запасовъ. Главная жатва въ Китаѣ—рисъ; она бываетъ два раза въ годъ, въ іюнѣ и октябрѣ. Потому запасъ должно дѣлать на восемь мѣсяцевъ отъ октября до іюня, и предусмотрительность китайцевъ должна цѣниться по умѣнью ихъ ограничивать себя въ началѣ этого времени, чтобы не нуждаться въ концѣ его. По всему видно, что ограничивать себя они умѣютъ очень плохо. Патеръ Перевнень (долго жившій въ знакомствѣ съ китайцами всѣхъ сословій и притомъ одинъ изъ самыхъ умныхъ людей между іезуитами, бывшими въ Китаѣ), утверждаетъ, что у нихъ въ этомъ отношеніи очень недостаетъ предусмотрительности и умѣренности, и что недостатокъ ея причина частыхъ голодныхъ годовъ, бывающихъ въ Китаѣ“.

На китайцахъ еще виднѣе, чѣмъ на полу-обратившихся къ земледѣлію индійцахъ, что возрастанію производства мѣшаетъ у нихъ недостатокъ не трудолюбія, а предусмотрительности. „Въ тѣхъ вещахъ, гдѣ вознагражденіе слѣдуетъ за трудомъ скоро, гдѣ работы таковы, что скоро даютъ результатъ, для котораго производятся, большіе усилія, сдѣланные китайцами въ искусствахъ, сообразныхъ съ природою ихъ страны и ихъ нуждами“, даютъ энергію и успѣшность ихъ промышленности. „Благодаря теплomu климату, естественному плодородію почвы, пріобрѣтённому жителями знанію того, какіе земледѣльческіе продукты даютъ выгоднѣйшій урожай, китайцы почти изъ всякаго клочка земли умѣютъ очень быстро извлекать продуктъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, съ избыткомъ вознаграждается трудъ ея обработки. Они собираютъ въ годъ обыкновенно двѣ, иногда три жатвы. Обыкновенный посѣвъ у нихъ рисъ — хлѣбъ очень плодородный, и при ихъ искусствѣ онъ, разумѣется, даетъ очень обильные сборы, почти на всякой мѣстности, которую можно обратить подъ пашню безъ долгаго труда. Потому, нѣтъ въ Китаѣ куска земли, которая не была бы подъ посѣвомъ, если только можно засѣ-

ять ее безъ долгихъ подготовленій. Китайцы взбираются на холмы, даже на горы и обращаютъ ихъ въ террасы; вода главное условіе плодородія въ ихъ землѣ, проводится на каждый кусокъ нивы канавами или поднимается очень удобными и простыми машинами, которыя съ незапамятныхъ временъ употребляются этимъ страннымъ народомъ. Дѣло это очень облегчается для нихъ тѣмъ, что почва даже по горамъ очень глубока и покрыта толстымъ слоемъ растительныхъ остатковъ. Но еще замѣчательнѣе охота, съ какою они обращаютъ въ пригодныя для нихъ вещи неудобныя для обработки матеріалы, если трудъ скоро можетъ принести результатъ, для котораго совершается. Свидѣтельствомъ тому служатъ часто встрѣчающіяся на ихъ озерахъ и рѣкахъ постройки, подобныя плавучимъ садамъ перувианцевъ,—плоты, покрытыя растительною землею и служащіе нивами. Трудъ очень скоро тутъ извлекаетъ выручку изъ матеріаловъ, надъ которыми работаетъ. Нельзя представить ничего роскошнѣе растительности на этой богатой почвѣ, когда быстрому дѣйствию благоприятнаго солнца помогаетъ обиліе влаги. Но мы уже говорили, что не такъ бываетъ, когда вознагражденіе за трудъ далеко хотя и обильно. Европейскіе путешественники изумляются, видя эти маленькія пловучія фермы подлѣ болотъ, которыя для превращенія въ нивы нужно было бы лишь осушить; имъ странно кажется, что китайцы употребляютъ свой трудъ не на материкъ, гдѣ его результаты были бы долговѣчны, а на сооруженія, портящіяся и пропадающія въ нѣсколько лѣтъ. Но китайцы думаютъ о будущихъ годахъ меньше, чѣмъ о настоящемъ лѣтѣ. Для настоящаго у нихъ много, для будущаго мало силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Соображенія европейца простираются на отдаленное будущее, и онъ дивится на китайцевъ, которые своей непредусмотрительностью и недостаткомъ заботы объ отдаленныхъ годахъ осуждены на вѣчную тяжелую работу и на бѣдность, кающуюся ему невыносимой. Горизонтъ китайцевъ не имѣетъ такой обширности. Они довольствуются тѣмъ, чтобы жить со дня на день, и привыкли даже тяжелую жизнь считать счастьемъ“ (Ре, стр. 151—155).

Когда страна довела свое производство до размѣра, въ какомъ, при существующемъ состояніи знаній, оно даетъ сумму выручки, соразмѣрную средней силѣ дѣятельнаго стремленія къ накопленію въ этой странѣ, она достигла того, что называется неподвижнымъ состояніемъ,—достигла такого состоянія, при которомъ уже не будетъ дѣлаться прибавленій къ капиталу, если не произойдетъ или улучшенія въ производительныхъ искусствахъ, или увеличенія въ силѣ стремленія къ накопленію. При неподвижномъ состояніи, хотя сумма капитала и не увеличивается въ обществѣ, но изъ отдѣльныхъ людей одни становятся богаче, другіе бѣднѣе. Люди, въ которыхъ степенъ заплывчивости ниже общаго уровня, бѣднѣютъ, ихъ капиталъ погибаетъ, и оставляетъ мѣсто для сбереженій, дѣлаемыхъ людьми, въ которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше общаго уровня, и которые, натурально, становятся покупателями земель, фабрикъ и другихъ орудій производства, принадлежавшихъ менѣе заплывчивымъ ихъ соотечественникамъ.

Отъ какихъ причинъ происходитъ то, что выручка за капиталъ въ однѣхъ странахъ бываетъ больше, чѣмъ въ другихъ, и почему при извѣстныхъ обстоятельствахъ прибавочному капиталу становится невозможнымъ найти себѣ помѣщеніе иначе, какъ съ пониженіемъ выручки, это разъяснится въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ. Если справедливо мнѣніе, что Китай достигъ неподвижнаго состоянія, значить, накопленіе капитала уже прекратилось въ немъ на степени очень высокой выручки,—какъ высокая, показывается тѣмъ, что въ Китаѣ величина процентовъ по закону 12, а въ дѣй-

ствительности, какъ говорятъ, отъ 18 до 36. Потому надобно полагать, что количество капитала, большее существующаго нынѣ въ этой странѣ, не можетъ найти себѣ занятія съ такою высокою пропорціею прибыли, а прибыль менѣ высокая не представляеть китайцу такой привлекательности, чтобы онъ отказывался для нея отъ настоящаго наслажденія. Какая противоположность съ Голландіею, гдѣ въ цвѣтущій періодъ правительство занимало деньги по 2 процента, а частные люди съ хорошимъ обезпеченіемъ, по три процента! Китай не такая страна, какъ Бурма или государства индійскихъ раджей, гдѣ громадность процента служить необходимымъ вознагражденіемъ за рискъ, которому подвергаетъ кредитора недобросовѣтность или бѣдность государства и почти всѣхъ частныхъ должниковъ. Потому, если дѣйствительно справедливо, что возрастаніе капитала остановилось въ Китаѣ при такой огромности вознагражденія, это значитъ, что у китайцевъ дѣятельное стремленіе къ накопленію, иначе говоря, умѣнье цѣвить будущее по сравненію съ настоящимъ, гораздо слабѣе, чѣмъ почти у всѣхъ безъ исключенія европейскихъ народовъ.

4. До сихъ поръ мы говорили о странахъ, въ которыхъ средняя сила стремленія къ накопленію не достигаетъ размѣра, одобряемаго разумомъ и здравымъ расчетомъ при существованіи порядочной безопасности. Теперь намъ надобно сказать о другихъ, въ которыхъ она рѣшительно превышаетъ эту мѣру. Въ тѣхъ странахъ Европы, которыя отличаются особеннымъ благосостояніемъ, можно найти множество людей расточительныхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (и особенно въ Англіи) обыкновенная степень экономіи и предусмотрительности между людьми, живущими физическимъ трудомъ, не можетъ быть названа высокою; но есть въ этихъ странахъ многолюдная часть общества, въ которой духъ накопленія такъ силенъ, что признаки быстрого возрастанія богатствъ бросаются въ глаза каждому. Эту часть общества составляютъ сословія фабрикантовъ, торговцевъ и людей свободныхъ профессій, — сословія, которые, вообще говоря, имѣютъ больше средствъ и больше побужденій къ сбереженію, чѣмъ другія сословія. Огромность капитала, ищущаго занятій въ этихъ странахъ, возбуждаетъ удивленіе; когда особенныя обстоятельства, привлекая значительную часть его на одинъ путь, напримѣръ, на построеніе желѣзныхъ дорогъ или на спекуляціи заграничными фондами, обнаруживаютъ великость всей его массы.

Въ Англіи много обстоятельствъ, придающихъ особенную силу этой наклонности къ накопленію. Англія давно избавлена отъ военныхъ опустошеній; въ ней ранѣе чѣмъ въ другихъ земляхъ собственность оградилась отъ военнаго наслія и произвольнаго грабежа; отъ этого возникла давняя, наслѣдственная увѣренность въ безопасности имущества, на время передаваемаго владѣльцемъ въ чужія руки; въ другихъ странахъ эта увѣренность почти вездѣ не такъ стара и менѣ твердо упрочилась. Географическія причины, заставившія Великобританію искать могущества и значенія больше въ промышленности, чѣмъ въ природныхъ средствахъ, обратили къ фабрикамъ и торговлѣ большую пропорцію самыхъ предпримчивыхъ и энергическихъ характеровъ, чѣмъ въ другихъ странахъ; они стали удовлетворять своимъ надобностямъ и честолюбію производствомъ и сбереженіемъ, а не присвоеніемъ произведеннаго и сбереженнаго другими. Много тутъ зависѣло и отъ хорошихъ политическихъ учрежденій Англіи: давая просторъ индивидуальной свободѣ дѣйствія, они ободрили людей къ дѣятельности и надеждѣ на самихъ себя, а свободу, какую предоставляютъ образованію товариществъ, они облегчаютъ возникновеніе большихъ промышленныхъ предпріятій. Съ другой стороны, тѣ же самыя учрежденія даютъ самое прямое и сильное возбужденіе стремленію обогащаться.

Ранній упадокъ феодализма устранилъ или очень ослабилъ ненавистное различіе между сословіями, коренное занятіе которыхъ—промышленность, и сословіями, привыкшими презирать ихъ. Возникла политическая система, дѣлающая богатство истиннымъ источникомъ политическаго вліянія, и богатство, независимо отъ своей внутренней цѣны, получило еще другую, фиктивную. Оно стало синонимомъ власти, а власть, приписываемая предмету общественнымъ мнѣніемъ, даетъ ему и дѣйствительную власть; потому богатство стало главнымъ источникомъ личнаго высокаго положенія, мѣриломъ и свидѣтельствомъ успѣха въ жизни. Подняться изъ одного общественнаго круга въ другой, высшій кругъ—вогь главная цѣль людей средняго сословія въ Англіи; а средствомъ къ тому служить богатство. Но быть богатымъ, не работая, до сихъ поръ постоянно считается положеніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ пріобрѣтать богатство трудомъ; потому цѣлью честолюбія становится то, чтобы довести свои сбереженія до размѣра не только дающаго большой доходъ при промышленномъ употребленіи, но и по прекращеніи промышленныхъ занятій доставляющаго изобильный доходъ владѣльцу, живущему реализованнымъ имуществомъ. Дѣйствіе этихъ причинъ очень усиливается въ Англіи тою чрезвычайною неспособностью народа къ личному наслажденію, которая составляетъ отличительную черту странъ, испытавшихъ вліяніе пуританства. Но облегчаясь слабостью влеченія къ удовольствіямъ, накопленіе затрудняется въ Англіи сильною любовью къ расходамъ. Связь между личною важною человѣка и видомъ богатства такъ тѣсна, что прошлое желаніе блистать большими расходами имѣетъ силу страсти въ многочисленныхъ членахъ извѣстныхъ сословій такой націи, которая, вѣроятно, меньше всѣхъ націй цѣлаго свѣта получаетъ удовольствія отъ расточительности. Отъ этого обстоятельства, дѣятельное стремленіе къ накопленію никогда не достигало въ Англіи такой высокой энергіи, какъ въ Голландіи, гдѣ нѣтъ празднаго богатыхъ сословій, подающихъ примѣры безразсуднаго мотовства, и промышленный классъ, владѣвшій тою существенною силою, съ которою всегда соединено вліяніе на общество, имѣлъ свободу установить свою собственную норму образа жизни и приличій, а потому привычки общества остались экономны и нетщеславны.

Итакъ, въ Англіи и въ Голландіи стремленіе къ накопленію давно уже имѣетъ такую силу, что для своего дѣйствія не нуждается въ обильныхъ выручкахъ, которыя нужны ему въ Азіи. Теперь другія европейскія страны, быстро слѣдующія примѣру Англіи въ этомъ отношеніи, почти всѣ дошли также до подобнаго развитія. Стремленіе къ накопленію возбуждается къ дѣйствію въ этихъ странахъ столь низкимъ процентомъ прибыли, что накопленіе не замедляется съ теченіемъ времени, а, напротивъ, идетъ, судя по всему, быстрѣе, чѣмъ когда нибудь, и второе условіе для возрастанія производства, возрастаніе капитала, не показываетъ никакого признака, что можетъ стать недостаточнымъ. На сколько зависитъ производство отъ этого элемента, возможности возрастанія производства нельзя назначить никакого предѣла.

Прогрессъ накопленія, конечно, значительно задержался бы, если бы выручка съ капитала спустилась еще ниже, чѣмъ теперь. Но какимъ образомъ возрастаніе капитала можетъ вести къ такому послѣдствію? При этомъ вопросѣ мысль обращается къ послѣднему изъ трехъ условій производства. Граница производству не плагается существованіемъ необходимаго предѣла для первыхъ двухъ элементовъ, для труда и капитала; потому, она должна заключаться въ качествахъ единственнаго изъ этихъ элементовъ, по самой сущности своей ограниченнаго въ своемъ количествѣ. Граница производству должна полагаться качествами земли.

Г Л А В А XII.

Законъ возрастанія продукта отъ земли.

1. Отъ другихъ элементовъ производства, отъ труда и капитала, земля отличается тѣмъ, что не можетъ возрастать безгранично. Ея пространство ограничено, а пространство производительнѣйшихъ сортовъ ея еще больше ограничено. Очевидно также, что не неограниченно и количество продукта, которое можно получить на данномъ пространствѣ земли. Эта ограниченность количества земли и ограниченность ея производительности составляютъ истинныя границы возрастанію производства.

Конечно, всегда люди ясно понимали, что эти двѣ границы послѣдній предѣлъ возрастанію производства. Но никогда не бывало ни одного примѣра, чтобы производство достигало этого окончательнаго предѣла: нѣтъ страны, въ которой вся земля, способная производить пищу, воздѣлана въ такомъ совершенствѣ, что нельзя было бы (даже и безъ новыхъ успѣховъ въ земледѣльческомъ знаніи) получить съ нея больше продукта, чѣмъ теперь; а значительная часть земной поверхности остается еще совершенно невоздѣлана. Потому обыкновенно думаютъ (и очень натурально предполагать это съ перваго взгляда), что для настоящаго времени всякое ограниченіе производства или населенія съ этой стороны находится на неизмѣримомъ разстояніи отъ насъ, и что должны протечь вѣка, пока возникнетъ практическая необходимость принимать въ серьезное соображеніе законъ этого ограниченія.

Я полагаю, что это ошибка, и притомъ самая серьезная изъ всѣхъ ошибокъ, какія только встрѣчаются въ области политической экономіи. Вопросъ этотъ самый важный, самый основной изъ всѣхъ ея вопросовъ; въ немъ заключается рѣшеніе всѣхъ вопросовъ о причинахъ бѣдности въ богатомъ и промышленномъ обществѣ и безъ яснаго пониманія этого предмета бесполезно идти далѣе въ нашемъ изслѣдованіи.

2. Границу, полагаемую производству качествами почвы, не надобно вообразить подобною стѣнѣ, которая стоитъ неподвижно на извѣстномъ мѣстѣ и не задерживаетъ движенія, пока совершенно не останавливаетъ его. Скорѣе можно сравнить эту границу съ очень эластичною и растяжимою повязкою, которая, какъ-бы сильно ни была растянута, все-таки можетъ быть растянута еще шире, но которая стѣсняетъ задолго прежде, чѣмъ растянется до послѣдняго предѣла, и стѣсненіе отъ которой тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе къ этому предѣлу раздвигается она.

Лишь только достигаетъ земледѣліе извѣстной, не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ сколько нибудь порядочныя земледѣльческія орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствию закона, что при данномъ положеніи земледѣльческаго искусства и знанія увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удваиваетъ продукта, или, выражая то-же самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніямъ въ приложеніи труда къ землѣ.

Этотъ общій законъ земледѣльческой промышленности—самая важная теорема политической экономіи. Если-бы законъ этотъ былъ не таковъ, почти всѣ феномены производства и распределенія богатства были бы не таковы, какъ теперь. Самыя коренныя изъ заблужденій, еще господствующихъ по нашему предмету, проистекаютъ изъ того, когда люди не замѣчаютъ, что этотъ законъ дѣйствуетъ подъ наружными причинами, на которыхъ останавливаются они

вниманіе, что второстепенныя вліянія принимаются за коренныя причины явленій, форма и способъ которыхъ можетъ быть и видоизмѣняется отъ нихъ, но сущность которыхъ опредѣляется однимъ этимъ закономъ.

Когда, для увеличенія продукта, человѣкъ обращается къ худшей землѣ, то очевидно, что продуктъ не увеличится въ одной пропорціи съ трудомъ. Самое выраженіе „худшая земля“ показываетъ, что это земля, которая при равномъ трудѣ даетъ меньшее количество продукта. Земля можетъ быть хуже другой земли или по плодородію, или по положенію. Одна требуетъ большей пропорціи труда на произращеніе продукта, другая на перевозъ его къ рынку. Если земля А при данномъ расходѣ на рабочую плату, удобреніе и т. д. производитъ 1,000 кварталеровъ пшеницы, и если, для полученія другой тысячи кварталеровъ, мы должны обратиться къ землѣ В, которая или менѣ плодородна, или болѣе отдалена отъ рынка, то 2,000 кварталеровъ будутъ стоить больше, чѣмъ двойной пропорціи труда, расходовавшагося на первую тысячу, и земледѣльческой продуктъ возрастетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возросъ трудъ, употребляемый на производство.

Вмѣсто того, чтобы воздѣлывать землю В, было бы можно заставить высшею обработкою землю А производить вдвое. Можно было бы пахать или боронить ее два раза, вмѣсто одного; или копать ее заступомъ, вмѣсто того чтобы пахать послѣ распашки; или пройти по ней каткомъ, вмѣсто бороны, чтобы лучше обратить въ порошокъ; или чаще и лучше полоть; можно было бы употребить инструменты лучшей отдѣлки или лучшаго устройства; употреблять больше удобренія или удобреніе болѣе дорогихъ сортовъ; старательнѣе смѣшивать удобреніе съ землею,—все это нѣкоторые изъ числа способовъ получать съ данной земли продуктъ большій прежняго, и если надобно получить его, то обыкновенно употребляются тѣ или другіе изъ этихъ способовъ. Но такая прибавка получается посредствомъ увеличенія издержекъ въ пропорціи, превышающей увеличеніе продукта; это видно изъ того, что воздѣлываются тогда же земли худшаго качества. Земли худшія или болѣе отдаленныя отъ рынка натурально даютъ меньшій продуктъ, и увеличившійся запросъ удовлетворяется продуктомъ ихъ не иначе, какъ съ увеличеніемъ издержекъ, стало быть, и цѣны. Если бы прибавка въ запросѣ могла по прежнему удовлетворяться продуктомъ лучшихъ земель черезъ приложеніе къ нимъ большаго труда и капитала по стоимости, не превышающей пропорцію той, за какую получалось первоначально требовавшееся отъ этихъ земель количество продукта, собственники или фермеры этихъ земель могли бы подорвать дешевизною всѣхъ другихъ производителей и захватить весь рынокъ. Тогда земли менѣ плодородныя или болѣе отдаленныя могли бы воздѣлываться лишь собственниками, и только для прокормленія или для поддержанія независимости самихъ собственниковъ, но никакъ никому не могло бы быть выгоднымъ брать ихъ въ наймы для прибыли. А съ нихъ можно получать прибыль, достаточную для привлеченія капитала къ такому употребленію,—это показываетъ, что воздѣлываніе лучшихъ земель достигло такой степени, за которую дальнѣйшее приложеніе къ нимъ труда и капитала никакъ уже не дастъ большей выручки, чѣмъ какая можетъ быть, при равномъ расходѣ, получена съ земель, менѣ плодородныхъ или находящихся въ менѣ выгодномъ мѣстоположеніи.

Заботливое воздѣлываніе земли въ англійскихъ или шотландскихъ округахъ, имѣющихъ усовершенствованное земледѣліе, служитъ симптомомъ или слѣдствіемъ болѣе тяжелыхъ условій, которыхъ стала требовать земля для увеличенія продукта. Эта усовер-

шенствованная обработка требует гораздо большей пропорции расходов, чѣмъ хозяйство по болѣе поверхностной системѣ; для того, чтобы она стала прибыльною, нужны болѣе высокія цѣны; и такая обработка не была бы принята, если бы доступна была земля столь же плодородная и еще не занятая. Если требуемое обществомъ прибавочное количество продукта можно получать съ новой земли столь же хорошаго качества, какъ прежняя, то не будетъ никакой попытки извлекать пзъ земли количество продукта, скольконибудь приближающееся къ тому, что она даетъ при способахъ обработки, считающихся въ Европѣ наилучшими. Обработка земли доводится до такой степени, чтобы получалась выручка въ наибольшей пропорции къ употребленному труду, но выше этого обработка не ведется, и количество труда, превышающее эту степень, употребляется на другія дѣла. „Нескоро примирится англійскій глазъ съ жидкостью жатвы и нестарательнымъ, по нашему мнѣнію, хозяйствомъ въ Соединенныхъ Штатахъ“, говоритъ путешественникъ, недавно посѣщавшій эту страну. Мы забываемъ, что гдѣ земли такъ много, а трудъ такъ дорогъ, какъ здѣсь, тамъ надобно слѣдовать совершенно не тому расчету, какой господствуетъ въ нашихъ многолюдныхъ странахъ, и что результатомъ будетъ, разумѣется, недостатокъ полной отдѣлки во всемъ, что требуетъ труда“ (Letters from America, by John Robert Godley, томъ I, стр. 52. Смотри также Lyell's Travels in America, томъ II, стр. 83). Изъ двухъ причинъ, которыя приводятъ Годли, настоящее объясненіе дѣлу дается, по моему мнѣнію, изобиліемъ земли, а не дороговизною труда; потому что, какъ бы дорогъ ни былъ трудъ, но если не достаетъ пищи, онъ всегда будетъ употребленъ на ея производство предпочтительно передъ всякимъ другимъ производствомъ. Дѣло въ томъ, что этотъ трудъ успѣшнѣе достигаетъ своего результата, когда прилагается къ новой землѣ, чѣмъ когда бы употреблялся на болѣе высокую обработку уже воздѣлываемой земли. Прилагать къ американскимъ землямъ высокое европейское воздѣлываніе станетъ выгодно лишь тогда, когда не останется тамъ новыхъ земель, кромѣ такихъ, которыя по своей отдаленности или плохому качеству стануть требовать значительнаго повышенія цѣны, для приданія выгоды своему воздѣлыванію. До той поры исключеніемъ могутъ служить развѣ лишь подгородныя земли, на которыхъ сбереженіе въ издержкахъ перевозки можетъ вознаграждать за значительно меньшую выручку въ самомъ количествѣ продукта ихъ. Какъ американская обработка относится къ англійской, точно также обыкновенная англійская обработка относится къ фландрманской, тосканской и Terra di Lavoro, гдѣ приложеніемъ гораздо большаго количества труда получается значительно большій валовой продуктъ, но получается въ такой пропорции къ труду, которая челоуѣку, воздѣлывающему землю только для коммерческой прибыли, была бы выгодна лишь при гораздо высшихъ цѣнахъ на земледѣльческіе продукты.

Принципъ, изложенный нами теперь, долженъ быть понимаемъ, конечно, съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями. Даже и тогда, когда земля уже такъ высоко воздѣлана, что увеличеніе труда на нее или увеличеніе обыкновеннаго ежегоднаго подготовленія ея не дало бы выручки, пропорціональной расходу, можетъ быть, что приложеніе гораздо большаго прибавочнаго труда и капитала на улучшеніе самой почвы дренажированіемъ или долговѣчнымъ удобреніемъ будетъ вознаграждено продуктомъ также щедро, какъ самая первая часть труда и капитала. Иногда можетъ быть, что пропорція вознагражденія за эти прибавочныя части будетъ даже больше. Этого не могло бы случаться, если бы капиталъ всегда искалъ и находилъ невыгоднѣйшее употребленіе. Но если невыгоднѣйшее употребленіе таково, что вознагражденія за него на-

добно ждать дольше, чѣмъ за менѣе выгодное, то предпочтеніе ему будетъ дано лишь на очень высокой степени промышленнаго развитія. Да и на этой высокой степени существуютъ иногда по владѣнію землею и по найму ея такіе законы и обычаи, которые не даютъ свободному капиталу страны простора обращаться на земледѣльскія усовершенствованія. Потому, добавочный продуктъ, требуемый увеличившимся населеніемъ, получается иногда высшею обработкою по возрастающей стоимости, между тѣмъ какъ извѣстны и доступны способы получать его безъ возрастанія стоимости. Если бы нашлся капиталъ на то, чтобы въ слѣдующемъ году сдѣлать надъ землею Великобританіи и Ирландіи всѣ извѣстныя и признанныя нужными улучшенія, которыя выгодны при существующихъ цѣнахъ, то есть должны увеличить продуктъ пропорціонально или больше, чѣмъ пропорціонально расходу,—если бы произошло это, результатомъ былъ бы тотъ фактъ (особенно вѣрный, если включать въ это предположеніе Ирландію), что земля низшаго качества надолго стала бы не нужна для земледѣлія: вѣроятно, прекратилась бы обработка значительной части тѣхъ менѣе производительныхъ земель, находящихся нынѣ въ обработкѣ, которыя не пользуются особенно выгоднымъ положеніемъ; или, быть можетъ, сокращеніе воздѣлыванія состояло бы преимущественно въ томъ, что ежегодное подготовленіе земли и обработка ея стали бы менѣе высоки (потому что улучшенія, нами предполагаемыя, состоятъ не столько въ улучшеніи хорошей земли, сколько въ обращеніи дурной земли въ хорошую); такимъ образомъ, наше земледѣліе возвратилось бы къ характеру, похожему на американскую обработку, а совершенно брошены были бы только тѣ изъ плохихъ земель, которыя оказались бы неспособными къ улучшенію. Тогда пропорція общаго продукта всей воздѣлываемой земли къ израсходованному на него труду стала бы выше прежней, и общій законъ уменьшенія выручки отъ земли былъ бы на время отстраненъ, соразмѣрно этой перемѣнѣ. Но никто не можетъ предположить, чтобы даже въ этомъ случаѣ весь продуктъ, нужный для страны, возможно было получить только съ самыхъ лучшихъ земель и съ тѣхъ, которыя сравниваются съ самыми лучшими, благодаря выгодѣ своего положенія. Конечно, значительная часть продукта продолжала бы производиться въ менѣе выгодныхъ условіяхъ и съ пропорціею выручки меньшею, чѣмъ какая получается съ наилучшихъ или находящихся въ наиблаготвѣннѣйшемъ положеніи земель. А по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшее возрастаніе населенія требовало бы новаго увеличенія производства, общій законъ возвращалъ бы свою силу и дальнѣйшее увеличеніе продукта стало бы получаться съ расходованіемъ труда и капитала въ пропорціи, большей прежняго.

3. Продуктъ земли, при одинаковости обстоятельствъ, возрастаетъ въ пропорціи меньшей, чѣмъ возрастаетъ употребляемый на него трудъ,—это, какъ мы сказали, всеобщій законъ земледѣльческой промышленности, допускающій лишь случайныя и временныя исключенія. Но были писатели, отвергавшіе этотъ принципъ и самоувѣренно ссылавшіеся на опытъ въ подтвержденіе того, будто бы выручка съ земли получается на высокой степени воздѣлыванія не въ меньшей, а въ большей пропорціи, чѣмъ на менѣе высокой степени, будто бы, когда на воздѣлываніе употребляется много капитала, выручка бываетъ больше, чѣмъ когда его употребляется мало. Эти писатели утверждаютъ, что даже самая худшая земля, воздѣлываемая нынѣ, производитъ не только на каждый акръ, но и на данное количество приложеннаго къ ней труда столько пшци, сколько получали наши предки съ плодороднѣйшихъ земель Англіи.

Очень можетъ быть, что это правда; и если это не вполне правда, то въ значительной степени дѣйствительно правда. Безспорно то, что нынѣ производствомъ пшци

на все население занята меньшая пропорція населенія, чѣмъ въ прежнія времена нашей исторіи. Но этимъ вовсе не доказывается, чтобы не существовалъ законъ, о которомъ мы говорили, а доказывается только то, что существуетъ какая нибудь сила, противоположная ему и могущая на время превозмогать его. Дѣйствительно, есть такая сила, находящаяся въ постоянномъ противодѣйствіи закону уменьшенія выручки отъ земли, и мы теперь должны перейти къ разсмотрѣнію этой силы. Она не иное что, какъ прогрессъ цивилизаціи. Я употребляю это общее и нѣсколько неопредѣленное выраженіе, потому что факты, участвующіе тутъ, такъ разнообразны, что едва ли могъ бы объять всѣ ихъ какой нибудь терминъ менѣе общаго значенія.

Изъ этихъ фактовъ прежде всего представляется мысли прогрессъ земледѣльческаго знанія, искусства и земледѣльческихъ изобрѣтеній. Улучшенные земледѣльческие процессы бываютъ двухъ родовъ: одни даютъ землѣ способность производить абсолютно большее количество продукта, безъ соразмѣрнаго увеличенія труда; другіе не имѣютъ силы увеличивать продуктъ, но за то уменьшаютъ количество труда и издержекъ, которыми онъ пріобрѣтается. Къ первымъ надобно причислить уничтоженіе пароваго поля введеніемъ плодоперемѣнной системы и введеніе новыхъ растений, выгоднымъ образомъ входящихъ въ сѣвооборотъ. Перемѣну, совершенную въ британскомъ земледѣліи въ концѣ прошлаго вѣка введеніемъ сѣвооборота съ рѣпю, представляютъ истинною революціею. Дѣйствіе этихъ усовершенствованій состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что они даютъ землѣ способность ежегодно производить жатву, вмѣсто того, чтобы оставаться праздною изъ каждыхъ двухъ или трехъ лѣтъ одинъ годъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что прямо увеличивается ея производительность: чрезвычайное увеличеніе въ числѣ скота, производимое увеличеніемъ количества корма, дать болѣе обильное удобреніе для хлѣбныхъ полей. За этимъ слѣдуетъ введеніе новыхъ растений, дающихъ большее количество пищи (напримѣръ, картофель), или болѣе производительныхъ породъ прежнихъ растений (напримѣръ, шведская рѣпа). Къ тому же разряду усовершенствованій надобно причислить расширеніе знаній о качествахъ разныхъ удобреній и о лучшихъ способахъ употреблять ихъ; введеніе новыхъ и сильнѣйшихъ удобреній (напримѣръ, гуано) и обращеніе такихъ, которыя прежде бросались, на удобреніе земли; изобрѣтенія, подобныя распахиванію подпочвы или дренажу, отъ которыхъ такъ сильно увеличивается продуктъ нѣкоторыхъ сортовъ земли; умноженіе числа животныхъ, потребляющихъ и обращающихъ въ человѣческую пищу вещества, которыя безъ нихъ пропадали бы, и т. д. Къ усовершенствованіямъ втораго рода, которыми уменьшается количество труда, но не увеличивается производительность земли, принадлежатъ: улучшенія въ устройствѣ орудій; введеніе новыхъ орудій, сокращающихъ ручную работу (напримѣръ, вѣяльной и молотильной машинъ); болѣе искусное и экономное приложеніе мускульнаго труда (напримѣръ, столь медленно распространявшееся въ Англіи введеніе шотландскаго способа пахать парю лошадей, запряженныхъ рядомъ, при одномъ человѣкѣ, вмѣсто паханія тремя или четырьмя лошадьми цугомъ, при двухъ людяхъ). Эти усовершенствованія не увеличиваютъ производительности земли; но они такъ же, какъ и усовершенствованія перваго рода, противодѣйствуютъ стремленію стоимости произведства земледѣльческихъ продуктовъ возвышаться вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія и запроса.

Улучшеніе средствъ сообщенія по своему дѣйствію подобно земледѣльческимъ усовершенствованіямъ втораго рода. Хорошія дороги равновильны хорошимъ орудіямъ. Въ извлеченіи-ли продукта изъ земли, или въ перевозкѣ его къ мѣстамъ потребленія

происходить сбереженіе труда, это все равно. Не говоримъ уже о томъ, что самый трудъ воздѣлыванія уменьшается отъ всякаго уменьшенія въ стоимости привоза удобренія изъ отдаленныхъ мѣстъ, всякимъ облегченіемъ многочисленныхъ операцій перевозки съ мѣста на мѣсто, происходящихъ въ предѣлахъ самой фермы. Желѣзныя дороги и каналы въ сущности составляютъ уменьшеніе стоимости производства всѣхъ предметовъ, отправляемыхъ по нимъ на рынокъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова—они уменьшается стоимость производства всѣхъ тѣхъ предметовъ, производству которыхъ онѣ помогаютъ перевозкою матеріаловъ и орудій для ихъ выдѣлки. При нихъ можетъ быть воздѣлываема земля, которая иначе не вознаградила бы воздѣлывателей безъ повышенія цѣны. Такое же дѣйствіе по отношенію къ пищѣ или матеріаламъ, привозимымъ изъ-за моря, оказываютъ усовершенствованія въ мореходствѣ.

Изъ этихъ соображеній видимъ, что много есть чисто-механическихъ усовершенствованій, не имѣющихъ, повидимому, никакой особенной связи съ земледѣліемъ, но все-таки дающихъ возможность получать данное количество пищи съ меньшимъ расходо-ваніемъ труда. Какое-нибудь большое усовершенствованіе въ выплавкѣ чугуна должно вести къ удешевленію земледѣльческихъ орудій, къ уменьшенію стоимости желѣзныхъ дорогъ, вагоновъ и телѣгъ, судовъ, быть можетъ, и домовъ, и многихъ другихъ вещей, на которыя чугунъ и желѣзо не употребляются теперь по своей дороговизнѣ; а всѣмъ этимъ уменьшилась бы стоимость производства пищи. Такое же послѣдствіе должны имѣть всякія усовершенствованія въ тѣхъ процессахъ, которымъ подвергается хлѣбъ по отдѣленіи отъ земли и которые можно назвать уже мануфактурными. Первое приложе-ніе силы вѣтра или воды къ молотбѣ хлѣба вело къ такому его удешевленію, какое могло бы произойти развѣ лишь отъ самаго важнаго открытія въ земледѣліи; всякое большое усовершенствованіе въ мельничномъ устройствѣ должно имѣть, пропорціонально своей важности, подобное же вліяніе. О слѣдствіяхъ удешевленія перевозки мы уже говорили. Въ инженерномъ дѣлѣ также встрѣчаемъ изобрѣтенія, которыми облегчаются всякія большія операціи, совершаемыя людьми. Усовершенствованія въ нивеллировкѣ важны для дренажа, не говоря уже о постройкѣ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Голландскія низменности и нѣкоторыя части Англіи осушаются машинами, дѣйствующими вѣтромъ или паромъ. Гдѣ нужны сооруженія для орошенія полей, или насыпи и плотины, искусство въ механикѣ служитъ великимъ средствомъ къ удешевленію производства.

Всѣ мануфактурныя усовершенствованія, которыя не могутъ быть обращены на облегченіе самому производству пищи ни въ одномъ изъ его фазисовъ, и потому не содѣйствуютъ отстраненію или замедленію уменьшенія пропорціи выручки отъ земледѣль-ческаго труда, все-таки имѣютъ слѣдствіе, хотя иного рода, но точно такого же значенія. Они до нѣкоторой степени вознаграждаютъ за то, чего не предотвращаютъ.

Всѣ матеріалы мануфактурныхъ продуктовъ получаютъ изъ земли, а многія собственно отъ земледѣлія, которое въ особенности доставляетъ весь матеріалъ одежды; потому общій законъ уменьшенія выручки долженъ прилагаться не только къ земледѣльческой, но въ сущности и къ мануфактурной промышленности. По мѣрѣ того, какъ населеніе возрастаетъ и способность земли давать увеличенный продуктъ напрягается сильнѣе и сильнѣе, увеличеніе въ производствѣ всѣхъ матеріаловъ, какъ въ производствѣ пищи, должно получаться расходованіемъ труда все въ болѣе и болѣе пропорціи. Но стоимость матеріала составляетъ обыкновенно лишь очень малую долю по всей суммѣ стоимости мануфактурнаго продукта, и земледѣльческой трудъ въ производствѣ мануфактурныхъ товаровъ лишь незначительная доля всего труда, употребляемаго на

нихъ. А весь остальной трудъ имѣетъ постоянную и сильную тенденцію уменьшаться, пропорціонально возрастанію населенія. Мануфактурное производство гораздо больше земледѣлія способно къ приложенію механическихъ усовершенствованій и сберегающихъ трудъ изобрѣтеній. А мы уже видѣли, что раздѣленіе труда, искусное и экономное устройство его очень сильно зависитъ отъ величины рынка и отъ возможности производить продукты большими массами. Потому въ мануфактурной промышленности причины, ведущія къ увеличенію ея производительности, далеко перевѣшиваютъ единственную причину, ведущую къ ея уменьшенію, и возрастаніе производства, вызываемое прогрессомъ общества, происходитъ не съ возрастаніемъ, а съ постояннымъ уменьшеніемъ пропорціи стоимости. Этотъ фактъ обнаружился прогрессивнымъ паденіемъ цѣнъ и цѣнностей почти всѣхъ мануфактурныхъ товаровъ въ два послѣднія столѣтія; оно было ускорено механическими изобрѣтеніями послѣднихъ 60 или 70 лѣтъ, и способно продолжаться и расширяться выше всякаго предѣла, какой мы могли-бы опредѣлить ему.

Очень понятна теперь возможность такого случая, что усиѣнность земледѣльческаго труда можетъ постепенно уменьшаться съ возрастаніемъ продукта, что поэтому цѣна пища будетъ прогрессивно возрастать, и нужно будетъ надѣ добываніемъ пищи для всего населенія трудиться все большей и большей пропорціи населенія, а между тѣмъ производительная сила труда во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности будетъ такъ быстро возрастать, что требуемое земледѣліемъ количество труда можетъ браться отъ мануфактурныхъ работъ и все-таки онѣ станутъ получать возрастающей продуктъ, такъ что всѣ потребности населенія, въ общей сложности, будутъ удовлетворяться лучше прежняго. Эта выгода можетъ даже распространяться и на бѣднѣйшій классъ. Возрастаніе дешевизны одежды и помѣщенія можетъ вознаграждать ихъ за увеличеніе стоимости пищи.

Мы видѣли, что нѣтъ такого усовершенствованія въ производительныхъ искусствахъ, которое такъ или иначе не имѣло бы вліянія, противоположнаго закону уменьшенія выручки отъ земледѣльческаго труда. Не одни только промышленныя усовершенствованія имѣютъ такое дѣйствіе. Улучшенія въ правительствѣ и почти во всѣхъ другихъ отрасляхъ нравственной и общественной жизни дѣйствуютъ точно такимъ же образомъ. Предположимъ страну въ такомъ состояніи, въ какомъ была Франція до революціи: подати лежатъ исключительно на промышленныхъ классахъ, имѣютъ такой характеръ, что служатъ какъ будто наказаніемъ, штрафомъ за производство; нѣтъ никакой возможности получить удовлетвореніе за имущественную или личную обиду, если ее нанесъ человѣкъ знатный или сильный. Ураганъ, унесшій такой порядокъ дѣлъ, если смотрѣть даже только на одну сторону перемены, на увеличеніе производительности труда, не былъ-ли равнозначителенъ множеству промышленныхъ изобрѣтеній? Отмѣненіе фискальнаго обремененія, какимъ были десятины, равнялось для земледѣлія тому, какъ бы трудъ, нужный для получения продукта, вдругъ уменьшился на десятую часть. Отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ или какихъ-нибудь другихъ стѣсненій, мѣшающихъ товарамъ производиться въ дешевѣйшихъ мѣстахъ ихъ производства, равняется огромному усовершенствованію въ производствѣ. Если плодородная земля, бывшая подъ охотничьимъ паркомъ или отнимавшаяся у производства для какого-нибудь другаго развлеченія, отдается воздѣлыванію, общая производительность земледѣлія увеличивается. Извѣстно, каково было въ Англій вліяніе дурныхъ законовъ о бѣдныхъ—они ослабляли земледѣльческій трудъ и отнимали у него производительность; таково же, но еще въ сильнѣйшей степени, было вліяніе дурной системы фермерства въ Ирландіи. Нѣтъ усовершенствова-

ній, которые дѣйствовали бы на производительность труда прямѣе, чѣмъ улучшенія въ отдачѣ земли подѣ наемъ и въ законахъ о поземельной собственности. Уничтоженіе субституцій, удешевленіе формъ продажи, и вообще всякія реформы, содѣйствующія естественному стремленію земли къ свободному переходу изъ рукъ, плохо пользующихся ею, въ руки, лучше умѣющія пользоваться, замѣна фермованія, безсрочно уничтожаемаго по волѣ собственника (*tenancy at will*), фермованіемъ на долгіе сроки; замѣна дурной по-пзбушечной системы (*cottier system*) какою-нибудь порядочною системою фермованія; а больше всего, пріобрѣтеніе постоянного интереса въ землѣ людьми, ее воздѣлывающими,—всѣ такія реформы точно также служатъ усовершенствованіями производства и нѣкоторыя изъ нихъ столь же великими усовершенствованіями его, какъ изобрѣтеніе прядильной или паровой машинъ.

Тоже самое надобно сказать объ улучшеніяхъ въ воспитаніи. Умъ работника — важнѣйшій элементъ въ производительности труда. Въ нѣкоторыхъ изъ цивилизованныхъ странъ, развитіе ума работниковъ такъ низко, что снабженіе головою людей, имѣющихъ теперь только руки, едва ли не должно считаться источникомъ самаго побилѣвѣйшаго возрастанія производства. Старательность, бережливость и вообще благонадежность работниковъ — качества столь же важныя, какъ ихъ умственное развитіе. Дружелюбныя отношенія, общность интересовъ и стремленій между работниками и хозяевами — вещи чрезвычайно важныя, — точнѣе сказать, были бы вещами чрезвычайно важными, потому что я не знаю страны, въ которой нынѣ существовало бы такое чувство дружелюбнаго союза. Не въ одномъ рабочемъ умственные и нравственные усовершенствованія имѣютъ выгодное дѣйствіе даже на промышленность. Увеличеніе умственной энергіи, болѣе основательное образованіе, большее развитіе добросовѣстности, заботы объ общихъ дѣлахъ и филантропіи въ богатыхъ и праздныхъ сословіяхъ, сдѣлали-бы ихъ способными придумывать и совершать чрезвычайно важныя усовершенствованія и въ экономическыхъ силахъ страны, и въ ея учрежденіяхъ и обычаяхъ. Подумаемъ хотя только о самыхъ очевидныхъ феноменахъ. Отсталость французскаго земледѣлія именно въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ долженъ бы оказывать на него полезное вліяніе образованный классъ, должна быть отчасти приписана тому, что вниманіе богатыхъ землевладѣльцевъ исключительно занято городскими интересами и городскими удовольствіями. Всякое улучшеніе въ человѣческихъ дѣлахъ, кромѣ всѣхъ другихъ своихъ выгодъ, непременно будетъ имѣть, прямымъ или косвеннымъ образомъ, полезное вліяніе на производительность промышленности. Горячность преданности промышленнымъ занятіямъ будетъ во многихъ случаяхъ умѣряться болѣе гуманнымъ и широкимъ умственнымъ образованіемъ; за то трудъ, употребляемый на эти занятія, почти всегда будетъ тогда успѣшнѣе нынѣшняго.

Прежде, чѣмъ займемся мы изложеніемъ главныхъ выводовъ, получаемыхъ отъ соображенія свойствъ двухъ противоположныхъ силъ, которыми опредѣляется производительность земледѣльческой промышленности, мы должны замѣтить, что слова наши о земледѣліи съ небольшими измѣненіями прилагаются и къ другимъ занятіямъ одинаковаго съ нимъ рода, прилагаются ко всѣмъ отраслямъ промышленности, добывающимъ изъ земли матеріалы. Напримѣръ, рудоконная промышленность даетъ увеличеніе продукта обыкновенно съ увеличеніемъ издержекъ въ пропорціи болѣе высокой; или и хуже того: даже обыкновенный годовой продуктъ добывается въ ней все съ большимъ и большимъ расходоуаніемъ труда и капитала. Рудникъ не воспроизводитъ каменнаго угля или руды, взятыхъ изъ него, потому каждый рудникъ наконецъ истощается, да и прежде своего

истощенія требуетъ разработки съ постоянно возрастающимъ расходомъ: шахты надобно углублять, галлерей вести все дальше, для очищенія ихъ отъ воды надобно употреблять все больше силы; продуктъ надобно поднимать съ большей глубины или переносить на большее разстояніе. Потому законъ уменьшенія выручки прилагается къ рудоконному дѣлу еще полнѣе, чѣмъ къ земледѣлію; но за то и противодѣйствующее влияніе усовершенствованій производства прилагается къ нему еще въ большей степени. Рудоконныя операціи доступнѣе земледѣльческихъ механическимъ усовершенствованіямъ; первое приложеніе паровой машины въ большомъ размѣрѣ было сдѣлано къ рудникамъ; а въ химическихъ процессахъ, которыми добываются металлы, есть возможность безграничныхъ усовершенствованій. Нерѣдко встрѣчается и другой случай, представляющій уравниваніе за то, что всѣ извѣстныя рудники идутъ къ истощенію: часто открываются новые рудники, равняющіеся по богатству прежнимъ или превосходящіе ихъ.

Общій выводъ таковъ: всѣ предметы и силы природы, находящіеся въ ограниченномъ количествѣ, ограничены относительно крайняго предѣла своей производительной силы, и задолго до достиженія этого крайняго предѣла начинаютъ удовлетворять увеличенію запроса съ прогрессивнымъ обремененіемъ условій своей производительности. Но этотъ законъ можетъ ослабляться или временно отстраняться увеличеніемъ общей власти человѣка надъ природой, въ чемъ бы ни состояло это увеличеніе; а въ особенности онъ ослабляется всякимъ расширеніемъ человѣческаго знанія относительно силъ природы и свойствъ ея тѣлъ, потому что этимъ расширеніемъ знанія расширяется власть человѣка надъ ними.

ГЛАВА XIII.

Послѣдствія предъидущихъ законовъ.

1. Изъ предъидущихъ разъясненій видно, что возрастаніе производства имѣетъ два предѣла: недостаточность капитала или недостаточность земли. Расширеніе производства останавливается или оттого, что дѣятельное стремленіе къ накопленію бываетъ недостаточно для произведенія дальнѣйшаго возрастанія въ капиталѣ, или оттого, что при всемъ расположеніи людей, имѣющихъ излишекъ доходовъ, сберегать часть его, ограниченность земли, находящейся въ распоряженіи общества, не допускаетъ употребленія капитала въ дѣло съ такою выручкою, которая вознаграждала бы ихъ за отсрочку личнаго потребленія.

Страны, гдѣ принципъ накопленія слабъ, какъ у разныхъ азіатскихъ народовъ, гдѣ люди не хотятъ ни сберегать, ни работать для пріобрѣтенія средствъ къ сбереженію, если не возбуждаются къ тому чрезмѣрною высокою прибылю, не хотятъ даже и при такой прибыли, если надобно ждать ея довольно долгое время, — гдѣ продуктъ остается скуденъ и нужда велика, потому что нѣтъ въ нихъ ни капитала, готоваго являться на дѣло, ни предусмотрительности, которая открывала бы средства заставляя силы природы работать за человѣка, — такія страны нуждаются, съ экономической точки зрѣнія, въ увеличеніи промышленности и дѣятельнаго стремленія къ накопленію. Средства къ тому: во-первыхъ, улучшеніе администраціи, введеніе полнѣйшаго обезпеченія собственности, умѣренности въ налогахъ, освобожденіе отъ произвольныхъ поборовъ, производящихся подъ именемъ налоговъ; введеніе болѣе прочныхъ и выгодныхъ условій пользованія землею, такъ чтобы люди, ее воздѣлывающіе, сами получали, по возможности, всю выгоду отъ своего трудолюбія, искусства и бережливости. Во-вторыхъ:

улучшеніе просвѣщенія въ народѣ, ослабленіе обычаевъ или предрассудковъ, мѣшающихъ полному употребленію промышленныхъ силъ въ дѣло; увеличеніе умственной дѣятельности, чтобы въ людяхъ пробудились новыя стремленія. Въ третьихъ: введеніе заграничныхъ искусствъ, которыми выручка отъ обращенія новаго капитала въ дѣло возвышалась бы до степени, соответствующей слабому развитію стремленія къ накопленію; внесеніе иностраннаго капитала, при которомъ возрастаніе производства не станетъ уже исключительно зависѣть отъ бережливости и предусмотрительности туземцевъ, который будетъ служить для нихъ поощряющимъ примѣромъ, который, если не прямымъ, улучшеніемъ народнаго положенія, то влітїемъ въ народъ новыхъ идей и разрушеніемъ дѣйней привычки станетъ возбуждать въ жителяхъ новыя потребности, экономическое честолюбіе и заботливость о будущемъ. Эти соображенія больше или меньше прилагаются ко всѣмъ азіатскимъ народамъ и къ тѣмъ частямъ Европы, которыя отстали отъ другихъ въ цивилизаціи и промышленности.

Но есть другія страны, — и первая изъ нихъ Англія, — въ которыхъ ни промышленный духъ, ни дѣятельное стремленіе къ накопленію не нуждаются въ иоощреніи: люди тамъ готовы много работать за небольшое вознагражденіе и много сберегать для небольшой прибыли; если рабочіе классы тамъ вообще далеко не имѣютъ такой бережливости, какая была бы полезна, то въ благосостоятельной части общества духъ накопленія нуждается скорѣе въ ослабленіи, чѣмъ въ увеличеніи. Въ этихъ странахъ никогда не было бы недостатка въ капиталѣ, если бы его возрастаніе не останавливалось или не задерживалось слишкомъ большимъ пониженіемъ выручки отъ него. По этой тенденціи выручки къ прогрессивному уменьшенію часто бываетъ то, что отъ возрастанія производства становится хуже положеніе производителей; а эта тенденція, которая на послѣдокъ можетъ вовсе прекратить всякое возрастаніе производства, составляетъ результатъ неизбѣжныхъ условій производства, получаемого отъ земли, — условій, лежащихъ въ немъ самомъ.

Въ странахъ, возвысившихся надъ очень низкою ступенію въ развитіи земледѣлія, всякое увеличеніе запроса на пищу, производимое увеличеніемъ населенія, непременно должно уменьшать долю пищи, которая по ровному раздѣлу пришлось бы на каждого жителя (исключеніемъ бываютъ лишь тѣ случаи, когда вмѣстѣ съ возрастаніемъ запроса происходитъ улучшеніе въ производствѣ). Когда уже нѣтъ незанятыхъ пространствъ плодородной земли и когда нѣтъ улучшеній, ведущихъ къ удешевленію товаровъ, то увеличеніе производства получается не иначе, какъ чрезъ увеличеніе труда въ пропорціи большей, чѣмъ увеличивается продуктъ. Населеніе должно или больше работать, или меньше ѣсть, или, чтобы получать прежнюю пищу, должно жертвовать частью другихъ прежнихъ жизненныхъ удобствъ. Если эта необходимость отсрочивается, то отсрочка производится лишь тѣмъ, что усовершенствованія, дающія производству легчайшую возможность прогрессивно возрастать, — человѣческія изобрѣтенія, дающія большую усиѣнность труда, выдерживаютъ борьбу съ природой успѣшно и вынуждаютъ у нея нехотящихъ служить силъ новыя средства по мѣрѣ того, какъ человѣческими надобностями поглощаются прежнія средства.

Изъ этого слѣдуетъ тотъ важный выводъ, что необходимость сдерживать возрастаніе населенія не принадлежитъ, какъ многіе полагаютъ, одному тому устройству, при которомъ собственность распределена очень неравномѣрно. При каждомъ данномъ состояніи цивилизаціи, большее количество людей не можетъ въ общемъ своемъ составѣ быть снабжено продуктами такъ изобильно, какъ снабжается меньшее число. Скупость

природы, а не общественная несправедливость, служить причиною страданій, постигающихъ націю при излишествѣ населенія. Несправедливое распредѣленіе богатства даже и не увеличиваеъ этого бѣдствія, и развѣ лишь дѣлаеть то, что оно чувствуется нѣсколько раньше. Напрасно говорить, что съ каждымъ желудкомъ, производимымъ на свѣтъ въ размножающемся населеніи, рождаются и руки. Новые желудки требуютъ столько-же пищи, какъ прежніе, а руки производятъ меньше. Если-бы всѣ орудія производства принадлежали, какъ совокупная собственность, цѣлому народу, а продуктъ раздѣлялся между людьми съ совершеннымъ равенствомъ, и если бы при такомъ устройствѣ общества промышленность была такъ же энергична и продуктъ такъ-же великъ, какъ теперь, то достало-бы продукта на чрезвычайно хорошее снабженіе всего существующаго населенія жизненными надобностями; но каково было-бы положеніе населенія, когда число людей удвоилось-бы съ небольшимъ въ двадцать лѣтъ, какъ не-премѣнно и случилось-бы при существующихъ привычкахъ и при такомъ поощреніи къ размноженію? Если-бы производительныя искусства не усовершенствовались въ это время съ быстротою почти безпримѣрною, то, по непреоборимой необходимости, каждый чловѣкъ въ этомъ обществѣ сталъ-бы бѣднѣе прежняго отъ того, что пришлось-бы обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества и воздѣлывать земли высшаго качества способомъ болѣе труднымъ и менѣе вознаграждающимъ трудъ, чтобы доставить пищу населенію, столь сильно увеличившемуся. Если бы оно продолжало возрастать по той же пропорціи, скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы ничего, кромѣ предметовъ первой необходимости, а вслѣдъ затѣмъ скоро пришло бы время, когда никто не имѣлъ бы и этихъ предметовъ въ достаточномъ количествѣ, и дальнѣйшее возрастаніе населенія было бы остановлено смертію.

Увеличивается или уменьшается въ данное время продуктъ промышленности, по сравненію съ употребляемымъ на него трудомъ, и становится ли лучше или хуже общее положеніе народа, это зависитъ отъ того, какой элементъ развивается быстрѣе: народонаселеніе или усовершенствованіе. Когда населеніе достигло степени густоты, достаточной для доставленія главныхъ выгодъ сочетанія труда, то всякое дальнѣйшее возрастаніе населенія само по себѣ имѣеть тенденцію понижать средній уровень народнаго благосостоянія; но прогрессъ усовершенствованій имѣеть противоположное дѣйствіе и допускаеть населеніе увеличиваться безъ пониженія или даже и съ повышеніемъ средняго уровня жизненныхъ удобствъ. Слово „усовершенствованіе“ надобно понимать здѣсь въ общпріимѣемъ смыслѣ, обнимающемъ не одни новыя изобрѣтенія въ промышленности, но также улучшенія въ учрежденіяхъ, воспитаніи, образѣ мыслей и всѣхъ вообще чловѣческихъ дѣлахъ, лишь бы они вели, — какъ ведутъ почти всѣ улучшенія, — къ появленію новыхъ возбужденій или новыхъ удобствъ для производства. Если производительныя силы страны возрастають въ пропорціи столь же быстрой, какъ возрастаетъ потребность въ увеличеніи продукта по увеличенію числа людей, то нѣтъ нужды для увеличенія продукта обращаться къ воздѣлыванію земель менѣе плодородныхъ, чѣмъ худшія изъ земель уже воздѣлываемыхъ, и нѣтъ нужды къ прежнимъ землямъ прилагать новый трудъ, съ менѣе выгодною выручкою или, если эта нужда есть, то эта потеря силы вознаграждается увеличеніемъ успѣшности, съ какою трудъ, благодаря усовершенствованіямъ, употребляется на фабричныхъ работахъ. По той или другой изъ этихъ причинъ, возрастающее число людей снабжается въ прежнемъ размѣрѣ жизненными удобствами. Но если возрастаніе чловѣческой власти надъ природою замедляется или приостанавливается, а возрастаніе населенія не ослабѣваетъ; если, безъ увеличенія

власти надъ силами природы, требуется отъ нихъ увеличеніе продукта, оно не можетъ быть доставлено увеличившемуся населенію иначе, какъ съ тѣмъ, что отъ человѣка потребуются въ среднемъ уровнѣ большее количество труда или уменьшится средній уровень части достаемой каждому изъ всей массы продукта.

Въ дѣйствительности бывали такіе періоды, когда населеніе развивалось быстро, чѣмъ усовершенствованія; бывали и такіе, когда усовершенствованія развивались быстро населенія. Въ Англіи населеніе, въ теченіе долгаго періода передъ французскою революціею, возрастало медленно; но прогрессъ усовершенствованій, по крайней мѣрѣ въ земледѣліи, былъ, кажется, еще медленнѣе, потому что цѣна хлѣба постоянно возрастала (а не было никакихъ причинъ къ пониженію цѣнности благородныхъ металловъ) и Англія, прежде вывозившая хлѣбъ, стала ввозить его. Эти факты не даютъ однако же совершенной безспорности выводу, потому что въ первой половинѣ столѣтія было чрезвычайное число урожайныхъ годовъ, а во второй половинѣ не было такого большаго числа ихъ, и потому существовала къ возрастанію цѣны хлѣба во второй половинѣ столѣтія причина, посторонняя обыкновенному прогрессу общества. Неизвѣстно, имѣли-ли тогда фабричныя усовершенствованія или уменьшеніе издержекъ перевозки привозныхъ товаровъ такой размѣръ, чтобы вознаграждать за уменьшеніе производительности земледѣльческаго труда. Но со времени великихъ механическихъ изобрѣтеній Уатта, Аркрайта и ихъ современниковъ выручка за трудъ, по всей вѣроятности, возрастала столь же быстро, какъ населеніе и даже опередила бы его возрастаніе, еслибъ самое увеличеніе выручки не вызвало увеличеннаго проявленія лежащей въ человѣческомъ родѣ силы размножаться. Въ теченіе послѣднихъ двадцати или тридцати лѣтъ расширеніе усовершенствованныхъ процессовъ въ земледѣліи шло такъ быстро, что земля даетъ теперь пропорціонально употребляемому труду даже больше продукта, чѣмъ прежде; средняя цѣна хлѣба рѣшительно понизилась; она понижалась даже и до отмѣненія хлѣбныхъ законовъ, которымъ на наше время такъ сильно облегчена тяжесть требованія увеличивать производство соразмѣрно увеличенію населенія. Но если усовершенствованія могутъ на извѣстное время идти наравнѣ съ дѣйствительнымъ увеличеніемъ населенія или даже превосходить его, то несомнѣнно, что ихъ развитіе никогда не можетъ равняться прогрессу возрастанія, въ какой способны размножаться люди; и ничто не могло бы предотвратить всеобщаго ухудшенія въ состояніи человѣческаго рода, если бы возрастаніе населенія фактически не сдерживалось. Если бы оно сдерживалось еще больше при такомъ же прогрессѣ усовершенствованій, то для націи, или, говоря вообще, для всего человѣчества былъ бы дивидендъ больше нынѣшняго. Расширеніе власти надъ природой, даваемое усовершенствованіями, не тратилось бы все лишь на то, чтобъ содержать размножившееся населеніе. Валовой продуктъ былъ бы не такъ великъ, но пропорція продукта, приходящаяся на каждого человѣка, была бы больше.

3. Когда размноженіе людей идетъ быстро, чѣмъ развиваются усовершенствованія, и когда нація принуждена получать средства продовольствія въ отношеніяхъ все менѣе и менѣе выгодныхъ, по неспособности земли удовлетворять увеличенному запросу иначе, какъ на условіяхъ все болѣе обременительныхъ, — когда народъ находится въ этой непріятной необходимости, то находятся два средства, дающія надежду смягчить ее, хотя бы народъ и не измѣнялъ тѣхъ своихъ привычекъ, которыми опредѣляется пропорція его размноженія. Одно изъ этихъ средствъ—ввозъ пищи изъ-за границы; другое средство—переселеніе.

Допущеніе болѣе дешевой пищи изъ-за границы равнозначительно земледѣльческому изобрѣтенію, которымъ въ такой же пропорціи уменьшилась бы стоимость производства пищи въ самой странѣ. Ово въ такой же степени увеличиваетъ производительную силу труда. Прежде чѣмъ былъ допущенъ иностранный хлѣбъ, извѣстнымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство пищи, производилось извѣстное количество пищи; теперь тѣмъ же самымъ количествомъ труда, употребленнымъ на производство хлопчато-бумажныхъ тканей, или желѣзныхъ издѣлій, или другого товара, даваемого въ обмѣнъ за пищу, получается большее количество пищи. Въ томъ и другомъ случаѣ отдаляется на извѣстное разстояніе уменьшеніе производительной силы труда; но въ томъ и другомъ случаѣ немедленно возобновляется ходъ этого уменьшенія; отступившій приливъ тотчасъ же начинаетъ снова наступать. Но, быть можетъ, страна снабжается пищею со всего пространства, населеннаго людьми на земномъ шарѣ; въ этомъ случаѣ можетъ показаться, будто никакое возрастаніе числа людей въ небольшомъ уголкѣ земнаго шара не можетъ производить сильнаго давленія на столь обширное пространство; будто число жителей въ этой странѣ можетъ удвоиться и утроиться, а все-таки не будетъ замѣтно, чтобы условія производства сдѣлались отъ того тяжеле, не будетъ замѣтно повышеніе цѣны пищи по всему пространству земнаго шара. Но при такомъ разсужденіи опускаются изъ виду нѣкоторыя существенныя обстоятельства.

Во-первыхъ, заграничныя земли, изъ которыхъ можно ввозить хлѣбъ, не обнимаютъ всего земнаго шара: онѣ ограничиваются почти только тѣми частями его, которыя лежатъ на берегахъ моря или судоходныхъ рѣкъ. Берегъ моря почти во всѣхъ странахъ населяется раньше и гуще другихъ частей и рѣдко имѣетъ лишній хлѣбъ; потому главнымъ источникомъ подвоза служатъ полосы земли по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, напримѣръ, Нила, Вислы, Миссиссипи, а такихъ пространствъ въ хлѣбородныхъ частяхъ земли не такъ много, чтобы могли они очень долгое время удовлетворять быстро растущему запросу, безъ обремененія производительныхъ силъ почвы. Получать прибавочный подвозъ хлѣба въ большомъ количествѣ изъ внутреннихъ частей — дѣло невозможное при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія. Съ проведеніемъ шоссе, потомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ, это затрудненіе уменьшится, такъ что перестанетъ быть непобѣдимымъ; но прогрессъ этотъ идетъ медленно, и кромѣ Америки во всѣхъ вывозящихъ хлѣбъ странахъ даже очень медленно; онъ не можетъ расти пропорціонально населенію, если возрастаніе населенія не сдерживается очень сильно.

Во-вторыхъ, если бы подвозъ хлѣба получался и со всего земнаго шара, а не съ небольшого пространства вывозящихъ его земель, то все-таки было бы довольно ограничено количество пищи, которую можно было бы получать безъ увеличенія въ пропорціи ея стоимости. Страны, вывозящія хлѣбъ, раздѣляются на два класса: въ однихъ дѣятельное стремленіе къ накопленію сильно, въ другихъ слабо. Въ Австраліи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ оно сильно; капиталъ тамъ растетъ быстро и производство хлѣба могло бы такъ же увеличиваться очень быстро. Но въ такихъ странахъ и населеніе возрастаетъ съ чрезвычайною быстротою. Своимъ земледѣіемъ онѣ должны снабжать свое домашнее увеличивающееся населеніе, кромѣ населенія странъ, куда вывозятъ свой хлѣбъ. Потому, сущность дѣла скоро должна заставить ихъ обратиться къ воздѣлыванію земель, если не менѣе плодородныхъ, то болѣе отдаленныхъ и менѣе доступныхъ (а отдаленность равносильна неплодородности), обратиться къ способамъ воздѣлыванія менѣе производительнымъ, пропорціонально труду и расходу, — къ способамъ обработки, существующимъ въ старыхъ земляхъ.

Но мало странъ, которыя при дешевизнѣ пищи имѣли бы большое промышлен-

ное благосостояніе; это лишь тѣ земли, куда на богатую и невоздѣланную почву перенесена цивилизація въ полномъ своемъ развитіи; изъ странъ, населенныхъ давно, вывозить хлѣбъ могутъ лишь тѣ, гдѣ промышленность находится въ очень отсталомъ положеніи, гдѣ капиталъ и вслѣдъ за нимъ населеніе не возрасли до такой высоты, чтобы поднять цѣну хлѣба. Въ этихъ странахъ дѣятельное стремленіе къ накопленію слабо, производительныя искусства несовершенны, капиталъ скуденъ и возрастаетъ медленно, особенно если говорить только о домашнихъ источникахъ его возрастанія. Если-бы возросъ запросъ на хлѣбъ для привоза въ Англію, онѣ лишь очень медленно могли-бы развить свое производство для удовлетворенія ему; онѣ не могли-бы получить нужный на то капиталъ обращеніемъ его на земледѣліе отъ другихъ занятій, потому-что другихъ занятій тамъ нѣтъ. Онѣ не производятъ хлопчатобумажныхъ тканей и желѣзныхъ издѣлій, которыя стала-бы привозить имъ Англія въ обмѣнъ за хлѣбъ: онѣ обходятся безъ этихъ товаровъ. Съ теченіемъ времени можно было-бы ожидать нѣкотораго успѣха отъ усленной энергіи, которую пробудилъ-бы въ производствѣ рынокъ открытый для ихъ продукта. Но такому увеличенію энергіи неблагоприятствуетъ экономическое устройство странъ, гдѣ земледѣльцы находятся въ состояніи личной зависимости. Если мы будемъ разсчитывать на увеличеніе затраты капитала, какъ на источникъ для увеличенія продукта, то средства къ этой затратѣ или должны быть привезены изъ другихъ земель, или получены медленнымъ процессомъ сбереженія, развивающагося подъ влияніемъ новыхъ удобствъ и дѣятельнѣйшихъ сношеній,—но въ этомъ послѣднемъ случаѣ населеніе, вѣроятно, будетъ возрастать такъ же быстро, какъ капиталъ. Если Англіи нужно быстрое возрастаніе привоза хлѣба изъ этихъ странъ, англійскій капиталъ долженъ переселиться туда, чтобы производить его. Но перенесеніе капитала соединено съ большими затрудненіями, доходщими до положительной большой невыгоды. Ему мѣшаетъ разница языка, разница обычаевъ, мѣшаютъ тысячи неудобствъ, происходящихъ отъ разницы въ учрежденіяхъ и общественныхъ отношеніяхъ; а сверхъ того перенесеніе капитала неизбежно вызвало бы размноженіе населенія въ этихъ странахъ, такъ что почти все новое количество пищи, производимое новымъ капиталомъ, вѣроятно, стало бы потребляться на мѣстѣ, не выходя за границу. Потому надежда на увеличеніе вывоза изъ этихъ странъ, для снабженія другихъ странъ постоянно увеличивающимся долгое время количествомъ пищи, можетъ основываться только почти на томъ, чтобы вносились въ нихъ изъ-за-границы искусства и понятія для оживленія ихъ отсталой цивилизаціи. Но развитіе цивилизаціи въ странѣ—дѣло медленное; въ это время населеніе развивающейся страны и снабжаемыхъ ею странъ успеетъ сильно возрасти; потому развитіе цивилизаціи въ отсталыхъ странахъ не можетъ остановить возвышенія цѣны на хлѣбъ отъ возрастанія запроса ни въ цѣлой Европѣ, ни въ отдѣльной странѣ.

Такимъ образомъ не къ однимъ тѣмъ странамъ, которыя продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ, примѣняется законъ, что выручка за трудъ уменьшается, если населеніе возрастаетъ быстро, чѣмъ развиваются усовершенствованія: законъ этотъ въ сущности точно также примѣняется и къ странамъ, готовымъ получать хлѣбъ изъ всѣхъ доступныхъ мѣстъ, гдѣ онъ дешевле. Если какимъ бы то ни было образомъ произойдетъ внезапное и значительное повиженіе цѣны хлѣба, оно, подобно всякому другому внезапному улучшенію житейскихъ искусствъ, только отдаляетъ естественный ходъ дѣла на одну или на двѣ ступени дальше, не измѣняя общаго развитія ихъ. Впрочемъ, при допущеніи свободнаго ввоза хлѣба открывается возможность случая, который способенъ произвести временныя послѣдствія такого размѣра, о какомъ даже не мечтали ни злѣйшіе враги, ни пламеннѣйшіе приверженцы свободнаго ввоза хлѣба. Матеръ такой про-

дуктъ, который можно ввозить въ количествѣ достаточномъ для продовольствія цѣлой Англіи и который, пропорціонально своей питательности, можетъ получаться дешевле самаго картофеля. Если вмѣсто пшеницы главною пищею бѣдныхъ сословій станетъ маисъ, производительная сила труда для полученія пищи возрастетъ въ такой громадной пропорціи, а расходъ на содержаніе семейства такъ уменьшится, что хотя бы англійское населеніе стало возрастать даже по амеріканской прогрессіи, быть можетъ, прошло бы нѣсколько поколѣній прежде, чѣмъ перевѣсилось бы размноженіемъ народа это огромное облегченіе въ его продовольствіи.

4. Кромѣ ввоза хлѣба, есть другое средство, къ которому можетъ прибѣгнуть нація, когда ея размноженіе становится несоразмѣрно—не съ ея капиталомъ, а съ производительною способностью ея земли; это средство—выселеніе, въ особенности подъ формою колонизаціи. Въ томъ размѣрѣ, въ какомъ можно пользоваться этимъ средствомъ, оно дѣйствительно помогаетъ, потому что состоитъ въ отыскиваніи за границею незанятыхъ пространствъ плодородной земли, которыя, если бы существовали въ метрополіи, давали бы возможность удовлетворять запросу возрастающаго населенія безъ унядка въ производительности труда. Если колонизируемая страна близко, а народъ имѣетъ довольно расположенія къ странствованію, это средство помогаетъ вполнѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ возрастаніе населенія можетъ идти безъ задержки, безъ уменьшенія производительности труда, безъ возрастанія затруднительности добывать продовольствіе, благодаря именно тому, что изъ болѣе старыхъ частей Союза идутъ переселенцы въ новыя территоріи; этотъ фактъ имѣетъ въ черты колонизаціи. Если бы Австралія или внутреннія области Канады были также близко къ Великобританіи, какъ Упсконсинъ или Айова къ Нью-Йорку; если бы излишекъ населенія могъ перемѣщаться туда безъ переѣзда черезъ море и если бы жители Великобританіи имѣли такую же любовь къ переѣздамъ, такую же неохоту оставаться все на одномъ мѣстѣ, какъ ихъ соплеменники, жители Новой Англіи, то эти ненаселенныя страны оказывали бы Великобританіи такую же услугу, какъ новые Штаты Американскаго Союза оказываютъ старымъ. Но положеніе дѣлъ для Великобританіи не таково. Правда, переселеніе, если будетъ ведено хорошо, можетъ служить ей очень важнымъ средствомъ, чтобы внезапно облегчить однимъ усиліемъ давленіе, происходящее отъ излишка населенія. Правда также, что въ чрезвычайныхъ случаяхъ и добровольное переселеніе можетъ удалять изъ страны, при какомънибудь особенномъ кризисѣ, еще большее число людей, чѣмъ предполагалось даже составителями плановъ національнаго веденія колонизаціи,—это произошло, напримѣръ, въ Ирландіи подъ тройнымъ вліяніемъ картофельнаго неурожая, закова о бѣдныхъ и общаго изгнанія фермеровъ по всей странѣ. Но все-таки, даже при наилучшемъ устройствѣ эмиграціи, нельзя было бы поддержать постояннаго хода ея въ достаточномъ размѣрѣ,—въ такомъ размѣрѣ, чтобы она, какъ въ Америкѣ, при быстройшей пропорціи размноженія людей, уносила всю лишнюю часть годичной прибыли числа ихъ,—всю ту часть, которая превышаетъ прогрессъ, дѣлаемый въ теченіе этого краткаго періода житейскими искусствами и отъ которой становится тяжело жизнь для каждаго изъ членовъ общества, находящихся въ положеніи близкомъ къ среднему уровню. А если нельзя вести колонизацію въ такомъ размѣрѣ, то она даже съ экономической точки зрѣнія не избавляетъ населенія отъ задержки въ размноженіи. Этимъ замѣчаніемъ о колонизаціи ограничимся мы здѣсь; практическую сторону вопроса о ней, важность ея для Англіи и принципы, по которымъ слѣдовало бы вести ее, мы подробно разберемъ въ одной изъ слѣдующихъ частей трактата.

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПОСЛѢДНІЯ ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ ПЕРВОЙ КНИГИ МИЛЛЯ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ СМЫСЛА МАЛЬТУСОВОЙ ТЕОРИИ.

I.

Величина элементовъ мальтусовой теоремы.

Населеніе имѣетъ способность размножаться съ быстротою, съ какою не можетъ возрастать земледѣльческій продуктъ, говорить мальтусова теорема. Это выводъ, являющійся изъ сравненія двухъ прогрессій,—прогрессіи, по которой могутъ размножаться люди, и прогрессіи, по которой можетъ возрастать земледѣльческій продуктъ. На какихъ же изслѣдованіяхъ основано построеніе той и другой прогрессіи?

Читатель знаетъ коренное мѣсто всей книги Мальтуса, — мѣсто, въ которомъ онъ строитъ необходимыя для вывода прогрессіи. Но мы попросимъ читателя еще разъ просмотрѣть эту цитату, потому что должны примѣнить къ ней замѣчанія, которыя покажутся ему слишкомъ рѣзкими, если онъ не будетъ въ состояніи тотчасъ же провѣрить ихъ справедливость сличеніемъ ихъ съ подлинными словами Мальтуса.

„Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ населеніе въ теченіе больше нежели полутора ста лѣтъ удвоивалось быстрѣе, чѣмъ въ каждыя 25 лѣтъ. Итакъ, мы можемъ принимать за достовѣрное, что когда населеніе не задерживается никакими препятствіями, то оно удваивается каждыя 25 лѣтъ и возрастаетъ по геометрической прогрессіи.

„Не такъ легко опредѣлить размѣръ возрастанія земледѣльческаго продукта. Но мы навѣрно знаемъ, по крайней мѣрѣ, что этотъ размѣръ совершенно не таковъ, какъ размѣръ, по которому растетъ населеніе. Человѣкъ живетъ въ ограниченномъ пространствѣ. Когда вся плодородная земля воздѣлана, возрастаніе продовольствія зависить отъ улучшенія уже воздѣлываемыхъ земель; это улучшеніе не можетъ имѣть постоянно возрастающаго успѣха; напротивъ, его успѣхи будутъ все менѣе и менѣе значительны. Судя по тому, что мы читаемъ о Китаѣ и Японіи, надобно думать, что всѣ усилія человѣческаго искусства не могутъ удвоить въ этихъ странахъ земледѣльческаго продукта даже въ самый продолжительный періодъ. Въ Европѣ можно ожидать нѣкоторыхъ улучшеній въ земледѣліи. Въ Англіи и въ Шотландіи много занимаютъ его усовершенствованіемъ, однако же и въ этихъ земляхъ много невоздѣланныхъ земель. Посмотримъ, до какой степени могъ бы увеличиться продуктъ нашего острова въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Мы, вѣроятно, превзойдемъ границы правдоподобія, если предположимъ, что при лучшемъ хозяйствѣ земледѣльческій продуктъ могъ бы удвоиться на нашемъ островѣ въ первыя 25 лѣтъ; такое предположеніе, вѣроятно, покажется превышающимъ мѣру, допускаемую разумомъ.

„Рѣшительно невозможно надѣяться, чтобы продуктъ шелъ по той же прогрессіи въ слѣдующія 25 лѣтъ и чтобы въ концѣ втораго періода нынѣшній продуктъ учетверился; это противно всѣмъ нашимъ понятіямъ о плодородіи земли. Для каждаго, сколько нибудь знакомаго съ предметомъ, очевидно, что ежегодное приращеніе средняго продукта идетъ правильно уменьшаясь. Теперь, чтобы сравнить возрастаніе населенія съ возрастаніемъ продовольствія, сдѣлаемъ предположеніе, которое при всей своей неточности навѣрное будетъ благоприятнѣе всѣхъ результатовъ опыта для земледѣльческаго продукта.

„Предположимъ, что ежегодное приращеніе продукта не будетъ уменьшаться, а постоянно будетъ одинаково, такъ что съ каждымъ двадцатипяти-лѣтнимъ періодомъ къ годичному продукту Великобританіи будетъ прибавляться количество, равное всему ея нынѣшнему продукту. Человѣкъ, имѣющій самыя преувеличенныя ожиданія, не скажетъ, что можно предположить большее возрастаніе. Итакъ, мы можемъ сказать, что средства продовольствія при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ не могутъ возрастать быстрѣе, какъ по арифметической прогрессіи.

„Неизбѣжное послѣдствіе этихъ двухъ законовъ возрастанія очевидно. Человѣческой родъ будетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256, а продовольствіе станетъ возрастать въ порядкѣ чиселъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9“.

Читатель видитъ, на чемъ оперлась мысль Мальтуса, когда онъ положилъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25 лѣтъ: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ оно очень долго удваивалось по такимъ срокамъ. Просимъ посмотреть, вспомнилось ли ему тутъ, что за все это время увеличенію числа людей въ Соединенныхъ Штатахъ содѣйствовало переселеніе туда людей изъ Европы? Нѣтъ, онъ не вспомнилъ этого, когда составлялъ свою теорію. Потомъ, когда Годвинъ и другіе указали элементъ, упущенный имъ изъ виду, Мальтусъ и его послѣдователи стали доказывать, что введеніемъ этого фактора въ расчетъ, результатъ мало измѣняется. Мало или много, не о томъ мы теперь говоримъ: мы только говоримъ, что одну изъ своихъ прогрессій Мальтусъ составилъ безъ всякаго вниманія къ обстоятельству, самымъ очевиднымъ образомъ напрашивавшемуся на участіе въ его соображеніяхъ. Изъ этого мы можемъ заключить, много ли критики, много ли осмотрительности было у него, когда онъ опредѣлялъ одно изъ основаній для своего вывода. Вѣренъ или невѣренъ самый выводъ, мы этого не говоримъ здѣсь; мы говоримъ только, что основаніе для вывода принято безъ всякой критики, что если мы хотимъ узнать по вопросу о способности людей размножаться что нибудь основательное, то Мальтусъ ничего такого не сообщаетъ намъ.

Посмотримъ, какія понятія имѣлъ Мальтусъ о способности земледѣлія къ увеличенію продукта, когда строилъ другую свою прогрессію, прогрессію увеличенія земледѣльческаго продукта.

Ему казалось, будто бы есть страны, въ которыхъ земледѣліе уже достигло совершенства, едва ли допускающаго возможность еще увеличить продуктъ. Такими странами казались ему Китай и Японія. Мы теперь знаемъ, что земледѣліе вообще находится тамъ въ положеніи низшемъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Читатель вспомнитъ слова Милля о состояніи китайскаго земледѣлія (стр. 225—226). Въ Японіи оно не выше. Очевидно, что ошибочное понятіе о китайскомъ земледѣліи сильно направляло мысли

Мальтуса къ выводу о невозможности увеличивать земледѣльческій продуктъ соразмѣрно способности людей быстро размножаться.

Но еще интереснѣе его понятіе о предметѣ болѣе близкомъ къ нему, — объ англійскомъ земледѣліи: ему представлялось неимовѣрною крайностію предположеніе, что продуктъ англійскаго земледѣлія можетъ быть удвоенъ въ 25 лѣтъ. Это — наивность, вызывающая улыбку у людей, читавшихъ нынѣшнія агрономическія книги. Въ Великобританіи и Ирландіи находится до 61½ милліоновъ акровъ (около 25 милліоновъ гектаровъ) земли, удобной для земледѣлія (Statistik von Kolb, 2-е изд. стр. 5). Мы приводили (прим. 5, стр. 13) слова Гаспарена, что при порядочномъ устройствѣ плодотворной системы, произведеніями 100 гектаровъ земли продовольствуются 931 человекъ. Итакъ Великобританія съ Ирландіею при порядочномъ устройствѣ плодотворнаго хозяйства могли бы продовольствовать болѣе 230 милліоновъ населенія. Въ 1860 году все количество населенія Великобританіи съ Ирландіею простирается приблизительно до 29 милліоновъ человекъ (Kolb, стр. 1). Изъ нихъ домашними земледѣльческими продуктами содержатся не болѣе 25 милліоновъ человекъ (средній ввозъ хлѣба въ Англію нынѣ слѣдуетъ считать отъ 8 до 10 милліоновъ кварталовъ, — Kolb, стр. 25, — количество, конечно, продовольствующее больше нежели 4 милліона человекъ). Такимъ образомъ, жители британскихъ острововъ могли бы увеличить свой нынѣшній земледѣльческій продуктъ въ 9 разъ, если бы ввели хорошее хозяйство. Достаточно ли 25 лѣтъ для введенія хорошаго плодотворнаго хозяйства въ землѣ, которая имѣетъ уже вообще хозяйство гораздо лучшее, чѣмъ простое трехпольное, предоставляемъ разсудить каждому. Итакъ, изъ нынѣшнихъ агрономическихъ книгъ видно, что если бы Англія захотѣла и встрѣтила надобность увеличить свой земледѣльческій продуктъ въ теченіе 25 лѣтъ не въ 2 раза, а въ 5 или даже 9 разъ, это было бы вовсе не трудно при нынѣшнемъ состояніи сельско-хозяйственныхъ знаній. Не въ правѣ ли мы сказать, что слишкомъ наивны были мысли, подъ вліяніемъ которыхъ Мальтусъ воображалъ, что дѣлаетъ крайнюю уступку, предполагая возможность удвоенія земледѣльческаго продукта Англій въ 25 лѣтъ?

Напрасно стали бы мы искать въ цѣлой книгѣ Мальтуса фактовъ, которые служили бы болѣе точными основаніями для выводовъ объ относительной быстротѣ, съ какою могутъ возрастать населеніе и земледѣльческій продуктъ. Конечно, и въ тѣ времена, когда составлялъ онъ свою теорію, могъ бы онъ найти для обѣихъ прогрессій данныя, если не совершенно удовлетворительной точности, то по крайней мѣрѣ болѣе достовѣрныя, чѣмъ тѣ произвольныя гипотезы, которыми ограничился онъ. Напримѣръ, порядочное плодотворное хозяйство существовало уже и въ концѣ прошлаго вѣка; онъ могъ бы сообразить, какое увеличеніе продукта дается этою системою. Точно также существовали въ его время нѣкоторыя (правду сказать, очень немногія) статистическія свѣдѣнія о количествѣ рожденій въ странахъ, гдѣ народные обычаи и учрежденія доводили эту цифру до наибольшей величины, къ какой только способна человѣческая натура. Если бы онъ сообразилъ эти данныя, онъ увидѣлъ бы, какой наименьшій

срокъ удвоенія допускается самымъ устройствомъ человѣческаго организма. Но мысли, которыми былъ занятъ онъ, не дали ему возможности замѣтить надобность для построенія своихъ прогрессій въ изысканіяхъ, болѣе точныхъ, чѣмъ тѣ, какими онъ удовлетворился. Мальтусъ началъ свои изслѣдованія съ намѣреніемъ защитить нынѣшній экономическій порядокъ отъ упрековъ, дѣлавшихся ему реформаторами. Онъ самъ говоритъ это. Основываясь на его собственныхъ словахъ, мы представляемъ ходъ дѣла въ такомъ видѣ:

Прямымъ образомъ защищать обычаи и учрежденія, являющіяся невыгодными для человѣческаго благосостоянія, казалось ему невозможнымъ. Какъ человѣкъ сильнаго логическаго ума, онъ понялъ, что противъ тогдашнихъ демократическихъ теорій, въ родѣ теоріи Годвина, не годятся прежніе аргументы консерваторовъ. Онъ сталъ искать новаго аргумента, болѣе прочнаго. Онъ самъ говоритъ и Годвинъ доказываетъ, какимъ путемъ нашелъ онъ этотъ аргументъ. Ему попались на глаза слова знаменитаго Франклина, что всѣ живые организмы—растенія, животныя,—имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи; что если бы всѣ сѣмена какого нибудь растенія давали выходъ; или всѣ дѣти какого нибудь животнаго избѣгали бы преждевременной смерти, это растеніе скоро покрыло бы всю землю и перестало бы размножаться лишь по недостатку мѣста; это животное перестало бы размножаться лишь по недостатку пищи. Франклинъ прибавлялъ также, что и люди имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи, лишь нашлось бы продовольствіе для нихъ. вмѣстѣ съ этимъ Мальтусъ увидѣлъ въ таблицахъ доктора Прайса, составленныхъ для вычисленія сложныхъ процентовъ, что если данное число возрастаетъ по геометрической прогрессіи, то оно увеличивается съ быстротою, превосходящею всякое ожиданіе людей, не вникавшихъ въ формулу геометрической прогрессіи. Прайсъ говорилъ это въ доказательство удобоисполнимости своего знаменитаго проекта объ очень быстромъ погашеніи всего англійскаго государственнаго долга, обращеніемъ на то самой ничтожной суммы, лишь бы всѣ проценты этой суммы вмѣстѣ съ нею неуклонно шли на выкупъ облигацій. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ: положимъ въ банкъ, дающій по 3%, напримѣръ, одинъ фунтъ стерлинговъ; по правилу сложныхъ процентовъ выйдутъ, что одинъ фунтъ удвоится, обратится въ два фунта менѣе чѣмъ въ 23½ года, если будутъ наростать проценты на проценты; но положимъ для круглаго счета, что онъ будетъ удваиваться въ 25 лѣтъ, тогда мы будемъ имѣть, при постоянномъ удвоеніи капитала въ каждыя 25 лѣтъ, такой рядъ:

черезъ 25	50	75	100	125	150	175	200 лѣтъ
1	2	4	8	16	32	64	128 фунтовъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что если мы отложимъ хотя 1,000,000 фунтовъ на выкупъ англійскаго государственнаго долга, говорилъ Прайсъ, то очень скоро весь долгъ будетъ выкупленъ возрастаніемъ этого капитала. Онъ представлялъ и таблицы, удостовѣрившія въ томъ. Такимъ образомъ въ его разсужденіи о погашеніи государственнаго долга Мальтусъ имѣлъ передъ

глазами первую строку своей знаменитой формулы о размноженіи числа людей. Кромѣ того, была у него въ рукахъ книга Зюсмилъха, прямо говорившая объ этомъ предметѣ. Зюсмилъхъ, между прочимъ, просилъ Эйлера составить таблицы возрастанія числа людей при разныхъ пропорціяхъ рожденій и смертностей. Эйлеръ бралъ разныя цифры, и при однихъ періодахъ удвоенія выходилъ очень длинный, при другихъ, разумѣется, очень короткий, — отъ 600 слишкомъ лѣтъ до 7 съ небольшимъ лѣтъ. Разумѣется, можно было бы вычислить періоды еще болѣе короткіе. Иное дѣло, если спросить, какой процентъ возрастанія допускается самымъ устройствомъ человѣческаго организма? Можно ли положить, чтобы въ дѣйствительности люди, при какихъ бы то ни было условіяхъ, могли размножаться по ежегодной прогрессіи приращенія въ 10%, или въ 8%, или хотя въ 5%? Но Зюсмилъхъ не спрашивалъ объ этомъ Эйлера; онъ только просилъ его составить таблицы удвоенія по сложнымъ процентамъ при разныхъ величинахъ процента, въ томъ родѣ, какъ могъ бы просить его рассчитать, сколько нищи въ день понадобится человѣку при различныхъ величинахъ его роста, отъ 1 фута до 20 сажень. Эйлеръ сказалъ бы, сколько нищи понадобится человѣку, имѣющему ростъ въ 10 сажень, имѣющему ростъ въ 11 сажень и т. д. Словомъ сказать, Эйлеръ рѣшалъ тутъ задачу въ томъ родѣ, какія очень часто попадаются въ руководствахъ къ математикѣ, или къ физикѣ. Напримѣръ: во сколько времени достигнетъ до солнца ядро, летящее съ быстротою, какую имѣетъ въ первую секунду полета; или: что будетъ съ кускомъ желѣза, постепенно опускаемымъ въ колодезь, прорытый до центра земли? Математикъ очень правильно отвѣчаетъ, что ядро долетитъ до солнца во столько-то времени, кусокъ желѣза дойдетъ до степени краснаго каленія во столько-то верстахъ ниже поверхности земли, до бѣлаго во столько-то, наконецъ расплавится во столько-то верстахъ. При этомъ математику нѣтъ никакого дѣла разбирать, существуетъ ли предполагаемый колодезь, существуетъ ли пушка, брошенная которою ядро могло бы полетѣть дальше немногихъ верстъ. Подразумѣвается само собою, что математика только группируетъ цифры, вовсе не ручаясь за ихъ дѣйствительность. Но вообразимъ себѣ, что прочиталъ рѣшеніе такихъ задачъ человѣкъ, забывшій или незнавшій, что надобно подразумѣвать это. Вообразимъ себѣ, что ему показалось, будто бы авторъ алгебраическаго руководства не просто сгруппировалъ цифры, а прямо говорить, будто всѣ эти выводы могутъ осуществляться на самомъ дѣлѣ. Какія поразительныя теоріи могутъ родиться въ головѣ такого человѣка! онъ предложитъ, напримѣръ, раскалять желѣзо дляковки не кузничными печами, а просто опусканіемъ на 20 верстъ подъ поверхность земли, или отбить ядромъ кусокъ отъ луны, чтобы этотъ кусокъ упалъ на землю, и тогда мы узнали бы, изъ чего состоитъ луна. Вотъ нѣчто въ этомъ самомъ родѣ случилось съ Мальтусомъ. Увидѣвъ цифры эйлеровыхъ таблицъ, онъ прямо такъ и подумалъ, что населеніе можетъ удвоиваться въ 25, въ 20, въ 15, въ 10 лѣтъ и даже еще быстрѣе, какъ написано въ таблицахъ Эйлера у Зюсмилъха. Если бъ у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргументъ противъ теоріи Годвина, онъ, конечно, не сдѣлалъ бы такой опрометчивой

ошибки; но въ таблицахъ Зюсмилъха (Эйлера) онъ увидѣлъ нужный ему аргументъ, имя Эйлера ручалось за вѣрность вычисленій, — чего же больше?

Когда съ этой мыслью началъ онъ пересматривать статистическія данныя, то чего-чего тамъ не увидѣлъ! Въ одномъ округѣ населеніе удвоилось въ 15 лѣтъ, въ другомъ округѣ оно утроилось или учетверилось въ 20 лѣтъ, въ третьемъ мѣстѣ оно возрасло въ семь разъ въ какія нибудь 30 лѣтъ, а тамъ какой-то путешественникъ говоритъ, что видѣлъ еще не старую женщину, — положимъ, хоть лѣтъ шестидесяти, — у которой было въ живыхъ десять человѣкъ женатыхъ сыновей, и у каждаго сына тоже человѣкъ по десяти дѣтей, такъ что отъ одной пары людей въ 60 лѣтъ произошло больше 100 человѣкъ, — словомъ сказать, какой бы краткій періодъ удвоенія ни бралъ Мальтусъ, все находились примѣры, показывавшіе, что это возможно. Трудно было и остановиться на какомъ нибудь срокѣ удвоенія, если бы не представлялся одинъ очень крупный фактъ, затмевавшій собою всѣ остальные: перенеси числа жителей въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ показывали, что населеніе этой страны удваивается въ теченіе 25 лѣтъ. Какъ человѣкъ очень умный, Мальтусъ понялъ, что этотъ фактъ, каждому извѣстный, можетъ служить основаніемъ выводовъ, гораздо удобнѣйшимъ для убѣжденія читателей, чѣмъ всякіе другіе мелочные, малоизвѣстные факты, показывавшіе на періодъ удвоенія еще болѣе краткій. Онъ хорошо понималъ, что впечатлѣніе зависитъ не отъ одного значенія вывода, а также и отъ готовности принять его; что противъ выводовъ изъ малоизвѣстныхъ фактовъ стали бы спорить, между тѣмъ какъ всѣ безъ разбора принимаютъ выводъ, дѣлаемый изъ факта, всѣмъ знакомаго. Потому онъ и основалъ свой выводъ на фактъ, представлявшемся обще-извѣстными результатами сѣверо-американскихъ народныхъ переписей. Но, принявъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, онъ самъ помнилъ и приводилъ въ своей книгѣ данныя, свидѣтельствовавшія, по его мнѣнію, о способности людей къ размноженію гораздо быстрѣйшему; потому постоянно говорилъ и самъ дѣйствительно думалъ, что, принявъ періодъ въ 25 лѣтъ, онъ сдѣлалъ уже чрезвычайно большую уступку людямъ, противъ которыхъ спорилъ, и что собственно слѣдовало ему принять періодъ, гораздо болѣе краткій, лѣтъ въ 15, или въ 12, или даже, пожалуй, еще меньше.

Опрометчивость, съ какою онъ говорилъ о способности людей размножаться, чрезвычайно быстро перешла изъ его книги въ головы почти всѣхъ экономистовъ. Ошибки людей сильнаго ума именно тѣмъ и бываютъ страшны, что овладѣваютъ мыслями множества другихъ людей. Съ какимъ легкомысліемъ говорятъ о возможныхъ періодахъ удвоенія самые, повидимому, основательные экономисты и статистики, мы покажемъ на одномъ только примѣрѣ, которымъ послужатъ намъ выводы очень почтеннаго французскаго ученаго Легуа, оказавшаго наукѣ важныя услуги многими драгоцѣнными изслѣдованіями. Вотъ буквальная выписка изъ статьи Легуа о движеніи населенія, помѣщенной въ *Annuaire de l'économie politique* за 1853 годъ (стр. 15 и 16).

Въ Соединенныхъ Штатахъ было произведено восемь *) ценсовъ съ 1790 года. Слѣдующая таблица показываетъ ихъ результаты:

Годы.	Населеніе въ милліонахъ **).	Приращеніе въ процентахъ.
1790	3,930	—
1800	5,306	35,01
1810	7,240	36,45
1820	9,638	33,12
1830	12,866	33,48
1840	17,069	32,67
1850	23,258	36,25

„Итакъ населеніе Сѣверо-Американскаго Союза увеличилось почти въ шесть разъ въ 60 лѣтъ.

„Въ Англіи было произведено шесть ценсовъ по десятилѣтнимъ срокамъ, съ 1801 года. Слѣдующая таблица показываетъ ихъ результаты.

Годы.	Населеніе. Милліоны ***).	Возрастаніе въ процентахъ.
1801	10,568	—
1811	12,047	14
1821	14,180	18
1831	16,365	15
1841	18,658	14
1851	20,936	12

„Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ, что англійское населеніе удвоилось въ теченіе полулѣтка. (Затѣмъ слѣдуетъ у Легуа по нѣскольку словъ о результатахъ народныхъ переписей въ Пруссіи, Австріи и Россіи: онъ продолжаетъ:)

„Слѣдующая таблица показываетъ пропорціи ежегоднаго возрастанія населенія перечисленныхъ нами государствъ:

Государства.	Годичное увращеніе.	Періодъ удвоенія.
Соединенные Штаты	8,21 —	8 лѣтъ 9 мѣс. 12 дней.
Англія	1,96 —	35 „ 8 „ 15 „

Просимъ читателя обратить вниманіе сначала на цифры, относящіяся къ Англіи; по ценсу 1801 года населеніе было 10,568,000 человѣкъ; по ценсу 1851 года 20,936,000 человѣкъ. Самъ Легуа справедливо говоритъ, что въ 50 лѣтъ англійское населеніе удвоилось. Хорошо; смотримъ у него же въ таблицѣ, каковъ періодъ удвоенія населенія въ Англіи. „35 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 15 дней“. Да какимъ-же это образомъ, когда нѣсколькими строками выше оказывалось 50 лѣтъ? Дѣло вышло очень просто. Легуа нашелъ, что въ 50 лѣтъ англійское населеніе возрасло на 98⁰/₁₀₀, раздѣливъ эту цифру 98 на 50 и получилъ 1,96. Ему вообразилось, что 1,96 составляетъ годичный процентъ возрастанія. Онъ заглянулъ въ какія нибудь таблицы сложныхъ процентовъ, во сколько лѣтъ удвоивается число, возрастающее по 1,96 процентовъ въ годъ,—вотъ и вышло 35 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 15 дней, и онъ даже не замѣтилъ, что самъ противорѣчитъ себѣ. Сначала онъ вычислилъ процентъ возрастанія, какъ будто оно шло по арифметической

*) То есть не восемь, а семь, какъ видно изъ самой таблицы, прямо слѣдующей за этими словами.

**) То есть не въ милліонахъ, а въ тысячахъ.

***) То есть опять-таки не милліоны, а тысячи.

прогрессіи, а потомъ взялъ этотъ процентъ для вывода геометрической прогрессіи. Прелестно!—Тутъ мы еще могли сообразить, какимъ образомъ произошла ошибка; но мы рѣшительно не въ силахъ объяснить, какимъ образомъ вышло у Легуа годовое приращеніе населенія въ Соединенныхъ Штатахъ 8,21% и періодъ удвоенія 8 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 12 дней,—этихъ цифръ уже невозможно получить никакими смѣшиваніями арифметической прогрессіи съ геометрической. Объ Англии онъ высчиталъ вздоръ понятнымъ образомъ; но для Соединенныхъ Штатовъ выставилъ вздоръ уже совершенно непонятный. И какими судьбами Легуа забылъ, что нѣсколькими строками выше онъ самъ переписалъ цифры возрастаній сѣверо-американскаго населенія по десятилѣтіямъ, и что не было у него тамъ ни одной цифры выше 36½ процентовъ; какимъ-же образомъ годовое приращеніе могло быть болѣе 8%, когда десятилѣтнее приращеніе менѣе 37%? Подите, спрашивайте! Вотъ такимъ-то образомъ разсуждаютъ до сихъ поръ о періодахъ удвоенія числа людей.

Еще поразительнѣе легкомысліе, съ которымъ разсуждаютъ о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ. Загляните въ любую агрономическую книгу, вы найдете цифры, показывающія, что при введеніи порядочной плодонеремѣнной системы, самыя населенныя части западной Европы легко будутъ давать по крайней мѣрѣ въ девять разъ болѣе земледѣльческій продуктъ, чѣмъ даютъ теперь. Загляните опять въ любую агрономическую книгу, вы увидите, что самыя высокія формы нынѣшней плодонеремѣнной системы далеко не составляютъ границы, до которой можно возвысить производительность сельскаго хозяйства, даже при нынѣшнемъ состояніи естественныхъ наукъ, технологіи и механики. Нѣтъ нужды, экономисты продолжаютъ твердить вслѣдъ за Мальтусомъ: „если-бы люди размножались со всею быстротою, съ какою могутъ размножаться, то земледѣльческій продуктъ скоро оказался-бы недостаточнымъ, какъ-бы ни старались люди объ его увеличеніи.“

Мы спрашиваемъ: на чемъ основано мнѣніе, что земледѣльческому продукту трудно возрастать со всею быстротою, съ какою могли бы размножаться люди, или даже возрастать еще гораздо быстрѣе? Развѣ опредѣлены порядочнымъ образомъ прогрессіи, служащія основаніемъ такого вывода? Нѣтъ, онѣ остаются до сихъ поръ не опредѣлены, и если мы хотимъ узнать объ этомъ что нибудь положительное, мы должны заняться изысканіями болѣе точными, чѣмъ какія представлены у Мальтуса и повторяющихъ его экономистовъ.

II.

Законъ возрастанія земледѣльческаго продукта.

Начнемъ съ прогрессіи, по которой идетъ въ теоремѣ Мальтуса возрастаніе земледѣльческаго продукта. Мы видѣли изъ Милля, въ чемъ тутъ состоитъ сущность дѣла.

Предположимъ, что извѣстный округъ занятъ извѣстнымъ земледѣльческимъ населеніемъ которому, очень просторно жить въ этомъ округѣ,—

напримѣръ, положимъ, что цѣлая квадратная миля (около 5 тысячь десяти-
тинъ) имѣеть всего сто человѣкъ населенія. Для продовольствія этой гор-
сти людей достаточно будетъ обратить подъ пашню какихъ нибудь 200
десятинъ. Конечно, хлѣбонашцы выберутъ для этихъ необширныхъ нивъ
своихъ самыя лучшія участки земли въ цѣломъ округѣ. Предположимъ те-
перь, что населеніе удвоилось, а система воздѣльванія земли остается со-
вершенно прежнею. Для удвоившагося населенія нуженъ будетъ вдвое
большій размѣръ пахотныхъ полей; кромѣ прежнихъ 200 десяти-
тинъ, нужно будетъ распахивать еще другія 200 десяти-
тинъ. Но вѣдь самыя лучшія участки
были уже выбраны подъ пашню прежде; земля новыхъ 200 десяти-
тинъ пашни уже не такъ плодородна, какъ земля прежнихъ, и на новыхъ 200 десяти-
тинъ родится хлѣба меньше, чѣмъ на прежнихъ. Такъ и пойдетъ дѣло до
самаго конца, пока вся удобная для хлѣбонашества земля будетъ занята
нивами: съ каждою прибавкою населенія нужно будетъ обращать подъ
пашню новыя десятины, и каждый разъ земля этихъ десяти-
тинъ будетъ хуже
прежнихъ пахотныхъ земель. Изъ этого мы видимъ, что если способъ воз-
дѣльванія земли остается прежній, то съ приращеніемъ населенія произ-
водительность пахотныхъ земель будетъ становиться въ средней пропорціи
все меньше и меньше, оттого, что нивы расширяются на земли все худ-
шаго и худшаго качества.

Точно тоже будетъ, если увеличивающееся населеніе станетъ удовле-
творять своимъ увеличивающимся надобностямъ въ хлѣбѣ не посредствомъ
расширенія нивъ, а посредствомъ увеличиванія труда, обращаемого на каж-
дую десятину прежней пашни. Положимъ, напримѣръ, что когда на квад-
ратной милѣ было 100 человѣкъ населенія и запахивалось 200 десяти-
тинъ, то хлѣбонашцы успѣвали пахать землю и боронить ее лишь довольно не-
брежно или поверхностно. Когда удвоится число населенія, то есть и число
хлѣбонашцевъ, то они могутъ пахать и боронить прежнія 200 десяти-
тинъ вдвое лучше прежняго, то есть употреблять на нихъ вдвое больше труда.
Но отъ этого удвоенія труда на десяти-
тинѣ десятинна не дастъ вдвое больше
хлѣба. Изъ чего-же видно, что не дастъ она? Вотъ изъ чего: если-бы отъ
удвоенія труда на десяти-
тинѣ удваивался продуктъ ея, то не было бы раз-
счета вмѣстѣ съ этимъ увеличиваніемъ труда на прежнихъ земляхъ лучшаго
качества обращать подъ распахку новыя земли худшаго качества. Между
тѣмъ новыя земли распахиваются; это значить, что обращеніе прибавочнаго
труда на прежнія земли не болѣе выгодно, чѣмъ обращеніе труда на новыя
земли, худшія прежнихъ.

Въ какой прогрессіи идетъ это уменьшеніе производительности земле-
дѣльческаго труда при постепенномъ обращеніи подъ распахку новыхъ
худшихъ земель или при увеличеніи труда на прежнихъ земляхъ? Дѣло
очевидное, что все тутъ зависитъ отъ обстоятельствъ, совершенно различ-
ныхъ по разнымъ мѣстностямъ. На иной почвѣ первое удвоеніе труда мо-
жетъ дать почти полное удвоеніе продукта, на другой почвѣ гораздо мень-
шую прибавку продукта. Въ одной мѣстности вторыя 200 десяти-
тинъ могутъ
давать только по 3 четверти, когда первыя даютъ по 5 четвертей. а на
другой мѣстности вторыя 200 десяти-
тинъ очень мало уступаютъ въ досто-

пнствѣ первымъ и дадутъ лишь немногимъ меньше 5 четвертей. Впрочемъ, изъ всего этого разнообразія условій можно было-бы вывести среднія цифры, которыя имѣли-бы хотя приблизительную достовѣрность. Но этого до сихъ поръ не сдѣлано. Странно сказать, но оно дѣйствительно такъ: вотъ уже сколько десятковъ лѣтъ твердятъ экономисты, вслѣдъ за Мальтусомъ, о прогрессивномъ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда, а между тѣмъ до сихъ поръ никто изъ нихъ не позаботился собрать какія нибудь статистическія данныя, относящіяся къ этой прогрессіи,—никто даже и не сообразилъ, что это было-бы нужно; что пока этого не будетъ сдѣлано, объ уменьшеніи производительности земледѣльческаго труда можно будетъ разсуждать лишь совершенно наобумъ, какъ разсуждалъ Мальтусъ, какъ разсуждаютъ до сихъ поръ.

Но когда мы слышимъ высказываемое наобумъ мнѣніе о какомъ нибудь совершенно неизслѣдованномъ вопросѣ, то очень часто мы имѣемъ возможность судить, не слишкомъ ли утрированы мысли человѣка, разсуждающаго о немъ. Мы уже приводили доказательство тому, что мысли Мальтуса о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ были утрированы. Онъ говорилъ о невозможности удвоить земледѣльческій продуктъ Англій въ 25 лѣтъ,—мы видѣли, что это пустяки. Зная такое настроеніе его мыслей, мы имѣемъ полное право заключить, что прогрессія уменьшенія производительности земледѣльческаго труда, построенная Мальтусомъ, должна быть гораздо сильнѣе дѣйствительной.

Но мы, для предотвращенія споровъ, возьмемъ ту самую прогрессію, какую выставилъ онъ. Читателю извѣстны двѣ знаменитыя строки цифръ, которыми выразилъ Мальтусъ свое мнѣніе о невозможности увеличивать земледѣльческій продуктъ съ быстротою, въ какой способны размножаться люди.

Люди имѣютъ способность размножаться по геометрической прогрессіи, говоритъ онъ, а земледѣльческій продуктъ не можетъ возрастать быстрѣе какъ по арифметической; такимъ образомъ:

Размноженіе людей	1	2	4	8	16	32	64 . . .
Увеличеніе продукта	1	2	3	4	5	6	7 . . .

Попробуемъ разобрать эти цифры; посмотримъ, что изъ нихъ выйдетъ, если дѣлать изъ нихъ выводы не по безсчетной фантазіи, а по правиламъ ариеметики.

Напрасно было бы возражать на опытъ повѣрки, за который мы беремъ, что цифры эти никѣмъ и не принимаются за вѣрныя, потому спорить противъ нихъ нечего,—вѣдъ мы и не споримъ противъ нихъ; мы говоримъ, напротивъ: пусть онѣ будутъ совершенно вѣрны, посмотримъ, то ли выходитъ изъ нихъ, что выводилъ Мальтусъ.

Говорятъ: „цифры эти выставлены Мальтусомъ только для примѣра; онъ не придавалъ имъ никакой важности“,—нѣтъ, придавалъ большую важность; онъ основывалъ именно на нихъ выводъ, что земледѣльческія усовершенствованія не въ силахъ уравновѣсить дефицита въ продуктѣ, являющагося отъ ослабленія производительности земледѣльческаго труда съ возрастаніемъ количества труда. Чтобы утверждать это, вѣдъ нужно имѣть

понятіе о величинѣ дефицита. Эта величина дефицита представляется въ теоріи Мальтуса громадною, непобѣдимою. Хорошо; мы беремъ цифры, которыми выражается эта непобѣдимость, и смотримъ, къ чему ведутъ онѣ. Мы видѣли, что онѣ составлены подъ вліяніемъ утрированныхъ понятій о трудности увеличивать земледѣльческій продуктъ; сами послѣдователи Мальтуса сознаются въ ихъ преувеличенности; мы хотимъ разобрать, какой выводъ о непреоборимости дефицита слѣдуетъ даже изъ этихъ утрированныхъ цифръ; а если въ дѣйствительности прогрессія дефицита не такъ огромна, какъ принятая нами со словъ Мальтуса, кажущихся нынѣ преувеличенными самимъ его послѣдователямъ, то, значить, борьба съ дефицитомъ земледѣльческаго продукта въ дѣйствительности легче, нежели какъ окажется по принятому нами со словъ Мальтуса размѣру его.

Мы часто мучили читателя цифрами и выкладками, но до сихъ поръ намъ еще не представлялось надобности подвергать его этой мукѣ въ такомъ размѣрѣ, какъ надобно теперъ. Избѣжать длинныхъ выкладокъ и ариѳметическихъ разсужденій—мы здѣсь не можемъ, потому что на нихъ основанъ выводъ, слишкомъ важный и слишкомъ противорѣчащій общепринятому мнѣнію. Но мы не можемъ ни ожидать, ни требовать, чтобы большинство читателей захотѣло идти съ нами по утомительному пути, пройти по которому необходимо намъ; на это достанетъ терпѣнія лишь у немногихъ, которые не побоятся труда провѣрить основанія дальнѣйшихъ нашихъ соображеній. Потому печатаемъ слѣдующій математическій анализъ Мальтусовой теоремы мелкимъ шрифтомъ, чтобы могъ пропустить его каждый, кому нѣтъ охоты считать, считать и считать. Перевернувъ эти страницы мелкаго шрифта, читатель, скучающій ариѳметическими выкладками, найдетъ соображенія уже менѣе утомительныя.

Ясно, по какому отношенію возникаютъ члены второй строки; изъ членовъ первой: возрастающія въ геометрической прогрессіи прибавки къ числу работниковъ даютъ каждая одинаковую прибавку къ продукту. Напримѣръ, 1 новый работникъ, прибавившійся во второмъ періодѣ, увеличиваетъ свою работою продуктъ на 1; 2 работника, прибавившіеся въ третьемъ періодѣ, увеличиваютъ продуктъ также только на 1; 4 новые работника четвертаго періода и 8 новыхъ работниковъ 5 періода, и т. д., увеличиваютъ продуктъ также на 1.

Очевидно, что производительность труда новыхъ работниковъ, прибавляющихся въ каждомъ новомъ періодѣ, уменьшается въ той же прогрессіи, въ какой возрастаетъ количество этихъ прибавляющихся работниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть работникъ перваго періода будетъ А, прибылой работникъ втораго періода В, третьяго С, и т. д. По условію теоремы, силы этихъ работниковъ равны, $A = B = C = D = E$ и т. д.

Производительность земледѣльческаго труда назовемъ Q.

Продуктъ обозначится AQ; тогда мы имѣемъ слѣдующее алгебраическое выраженіе строкъ, которыя Мальтусъ написалъ въ популярной формѣ:

$$\begin{array}{l} \text{Населеніе A;} \quad A + B = 2A; \quad A + B + 2C = 4A; \\ \text{Продуктъ AQ;} \quad AQ + BQ = 2A; \quad AQ + BQ + 2C^{1/2}Q = 3AQ; \\ A + B + 2C + 4D = 8A; \quad A + B + 2C + 4D + 8E = 16A; \text{ и т. д.} \\ AQ + BQ + 2C^{1/2}Q + 4D^{1/4}Q = 4AQ \quad AQ + BQ + 2C^{1/2}Q + 4D^{1/4}Q + 8E^{1/8}Q = 5AQ; \text{ и т. д.} \end{array}$$

Мы видимъ, что коэффиціенты Q уменьшаются въ той же геометрической прогрессіи, въ какой возрастаютъ коэффиціенты прибылыхъ работниковъ. Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагаетъ, что процентъ размноженія работниковъ служитъ процентомъ уменьшенія производительной силы труда прибывающихъ работниковъ.

Читатель знаетъ, что геометрическая прогрессія есть прогрессія сложныхъ процентовъ. Попросимъ же его припомнить, что такое за вещь сложные проценты.

Какъ вы думаете, по скольку рублей въ годъ обязанъ платить должникъ кредитору, если занялъ 100 рублей по 5%/о? Вы говорите: онъ обязанъ платить ему по 5 р. въ годъ.

Нѣтъ, говорю я, онъ обязанъ платить гораздо больше. Я беру 25-лѣтній срокъ. На капиталъ 100 рублей, считая по 5% въ годъ, наростетъ въ 25 лѣтъ 238 р. 64 к. процентовъ; раздѣлимъ это число на 25, получимъ 9 р. 55 к. Итакъ, должникъ, взявшій 100 р. по 5%, обязанъ ежегодно платить не по 5 р., какъ вы говорили, а по 9 р. 55 к. процентовъ.

Или нѣтъ, этого еще слишкомъ мало; онъ обязанъ платить гораздо больше. Возьмемъ 50-лѣтній срокъ. На 100 р., по 5%, въ 50 лѣтъ нарастаетъ 1046 р. 70 к. процентовъ. Дѣлимъ это число на 50, получаемъ 20 р. 93 к. Итакъ, должникъ, взявшій 100 р. по 5%, обязанъ платить по 20 р. 93 к. въ годъ.

Вы останавливаете меня, говорите, что я считаю вздорнымъ, фальшивымъ образомъ. Вы правы; я высчитываю сложные проценты по очень продолжительнымъ срокамъ платежа и обременяю должника нелѣпыми требованиями. Вы говорите: если должникъ не будетъ исправенъ, если не будетъ онъ платить процентовъ цѣлыя 25 лѣтъ или цѣлыя 50 лѣтъ, тогда, разумѣется, наростутъ на него страшныя суммы, которыхъ онъ, конечно, и не въ состояніи будетъ выплатить. Но если онъ исправенъ, то нельзя насчитывать на него платежей по какой-то неслыханно-фальшивой раскладкѣ сложныхъ процентовъ.

Очень хорошо; только это было нужно для насъ. Просимъ же читателя помнить, что гдѣ пророчка ведетъ къ появленію сложныхъ процентовъ, тамъ не все равно, рассчитывать ли уплаты по какому-нибудь многолѣтнимъ срокамъ или по годичнымъ. Возвращаемся теперь къ теоріи Мальтуса.

Мы видѣли, что прибавочный трудъ новыхъ земледѣльцевъ бываетъ менѣе производительнѣе, чѣмъ прежній трудъ первоначальнаго числа земледѣльцевъ. Если, напримѣръ, 20 земледѣльцевъ, работая въ данномъ округѣ, производили 200 четвертей хлѣба или, среднимъ числомъ, каждый изъ нихъ производилъ по 10 четв., то, когда прибавится еще 20 земледѣльцевъ, эта прибавка труда произведетъ въ продуктѣ прибавку уже не на 200, а только на 100 четвертей, такъ что всѣ 40 земледѣльцевъ вмѣстѣ произведутъ уже только 300 четв. или, среднимъ числомъ, каждый земледѣлецъ произведетъ только уже по 7½ четвертей. Если для достаточнаго снабженія пищею нужно по 10 четвертей въ годъ земледѣльцу съ его семействомъ, то вотъ уже явился недостатокъ продовольствія съ своими неизбежными послѣдствіями: болѣзнями, преступленіями и развратомъ.

Но мы прочли у Милля, очень вѣрно передающаго мысли Мальтуса, что это пониженіе средней пропорціи земледѣльческаго продукта или производительности земледѣльческаго труда относится только къ тѣмъ обстоятельствамъ, когда не происходитъ прямыхъ улучшеній въ земледѣльческихъ процессахъ, или такихъ улучшеній въ другихъ отрасляхъ дѣятельности, которыя отражались бы благопріятнымъ образомъ или на всякомъ трудѣ вообще, или на земледѣльческомъ трудѣ въ частности. Улучшенія земледѣльческихъ процессовъ и, косвеннымъ образомъ, всякія улучшенія въ общественномъ быту имѣютъ результатомъ нѣкоторое повышеніе производительности земледѣльческаго труда, въ нѣкоторой степени задерживающее упадокъ этой производительности отъ размноженія людей. Положимъ, напримѣръ, что существуетъ въ извѣстной странѣ трехпольное хозяйство съ извѣстными посявами, и что земля воздѣлывается плугами и боронами извѣстнаго устройства. Если все это останется въ прежнее видѣ, а число населенія и число хлѣбопашцевъ удвоится, то земледѣльческій продуктъ не будетъ достигать величинъ, вдвое большей прежняго. Но если трехпольное хозяйство замѣнилось лучшимъ сѣвооборотомъ, или при сохраненіи трехпольнаго хозяйства улучшилось качество посява, или введены лучшіе способы паханія, или улучшилось устройство орудій, то усиленіе производительности, приносимое этими улучшеніями, можетъ дать при удвоеніи числа работниковъ продуктъ не только вдвое большій, но и слишкомъ вдвое большій прежняго.

Вотъ весь вопросъ, именно, въ томъ и состоитъ, какой размѣръ улучшеній необходимъ для уравновѣшенія недочета въ продуктѣ, происходящаго отъ меньшей производительности труда прибылыхъ работниковъ по сравненію съ прежними. Обыкновенно предполагается, что если размноженіе людей будетъ происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравновѣшенія потребуются размѣры улучшеній слишкомъ громадные.

Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ вычислить этотъ размѣръ по 25-лѣтнимъ срокамъ, по которымъ считаетъ Мальтусъ.

Пусть количество населенія будетъ 1,000. Пусть на хорошее продовольствіе чловѣка нужно, среднимъ числомъ, по 4 четверти пшеницы; всего 4000 четвертей. Пусть взрослые мужчины хлѣбопашцы составляютъ одну десятую часть населенія, то есть пусть будетъ 100 чловѣкъ хлѣбопашцевъ; пусть каждый изъ нихъ производитъ, среднимъ числомъ, по 40 четвертей пшеницы; всего пшеницы будетъ произведено 4000 четвертей. Населеніе имѣетъ достаточное продовольствіе.

Черезъ 25 лѣтъ число населенія и работниковъ удвоилось. Производительная сила новыхъ работниковъ уменьшилась въ той же пропорціи, въ какой увеличилось число работниковъ, то есть вдвое. Итакъ, если первые 100 работниковъ производятъ

по 40 четвертей, всего 4000 четвертей, то новые 100 работников производить только по 20 четвертей, всего 2000 четвертей. Все количество хлѣба на 2000 человѣкъ населенія будетъ 6000 четвертей, то есть на каждаго жителя будетъ приходиться вмѣсто прежнихъ 4 четвертей уже только 3 четверти. Продовольствіе оказывается недостаточнымъ. Изъ того возникаютъ болѣзни, пороки и преступленія.

Для предотвращенія этого дефицита съ его гибельными послѣдствіями нужно было бы произвести въ теченіе 25-лѣтія земледѣльческія улучшенія. Какой же размѣръ ихъ нуженъ?

Ясно, что земледѣліе должно улучшиться настолько, чтобы продуктъ 6000 четвертей поднялся до 8000 четвертей. Если прежнюю высоту земледѣлія мы обозначимъ Р, то требуемая высота будетъ

$$6,000 : 8,000 = P : X.$$

$$\text{Изъ этого мы получаемъ } X = \frac{1}{3} P.$$

Мы видимъ, что земледѣліе должно улучшиться въ теченіе 25 лѣтъ на цѣлую треть, настолько, что если бы оставалось только прежнее число 100 работниковъ, то каждый изъ этихъ работниковъ производилъ бы не 40, а $53\frac{1}{3}$ четверти.

Такой размѣръ улучшеній въ 25 лѣтъ дѣйствительно очень великъ, и очень можетъ быть, что онъ неудобоисполнимъ на практикѣ.

Особенно поразительна окажется громадность требуемаго размѣра улучшеній, если мы не остановимся на одномъ періодѣ, а возьмемъ цѣлый рядъ періодовъ. Въ каждомъ періодѣ повторится то же самое отношеніе, и мы получимъ слѣдующую строку требуемаго хода земледѣльческихъ улучшеній.

Періоды	1	2	3	4	5	и т. д.
Или, примѣрно, годы . . .	1860	1885	1910	1935	1960	" " "
Высота земледѣлія . . .	1,00	$(\frac{4}{3})^1 = 1,33$	$(\frac{4}{3})^2 = 1,77$	$(\frac{4}{3})^3 = 2,37$	$(\frac{4}{3})^4 = 3,16$	" " "

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если наша цивилизація вмѣстѣ съ нами не будетъ истреблена какою-нибудь геологическою катастрофою или нашествіемъ какихъ-нибудь дикихъ ордъ изъ глубины Азіи, то въ 1960 году земледѣліе будетъ находиться въ положеніи, лучшемъ нынѣшняго. Но дойдетъ ли оно къ тому времени до такого совершенства, чтобы одинаковое число работниковъ на одинаковомъ числѣ десятииъ могли производить хлѣба слишкомъ въ три раза больше нынѣшняго?

Судя по ходу исторіи, это невѣроятно. Конечно, въ Англии ферма, имѣющая 200 экровъ, производитъ даже не въ три раза, а въ пять или шесть разъ больше хлѣба теперь, чѣмъ производила назадъ тому 100 лѣтъ; но вѣдь эти 200 экровъ воздѣлываются трудомъ гораздо большаго числа работниковъ, чѣмъ воздѣлывались тогда. Наша формула требуетъ не того. Она требуетъ вотъ чего: если 4 работника, воздѣлывая 200 экровъ, производили въ 1760 г. 100 кварталовъ пшеницы, то даетъ ли нынѣшняя земледѣльческая техника возможность, чтобы также 4 работника, воздѣлывая также 200 экровъ, произвели на нихъ 316 кварталовъ пшеницы? Только на такомъ условіи сохранится прежняя высота производительности труда каждаго работника при увеличеніи числа работниковъ на этихъ 200 экрахъ въ 8 разъ; только при такомъ условіи 32 работника произведутъ на 200 экрахъ 800 кварталовъ пшеницы, то есть по 25 кварталовъ на работника, какъ это нужно для сохраненія прежней достаточности продовольствія по увеличившемуся числу жителей.

Ни въ прошедшія 100 лѣтъ, ни въ какое бы то ни было изъ предшествовавшихъ столѣтій земледѣльческая техника не совершенствовалась съ такою быстротою; потому должно полагать, что едва ли и возможно будетъ ей совершенствоваться такъ и въ слѣдующія времена.

Вотъ основаніе, по которому Мальтусъ и его ученики не считаютъ удобоисполнимымъ, чтобы земледѣльческія усовершенствованія могли уравновѣшивать происходящій отъ размноженія людей дефицитъ въ производительности земледѣльческаго труда, если бы люди размножались съ полною быстротою; потому-то Мальтусова теорія и говорить, что если размноженіе не будетъ задерживаемо волею самого человѣка, напримѣръ, воздержностью отъ физической любви, оно непременно будетъ задерживаться, какъ задерживалось до сихъ поръ почти всегда, почти повсюду,—болѣзнями, пороками и преступленіями, порождаемыми нищетою, которая происходитъ отъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Довольно. Кажется, мы изложили ходъ вывода изъ Мальтусовыхъ прогрессій съ такою точностью, съ какою никогда не излагалъ его ни самъ Мальтусъ, никто изъ его послѣдователей. Теперь мы можемъ сказать въ глаза каждому изъ нихъ, что гораздо точнѣе и яснѣе, нежели онъ, знаемъ то, что знаетъ онъ.

Но, читатель, не знаемъ ли мы еще одной вещи, или незнакомой, или непонятной для Мальтуса и его учениковъ? Припомнимте, что мы знаемъ о расчетѣ сложныхъ процентовъ. Вѣдь, кажется, мы рассудили, что выйдетъ чепуха, если мы станемъ считать 25-лѣтними сроками проценты, которые надобно считать годъ за годъ, не пропуская ни одного года.

Сообразимъ сущность дѣла. Развѣ вдругъ въ какомъ нибудь одномъ году удвоивается населеніе? Нѣтъ, оно по немножку растетъ каждый годъ. Что же,—зна-

чить, не вдруг потребуются и удвоение продукта? Кажется, такъ. Въ нынѣшнемъ году собирается хлѣбъ, воздѣланный числомъ работниковъ не удвоившимся, а лишь немного увеличившимся сравнительно съ прошлымъ годомъ; собирается на годичное продовольствіе числа жителей не удвоившагося, а лишь немного возросшаго сравнительно съ прошлымъ годомъ. Посмотримъ же, что выйдетъ, если мы не станемъ перепрыгивать съ 1-го года прямо на 26-й, чрезъ цѣлыя 25 лѣтъ, если мы не будемъ предъявлять земледѣлю требованій по сложнымъ процентамъ въ 25 лѣтъ, какъ дѣлалъ Мальтусъ, а поведемъ счетъ правильно, годъ за годъ. Въдъ мы нашли прежде, что, при капиталѣ въ 100 рублей, требованіе уплаты процентовъ по 20 слишкомъ рублей и по 9 слишкомъ рублей въ годъ—было фальшивою штукою; что довольно было платить по 5 рублей. Не окажется ли тоже самое и съ требованіемъ невозможнаго размѣра земледѣльческихъ улучшеній, если мы станемъ считать какъ слѣдуетъ? Не окажется ли размѣръ улучшеній, нужныхъ для уравниванія земледѣльческаго дефицита, гораздо меньше фальшиваго прежняго требованія, не окажется ли онъ совершенно удобоисполнимымъ, даже при полной быстротѣ размноженія людей?

Мальтусъ твердитъ о 25-лѣтнихъ періодахъ удвоенія. Мы сначала и подведемъ счетъ по проценту размноженія, соответствующему такимъ періодамъ. Нашедши формулу, мы легко вычислимъ размѣръ улучшеній для всякихъ другихъ періодовъ размноженія и болѣе краткихъ, чѣмъ 25 лѣтъ, и болѣе продолжительныхъ.

Положимъ, что число населенія 1 января 1 года, было 1,000 и что работники-хлѣбопашцы этого населенія произвели известное количество хлѣба, достаточное для хорошаго продовольствія всѣхъ тысячи человѣкъ, то есть 1,000 годичныхъ порцій, которыя назовемъ хотя, на примѣръ, возами. Итакъ, на хорошее продовольствіе въ годъ надобно, по нашему условію, возъ хлѣба на каждого человѣка. Положимъ, что число хлѣбопашцевъ-работниковъ въ этомъ населеніи было 100 человѣкъ. По условію видно, что для хорошаго продовольствія населенію нужна такая успѣшность хлѣбопашеннаго труда, чтобы каждый работникъ производилъ по 10 возовъ хлѣба.

Положимъ, что при такомъ изобиліи продовольствія населеніе возрастаетъ ежегодно на 3% (пропорція, нѣсколько выше той, какая даетъ удвоеніе населенія въ 25 лѣтъ и принимается Мальтусомъ). Тогда къ 1 января 2 года населеніе будетъ 1,030 человѣкъ, и если пропорція хлѣбопашцевъ-работниковъ остается прежняя, ихъ будетъ 103 человѣка. Если для 1,000 человѣкъ нужно было 1,000 возовъ хлѣба, для 1,030 человѣкъ будетъ нужно 1,030 возовъ.

Если бы успѣшность труда прибылыхъ работниковъ не была меньше, чѣмъ прежнихъ, трудъ прибылыхъ 3 работниковъ произвелъ бы 30 возовъ хлѣба, количество нужное для достаточнаго продовольствія 30 прибылыхъ человѣкъ населенія, и во 2-й годъ было бы для 1,030 человѣкъ 1,030 возовъ хлѣба. Но по мальтусовой теоремѣ, производительность труда прибылыхъ работниковъ будетъ меньше, чѣмъ производительность труда прежнихъ; Мальтусъ полагаетъ, что процентъ ослабленія производительности новаго труда равенъ проценту возрастанія его количества, или при неизмѣнности пропорціи между числомъ хлѣбопашцевъ и числомъ населенія, равенъ проценту возрастанія населенія. Итакъ, производительность новаго труда относится къ производительности прежняго, какъ 100 къ 103. По этой пропорціи, какое количество хлѣба произвести прибылой работникъ, если прежній производилъ 10 возовъ?

$$X : 10 = 100 : 103$$

Изъ этого получаемъ $X = 9,7087\dots$

Итакъ, 3 прибылые хлѣбопашца произведутъ только $3 \times 9,7087 = 29,1261$ возовъ, вмѣсто 30 возовъ, которые были бы нужны по прежнему размѣру, и на второй годъ для 1,030 человѣкъ будетъ вмѣсто 1,030 возовъ хлѣба только 1,029,1261 возовъ.

Чтобы вмѣсто 1,029,1261 возовъ жатва 2 года дала 1,030 возовъ, производительность труда прежнихъ работниковъ должна въ этомъ году подняться на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сборъ, 1,030, выше сбора 1,029,1261, получаемаго безъ усовершенствованій.

$$X : 10 = 1,030 : 1,029,1261$$

Изъ этого мы получаемъ $X = 10,00849\dots$

Въ самомъ дѣлѣ, тогда мы будемъ имѣть:

100 прежнихъ работниковъ произведутъ по 10,00849 возовъ, 1000,849 возовъ.

3 новые работника, трудъ которыхъ менѣе производителенъ по прежней пропорціи 100: 103, произведутъ каждый по

$$10,00849 \times 100 : 103 = 9,717 \text{ возовъ.}$$

а всѣ трое вмѣстѣ $3 \times 9,717 = 29,151$ „

Сумма производства 2 года будетъ $1000,849 + 29,151 = 1,030$ „

Итакъ, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія или въ устройствѣ орудій, или въ способѣ пользованія ими, или въ качествѣ удобренія, или въ способѣ пользованія имъ, или въ качествѣ посѣва, великъ ли нуженъ размѣръ усовершенствованія, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорція продовольствія не уменьшалась при возрастаніи населенія?

При ежегодномъ возрастаніи населенія по 3%, то есть при возрастаніи быстрѣе, нежели принимаетъ Мальтусъ *), нуженъ годичный размѣръ усовершенство-

ванія = 0,000849, то есть меньше, чѣмъ на одиннадцатую часть процента. Что жъ это такое, 849 десяти тысячныхъ частей процента? Огромно ли это возрастаніе? Оно вотъ каково: въ пудѣ оно составляетъ нѣсколько больше $3\frac{1}{4}$ золотниковъ (3,2602 золотника); въ возу хлѣба, имѣющемъ 25 пудовъ, оно составляетъ $81\frac{1}{2}$ золотниковъ...

Чтожъ это за страшная прибавка? Стоитъ ли пугаться ея? Неужели усовершенствованія въ земледѣліи не могутъ идти такъ быстро (быстро!), чтобы въ теченіе цѣлой четверти вѣка улучшить земледѣльческихъ способовъ на $2\frac{1}{2}\%$ **)? Увеличеніе на $2\frac{1}{7}$ процента въ цѣлыя 25 лѣтъ—да въдь это почти совершенная неподвижность!

Да, почти совершенная неподвижность. Безъ всякаго сомнѣнія, съ самаго конца среднихъ вѣковъ не было въ европейской исторіи ни одного такого двадцатипятилѣтія, въ которомъ земледѣліе не совершенствовалось бы по пропорціи, болѣе быстрой. Много въ этой исторіи было эпохъ почти совершеннаго застоя общественнаго улучшенія, но самые безотрадные, самые гнусные изъ этихъ періодовъ все-таки двигали земледѣліе впередъ быстрѣе, чѣмъ требовалось бы для уравновѣшенія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ, для сохраненія земледѣльческому труду всей прежней производительности, при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ удвоивалось бы каждыя 25 лѣтъ.

Но если дѣйствительно такъ, если принимаемая Мальтусомъ быстрота безпреступнаго размноженія людей не была бы сама по себѣ достаточною причиною появленія дефицита въ продовольствіи, то есть появленія нищеты съ ея послѣдствіями, то чѣмъ же объяснить упорное существованіе нищеты, продолжающей пожирать людей, несмотря на земледѣльческія улучшенія? О, отвѣтъ на это—длинная исторія; нѣкоторыхъ эпизодовъ этой исторіи мы касались въ предыдущихъ нашихъ дополненіяхъ къ Миллю; о другихъ будетъ рѣчь впереди.

Чтобы еще яснѣе увидѣть громадную разницу между фальшиво-требуемымъ размѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій по неправильному счету, перескакивающему чрезъ долгіе періоды лѣтъ, и между дѣйствительно-нужнымъ размѣромъ улучшеній, оказывающимся по правильному счету, мы опять должны взять не одинъ періодъ, а рядъ періодовъ удвоенія.

	Г о д ы.				
Высота земледѣлія, требуемая . . .	1860	1885	1910	1935	1960
по фальшивому счету . . .	1,00	1,3333	1,7777	2,3702	3,1602
по правильному счету . . .	1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886

Мы видимъ, что для перваго двадцатипятилѣтія отъ фальшивости счета размѣръ требованія ставится выше надлежащаго въ 15 разъ, для втораго—въ 17 разъ, для третьяго—въ 20 разъ, для четвертаго—въ 24 раза.

Кто не согласится, что улучшеніе меньше чѣмъ на 9 процентовъ, требуемое для цѣлага столѣтія, довольно незначительно по сравненію съ дѣйствительными улучшеніями, которыя произошли въ земледѣліи каждой европейской страны съ 1760 г., до нашего времени, и что было бы совершенною нелѣпостью полагать, будто бы земледѣліе не улучшится въ гораздо большей степени, чѣмъ на 9 процентовъ, въ слѣдующее столѣтіе.

Мнѣніе о громадномъ размѣрѣ улучшеній, какой требовался бы для удержанія прежней производительности земледѣльческаго труда, при быстромъ размноженіи людей—грубѣйшая ошибка, которую можно объяснить только крайнею невнимательностью къ понятію о разницѣ между сложными процентами и простыми процентами. Мы видѣли, что требуемый размѣръ земледѣльческихъ улучшеній незначителенъ при процентѣ размноженія людей, по которому число ихъ болѣе, чѣмъ удвоивалось бы въ каждыя 25 лѣтъ. Дѣло, доказанное теперь, что при двадцатипятилѣтнемъ періодѣ удвоенія числа людей, земледѣльческому продукту очень легко возрастать столь же быстро, какъ размножаются люди.

Но Мальтусъ и его послѣдователи только съ особенной настойчивостію твердятъ о двадцатипяти-лѣтнемъ періодѣ удвоенія, а сами не знаютъ, какой періодъ принять, и безпрестанно увѣряютъ насъ, будто люди могли бы размножаться еще быстрѣе, выставляя періоды удвоенія, еще болѣе короткіе. Мы, напротивъ, надѣемся доказать, что двадцатипяти-лѣтній періодъ удвоенія возможенъ только при порабощеніи массы народа, при искусственномъ, принужденномъ настроеніи обычаевъ, при несчастномъ положеніи женщинъ, и что съ каждымъ шагомъ человѣка отъ рабства къ свободѣ, періодъ удвоенія, безъ всякаго стѣненія органическихъ потребностей человѣка, долженъ становиться длиннѣе; поэтому намъ надобно найти общую формулу, по которой опредѣлялся бы потребный размѣръ улучшенія для всякихъ періодовъ удвоенія.

Быстроту, съ какою размножается населеніе, мы назовемъ процентомъ размноженія.

*) При ежегодномъ возрастаніи въ 3% , черезъ 25 лѣтъ 10,000 человѣкъ населенія возрастаютъ до 20,938 человѣкъ; для того, чтобы число населенія удвоивалось въ 25 лѣтъ, нужно принять ежегодную величину возрастанія только въ $2,81138\%$.

**) 1,000,849... въ 25-й степени даетъ 1,021,443....

При 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія процентъ размноженія = 2,81138... Если нація, размножающаяся по этому проценту, имѣла 1 января даннаго года 10,000,000 человѣкъ, то 1 янв. слѣдующаго года въ ней будетъ считаться 10,281,138 человѣкъ.

Первоначальное число жителей, съ котораго начинается счетъ размноженія, мы назовемъ А. Въ примѣрѣ, нами выбранномъ, $A=10,000,000$.

Число людей, которымъ увеличится это населеніе въ теченіе года, мы назовемъ N. Въ нашемъ примѣрѣ $N=281,138$ человѣкъ.

Производительность земледѣльческаго труда при первоначальномъ числѣ жителей, то есть при первоначальномъ числѣ хлѣбопашцевъ, мы назовемъ Р. Если мы положимъ, что число хлѣбопашцевъ въ первый годъ равнялось одной десятой части населенія, то есть 1,000,000, а хлѣба было произведено въ этомъ году 40,000,000 четвертей, то $P=40$.

Процентъ размноженія равняется числу населенія 1 января втораго года, дѣленному на число населенія 1 января перваго года. Для насъ удобнѣе не обозначать его особенною буквою, а прямо употреблять сочетаніе знаковъ, ему соотвѣствующее $\frac{A+N}{A}$. Кажется, не нужно объяснять, что $A+N$ означаетъ населеніе 1 января втораго года, то есть въ нашемъ примѣрѣ 10,281,138.

Читатель помнитъ, что по Мальтусовой теоремѣ производительность земледѣльческаго труда прибылыхъ работниковъ уменьшается по тому же проценту, по которому размножается населеніе. Такимъ образомъ, если производительность первоначальныхъ работниковъ, прибывающихъ въ первый годъ = Р, то производительность труда прибылыхъ работниковъ = Р: $\frac{A+N}{A}$ или = $\frac{AP}{A+N}$; въ нашемъ при-

мѣрѣ это будетъ $\frac{40 \times 10,000,000}{10,281,138}$.

Мы принимаемъ, что пропорція хлѣбопашцевъ въ числѣ населенія остается неизмѣнною, какъ и слѣдуетъ по условіямъ Мальтусовой гипотезы.

Приступая теперь къ самымъ выкладкамъ, мы впередъ просимъ читателя, болѣе насъ занимавшагося математикой, извинить недовкость нашихъ приемовъ. Человѣкъ, знающій алгебру, конечно употребилъ бы приемы болѣе изящные; но простота вопроса, за который мы беремся, такова, что даже и мы, знающіе только ариѳметику и употребленіе логарифмическихъ таблицъ, могли дойти до надлежащихъ выводовъ.

Земледѣльческій продуктъ перваго года былъ AP.

На второй годъ, соотвѣтственно размножившемуся населенію = $A+N$, былъ бы нуженъ продуктъ $AP+NP$.

Но если не произведено никакихъ улучшеній, онъ будетъ равенъ только $AP + \frac{ANP}{A+N}$.

Вычитая этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ втораго года изъ продукта, который былъ бы нуженъ, мы опредѣлимъ величину дефицита, который долженъ быть покрытъ земледѣльческимъ усовершенствованіемъ:

$$(AP + NP) - \left(AP + \frac{ANP}{A+N} \right) = X.$$

Изъ этого мы получаемъ $X = \frac{N^2P}{A+N}$.

Такимъ образомъ, влияніемъ улучшенія продуктъ втораго года долженъ увеличиться на количество $\frac{N^2P}{A+N}$. Спрашивается теперь, какой размѣръ должно имѣть улучшеніе, чтобы дать такое увеличеніе въ продуктѣ?

Ясно, что этимъ улучшеніемъ должна нѣсколько возвыситься первоначальная производительность труда Р первоначальныхъ работниковъ А, иначе говоря, въ уравненіи продукта втораго года, вмѣсто величины Р, должна быть подстановлена величина Р', нѣсколько большая, чѣмъ Р.

Очевидно также, въ какой пропорціи должна возрасти она, чтобы продуктъ втораго года достигъ требуемой величины $AP+NP$. Ясно, что Р' должно быть настолько больше Р, на сколько требуемый продуктъ $AP+NP$ больше, получаемаго безъ улучшеній продукта $AP + \frac{ANP}{A+N}$. Но мы уже знаемъ, что этотъ получаемый безъ улучшеній продуктъ меньше требуемаго продукта на величину $\frac{N^2P}{A+N}$. Итакъ мы имѣемъ

$$(AP + NP) : \left(AP + NP - \frac{N^2P}{A+N} \right) = P' : P.$$

$$\text{Изъ этого мы получаемъ } P' = \frac{(A + N)^2 P}{(A + N)^2 - N^2}.$$

Или принимая $P = 1$.

$$P' = \frac{(A + N)^2}{(A + N)^2 - N^2}$$

То есть: требуемое возвышеніе земледѣлія посредствомъ усовершенствованій относится къ первоначальному состоянію земледѣлія, какъ число населенія второго года, возведенное во вторую степень, относится къ тому же числу во второй степени, за вычетомъ числа прибылыхъ въ годъ людей во второй степени.

Число людей, прибывшихъ естественнымъ размноженіемъ въ теченіе первого года, всегда бываетъ незначительно сравнительно съ цѣлымъ населеніемъ второго года; въ квадратъ оно станетъ еще гораздо меньше квадрата этого полнаго числа населенія; потому и возвышеніе производительности земледѣлія требуется незначительное. Мы увидимъ, напримѣръ, что процентъ размноженія 5 на 100 превышаетъ возможность размноженія по самому устройству чловѣческаго организма. Но если взять даже этотъ невозможный процентъ (дающій періодъ удвоенія въ 12,2 лѣтъ), все-таки мы получимъ:

$$\frac{(105)^2}{(105^2) - 5^2} = \frac{11025}{11000} = 1,00227$$

По найденной нами формулѣ

$$P' = \frac{(A + N)^2}{(A + N)^2 - N^2}$$

легко вычислить требуемый размѣръ улучшеній для какихъ угодно процентовъ размноженія и періодовъ удвоенія. Но цифры годовичныхъ улучшеній вообще выходятъ очень незначительныя,—можно сказать, незначительныя до неосязаемости. Потому, въ слѣдующей таблицѣ мы вычислимъ также вѣковое возвышеніе земледѣлія, истекающее изъ годовичныхъ улучшеній находимаго нами размѣра.

Число лѣтъ въ періодѣ удвоенія.	Процентъ размноженія.	Годичный размѣръ улучшенія.	Высота, до которой земледѣліе должно быть поднято въ теченіе вѣка, принимая первоначальную высоту = 1,00000.
12	5,94631	0,00314,9991	1,36958
15	4,72941	0,00203,9064	1,22126
20	3,52649	0,00116,0186	1,12194
25	2,81138	0,00074,7680	1,07760
30	2,33739	0,00052,1706	1,05343
35	2,00016	0,00038,4443	1,03877
40	1,74797	0,00029,5239	1,02996
50	1,39595	0,00018,9554	1,01913
75	0,92848	0,00008,4714	1,00893
100	0,69555	0,00004,7668	1,00478

Если мы не ошибаемся, мы разсматриваемъ мальтусову теорію съ точки зрѣнія, которая должна казаться новою для читателя; и чтобы онъ не затруднился слѣдовать за ходомъ нашихъ мыслей, намъ необходимо по нѣскольку разъ возвращаться къ объясненію нашихъ терминовъ и выводовъ. Теперь, напримѣръ, мы говоримъ о томъ элементѣ вопроса, который названъ у насъ размѣромъ земледѣльческихъ улучшеній, требующимся для уравновѣшенія убыли въ продуктѣ, происходящей отъ уменьшенія производительности труда прибылыхъ земледѣльцевъ, сравнительно съ производительностью труда прежнихъ. Мы искали, въ какой пропорціи должна подниматься этими улучшеніями „первоначальная производительность труда“ или производительность труда первоначальныхъ работниковъ. Подъ первоначальною производительностію мы понимаемъ количество продукта, какое было производимо трудомъ одного хлѣбопашца въ началѣ періода, съ котораго мы ведемъ счетъ вліянію размноженія людей на земледѣльческій продуктъ. Процентъ, на какой должна возрасти эта производительность,

показывает количество, до которого доходилъ бы продуктъ одного земледѣльца, если бы число земледѣльцевъ не увеличивалось; напริมѣръ, мы нашли, что при періодахъ удвоенія людей по 12-ти лѣтнимъ срокамъ производительность должна подняться въ теченіе вѣка почти на 37%. Эти слова имѣютъ такой смыслъ:

При быстротѣ размноженія людей, принятой нами, въ земледѣльческой техникѣ, или въ удобреніи почвы, или въ способахъ огражденія посѣва отъ дурной погоды, или вообще въ какомъ бы то ни было изъ элементовъ, имѣющихъ вліяніе на количество жатвы, должны произойти въ теченіе цѣлаго вѣка такія улучшенія, чтобы одинъ земледѣлецъ, воздѣлывая данное число десятинъ, въ концѣ столѣтія могъ собрать хлѣба съ этихъ десятинъ на 37% больше, чѣмъ собиралъ съ нихъ въ началѣ столѣтія. Напрімѣръ: если въ 1860 г. земледѣлецъ, обрабатывающій четыре десятины, собираетъ съ нихъ 10 четвертей хлѣба, то въ теченіе слѣдующаго вѣка надобно произвести улучшенія, которыя давали бы возможность въ 1960 г. также одному земледѣльцу собрать съ этихъ 4 десятинъ около $13\frac{3}{4}$ четвертей хлѣба. При такой пропорціи улучшеній люди до 1960 г. не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, размножаясь съ быстротою, удвоивающею число ихъ въ каждыя 12 лѣтъ. Конечно, при такой быстротѣ размноженія, постепенно будетъ являться на 4 десятинахъ, вмѣсто одного хлѣбонашца, 2 работника, потомъ 3, 4, и т. д., 10, 11, 12 работниковъ и т. д.; прибавка каждаго новаго работника на этихъ 4 десятинахъ будетъ увеличивать продуктъ ихъ въ пропорціи нѣсколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда отъ прибавки этого работника къ прежнимъ. Но все-таки при такомъ ходѣ земледѣльческихъ улучшеній, который равняется 37% за цѣлое столѣтіе, постоянно будетъ собираться съ этихъ 4 десятинъ количество продукта, дающее въ общей сложности попрежнему 10 четвертей на каждаго изъ обрабатывающихъ эти 4 десятины землепашцевъ.

Мы нашли, что даже при 12-лѣтнихъ періодахъ удвоенія людей достаточенъ для отвращенія недочета въ земледѣльческомъ продуктѣ ходъ земледѣльческихъ улучшеній, не столь быстрый, какъ былъ дѣйствительный ходъ ихъ въ послѣднія три или четыре столѣтія. А при періодахъ удвоенія болѣе продолжительныхъ достаточенъ ходъ улучшеній еще гораздо менѣе быстрый.

III.

О размноженіи людей.

Мы нашли, что при періодѣ удвоенія не только въ 25, но даже и въ 12 лѣтъ, для уравновѣшенія недочета въ земледѣльческомъ продуктѣ требуется вовсе не громадный размѣръ земледѣльческихъ усовершенствованій. Если бы дѣло шло только о томъ, чтобы опровергнуть выводы Мальтуса, можно было бы намъ остановиться на этомъ. Мы уже имѣемъ полное право сказать: принимайте какую хотите быстроту размноженія, земледѣльческій продуктъ успеетъ возрастать съ такою же быстротою, если только захотятъ позаботиться о томъ сами люди. Но цѣль наша не огра-

ничивается выставленіемъ неудовлетворительности мальтусовой теоріи,— мы желали бы не только показать, что Мальтусъ не дошелъ до истины, мы желали бы сами дойти до ней; притомъ желали бы мы дойти не до одной отвлеченной истины, а также и до того, чтобы хотя приблизительно образомъ опредѣлить, какъ велики и какого именно рода нужны были бы усилія людей въ передовыхъ странахъ, чтобы приобрести благосостояніе, достижимость котораго показываетъ формула отвлеченной истины. Для этого намъ нужно доискаться болѣе точныхъ понятій о силѣ размноженія, не стѣсняемаго никакими внѣшними препятствіями, потому что размѣромъ этой силы опредѣляется величина земледѣльческихъ усовершенствованій, нужныхъ для уравновѣшенія продукта съ населеніемъ.

25-лѣтній періодъ удвоенія взять Мальтусомъ изъ народныхъ переписей въ Соединенныхъ Штатахъ. Подобныя переписи новыхъ колоній показываютъ удвоеніе жителей по періодамъ еще болѣе краткимъ. Но въ новыхъ колоніяхъ число жителей возрастаетъ гораздо больше отъ прилива переселенцевъ, чѣмъ отъ естественнаго размноженія; да и въ Соединенныхъ Штатахъ переселеніе постоянно имѣло очень значительную долю въ увеличеніи числа народа. Мальтусъ при составленіи своей теоріи совершенно забылъ объ этомъ обстоятельствѣ и приписалъ все увеличеніе жителей въ Соединенныхъ Штатахъ одному естественному размноженію. Такая крайность вызвала другую крайность. Подвергнувъ очень подробному разбору цифры сѣверо-американскаго населенія, взятыя Мальтусомъ безъ всякаго разбора за слѣдствіе одного естественнаго размноженія, Годвинъ вывелъ изъ нихъ заключеніе, что рѣшительно вся прибыль населенія въ Соединенныхъ Штатахъ происходила отъ прибыли новыхъ людей изъ другихъ странъ, и что если слѣдуетъ дѣлать какой нибудь выводъ о способности людей къ размноженію на основаніи сѣверо-американскихъ переписей, то слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что способность эта чрезвычайно слаба, почти совершенно незамѣтна. Но послѣдователи Мальтуса доказываютъ, что если Мальтусъ сдѣлалъ ошибку, совершенно забывъ о вліяніи переселенія, то все-таки это вліяніе было не велико по сравненію съ вліяніемъ естественнаго размноженія, и что за вычетомъ всѣхъ жителей, прибавившихся отъ переселенія, остается такое увеличеніе числа жителей въ Соединенныхъ Штатахъ естественнымъ размноженіемъ, которое даетъ величину періода удвоенія въ 29 лѣтъ. Эту цифру доказываютъ они также очень длинными расчетами.

Съ изумленіемъ спрашиваешь себя, какимъ же образомъ могли приходиться къ столь различнымъ численнымъ выводамъ люди, основывавшіе выводъ на однихъ и тѣхъ же переписяхъ? Но дѣло объясняется очень просто, если взглянуть въ самые отчеты сѣверо-американскаго правительства о результатахъ переписей. Эти отчеты свидѣтельствуютъ, что до 1820 года не велось списковъ переселенцамъ, прибывавшимъ въ Соединенные Штаты,— стало быть, объ участіи переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей до 1820 г. ничего достовѣрнаго и сказать нельзя; тутъ все зависитъ отъ вашего желанія построить такія или другія соображенія. Если вы хотите увеличить процентъ естественнаго размноженія, стройте такія соображенія, чтобы уменьшалось число переселенцевъ; если вы хотите уменьшить про-

центъ размноженія, поступайте наоборотъ; чего захотите вы, то и выйдетъ у васъ. Но съ 1820 г. ведутся списки переселенцамъ; стало быть, есть уже положительное основаніе для оцѣнки участія переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей за слѣдующіе годы? Оно отчасти такъ, но все-таки получить выводъ, сколько нибудь достовѣрный, дѣло очень трудное. Начать съ того, что списки переселенцевъ очень не полны. Они ведутся только по восточной границѣ, только въ пристаняхъ атлантическаго побережья; конечно, главное переселеніе идетъ черезъ эту линію; но также есть переселеніе съ юга чрезъ мексиканскую границу, есть переселеніе и съ сѣвера черезъ канадскую границу. Ни тамъ, ни здѣсь переселенцевъ до сихъ поръ никто не считалъ. Во-вторыхъ, и на западной границѣ списки переселенцевъ ведутся неполно, по словамъ самаго правительства Соединенныхъ Штатовъ. Извольте же теперь высчитать число переселенцевъ хотя съ 1820 г., когда изъ трехъ границъ только на одной ведутся списки, да и то неполные. Остается очень большой просторъ произволу въ опредѣленіи числа переселившихся. Не думайте, что затрудненіе ограничивается этимъ. Есть другое обстоятельство, еще болѣе запутывающее вопросъ.

Большая или меньшая способность извѣстной группы людей къ размноженію зависитъ оттого, какую пропорцію въ этой группѣ составляютъ женщины, способныя по своимъ лѣтамъ становиться матерями. Если мы возьмемъ 1,000 человѣкъ населенія, въ которомъ находится 250 женщинъ 15—40 лѣтъ, эта группа, конечно, имѣетъ способность размножаться гораздо быстрѣе такого населенія, въ которомъ на 1,000 человѣкъ считается только 200 женщинъ 15—40 лѣтъ. Разумѣется, при неизвѣстности общаго числа переселенцевъ, еще менѣе можетъ быть извѣстна точная пропорція женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ между ними; но по нѣкоторымъ даннымъ, собраннымъ за одинъ годъ, оказывается, что на 10,000 переселенцевъ, прибывшихъ въ Соединенные Штаты черезъ море, приходилось 2782 женщины отъ 15 до 20 лѣтъ. Въ цѣломъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ на 10,000 человѣкъ считалось въ 1850 г. только 1989 женщинъ такихъ лѣтъ; это значитъ, что 10 переселенцевъ равнялись по своей способности къ размноженію 14 человѣкамъ общаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Всегда ли бывала такая пропорція, неизвѣстно; а если не всегда она была такова, вычисленія объ участіи переселенцевъ въ размноженіи не имѣли бы вѣрнаго основанія, хотя бъ и было извѣстно точное число всѣхъ переселенцевъ, которое неизвѣстно. Но опять-таки недостаточно было бы знать только общее число женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ. Если считать средній періодъ рожденія дѣтей у женщины отъ 16 до 40 лѣтъ (какъ считаютъ сѣверо-американцы), то очевидно, что 100 женщинъ, имѣющихъ по 16 лѣтъ, будутъ содѣйствовать размноженію столько же, какъ 150 женщинъ, имѣющихъ по 24 года, или 200 женщинъ, имѣющихъ по 28 лѣтъ, или 400 женщинъ, имѣющихъ по 34 года, или 800 женщинъ, имѣющихъ по 37 лѣтъ, предполагая, что способность дѣлаться матерью остается въ женщинѣ до конца періода въ полной своей силѣ³⁹⁾. Теперь, что же мы читаемъ въ отче-

³⁹⁾ При этомъ предположеніи основаніе счета ясно: оно дается числомъ лѣтъ, остающимся до конца періода способности дѣлаться матерью. Женщинъ въ 16 лѣтъ

тахъ сѣверо-американскихъ пензовъ? Мы читаемъ, что между переселенцами число женщинъ отъ 35 до 40 лѣтъ составляетъ сравнительно съ женщинами отъ 20 до 25 лѣтъ гораздо меньшую пропорцію, чѣмъ какова пропорція между женщинами этихъ возрастовъ въ общемъ населеніи Соединенныхъ Штатовъ. Или, вообще говоря, молодыхъ женщинъ сравнительно съ женщинами среднихъ лѣтъ между переселенцами гораздо больше въ 1,000 женщинъ отъ 15 до 40 лѣтъ, нежели въ 1,000 женщинъ 15—40 лѣтъ общаго населенія Соединенныхъ Штатовъ. Это значитъ, что мы приняли слишкомъ малую пропорцію перевѣса, когда положили, что 10 переселенцевъ по своей способности къ размноженію равняются 14 челоуѣкамъ общаго населенія. Мы тутъ полагали, что группа 1,000 женщинъ 15—40 лѣтъ между переселенцами не превышаетъ своею способностью къ размноженію такого же числа женщинъ въ общемъ населеніи, а на самомъ дѣлѣ она равняется этою способностью гораздо большому числу женщинъ общаго населенія. Какую именно пропорцію слѣдуетъ принять хотя по тѣмъ недостаточнымъ даннымъ, какія мы имѣемъ, этого никто не потрудился вычислить. Мало всего этого: на какомъ основаніи мы предположили, что способность къ размноженію прямо пропорціональна числу лѣтъ, остающемуся до конца періода дѣторожденія? Изъ 100 женщинъ, имѣющихъ по 25 лѣтъ, всегда и вездѣ находится въ состояніи беременности большее число, чѣмъ изъ 100 женщинъ, имѣющихъ по 35 лѣтъ. Стало бытъ, перевѣсъ молодыхъ женщинъ надъ женщинами среднихъ лѣтъ по способности къ размноженію долженъ быть значительнѣе, чѣмъ оказывалось бы по простой пропорціи числа лѣтъ, остающихся до конца періода дѣторожденія. Но кто опредѣлялъ эти отношенія? Статистика еще не думала о томъ.

Читатель видитъ, какія длинныя вычисленія понадобились бы, чтобы опредѣлить участіе переселенцевъ въ увеличеніи числа жителей Соединенныхъ Штатовъ. Мало того, чтобы сосчитать число переселенцевъ, — надобно было бы сосчитать, сколько было между ними женщинъ каждаго возраста, опредѣлить способность размноженія для каждаго возраста женщины — безъ этого нельзя сказать ничего вѣрнаго; а этого ничего не сдѣлано, да и самое число переселенцевъ неизвѣстно въ точности. Достоверно только одно, писатели, находившіе, что, за вычетомъ участія переселенцевъ, населеніе Соединенныхъ Штатовъ путемъ естественнаго размноженія прежнихъ жителей удваивается въ 29 лѣтъ, дѣлаютъ выводъ слишкомъ опрометчиво, и періодъ удвоенія получается у нихъ короче дѣйствительнаго, потому что они оставляютъ безъ вниманія главныя пропорціи перевѣса переселенцевъ надъ остальнымъ населеніемъ по способности размноженія, не говоря уже о томъ, что и самое число переселенцевъ принимаютъ они меньше дѣйствительнаго въ періодѣ послѣ 1820 г., и совершенно произвольно до 1820 г.

Съ каимъ пренебреженіемъ самыхъ очевидныхъ правилъ счета поступаютъ обыкновенно эти писатели, можетъ показать одинъ примѣръ. Извѣстно, что населеніе Соединенныхъ Штатовъ состоитъ, кромѣ бѣлыхъ, изъ

остаеся до этого срока 24 года, а женщинѣ въ 37 лѣтъ только 3 года, то есть въ 8 разъ меньше; иначе сказать, 100 женщинъ по 16 лѣтъ будутъ имѣть въ 8 разъ больше дѣтей, чѣмъ сколько родится у 100 женщинъ по достиженіи 37 лѣтъ.

негровъ. Переселенцы, объ участіи которыхъ въ увеличеніи числа жителей говорили мы до сихъ поръ,—все люди бѣлой породы. Если мы хотимъ опредѣлять, какой процентъ естественнаго размноженія останется за вычетомъ участія этихъ переселенцевъ, конечно мы должны считать только бѣлое населеніе Соединенныхъ Штатовъ. Но объ этомъ подраздѣленіи почти никто не думаетъ: обыкновенно берутъ общую цифру населенія, бѣлаго и чернаго вмѣстѣ. Отъ этого вліяніе переселенцевъ оказывается меньше, чѣмъ оказалось бы при сравненіи цифры ихъ съ однимъ бѣлымъ населеніемъ. У негровъ были свои особенные переселенцы, привозившіеся изъ Африки и до сихъ поръ привозимые въ огромномъ числѣ.

Что же слѣдуетъ изъ всего этого длиннаго разсужденія? Слѣдуетъ то, что теперь мы не въ силахъ опредѣлить, хотя приблизительнымъ образомъ, какое участіе имѣли переселенцы въ увеличеніи числа жителей Соединенныхъ Штатовъ и какая часть увеличенія должна, за этимъ вычетомъ приписываться естественному размноженію прежняго населенія. По характеру опрометчивыхъ ошибокъ, дѣлаемыхъ обыкновенно въ этомъ вопросѣ, видно только одно: участіе переселенцевъ было значительнѣе, а доля естественнаго размноженія была меньше, чѣмъ обыкновенно принимаютъ. Періодъ удвоенія, представляемый Соединенными Штатами, долженъ быть больше не только 25 лѣтъ, принимавшихся Мальтусомъ (отъ этой цифры отступились уже и его послѣдователи),—но и 29 лѣтъ; а каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, опредѣлить этого нельзя по неудовлетворительности статистическихъ данныхъ.

Но, скажутъ намъ, каковъ бы ни былъ періодъ удвоенія въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ не долженъ считаться періодомъ быстрѣйшаго возможнаго удвоенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ меньше, чѣмъ въ старыхъ странахъ, но все-таки много людей умираетъ преждевременно отъ бѣдности и ея результатовъ; меньше чѣмъ въ старыхъ странахъ, но все-таки много остается женщинъ, не рождающихъ дѣтей вслѣдствіе нужды съ ея послѣдствіями. При полномъ благосостояніи общества, при отсутствіи всякихъ задержекъ размноженія, число рождающихся было бы больше, число умирающихъ меньше, процентъ размноженія больше и періодъ удвоенія короче, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это безъ всякаго сомнѣнія; и намъ хотѣлось бы найти именно то, каковъ былъ бы наибодрѣйшій возможный, по самому устройству организма, процентъ размноженія и кратчайшій періодъ удвоенія.

Очень можетъ быть, что и по нынѣшнимъ статистическимъ даннымъ хорошіе математики сѣумѣли бы опредѣлить приблизительную величину этого періода съ несомнѣнною вѣрностью, если бы занялись этимъ предметомъ. Было бы слишкомъ длинно излагать здѣсь способы, которыми какъ намъ кажется, могли бы они разрѣшить эту задачу. Главное дѣло тутъ, какъ увидитъ читатель изъ слѣдующихъ разъясненій дѣла, состояло бы въ томъ, чтобы найти, какая наименьшая смертность, по самымъ органическимъ условіямъ, существовала бы въ обществѣ, избавленномъ отъ всякой нужды и всѣхъ ея послѣдствій. Мнѣ кажется, что опредѣлить это можно; но требуемые для того вычисленія превышаютъ слишкомъ низкую границу

личных моих математических знаний. Определить процентъ быстрѣйшаго возможнаго размноженія и кратчайшій періодъ удвоенія съ такою несомнѣнностью, какъ было бы надобно, я не умѣю; но въ слѣдующихъ соображеніяхъ читатель найдетъ по крайней мѣрѣ показаніе предѣла, до котораго не можетъ дойти быстрота размноженія, найдетъ также цифры разныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ границъ быстрѣйшаго размноженія и получить возможность судить, какія изъ нихъ наиболѣе вѣроятны. Знать что возможно и что невозможно, сознательно судить о томъ, что изъ возможнаго наиболѣе вѣроятно—это все-таки лучше, чѣмъ толковать вздоръ совершенно наобумъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ.—Процентъ размноженія составляется разностью между числомъ рождающихся и числомъ умирающихъ. Посмотримъ же во первыхъ, до какой цифры не могло бы никакъ возвыситься по самому устройству человѣческаго организма число рождающихся. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ соображеніяхъ, мы будемъ говорить только о бѣломъ населеніи Европы и Сѣверной Америки, потому что статистическія свѣдѣнія объ остальныхъ странахъ еще слишкомъ не достовѣрны.

Періодъ плодородія у женщинъ кавказскаго племени въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ простирается приблизительно отъ 15 до 45 лѣтъ. Число женщинъ этихъ лѣтъ въ населеніи, возрастающемъ не очень быстро или вовсе не возрастающемъ, составляетъ одну пятую часть всего населенія. Періодъ беременности продолжается девять мѣсяцевъ; послѣ того кормленіе грудью занимаетъ около года, и здоровье младенцевъ требуетъ въ большей части случаевъ, по мнѣнію матерей, кормленія больше, чѣмъ въ теченіе года. Такимъ образомъ самое устройство организма полагаетъ между рожденіями дѣтей у женщины средній періодъ около 2 лѣтъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ супружескихъ четахъ, нисколько не думающихъ о воздержности въ рожденіи дѣтей, одно рожденіе отъ другаго обыкновенно отдѣляется срокомъ года въ два и даже нѣсколько больше. Дѣти рождаются, одно за другимъ, быстрѣе только въ такихъ семействахъ, гдѣ мать или не кормитъ сама младенца, или вслѣдствіе бѣдности, принуждена кончать кормленіе раньше, чѣмъ хотѣла бы. Но мы говоримъ по самымъ условіямъ вопроса, о такомъ обществѣ, гдѣ вовсе не было бы бѣдности, то есть не представлялось бы женщинамъ необходимости заботиться о здоровьѣ своихъ младенцевъ меньше, чѣмъ онѣ хотѣли бы. Что же оказывается у насъ по такому предположенію, самому благопріятнѣйшему для наибольшаго числа рожденій? Число женщинъ, способныхъ родить дѣтей, составляетъ 20 на 100 всего населенія; каждый младенецъ занимаетъ у матери 2 года; слѣдовательно, число рожденій, по физическимъ условіямъ организма, не можетъ быть больше 10 на 100 человѣкъ населенія. Но каждому извѣстно, что какъ бы ни былъ заботливъ уходъ за младенцами, все-таки значительное количество ихъ не можетъ быть спасено отъ смерти въ первые годы. Теперь въ обществахъ, гдѣ смертность между младенцами самая меньшая, въ первыя пять лѣтъ жизни умираетъ болѣе четвертой части рождающихся. Само собою разумѣется, что въ этой смертности много участвуетъ нужда съ своими послѣдствіями; но по самымъ условіямъ при-

роды невозможно, чтобы многие из рождающихся не умирали въ тяжелый періодъ младенчества. Вспомнимъ, что при рожденіи организмъ младенца переходитъ изъ среды, имѣющей болѣе 30 градусовъ, въ среду воздуха, которая имѣетъ и, по условіямъ гигіены, должна имѣть вдвое меньшую температуру. Самый актъ рожденія бываетъ для младенца, уже по одному переходу въ новую, болѣе холодную температуру, такимъ же кризисомъ, какъ пересадка маленькаго растенія изъ парника въ огородъ. Способъ питанія также радикально измѣняется. Затѣмъ слѣдуютъ разные кризисы органическаго развитія, неизбежно сопровождаемые опасностію для жизни; довольно упомянуть объ одномъ прорѣзываніи зубовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по устраненіи всякой нужды съ ея послѣдствіями, смертность между младенцами должна все-таки оставаться довольно значительная. Зажиточные классы въ Англіи славятся заботливостію и рациональнію въ физическомъ воспитаніи дѣтей. Изъ этихъ классовъ землевладѣльцы (gentry), проводящіе большую часть года въ своихъ прекрасныхъ домахъ, гдѣ медицинскія пособія также близки, какъ на континентѣ въ большихъ городахъ, ведутъ самый здоровый образъ жизни, пользуясь полнымъ благосостояніемъ. Мы должны принимать, что нужда съ своими послѣдствіями нѣмало не участвуетъ въ смертности между младенцами этого сословія. Процентъ смертности между ними слѣдуетъ считать наименьшимъ, какой только возможенъ по самому устройству человѣческаго организма. Изслѣдованія извѣстнаго англійскаго статистика Чедуика показываютъ, что изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя пять лѣтъ умираетъ 20%.

Мы видѣли, что число рождающихся могло бы достигать до 10 на 100 человѣкъ населенія лишь при томъ условіи, чтобы всѣ безъ исключенія женщины отъ 15 до 45 лѣтъ находились постоянно въ положеніяхъ беременности и кормленія грудью. Мы видимъ, что при совершенномъ отсутствіи нужды, при самомъ внимательномъ уходѣ за младенцами, изъ этихъ 10 рождающихся два умираетъ въ младенствѣ. Итакъ остается на 100 человѣкъ населенія 8 рождающихся.

Но вѣдь не могутъ же люди оставаться безсмертными при какомъ угодно благосостояніи; нѣкоторое число рождающихся, переживающихъ младенчество, служило бы только для пополненія убыли, производимой неизбежною смертностію въ населеніи старше 5 лѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что процентъ размноженія долженъ быть меньше 8.

Вѣроятно каждый читатель видитъ теперь, что онъ долженъ быть гораздо меньше 8. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли предположить во всѣхъ женщинахъ органическую способность приходить въ положеніе беременности тотчасъ же по прекращеніи кормленія, и сохранять эту способность до 45 лѣтъ? Можно ли считать, что при какомъ бы то ни было устройствѣ общества, каждая женщина начнетъ рожать дѣтей съ 15 лѣтъ и въ сплахъ будетъ родить 15 человѣкъ дѣтей? Это явная неистинность. Каково бы ни было общее благосостояніе, какова бы ни была акушерская и медицинская заботливость, все-таки рожденіе первыхъ дѣтей ослабитъ во многихъ женщинахъ способность дѣтороженія. Независимо отъ этого, во всѣхъ женщинахъ способность рожать дѣтей ослабѣваетъ съ годами. Дѣло явное

что не может рождаться по 10 младенцевъ на 100 человекъ населенія и при такомъ составѣ общества, въ которомъ женщины отъ 15 до 45 лѣтъ составляютъ одну пятую часть всего населенія. Но онѣ могутъ составлять такую часть населенія лишь въ обществѣ, размножающемся по проценту, довольно малому. Если бы періоды удвоенія были очень кратки, пропорція взрослыхъ людей въ обществѣ уменьшилась бы отъ многочисленности подрастающаго поколѣнія. Напримѣръ, при періодѣ удвоенія въ 15 лѣтъ, число лицъ, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, никакъ не могло бы уже составлять половину населенія,—большую половину его непременно составляли бы дѣти моложе 15 лѣтъ⁴⁰⁾. При совершенномъ отсутствіи нужды, средняя продолжительность жизни была бы конечно больше 45 лѣтъ; но, положивъ только 45 лѣтъ, мы увидимъ что изъ людей, имѣющихъ болѣе 15 лѣтъ, цѣлая половина имѣли бы болѣе 45 лѣтъ. Что же мы получаемъ?

Люди, имѣющіе болѣе 15 лѣтъ, составляютъ въ населеніи менѣе 50 %
 Изъ нихъ, женщинъ одна половина, то-есть, менѣе 25 %
 Изъ этихъ женщинъ, болѣе 45 лѣтъ имѣетъ цѣлая половина, и остается женщинъ, имѣющихъ отъ 15 до 45 лѣтъ, менѣе 12¹/₂%

Такимъ образомъ полагая періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ, мы видимъ, что женщины по лѣтамъ своимъ способны становиться матерями, необходимо должны составлять въ населеніи такого общества менѣе 12¹/₂%, то есть менѣе одной осмой части населенія, и число рождающихся должно по органической необходимости составлять менѣе одной шестнадцатой части населенія, то есть менѣе 6,25%. Но положимъ 6,25% рождающихся младенцевъ. Изъ нихъ по органическимъ условіямъ, при полнѣйшемъ благосостояніи, умреть во младенчествѣ одна пятая часть, то есть 1,25%; остается только 5% для размноженія людей и для пополненія убыли производимой смертностью между людьми старше 5 лѣтъ. Но для того, чтобы періодъ удвоенія имѣлъ 15 лѣтъ, нуженъ процентъ размноженія 4,73; итакъ, на покрытіе убыли въ населеніи отъ смертности между людьми старше 5 лѣтъ остается только 0,27%. Неужели возможно предполагать при какомъ угодно благосостояніи такую малую пропорцію смертей въ населеніи старше 5 лѣтъ? Это значило бы, что для людей пережившихъ первые пять лѣтъ дѣтства, средняя продолжительность жизни составляетъ 135 лѣтъ, то есть лишь немногіе изъ нихъ умираютъ раньше 100 лѣтъ, и довольно многіе доживаютъ до 170 лѣтъ. Иными словами,—это значить, что предположить періодъ удвоенія въ 15 лѣтъ, значить предположить чистую нелѣпность. Устройство человѣческаго тѣла таково, что быстрота размноженія по 4,73% превышаетъ физическую возможность организма.

Если бы Мальтусъ и его послѣдователи умѣли сами производить расчеты геометрическихъ прогрессій, а не выписывали бы изъ математиче-

⁴⁰⁾ По извѣстному свойству геометрической прогрессіи, имѣющей знаменателемъ 2, что послѣдній членъ ея больше суммы всѣхъ прочихъ членовъ. Этотъ послѣдній членъ—число лицъ, еще не достигшихъ числа лѣтъ, соответствующаго цифрѣ лѣтъ періода удвоенія.

сихъ книгъ цифры, происхожденія и смысла которыхъ не понимаютъ сами, они не стали бы говорить о періодахъ удвоенія ни въ 10, ни 12, ни даже въ 15 лѣтъ. Эти періоды такая же нелѣпность, какъ предположеніе о возможности вырастить дубовый лѣсъ въ одинъ годъ.

Повторимъ кратко результатъ, найденный нами. Если огромное большинство рождающихся младенцевъ въ самомъ младенчествѣ истребляется нуждою, не дающей размножаться населенію, то число дѣтей и старыхъ людей въ составѣ населенія образуетъ меньшую пропорцію, а пропорція людей отъ 15 до 45 лѣтъ будетъ сравнительно очень велика; пропорція женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ родить дѣтей, имѣетъ при такихъ обстоятельствахъ наибольшую величину. Но и при такомъ составѣ общества, 10 рожденій на 100 человѣкъ населенія приходилось бы лишь въ томъ случаѣ, когда бы каждая женщина рѣшительно все время отъ 15 до 45 лѣтъ проводила въ смѣнахъ состояній беременности и кормленія грудью, не оставаясь праздною отъ этихъ двухъ состояній ни на одинъ мѣсяць въ теченіе всего 30-ти лѣтняго періода своей способности родить дѣтей. 15-ти-лѣтняя дѣвушка—еще ребенокъ,—нужды нѣтъ, она должна немедленно выходить замужъ и тотчасъ же начинать родить дѣтей. Женщина 43 лѣтъ, имѣвшая по этому правилу уже 14 человѣкъ дѣтей, совершенно изнурена,—нужды нѣтъ, она должна снова родить: если бы она утратила эту способность раньше 45 лѣтъ, оказался бы недочетъ рожденій. Такое предположеніе составляетъ очевидную нелѣпность, противорѣчащую всему гигиеническому и акушерскому опыту.—Но если общество благосостоятельно, если младенцы не гибнутъ отъ нужды, если населеніе размножается, то пропорція дѣтей и старыхъ людей въ его составѣ возрастаетъ, пропорція взрослой молодежи и людей средняго возраста уменьшается, и гораздо меньшая пропорція рожденій уже становится такою же физическою невозможностію, какою оказывается пропорція 10-ти рожденій на 100 человѣкъ населенія въ обществѣ неразмножающемся; на примѣръ, при 15-ти лѣтнемъ періодѣ удвоенія, 6,25% рожденій составляло бы по пропорціи женщинъ молодыхъ и среднихъ лѣтъ такую же физическую невозможность, какъ 10% въ неразмножающемся обществѣ. А для 15-тилѣтняго періода удвоенія нуженъ такой процентъ размноженія (4,73%), который требовалъ бы больше, чѣмъ 6,25% рожденій, хотя бы ни одинъ младенецъ не умиралъ ни отъ нужды, ни отъ небрежности. Изъ этого слѣдуетъ, что 15-тилѣтній періодъ удвоенія составляетъ нелѣпность, превышающую физическія силы человѣческаго организма.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, что по неумѣнью считать, по незнакомству съ свойствами геометрическихъ прогрессій, Мальтусъ и его слѣдователи предполагали возможность процентовъ размноженія и періодовъ удвоенія, не возможныхъ по устройству человѣческаго организма. Теперь мы займемся изслѣдованіемъ, какіе проценты размноженія и періоды удвоенія могутъ быть почтены наибыстрѣйшими, допускаемыми физическою организаціею человѣка. Но при этомъ не забудемъ найденнаго нами свойства измѣненій въ составѣ населенія: процентъ женщинъ, способныхъ по своимъ лѣтамъ родить дѣтей, становится все меньше и меньше по мѣрѣ

того, какъ увеличивается процентъ размноженія, и процентъ рожденій, возможный въ обществѣ неразмножающемся, становится невозможнымъ въ обществѣ, быстро размножающемся.

Подумаемъ же сначала о томъ, какой процентъ рожденій возможенъ въ обществѣ неразмножающемся или размножающемся медленно. Но предварительно постараемся разъяснить себѣ самую сущность вопроса,—обыкновенно онъ излагается такъ сбивчиво, что недлишнимъ будетъ повнимательнѣе вникнуть въ его смыслъ.

О чемъ собственно идетъ дѣло? О такомъ ли числѣ рожденій, къ достиженію котораго можетъ быть принужденъ человѣческій организмъ внѣшнимъ насиліемъ, или о такомъ числѣ рожденій, которое было бы естественнымъ послѣдствіемъ отстраненія всякихъ задержекъ размноженія со стороны нужды? Извѣстно, что всякое живое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, можетъ быть принуждаемо насиліемъ къ дѣятельности, превышающей нормальную его силу. Такъ, на примѣръ, можно принудить человѣка работать по 18 часовъ въ сутки, но такая утривровка не будетъ благоприятна усилѣнности дѣла: изнуренный работникъ въ теченіе 18 часовъ наработаетъ меньше, чѣмъ сработалъ бы въ 10 часовъ, если бы не изнурены были его силы чрезмѣрностью работы, налагаемой на него чужою волею. Точно также организмъ женщины можетъ быть принуждаемъ къ рожденію количества дѣтей, превышающаго ея силы; но опять-таки это не будетъ благоприятно быстротѣ размноженія. Изнуренная мать будетъ рождать младенцевъ, лишенныхъ способности жить. Притомъ же подобное положеніе женщины возможно лишь при грубости нравовъ, то есть при невѣжествѣ, то есть при дурномъ положеніи общества, неблагоприятномъ размноженію. Мы, конечно, ищемъ не того, какое число дѣтей можетъ родиться въ условіяхъ, неблагоприятныхъ размноженію,—мы хотимъ знать, какой процентъ рожденій можетъ быть въ обществѣ при существованіи всѣхъ благоприятнѣйшихъ для размноженія условій.

Важнѣйшими препятствіями размноженію въ существующихъ нынѣ обществахъ должны считаться грубость нравовъ и нужда. Какимъ образомъ относятся оба эти элемента къ числу рожденій? Теорія Мальтуса говоритъ намъ, что они уменьшаютъ его. Дѣйствительно, фабричные работники западныхъ странъ удерживаются нуждою отъ вступленія въ бракъ; многіе люди средняго сословія также удерживаются ею отъ женитьбы или по заключеніи брака отъ рожденія столькихъ дѣтей, сколькихъ могли бы имѣть, если бъ не тяготились ихъ многочисленностью. Но такіе факты относятся къ значительной массѣ населенія лишь съ недавняго времени, да и то лишь въ немногихъ странахъ. Въ тѣхъ же странахъ въ прежнія времена было не такъ, а въ другихъ странахъ не такъ бываетъ до сихъ поръ относительно всей массы населенія. Нужда ни мало не удерживаетъ нашихъ поселянъ ни отъ вступленія въ бракъ, ни отъ рожденія дѣтей, она дѣйствуетъ между ними совершенно обратнымъ образомъ. Если семейство осталось безъ взрослого мужчины, нужда заставляетъ подросткающаго юношу жениться какъ можно раньше,—это представляется способомъ поправить хозяйственныя дѣла. Да и во всякомъ семействѣ мужикъ старается

как можно раньше женить сыновей, чтобы имѣть даровыхъ работницъ. Овдовѣвшій мужикъ женится опять-таки по тому, что безъ женитьбы его хозяйство разстроилось бы. Точно таково же положеніе дѣлъ во всей Австріи, въ большей части Пруссіи. Нужда, опасеніе нужды или расчеты, свойственные нуждающемуся сословію—увеличиваютъ въ земледѣльческомъ населеніи этихъ странъ количество браковъ, принуждаютъ молодыхъ людей вступать въ бракъ раньше, чѣмъ они желали бы. Точно также дѣйствуетъ въ главной массѣ населенія восточной Европы и грубость нравовъ. Въ низшихъ слояхъ городского населенія она способствуетъ нынѣ безбрачію, но въ сельскомъ населеніи вовсе не имѣетъ этого дѣйствія, а ведетъ лишь къ тому, что жена продолжаетъ рожать дѣтей и тогда, когда по изнуренію силъ сама по себѣ удержалась бы отъ этого. Такое же дѣйствіе имѣютъ грубость нравовъ и нужда въ земледѣльческомъ населеніи самой Англій. Изъ этого слѣдуетъ, что если въ нѣкоторыхъ слояхъ нѣкоторыхъ европейскихъ обществъ, обстоятельства, неблагоприятныя размноженію, уменьшаютъ число рожденій, то въ другихъ слояхъ тѣхъ же обществъ и во всей массѣ населенія другихъ обществъ эти обстоятельства, напротивъ, доводятъ число рожденій до величины, какой не могло бы оно достигать при большемъ благосостояніи и меньшей грубости нравовъ. Кто вникнетъ въ дѣло, тотъ убѣдится, что въ Россіи, Австріи, Италіи, въ восточной половинѣ Пруссіи, всей восточной Германіи, дѣйствительное число рожденій никакъ не меньше, а наоборотъ, значительно больше того процента, какой былъ бы при совершенномъ устраненіи всѣхъ задержекъ къ размноженію. Во Франціи и въ Англій съ нѣкотораго времени не то; но и тамъ еще не очень давно было точно такъ же: бѣдность не уменьшала, а увеличивала число рожденій.

Какое же число рожденій находимъ въ странахъ, въ которыхъ бѣдность и грубость имѣютъ свойство увеличивать число рожденій, доводятъ цифру ихъ до процента, котораго не достигала бы она при благосостояніи съ полною свободою естественныхъ влеченій,—до процента, изнурительнаго для силъ женскаго организма,—словомъ сказать, до величины, превышающей норму, даваемую натурою человѣческаго организма?

Въ большей части случаевъ, цифра эта колеблется между 35 и 40 рожденій на 1,000 населенія. Она поднимается нѣсколько выше 40 въ отдѣльныхъ небольшихъ областяхъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ составъ населенія уклоняется отъ нормы,—напримѣръ, взрослые мужчины уходятъ на работу въ другія мѣста, и потому пропорція женщинъ дѣлается неестественно велика; поднимается выше 40 временнымъ образомъ и въ большихъ странахъ послѣ исключительныхъ обстоятельствъ, истребившихъ слишкомъ много мужчинъ и также неестественно возвысившихъ пропорцію женщинъ (напримѣръ, въ Пруссіи послѣ наполеоновскихъ войнъ). Но безъ ненатуральныхъ нарушеній въ нормальномъ составѣ населенія, число рожденій не поднимается выше 40 на 1,000 населенія. До 45 оно доходить рѣдко и при исключительныхъ обстоятельствахъ; выше 45 оказывается лишь изрѣдка въ тѣхъ странахъ, статистическіе отчеты которыхъ не слишкомъ достовѣрны; до 48 не достигаетъ ни одна цифра, сколько нибудь

заслуживающая вѣроятія; наконецъ, 50 рожденій на 1,000 населенія не показывается даже и въ отчетахъ, не имѣющихъ претензій на точность ⁴¹⁾.

Не знаемъ, согласится ли съ нами читатель, но мы полагаемъ, что въ восточной Европѣ число дѣйствительныхъ рожденій до сихъ поръ остается выше нормальнаго или, вѣрнѣе сказать, выше того, какое было

⁴¹⁾ Въ примѣръ, беремъ всѣ цифры выше 35 рожденій на 1,000 населенія изъ таблицы, составленной Гильяромъ (Elements de statistique humaine, стр. 282 и слѣд.); мы перелагаемъ дробь въ десятичныя, для удобнѣйшаго сравненія. Цифры ниже 35, относящіяся къ тѣмъ же странамъ или странамъ съ такими же обычаями, мы не выписываемъ.

Страны.	Годы, къ которымъ относятся цифры.	Число рожденій на 1,000 населеній.
Швеція	1757 — 60 — — —	36,30
Баварія	1831 — 35 — — —	35,27
„	1841 — 45 — — —	35,30
Пруссія	1816 — 20 — — —	40,32
„	1821 — 25 — — —	40,47
„	1826 — 30 — — —	37,59
„	1831 — 35 — — —	37,31
„	1835 — 40 — — —	39,07
„	1841 — 45 — — —	40,24
„	1846 — 50 — — —	38,83
Саксонія	1836 — 40 — — —	40,84
„	1841 — 45 — — —	40,98
„	1846 — 50 — — —	41,24
Виртембергъ	1832 — 37 — — —	44,92
„	1838 — 42 — — —	43,29
Сардинія	1835 — 40 — — —	36,35
Неаполь	1821 — 24 — — —	43,48
Португалія	1838 — 41 — — —	35,50
Нижняя Австрія	1831 — 35 — — —	38,05
„	1836 — 40 — — —	37,55
„	1841 — 45 — — —	40,68
Истрія	1831 — 35 — — —	38,46
„	1836 — 40 — — —	38,09
„	1841 — 45 — — —	37,37
Богемія	1831 — 35 — — —	40,24
„	1836 — 40 — — —	38,98
„	1841 — 45 — — —	40,27
Моравія	1831 — 35 — — —	39,81
„	1836 — 40 — — —	39,52
„	1841 — 45 — — —	40,80
Силезія	1831 — 35 — — —	40,24
„	1836 — 40 — — —	39,88
„	1841 — 45 — — —	40,32
Галиція	1831 — 35 — — —	43,10
„	1836 — 40 — — —	45,66
„	1841 — 45 — — —	46,34
Буковина	1831 — 35 — — —	44,44
„	1836 — 40 — — —	45,66
„	1841 — 45 — — —	47,17
Ломбардія	1831 — 35 — — —	41,41
„	1836 — 40 — — —	43,05
„	1841 — 45 — — —	42,83
„	1846 — 50 — — —	39,29
Венеція	1831 — 35 — — —	40,00
„	1836 — 40 — — —	40,52
„	1841 — 45 — — —	39,87
„	1846 — 50 — — —	37,29

Изъ этихъ цифръ многія требовали бы повѣрки; но она отняла бы слишкомъ много времени; а къ какимъ результатамъ повела бы повѣрка, читатель можетъ судить по одному примѣру, котораго не внесли мы въ таблицу. Въ Россіи за 1841—1848 годы Гильяръ показываетъ по Тенгоборскому число рожденій 50 на 1,000 населенія. Мы не имѣли подъ руками данныхъ для повѣрки цифръ за эти годы, но у насъ было сдѣлано вычисленіе за 1847—1856 годы. Оно даетъ только 41,02 рожденій

бы нормальнымъ при нынѣшнемъ состояніи нравственныхъ понятій. Мы полагаемъ, что едва ли можно ожидать даже 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія при устраненіи нужды, насильственно увеличивающей число ихъ. Во всякомъ случаѣ 45 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія, — такая цифра, до которой въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ не достигаетъ общество даже подъ вліяніемъ нужды, значительно увеличивающей ихъ по нашему мнѣнію; цифра эта возможна только при исключительныхъ случаяхъ нарушеній нормальной пропорціи между числомъ мужчинъ и женщинъ, и нѣтъ ни одного достовѣрнаго случая, когда число рожденій достигало бы до 50 на 1,000 человѣкъ населенія. Намъ кажется также, что при смягченіи нравовъ, при улучшеніи обращенія мужей и отцовъ съ зависимыми отъ нихъ женщинами, число рожденій должно значительно понизиться даже при нынѣшнихъ понятіяхъ о нравственности.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы вспомнимъ, какія нелѣпыя условія нужны для полученія цифры 100 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія, то мы увидимъ, что и 50 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія все еще цифра невѣроятная по своей огромности. Она требуетъ, чтобы каждая женщина рождала, среднимъ числомъ, по 7 человѣкъ дѣтей. Пусть сообразитъ каждый изъ насъ, достигается ли такая пропорція въ сословіяхъ, пользующихся полнымъ благосостояніемъ, держащихся обычая заключать браки очень рано и не знающихъ никакой воздержности въ размноженіи, — напримеръ, въ кучеческомъ сословіи. Считать, среднимъ числомъ, по 6 человѣкъ дѣтей на каждую женщину въ такихъ сословіяхъ, — это уже слишкомъ много, а это составитъ только 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія.

Наконецъ, просимъ читателя не забывать, что какую бы цифру рожденія ни приняли мы за нормальную при довольно медленномъ размноженіи, она должна уменьшаться при болѣе быстромъ размноженіи отъ увеличенія пропорціи дѣтей въ составѣ населенія, въ которомъ нынѣшняя пропорція взрослыхъ людей поддерживается лишь чрезмѣрною смертностью между младенцами.

Намъ кажется, что если читатель обсудитъ дѣло внимательно — онъ увидитъ основательность соображеній, заставляющихъ насъ принимать 40 рожденій на 1000 человѣкъ населенія за самую высшую цифру, какая только допускается устройствомъ человѣческаго организма безъ насильственнаго

на 1,000 населенія, да и эта цифра больше дѣйствительной, по неполнотѣ переписей населенія. Какимъ же способомъ за 1841—1848 годовъ Тевгоборскій получилъ неправдоподобную цифру 50 рожденій на 1,000 населенія, когда между 1841—1848 и 1847—1856 годами не было никакой замѣтной разницы ни въ обычаяхъ, ни въ обстоятельствахъ народной жизни? Просто, онъ не потрудился внимательно сосчитать, а написалъ цифру на-авось.

Есть у Гильяра еще одна цифра, заслуживающая оговорки: число рожденій на островѣ Мадерѣ за 1838—1841 годы показано у него 52,63 на 1,000 населенія. Это можетъ быть: въ жаркихъ климатахъ люди быстрее достигаютъ зрѣлости, потому процентъ рожденій можетъ быть значительнѣе, чѣмъ въ умѣренныхъ климатахъ. Можетъ быть, но только „можетъ быть“, потому что любопытно было бы узнать, до какой степени точны переписи населенія на островѣ Мадерѣ. Впрочемъ, если въ жаркомъ климатѣ процентъ рожденій и больше, за то несомнѣнно больше тамъ процентъ неизбѣжной, органической или естественной смертности. Потому, еще неизвѣстно, слѣдуетъ ли для жаркаго климата принять процентъ размноженія, хотя бы равный проценту размноженія въ умѣренномъ климатѣ.

изнуренія физических силъ женщинъ въ населеніи неразмножающемся; въ населеніи, размножающемся быстро, цифра эта будетъ меньше.

Процентъ размноженія получается черезъ вычитаніе числа умирающихъ изъ числа рождающихся. Относительно смертности между дѣтьми до 5-лѣтняго возраста мы имѣемъ въ изслѣдованіяхъ Чедунка цифру, которую слѣдуетъ признать за наименьшую возможную по самому устройству организма; но напрасно стали бы мы искать въ какихъ нибудь статистическихъ изслѣдованіяхъ такой же нормальной или наименьшей цифры смертности для остальнаго населенія, за исключеніемъ дѣтей, имѣющихъ менѣе 5 лѣтъ. Человѣческая жизнь во всѣхъ сословіяхъ подвержена столькимъ неурядицамъ, лишеніямъ и бѣдствіямъ, что даже въ классахъ самыхъ счастливыхъ много людей умираютъ преждевременно. Чтобы достигъ цифры сколько нибудь похожей на возможную наименьшую, надобно было бы взять на отборъ только такихъ людей, жизнь которыхъ не была сокращена никакими обстоятельствами, похожими на нужду; сосчитавъ лѣта, въ которыхъ умерли 1000 или 10,000 такихъ людей, мы получили бы наибольшую среднюю продолжительность жизни и наименьшую смертность, возможную въ нынѣшнемъ обществѣ подъ условіемъ совершеннаго благосостоянія. Но этого до сихъ поръ никто не сдѣлалъ; не успѣли сдѣлать и мы. Потому вмѣсто положительныхъ цифръ мы принуждены здѣсь удовольствоваться только соображеніями.

Основаніемъ для этихъ соображеній послужать намъ таблицы смертности во Франціи; Францію предпочитательно передъ другими странами мы выбираемъ потому, что изъ всѣхъ большихъ державъ она имѣетъ самую точную статистику по движенію населенія.

По вычисленіямъ Чедунка (*Handbuch der vergleichenden Statistik von C. Fr. Kolb*, стр. 401), изъ дѣтей англійскихъ землевладѣльцевъ въ первыя пять лѣтъ жизни умираютъ, какъ мы уже говорили, 20 на 100 родившихся. По таблицѣ Гейшлинга, исправленной Гильяромъ (*Annuaire de l'Economie Politique pour 1854*, стр. 462), изъ 1,000 дѣтей, рождающихся во Франціи, умираетъ въ первыя пять лѣтъ 274. Изъ этого мы выводимъ, что смерть 74 между ними надобно считать слѣдствіемъ нужды; а 200 человѣкъ умерли бы и тогда, когда бы все населеніе Франціи пользовалось такимъ же довольствомъ и вело бы такой же здоровый образъ жизни, какъ англійскіе землевладѣльцы.

Теперь намъ нужно разсудить, какую пропорцію умирающихъ между людьми старше 5 лѣтъ во Франціи слѣдуетъ считать умирающими отъ нужды и какое число, за исключеніемъ этихъ лишнихъ умершихъ, остается на долю самыхъ результатовъ органическаго устройства. Неудобство квартиры, сырость и холодъ, дурное питаніе и всѣ вредныя вліянія бѣдности, конечно, имѣютъ надъ слабымъ организмомъ младенца еще больше силы, чѣмъ надъ дѣтьми, прошедшими періодъ младенчества, и надъ взрослыми людьми. Если изъ 274 младенцевъ бѣдность убиваетъ 74 и въ смерти остальныхъ 200 виновата не бѣдность, а самая природа человѣка, то нельзя думать, чтобы пропорція лишнихъ смертей, производимыхъ бѣдностью, была больше этой цифры между умершими старше пяти лѣтъ. Напротивъ, слѣ-

дуетъ полагать, что излишекъ смертей отъ бѣдности между младенцами гораздо значительнѣе, чѣмъ между людьми, прошедшими слабѣйшій возрастъ. Намъ кажется, что мы останемся ниже предѣловъ вѣроятности, если положимъ, что на одну лишнюю смерть выше пяти лѣтъ приходится двѣ лишніи смерти между младенцами, или, выражаясь иначе, что младенецъ вдвое болѣе взрослого ребенка и совершеннолѣтняго человѣка слабѣе передъ влияніемъ дурной матеріальной обстановки. Впрочемъ, кому угодно думать иначе, кому кажется, что младенецъ можетъ переносить холодъ, сырость и т. д. не хуже взрослого человѣка, тотъ найдетъ у насъ вычисленіе, сообразное такому взгляду, подлѣ вычисленія, принимаемаго нами за болѣе согласное съ разсудкомъ. Приступаемъ же къ этимъ вычисленіямъ.

Среднее населеніе Франціи за періодъ 1840—1849 годовъ было 34,964,500 человекъ. Среднее число рожденій за эти годы было 997,896. Среднее число смертей 842,919. Прежде всего отдѣлимъ между умершими младенцевъ до 5-ти лѣтняго возраста отъ остальныхъ умершихъ. Они составляли въ общей цифрѣ 34,025⁰/₀ (Annuaire de l'Economie Politique pour 1854, стр. 456), то есть число этихъ младенцевъ было 247,735. Остальные 595,184 человекъ между умершими были старше 5-ти лѣтъ.

Полагая, что нужда дѣйствовала на младенцевъ не убійственнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, мы найдетъ, по пропорціи 200 : 274, что изъ этихъ 595,184 смертей 434,441 составляютъ естественный результатъ, независимый отъ нужды, а 160,743 смерти надобно приписать бѣдности. 595,184 смертей выше 5 лѣтъ на 34,964,500 человекъ составляютъ 17,022 смертей на 1,000,000 жителей, или 1,7022⁰/₀; 434,441 смерти на то же населеніе составляютъ 12,425 на 1,000,000, или 1,2425⁰/₀.

Разница между 17,022 и 12,425 составляетъ 4,597. Если мы положимъ, что бѣдность отражается на смертности младенцевъ вдвое сильнѣе, чѣмъ на смертности взрослыхъ, то надобно между взрослыми только половину этой цифры, 4,597, считать цифрою смертей отъ нужды, а другую половину надобно приписывать также самому устройству человѣка.

Такимъ образомъ мы имѣемъ во Франціи 17,022 смертей между взрослыми на 1,000,000 населенія. Въ этой цифрѣ одна часть производится внутреннимъ закономъ, по которому каждый человекъ, какъ бы хороша ни была его житейская обстановка, все-таки долженъ раньше или позже умереть; эту часть мы должны назвать естественной наименьшей смертностью. Мы получимъ ее, когда изъ общей цифры вычтемъ число смертей, производимыхъ нуждою и всѣми вредными ея послѣдствіями.

Если мы положимъ, что нужда дѣйствуетъ на младенцевъ не сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, то изъ 17,022 мы должны вычесть 4,597 смертей, какъ слѣдствіе нужды, и естественная смертность между людьми старше 5 лѣтъ остается у насъ только 12,425 на 1,000,000.

Если же нужда дѣйствуетъ на младенцевъ вдвое сильнѣе, чѣмъ на взрослыхъ, вычитать надобно только 2,298, и естественная смертность между людьми старше 5 лѣтъ остается 14,724.

Естественная смертность между младенцами въ первые пять лѣтъ составляетъ, по изслѣдованіямъ Чедвина, 20 умирающихъ на 100 человекъ родившихся.

Мы имѣемъ теперь приблизительныя опредѣленія двухъ факторовъ, отъ сочетанія которыхъ зависитъ пропорція размноженія.

Мы видѣли, что при нынѣшнемъ положеніи женщинъ число рожденій едва доходитъ до 40 на 1,000 человекъ населенія въ странахъ, гдѣ естественная норма, сообразная съ силами женскаго организма, превышаетъ. Мы видѣли, что цифра 45 рожденій на 1,000 представляется лишь какъ рѣдкое исключеніе, и въ большей части случаевъ едва-ли можетъ считаться достовѣрною; а до цифры 50 на 1,000 не доходитъ ни одна нація, имѣющая вѣрныя народныя переніи. Надобно думать, что съ улучшеніемъ положенія женщины число рожденій станетъ ниже цифры 40 на 1,000, выше которой едва-ли можно съ достовѣрностью принимать пропорцію рожденій и при нынѣшней зависимости женщинъ.

Наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможномъ благосостояніи въ нынѣшнемъ обществѣ, простирается до 20 на 100, а на-

именная смертность между людьми, имѣющими болѣе 5 лѣтъ, по всей вѣроятности, не меньше 1,47 (1,4724)⁰/₀, и ни въ какомъ случаѣ не меньше 1,24 (1.2425) ⁰/₀.

Вотъ крайніе предѣлы наибольшаго числа рожденій и наименьшаго числа смертей въ обществѣ, въ которомъ бѣдность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рожденія. Предѣлы эти съ обѣихъ сторонъ довольно широки. Предоставляемъ читателю самому судить, какая цифра наиболѣе вѣроятна на той и на другой сторонѣ. Вычислимъ теперь проценты размноженія и періоды удвоенія по цифрамъ, между которыми каждый можетъ выбирать ту, которая кажется ему вѣроятнѣе.

Процентъ ро- жденій.	Процентъ умн- рающихъ до 5 лѣтъ (30 на 100 лѣтъ, дающихъ).	Процентъ умн- рающихъ стар- ше 5 лѣтъ.	Остатокъ (перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертей) или проц. размноженія.		Число лѣтъ въ періо- дѣ удвоенія при со- отвѣтствующемъ процентѣ.	
			Наиболь- шій.	Вѣроят- нѣйшій.	Наиболь- шемъ.	Вѣроят- нѣйшемъ.
5,0 — 1,00			2,7575—2,5275		25,48 — 27,77	
4,5 — 0,90			2,3575—2,1275		29,75 — 32,93	
4,0 — 0,80			1,9575—1,7275		35,75 — 40,47	
3,5 — 0,70			1,5575—1,3275		44,85 — 52,56	

Читатель видитъ, что для періода удвоенія около 25 лѣтъ нужно число рожденій, значительно превышающее даже исключительные случаи особенной многочисленности рожденій. Онъ видитъ, что при цифрѣ 40 рожденій на 1,000 человѣкъ населенія,—той цифрѣ, которая даже въ обществахъ, гдѣ дѣйствительное число рожденій превышаетъ норму силъ женскаго организма, бываетъ обыкновенною лишь пока размноженіе задерживается нуждою, періодъ удвоенія оказывается отъ 35,7 до 40,5 лѣтъ и послѣдняя цифра основана на болѣе вѣроятной пропорціи нормальныхъ смертей. Онъ видитъ также, что продолжительность періода удвоенія растетъ по гораздо быстрѣйшей прогрессіи, чѣмъ уменьшается число рожденій. Такъ отъ уменьшенія рожденій съ 50 на 100 до 45—періодъ размноженія по вѣроятнѣйшему проценту нормальной смертности возрастаетъ на 5,2 лѣтъ; при уменьшеніи рожденій еще на одну половину процента, періодъ удвоенія возрастаетъ уже на 7,5 лѣтъ, а при уменьшеніи рожденій еще на одну половину процента—уже на 12,1 лѣтъ. Мы говорили, что каждое улучшеніе въ положеніи женщины должно имѣть своимъ результатомъ уменьшеніе числа рожденій. Цифра 35 на 100 такъ не далека отъ нынѣшней цифры обществъ, гдѣ бѣдность, при нынѣшнемъ положеніи женщины, ненормально возвышаетъ цифру рожденій, что эту цифру 35 надобно считать самымъ высокимъ предѣломъ числа рожденій при самомъ незначительномъ улучшеніи положенія женщины. До какой цифры спустилось бы число рожденій при хорошемъ положеніи женщины, конечно, мы не можемъ сказать теперь, потому что теперь не можетъ быть у насъ статистическихъ свѣдѣній объ этомъ. Достоверно только одно: число рожденій, при которомъ размноженіе населенія становится очень медленнымъ, не далеко отъ той цифры, до какой должно уменьшится число рожденій, если прекратится въ массѣ народа хотя то грубое насиліе, которое уже брошено образованнымъ сословіемъ.

Все, что говорено нами до сихъ поръ, относится къ обществамъ, имѣющимъ понятія и обычаи такіе, какъ теперь. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, какія перемѣны должны произойти отъ распространенія образованности между простолюдинами. Но каждому понятна тѣсная связь между обычаями массы и идеями, при какихъ остается даже образованная часть общества. Каково бы ни было развитіе отвлеченной науки, обычаи образованныхъ сословій не могутъ быть очень далеки отъ обычаевъ массы, а понятія человѣка не могутъ быть далеки отъ обычаевъ, которыхъ онъ держится. Конечно, самый ученый, или, что еще лучше, самый просвѣщенный мусульманинъ не чувствуетъ всей нелѣпости многоженства такъ живо, не имѣетъ о ней такихъ ясныхъ понятій, какъ мы, привыкшіе жить въ обществѣ, гдѣ господствуетъ единоженство. Едва ли ктонибудь скажетъ, что и наши нынѣшніе обычаи составляютъ верхъ совершенства. На этомъ мы остановимся, предоставляя отдаленному будущему рѣшить, сохраняются ли въ немъ, въ отдаленномъ будущемъ, тѣ изъ нашихъ обычаевъ и понятій, при которыхъ число рождающихся хотя скольконибудь можетъ превышать, при полномъ матеріальномъ довольствѣ, число умирающихъ. Заботиться о томъ, что станетъ дѣлаться между людьми черезъ 500 лѣтъ, не наше дѣло; для насъ довольно, если мы убѣдимся, что ужасы, которыми грозятъ намъ, составляютъ и при нашихъ обычаяхъ, и при нашихъ господствующихъ понятіяхъ совершенно пустые фантомы не только относительно насъ, но и относительно нашихъ потомковъ на нѣсколько вѣковъ.

Мы нашли, что періодъ удвоенія, при нынѣшнихъ обычаяхъ странъ, гдѣ число рожденій даже превышаетъ естественную норму, имѣетъ едва-ли меньше, а по всей вѣроятности больше 35 лѣтъ. Мы видимъ, что періоды удвоенія въ 15 или 12 лѣтъ—чистая химера, происшедшая только отъ забвенія о дѣйствительно-возможномъ наибольшемъ числѣ рожденій, и что даже періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ, казавшійся Мальтусу самымъ продолжительнымъ изъ всѣхъ вѣроятныхъ, долженъ считаться, напротивъ того, неправдоподобно-краткимъ. Мы знаемъ теперь, что даже при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія, самыя населенныя страны Европы могутъ своими продуктами содержать населеніе въ восемь разъ большее нынѣшняго. Такимъ образомъ даже въ нихъ нечего было бы опасаться за три періода удвоенія. Эти три періода никакъ не могли бы занять менѣе цѣлаго столѣтія, хотя бы не умеръ съ нынѣшняго дня ни одинъ человѣкъ отъ нужды, и рождалось полное число дѣтей, какое только можетъ быть рождено женщинами тѣхъ странъ.

Эта отерочка всякой нужды въ продовольствіи, при быстрѣйшемъ возможномъ размноженіи населенія, дается уже нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческой техники или, лучше сказать, даже и не нынѣшнимъ, а такимъ, какое было назадъ тому лѣтъ двадцать, когда еще не начинались попытки приложенія машинныхъ способовъ производства къ земледѣлію. Гаспаренъ, цифры котораго служатъ основаніемъ нашему выводу о легкости увеличить земледѣльческій продуктъ наиболѣе населенныхъ странъ западной Европы въ восемь разъ, еще не принимаетъ въ соображеніе новѣйшихъ усовершенствованій. При нихъ, конечно, получается еще большій

продуктъ. Надобно притомъ замѣтить, что увеличеніе продукта въ восемь разъ, о которомъ говоритъ Гаспаренъ, получается черезъ увеличеніе труда и капитала не въ восемь разъ, а въ пропорціи гораздо меньшей. Нынѣшній продуктъ Франціи производится капиталомъ, который Гаспаренъ опредѣляетъ въ 12 миллиардовъ франковъ; чтобы увеличить продуктъ въ восемь разъ, нужно по его счету еще 51 миллиардъ франковъ, т. е. для прибавки 700% въ продуктѣ нужна прибавка въ капиталѣ и трудѣ только на 425%. Это значитъ, что когда населеніе Франціи возрасло бы въ восемь разъ, то для полученія продовольствія въ нынѣшнемъ достоинствѣ ему пришлось бы употреблять только двѣ трети усилій, съ которыми добывается продовольствіе нынѣ, или при одинаковости труда французы имѣли бы тогда нишу въ полтора раза лучше нынѣшней.—Кажется, что этой вѣковой отсрочки бѣдствій отъ размноженія людей довольно для успокоенія нынѣшняго поколѣнія; кажется, ясно должно быть для насъ, что не излишеству населенія и не закону размноженія людей слѣдуетъ приписывать нынѣшнюю нужду, а надобно отыскивать другія причины ея; кажется, ясно, что не заботу объ уменьшеніи числа рожденій, а заботу объ исправленіи какихъ нибудь недостатковъ экономическаго быта—слѣдуетъ считать прямымъ лекарствомъ отъ нынѣшней нужды. Нужда отъ излишества населенія и при нынѣшнемъ состояніи земледѣлія могла бы настать не раньше трехъ періодовъ удвоенія, кратчайшій срокъ которыхъ 100 лѣтъ; а въ этотъ вѣкъ земледѣліе, вѣроятно, сдѣлало бы нѣкоторые техническіе успѣхи, которыми опять отдалилась бы эпоха недостаточности продовольствія для людей, размножающихся со всевозможною быстротою. Но если кому нибудь цѣлое столѣтіе кажется перспективою слишкомъ краткою, если кто имѣетъ такое чувствительное сердце и пугливое воображеніе, что захочетъ въ 1860 году мучиться страхомъ бѣдствій, которыя не могли бы никакъ начаться раньше 1960 года, тотъ можетъ найти себѣ нѣкоторое облегченіе въ мысляхъ о переселеніи.

Если періодъ удвоенія считать въ 20 или 15 лѣтъ, то надобно согласиться, что послѣдователи Мальтуса совершенно правы, когда говорятъ, что эмиграція не можетъ послужить прочнымъ противодѣйствиємъ бѣдствію отъ недостатка продовольствія. Дѣйствительно, при такомъ процентѣ размноженія, она не можетъ увеличить продолжительности каждаго періода удвоенія большимъ числомъ лѣтъ. Если, напримѣръ, періодъ удвоенія 20 лѣтъ, то процентъ размноженія 3,6; если при такомъ размноженіи будетъ эмигрировать ежегодно 1,5% населенія, то всетаки за этой убылью останется ежегодное приращеніе въ 2,1%; а при этомъ процентѣ населеніе страны все-таки удвоится въ 33 года; эмиграція, какъ видимъ, растянеть періодъ удвоенія только на 13 лѣтъ. Но совершенно иное дѣло, если періоды удвоенія и безъ эмиграціи довольно длинны; тогда она можетъ удлинить ихъ очень большимъ числомъ лѣтъ. Мы видѣли, что вѣроятнѣйшій періодъ удвоенія имѣетъ, при нынѣшнемъ положеніи женщины, не менѣе 35 лѣтъ, а при нѣкоторомъ (незначительномъ) улучшеніи ея положенія—около 52 лѣтъ. Посмотримъ, на сколько удлинится эти періоды отъ переселенія.

Переселение, размѣромъ въ 0,5%, при нынѣшнемъ состояніи путей сообщенія—должно назвать чрезвычайно легкимъ. Очень легко совершается переселение даже въ размѣрѣ 1%. Мы имѣемъ примѣры тому, что годичная эмиграція въ 1,25% населенія тѣхъ странъ, изъ которыхъ шло переселение, совершалась безъ экономическаго затрудненія ⁴²⁾.

Процентъ размноженія.	Періодъ удвоенія безъ эмиграціи.	Эмиграція.	Процентъ, по которому размножается населеніе, остающееся въ странѣ.	Періодъ удвоенія населенія, остающагося въ странѣ.
1,9575	35,8	0,5	1,4575	49,90 лѣтъ.
1,3275	52,6	0,5	0,8275	91,68 „
1,9575	35,8	1,0	0,9575	72,74 „
1,3275	52,6	1,0	0,3275	212,00 „
1,9575	35,8	1,5	0,7075	98,32 „
1,3275	52,6	1,5	0,0775	894,80 „

Изъ этой таблицы читатель видитъ, что при эмиграціи въ 1% періодъ удвоенія отъ 36—52 лѣтъ удлинняется до 73—212 лѣтъ: при эмиграціи въ 1,25% онъ достигаетъ 98 лѣтъ, если положеніе женщины не улучшается, а при его улучшеніи періодъ удвоенія растягивается слишкомъ на 894 года.

Тенерь, кажется, фактъ недостатка продовольствія отъ размноженія людей отстраненъ на разстояніе, достаточно далекое для человѣка съ самою пылкою охотою забывать о настоящемъ изъ-за опасностей будущаго. Если бы какой нибудь странѣ дѣйствительно стало угрожать излишество населенія, она можетъ при помощи эмиграціи устранить это стѣсненіе по крайней мѣрѣ на 294 года, если сама не пойдетъ впередъ по пути цивилизаціи, а если сдѣлаетъ въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ хотя малѣйшіе усилія въ цивилизаціи, сравнительно съ нынѣшнимъ своимъ бытомъ, то отстранить отъ себя опасность на 2,684 года, т. е., считая отъ нынѣшняго 1860 года, въ первый разъ почувствуетъ стѣсненіе отъ излишка населенія не раньше 4,544 года по Р. X.

Читатель понимаетъ, какой смыслъ имѣютъ эти громадныя цифры періода удвоенія въ 894 году, періода отсрочки землѣдѣльческаго дефицита на 2,684 года,—цифры, явно смѣющіяся надъ нами и своею огромностью, превышающею всякій расчетъ экономическихъ вѣроятностей, и своею нелѣпою претензіею на точность; эти цифры говорятъ намъ: не бойтесь; кто хочетъ запугать васъ, противъ того выставьте вы насъ, — опровергнуть насъ нельзя; но мы построены на нынѣшнихъ вашихъ обычаяхъ и понятіяхъ,—неужели вы думаете мѣрить далекое будущее вашими обычаями, понятіями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будутъ такими же, какъ вы? Не бойтесь, они будутъ умнѣе

⁴²⁾ Изъ Германіи вышло переселенцевъ:

въ 1852 году 162,301 человекъ.
„ 1853 „ 162,568 „

Въ 1854 году размѣръ переселенія былъ еще значителнѣе. Австрійскія и Прусскія области Германскаго Союза почти не участвовали въ этомъ движеніи. Населеніе всѣхъ остальныхъ государствъ Нѣмецкаго Союза составляло тогда 17½ миллионъ. Многія изъ этихъ государствъ давали также ничтожную долю переселенцевъ, потому надобно считать, что нѣкоторыми государствами, принимавшими главное участіе въ этомъ движеніи, выселялось ежегодно болѣе чѣмъ 1,25%. Такъ, напримѣръ, изъ Бадена, имѣвшаго въ 1855 году 1,315,000 жителей, выселилось въ 1854 году 21,561 человекъ: это составляетъ 1,70%.

вась. Думайте о томъ, какъ вамъ устроить вашу жизнь, а заботу о судьбѣ праправнуковъ оставьте праправнукамъ. Вы можете видѣть, что не только вы можете, что и ваши дѣти и внуки могутъ уже обезпечить себя отъ нищеты, — ну, пусть этого и будетъ довольно съ вась: черезъ 200 лѣтъ люди будутъ смѣяться надъ вашими надеждами на будущее, какъ надеждами слишкомъ мелкими, надъ вашими опасеніями за будущее, какъ опасеніями, пронестекавшими только изъ вашей дикости.

IV.

Дѣйствительный источникъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ и истинный смыслъ мальтусовой теоріи.

Соображенія, нами изложенныя, приводятъ къ такимъ результатамъ:

Убыль производительности земледѣльческаго труда при возрастаніи количества труда на данномъ пространствѣ земли, безъ улучшенія земледѣльческой техники и житейскихъ отношеній, опредѣлена Мальтусомъ подвліяніемъ понятій, явно преувеличенныхъ. Какова она на самомъ дѣлѣ, никто не потрудился опредѣлить, но въ каждой агрономической книгѣ найдется доказательство, что она гораздо меньше, чѣмъ полагалъ Мальтусъ.

По какому проценту способно размножаться населеніе при устраненіи всѣхъ задержекъ, этого опять никто не потрудился опредѣлить и всѣ продолжаютъ повторять мнѣніе Мальтуса, преувеличенность котораго опять таки ясна для каждаго, кто захочетъ вникнуть въ дѣло. Отчасти по недостатку статистическихъ данныхъ, а еще больше по незнакомству съ высшими частями математики, мы не въ силахъ были опредѣлить наибольшій возможный процентъ возрастанія точнымъ образомъ и принуждены были ограничиваться отыскиваніемъ приблизительныхъ цифръ. Самая высокая изъ этихъ приблизительныхъ цифръ даетъ періодъ удвоенія продолжительнѣе того, какой казался Мальтусу самымъ длиннымъ; періоды удвоенія менѣе 25 лѣтъ оказываются совершенно неправдоподобными, а самый краткій изъ вѣроятныхъ предѣловъ періода удвоенія при нынѣшнихъ нравахъ — около 35 лѣтъ. Смягченіе нравовъ ведетъ къ удлиненію періода удвоенія и мы не имѣемъ предѣла, о которомъ можно было бы сказать, что при извѣстномъ смягченіи нравовъ онъ не окажется все еще слишкомъ коротокъ; напротивъ, есть основаніе думать, что при устраненіи нынѣшней грубости семейныхъ отношеній дѣйствіемъ распространяющагося просвѣщенія, размноженіе прекратится, и число населенія станетъ увеличиваться лишь вслѣдствіе общественной надобности въ томъ; а когда надобности въ томъ не будетъ, не будетъ и размноженія. Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что можно сомнѣваться въ томъ, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населенія, если онъ не возбуждается тяготнѣмъ общественнаго мнѣнія, то есть расчетомъ пользы. Очень вѣроятно, что если число рожденій не возвышается искусственно принужденіемъ со стороны общественнаго мнѣнія, а предоставляется дѣйствію естественныхъ чувствъ человѣка, то оно едва достаточно для покрытія убыли отъ смерт-

ности, производимой не нуждою и ея результатами, а самымъ устройствомъ организма.

Но какъ бы то ни было, ни въ какомъ случаѣ дефицитъ земледѣльческаго продукта не можетъ появляться отъ естественной невозможности предотвратить его. Если мы примемъ явно преувеличенную прогрессию ослабленія производительности земледѣльческаго труда, принимаемую Мальтусомъ, и если мы примемъ какой угодно краткій періодъ удвоенія, хотя бы явно невозможный по устройству организма, мы все-таки получимъ, что для предотвращения дефицита нужно было бы усовершенствованіе земледѣльской техники лишь въ такомъ размѣрѣ, который гораздо меньше дѣйствительнаго прогресса въ земледѣльческомъ искусствѣ. Размѣръ земледѣльческихъ улучшеній, требуемый для предотвращения дефицита, даже при быстротѣ размноженія, далеко превышающей физическія силы организма, такъ малъ, что всегда во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ дѣйствительное улучшение земледѣльской техники шло гораздо быстрее.

Наконецъ, какъ бы ни думали мы о возможности или легкости дальнѣйшихъ земледѣльческихъ усовершенствованій, нынѣшнее положеніе земледѣльской техники таково, что предотвращаетъ естественное появленіе дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ по крайней мѣрѣ на три періода удвоенія даже въ странахъ, имѣющихъ нынѣ самое густое населеніе. Нынѣшнее состояніе земледѣльческихъ знаній таково, что, и безъ всякаго прогресса въ немъ, даже сама Великобританія съ Ирландією можетъ производить въ восемь разъ больше продовольствія, чѣмъ нынѣ. Для другихъ европейскихъ странъ еще значительнѣе пропорція возможности увеличить свой нынѣшній земледѣльческій продуктъ при нынѣшнемъ состояніи техники, безъ всякаго обремененія условій, на которыхъ получается нынѣшній продуктъ или, точнѣе сказать, съ облегченіемъ этихъ условій. Если нынѣ трудомъ одного работника получается въ Англіи или какой бы то ни было другой странѣ, съ извѣстнаго количества земли, 40 четвертей пшеницы, то при нынѣшнемъ состояніи земледѣльской техники трудомъ 8 работниковъ, на томъ же пространствѣ земли, легко получить 320 четвертей, никакъ не меньше, а по всей вѣроятности даже больше.

Итакъ нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческихъ знаній самая густо населенная страна обезпечена отъ недостатка въ продовольствіи на три періода удвоенія. Какую продолжительность имѣетъ этотъ срокъ обезпеченія, даваемого нынѣшнимъ состояніемъ знаній? Можно опровергнуть безспорными математическими доказательствами человѣка, который вздумалъ бы говорить, что три періода удвоенія займутъ время меньше 100 лѣтъ при всевозможной быстротѣ размноженія, какая только допускается самымъ устройствомъ организма, и надобно думать, что этотъ срокъ не меньше 120 лѣтъ. Но таковъ онъ — отъ 100 до 120 лѣтъ (или по всей вѣроятности нѣсколько больше), — только въ такомъ случаѣ, если нѣтъ никакой эмиграціи изъ страны, о размноженіи населенія въ которой мы говоримъ. Если же часть населенія эмигрируетъ въ страны, еще не населенныя или слишкомъ мало населенныя (а изъ всѣхъ густо населенныхъ странъ идетъ теперь такая эмиграція), то періодъ удвоенія значительно растягивается. При

эмиграціи слабой (примѣрно около $\frac{1}{2}\%$) онъ удлиняется до 50—75 лѣтъ, и три періода удвоенія займутъ отъ 150 до 250 лѣтъ слишкомъ. При эмиграціи довольно значительной (примѣрно около 1%) періодъ удвоенія потребуетъ отъ 75 до 200 лѣтъ, и три періода удвоенія займутъ отъ 250 до 600 лѣтъ. Наконецъ, при эмиграціи болѣе сильной, періодъ удвоенія будетъ возрастать до гораздо большаго числа лѣтъ, и, на примѣръ, при эмиграціи около $1\frac{1}{4}\%$ онъ никакъ не можетъ потребовать менѣе 100 лѣтъ, а по всей вѣроятности потребуетъ несравненно большаго числа лѣтъ, между тѣмъ эмиграція въ $1\frac{1}{4}\%$ не имѣетъ ничего труднаго даже при нынѣшнемъ состояніи средствъ сообщенія, хотя бы совершалась на самое далекое разстояніе, на цѣлую половину окружности земнаго шара.

Такимъ образомъ нынѣшнимъ состояніемъ земледѣльческой техники, при нынѣшнихъ средствахъ переселенія, самыя густонаселенныя страны обезпечены отъ недостатка продовольствія по крайней мѣрѣ больше, чѣмъ на 400 лѣтъ, а по всей вѣроятности, на періодъ, несравненно продолжительнѣйшій. Неужели правдоподобно было бы предположить, что въ теченіе столь долгаго времени, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, земледѣльческія знанія не сдѣлаютъ никакихъ усилій? Это явная нелѣпость. Земледѣльческое искусство находится нынѣ еще въ младенствующемъ положеніи; разработка естественныхъ наукъ, отъ которыхъ все тутъ зависитъ, еще только начинается. Надобно послушать химиковъ о томъ, какія надежды имѣютъ они на результаты дальнѣйшаго развитія своей науки, и мы увидимъ, что нынѣшніе способы добыванія пищи скоро будутъ казаться такими же грубыми, медленными, малопроизводительными, какъ представляются намъ теперь прежніе способы пряденія ручнымъ веретеномъ или перевозки посредствомъ вьючныхъ каравановъ. Наша цивилизація еще только начинается, и мы не въ силахъ представить себѣ, даже при самомъ пылкомъ воображеніи, до какой власти надъ природою доведетъ насъ она,— насъ, людей нынѣ живущихъ, а не потомковъ нашихъ,— черезъ какихънибудь 30 или 40 лѣтъ, а не черезъ 300 или 400 лѣтъ. Кажется, нечего безпокоиться намъ о томъ, будутъ ли потомки наши черезъ 400 лѣтъ имѣть земледѣльческую технику лучше нынѣшней. Вѣроятно, будутъ. А на 400 лѣтъ ограждаетъ человѣчество отъ недостатка продовольствія нынѣшняя техника.

Мы пришли къ результату, противоположному выводамъ, какіе дѣлаетъ изъ своей теоріи Мальтусъ. Пусть вспомнитъ читатель коренную мысль знаменитой мысли Мальтуса: есть люди, приписывающіе нищету и другія бѣдствія неудовлетворительности человѣческихъ отношеній, говоритъ онъ:—нѣтъ, зло, проистекающее изъ человѣческихъ отношеній, только поверхностное, второстепенное, ничтожное зло, устраненіемъ котораго нимало не облегчилась бы судьба людей, потому что коренной источникъ главной массы нынѣшнихъ бѣдствій лежитъ въ законѣ самой природы. Дѣйствіемъ закона природы должно неизбѣжно производиться столько нищеты съ ея послѣдствіями, чтобы истреблялись тѣ лишніе люди, которые не истребляются зломъ, происходящимъ отъ человѣческихъ отношеній; уменьшеніемъ этого зла, проистекающаго отъ человѣческихъ отношеній, только

увеличился бы размѣръ дѣйствія зла, производимаго закономъ самой природы. Правда, бѣдствуетъ и погибаетъ отъ самихъ людей много людей, но погибающіе не могутъ избѣжать гибели, — ихъ уничтожить природа, если не истребятъ человѣческія отношенія. Думаютъ, продолжалъ онъ, что дѣйствіе закона природы могло бы надолго быть отвращено или смягчено улучшеніемъ человѣческихъ отношеній; — нѣтъ, природа не дастъ отсрочки, сколь нибудь чувствительной; никакими усиліями нельзя остановить ея истребительнаго дѣйствія хотя на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Мы нашли, что все это совершенно не такъ. Въ рукахъ человѣка, при нынѣшнемъ положеніи знаній, находятся средства устранить гибельное дѣйствіе закона природы на нѣсколько столѣтій; а въ теченіе этихъ долгихъ столѣтій, знанія, конечно, разовьются, въ этомъ нѣтъ не можетъ сомнѣваться; а каждое развитие знаній снова и снова продолжаетъ срокъ возможности отстранять гибельное дѣйствіе закона природы. На необозримое пространство времени отстраняется право приписывать закону природы человѣческія бѣдствія. Все то будущее, о которомъ въ силахъ мы судить или хотя воображать, и далекое теченіе времени за самыми предѣлами этого горизонта — очищено наукою отъ необходимости или какой бы то ни было надобности быть бѣдственнымъ для человѣка.

Мальтусъ воображалъ, что источникъ зла въ физической любви; что она должна быть обуздываема. Но это значить опять-таки сваливать причину зла на природу, ставить разрѣшеніе задачи выше власти человѣка. Физическая любовь не есть нѣчто зависимое отъ человѣческихъ отношеній, она принадлежитъ не общественному быту, а органическому дѣйствію, существующему въ натурѣ отдѣльнаго человѣка, подобно явленіямъ питанія, кровообращенія, отдѣленія желчи, слюны и т. д. Говорить о воздержности въ физической любви — значить то же самое, что говорить о воздержности въ пищѣ. Конечно, съ развитіемъ благоразумія человѣкъ отвыкаетъ отъ обжорства; но все, чего можно ожидать или требовать въ этомъ отношеніи, состоитъ въ томъ, чтобы онъ не переходилъ границъ, требуемыхъ здоровьемъ организма. Ожидать, чтобы человѣкъ сталъ по благоразумію принимать меньше пищи, чѣмъ нужно его организму, значить ожидать невозможнаго; требовать этого значить быть жестокимъ безъ всякой вѣроятности достигъ какого-нибудь результата своей жестокостью. Люди никогда не стануть добровольно держать себя въ состояніи голода. Другое дѣло — держать ихъ насильно въ голодномъ состояніи: это возможно. Но политическая экономія доказываетъ, что насильственные мѣры никогда не бываютъ полезны. Она вся построена на той мысли, что хорошихъ результатовъ достигаетъ человѣкъ только добровольною, самопроизвольною дѣятельностью. Ожидать отъ такой дѣятельности воздержанія въ пищѣ, превышающаго гигиеническую надобность, какъ мы сказали — совершенный вздоръ. А извѣстно, какой результатъ достигается, когда человѣкъ ограничиваетъ себя въ употребленіи пищи только до предѣловъ гигиенической надобности: результатомъ будетъ, что онъ, сохраняя хорошее здоровье и хорошій желудокъ, проживетъ гораздо больше и въ общемъ итогѣ съѣстъ гораздо больше пищи въ свою жизнь, чѣмъ когда бы обжорствовалъ, то есть часто

доводилъ свой желудокъ до разстройства, до безилія принимать пищу, и сокращалъ свою жизнь. Точно то же и съ физическою любовью. О чемъ вы говорите?—О томъ ли, чтобы человекъ не предавался въ ней излишеству, вредному для организма, или о томъ, чтобы онъ доводилъ свою воздержность до высоты, превышающей гигиеническую норму? Если дѣло идетъ о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества, ваше требованіе превосходно, и можно надѣяться, что люди лучше и лучше стануть исполнять его по мѣрѣ развитія образованности. Но результатомъ будетъ здѣсь не уменьшеніе, а увеличеніе итога явленій, называемыхъ физическою любовью, какъ результатомъ воздержности отъ обжорства бываетъ не уменьшеніе, а увеличеніе итога дѣятельности желудка. Если, напримѣръ, вы говорите, что подростающему человеку слѣдуетъ воздерживаться отъ преждевременной физической любви, это совершенно справедливо, и люди будутъ современемъ слѣдовать этому гигиеническому правилу, когда человѣческія отношенія улучшатся, воспитаніе не станетъ преждевременно раздражать воображеніе и рождать въ головѣ мысли о вещахъ, еще не требуемыхъ организмомъ мальчика или дѣвочки. Но человекъ, не ослабившій своихъ силъ преждевременной физической любовью, будетъ по достиженіи лѣтъ, нормально соответствующихъ началу ея, имѣть къ ней гораздо больше силъ и сохранять эти силы гораздо дольше, чѣмъ если бы ослабилъ себя, преждевременно предавшись ей, когда еще организмъ его недостаточно развитъ. Точно также вы говорите очень хорошо, если желаете, чтобы совершеннолѣтніе люди не предавались физической любви до излишества, истощающаго силы. Но тутъ опять-таки вы достигаете лишь того, что въ общей сложности человекъ будетъ больше и дольше пользоваться физическою любовью. Требованіе воздержности въ предѣлахъ гигиенической нормы,—требованіе, сообразное съ разсудкомъ и пользою человека, требованіе, осуществимое, но ведущее къ возрастанію роли, какую имѣетъ физическая любовь въ человѣческой жизни.

Совершенно иное дѣло, если требованіе воздержности состоитъ въ намѣреніи уменьшить эту роль, въ чемъ и состоитъ Мальтусова теорія воздержности. Для этого надобно не то, чтобы человекъ соблюдалъ гигиеническія правила, а чтобы онъ отказывалъ своему организму въ одной изъ природныхъ его функций; чтобы люди захотѣли держать себя въ томъ родѣ, какъ держали бы себя—закрывая глаза, когда хочется не спать, а смотрѣть, затыкая уши, когда хочется слушать, голодая, когда здоровый желудокъ требуетъ пищи: это требованіе не осуществимое. Добровольно такъ держать себя стануть, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, лишь чрезвычайно немногіе люди исключительнаго характера; они всегда есть и будутъ, какъ всегда есть и будутъ люди, не чувствующіе желанія подышать свѣжимъ воздухомъ, или отворачивающіеся отъ хорошей картины, отъ живописнаго пейзажа. Какое бы странное расположеніе характера ни придумали вы, всегда вы найдете нѣсколькихъ людей такого расположенія. Есть люди, предпочитающіе душную атмосферу чистому воздуху, предпочитающіе скучную книгу интересной, и т. д. Но по каждому такому отношенію число людей съ подобнымъ расположеніемъ характера или темпера-

мента такъ ничтожно, что ихъ образъ дѣйствій не имѣть и никогда не можетъ имѣть вліянія на общій ходъ народной жизни. Изъ тысячи чело-вѣкъ одинъ подавить въ себѣ физическую любовь,—нѣтъ, не найдется и одного такого на цѣлую тысячу людей,—чтожъ изъ того? Какое замѣтное вліяніе на массу наслажденія физическою любовью въ обществѣ или на процентъ размноженія будетъ имѣть воздержность этого чело-вѣка? Тѣ изъ мальтусіанцевъ, которые ожидаютъ хотя бы самыхъ ничтожнѣйшихъ результатовъ отъ теоріи добровольнаго воздержанія—люди слишкомъ наивные. Но такихъ людей мало между ними: почти все они очень хорошо сознаютъ, что все слова ихъ о добровольной воздержности—пустыя слова, что воздержностью отъ физической любви размноженіе можетъ быть останавливаемо или замедляемо лишь въ томъ случаѣ, когда воздержность налагается на людей внѣшнимъ принужденіемъ: постановленіями или обычаями, воспрещающими людямъ вступать въ бракъ, если не достигли они извѣстныхъ лѣтъ или извѣстнаго положенія въ обществѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло относится главнымъ образомъ къ мужчинамъ, потому что онъ глава семейства, онъ обязанъ содержать семейство, наконецъ, онъ располагаетъ самымъ заключеніемъ брака, потому что онъ ищетъ себѣ не-вѣсту, когда хочетъ, а дѣвушка играетъ пассивную роль, ждетъ, пока явится женихъ. Разсмотримъ же результаты, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ стѣсненія мужчинъ законами или обычаями относительно женитьбы. Были и отчасти сохраняются до сихъ поръ такія формы быта, въ которыхъ личная мысль чело-вѣка не развита, въ которыхъ онъ подчиняется существующимъ обычаямъ или постановленіямъ, не разсуждая о нихъ, и по слабости мышленія не представляетъ себѣ возможности поступать иначе. Таковъ до сихъ поръ бытъ массы земледѣльцевъ не у насъ однихъ, а также и во всей Европѣ, даже въ самой Англій. Рутинная—дурная или хорошая—вла-дычество надъ ихъ жизнью. У насъ, на-примѣръ, принято поселянами, что каждому парню слѣдуетъ жениться какъ можно раньше. У другихъ поселянъ, на-примѣръ, въ сѣверной Италіи и южной Франціи, существуетъ правило, что не слѣдуетъ парню жениться, пока онъ не найдетъ себѣ особенной фермы, и значительная часть поселянъ женится поэтому въ лѣтахъ не очень молодыхъ. Который изъ этихъ двухъ обычаевъ хорошъ или оба они хороши по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не въ томъ дѣло; дѣло въ томъ, что оба они соблюдаются и поступки каждаго отдѣльнаго поселанина сообразуются съ господствующимъ въ его землѣ обычаемъ. Покорность обычаю устраняетъ развитіе явленій, несогласныхъ съ нимъ, и, на-примѣръ, между поселянами южной Франціи нѣтъ разврата, хотя многіе изъ нихъ женятся поздно. Но цивилизація идетъ не къ тому, чтобы развивалась или хотя сохранялась безответная покорность обычаю. Въ городскомъ населеніи люди мыслятъ уже самостоятельно, и самостоятельность въ мысляхъ, ведущая къ самостоятельности въ поступкахъ, разливается изъ городовъ въ села. А между тѣмъ, пропорція городского населенія все растетъ. Значительная часть каждой европейской націи перешла, остальная не замедлитъ перейти въ состояніе, при которомъ люди могутъ соблюдать обычай по расчету, но не хотятъ подчиняться его послѣдствіямъ, если

находить их стѣснительными для себя. Слѣбное сердечное подчиненіе всѣхъ поступковъ обычаю можетъ при обычаѣ, запрещающемъ женитьбу до извѣстныхъ лѣтъ или до извѣстнаго устройства жизни, задерживать размноженіе съ сохраненіемъ народной нравственности. Прежде такъ и было. Теперь отчасти уже не то, а скоро будетъ совершенно не то: личность развивается. Извѣстно, какую жизнь ведутъ тѣ люди городского населенія, которые не могутъ вступать въ бракъ. Они предаются физической любви никакъ не меньше людей, живущихъ въ бракѣ, только правильныя отношенія замѣняются у нихъ другими. Связи внѣ брака производятъ меньше дѣтей, чѣмъ брачныя отношенія, только тогда, когда еще остаются въ мнѣніи общества дѣломъ постыднымъ, то-есть пока еще не распространились въ массѣ населенія. Если же они становятся общимъ правиломъ, то люди перестаютъ стыдиться ихъ; тогда и внѣбрачныя связи производятъ совершенно такое же число дѣтей, какъ брачное сожителство. Если бы для блага человѣчества нужно было заботиться объ уменьшеніи числа рожденій, достичь этого нельзя было бы ни фразами о воздержности отъ физической любви, которыя по натурѣ человѣка всегда будутъ оказываться безсильными, ни затрудненіями вступленія въ бракъ, которыя вели бы только къ связямъ внѣ брака, при своей распространенности дающимъ такое же число рожденій, какъ и бракъ.

Но мы видѣли, что ни теперь нѣтъ, ни въ теченіе многихъ, по крайней мѣрѣ, 10 слѣдующихъ поколѣній не будетъ никакой надобности заботиться объ уменьшеніи числа рожденій, потому что теперь никакая быстрота размноженія не служитъ и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не будетъ служить причиною нищеты. Мы видѣли, что нищета происходитъ не отъ закона природы, а просто отъ человѣческихъ отношеній, и еслибъ не они, то нынѣшнее состояніе земледѣльческаго искусства на нѣсколько вѣковъ обезпечивало бы людей отъ недостатка въ продовольствіи при полной быстротѣ размноженія, къ какой только способенъ организмъ.

Чтобы понять, отчего на самомъ дѣлѣ происходитъ дефицитъ земледѣльческаго продукта съ нищетою и другими своими результатами, обратимъ вниманіе на два обстоятельства—на отношеніе основнаго капитала къ прибыли и на пропорцію земледѣльческаго населенія въ общемъ составѣ населенія.

Всѣ наши прежнія соображенія о величинѣ земледѣльческихъ улучшеній, требуемой для покрытія дефицита при размноженіи, основаны были на томъ, что пропорція населенія, занимающагося земледѣліемъ, остается неизмѣнною при возрастаніи населенія. Это условіе принимается и въ мальтусовой теоремѣ; иначе и не слѣдуетъ поступать въ наукѣ, основанной на гинотетическомъ методѣ: она всегда начинаетъ разъясненіе вопросовъ тѣмъ, что приводитъ ихъ въ наипростѣйшій видъ, условно отвлекая сущность дѣла отъ всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ, которыми измѣняется оно въ дѣйствительности. Но по разъясненіи сущности дѣла, наука обращается къ разсмотрѣнію формъ, которыми облакается оно въ дѣйствительности подъ вліяніемъ другихъ элементовъ общественной жизни.

По отношенію къ пропорціи между земледѣльцами и всею массою

населенія могутъ быть предположены еще два случая, кромѣ простѣйшаго, которымъ ограничивались мы до сихъ поръ. Что такое было бы при сохраненіи неизмѣнной пропорціи—выводы мы уже видѣли; но пропорція между числомъ земледѣльцевъ и числомъ населенія можетъ также уменьшаться или увеличиваться. Посмотримъ сначала, какъ видоизмѣнился бы требуемый размѣръ улучшеній, еслибы пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія возрастала.

Предположимъ, что въ томъ году, съ котораго начинается нашъ счетъ, земледѣліемъ занималась ровно половина населенія, а другая половина занималась другими производительными работами, или непроизводительнымъ трудомъ. Положимъ теперь, что изъ прибавляющихся людей поступаютъ въ занятіе земледѣліемъ больше половины,—то-есть, если нѣкоторые сыновья земледѣльцевъ становятся ремесленниками, купцами и такъ далѣе, за то большее количество между сыновьями ремесленниковъ, купцовъ и т. д. становятся земледѣльцами. Положимъ, что этотъ перевѣсъ въ обращеніи людей къ земледѣльческимъ занятіямъ составляетъ одну десятую часть всего приращенія не-земледѣльческихъ сословій. Для простоты разчета, положимъ, число земледѣльцевъ 10 милліоновъ, а всего населенія 20 милліоновъ. Будемъ считать результаты размноженія по 25-лѣтнему періоду удвоенія.

При этомъ періодѣ удвоенія, процентъ размноженія составляетъ, какъ мы знаемъ, 2,81138; значитъ, естественное приращеніе 10 милліоновъ земледѣльцевъ черезъ годъ будетъ 281,138 человекъ. вмѣстѣ съ ними къ занятію земледѣліемъ изъ другихъ сословій перешла одна десятая часть такого же числа (281,138) прибавочныхъ людей, т. е. 28,114 человекъ. Всего прибавится къ прежнимъ земледѣльцамъ 309,252 человекъ. По Мальтусовой теоремѣ производительность труда прибылыхъ земледѣльцевъ уменьшается по проценту увеличенія числа земледѣльцевъ. Теперь этотъ процентъ у насъ 3,09252. Посмотримъ же, каковъ будетъ продуктъ втораго года, предполагая, что въ первомъ году продуктъ былъ 1 на каждого жителя или 2 на каждого человекъ въ земледѣльческомъ населеніи.

Прежніе 10 милл. земледѣльцевъ попрежнему произвели 20 милл. единицъ продовольствія.

Продуктъ новыхъ 309,252 земледѣльцевъ опредѣлится по пропорціи:

$$X : 2 \times 309,252 = 10,000,000 : 10,309,252.$$

Изъ этого получается: $X = 599,950$.

Итого, земледѣльческій продуктъ втораго года 20,599,950 единицъ продовольствія, между тѣмъ, какъ населеніе возросло до 20,562,276. Такимъ образомъ, безъ всякихъ земледѣльческихъ усовершенствованій продуктъ возрастаетъ быстрѣе населенія,—паденіе производительности прибылыхъ земледѣльцевъ съ избыткомъ вознаграждается тѣмъ, что пропорція земледѣльцевъ въ населеніи возрастаетъ. Благодаря этому, продовольствіе жителей становится даже обильнѣе прежняго: въ первый годъ приходилось по 1,00000 продовольствія на жителя, во второй годъ уже по 1,00435.

Надобно, впрочемъ, сказать, что такое вліяніе возрастанія пропорціи земледѣльцевъ будетъ постепенно ослабѣвать и, наконецъ, явится надоб-

ность въ земледѣльческихъ усовершенствованіяхъ. Впрочемъ, никогда совершенно не исчезнетъ противодѣйствующее упадку производительности отъ размноженія вліяніе возрастающей пропорціи земледѣльцевъ, и потому требуемый процентъ улучшеній всегда будетъ нѣсколько меньше того, какой нуженъ при неизмѣнной пропорціи земледѣльцевъ. Насколько, именно, ниже будетъ онъ при данныхъ величинахъ цифръ на разныхъ разстояніяхъ времени отъ перваго года, мы не будемъ высчитывать, во-первыхъ, потому, что расчеты были бы слишкомъ длинны, а, во-вторыхъ,—и это главное,—потому, что въ странахъ съ осѣдлымъ населеніемъ никогда не бывало въ дѣйствительности такого хода дѣлъ, чтобы съ размноженіемъ населенія пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія увеличивалась.

Въ дѣйствительности ходъ дѣлъ всегда былъ противнаго характера. Число городского населенія всегда росло въ прогрессирующихъ странахъ быстрѣе, чѣмъ общее число населенія, да и въ самыхъ селахъ число людей, занимающихся не земледѣльческими работами или ни чѣмъ не занимающихся, росло быстрѣе, чѣмъ общее число сельскаго населенія. Пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія повсюду уменьшалась съ размноженіемъ населенія и съ развитіемъ цивилизаціи. Посмотримъ хоть вокругъ себя. Въ селахъ все увеличивается пропорція людей, живущихъ какимъ-нибудь ремесломъ, торговлей и не пашущихъ землю. Въ мелкихъ городахъ, прежде занимавшихся исключительно хлѣбонашествомъ, все большая и большая пропорція жителей переходитъ къ другимъ дѣламъ. Вообще, городское населеніе растетъ быстрѣе общаго числа жителей имперіи. Такъ шло дѣло постоянно во всѣхъ странахъ, вступавшихъ на путь экономическаго прогресса; посмотримъ же, какое вліяніе имѣетъ эта переменна на величину улучшеній, требуемыхъ для уравновѣшенія земледѣльческаго продукта съ размножающимся населеніемъ. Конечно, у каждаго читателя уже готовъ отвѣтъ: при уменьшающейся пропорціи земледѣльцевъ въ составѣ населенія нуженъ размѣръ земледѣльческихъ улучшеній больше того, какой достаточенъ при неизмѣнной пропорціи. Такъ. Но отъ самаго ничтожнаго уменьшенія пропорціи земледѣльцевъ этотъ размѣръ улучшеній, нужныхъ на покрытіе земледѣльческаго дефицита, растетъ по прогрессіи, гораздо быстрѣйшей, чѣмъ, вѣроятно, предполагалъ бы читатель.

Предположимъ опять общество, имѣющее 20 милліоновъ населенія, въ томъ числѣ ровно половину,—10 милліоновъ земледѣльческаго населенія; положимъ опять 25-лѣтній періодъ удвоенія, и положимъ, что изъ прибылыхъ людей земледѣльческаго населенія бросаетъ хлѣбонашество и переходитъ къ другимъ занятіямъ одна десятая часть. Мы знаемъ, что прибылыхъ людей въ земледѣльческомъ населеніи явится ко второму году 281,138 человекъ; изъ нихъ одна десятая часть (28,114) переходитъ къ другимъ занятіямъ, а на земледѣліи остаются 253,024 человека. По Мальтусовой теоремѣ производительность труда прибылыхъ земледѣльцевъ уменьшается по проценту увеличенія общаго числа земледѣльцевъ. Каковъ же будетъ земледѣльческій продуктъ втораго года? Продуктъ прибылыхъ земледѣльцевъ (полагая первоначальную производительность, какъ въ прежнемъ примѣрѣ = 2) опредѣляется по пропорціи:

$$X : 2 \times 253,024 = 10,000,000 : 10,253,024,$$

откуда $X = 493,560$.

Итакъ, съ 20,000,000 единицъ продовольствія, произведенныхъ трудомъ прежняго числа хлѣбонашцевъ, весь продуктъ втораго года безъ земледѣльческихъ улучшеній будетъ только 20,493,560 единицъ продовольствія, а между тѣмъ нужно, какъ мы видѣли въ прежнемъ примѣрѣ, 20,562,276 единицъ продовольствія, потому что до такого числа людей возрасло населеніе. Оказывается дефицитъ въ 68,716 единицъ продовольствія. Этотъ недочетъ долженъ быть покрытъ земледѣльческими улучшеніями. Какъ же великъ потребный для того размѣръ улучшеній, принимая первоначальную производительность = Р? Эта производительность, какъ мы видѣли изъ прежнихъ разясненій, должна быть поднята земледѣльческими улучшеніями на столько, на сколько требуемый продуктъ выше продукта, получаемаго безъ улучшеній.

$$X : P = 20,562,276 : 20,493,560.$$

Изъ этого получаемъ: $X = 1,003255$.

Посмотрите же, какъ разросся требуемый размѣръ улучшеній сравнительно съ тѣмъ, какой былъ достаточенъ для 25-лѣтняго періода удвоенія при неизмѣнности пропорціи земледѣльцевъ. Тогда было достаточно годовичное улучшеніе въ 0,07477⁰%, теперь нужно оно въ 0,3255⁰%, то есть слишкомъ въ 4 раза больше. Тогда было достаточно усовершенствовать земледѣліе въ теченіе столѣтія на 7,76⁰%, теперь нужно возвысить его въ тотъ же періодъ времени на 38,4⁰%, то есть въ пять разъ больше.

А между тѣмъ какъ ничтожно принятое нами уменьшеніе пропорціи земледѣльцевъ! Вѣдь разница между 10,281,138 земледѣльцевъ, которые работали бы во второй годъ при неизмѣнности пропорціи, и 10,255,024 земледѣльцевъ, которые остались на работѣ, по принятому нами измѣненію пропорціи,—вѣдь эта разница составляетъ лишь немногимъ больше $\frac{1}{4}$ ⁰% (0.276). Отъ уменьшенія земледѣльцевъ на одну четверть процента понадобился размѣръ улучшеній, слишкомъ въ четыре раза большій.

Что же будетъ, если пропорція земледѣльцевъ въ составѣ населенія уменьшается по прогрессіи, болѣе быстрой? Требуемый размѣръ улучшеній будетъ возрастать по прогрессіи, еще несравненно быстрѣйшей, и при небольшихъ цифрахъ уменьшенія пропорціи земледѣльцевъ онъ уже достигаетъ той невозможной величины, о которой говорилъ Мальтусъ. Вотъ для примѣра цифры. Если предположить, что одна четвертая часть людей, прибывающихъ къ земледѣльческому населенію, покидаетъ занятіе земледѣліемъ, то потребуются годовичный размѣръ улучшенія въ 0,7313⁰%, а вѣковой размѣръ улучшенія будетъ 107,22⁰%; если же будетъ покидать земледѣльческія занятія половина людей, прибывающихъ къ земледѣльческому населенію, то потребуются годовичный размѣръ улучшенія въ 1,4062⁰%, а вѣковой размѣръ будетъ 303,86⁰%. Трудно предположить возможность первой изъ этихъ прогрессій улучшенія, а вторая уже явно невозможна. Что же будетъ, если земледѣльческія занятія будутъ покидаемы еще большимъ числомъ людей? А въ дѣйствительной исторіи прогрессирующихъ странъ уменьшеніе пропорціи земледѣльцевъ обыкновенно бывало значительнѣе

того, какое производится переходомъ половины прибылыхъ людей земледѣльческаго населенія отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ. Укажемъ въ примѣръ хотя на Францію. Передъ революціей, лѣтъ 70 тому назадъ, въ ней считалось около 24 милл. жителей, а теперь около 36 милл., такъ что приращеніе составляетъ около 50%. Число людей, занимающихся земледѣльческими работами, составляетъ теперь около половины всего населенія. Какое число людей занималось земледѣліемъ около 1790 года, этого, разумѣется, неизвѣстно въ точности; но если бы только половина прибылыхъ съ того времени къ земледѣльческому населенію людей перешла къ другимъ занятіямъ, то оказывалось бы, что въ 1790 году занималось земледѣліемъ 60% тогдашняго населенія, и все количество людей, которымъ увеличилась пропорція не земледѣльческаго населенія, съ той поры составляетъ только 10% нынѣшняго населенія или около 3,600,000 человекъ. Кто не видитъ, что такое число слишкомъ мало? Населеніе одного Парижа увеличилось въ эти 70 лѣтъ почти на миллионъ не размноженіемъ прежнихъ жителей, а приливомъ людей изъ провинцій; населеніе всѣхъ другихъ городовъ также возрасло этимъ путемъ и въ большей части городовъ удвоилось; въ самыхъ селахъ по крайней мѣрѣ удвоилось число людей, занимающихся не земледѣліемъ, а заводскими, фабричными, ремесленными и другими дѣлами. Если же болѣе чѣмъ 3,600,000 изъ нынѣшнихъ 17 или 18 милл. неземледѣльческаго населенія перешли въ это населеніе изъ земледѣльческаго, то масса перешедшихъ составляетъ болѣе половины изъ прибыли земледѣльческаго населенія съ 1790 года.

Да, Мальтусъ былъ правъ, говоря, что съ размноженіемъ населенія является непобѣдимый никакими земледѣльческими улучшеніями дефицитъ земледѣльческаго продукта, дефицитъ, производящій нищету съ ея послѣдствіями. Мальтусъ ошибся только тѣмъ, что остановился на одновременности этихъ двухъ явленій, и голословно назвалъ одно изъ нихъ причиною другаго, между тѣмъ какъ связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходятъ они не одно изъ другаго, а каждое имѣетъ свою особенную причину. Размноженіе производится успѣхами земледѣльческой техники, улучшеніемъ въ качествѣ труда, улучшеніемъ обычаевъ и законовъ, вообще успѣхами цивилизаціи. Дефицитъ производится тѣмъ, что, не смотря на успѣхи цивилизаціи, еще остается въ жизни общества слишкомъ много отношеній, искажающихъ характеръ цивилизаціи. Одно изъ этихъ искаженій мы разсмотрѣли теперь: оно состоитъ въ томъ, что городскія и вообще неземледѣльческія занятія и праздная жизнь развиваются на счетъ земледѣльческихъ занятій быстрѣе, чѣмъ допускалось бы успѣхами земледѣльческой техники, безъ вреда для націи. Всему въ общественной жизни существуетъ своя мѣра, нарушать которую нельзя безъ вреда для націи. Конечно, прекрасно заботиться объ изящной одеждѣ, украшеніи жилищъ и обо всемъ, составляющемъ прелесть изящной жизни. Но если нація будетъ отнимать на эти заботы отъ земледѣлія больше рукъ, чѣмъ дозволяется успѣхами земледѣльческаго искусства, нація будетъ терять недостатокъ въ хлѣбѣ, хотя бы размножалась, хотя бы не размножалась, все равно. Просимъ читателя вспомнить нашъ этюдъ о

выгодномъ и убыточномъ производствѣ (стр. 59—70) и о распредѣленіи покупательной силы (стр. 143—146).

Несоразмѣрное нуждамъ націи и размѣру успѣховъ земледѣльческой техники отвлеченіе рукъ отъ земледѣлія къ другимъ занятіямъ или переходъ ихъ къ празднои жизни,—вотъ одна изъ причинъ дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ. Другую причину мы увидимъ, если вникнемъ въ характеръ факта, который называется земледѣльческимъ улучшеніемъ.

Каковъ общій экономическій характеръ всякаго улучшенія въ какомъ бы то ни было производствѣ? Производство можетъ улучшаться или отъ улучшенія въ качествахъ труда, то есть въ качествахъ работника, или отъ улучшенія въ орудіяхъ производства (улучшеніе матеріала бываетъ слѣдствіемъ улучшенія въ его производствѣ, то есть опять-таки въ работникѣ или въ орудіяхъ). Чтобы приготовить болѣе искуснаго работника, нужна затрата капитала на его подготовленіе къ дѣлу; чтобы вложить въ него болѣе усердія къ дѣлу, опять-таки нужна затрата капитала на усовершенствованіе житейской обстановки работника (читатель знаетъ, что никакое улучшеніе общественнаго быта не происходитъ безъ усилій, т. е. безъ затраты труда, а возможность затраты труда дается затратою капитала). О томъ, что улучшеніе орудій производства составляетъ затрату капитала, нечего и говорить. Всѣ эти затраты таковы, что даютъ выручку не въ одинъ оборотъ производственной операціи, а лишь въ цѣлый длинный рядъ операцій, т. е. всѣ они принадлежатъ къ разряду основнаго капитала. Такимъ образомъ всякое улучшеніе производства есть ни больше, ни меньше какъ увеличеніе основнаго капитала. Но всегда ли бываетъ выгодно увеличеніе основнаго капитала для владѣльца капитала, когда бываетъ выгодно для націи? Это еще вопросъ. Отвѣчать на него очень легко.

Предположимъ общество, имѣющее 10,000 населенія или 2,000 семействъ, съ 2,000 взрослыхъ мужчинъ, о которыхъ и будемъ исключительно говорить, для простоты гипотезы, принимая взрослоаго мужчину представителемъ элементовъ производства, распредѣленія и потребленія за всю семью. Пусть, по своему быту, эти мужчины распредѣляются такимъ образомъ:

- 1,000 хлѣбопашцевъ;
- 500 человекъ, занимающихся другими отраслями выгоднаго труда;
- 400 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ;
- 100 землевладѣльцевъ и капиталистовъ, но найму которыхъ работаютъ остальные 1,900 членовъ общества;

Итого 2,000 человекъ.

Для простоты гипотезы оставимъ въ сторонѣ всѣ другія отрасли производства и всѣ другіе элементы рабочей платы, кромѣ земледѣлія и хлѣба.

Положимъ, что на продовольствіе нужно по 4 четверти хлѣба на человека и 1,000 земледѣльцевъ производятъ 40,000 четвертей, по 40 четвертей каждый.

Положимъ, что рента и прибыль капиталистовъ составляютъ одну четвертую часть продукта, то есть 10,000 четвертей. Остальные 30,000 четвертей будутъ составлять рабочую плату, которая такимъ образомъ будетъ 30 четвертей на работника.

Таково было положеніе общества въ первый годъ. Положимъ теперь, что это общество размножается по 2%. Для простоты гипотезы надобно положить, что пропорція земледѣльцевъ и рабочая плата остаются неизмѣнными. Посмотримъ же теперь, что будетъ въ обществомъ во второй годъ.

При быстротѣ размноженія въ 2%, по мальтусовой теоремѣ оказывается нужнымъ для покрытія дефицита размѣръ улучшеній, въ 0,0385%, для легкости счета положимъ въ 0,04%. При такомъ размѣрѣ улучшенія 1,020 хлѣбонашцевъ втораго года произведутъ по прежнему 40 четвертей каждый, всего 40,800 четвертей, и въ населеніи, размножившемся до 10,200 человекъ, по прежнему придется на каждого жителя 4 четверти, требующіяся для полного продовольствія человекѣ. Если же улучшеніе не будетъ произведено, то въ продуктѣ втораго года окажется недочетъ въ 0,04% противъ требующагося продукта, то есть недочетъ въ 16,32 четверти, положимъ для легкости счета въ 16 четвертей. Считая по 4 четверти на человекѣ, оказывается, что недостаетъ продовольствія для 4 человекъ, и возникаетъ такой размѣръ нищеты и разныхъ лишеній, что 4 человекѣ погибнутъ.

Спрашивается теперь, будутъ ли произведены требуемыя улучшенія или не будутъ?

Дѣло зависитъ оттого, какое количество труда нужно для производства улучшеній, дающихъ въ продуктѣ увеличеніе на 16 четвертей.

Быть-можетъ для этого требуется защитить участокъ въ 4 десятины небольшою канавою отъ весенней воды, текущей на него съ сосѣдняго холма и смывающей посѣвъ; эту канаву могутъ вырыть въ теченіе года 2 работника. Въ такомъ случаѣ затрата капитала на производство улучшенія будетъ составлять 60 четвертей (наемъ 2 работниковъ съ платою по 30 четвертей). Обращеніе 60 четвертей хлѣба въ основной капиталъ дастъ 16 четвертей дохода,—это значитъ что затраченный капиталъ дастъ прибыль въ 27%. Нѣтъ ни одного разсудительнаго землевладѣльца или капиталиста въ Европѣ, который съ радостію не сдѣлалъ бы такого улучшенія. Если бы нужны были только такія улучшенія, не существовало бы нищеты въ Европѣ.

Но быть можетъ уже защищены такими канавами всѣ поля, нуждающіяся въ нихъ и требуемое улучшеніе состоитъ въ томъ, чтобы осушить болото, занимающее 4 десятины. Если онѣ будутъ осушены, каждая изъ нихъ дастъ 4 четверти, и 16 четвертей дефицита будутъ покрыты этимъ улучшеніемъ. Но осушеніе болота требуетъ годичнаго труда 10 человекъ, то есть (по 30 четвертей на наемъ работника) требуетъ затраты въ 300 четвертей. 16 четвертей прибыли на этотъ капиталъ составляетъ только съ небольшимъ 5%. Въ нѣкоторыхъ странахъ лишь немногіе землевладѣльцы пренебрегутъ такимъ доходомъ, а большая часть почтутъ улучшение выгоднымъ для себя. Въ такихъ странахъ большая часть дефицита

покроется улучшеніемъ, и нищеты будетъ не очень много. Въ другихъ странахъ такой процентъ прибыли для всѣхъ разсудительныхъ капиталистовъ покажется слишкомъ малъ, не будетъ сдѣлана никакая часть требуемаго улучшенія, и дѣйствіе дефицита обнаружится въ полной силѣ. Вотъ именно объ этомъ случаѣ говоритъ Милль въ главѣ о возрастаніи капитала, объясняя, что размѣръ производимыхъ улучшеній зависитъ отъ того, какая величина процента прибыли на капиталъ кажется капиталисту достаточно привлекательной.

Но существуетъ еще третій случай. Быть можетъ уже осушены болота, осушеніе которыхъ легко, и остаются невоздѣланными лишь какія нибудь трясины, опоясанныя холмами. Положимъ, что для осушенія 4 десятины трясины, которая стала бы давать 16 четвертей, нужно прорыть довольно большой каналъ, устройство котораго потребовало бы годичнаго труда 200 человекъ, т. е. (по 30 четвертей на наемъ работника) потребовало бы затраты 6,000 четвертей. На этотъ капиталъ прибыль въ 16 четвертей составитъ только 0,27%, то есть неогимъ больше $\frac{1}{4}\%$. Каково бы ни было расположеніе націи къ бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило дѣятельное стремленіе къ накопленію, никогда не можетъ оно усилиться до того, чтобы прибыль въ $\frac{1}{4}\%$ стала казаться привлекательною для разсудительнаго человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, какое пожертвованіе должны были бы сдѣлать землевладѣльцы и капиталисты для полученія такой ничтожной прибыли? Припомнимъ распредѣленіе работниковъ между разными занятіями. Въ первый годъ у насъ было 1,000 хлѣбопашцевъ, 500 другихъ работниковъ, занятыхъ выгоднымъ трудомъ и 400 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ. При размноженіи въ 2% на второй годъ будетъ

1,020 хлѣбопашцевъ,
510 другихъ выгодныхъ работниковъ,
408 работниковъ, занятыхъ убыточнымъ трудомъ.

Итого . 1,936 работниковъ.

Изъ этихъ трехъ классовъ одинъ только классъ работниковъ занятыхъ убыточнымъ трудомъ служить источникомъ, изъ котораго безъ вреда для общества часть работниковъ можетъ обращаться на производство земледѣльческихъ улучшеній. Но именно этотъ классъ и занимается тѣми дѣлами, отъ которыхъ зависитъ высокій комфортъ и изящество жизни землевладѣльцевъ и капиталистовъ,—онъ состоитъ изъ домашней прислуги, изъ мастеровыхъ, дѣлающихъ предметы роскоши, изъ артистовъ и т. д. Для производства требуемаго улучшенія, изъ этихъ 408 работниковъ должны бы перейти къ труду, имѣющему своимъ результатомъ производство хлѣба, 200 человекъ, т. е. почти цѣлая половина. Это значить, что домашняя обстановка землевладѣльцевъ и капиталистовъ сдѣлалась бы вдвое менѣе блестящею, и они имѣли бы для своего потребленія вдвое меньше предметовъ роскоши, чѣмъ прежде. Кто имѣлъ лакея и кучера, сохранилъ бы только лакея, потому что кучеръ обратился бы на производство улучшенія: прежде этотъ человѣкъ имѣлъ свой экинажъ, теперь онъ былъ бы при-

нужденъ ходить и́шкомъ или ѣздить въ омнибусѣ. Чѣмъ же вознаграждается такое пожертвованіе? Если улучшеніе не произведено, продуктъ втораго года будетъ составлять 40,784 четверти; изъ нихъ въ ренту и прибыль капиталистовъ пойдетъ одна четвертая часть, т. е. 10,196 четвертей. Если улучшеніе будетъ произведено, къ этимъ 10,196 четвертей прибавится еще 16 четвертей, составляющихъ доходъ на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ отъ производства улучшеній доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ увеличится на 0,150%, но для этого цѣлый годъ они должны были бы жить вдвое скромнѣе прежняго. Такое скряжничество не въ натурѣ человѣка; никто изъ разсудительныхъ людей не рѣшится на него.

Но если производство требуемаго улучшенія въ этомъ послѣднемъ случаѣ несовмѣстно съ выгодами землевладѣльцевъ и капиталистовъ, то совершенно не таково оно по отношенію къ потребностямъ націи. Мы видѣли, что для націи вопросъ о производствѣ или непроизводствѣ улучшенія составляетъ вопросъ о сохраненіи благосостоянія или о появленіи нищеты, простирающейся до того, что входитъ въ націю голодная смерть. Для націи дилемма такова, что разсудительному обществу нельзя колебаться въ выборѣ: для него представляется выгоднымъ не пощадить никакихъ усилій, лишь бы избѣжать земледѣльческаго дефицита. Дѣло состоитъ только въ томъ, имѣетъ ли общество возможность исполнить нужное ему дѣло, произвести требуемое улучшеніе. Въ нашемъ примѣрѣ оно имѣетъ эту возможность. Въ немъ считается на второй годъ 408 такихъ работниковъ, трудъ которыхъ нисколько не содѣйствуетъ благосостоянію общества; безъ вреда для себя оно можетъ обратить какую потребуетъ часть или всю массу ихъ на производство земледѣльческаго улучшенія. Поэтому для полученія требуемыхъ на пополненіе дефицита 16 четвертей хлѣба оно можетъ не съ потерей, а съ пользой для себя произвести улучшеніе, требующее годовичнаго труда 200 человѣкъ, то есть затраты 6,000 четвертей хлѣба; можетъ съ пользою для себя произвести даже такое улучшеніе, которое потребуетъ годовичнаго труда 408 работниковъ, то есть затраты 12,240 четвертей па прибавку въ продуктѣ, дающую всего лишь 16 четвертей, то есть, всего лишь 0,130% прибыли на капиталъ; для капиталиста затрата въ видахъ такой ничтожной прибыли просто нецѣльна; но общество руководилось бы тутъ вовсе не расчетомъ процентовъ прибыли на капиталъ, а просто потребностью избѣжать страданій, которыя были бы порождены земледѣльческимъ дефицитомъ. Пока на это дѣло употребляются руки людей, которые другими своими занятіями не содѣйствовали бы благосостоянію общества, всякая прибыль отъ ихъ труда надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ составитъ чистый выигрышъ для общества. Подобно капиталистамъ, общество начнетъ разсчитывать величину прибыли на затраченный капиталъ лишь тогда, когда обрабатываемыя на производство руки отрывались бы отъ другихъ, выгодныхъ обществу занятій. Выгодно ли будетъ обществу обратить на производство земледѣльческаго улучшенія часть другихъ работниковъ, занятыхъ другимъ выгоднымъ трудомъ, — это уже опредѣлится расчетомъ прибыли, которая дается ихъ трудомъ въ этихъ двухъ разныхъ случаяхъ. Напримѣръ, если годовичный трудъ ткача производитъ триста

аршинъ холста или коленкора на одежду 10 человѣкъ, то не выгодно было бы оторвать этого ткача отъ прежняго дѣла на работу надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ, дающимъ лишь одну четвертую часть процента, какъ въ нашемъ предъидущемъ примѣрѣ, когда трудомъ 200 человѣкъ (затратою 6,000 четвертей) дается прибавка продукта лишь въ 16 четвертей. Въ этомъ случаѣ трудъ одного человѣка надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ производитъ прибавку продукта лишь въ 0,08 четверти; а на продовольствіе человѣка въ годъ нужно, по нашей гипотезѣ, 4 четверти хлѣба, стало быть годовая работа одного человѣка надъ земледѣльческимъ улучшеніемъ послужитъ къ снабженію нищею лишь одного человѣка въ теченіе лишь одной недѣли; а если ткачъ покинетъ для этого прежнюю свою работу, то 10 человѣкъ на цѣлый годъ останутся безъ удовлетворительной одежды; такой промѣнъ не выгоденъ для общества: оно отъ него потеряло бы въ одеждѣ гораздо большую массу недостатка, чѣмъ на сколько облегчился бы недостатокъ продовольствія. Но безъ всякой потери для общества могутъ быть обращаемы на производство земледѣльческихъ улучшеній всѣ тѣ руки, которыя не заняты выгоднымъ для общества производствомъ: какова бы ни была прибавка отъ ихъ труда къ земледѣльческому продукту, она будетъ составлять чистый выигрышъ. А пока дѣло идетъ о снабженіи общества достаточнымъ продовольствіемъ, выгоднымъ для общества трудомъ бываетъ лишь производство предметовъ необходимости, и съ точки зрѣнія общественныхъ потребностей представляются праздными или работающими въ убытокъ обществу всѣ руки, занятія производствомъ предметовъ не первой необходимости. О рукахъ, ничего не дѣлающихъ, мы уже не говоримъ.

Такимъ образомъ величина затраты основнаго капитала, которую общество можетъ дѣлать безъ всякаго убытка для себя на земледѣльскія улучшенія, опредѣляется пропорціею количества людей, не занятыхъ въ обществѣ производствомъ предметовъ первой необходимости, сравнительно съ количествомъ хлѣбопашцевъ.

Мы видѣли, на примѣръ, что при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія требуемый годовичный размѣръ земледѣльческихъ улучшеній составляетъ $0,074768^0/0$. Это значитъ, что если въ обществѣ, размножающемся съ быстротою удваивающею число людей въ 25 лѣтъ, нужно 10,000 четвертей хлѣба для удовлетворительнаго продовольствія размножающагося населенія въ извѣстномъ году, то безъ производства земледѣльческихъ улучшеній оказался бы недостатокъ около $7\frac{1}{2}$ четвертей и надобно произвести въ теченіе года такія улучшенія, которыя дали бы въ продуктѣ увеличеніе въ $7\frac{1}{2}$ четвертей. Положимъ, что въ этомъ обществѣ хлѣбопашествомъ занимаются 200 человѣкъ работниковъ съ семействами. Каждый работникъ долженъ произвести по 50 четвертей. Эти 50 четвертей мы назовемъ единицею земледѣльческаго капитала. Положимъ теперь, что въ обществѣ на 100 человѣкъ хлѣбопашцевъ считается 10 человѣкъ, занятыхъ убыточными для общества производствами или незанятыми ничѣмъ. Всѣ эти люди, безъ малѣйшей потери для общества, могутъ заняться производствомъ земледѣльческихъ улучшеній, и прибыль отъ произведеннаго ими улучшенія составитъ чистый выигрышъ для общества. Въ нашемъ обществѣ находится 20 такихъ

людей, соответственно предположенному числу 200 хлѣбонашцевъ. Итакъ производствомъ улучшенія, дающаго $7\frac{1}{2}$ четвертей, общество можетъ занять 20 человекъ. Какой же доходъ будетъ произведенъ трудомъ каждаго изъ нихъ, сравнительно съ единицею земледѣльческаго капитала? Если трудъ 20 человекъ даетъ доходъ въ $7\frac{1}{2}$ четвертей, то очевидно, что трудъ каждаго изъ нихъ дастъ 0,375 четвертей, а единица земледѣльческаго капитала принята у насъ въ 50 четвертей. На этотъ капиталъ 0,375 четверти составляютъ 0,75⁰%. Изъ этого видимъ, что если въ данномъ обществѣ при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія число рукъ празднахъ или занятыхъ производствомъ предметовъ не первой необходимости составляетъ одну десятую часть числа земледѣльцевъ, то общество съ выгодою для себя могло бы производить даже такія земледѣльческія улучшенія, которыя давали бы въ продуктѣ лишь $\frac{3}{4}$ ⁰% на затраченный капиталъ. Точно такимъ же образомъ можетъ быть найденъ предѣлъ выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній при всякой другой пропорціи числа празднахъ или занятыхъ убыточнымъ трудомъ людей, сравнительно съ числомъ земледѣльцевъ. Для соображенія представляемъ здѣсь въ таблицѣ цифры нѣкоторыхъ пропорцій.

На 100 земледѣльцевъ приходится въ обществѣ празднахъ или занятыхъ убыточнымъ для общества трудомъ людей.

Величина выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній, считая затраченный на нихъ капиталъ = 100.

1	7,47680
2	3,73840
3	2,49227
4	1,86820
5	1,49536
6	1,24613
7	1,06811
8	0,93410
9	0,83076
10	0,74768
20	0,37384
30	0,24923
40	0,18682
50	0,14954
60	0,12461
70	0,10681
80	0,09341
90	0,08308
100	0,07477

Мы такъ привыкли оцѣнивать все денежнымъ счетомъ, что размѣръ и характеръ экономическихъ понятій становится иногда ясенъ для насъ лишь по выраженію результатовъ ихъ въ деньгахъ. Переведемъ же полученные нами выводы въ денежный счетъ.

Съ точки зрѣнія мальтусовой теоріи, плата работнику подраздѣляется

на двѣ части: одна идетъ на продовольствіе работника и его семейства пищу, другая на удовлетвореніе остальныхъ потребностей работника. Предположивъ, что расходы работника на пищу составляютъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ его расходовъ, а расходы на жилище, одежду и всѣ другія надобности только $\frac{1}{3}$ суммы расходовъ, мы, конечно, положимъ для этой второй части величину слишкомъ малую, слѣдовательно, для первой слишкомъ большую. Но положимъ, все-таки, что на пищу идетъ $\frac{2}{3}$ расходовъ работника, то есть $\frac{2}{3}$ рабочей платы.

Никто не говоритъ, что количеству одежды, жилищъ и другихъ надобностей, кромѣ пищи, трудно возрастать съ такою же быстротою, какъ размножается населеніе, и въ вопросѣ о трудности затраты капитала на увеличеніе производства понимается только одна часть капитала, пища. Потому для опредѣленія числа работниковъ, которыхъ можетъ обратитъ общество на производство земледѣльческаго улучшенія, надобно считать только количество нужной имъ пищи.

На семейство съ однимъ взрослымъ мужчиною въ лѣтахъ, способныхъ къ работѣ, обыкновенно полагаютъ 4 человѣка дѣтей, женщинъ и стариковъ. Положимъ, на продовольствіе одного человѣка въ общемъ счетѣ населенія по 4 четверти хлѣба. Если такъ, на продовольствіе работнику съ семействомъ нужно среднимъ числомъ 20 четвертей. На 100,000 четвертей будетъ содержаться 5,000 работниковъ.

Полагая цѣну четверти хлѣба въ 3 рубля, мы видимъ, что на продовольствіе себя и семейства работникъ долженъ израсходовать 60 руб. сер. Это, по принятой нами пропорціи, составляетъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ его необходимыхъ расходовъ. Итакъ, средняя величина рабочей платы будетъ ($\frac{2}{3} : 1 = 60 : X$; изъ этого $X = 90$ рублей).

Такимъ образомъ, затрата 100,000 четвертей для полученія 374 четвертей прибавки въ продуктѣ соотвѣтствуетъ расходу въ 450,000 р. на наемъ 5,000 работниковъ ($90 \times 5,000 = 450,000$).

Что жъ это такое, возможность затрачивать 450,000 р. для полученія дохода въ 374 четверти, при цѣнѣ хлѣба въ 3 р. четверть и при рабочей платѣ въ 90 р. за годъ? Какія жъ это земледѣльческія улучшенія возможны при такой величинѣ затраты капитала?

Вы скажете: „дренажъ, жидкое удобреніе, кормленіе скота въ стойлѣ“, — нѣтъ, вы берете слишкомъ, слишкомъ низко; эти улучшенія даютъ прибавку въ 374 четверти при затратахъ какихъ нибудь 20 или 15 тысячъ рублей. Вы скажете: „воздѣлываніе хлѣбныхъ нивъ въ такомъ совершенствѣ, какъ нынѣ воздѣлываются огороды“ — все еще слишкомъ низко; тутъ довольно затратить на десятину какихъ нибудь 200 рублей, и десятина дастъ навѣрное прибавку больше, чѣмъ въ 1 четверть, сравнительно съ плодотворной системой, и на полученіе прибавки въ 374 четверти понадобится затратить всего какихъ нибудь 40 или 50 тысячъ рублей. Слишкомъ, слишкомъ низко; есть возможность производить улучшенія несравненно болѣе высокія. Положите, что десятина дастъ только 5 четвертей урожая; для полученія 374 четвертей довольно будетъ обратитъ 75 десятинъ неудобной земли въ удобную, то есть можно тратить на это по 6,000 рублей

на десятину. При такой затратѣ, можно покрыть нивами всю, какую хотите, бесплодную степь, обратить всю Сахару въ цвѣтущую землю.

Но вѣдь мы производили расчетъ по 25-лѣтнему періоду удвоенія, а сами же видѣли, что онъ неимовѣрно кратокъ, что быстрѣйшій возможный періодъ удвоенія надобно считать около 35 лѣтъ. При такомъ періодѣ, размѣръ возможной затраты капитала еще возрастаетъ въ огромной пропорціи. Вотъ для соображенія таблица низшихъ предѣловъ выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній при этомъ періодѣ, съ расчетомъ того, по сколько можетъ общество расходовать на обращеніе десятины неудобной земли въ удобную (расчетъ этотъ составленъ на томъ же основаніи, по какому выведена возможная затрата 6,000 р. на десятину при 25-лѣтнемъ періодѣ удвоенія и при возможности занять производствомъ улучшения 20 работниковъ на 100 хлѣбопашцевъ).

Число людей праздныхъ или занятыхъ убыточнымъ для общества трудомъ на 100 хлѣбопашцевъ.	Процентъ наименьшаго выгоднаго для общества дохода отъ земледѣльческихъ улучшеній, считая затраченное на содержаніе работниковъ лич. хлѣба=10.000.000.	Сумма, которая съ годою для общества можетъ затрачиваться на обращеніе неудобной земли въ удобную, при цѣнѣ четверти хлѣба 3 р. сер.
1	3,84443 ⁰ / ₀	588 рублей.
2	1,92221	1,176 "
3	1,28148	1,764 "
4	0,96111	2,351 "
5	0,76888	2,939 "
6	0,64074	3,527 "
7	0,54920	4,150 "
8	0,48056	4,703 "
9	0,42716	5,291 "
10	0,38444	5,879 "
20	0,19222	11,757 "
30	0,12815	17,636 "
40	0,09611	23,514 "
50	0,07689	29,393 "
60	0,06407	35,271 "
70	0,05492	41,150 "
80	0,04806	47,029 "
90	0,04272	52,907 "
100	0,03844	58,786 "

Читатель понимаетъ, что значать эти цифры наименьшаго дохода и наибольшей затраты капитала. Если общество можетъ, не отрывая отъ другихъ выгодныхъ производствъ, обратить на производство земледѣльческихъ улучшеній такое число работниковъ, которое равняется, напримѣръ, одной пятой части хлѣбопашцевъ (въ послѣдней таблицѣ 20 на 100), то при всевозможной быстротѣ размноженія это общество не должно терять недостатка въ продовольствіи до той поры, пока будутъ произведены всѣ улучшения, дающія въ продуктѣ прибавку въ $\frac{1}{5}^0/0$ (или, собственно говоря, нѣсколько меньше, только $0,192^0/0$), сравнительно съ количествомъ хлѣба,

потребленнаго работниками, производившими улучшенія, или, иначе говоря, пока не будутъ обращены въ пашню всѣ тѣ неудобныя земли, обращеніе которыхъ въ удобныя для хлѣбонашества земли требуетъ расхода меньше чѣмъ въ 12 тысячъ рублей на десятину (при цѣнѣ хлѣба въ 3 рубля за четверть; при цѣнѣ, болѣе высокой, пропорціонально поднялась бы и сумма наибольшей возможной затраты; наприм., при цѣнѣ хлѣба въ 6 р. за четверть—затрата въ денежномъ счетѣ обозначалась бы цифрой вдвое большею, около 24 тысячъ рублей). Само собою разумѣется, что соразмѣрной величины достигаетъ и наибольшая возможная затрата на увеличеніе продукта съ земель, уже воздѣлываемыхъ. Основаніемъ счета затраты на обращеніе неудобныхъ земель подъ пашню принята величина сбора въ 5 четвертей съ десятины такой земли; это значитъ, что для увеличенія сбора съ воздѣлываемыхъ земель на одну четверть съ десятины можно затрачивать болѣе 2300 рублей, или для увеличенія сбора на $\frac{1}{10}$ четверти затрачивать болѣе 230 рублей на десятину земель, уже воздѣланныхъ. А пока не произведены всѣ улучшенія, дающія такой малый процентъ дохода на затрачиваемый капиталъ, пока можно дѣлать улучшенія, дающія больній процентъ дохода въ земледѣльческомъ продуктѣ.—до той поры, несмотря на всевозможную быстроту размноженія, будетъ оставаться излишекъ противъ нормы потребленія предъидущаго года, то есть на каждого жителя будетъ приходиться нищи больше прежняго, то есть благосостояніе общества по отношенію къ продовольствію будетъ все возвышаться съ каждымъ годомъ, даже при самомъ быстрѣйшемъ размноженіи, какое только донускается устройствомъ организма.

Если судить по понятіямъ настоящаго, то надобно сказать, что мы не въ силахъ даже вообразить, чтобы когда нибудь не оставалось въ какой бы то ни было странѣ возможности производить безконечную массу земледѣльческихъ улучшеній, дающихъ болѣе $\frac{1}{5}\%$ на часть капитала, потребленную работниками въ видѣ нищи. Вся страна должна обратиться,—не говоримъ въ огородъ или садъ,—нѣтъ, въ одну сплошную массу оранжерей прежде, чѣмъ дойдетъ до надобности въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ, дающихъ менѣе такой ничтожной пропорціи дохода.

V.

Общее заключеніе.

Многое хотѣлось бы мнѣ сказать еще о вопросѣ, поднятомъ теоріею Мальтуса. Но и такъ уже слишкомъ много страницъ занято предъидущими разъясненіями; размѣръ книги не дозволяетъ увеличивать число ихъ. Это было бы еще ничего; но къ сожалѣнію есть и другая причина, по которой не могу я довести изслѣдованіе до предѣловъ, какіе бы слѣдовало дать имъ: я уже указалъ эту причину. Я не имѣю теперь тѣхъ знаній, какія были бы нужны для дальнѣйшей разработки вопроса. Предоставляю продолжать дѣло людямъ, образованію которыхъ счастье благопріятствовало

больше, чѣмъ моему, и которымъ оно дало больше чѣмъ мнѣ досуга отъ черной работы. Мнѣ пора кончить.

Побѣдая изслѣдованіе, котораго не хотѣлось бы побѣдять, сдѣлаю очеркъ положенія, въ какомъ теперь остается дѣло.

Мальтусъ оказалъ наугѣ великую услугу, рѣзко выставивъ тотъ фактъ, что на одномъ и томъ же количествѣ земли, при одномъ и томъ же состояніи общественныхъ отношеній и земледѣльческой техники,—словомъ сказать, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, производительность труда одного хлѣбопашца бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше число хлѣбопашцевъ, и наоборотъ, чѣмъ больше общее число хлѣбопашцевъ, тѣмъ меньше производительность труда каждаго изъ нихъ.

Но принявшись за изслѣдованіе съ реакціонною цѣлію, Мальтусъ прекратилъ изслѣдованіе, лишь только показалось ему, что оно привело его къ спеціальной его цѣли, дало ему аргументъ противъ радикальныхъ теорій.

Поэтому вопросъ остался недостаточно изслѣдованнымъ, и выводы Мальтуса оказываются сдѣланными опрометчиво, не соответствующими истинѣ.

Съ какою быстротою стали бы размножаться люди, еслибы нищета не задерживала размноженія, истребляя людей голодомъ, дикими отношеніями, болѣзнями? 25-лѣтній періодъ удвоенія, казавшійся Мальтусу очень возможнымъ, оказывается невозможнымъ по самому устройству человѣческаго организма. Вѣроятно, что наикратчайшій возможный періодъ удвоенія почти на половину длиннѣе этого срока. Люди по самому устройству организма, при полнѣйшемъ благосостояніи, едва ли могли бы размножаться съ быстротою болѣе 2% въ годъ, по періодамъ удвоенія менѣе, чѣмъ въ 35 лѣтъ.

Процентъ рожденій, необходимый для такой быстроты размноженія, при совершенномъ отсутствіи всякой нужды и всякихъ ея послѣдствій,—этотъ процентъ размноженія возможенъ только при чрезвычайной грубости нравовъ, при глубокомъ невѣжествѣ массы, при обычаяхъ, рожденныхъ нищетою. Онъ изнурителенъ для организма женщины, не говоря уже о томъ, что достигается лишь при совершенномъ неуваженіи естественныхъ влеченій женщины.

По мѣрѣ улучшенія общественныхъ отношеній и домашняго быта, процентъ рожденій долженъ уменьшаться безъ малѣйшаго стѣсненія органическихъ влеченій человѣка. Вопросъ состоитъ только въ томъ, какъ высока степень просвѣщенія массы, приводящая къ такому проценту рожденій, который былъ бы едва достаточенъ для покрытія наименьшей смертности, неизбежной по устройству организма при полномъ благосостояніи. Судя по тому, какая огромная часть рожденій производится нынѣ только чрезмѣрною грубостію семейныхъ отношеній и моральныхъ понятій въ массѣ населенія самыхъ передовыхъ странъ, надобно полагать, что при улучшеніи быта массы, даже не очень значительномъ, размноженіе прекратилось бы. Но чтобы опредѣлительнѣе указать эту степень, нужны изслѣдованія, которыхъ мы не могли сдѣлать.

Впрочемъ, каковъ бы ни былъ размѣръ прогресса въ матеріальномъ и умственномъ бытѣ массы, требующійся для приведенія числа рожденій въ

соразмѣрность съ силами и естественными влеченіями женщины,—каковъ бы ни былъ размѣръ этого прогресса, сначала задерживающаго, а потомъ совершенно останавливающаго размноженіе, нынѣшнее положеніе земледѣльческой техники таково, что она въ силахъ на нѣсколько вѣковъ предотвратить при какой угодно быстротѣ размноженія дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ, если только захотятъ заботиться объ этомъ сами люди.

Прогрессію, по которой ослабѣваетъ при размноженіи хлѣбонашцевъ, безъ производства улучшеній, производительность земледѣльческаго труда, Мальтусъ не позаботился опредѣлить сколько нибудь порядочнымъ образомъ и говорилъ о ней точно такъ же опрометчиво, какъ о способности людей къ размноженію. Для основательнаго опредѣленія этой прогрессіи нужна очень многосложная разработка кадастровыхъ и вообще агрономическихкихъ данныхъ по каждой странѣ,—ничего подобнаго не сдѣлано ни Мальтусомъ, ни его послѣдователями. При такой неизвѣстности предмета до сихъ поръ, нельзя сказать ничего положительнаго о размѣрѣ улучшеній, какой требовался бы дѣйствительно для покрытія дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ или для уравновѣшенія этого продукта съ потребностями размножающагося населенія. При нынѣшнемъ состояніи свѣдѣній видно только, что прогрессія уменьшенія производительности, представлявшаяся сбивчивому взгляду Мальтуса на этотъ предметъ, несравненно сильнѣе всѣхъ дѣйствительныхъ прогрессій (различныхъ для разныхъ странъ), а потому и размѣръ земледѣльческихъ улучшеній, требуемыхъ на покрытіе дефицита, въ дѣйствительности гораздо меньше того, какой представлялся Мальтусу. Для разныхъ странъ этотъ дѣйствительно требующійся размѣръ улучшеній, конечно, различенъ, но различію пропорцій между пространствами земель разной степени плодородія и разной затруднительности обращенія неудобныхъ земель въ удобныя. Но составленное наобумъ понятіе Мальтуса объ этомъ предметѣ предполагаетъ нужнымъ размѣръ улучшеній, какого, конечно, не нужно ни въ одной странѣ.

Однако же, взявъ даже тотъ размѣръ улучшеній, какой слѣдуетъ изъ преувеличенныхъ понятій Мальтуса, мы находимъ, что человѣку было бы вовсе не трудно производить улучшенія и въ этомъ размѣрѣ, далеко превышающемъ норму дѣйствительной надобности. Такъ, напримѣръ, мы нашли, что если общество имѣетъ $\frac{1}{5}$ часть людей, занятыхъ убыточными производствами или ничѣмъ не занятыхъ, то обращеніемъ этихъ людей къ производству земледѣльческихъ улучшеній оно отвратило бы отъ себя всякій недостатокъ продовольствія до той поры, пока вся страна не была бы воздѣлана съ такимъ совершенствомъ, примѣромъ которому теперь могъ бы служить развѣ только уходъ за цвѣтами, растущими въ оранжереяхъ,—люди, не встрѣчая недостатка въ продовольствіи, могли бы размножаться до такого числа, для продовольствія котораго потребовалось бы возведеніе земледѣлія выше степени совершенства, по громадной затратѣ основнаго капитала, соотвѣтствующаго оранжерейному дѣлу. А въ каждой цивилизованной странѣ число людей, занятыхъ убыточными производствами или ничѣмъ не занятыхъ, составляетъ, конечно, пропорцію больше чѣмъ въ 20% сравнительно съ числомъ хлѣбонашцевъ.

Поэтому, ни въ одной изъ цивилизованныхъ странъ земледѣльческiй дефицитъ не происходитъ отъ законовъ внѣшней природы. Напротивъ, причины его находятся въ человѣческихъ отношенiяхъ. Мы коснулись двухъ изъ этихъ отношенiй. Земледѣльческое улучшенiе, подобно всякому другому техническому улучшенiю, состоитъ, главнымъ образомъ, въ увеличенiи основнаго капитала. Мы видѣли у Милля, что основной капиталъ не можетъ безъ вреда для нациi возрастать и обыкновенно не возрастаетъ иначе какъ обращенiемъ въ капиталъ прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отдѣляются фактически отъ рабочей платы, обращаются въ капиталъ не иначе, какъ въ тѣхъ случаяхъ, если процентъ дохода представляетъ достаточную привлекательность для человѣка, желающаго жить не рабочею платою, а доходомъ съ капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращенiю прибыли и ренты въ капиталъ, различна въ разныхъ странахъ; но не бывало никогда примѣровъ, чтобы она спускалась ниже 2⁰/₁₀₀—обыкновенно стоитъ она гораздо выше даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Между тѣмъ, для нациi была бы выгодна затрата капитала на земледѣльческiя улучшенiя для покрытiя дефицита въ продуктѣ, хотя бы доходъ составлялъ несравненно меньшую, въ нѣсколько десятковъ разъ меньшую пропорцию къ затраченному капиталу. Такимъ образомъ, очень часто можетъ представляться для нациi надобность въ земледѣльческихъ улучшенiяхъ, которыя давали бы на затраченный капиталъ гораздо меньше дохода, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по величинѣ дохода отъ нея для людей, живущихъ рентою или прибылью, а не рабочею платою. Въ такихъ случаяхъ рента и прибыль не обращаются въ капиталъ, а потребляются непроизводительнымъ образомъ, и остаются не произведены тѣ земледѣльческiя улучшенiя, какiя были бы нужны для предотвращенiя дефицита въ земледѣльческомъ продуктѣ.

Въ этомъ заключается одна изъ причинъ недостаточности земледѣльческаго продукта на прокормленiе размножающагося общества. Другою служитъ та повсемѣстная черта прогресса, при существующихъ экономическихъ отношенiяхъ, что пропорциа хлебопашцевъ въ составѣ населенiя уменьшается. Покупательная сила, распредѣляющая работниковъ по разнымъ занятiямъ, сама распредѣляется такъ, что при успѣхахъ цивилизации число работниковъ, занятыхъ убыточными для общества производствами, возрастаетъ быстрѣе числа работниковъ, занятыхъ выгодными для общества производствами и въ особенности быстрѣе, чѣмъ число хлѣбопашцевъ. Значительная часть людей, прибывающихъ естественнымъ размноженiемъ къ числу хлѣбопашцевъ, выходитъ изъ этого сословія, а изъ другихъ сословiй почти никто не переходитъ къ нему. Между тѣмъ, размѣръ улучшенiй, требуемыхъ на уравновѣшенiе этой убыли въ пропорции хлѣбопашцевъ, возрастаетъ по прогрессии, несравненно быстрѣйшей, чѣмъ идетъ цифра самой убыли, и даже при не очень значительной прогрессии уменьшенiя пропорции хлѣбопашцевъ въ составѣ населенiя, недочетъ въ продуктѣ требуетъ уже размѣра улучшенiй, далеко превышающаго дѣйствительный ходъ ихъ.

Когда мы примемъ въ соображенiе силу этихъ двухъ обстоятельствъ,

мы увидимъ, что дефицитъ въ земледѣльческомъ продуктѣ дѣйствительно неизбѣженъ, какъ и говорилъ Мальтусъ; только не такъ, какъ говорилъ онъ, происходитъ этотъ дефицитъ,—не отъ законовъ природы происходитъ онъ въ цивилизованныхъ обществахъ, а просто отъ этихъ обстоятельствъ, и неотвратимъ при ихъ существованіи, хотя бы размножалось населеніе, хотя бы не размножалось. Могутъ ли быть устранены изъ общественной жизни дальнѣйшими успѣхами цивилизаціи сами эти обстоятельства, неотвратно производящія дефицитъ, пока существуютъ,—это иной вопросъ, относящійся уже не къ теоріи производства, а къ теоріи распредѣленія. Но пока они существуютъ, остаются въ полной силѣ дѣйствія надъ обществомъ тѣ выводы мальтусовой теоріи, которые ни мало не оправдываются теоріею производства. Пока существуютъ эти обстоятельства, масса не можетъ выбиться изъ нищеты съ ея послѣдствіями, и лучше массѣ не размножаться, какъ и совѣтовалъ Мальтусъ. Жаль только, что совѣтъ Мальтуса неудобоисполнимъ по своему противорѣчію съ человѣческой природой. Человѣкъ не можетъ передѣлать своего организма; потому думать людямъ слѣдуетъ не о передѣлкѣ своего организма, по совѣту Мальтуса, а развѣ о томъ, не могутъ ли быть отношенія между людьми устроены такъ, чтобы соответствовать потребностямъ человѣческой натуры. Вотъ выводъ, которымъ наутетствуетъ насъ теорія производства, когда мы обращаемся къ изученію теоріи распредѣленія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.